

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

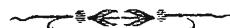
ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГODЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ.

ТОМЪ LXXXIV.

1904 Г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Імператорскаго Університета Св. Владимира
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.

1904.

СОДЕРЖАНИЕ.

~~~~~

Отдѣлъ I.

I. ПРИХОДСКИЯ ШКОЛЫ ВЪ СТАРОЙ МАЛОРОССИИ И ПРИЧИНЫ ИХЪ УНИЧТОЖЕНИЯ. <i>И. Ф. Павловского</i>	1—40
II. КАКАЯ РОЛЬ „ВОЗЬНОГО“ ВЪ „НАТАЛІКЪ-ПОЛТавкѣ“? <i>А. Русова</i>	41—64
III. ОМЕЛЬКО ПАЦЮКЪ НА КУРОРТИ. (Оповидання). <i>Богдана Степанца</i>	65—122
IV. ПОЭЗІЯ Н. О. ЧЕРНЯВСКАГО. <i>Н. О. С.</i>	123—134
V. СЕЛО КУРЕНЬ И ЕГО СТАРИНА. Діакона <i>И. Егорова</i>	135—140
VI. ТОРЖЕСТВО УКРАИНСКОЙ ПѢСНИ. <i>С. Ефремова</i> .	141—155

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Просьба подполковника Пугачевского о перенесеніи его фамиліи. Сообщ. <i>И. Ф. Павловскій</i> ; б) Современная переписка о землетрясении въ Малороссії 14 окт. 1802 года. Сообщ. <i>И. Ф. Павловскій</i> ; в) Два письма гр. Румянцева-Задунайского къ кievскому оберъ-коменданту Я. В. Ельчинову; г) Изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. <i>А. Мѣрдер</i> ; д) Музей И. П. Котляревскаго; е) Письмо въ редакцію <i>Д. И. Эварницкаго</i> ; ж) Колядки. Сообщ. <i>А. Греначевскій</i> ; з) Къ юбилею Н. В. Лисенка	1—14 14—26
ІІ. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Отчетъ „Благотворительного Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ“. <i>В. Поточнаго</i> ; б) Підеша. Восток і Запад. Повість. <i>В. Д.</i> ; в) 1. Григорій Цеглинський. Кара совісти. Народня драма въ V діяхъ, и 2. Олекса Бобикович. „НастояЩі“. Комедія в одній дії. <i>В. Д.</i> ; г) А. Л. Суходольскій. „Помста“, або „Загублена доля“, драма въ 4 діяхъ и „Хмара“, др. въ 5 діяхъ. <i>В. Д.</i> ; д) Обзоръ журналовъ конца прошлого и начала текущаго года; е) Ізвѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	27—48
ІІІ. ПРИЛОЖЕНІЕ: Бібліографіческий ук. затель музыкальной и литературной дѣятельности Н. В. Лисенка. (1868—1903 гг.). Сост. <i>М. Комаровъ</i>	1—25

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ.

ТОМЪ LXXXIV.

1904 г.

ЯНВАРЬ.

КІЕВЪ

Типографія Імператорського університета св. Владіміра
Акц. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская, № 6.

1904

Дозволено Цензурою, Кіевъ 23 декабря 1903 г.

Приходскія школы въ старой Малороссии и чинъ ихъ уничтоженія

Въ 1802 году въ Россіи учреждено министерство народнаго просвѣщенія, начавшее свою дѣятельность съ составленія программы, или «предварительныхъ правилъ», утвержденныхъ 24 января, 1803 года. Этой программой, какъ извѣстно, было установлено четыре типа школъ: а) училища приходскія, б) уѣздныя, в) губернскія, или гимназіи и г) университеты. Послѣдніе три рода учебныхъ заведеній, хотя и въ весьма ограниченномъ числѣ, существовали въ имперіи и до того времепи. Что же касается до приходскихъ училищъ, назначавшихся для сельскаго населенія, то въ ихъ учрежденіи впервые выразилась правительственная заботливость о наслажденіи въ Россіи собственно народнаго образования. Означенными министерскими правилами предписывалось въ каждомъ приходѣ имѣть приходское училище или, въ крайнемъ случаѣ, два смежныхъ прихода должны имѣть одну общую школу. Если такія школы устраивались въ казенныхъ селеніяхъ, то наблюденіе надъ ними поручалось приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ гражданъ; въ помѣщичьихъ же селеніяхъ учрежденіе приходскихъ школъ предоставлялось, какъ сказано въ 4 пункте «правилъ», «просвѣщеніей и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ». Общий же надзоръ за этими школами, главнымъ образомъ за учебною частью, возлагался на смотрителя мѣстнаго уѣзднаго училища. Согласно § 8,

Томъ 84.—Январь, 1904.

эти смотрители должны были располагать помѣщиковъ къ оказанию пособій школамъ въ ихъ имѣніяхъ и въ нужныхъ случаяхъ могли обращаться за содѣйствіемъ по этому предмету къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства. Вообще въ «правилахъ» пѣть определеныхъ указаний, на какія именно средства предполагалось завести приходскія училища; но пункту же 42, рѣшеніе этого вопроса «предоставлялось учинить впредь по соображенію мѣстныхъ обстоятельствъ и удобностей».

Въ приходскихъ училищахъ дѣти должны были обучаться чтенію, письму и первымъ дѣйствіямъ по ариѳметикѣ; кроме того, требовалось «наставлять учениковъ въ главныхъ началахъ закона Божія, въ благоправіи, въ обязанностяхъ къ государю, начальству и ближнему, и вообще простымъ, яснымъ и состоянію учащихся соответственнымъ образомъ стараться дать имъ правильное понятіе о венцахъ».

Такъ какъ определенный контингентъ учителей для этихъ школъ пока еще отсутствовалъ, то министерству не оставалось иного выхода, какъ привлечь къ народному учительству единственно пригодный для того классъ — духовенство. Помимо того, что приходскимъ священникамъ поручено было ближайшее наблюдение за вновь учрежденными школами, «предварительныя правила» прямо признавали желательнымъ, чтобы священники и церковно-служители сами исправляли учительскую должность, «толь соответственную ихъ званію, о чемъ святѣйшій синодъ и долженъ пещись», чтобы въ непр продолжительномъ времени «сіе произведено было въ дѣйствіе безъ малѣшаго отягощенія какъ для священниковъ, такъ и прихожанъ».

Такъ предполагалось организовать начальное обученіе при первомъ министрѣ народнаго просвѣщенія, графѣ Н. В. Завадовскомъ, по инициативѣ котораго и были составлены означенныя «правила». Само собою разумѣется, что этотъ уточніческій планъ повсемѣстнаго учрежденія въ имперіи приходскихъ школъ безъ всякихъ затратъ со стороны государства, безъ определеныхъ учителей, въ расчетѣ на самодѣятельность прихожанъ, «благонамѣренную попечительность» помѣщиковъ и да-

ровой трудъ приходского духовенства, заранѣе обречень бытъ на полное фiasco, какъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Но то бытъ вѣкъ сентиментализма не только въ литературѣ, по и въ политикѣ, когда вѣрили въ магическую силу гуманныхъ принциповъ, провозглашенныхъ съ высоты трона, когда даже такой сложный политico-социальный вопросъ, какъ уничтоженіе крѣпостного права, мечтали разрѣшить посредствомъ призыва къ просвѣщенной благонамѣренности помѣщиковъ въ надеждѣ, что они изъ чувства человѣколюбія станутъ отпускать на волю своихъ крестьянъ¹⁾. Точно также и въ дѣлѣ образования народныхъ массъ правительство полагало, что достаточно его призыва къ этому общеполезному дѣлу, и тѣ же помѣщики станутъ устраивать школы для своихъ крѣпостныхъ, а духовенство не откажется безвозмездно взять на себя трудъ учительства.

Къ числу такихъ благородныхъ мечтателей-идеалистовъ принадлежалъ тогдашній малороссійскій генераль-губернаторъ князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, человѣкъ весьма просвѣщенный, одинъ изъ видныхъ дѣятелей масонскаго движенія, гонимый за то при Екатеринѣ II и реабилитированный лишь императоромъ Павломъ I. Поставленный въ 1802 г. во главѣ управлениія двумя малороссійскими губерніями (полтавской и черниговской), кн. Куракинъ оказался заботливымъ, справедливымъ и просвѣщеннымъ администраторомъ и въ короткое время пріобрѣлъ всеобщее расположение въ краѣ и вполнѣ заслужилъ, тѣ простодушныя похвалы, какими осыпалъ его авторъ «Энеиды», И. Н. Котляревский въ извѣстной мэлороссійской «Одѣ». Все, что клонилось къ культурному развитію и благосостоянію управляемыхъ имъ губерній—заботы о шелководствѣ и садоводствѣ, о разысканіяхъ каменного угля, ртутной руды, минеральныхъ источниковъ, о раз-

¹⁾) Такіе примѣры бывали изрѣдка. Въ 1811 г. полтавскій помѣщикъ Сахновскій далъ вольную своимъ крѣпостнымъ, за что высочайше бытъ пожалованъ орденомъ св. Владимира 3 ст., который по-вѣльно было генераль-губернатору вручить ему, при особомъ рескрипти, въ собраніи дворянъ.

работкъ торфа и т. под., — все это неизмѣнило встрѣчало въ просвѣщенномъ генералъ-губернаторѣ живѣйшій интересъ и энергичную поддержку и покровительство¹⁾. Тѣмъ съ большинствомъ сочувствіемъ онъ долженъ былъ отзваться на призывъ правительства о содѣйствіи дѣлу народнаго образованія.

Не входя въ критическую оцѣнку того, насколько осуществимъ планъ министерства относительно созданія изъ ничего цѣлыхъ тысячи приходскихъ школъ, кн. Куракинъ, со свойственнымъ ему увлеченіемъ и настойчивостью, занялся этимъ дѣломъ, какъ предметомъ первостепенной важности, всѣми мѣрами побуждая къ тому дворянъ, чиновниковъ, духовенство, требовалъ усерднаго содѣйствія со стороны подвѣдомыхъ ему лицъ и учрежденій и, встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, не опускалъ руку даже и въ то время, когда самъ министръ Н. В. Завадовскій пришелъ къ печальному заключенію относительно преждевременности задуманнаго имъ дѣла. Эти благородныя усиленія друга просвѣщенія, независимо отъ достигнутыхъ результатовъ, сами по себѣ заслуживаютъ того, чтобы отмѣтить ихъ въ исторіи края, что и составляетъ предметъ настоящаго очерка, составленнаго на основаніи новыхъ матеріяловъ, извлеченныхъ нами изъ архива полтавскаго губернскаго правленія.

I.

Надобно замѣтить, что для Малороссіи вопросъ о народныхъ школахъ вовсе не являлся новостью, какъ для иныхъ частей имперіи. Приходскія училища, о заведеніи которыхъ хлопотало теперь министерство, повсемѣстно существовали еще въ XVIII вѣкѣ; по имѣющимся за 1740—48 гг. статистическимъ данными видно, что почти въ каждомъ городскомъ и сельскомъ

¹⁾ См. рядъ нашихъ замѣтокъ въ «Кіев. Старинѣ» въ X, XI и XII книгахъ за 1901 г., а также «Полтава въ началѣ XIX столѣтія» въ «Кіев. Стар.» 1902 г. и отдельно.

приходъ находилась отдельная школа. Ни гетманское правительство, ни епархиальная власти не участвовали въ создании этихъ скромныхъ разсадниковъ грамотности и кое-какого образования: они были созданы самимъ ходомъ культурной жизни страны, подъ влияниемъ просвѣтительшаго движения, начатаго церковными братствами еще въ эпоху борьбы за вѣру и народность и затѣмъ поддерживаемаго образовательнымъ вліяніемъ высшаго училища въ краѣ—кіевской академіи.

Ревизскія полковыя книги первой половины XVIII в. показываютъ, что въ 1740—48 г. въ семи полкахъ старой Малороссіи было 866 школъ и онѣ распредѣлялись слѣд. образомъ: въ ижилскомъ полку было 217, въ лубенскомъ 172, въ черниговскомъ 154, въ Переяславскомъ—119, въ полтавскомъ—98, въ прилуцкомъ 69 и въ миргородскомъ 37. О полкахъ—стародубскомъ, кіевскомъ и гадячскомъ свѣдѣнія утеряны, а Украина лѣваго берега Днѣпра раздѣлена была, какъ известно, на 10 полковъ. Всѣхъ городовъ въ 7 поименованныхъ полкахъ было 35, мѣстечекъ 61, сель 792, деревень 206 и слободокъ 11.

Сопоставляя эти данныя съ числомъ школъ, нельзя не видѣть, что почти во всѣхъ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ, где были приходы, были и школы¹⁾. Приходы встарину были малолюднѣе нынѣшихъ и потому пропорциональное отношеніе тогдашнихъ школъ къ числу населенія едва ли не было болѣе благопріятнымъ, чѣмъ такое отношеніе нынѣшихъ земскихъ и даже церковно-приходскихъ школъ²⁾. Въ Слободской Украинѣ (съ 1835 г.—харьковская губ.) были также школы, по много меньше. По переписи 1732 г. упоминаются слѣд. школы: около Харькова, въ Куряжѣ, при соборной церкви двѣ школы, изъ которой въ одной было три наставника; въ самомъ Харьковѣ при Троицкомъ храмѣ, кромѣ богадѣльни, была школа съ 7 учителями; въ селѣ

¹⁾ А. Лазаревскій. Школы въ XVIII в. Основа, 1862, май 82—89 стр.

²⁾ О. Левицкій. Очерки нар. жизни въ Малороссіи, стр. 280.

Дергачахъ--школа и шпиталь, а также въ селахъ Новой Водолагѣ, Рогозникахъ etc. Всѣхъ школъ было 45. Школы въ Малороссіи находились при церквяхъ и назывались именемъ того праздника или святого, которому посвящена мѣстная церковь; напр. нѣжинскія школы именовались: николовскою, успенскою, святоникольскою и т. д. Строился храмъ, и при немъ строилась изба, называемая «школой», гдѣ обыкновенно жилъ дьячокъ, «папъ-дякъ», какъ его называли прихожане. Въ XVIII вѣкѣ причтъ церковный состоялъ изъ священника и дьяка; пономарей не было до введенія штатовъ, а дьяконы были рѣдки. Попомарскія обязанности исполняли «школьы и молодики», обучавшіеся и обучавшіе въ школѣ. Дьякомъ въ то время могъ быть всякий, не было подобности принадлежать къ духовному званію, что сдѣлалось обязательнымъ лишь со времени введенія въ Малороссіи церковныхъ штатовъ въ 1786 году, точно опредѣлившихъ число причетниковъ при каждой церкви. Дьякъ избирался приходомъ, громадой, за «добрый гласъ»; за званіе церковной службы и за умѣніе вести службу «благолѣпо и благочинно». Къ этому пану-дьяку общество предъявляло и педагогическія требования; онъ долженъ былъ умѣть преподавать въ школѣ, и потому его называли «панъ бакаларь», а какъ начальникъ школы онъ назывался «панъ-директоръ». На основаніи древняго обычая южно-русскихъ причтовъ приготовлять для своей церкви служителей, изъ которыхъ выходили дьячки и потомъ священники, въ Малороссіи въ XVIII в. при каждой приходской церкви обучались мальчики, по преимуществу сироты, безпрѣютные, которымъ и поручали разныя обязанности при богослуженіи. Эти школьники жили въ церковныхъ домахъ и помогали дьячу въ церкви и при совершенніи утребъ. Вмѣстѣ съ дякомъ, они принимали участіе въ колядованіи, въ пѣніи духовныхъ гимновъ, виршъ и т. д. Старшій изъ нихъ назывался «подыачимъ», т. е. помощникомъ дяка, другіе назывались клиросниками, псаломщиками. Изъ нихъ и избирались настоящіе дяки. Многимъ приходилось оставаться въ званіи «школьниковъ и молодиковъ» до весьма почтеннаго возраста, на что указываетъ вѣдомость города Прилуки за 1765 годъ.

Въ этой вѣдомости приведенъ списокъ мѣстныхъ школьніковъ. Оказывается, что въ 4 приходскихъ школахъ ихъ было 18, по возрасту же они распредѣлялись такъ: 6 изъ нихъ имѣли отъ 12 до 20 лѣтъ, четыре отъ 20 до 30 л. и 8 отъ 30 до 39 лѣтъ. Изъ этихъ школѣ выходили не одни церковно-служители, но и вообще грамотные люди, достигавшіе впослѣдствіи виднаго общественнаго положенія. Таковъ былъ, напр., извѣстный Петрикъ, претендовавший на гетманское достоинство. Когда онъ въ 1692 году подступилъ съ ордой и запорожцами къ границамъ полтавскаго полка, то Мазепа отправилъ къ нему укорительное письмо, въ которомъ говорилось: «всѣ мы знаемъ, же батько твой жебракъ (нищій) есть, въ городѣ нашемъ въ Полтавѣ мешкаль, а ты, въ школѣ, межъ пицими валяючися и по-подъ окнами нашими ходячи, окружками выкормился»¹⁾. Петрикъ точно былъ воспитникомъ одной изъ полтавскихъ школъ, гдѣ онъ настолько «выпольоровался», т. е. образовался, что могъ занять должность старшаго канцеляриста въ генеральнай канцеляріи. «Школьніи выростки», или «молодики», какъ ихъ называли, не были только учениками школы, но и сами занимались обученіемъ. Если это имѣло надобія, то они бросали обученіе и принимались за другое. «Это была пицая, убогая братія»—говорить О. И. Левицкій,— способная даже на воровство, и если у кого-либо изъ нихъ оказывались сколько-нибудь значительныя деньги, то это возбуждало недобрья подозрѣнія. Учились ли и сами эти «выростки школьніи» чему-нибудь, трудно сказать; если и учились, то развѣ дѣячковскому искусству подъ руководствомъ «дидаскала», который, конечно, быть опытнымъ псаломщикомъ²⁾. Это была вольная артель особаго рода ремесленниковъ, промышлявшихъ учительствомъ и дѣячковствомъ. Ихъ называли «мандрowanymi дѣяками», т. е. странствующими. Сохранилась автобіографія одного изъ такихъ дѣяковъ—Илія Турчиновскаго. Его странствованіе напол-

¹⁾ Лѣтонісъ Величка, т. III, стр. 114.

²⁾ О. Левицкій: „Очеркъ народной жизни въ Малороссіи въ XVII ст., стр. 286.

иено приключениями и прекрасно характеризует этот интересный типъ странствующаго учителя и вмѣстѣ церковника. Жизнь этого мандрованнаго дьяка рисуетъ намъ права и бытъ тогдашнихъ дьяковъ, вообще отличавшихся, по словамъ П. И. Житецкаго, «продерзостью и отвагой, управляемой голодомъ, и выносливостью въ испытаніяхъ всякаго рода»¹⁾.

Такова была старинная малорусская школа и ея оригинальные «дидаскалы». По мнѣнію О. И. Левицкаго, этотъ своеобразный типъ школы заимствованъ съ Запада: нѣмецкіе *vagi scholares*, бокханты и польскіе *губальти*—это тѣ же наши «мандрованные дьяки»²⁾. Такая школа могла возникнуть и существовать, прежде всего, благодаря тому, что въ Малороссіи существовало выборное начало въ замѣщеніи церковныхъ должностей и отношеніе между священно-церковнослужителями и приходомъ опредѣлялось договоромъ. Была и другая причина, благопріятствовавшая существованію «мандрованныхъ дьяковъ». Это право свободнаго передвиженія, которыми пользовались всѣ классы населения въ Малороссіи, начиная отъ высшаго и кончая подданными, т. е. ненасолитыми крестьянами³⁾.

Этихъ мандрованныхъ дьяковъ называли въ наспѣшку «пиворѣзами». Получили они это название, какъ надо думать, отъ пристрастія къ пиву. П. И. Житецкій приводить интересные отрывки изъ одной интерлюдіи XVIII ст., рисующей этихъ дьяковъ—пиворѣзовъ. Интерлюдія начинается монологомъ одного пиворѣза, раздумывающаго, куда бы ему отправиться: въ Березну, или въ Коропъ. Въ Коропъ его хорошо знаютъ и будутъ рады его появлению. Въ эту минуту является другой пиворѣзъ, и вотъ между ними завязывается разговоръ:

¹⁾ Автобіографія Турчиновскаго напечатана въ „Кіев. Старинѣ“ 1885 г. февраль. См. также книгу П. И. Житецкаго—„Мысли о душахъ“, стр. 46—48.

²⁾ «Очерки народной жизни въ Малороссіи», стр. 287.

³⁾ Харьков. календарь; разборъ проф. Багалѣя «Кіев. Старина», 1885 г., мартъ, 552—558 стр.

Якъ колись на мѣсцѣ бували,
 То до мене всѣ странини въ школу приходжали.
 Ми, бувало, всіого по достатку маемъ,
 И хто прійдеть къ намъ въ школу, любезно
     вгощаємъ.

Веліє бяше число у насъ горѣлицѣ,
 Нолни чванцы текущи зъ-підъ трубої криницы;
 И всего, слава Богу, бяше по достатку,
 Що у людей, то и въ насъ—всікого статку;
 Да и теперъ богати: маемъ воли и телицы,
 Иже купно мандрують по стынѣ къ трубницѣ».

— Не хвалѣтесь,—отвѣчаѣтъ своему собрату первый циворѣзъ:

« бо и мы блоничного рода,
 Маемо по достатку и всякого плоду
 Довольствуемъ же зѣло, что хлѣба нѣ куса,
 Все ходачи по школѣ справляемо труса,
 Погрясны кучерамы, да спаты лѣгаемъ,
 А уставши раненко, бражку подливаемъ».

Далѣе эти циворѣзы спрашивають другъ у друга, куда кто идетъ. Первый заявляєтъ, что хотѣлъ бы пойти въ Березину, но боится, и объясняетъ почему:

« бо построивъ штуки,
 Такъ щобъ не попастися иротопопѣ въ руки».

Оба порѣшили идти вмѣстѣ въ Коропъ, но задумали прежде спять портреты другъ съ друга. Въ это время къ нимъ приходитъ мужикъ, пожелавшій также, чтобы и съ него сняли портретъ.

« Добрѣ, мы служить охочѣ,
 Отмалюемъ усіого, только заплющъ очи.

Мужикъ повиновался, и пиворѣзы размалевали ему все лицо; при чёмъ одинъ изъ нихъ сожалѣлъ, что мужику

« не залѣнивъ рота:
Якъ пїйде до громады да войту искаже,
То й намъ кіями ктиторъ пекарню помаже¹⁾.

Но среди этихъ безшабашныхъ скитальцевъ, прожигателей жизни, попадались и такие, которые, вмѣстѣ съ семинаристами, приглашались въ дома зажиточнаго шляхетства, въ качествѣ домашнихъ наставниковъ. Состоя «на кондїцї», они назывались инспекторами. Желавшій получить такого наставника обращался обыкновенно къ архіерею и при этомъ опредѣлялъ свои требования и условія, на какихъ желалъ имѣть наставника. «Ваше пресвященство—писалъ одинъ изъ такихъ просителей: миѣ нуженъ учитель учить дѣтей грамматикѣ, риторикѣ, поэзіи; жалованья ему десять или пятнадцать рублей и одѣжда»²⁾.

Чему же учили въ старииной приходской школѣ? Обученіе обыкновенно начиналось съ «граматики»—букваря и затѣмъ изучали часословъ, псалтырь—две основныхъ богослужебныхъ книги, учили также и письму. Вотъ вся программа этой школы. Букварю учили съ указкой и иногда нагляднымъ способомъ. «Учили, рассказываетъ Крыжановскій, съ указкой и надо было викрикивать: Азъ, Буки, Вѣди, Глаголь и т. д. Придумывали и позы для изображенія буквъ. Дѣячекъ подбоченится, выпрямится—стать Ферть; подниметь руки вверхъ,—выходитъ Иси, опустить ихъ—это Іша; протянеть одну руку вверхъ, другую внизъ па откосъ—вотъ и Хѣръ; опустить руки, разставить ноги—вотъ и Люди». Наглядность эта такъ занимала учениковъ, что она служила и дома для нихъ игрой³⁾. Ознакомившись съ главными богослужебными книгами, надо было изучить всѣ церковные напѣвы

¹⁾, Житецкій, «Мысли о думахъ», 48—51 стр.

²⁾ Данилевскій, „Украинская Старина“, т. 21, стр. 13.

³⁾ Крыжановскій, Сочин., т. I, 561—562 стр.

и обязательно—восемь гласовъ на «Господи воззвахъ», восемь гласовъ на «Богъ Господъ и явися намъ» и столько же гласовъ на ирмосы. Помимо этого, надо было изучить пѣніе «самогласное», т. е. тѣ же псалмы и ирмосы на особый голосъ, и «подобное», т. е. пѣніе двойного текста на одинъ и тотъ же голосъ. Пѣніе церковное для этихъ школьнниковъ было очень важно, оно могло выдвинуть школьнера въ будущемъ, дать ему мѣсто дьяка, а то могло помочь «выдринуть и на поца», какъ выражались въ то время. Неизбѣжными спутниками обученія въ школѣ были побои и тѣлесное наказаніе, безъ котораго въ то время казалась немыслимой возможность и самаго обученія. Въ малорусской литературѣ сохранилась вирша, прекрасно рисующая эти побои:

Казавъ мени бокалляръ промовыты: Азъ, Азъ,
А якъ же я не вымовывъ, винъ по пыци: разъ, разъ!
Крыкнувъ же винъ у друге: А ну, кажы: «Букы»
Ой це жъ бо я не вымовывъ—попавъ въ ёго руки.
Крыкнувъ дали въ третій разъ, щобъ вымовывъ: «Виде»,
А вже жъ ёго жвава рука по чуприни иде.
Ой якъ сказавъ у четверте: вымовляй: «Живите»,—
Ну те жъ, хлощи, заразъ ёго на лавку кладите!
И просыvся и молывся, а ще бильшъ злякався,
Бо задали таку хlostу, що й свита цурався¹⁾.

Помимо того, что были при самомъ обученіи, были установлены «субботники», т. е. расплата по субботамъ за лѣни и шалости въ теченіе недѣли. Это учрежденіе очень древнее, оно встрѣчается впервые въ уставѣ Луцкой братской школы 1624 г., гдѣ читаемъ: «по субботамъ дидаскалъ маєть дѣтамъ и памятного не боронити, но чаши школьнай испити». Эти «субботники», какъ известно, очень привились къ русской школѣ и уничтожены сравнительно недавно, незадолго до крестьянской реформы. О

¹⁾ Житецкій. Мысли о думахъ, 41—42 стр.

наступлениі этой субботы, когда школьники должны были отдать отчетъ за цѣлую недѣлю, дьячокъ предупреждалъ наканунѣ: «Завтра день святой, нужно каждому очиститься», — говорилъ онъ. Наступаетъ суббота. Дьячекъ читаетъ проступки каждого изъ учениковъ своихъ. «Ложись!» — заканчиваетъ дьячокъ; ложились на скамью и получали удары не розгами, а линейками. Бывали случаи, что не щадили и хорошаго ученика. Подойдеть «дядя» (такъ называли школьнаго дьячка) и говорить: «Ты учился хорошо, не шалилъ, а все-же что-нибудь сдѣлалъ или думалъ нехорошее и чѣмъ-нибудь согрѣшилъ — нужно очиститься наказаниемъ» и затѣмъ слѣдовало роковое: «ложись». Отбывши наказаніе, падо было поцѣловать дядю и сказать: «спасибо за науку», на что дядя отвѣчалъ: «Богъ тебѣ да поможетъ, съ Богомъ пройдешь всякую науку»¹⁾.

Интересны цѣны за обученіе, какія брали дьячки въ XVIII ст. За выучку букваря плата была отъ 50 к. до 1 р., а въ Кременчугѣ брали 2 р. За обученіе часослову отъ 1 до 2 р., а въ Кременчугѣ отъ 3 до 4 р. Изученіе псалтири цѣнилось еще дороже: въ большинствѣ школъ брали 2 р., въ Переяславѣ цѣна доходила до 4 р., а въ Кременчугѣ до 5 р. Цѣна опредѣлялась безъ обозначенія времени, а за выучку, только въ константино-градскомъ уѣздѣ плата была годовая, отъ 4 до 5 р.

Должны мы, впрочемъ, оговориться, что плата эта существовала въ 1803 г., а въ XVIII стол. она была, несомнѣнно, меныше²⁾.

Таковы были школы въ Малороссіи въ XVIII столѣтіи. Несомнѣнно, что это были очень скромные разсадники просвѣщенія, но и въ этомъ несовершенномъ видѣ, въ какомъ онъ просуществовали въ Малороссіи въ XVII и XVIII стол., культурно-историческая заслуга ихъ неоспорима. Но школы эти, начиная съ конца XVIII столѣтія, начинаютъ постепенно исчезать. Гдѣ же причина этого, несомнѣнно, очень грустнаго явленія? Заботы пер-

¹⁾ Крыжановскій, т. I, 562—563 стр.

²⁾ Арх. Полт. Губ. Правл. по описи № 247. донесенія городничихъ и нижнихъ земскихъ судовъ.

ваго малороссійского генералъ-губернатора кн. А. Б. Куракина о насажденіи приходскихъ школъ въ Малороссії вызвали съ его стороны желаніе узнать что-либо объ этихъ школахъ, и вотъ эти данные, сохранившіяся въ архивѣ полтавскаго губернскаго правленія, и раскрываютъ памъ причину ихъ исчезновенія.

II.¹⁾

Князь Куракинъ, получивъ «предварительныя министерскія правила», предписалъ черниговскому губернатору барону ф. Френсдорфу и полтавскому—А. Б. Сонцеву донести ему, какія и гдѣ существуютъ въ ихъ губерніяхъ школы и въ какомъ онѣ состояціи. «И за скоростію времени, писалъ имъ князь, и по многочисленности занятій, вдругъ меня встрѣтившихъ, не удалось мнѣ основательнѣйшимъ образомъ узнать, полюбопытствовать и посмотретьъ, какъ слышу я здѣсь, весьма издревле существовавшихъ приходскихъ училищъ, разумѣется кромѣ тѣхъ, кои извѣстны подъ именемъ народныхъ; есть-ли дѣйствительно сего рода школы въ губерніи полтавской и черниговской и попынѣ находятся, я бы желалъ знать и особенно о томъ прошу ваше прев-во не оставить безъ попечительного надзрѣнія вашего, дабы оныя приведены были въ возможный порядокъ. Поелику здѣсь есть предположеніе откомандировать одного члена отъ комиссіи народнаго просвѣщенія училища сіи обозрѣть, слѣдовательно и доставится намъ обоюдное удовольствіе, буди при сей ревизіи и сіи заведенія найдены будутъ въ желаемомъ совершенствѣ, какъ и всѣ прочтія; я надѣюсь, что по предмету сemu не оставите вы меня вашимъ извѣщепіемъ». Это предложеніе князь прислалъ изъ Петербурга въ мартѣ мѣсяцѣ, вскорѣ послѣ утвержденія «предварительныхъ правилъ»²⁾.

¹⁾ Глава эта составлена исключительно по архивнымъ даннымъ полтав. г. правленія, по описи № 153, 1803 г. и № 247, 1805 года.

²⁾ Арх. полт. губ. правленія № 153, есть и въ № 247.

Черниговскій губернаторъ не замедлилъ отвѣтомъ, что начальныя школы въ его губерніи очень немнога, иомъцаются онѣ въ церковныхъ домахъ, гдѣ дѣти обучаются у дьячковъ букварю, часослову, исалтири и церковной печати. Дѣти обучаются у дьячковъ по добровольному уговору съ ними родителей. Что же касается болѣе точныхъ свѣдѣній о состояніи этихъ школъ, то баронъ Френсдорфъ, въ виду того, что дѣячки находятся подъ начальствомъ духовнаго вѣдомства, высказалъ уклончивое замѣчаніе, что «привести въ порядокъ сіи школы и дать о нихъ совершенное свѣдѣніе, гдѣ онѣ точно есть, а гдѣ нетъ, неудобно». Такой отвѣтъ не могъ, конечно, удовлетворить кн. Куракина, очень настойчиваго въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и сильно желавшаго что-либо сдѣлать для своего края въ дѣлѣ образования. Опѣр вторично предписалъ губернатору снестись съ архіепископомъ черниговскимъ¹⁾ относительно доставленія свѣдѣній о начальныя школахъ и просить его «усугубить» свое попеченіе, дабы привести школы въ совершенный порядокъ». Это предписаніе было исполнено губернаторомъ. Оказалось, что въ Козелецкомъ и Нѣжинскомъ повѣтахъ совсѣмъ не было правильно организованыхъ школъ; а лишь кое-гдѣ дѣти разныхъ званій обучались грамотѣ у дьячковъ, о другихъ же уѣздахъ въ донесеніи свѣдѣній не находимъ. Въ то же время генералъ-губернаторъ счелъ не лишнимъ и съ своей стороны обратиться къ архіепископу черниговскому съ предложеніемъ позаботиться о школахъ. «Желаая, писалъ онъ, всемѣстно споспѣществовать учрежденію въ Малороссіи приходскихъ училищъ, кои, по правиламъ народнаго просвѣщенія, должны быть подъ наблюденіемъ приходскихъ священниковъ, обращалось къ вашему преосвѣту, съ покорѣйшею просьбою о вспоможеніи въ семъ случаѣ начальственными вашими содѣйствіемъ въ предписаніи приходскимъ священникамъ вашей епархіи о принятіи на себя попеченій наблюдать за таковыми училищами». Такую же просьбу послалъ князь и полтавскому

¹⁾ Черниговскимъ архіепископомъ былъ въ то время Викторъ.

епискому Сильвестру¹⁾). Но просвещенная заботливость кн. Куракина не встрѣтила надлежащаго сочувствія со стороны епархіальной власти, въ чемъ и заключалась главная причина безуспѣшности его стараній. Интересы отвѣты архіереевъ на предложеніе генераль-губернатора. Архіепископъ Викторъ писалъ, что въ школахъ его епархіи дѣйствительно обучаются дѣтей грамотѣ дѣячки по книгамъ церковнымъ, но что «таковое обученіе до распоряженія по части духовнаго правительства никогда не относилось и пытѣ не относится, а по предварительнымъ правиламъ министерства народнаго просвещенія сказано: приходскія училища въ селеніяхъ казенныхъ ввѣряются приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей, а въ помѣщичьихъ онъ предоставляются попечительности самихъ помѣщиковъ, и я,— пишетъ далѣе архіепископъ Викторъ—не паходить въ проездѣ моемъ пытѣ по губерніи заведенныхъ училищъ». Вообще въ этомъ уклончивомъ отвѣтѣ архіепископъ Викторъ не выразилъ ни малѣйшаго желанія помочь князю въ устроеніи народныхъ школъ. Губернаторъ черниговскій доносилъ, что онъ, съ своей стороны, принялъ должныя мѣры въ видахъ содѣйствія этому дѣлу и убѣждалъ маршаловъ и предписалъ низкимъ земскимъ судамъ стараться обѣ устроеніи школъ въ казенныхъ селеніяхъ и въ имѣніяхъ помѣщиковъ, ввѣряя надзоръ за ними приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей.

Епископъ полтавскій Сильвестръ отвѣтилъ на предложеніе князя, что онъ не паходитъ возможнымъ предписать священникамъ озабочиться устройствомъ приходскихъ школъ, впредь до полученія прямыхъ указаній по этому предмету святѣйшаго си-

1) Сильвестръ И. Лебединскій былъ ректоромъ казанской академіи. Хиротонисанъ въ 1799 г. во епископы малороссійскіе и съ 1803 года повелѣно ему именоваться епископомъ полтав. и переяславскимъ. Въ 1807 г. переведенъ въ Астрахань архіепископомъ; 10 янв. 1808 г. уволенъ на покой въ Глуховской Петропавловскій монастырь, но на пути скончался 5 ноября 1808 года, въ с. Ровенькахъ, острогожскаго уѣзда, воронеж. губ., гдѣ и погребенъ.

подѣ, куда онъ послать, по требованію послѣдняго, свое мнѣніе по вопросу о преподаваніи священпо-служителями въ этихъ училищахъ. Надо сказать, что министерство народнаго просвѣщенія сообщило въ синодъ «предварительныя правила» съ ходатайствомъ о принятіи мѣръ къ учрежденію школы. Синодъ запросилъ у всѣхъ епархиальныхъ архіереевъ мінѣнія по этому вопросу. Ки. Куракинъ, получивъ донесеніе си. Сильвестра, обратился къ митрополиту петербургскому и новгородскому Амвросію съ просьбой ускорить разсмотрѣніе присланныхъ въ синодъ мінѣній епархиальныхъ архіереевъ. Митрополитъ обѣщалъ немедленно уведомить князя о ходѣ этого дѣла, какъ только будутъ получены свѣдѣнія отъ другихъ епархій.

Пока шла переписка съ черниговскимъ и полтавскимъ архіереями, были цаконецъ доставлены въ ноябрь 1803 года изъ другихъ источниковъ свѣдѣнія о школахъ въ полтавской губернії. Полтавскій губернаторъ Сопцевъ собирая эти свѣдѣнія отъ городничихъ и нижнихъ земскихъ судовъ, исполнявшихъ въ то время полицейскія обязанности.

Въ этихъ донесеніяхъ содержатся любопытныя указанія о судьбѣ тѣхъ «школъ», которыя, какъ мы знаемъ, когда-то существовали почти при каждой церкви въ старой Малороссіи и затѣмъ невѣдомо куда исчезли къ концу XVIII в. По собраннымъ даннымъ, какъ уведомлялъ Сопцевъ, въ полтавской губернії школъ нѣть. Въ прежнее время были при церквяхъ училища подѣ названиемъ «школы», гдѣ обучали дѣячки, западшіе изъ разныхъ мѣстъ. Не имѣя никакой осѣдлости, дѣячки эти жили въ этихъ домахъ при церквяхъ и за умѣренный платежъ деньгами или хлѣбомъ обучали дѣтей грамотѣ. Ревизія 1782 года, обнаружившая постоянные переходы дѣячковъ съ мѣста на мѣсто, заставила ихъ «сообразно своему званію, обзавестись жительствомъ въ своихъ домахъ, а школы между тѣмъ пришли въ обветшалость и сами собой упразднились, и нынѣ таковыхъ въ полтавской губерніи нѣть. По некоторымъ городамъ дѣти дворянскіе, козачьи и другого званія обучаются у дѣячковъ россійской грамотѣ за разную плату».

Нельзя сказать, чтобы школъ совсѣмъ уже не было въ краѣ, какъ доносилъ Сонцевъ. Школы еще были, но въ очень небольшомъ количествѣ. Вотъ статистическая данныя, доставленныя городничими о школахъ въ уѣздныхъ городахъ, а нижними земскими судами о школахъ въ уѣздахъ. Изъ уѣздныхъ городовъ остались школы: въ Пирятинѣ 1, въ Кременчугѣ 3, въ Ромнахъ 2. Хоролѣ 4, въ Переяславѣ 3, въ остальныхъ городахъ ихъ уже не было. Въ уѣздахъ было школъ немного: въ гадяцкомъ, лубенскомъ, миргородскомъ, кременчугскомъ, роменскомъ, пирятинскомъ, прилуцкомъ—школъ не было совсѣмъ, въ остальныхъ онѣ еще существовали: въ хорольскомъ ихъ было 4; въ переяславскомъ 18, въ золотоношскомъ 16, въ константиноградскомъ 24 и въ полтавскомъ 6. Всѣхъ обучавшихся въ такихъ школахъ (числомъ 87) было 738 ч., изъ нихъ дворянъ было 149, козаковъ 151, духовныхъ 6, церковно-служит. 17, помѣщичьихъ крестьянъ 21, мѣщанъ 102, купцовъ 18, казенныхъ крестьянъ 34, остальные были дѣти чиновниковъ, солдатъ, военныхъ и др. Сюда же въ общее число вошли и учащіеся въ хорольск. и переяславскомъ уѣздахъ, которые не показаны по сословіямъ.

Но, конечно, всѣ эти данныя едва ли точны; многія изъ этихъ школъ помѣщались не въ церковныхъ домахъ, а въ квартирахъ дьячковъ, бравшихъ дѣтей для обучения грамотѣ. Но во всякомъ случаѣ, не будетъ ошибкой выводъ, что очень немного школъ осталось въ Малороссії къ началу XIX столѣтія изъ того количества, которое существовало полувѣкомъ раньше. Кременчугскій нижній земской судъ такъ же, какъ и губернаторъ Сонцевъ, указалъ на ревизію 1782 г., какъ на причину, имѣвшую вліяние на уничтоженіе школъ. Прибавимъ еще, что въ числѣ прежнихъ дьяковъ, обучавшихъ грамотѣ, было много заштатныхъ, которые распоряженіемъ императрицы Екатерины II были отправлены въ военную службу при черноморскомъ адмиралтействѣ¹⁾)

¹⁾ «Кiev. Старина», 1901, май. Статья Иванова—Переселенца, заштатныхъ церковниковъ. Отправлено было 611 ч. обоего пола, церковниковъ. Стр. 288—297.

Такова была участъ многихъ изъ этихъ насадителей грамотности въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ.

Донесеніе Сонцева не порадовало просвѣщенаго князя, и онъ предписалъ губернатору навести новыя справки и дать болѣе обстоятельный свѣдѣнія о дьячковскихъ школахъ, какія все еще существовали въ губерніи. Тогда губернаторъ предписалъ, съ своей стороны, городничимъ и нижнимъ земскими судами собрать такія свѣдѣнія, которыя мы и привели выше.

Одновременно съ донесеніемъ Сонцева преосвященный Сильвестръ сообщилъ князю точную копію своего мнѣнія, посланного имъ въ св. синодъ. Признавая вообще крайне обременительнымъ для приходского духовенства привлеченіе его къ дѣлу учрежденія школъ и въ особенности къ личному въ нихъ учительству, какъ того желали министерскія правила, преосвященный Сильвестръ исходить изъ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ. Всѣхъ священнослужителей было въ то время въ полтавской епархіи 769. Селеній, где было по два прихода и болѣе, 232, а селеній съ однимъ приходомъ 450. По разсчету преосвященнаго, если соединять и по два селенія для устройства одного училища, то необходимо устроить въ губерніи 457 школъ.

Что касается контингента учителей, то преосвященный предлагалъ тѣхъ изъ воспитанниковъ Переяславской семинаріи, которые не могутъ продолжать курса въ высшемъ классѣ (разумѣемъ богословскій, уже введенный въ то время въ Переяславской семинаріи), зачислять въ причтъ и назначать учителями приходскихъ школъ. Если же въ приходѣ былъ одинъ только священникъ, то преосвященный Сильвестръ не считалъ возможнымъ поручить ему преподаваніе и надзоръ за школами, въ виду его прямыхъ занятій по приходу.

Кн. Куракинъ принялъ въ соображеніе мысль о привлеченіи къ учительству неокончившихъ семинаристовъ и порѣшилъ учредить для нихъ подготовительные курсы при Черниговской гимназіи, для чего и обратился къ преосвященному Сильвестру и преемнику архіепископа Виктора, преосвященному Михаилу, съ просьбою назначить семинаристовъ на эти курсы, при чёмъ со-

держаніе ихъ порѣшилъ отнести на средства черниговской городской думы. Объ этомъ кн. Куракинъ сообщилъ министру гр. П. В. Завадовскому, съ которымъ часто совѣтовался въ дѣлѣ устройства школъ. Министръ выразилъ князю свое удовольстіе и пожелалъ успѣха его начинаніямъ. Упоминая о заботахъ кн. Куракина учредить школы, министръ пишетъ: «Извѣстно, сколько таковые опыты усердія къ благу общества близки къ сердцу того, съ кѣмъ вы раздѣляете подвиги распространенія наукъ, и потому мнѣ весьма желательно, чтобы вы въ совершеніи вашего предпріятія споспѣшствовали были усердіемъ той страны, обитателей и благонамѣреніемъ духовнаго начальства, у котораго вы испрашиваете семинаристовъ».

Но какъ отнеслись къ этой мысли преосвященные? Пр. Сильвестръ остался вѣренъ себѣ. Онъ и теперь не нашелъ возможнымъ исполнить желаніе князя, ссылаясь на указъ св. синода, о чёмъ и уведомилъ князя. Это было въ декабрь 1805 г. Но онъ все-таки назначилъ въ каждомъ уѣздномъ городѣ своей епархіи смотрителя изъ духовенства, а учителями предназначилъ нѣсколько человѣкъ изъ церковно-служителей и 16 семинаристовъ—6 изъ философскаго класса и 10 изъ риторики.

Черниговскій преосвященный отнесся иначе къ этому дѣлу. Онъ нашелъ, что желаніе князя не противорѣчить указу синода. «Таковое благонадежнѣйшее вашего сіятельства требованіе, по моему мнѣнію, сходственно и съ предписаніемъ святѣйшаго синода, которымъ предопредѣлено имѣть пѣкоторое пріуготовленіе къ народнымъ учительскимъ должностямъ по въ самыхъ духовныхъ семинаріяхъ. А потому и предписалъ я семинарскому правленію избрать къ сему способныхъ и желающихъ изъ учениковъ высшихъ классовъ, каковыхъ оказалось десять человѣкъ». Содержаніе семинаристамъ преосвященный полагалъ назначить слѣдующее: студенту богословія 35 р. асс., фисософіи—30 р. и риторики—25 р. ас.

Ознакомимся кстати и съ мнѣніемъ святѣйшаго синода, на которое часто ссылался епископъ Сильвестръ.

Синодъ пришелъ къ такимъ выводамъ. Обученіе въ сельскихъ школахъ можетъ происходить лишь въ періодъ времени отъ окончанія полевыхъ работъ до начала ихъ, ибо во время подевыхъ работъ священно- и церковно-служители, «упражняясь въ земледѣліи, имѣютъ слѣдующія занятія: убираютъ хлѣбъ, молотятъ, производятъ починку строеній, мочатъ пеньку, сушатъ и обрабатываютъ, возятъ въ городъ продавать и т. п.; исправляютъ должности благочинныхъ, депутатовъ и т. д. Въ силу этого нѣть надлежашей удобности преподавать поученія самимъ священникамъ. Но, съ другой стороны, и принимая въ разсужденіе имѣющіеся при церквяхъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по два и по три комплекта священно-церковно-служителей, а особливо по такимъ приходамъ, кои по разнымъ отдаленнымъ селеніямъ не разсѣяны, усматривается, что можно, на первый случай и доколѣ не будуть совершенно приготовлены для сего учителя, начать преподаваніе оное учившимся въ семинаріяхъ и испытаннымъ въ честномъ и добромъ и въ прилежномъ званія своего прохожденіи дьяконамъ и причетникамъ подъ смотрѣніемъ целѣностнаго преподавашія ими ученія приходскаго священника». Поэтому синодъ постановилъ: 1) учредить эти училища по сошенію съ епархіальными архіереями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть такие священно-церковно-служители, которые могутъ преподавать ученіе; 2) въ домахъ священно-церковно-служителей школъ не учреждать, а для сего «отводить особые дома отъ свѣтскаго правительства», неподалеку отъ жилищъ причта; 3) ученіе преподавать по книгамъ, какія изданы будуть по повелѣнію правительства, и 4) если учительская должность «одному, опредѣленному въ оную, покажется тягостною, то въ таковомъ случаѣ позволить священно-церковно-служителямъ чередоваться въ оной погодно».

Разматривая это постановленіе, нельзя не видѣть, что съ синодъ считалъ дѣло учительства въ народныхъ школахъ занятіемъ постороннимъ для духовенства; допустимъ постольку, поскольку оно не будетъ помѣхой не только пастырскимъ, но и хозяйственнымъ его занятіямъ; поэтому и былъ предоставленъ епархіальнымъ архіереямъ полный просторъ дѣйствій въ этомъ

дѣлѣ. Тѣмъ не менѣе министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій призналъ и такое содѣйствіе со стороны духовнаго вѣдомства на первый разъ достаточнымъ.

Князь Куракинъ былъ болѣе настойчивъ. Получивъ отказъ отъ полтавскаго архіерея назначить семинаристовъ въ черниговскую гимназію для приготовленія къ учительству въ народныхъ школахъ, онъ вторично писалъ ему о томъ же. Преосв. Сильвестръ отвѣтилъ, что въ Петербургѣ министерствомъ учреждается особое училище для приготовленія учителей, куда уже затребовано отъ него 5 семинаристовъ изъ философскаго класса. Очевидно, преосвященный намекалъ на учрежденіе въ Петербургѣ Педагогическаго института, имѣвшаго совсѣмъ другое назначеніе. Князь Куракинъ не удовлетворился этимъ уклончивымъ отвѣтомъ и послѣ третьаго письма добился наконецъ того, что Сильвестръ назначилъ девять семинаристовъ для приготовленія къ учительству. Это порадовало князя, и онъ поспѣшилъ уведомить о томъ министра; графъ Завадовскій вскорѣ отвѣтилъ ему, и это письмо его очень интересно въ томъ отношеніи, что самъ министръ пришелъ къ печальному заключенію относительно преждевременности задуманнаго имъ дѣла. «Встрѣчалъ я многократно неподатливость равнѣмъ образомъ, какъ вы видите въ отношеніяхъ къ вамъ епархіальныхъ пастырей, которые приложены къ почтеннѣйшему писанію вашего отъ 22 декабря (князь писалъ въ 1805 г.). По вниманію къ отзывамъ святѣйшаго синода, что отъ обращенія духовныхъ семинаристовъ къ образованію въ учители для народныхъ училищъ оскудѣютъ епархіальныя семинаріи для предмета наполненія изъ оныхъ въ епархіяхъ весь причтъ церковный (sic), государь императоръ повелѣлъ, дабы министерство народнаго просвѣщенія о всякомъ семинаристѣ, котораго хотѣло бы къ употребленію по своей части, докладывало ему безпосредственно. Слѣдствіенно, не можно считать на великую помошь вообще учебной части отъ сихъ разсадниковъ, плодами не изобилующихъ. Я чувствую всю цѣну горячихъ попеченій вашего сіятельства въ устроеніи учебныхъ заведеній въ вашихъ губерніяхъ, въ побужденіи дворянамъ основать приходскія училища. Сія статья

хотя есть въ генеральномъ предположеніи, но она къ послѣдствіямъ принадлежить, когда лучъ просвѣщенія воздѣйствуетъ въ другихъ степеняхъ и выведетъ насъ изъ настоящаго недостатка имѣть учителей. Потому приходскія училища не вдругъ повсюду, а исподволь и гдѣ есть способы къ тому, могутъ быть открываемы. Ближе было бы приходскому священнику преподавать въ опыхъ ученіе, но многіе ли изъ нихъ способны или ревнительны читать овцы своего стада ученьемъ имъ полезнымъ? Предавъ сю мысль вашему проницательному разсужденію, имѣю честь быть...» (подпись).

Планъ Куракина былъ—учредить приходскія училища въ уѣздныхъ городахъ, а затѣмъ нѣсколько по уѣздамъ, расширяя ихъ сѣть постепенно. Полтавская казенная палата, по его предписанію, представила ему статистическія данныя о количествѣ церквей, приходовъ, о числѣ муж. пола въ каждомъ изъ приходовъ, а также приблизительную смету, во что обойдется наемъ помѣщеній для училищъ и отопленіе ихъ. Эти данныя были собраны съ 1806 г. и представлены только въ 1807 году. Всѣхъ церквей въ полтавской епархіи по этимъ даннымъ было 777, приходовъ 884, жителей мужскаго пола 337,713 д. Всѣхъ школъ предполагалось учредить 598. Наемъ помѣщеній для нихъ, по разсчету палаты, долженъ обойтись въ 9766 руб., а отопленіе въ 11606 руб. асс.

Но князь Куракинъ не успѣлъ привести въ исполненіе хотя бы часть этого проекта. Въ 1808 г. онъ занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ и переселился въ Петербургъ. Изъ представленныхъ нами данныхъ нельзя не видѣть, что кн. Куракинъ, такъ много желавшій сдѣлать для вѣренныхъ ему губерній въ дѣлѣ школьнаго обученія, не встрѣтилъ сочувствія въ представителяхъ тогдашняго духовенства и, понятно, его просвѣтительные начинанія не привели ни къ какимъ послѣдствіямъ.

Не встрѣтилъ онъ сочувствія и среди дворянства черниговской и полтавской губерній. Еще въ 1805 году кн. Куракинъ обратился ко всѣмъ уѣзднымъ маршаламъ этихъ губерній съ предложеніемъ озабочиться устройствомъ школъ въ помѣщичьихъ имѣ-

ніяхъ. Разсчетъ князя, что въ дворянствѣ, какъ культурномъ классѣ общества, онъ встрѣтитъ сочувствіе, не оправдался. Это было время крѣпостного права, когда обь образованія крѣпостныхъ не только не думали, но считали его лишнимъ и даже вреднымъ, не соотвѣтствующимъ самому положенію крѣпостныхъ людей, въ которыхъ видѣли только даровыхъ работниковъ для помѣщика. Многіе изъ предводителей даже не отвѣтили князю, другіе увѣдомили только о полученіи его предложенія, и лишь немногіе отвѣтили па его предложенія. Такъ, зѣньковскій предводитель отвѣтилъ: «многіе дворяне въ отзывахъ своихъ изъясняютъ, что въ помѣстяхъ учреждать приходскія училища поудобно, поелику оные есть малопомѣстные и расположены по разнымъ мѣстамъ, а безъ помощи другихъ нѣть удобности. Въ случаѣ учрежденія школъ, добавляетъ предводитель, мелкопомѣстные готовы участвовать, при чемъ подполковникъ Козицкій вызвался пожертвовать 200 р. Обѣщаль окказать все свое содѣйствіе и роменскій предводитель, если будутъ учреждены школы». Вотъ и всѣ отзывы на предложеніе князя приступить къ устройству школъ. Таковы были результаты заботъ кн. Куракина о насажденіи просвѣщенія въ черниговской и полтавской губерніяхъ.

Подведемъ итоги всему сказанному нами.

Въ старой Малороссії существовали многочисленныя приходскія школы, не только подготовлявшія учащихся къ прохожденію дьячковской должности, но и дававшія грамотность и извѣстное книжное и эстетическое образованіе. Школы эти были созданы не правительствомъ, ни епархиальнымъ начальствомъ, а самыми прихожанами, народомъ. Къ концу XVIII в. школы эти постепенно начинаютъ исчезать, чemu причиной послужило введеніе при церквяхъ штатовъ, а болѣе всего ревизія 1782 г., прикрѣпившая всѣхъ и каждого къ опредѣленному мѣстожительству и роду занятій. Прикрѣпленіе это уничтожило, конечно, свободное передвиженіе, чѣмъ и уничтожило эти школы.

И. Фр. Павловскій.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Извлечение изъ архивныхъ дѣлъ объ учрежденіи приходскихъ школъ въ Малороссіи въ генералъ-губернаторство князя А. В. Куракина. (Архивъ Полт. Губ. Правленія по описи № 153 и Полт. Депут. Собр. по описи № 10).

I. Донесение черниговскаго губернатора барона Френсдорфа.

Его сиятельству, господину действительному тайному советнику, сенатору, малороссийскому генералъ-губернатору, действительному камергеру и кавалеру князю Алексею Борисовичу Куракину отъ действительного статского советника, малороссийского черниговского гражданского губернатора рапортъ.

Вследствие предписанія вашего сиятельства отъ 22 прошлаго марта, за № 667, ко мнѣ послѣдовавшаго, а мною сего апрѣля 6 числа полученнаго, имѣю честь вашему сиятельству донести: приходскія училища, или такъ называемыя школы, хотя имѣются въ здѣшнемъ краю, но не во всякомъ приходѣ, а въ нѣкоторыхъ только при церквяхъ въ выстроенныхъ корпусахъ изъ церковныхъ доходовъ или отъ прихожанъ для жительства дьячковъ, которые, сколько мнѣ известно, состоять изъ одной или двухъ простыхъ избъ и то въ худомъ положеніи, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, то въ собственныхъ дьячковъ домахъ; дѣти отдаются для обученія грамотѣ, читать и писать, болѣшею частью по городамъ—купцовъ и мѣщанъ, а въ селеніяхъ—козаковъ и другихъ средняго рода людей; они учатся дьячками первоначально читать по букварю, потомъ часословъ и псалтырь церковной печати и по

старому методу; нѣкоторые же и писать, но въ самомъ несовершенствѣ по неумѣнію того дьячковъ; а принимаются дѣти для обученія по добровольному съ родителями или попечителями ихъ условію, съ заплатою за обученіе каждой книги, безъ означенія на то времени и смотря по состоянію каждого. И какъ церковные дьячки состоять всѣ въ вѣдѣніи духовнаго начальства, то привести въ порядокъ сіи школы и даже имѣть объ нихъ совершенное свѣдѣніе, гдѣ точно оные есть, а гдѣ нѣтъ, мнѣ неудобно, что и предлагаю на благоразсмотрѣніе вашего сіятельства. Губернаторъ баронъ Френсдорфъ. Апрѣля 10 дня 1803 г. Черниговъ.

Князь А. Б. Куракинъ, получивъ это донесеніе, предписалъ губернатору снести съ черниговскимъ архіепископомъ, что и сдѣлать губернаторъ, о чемъ и уведомилъ князя:

«Вашего сіятельства предписаніе отъ минувшаго апрѣля подъ № 1039 (чтобы снести съ черниговскимъ архіепископомъ усугубить попеченіе, дабы привести приходскія школы въ совершенный порядокъ) сего мая 12 числа я имѣль честь получить и во исполненіе оного отнесся я къ преосвященному Виктору, архіепископу малороссійскому черниговскому и кавалеру, чтобъ онъ, какое по сему предмету учинить распоряженіе, меня уведомилъ къ вспомоществованію, есть ли что будетъ и отъ меня зависѣть моимъ содѣйствіемъ къ совершенному устройству приходскихъ школъ, вашему сіятельству почтеннѣйше о томъ доношу, докладывая при томъ, что по испытанію моему, въ проѣздѣ мой нынѣ черезъ козелецкій и нѣжинскій повѣты, приходскіе священники объявили, что нарочитыхъ приходскихъ школъ при церквяхъ городскихъ и сельскихъ не имѣется, а обучаются дѣти у дьячковъ, и то у нѣкоторыхъ только, въ домахъ ихъ. 1803 года, мая 15, Нѣжинъ. № 2769.»

Получивъ эту бумагу, кн. Куракинъ предписываетъ губернатору обратить вниманіе на устройство школъ, «ежели оные не существуютъ, дабы устроеніе и заведеніе ихъ на правилахъ, для сего постановленныхъ, воспріяло свое начало въ непродолжительномъ времени, тѣмъ болѣе, что сіе относится къ пользѣ общей и просвѣщенію юношества». (Юня 12, 1803 года, за № 1521).

На это черниговскій губернаторъ донесъ князю рапортомъ о своемъ сношеніи съ черниговскимъ архіепископомъ Викторомъ:

«Вашего сіятельства предписаніе отъ 12 іюня, подъ № 1521, о обращеніи вниманія, дабы устроеніе и заведеніе въ сей губерніи при-

ходскихъ училищъ на правилахъ для сего постановленныхъ воспріяло свое начало въ непродолжительномъ времени, сего жъ іюня 18 числа я имѣль честь полу́чить, и какъ на отношеніе мое объ онъихъ приходскихъ училищахъ преосвященный Викторъ, черниговскій архіепископъ и кавалеръ, извѣщаетъ меня, что по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ нѣкоторые въ школахъ приходскихъ проживающіе дѣячки обучаются дѣтей разнаго званія людей русской грамотѣ по произволу отцовъ, столько кому времія и обстоятельства позволять, единственно по книгамъ церковнымъ и ихъ ученіе до распоряженія по части духовнаго правительства никогда не относилось и нынѣ не относится; а по предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія сказано: приходскія училища въ селеніяхъ казенныхъ ввѣряются приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей, а въ помѣщичьихъ онѣ предоставляются просвѣщенной и благонамѣренной попечительности самихъ помѣщиковъ, то я, не находя нигдѣ въ проѣздѣ мой нынѣ по губерніи заведенныхъ приходскихъ училищъ, кроме тѣхъ, о коихъ имѣлъ уже я честь вашему сіятельству донести, предписаль повѣтовымъ господамъ маршаламъ, нижнимъ земскимъ судамъ, чтобы съ нихъ первіе, внуша помѣщикамъ, предоставили старанію и попеченію ихъ о заведеніи и устроеніи въ помѣщичьихъ селеніяхъ приходскихъ училищъ, а нижніе земскіе суды, также внуша въ казенныхъ селеніяхъ жителямъ, старались бы, согласно предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія, устроить и завестъ таковые училища, ввѣря оные приходскому священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей, въ каждомъ ли приходѣ можно оные учредить, или въ двухъ вмѣстѣ, объ ономъ, какъ по распоряженіяхъ и успѣхѣ по сему, мнѣ донести, о чёмъ вашему сіятельству почтенѣйше доношу». Іюня 30. 1803 года. Стародубъ.

Князь А. Б. Куракинъ, получивъ это донесеніе, рѣшился самъ обратиться къ преосвященнымъ—черниговскому Виктору и Переяславскому Сильвестру съ такого рода письмами:

Ваше преосвященство, милостивый мой архиастырь!

Желая всемѣрно споспѣшествовать предварительно учрежденію въ Малороссіи приходскихъ училищъ, въ правилахъ народнаго просвѣщенія назначенныхъ, кои должны быть подъ наблюденіемъ приходскихъ священниковъ, обращаю къ вашему преосвященству покор-

аѣйшую просьбу мою о вспоможеніи въ ѿемъ случаѣ начальственнымъ вашимъ содѣйствіемъ въ предписаніи приходскимъ священникамъ вашей епархіи о принятіи на себя попеченій наблюдать за таковыми училищами, дабы лучшій успѣхъ получило сіе высочайше назначаемое введеніе просвѣщенія. Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть навсегда вашего преосвященства, милостиваго моего архипастыря... Полтава. Августа 1 дня, 1803 года. (Арх. Полт. Губ. Правленія, по описи № 153).

На это письмо послѣдовалъ отвѣтъ пр. Сильвестра:

Ваше сіятельство, милостивый государь мой и благодѣтель!..

На почтеннѣйшее вашего сіятельства отношеніе о предписаніи приходскимъ здѣшней епархіи священникамъ о наблюденіи за училищами въ правилахъ народнаго просвѣщенія, имѣю честь ваше сіятельство извѣстить, что какъ по указу изъ святѣйшаго правительствующаго синода, минувшаго марта отъ 18 числа, вслѣдствіе данна о оному высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшему, представлено отъ меня въ оный миѣніе о преподаваніи въ тѣхъ училищахъ ученія священно-церковно-служителямъ, съ чѣмъ сопрягается и наблюденіе священниками за училищами, то до полученія на оное разрѣшенія, священниковъ къ сему наблюденію опредѣлить я не могу, а когда изъ святѣйшаго синода послѣдуетъ по сему предмету повелѣніе, тогда не премину дать черезъ кого слѣдуетъ священникамъ и прочимъ церковно-служителямъ надлежащее о томъ предписаніе и ваше сіятельство увѣдомить; въ прочемъ есмъ и пребыть имѣю всегда съ истиннымъ къ особѣ вашего сіятельства высокопочитаніемъ и совершенною преданностью вашего сіятельства, милостиваго государя моего и благодѣтеля, покорнѣйшій слуга Сильвестръ, епископъ малороссійскій Переяславскій. № 188. Августа 13 дня, 1803 года. (Арх. Полт. Губ. Правленія по описи № 153).

Письмо кн. Куракина къ митрополиту петербургск. Амвросію.

Ваше высоконреосвященство, милостивый архипастырь мой!

Желая всемѣрно споспѣшествовать предварительно учрежденію въ Малороссіи сельскихъ училищъ, въ правилахъ народнаго просвѣщенія, назначеніе коихъ должно быть подъ наблюденіемъ приходскихъ

священниковъ, относился я къ обоимъ малороссийскимъ преосвященнымъ: Виктору, архіепископу черниговскому, и Сильвестру, епископу Переяславскому, о споможеніи въ семъ случаѣ начальственнымъ ихъ содѣйствіемъ, вслѣдствіе сего епископъ Переяславскій извѣстилъ меня, что по указу святѣйшаго правительствующаго синода, минувшаго марта отъ 18 числа къ нему послѣдовавшему, представлено отъ него мнѣніе о преподаваніи ученія священно- и церковно-служителями, съ чѣмъ сопрягается и наблюденіе священниками за училищами, а потому и отношу къ вашему высокопреосвященству покорнѣйшую просьбу употребить милостивое содѣйствіе, дабы представленіе сіе получило незамедлительное разрѣшеніе; имѣю честь быть вирочемъ съ совершеннымъ неизмѣннымъ почитеніемъ вашего высокопреосвященства, милостиваго архипастыря моего... (Арх. полт. губ. правленія по описи № 153). Сентября 7, 1803 года.

Отвѣтъ митрополита Амеросія.

Сіятельнѣйший князь. милостивый государь!

На поченійшее отношеніе вашего сіятельства отъ 7 числа минувшаго сентября, коимъ требовать изволите содѣйствія моего, дабы по представленію преосвященнаго епископа Переяславскаго о преподаваніи ученія священно-церковнослужителями въ сельскихъ школахъ въ святѣйшемъ синодѣ рѣшеніе скорѣе послѣдовало, честь имѣю отвѣтствовать, что оное неукоснительно послѣдовать имѣеть по собраніи изъ всѣхъ епархій потребныхъ на сей предметъ свѣдѣній. О чёмъ извѣстя, съ совершеннымъ почитаніемъ и преданностью пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя, всепокорнѣйшій слуга Амвросій, м. новгородскій. (Арх. полт. г. правл. № 153) Октября 1 дня, 1803.

Отношеніе къ преосвященному Сильвестру.

Ваше преосвященство, милостивый мой архипастырь!

Ваше преосвященство почтеннымъ отзывомъ ко мнѣ отъ 13 августа за № 188 предварили меня не оставить увѣдомленіемъ о по-вѣльніи, какое послѣдуетъ изъ Святѣйшаго Синода по представляемому мнѣнію нащетъ преподаванія ученія священо и церковно-служителями въ приходскихъ училищахъ подъ наблюденіемъ священниковъ, что по благословенному вашему ко мнѣ благоразположенію повторили лично въ

проѣздъ мой черезъ Переяславъ. Я, получивъ теперь отъ высокопреосвященнаго Амвросія, митрополита новгородскаго, извѣщеніе, что разрѣшеніе упоминаемаго мнѣнія въ святѣйшемъ синодѣ неукоснительно имѣеть послѣдовать, въ надѣяніи на сіе обѣщаніе, прошу по-корѣйше васъ, милостивый мой архипастырь, о снисходительномъ ускореніи въ удовлетвореніи моей просьбы, чѣмъ обѣзѣть изволите совершиенною благодарностью пребывающаго съ истиннымъ и непремѣннымъ потенціемъ вашего преосвященства, милостиваго архипастыря... (Арх. полт. губ. правл., по описи № 153). Декабря 25 1803 года.

Отвѣтное письмо еп. Сильвестра.

Ваше сіятельство, милостивый государь мой и благодѣтель!

Въ угодность требованію вашего сіятельства, вчерашняго дня въ почтенѣйшемъ вашемъ отношеніи сего мѣсяца отъ 2 числа мнѣ сообщенному, пріятнѣйшимъ поставляю для себя долгомъ препроводить и сію къ вашему сіятельству копію съ рапорта моего въ святѣйшій синодъ, содержащаго мое мнѣніе по предмету преподаванія священно-церковно-служителями въ приходскихъ сельскихъ училищахъ ученія. Увѣдомляя васъ, что разрѣшеніе на сіе еще не послѣдовало, но какъ скоро оно получу, въ тоже время извѣстить васъ, милостиваго государя, не премину, впрочемъ прошу ваше сіятельство совершенно быть увѣренными въ истинномъ къ особѣ вашей высокопочитаніи и преданности, съ которыми имѣю честь быть всегда вашего сіятельства мил. государя моего и благодѣтеля всепокорѣйшій слуга Сильвестръ, епископъ малороссійскій переяславскій. (Архив. полтав. губ. правленія, по описи № 153). Декабря 20, 1803 года.

Мнѣніе епископа Сильвестра, поданное въ святѣйшій синодъ.

Въ святѣйшій правительствующій синодѣ Сильвестра, епископа малороссійскаго переяславскаго и ордена святаго Анны 1 класса кавалера, рапортъ.

Его императорскаго величества указомъ изъ святѣйшаго правительствующаго синода, минувшаго марта отъ 18-го, подъ № 104, съ прописаніемъ имянныхъ его императорскаго величества высочайшихъ указовъ: первого, данного святѣйшему синоду генваря 24 дня о принятіи со стороны онаго соотвѣтственныхъ мѣръ для содѣйствія bla-

гоусіїшному теченію народного просвѣщенія; второго, объявленаго святѣйшему синоду, въ вѣдѣніе правительствующаго сената, даннаго оному того же января въ 24 день съ утвержденіемъ поднесенныхъ его императорскому величеству министромъ просвѣщенія обще съ членами правленія училищъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія,—между ирочимъ велѣно мнѣ, въ святѣйшій синодъ представить мнѣніе свое: можно ли приходскимъ сельскимъ священникамъ, хотя нѣкоторымъ, а особливо, гдѣ состоять не однѣ причтъ священнослужителей и имѣются притомъ дьяконы, поручить преподаваніе ученія, для приходскихъ училищъ предполагаемаго, безъ отягоченія ихъ и остановки въ исправленіи прочихъ ихъ должностей? или не найдутся ли къ сему на первый случай способные изъ церковниковъ, при тѣхъ церквахъ состоящихъ, такъ же изъ уволенныхъ отъ должностей священно-церковнослужителей, коихъ съ пользою можно было употребить подъ смотрѣніемъ только приходскаго того селенія священника?..

Во исполненіе такого святѣйшаго правительствующаго синода предписанія, по собираниіи переяславскою духовною консисторіею, въ каковыхъ здѣшней епархіи селеніяхъ священики или дьяконы или причетники состоять изъ учившихся въ семинаріи или академіи и въ которыхъ учившіеся одному россійскому и другихъ къ составленію по сему предмету положенія нужныхъ свѣдѣній, явствуетъ 1) изъ уволенныхъ отъ должностей священноцерковнослужителей хотя является въ вѣдомствѣ духовномъ нѣкоторое число, а именно 102 человѣка, но онѣ всѣ, какъ въ сообразность указа 1778 года, октября 8 дня, по старости и слабости отъ должностей уволены, потому къ употребленію сему мало надежны. 2) Напротивъ же, какъ изъ состоящихъ въ дѣйствительномъ служеніи учившихся въ семинаріяхъ или академіяхъ священнослужителей является 769, селеній же, кромѣ городовъ, во всей епархіи изъ двухъ и болѣе приходовъ состоящихъ 232, да одноприходныхъ 450, изъ коихъ въ первыхъ полагая по одному приходскому училищу, а въ послѣднихъ по одному таковому, соединяя по два селенія, нужно будетъ по сей епархіи жителей для всѣхъ по епархіи приходскихъ училищъ 457. 3) Хотя изъ показанныхъ учившихся въ семинаріяхъ или академіи, въ дѣйствительномъ служеніи состоящихъ 769 человѣкъ и найдутся таковые, коимъ по одиночеству въ своемъ служеніи не совмѣстно будетъ преподаваніе ученія, но какъ довольноное количество въ переяславской семинаріи семинаристовъ изъ свя-

щенноцерковнослужительскихъ дѣтей, съ одной стороны требующихъ въ продолженіи ученія своего пособій казенныихъ, съ другой—не по дающихъ надежды къ продолженію съ успѣхомъ выспихъ наукъ, заставляетъ меня каждогодно въ сентябрѣ дѣлать разборъ, паче до стигшімъ риторического ученія, и изъ таковыхъ каждогодно исключается въ причть довольноное количество, а ихъ мѣста въ казенномъ семинарскомъ домѣ занимаютъ другіе, къ классическому ученію изго тушеніе священнослужительскіе дѣти, такъ что каждогодно и выбыва етъ въ причть довольноное количество, и комплектноѣ число въ семинаріи каждогодно пополняется. Кромѣ жъ сего, и самимъ своею штатомъ таковой же ежегодно дѣлается разборъ. Всѣ тѣ безъ исключенія семинаристы изъ самыхъ низкихъ грамматическихъ классовъ, кромѣ учебныхъ каждого класса предметовъ, обучаются въ опредѣленныя часы по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ—ариометриѣ; а по субботамъ катехизису; потому таковые исключаются по извѣстнымъ разборамъ семинаристы способны и могутъ, буде гдѣ дѣйствительно служащими несомнѣнно преподаваніе ученія, пополнить учительскія въ приходскихъ училищахъ мѣста; 4) при всемъ сего, какъ соблюдается со стороны моей во ввѣренной мнѣ епархіи то, что каждогодно къ сентябрю и вѣдомости отъ духовныхъ правленій и благочинныхъ призываются въ консисторію обѣ обучившихся россійскому письму священноцерковнослужительскихъ дѣтяхъ, и самыя таковыя дѣти въ семинаріи доставляются, такъ соблюдено будетъ и то, чтобы и самые возрастные, при отцахъ безъ помѣщенія состоящіе, не иначе помѣщаемы были на причетническія мѣста, какъ по предварительномъ въ семинаріи хотя въ начаткахъ ариометическихъ и въ катехизисѣ образованіи, дабы и таковые, бывъ помѣщены въ причть, могли употреблены быть по сему предмету, хотя подъ смотрѣніемъ приходскаго, совершиеннѣше въ сихъ предметахъ образованного священника, но по одиночеству въ своемъ служеніи должности сельскаго учителя отправлять не могущаго. По таковыми обстоятельствами при сихъ моихъ предположеніяхъ полагаю мнѣніе, что во ввѣренной мнѣ переславской епархіи можно, при распоряженіи отъ надлежащаго правительства по селеніямъ приходскихъ училищъ, поручить преподаваніе ученія, для таковыхъ училищъ предполагаемаго, священноцерковно служителямъ здѣшней епархіи, поставляя самое расположение или размѣщеніе къ тому способныхъ къ самому тому времени и положенію, когда и какъ расположены будутъ таковыя приходскія училища; что

однако на благоразсмотрѣніе святѣйшему правительствующему синоду покорнѣйше предаю.

Іюля 8 дня, 1803 года. Подлинный подпись: Сильвестръ, епископъ малороссійскій Переяславскій. Іосифъ Козачковскій, городскаго собора протоіерей, семинаріи профектъ. (Архивъ. полт. губ. правленія по описи № 153).

Рапортъ полтавскаю губернатора Сонцева о причинѣ исчезновенія школы.

Господину малороссійскому генераль-губернатору.

По содержанію почтеннаго предписанія вашего сіятельства, прошлоаго апрѣля 10 числа мною полученнаго, о надзрѣніи, дабы существующія издревле въ Малороссіи приходскія училища, естьли онѣ и нынѣ въ полтавской губерніи находятся, приведены были въ возможный порядокъ, я предписалъ всѣмъ полтавскимъ городничимъ и нижнимъ земскимъ судамъ, чтобы они, учиняя выправку, естьли училища такого рода въ вѣдомствахъ ихъ окажутся, то, взявъ таковыя въ попечительное надзрѣніе, имѣть въ таковомъ-всегда съ наблюденіемъ, дабы въ возможнѣйшемъ порядкѣ содержимы были, миѣ же доставить свѣдѣнія какъ объ оныхъ училищахъ, такъ о находящихся въ оныхъ ученикахъ, на какомъ положеніи оные содержутся и какой отъ кого учителя получаютъ платежъ. Изъ собранныхъ нынѣ мною о семь донесеній значится, что хотя въ прежнихъ годахъ состояли поселеніямъ при приходскихъ церквахъ училища подъ названіемъ «школы» и въ нихъ бывали ученики изъ разнаго званія людей и преподавалось имъ ученіе россійской грамоты отъ приходскихъ дьячковъ, кои были зашедшіе изъ разныхъ мѣстъ и, не имѣвъ своихъ осѣдлостей, въ тѣхъ школахъ проживали, получая отъ родителей тѣхъ учениковъ за ученье умѣренный платежъ деньгами и хлѣбомъ, однако то было во время свободнаго съ мѣста на мѣсто перехода людей, т. е. до сочиненія въ 1782 году ревизіи, а когда затѣмъ таковый переходъ преключенъ и тѣ дьячки, поступивъ по оной ревизіи въ званіе, каждому свойственное, обзавелись жительствомъ въ своихъ домахъ, а школы между тѣмъ пришли въ обветшалость, то сами по себѣ и упразднились, и нынѣ таковыхъ училищъ въ губерніи полтавской нѣтъ. Обучаются же по нѣкоторымъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ дѣти дворянскіе, козачіе и другаго званія начальной россійской грамотѣ,

граматки, часослова и исалтирѣ у дьячковъ приходскихъ церквей и другихъ частныхъ людей, собственными своими домами живущихъ, за разнообразную по договорамъ заплату. О чёмъ вашему сиятельству честь имѣю донести. Полтавскій губернаторъ Сонцевъ. (Архивъ полт. губ. правленія № 153. 10 ноября, 1803 года, № 4827).

Получивъ это донесеніе, князь Куракинъ еще разъ отнесся къ губернатору Сонцеву:

Господину полтавскому гражданскому губернатору.

Степень ученія, въ предварительныхъ правилахъ о народномъ просвѣщеніи названная «приходская училища», по мнѣнию моему, заключаетъ въ себѣ тѣ самыя школы по нѣкоторымъ городамъ, мѣстечкамъ и селеніямъ полтавской губерніи, где дѣти дворянскіе, козачіе и другаго званія обучаются начальной россійской грамотѣ у дьячковъ приходскихъ церквей и другихъ частныхъ людей, хотя собственными своими домами живущихъ, за разнообразную по договорамъ заплату; а поелику не имѣютъ они никакого еще образованія, я прошу ваше превосходительство, собравъ вѣрнѣйшie объ оныхъ подробнѣя свѣдѣнія: въ которыхъ мѣстахъ они именно существуютъ и на какихъ основаніяхъ, доставить ко мнѣ, употребивъ при томъ начальственное ваше почененіе въ приведеніи тѣхъ училищъ въ положеніе, соотвѣтственное правиламъ для нихъ предначертаннымъ. Свѣдѣнія, сколько и где именно по губерніи таковыхъ существуетъ, оныя доставить ко мнѣ. Малорос. генер.-губернаторъ. (Архивъ полт. губ. правленія, по описи, № 153). Ноября 30 дня, 1803 г. № 5750.

Миністръ св. синода и указъ правит. сената обѣ участіи сельского духовенства въ преподаваніи въ школахъ.

Указъ его императорскаго величества самодержца всероссійскаго. Изъ малоросійскаго полтавскаго губернскаго правленія заступающему мѣсто здѣшняго губернскаго маршала, приукскому повѣтовому господину маршалу Горленку. Въ указѣ его императорскаго величества изъ правительствующаго сената, отъ 31 января подъ №. 1622 пущенномъ, а въ семъ правленіи 23 февраля сего года полученномъ, напечатано: по указу его императорскаго величества правительствующей сенатъ слушали донесеніе министра народнаго просвѣщенія, господина дѣй-

ствительного тайного советника, сенатора и кавалера графа Петра Васильевича Завадовского, что препровождение къ нему при указѣ правительствующаго сената прошедшаго 1804 года, сентября 12 дня вѣденіе святѣйшаго синода о сдѣланномъ въ ономъ положеніи касательно преподаванія священно и церковно-служителями въ сельскихъ приходскихъ училищахъ ученія предложено отъ него было главному училищѣ правленію, которое признало принятія по сему предмету святѣйшимъ синодомъ мѣры на первый случай достаточными; съ каковымъ мнѣніемъ онъ, господинъ министръ, будучи согласенъ, представляя о семъ правительствующему сенату, возвращая при томъ въ подлинникѣ помянутое вѣденіе² святѣйшаго синода, въ которомъ значить: что святѣйший синодъ, разматривая мнѣнія, вступившия отъ епархиальныхъ архіереевъ, относительно преподаванія въ приходскихъ училищахъ священно и церковно-служителями ученія и соображаясь какъ съ предварительными правилами народнаго просвѣщенія, такъ и съ обстоятельствами самихъ священно-церковнослужителей, находитъ, что въ приходскихъ училищахъ назначается продолжать ученіе отъ окончанія полевыхъ работъ до начала оныхъ въ слѣдующемъ годѣ; а въ показанное время священно и церковно-служители, упражняясь въ земледѣліи, имѣютъ слѣдующія занятія: убираютъ хлѣбъ съ поля, молотятъ, сѣно, солому и дрова возять, присмотръ имѣютъ за прокормленіемъ скота, производятъ починку и строеніе около дома, пеньку мочать, сушатъ, обрабатываютъ и возятъ въ городъ избытки свои для продажи, по званіямъ же ихъ занимаются служеніемъ и требами, исправляютъ сверхъ того должности благочинныхъ, духовниковъ, депутатовъ, занимаются перепискою метрическихъ и исповѣдныхъ книгъ. а въ случаѣ выбытія изъ котораго прихода священника, до опредѣленія другаго, отправляютъ и по тому приходу служеніе и требы, для каковыхъ требъ, особенно гдѣ прихожане живутъ въ разныхъ мѣлкихъ селеніяхъ и въ отдаленности отъ церквей, бываютъ въ отлучкѣ по нѣскольку времени; почему и нѣть надлежаніей удобности преподать то ученіе самимъ священникамъ. Но съ другой стороны, пріемля въ разсужденіе имѣющіяся при церквяхъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ по два и по три кониекта священно-церковнослужителей, а особенно по такимъ приходамъ, которые по разнымъ и отдаленнымъ селеніямъ не разсѣяны, усматривается, что можно на первый случай и доколѣ не будутъ совершенно приготовлены предположенные для сего учителя, начать преподавать оное ученіе учившимся въ семинаріяхъ и испи-

таннымъ въ честномъ и добромъ поведеніи и въ прилежномъ званія своего прохожденіи дьяконамъ и причетникамъ подъ смотрѣніемъ относительно нелѣнностнаго преподаванія ими ученія приходскаго священника и благочиннаго; а въ разсужденіи должностнаго тому повиновенія и послушанія учащихся, на основаніи предварительныхъ правильнароднаго просвѣщенія главы I, статьи 4, подъ надзираніемъ почетнѣйшаго жителя. А по таковымъ обстоятельствамъ святѣйшій синодъ впредь до разсмотрѣнія и полагаетъ: *Первое*, училища въ приходахъ учредить по сошеніямъ съ епархіальными архіерѣями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть такие священнослужители, кои могутъ преподавать ученіе, въ противномъ случаѣ епархіальные архіереи не оставлять своихъ мѣръ переведеніемъ или опредѣленіемъ въ тѣ приходы способныхъ къ сему преподаванію. *Второе*, училища въ домахъ священноцерковнослужителей не учреждать, а отводить для сего особые domы отъ свѣтскаго правительства, неподалеку отъ жилищъ священноцерковнослужителей и прихожанъ; да и самое ученіе преподавать по книгамъ, какія изданы будуть по повелѣнію правительства, и учащимъ какъ для покупки книгъ, такъ и для прочаго нужнаго къ преподаванію ученія никакихъ расходовъ отъ себя не имѣть. *Третье*, въ селеніяхъ обращавшихся въ православную вѣру греко-российскаго исповѣданія, какъ то: корель, черемисъ, мордвы, вотиkovъ, татарь, чувашъ и прочихъ, кои дѣти по-русски не разумѣютъ, учить священно и церковнослужителямъ въ школахъ и въ церквяхъ наставленіе производить на ихъ природномъ языке дотолѣ, доколѣ всѣ ихъ прихожане отъ мала до велика разумѣть будутъ совершенно российскій языкъ; а для преподаванія такового ученія и можно будетъ употребить на первый случай назначенные святѣйшимъ синодомъ къ изданію въ печать книги на российскомъ языке съ переводомъ на упомянутые, содержащія въ себѣ церковныя молитвы, символъ вѣры, десятословіе и катехизисъ, каковыя книги для сихъ образценныхъ въ вѣру греческаго исповѣданія народовъ могутъ послужить къ лучшему вразумленію ихъ и понятію о богоочитаніи и истинномъ познаніи святости христіанской вѣры. И для того въ тѣ села во всѣ священнослужительскіе чины, открываться имѣюще, производить или изъ семинаріи тамошнихъ уроженцевъ, знающихъ непремѣнно употребляемый тамъ языкъ, или и самыхъ жителей, обучая послѣднихъ при производствѣ первымъ дѣйствіямъ ариѳметики въ семинаріи. *Четвертое*, буде учительская должностъ одному опредѣленному въ оную окажется тягостною, въ тако-

вомъ случаѣ позволить священноцерковнослужителямъ чередоваться въ оной погодно или какъ они сами за благо и полезно для себя разсудятъ; а къ таковому облегченію ихъ себя, особенно же въ которомъ селѣ окажется изъ священно и церковнослужителей одинъ только ученикъ, а прочие нимало въ семинаріяхъ и училищахъ не обучавшися, долженъ обучающій на ряду съ будущими учениками заставить слушать въ училищахъ и причетниковъ нужное къ учительскому званію и приготовлять на помощъ себѣ, а со временемъ и на перемѣну себя, что исполниться можетъ въ очень короткое время, ибо читать и писать каждый церковникъ, безъ сомнѣнія, знаетъ, а остается только показать каждому начальная дѣйствія ариѳметики, до чего прочие ученики временемъ нужнымъ на обученіе читать и писать дойти могутъ; слѣдовательно каждый изъ причетниковъ неученыхъ къ нужному времени исправиться можетъ. *Пятое*, если гдѣ окажутся священно и церковнослужители всѣ въ семинаріи и духовныхъ училищахъ не обучавшися, въ такомъ случаѣ переводить въ оные изъ другихъ сель, въ коихъ таковыхъ избыточно окажется, по согласію однакожъ нужныхъ къ переводу, а затѣмъ несогласіе на то прихожанъ и самого переведимаго за неспособностію причетника не уважать; равнымъ образомъ и изъ обучающихъ дьяконовъ и причетниковъ преимущественно производить въ высшія степени на открывающіяся при другихъ церквяхъ мѣста, гдѣ нѣтъ таковыхъ училищъ, дабы когда сіи и тамъ учредятся, могли они преподавать въ нихъ ученіе или имѣть смотрѣніе надъ училищами; соразмѣряя сему, дѣлать опредѣленіе въ мѣстахъ и семинаристовъ, какъ оканчивающихъ ученіе, такъ и выписываемыхъ за неспособность къ высшимъ наукамъ учениковъ, но для обученія въ приходскихъ училищахъ довольно наставленными быть должностующихъ. *Шестое*, у обучающихъ въ училищахъ священно и церковнослужителей за небытіе ихъ во время преподаванія ученія при исправленіи требъ, подлежащихъ на ихъ часть доходовъ какъ отъ земли, такъ и отъ требъ, не удерживать. *Приказали*: поелику оное положеніе правительствующаго синода о преподаваніи священно и церковнослужителями въ сельскихъ приходскихъ училищахъ ученія, какъ главнымъ училищъ правленіемъ, такъ и господиномъ министромъ народного просвѣщенія признано на первый случай достаточнымъ, то и сенатъ, соглашаясь съ онимъ, полагаетъ всѣмъ начальникамъ губерній и губенскімъ правленіямъ предписать, дабы они къ благополучишишему произведенію въ дѣйство таковыхъ святѣйшаго синода

мѣропріятій содѣйствовали всегда по отношеніямъ духовныхъ начальствъ всѣми зависящими отъ нихъ мѣстными распоряженіями, для свѣдѣнія же дать знать о томъ и прочимъ присутственнымъ мѣстамъ, а равно и гг. министрамъ указами, московскимъ же сената департаментамъ вѣденіемъ, каковое сообщить и въ святѣшій правительствующій синодѣ для дальнѣшаго съ его стороны по вышеизъясненному положенію его распоряженія. И по указу его императорскаго величества, малороссійское полтавское губернское правленіе опредѣлили: по оному чинить отъ сего правленія должное исполненіе, для свѣдѣнія обѣ ономъ и равномѣрного въ потребномъ случаѣ исполненія, съ прописаніемъ того правительствующаго сената указа, послать таковые отъ правленія губернскому и всѣмъ повѣтовымъ господамъ маршаламъ, полиціймейстерамъ и подкоморскимъ судамъ, городовымъ магистратамъ и ратушамъ указы. И о семъ въ здѣшнія казенную палату, генеральный судъ по обоимъ департаментамъ и приказъ общественнаго призрѣнія сообщить, совѣтскому суду предложить. Июля 28 дня, 1805 года. (Арх. Полт. Двор. Собр., 1805 г., по описи № 109, и Цолт. Губ. Правленія, по описи № 247).

Увѣдомленіе Кременчускаю нижняю земскою суда о существованіи школъ.

Хотя въ прежнихъ годахъ состояли по селеніямъ при приходскихъ церквяхъ училища подъ названіемъ отъ простолюдиновъ «школы» и въ нихъ бывали ученики, большую частію, изъ козачьихъ и крестьянскихъ дѣтей и симъ россійской грамоты преподавалось отъ приходскихъ дьячковъ, кои были запещіе съ разныхъ мѣстъ и, не имѣвъ осѣдлостей, въ тѣхъ школахъ проживали, получая отъ родителей тѣхъ учениковъ за учение ихъ умѣренный платежъ деньгами и хлѣбомъ, однако то было во время свободнаго съ мѣста на мѣсто перехода людей, то есть до сочиненія въ 1782 г. ревизіи, а когда затѣмъ таковый переходъ преключенъ и тѣ дьячки, поступивъ по оной ревизіи въ званіе каждому свойственное, обзавелись жительствомъ въ своихъ домахъ, а школы, между тѣмъ, пришли въ обветшаость. то сами по себѣ упразднились и нынѣ таковыхъ въ здѣшнемъ повѣтѣ нѣть, обучаются же, и то въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, козачьи дѣти россійской грамотѣ у дьячковъ приходскихъ церквей, собственными своими домами живущихъ, за плату симъ по договореннымъ неодинаковыми цѣнами въ разсужденіи, что таковые ученики въ маломъ числѣ обучаются въ зимнее время, а въ лѣтнее

большою частью занимаются полевыми работами. (Донесение отъ 16 мая 1803 г. за № 1873, по описи Полт. Губ. Правлениі № 247).

Число школъ и учащихся въ 1803 г. въ полт. цуб.

Князь А. Б. Куракинъ очень интересовался узнать, существуютъ ли еще школы въ Малороссіи, почему и предписалъ всѣмъ городничимъ собрать свѣдѣнія о школахъ въ уѣздныхъ городахъ, а нижнимъ земскими судамъ о школахъ въ уѣздахъ, что и было исполнено. Донесенія ихъ сохранились въ архивѣ; мы сочли за лучшее, въ видахъ сохраненія мѣста, а также для большей наглядности, всѣ эти данные сгруппировать въ видѣ таблицы. Эти данные заключаются въ дѣлѣ архива Полтавскаго Губернскаго правлениія, за № 247. Они относятся къ 1803 году.

Уѣздные города.

	Число школъ при церквяхъ.	У ч а щ и е с я .									
		Дѣти дворянъ.	Козаковъ.	Священно-служ.	Церковно-служ.	Помѣш. крест.	Мѣщанъ.	Купцовъ.	Дѣти чиновник.	Солдатъ.	Воен. поселянъ.
Пирятинъ	1	3	—	—	—	—	4	—	—	—	—
Кременчугъ	3	17	—	—	—	—	45	6	—	—	—
Ромны	2	2	6	—	—	3	14	1	—	—	—
Шеряславъ	3	5	1	—	—	2	15	—	6	2	1
Хороль	4	8	7	—	5	3	6	—	—	—	—
Итого	13	35	14	—	5	8	84	7	6	2	1
											2

Въ остальныхъ городахъ, если вѣрить донесеніямъ, школъ не было, какъ то: въ Лубнахъ, Миргородѣ, Гадячѣ, Полтавѣ, Константиноградѣ, Прилукахъ.

Школы по уездамъ.

УѢЗДЫ.	Число школъ при церквяхъ.	УЧАЩИЕСЯ.									
		Дѣти дворянъ.	Козаковъ.	Священнослуж.	Церковно-служ.	Помѣщ. крест.	Мѣщанъ.	Купцовъ.	Дѣти чиновник.	Воен. посланн.	Солдатъ.
Переяславскій . .	18	20	53	4	2	8	--	--	--	--	—
Золотоношскій . .	16	47	53	2	1	—	3	1	—	—	22
Полтавскій . . .	6	39	24	—	4	8	9	--	--	--	10
Хорольскій . . .	8	8	7	—	5	3	6	—	—	—	—
Итого	48	114	137	6	12	19	18	1	—	—	32

Сюда еще надо прибавить константиноградскій уѣздъ, куда входило въ то время много сель, перечисленныхъ потомъ въ кобелякскій уѣздъ. Въ константиноградскомъ уѣзда было всѣхъ школъ 22, а обучавшихся въ нихъ 187, изъ которыхъ училось букварю 24, часослову 53, исалтири 50 и обучалось письму 60. Определить число учащихся по сословіямъ трудно на основаніи 'донесенія нижняго земскаго суда.

О школахъ въ остальныхъ уѣздахъ свѣдѣнія таковы: въ миргородскомъ нѣть, въ лубенскомъ, пищеть нижній земскій судъ, школъ нѣть, а обучаются дѣтей козаки и дьячки въ своихъ домахъ; то же самое въ ирилукскомъ, роменскомъ и пирятинскомъ, гдѣ школъ нѣть, а есть, какъ видно изъ донесеній, при церквяхъ избы, гдѣ живутъ церковники такъ называемые дьячки, но избы, большую частью, собственныя, гдѣ дьячки обучаются грамотѣ. Въ хорольскомъ нѣтъ 8 школъ и обучающихся всѣхъ 53 (по сословіямъ не указано). Подведя итоги, мы видимъ, что въ 1803 году въ полтавской губерніи было: школъ 87, а обучалось въ нихъ 738 чел. Но это были только жалкіе остатки той густой сѣти школъ, какая существовала здѣсь въ XVIII ст.

Проектъ сѣти школъ въ полтавской губерніи.

Князь А. Б. Куракинъ въ 1805 г. предложилъ полтавской казенней палатѣ составить приблизительный расчетъ, сколько потребуется

начальныxъ школъ въ губерніи, во что можетъ обойтись наемъ помѣщений и отоплениe ихъ. Казенная палата представила такой проектъ въ 1807 году, 28 мая. Эти статистическія данныxъ не лишены интереса. Данныxъ эти озаглавлены: «Вѣдомость, составленная изъ доставленныхъ отъ волостныхъ правленій и староствъ свѣдѣній о состоящихъ въ дистанціи оныхъ вѣдомства казеннаго обитателей церквахъ, имѣющихъ одинъ или два, три прихода, по количеству людей, и въ тѣхъ приходахъ ревизскихъ мужескаго пола душахъ, съ объясненіемъ, въ какихъ приходахъ предполагаются училища для народнаго просвѣщенія. Учинена мая 28 дня, 1807 года (Арх. Полт. Губ. Правленія, по описи № 247, л. 281—323).

Надо сказать, что эта вѣдомость очень подробна; мы беремъ изъ нея только итоги по каждому уѣзду.

П О ВЪТ Ы.	Ч И С Л О.				Во что ежегодно сії домы обществу обой- дутся примѣрно.	
	Церкв.	Приходовъ.	Мужск. пола душъ,	Приходскихъ училищъ.	Наемъ помѣще- нія.	Отопле- ніе.
					рубли.	рубли.
Полтавскій . . .	51	59	30235	38	218	945
Константиноград.	16	19	9422	17	235	260
Кобелякскій . . .	62	71	30455	49	345	660
Кременчугскій . . .	37	41	16399	33	460	1215
Золотоношскій . . .	55	60	21764	45	469	639
Хорольскій . . .	37	44	19349	34	943	981
Лубенскій . . .	54	56	20649	44	290	460
Пирятинскій . . .	37	40	12215	37	433	717
Переяславскій . . .	104	110	26612	53	2245	1125
Прилуцкій . . .	54	59	21652	48	446	516-50 к
Роменскій . . .	43	59	28266	32	688	930-50 к
Лохвицкій . . .	78	82	25808	56	871	718
Миргородскій . . .	46	53	20771	33	512	605
Гадячскій . . .	40	61	24267	37	928	1125
Звѣньковскій . . .	57	70	29860	42	683	714
В С Е Г О . . .	777	884	337713	598	9766	11606

Какая роль „Возьного“ въ „Наталкѣ-Полтавкѣ“?

На памятникѣ Котляревскому въ Полтавѣ изображена изъ «Наталки-Полтавки» сцена разговора Возьного съ Наталкою въ тотъ моментъ, когда его прерываетъ Выборный пѣснею «Дідъ рудый, баба руда!» Выборный показывается изъ-за огромной вербы слѣва, тогда какъ обыкновенно на сценѣ онъ выходитъ изъ задней правой кулисы, при чемъ лѣвую авань-сцену занимаетъ хата, куда уходитъ Наталка съ ведрами. Почему художникъ взялъ эту сцену, а не «Розмышиявъ я предовольно...», гдѣ могъ бы быть представленъ весь персоналъ піесы въ моментъ наибольшаго напряженія чувствъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, почему онъ напечь нужнымъ измѣнить обычную декорацию,—это дѣло его выбора и вкуса. А поскольку вѣрно изобразилъ онъ типы избранныхъ лицъ для горельефа,—это дѣло исторической критики, такъ какъ время дѣйствія «Наталки-Полтавки» въ пригородномъ селѣ подъ Полтавою удалено отъ настъ чутъ-ли не на такой же періодъ, какъ и время дѣйствія въ «Недоросль» Фонть-Визина.

Мы хотимъ сказать нѣсколько словъ объ одномъ изъ трехъ лицъ этого горельефа, именно о Возьномъ: изображенъ ли онъ такимъ, какимъ представлялъ его себѣ авторъ этой удивительной піесы, не сходящей со сцены уже девятый десятокъ лѣтъ? Такимъ ли его представляютъ и артисты малорусскихъ театраль-

ныхъ трупъ, прибѣгающихъ, по отзыву специалиста, къ «Наталкѣ-Полтавкѣ», чуть только дѣла ихъ плохи:

... «Якъ тильки заробитку нема,—говорить г. Карпенко-Карый,—антрепреръ заразъ почыпае вышукувати у своїй труппи Выборного чы Возьного, або хоть и одну Наталку, абы поставы сю популярну піесу, щобъ хоть «зборъ узяты» ..

«Поставыть «Наталку»,—и пойный збиръ»¹⁾!

Очевидно, на трехъ указанныхъ лицахъ главнымъ образомъ держится успѣхъ піесы; очевидно, они три предпочтительнее передъ тремя остальными привлекаютъ внимание публики. Можетъ быть, поэтому и художникъ Позенъ выбрали именно ихъ для своего горельефа. Что же въ нихъ привлекательнаго? Въ чемъ секретъ живучести на сценѣ этой неумирающей піесы?

Лѣть 20 и 30 назадъ приходилось памъ слышать мнѣнія, что наивная по замыслу, слапцовая по изображенію въ ней пейзанъ «Наталка-Полтавка» должна бы быть сдана въ архивъ. А и теперь лица, высказывавшія такія мнѣнія, какъ увидѣть афишу «Наталка-Полтавка»,—идутъ въ театръ. Интрига піесы—крайне несложная: «пидстаркувата вже» баба Терпилыха, хорено узпавшая за свою жизнь, «якъ то гирко той насунцныкъ люде зарабляютъ», убѣждаетъ дочку спасти себя и ее отъ убожества и умоляетъ ее выйти замужъ за богатаго жениха, забывши Петра, пропадающаго гдѣ-то въ Тавріи или на Дону уже 4 года, а можетъ быть и совсѣмъ прошавшаго. Но Петро возвращается, застаетъ заручини Наталки за другого. Изъ этого возникаютъ разныя сцены, оканчивающіяся благополучно: любящіе сердца въсѣединяются!

Такъ все это башально, такъ пахнетъ Карамзинскими прописными правоученіями о пользѣ добродѣтели, что, кажется, давно бы пора перестать играть и посѣщать устарѣвшую піесу, проникнутую насквозь складомъ сентиментализма тоже Натальи, но не мухички, а боярской дочери. И однако и въ XX вѣкѣ ее играютъ, и публика идетъ слушать, и сборы піеса даетъ! И на-

¹⁾ Литературный збирникъ. У Кийви, 1903, стр. 105.

писать ее авторъ, который раньше à la Гоголь безпощадно осмеивалъ все окружающее въ лицахъ громовержца Юпитера, колебателя морей Нептуна и ниже и ниже по чинамъ вилотъ до «пройдышвитивъ и лашивъ»,—обидранныхъ Троянцівъ. И умудрился онъ какъ-то въ томъ же окружающемъ его обществѣ найти что-то такое, что и до сихъ поръ заманиваетъ въ театръ публику, а уходить она изъ театра не въ угнетенномъ состояніи, а съ разглаженными морщинами на челѣ и съ возобновленіою вѣрою, что стоитъ жить на свѣтѣ!

Гоголь, близкайшій землякъ Котляревскаго, похожденія своего Энея—Чичикова и другого пройдышвита Хлестакова писалъ и обрабатывалъ такъ-же долго, какъ и Котляревскій свою «Энейду», и тѣ же приемы юмора практиковалъ, что и Котляревскій. «Мертвяя душа» и «Энейда» одинаково дѣйствуютъ на читателя: онъ заливается смѣхомъ при чтеніи подробностей, но когда подводить итоги своимъ впечатлѣніямъ отъ этихъ сатирическихъ произведеній, то приходитъ къ заключенію Гоголя: «скучно на свѣтѣ, господа!» А выходя изъ театра послѣ представлѣнія «Ревизора» и «Наталки», зритель выносить противоположныя настроенія. Нахохотовавшись до упаду надъ всѣми дѣйствующими лицами (кромѣ развѣ дочери городничаго, хоть и глупенькой, но чистой дѣвицы), онъ чувствуетъ, какъ слезы и безотрадное отчаяніе начинаютъ душить его, особенно послѣ изъ ряда вонъ выходящаго трагического оклика Сквозника-Дмухановскаго:

«Чему смѣетесь? Надъ собою смѣетесь!»

Не утѣшаешь его и deus ex machina—появленіе жандарма въ форменномъ платьѣ!

При выходѣ же изъ театра послѣ представлѣнія «Наталки-Полтавки», нѣть мѣста даже для элегического настроенія зрителя, несмотря на то, что онъ слышалъ вопли горя изстрадавшейся Наталки, рѣшившейся на противоестественное самопожертвованіе для успокенія старой матери. Зритель испытывалъ спачала щемящее чувство сожалѣнія къ этой дѣвушкѣ, такъ задушевно выражавшей свою любовную тоску, свое отчаяніе и наконецъ мо-

литву о томъ, чтобы ей хоть разъ увидѣть Петра и... умереть. Это чувство сожалѣнія къ Наталкѣ и у дамъ, и у простолюдиновъ вызываетъ искреннія слезы. Когда мать упрекаетъ Наталку за ея безжалостное отношеніе къ ней и къ ея судѣбѣ; когда Выборный истязаетъ Наталку требованіемъ дать слово и не «згедзаться»; когда, давши это слово, она падаетъ на колѣни съ молитвою къ Богу,—зрителямъ вовсе не до смѣха, несмотря на шутливыя прибаутки Выборнаго о городскихъ барышняхъ, сотникахъ и хорунжихъ—«якъ той грекъ мовлявъ». Не до смѣху ему и тогда, когда Петро и Наталка—оба хотятъ покончить съ жизнью. Но тучи, накопившіяся въ теченіе всей піесы надъ несчастною долею влюбленныхъ и грозившія погубить ихъ, вдругъ какъ-то естественно, сами собою разсѣиваются—безъ волшебной налочки Финна, разгоняющей чары Наины въ «Русланѣ»; трагическое настроеніе на сценѣ переходитъ въ веселье всѣхъ дѣйствующихъ лицъ безъ исключенія, а зрители, выслушавъ радостную и торжественную пѣсню о «згодѣ въ семействѣ», также съ облегченнымъ и развеселившимся сердцемъ расходятся по домамъ.

Подкупы, взяточничество, пьянство героевъ «Энейды», какъ и «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора», не могутъ уничтожиться съ появлениемъ истиннаго ревизора вмѣсто самозванца, или другого какого-либо чудеснаго избавителя міра отъ золъ, такъ какъ ни Чичиковъ, ни Сквозникъ-Дмухаповскій, при существованіи того строя жизни, какимъ они окружены, измѣниться не могутъ. Это ясно всякому, и потому наружный, видимый міру смѣхъ, какъ у авторовъ, такъ и читателей и зрителей, переходитъ въ подавляемая внутри слезы. Какимъ же способомъ композиціи, какою формою конструкціи своей піесы Котляревскій достигаетъ обратнаго перехода отъ горькаго къ радостному чувству? Если онъ по приемамъ художественнаго творчества въ «Энейдѣ» является родственнымъ Гоголю, то и въ этомъ отношеніи, т. е. по содержанію, чѣмъ «Наталка» отличается отъ «Энейды», піесы того же автора, или «Ревизора», піесы его земляка?

Тема поэмы Котляревскаго -- политический и социальный строй съ крѣпостнымъ правомъ, какъ основою жизни, съ пошлостью,

пьянствомъ и чревоугодiemъ—въ ея проявленіяхъ. Въ п'єсѣ же «Наталка-Полтавка» эта сторона жизни отодвинута на второй планъ: Возьный и Выборный выпиваются, потому что ритуалъ заручинъ того требуетъ, или же потому, что второму случайно подвернулся панъ Шипавка; обстройка города Полтавы, новости о реформахъ въ земской жизни и судебномъ мірѣ, клоняющихся къ искорененію взяточничества, извѣстіе о появленіи на сценѣ Харьковскаго театра новой п'єсы князя Шаховскаго и т. п.—являются вставными анекдотами, не связанными съ ходомъ дѣйствія; главною же цѣлью п'єсы является анализъ души человѣческой, насколько она, вѣдь соціальныхъ положеній и политическихъ правъ, проявляеть себя въ сферѣ семейныхъ отношеній. Гоголь подъ коленъ своей жизни молился передъ образами и просилъ у нихъ ниспослать ему вдохновеніе, чтобы изобразить идеально-хорошаго помѣщика вѣдь отмѣны крѣпостнаго права... по образы идеально-нравственныхъ людей выходили трафаретными, расплывчатыми, недостойными пера и кисти этого великаго художника. Котляревскій, съ тѣмъ же сарказмомъ и юморомъ, какъ и Гоголь, бичевавшій строй современія ему общества, доживши до 50 лѣтъ, въ годъ изданія Аракчеевской разїїки «душъ» въ 22, 44, 66, 88, 110 и т. д. до 1000 руб. за штуку, смотря по возрасту продаваемыхъ душъ¹⁾,—съумѣль написать п'єсу, которая и до сихъ поръ образами высоконравственныхъ людей въ убогой обстановкѣ пробуждаетъ въ зрителяхъ отрадный взглядъ на міръ Божій.

Болѣе поверхностное мнѣніе по этому поводу можно часто слышать такое. Обратившись къ пасторальному быту пейзажъ и къ сферѣ сельской идиліи, Котляревскій противопоставилъ чистоту отношений селянъ—извращенной цивилизациѣ города чиновничьей средѣ, переполненной ябедою, крючкотворствомъ и взятками. Онъ представилъ, съ одной стороны, героя Петра, который 4 года возитъ сѣно и иненницу и пасеть овецъ, хоть и не

¹⁾ Первое полное собраніе законовъ Р. И. Т. XXXVIII, № 29312 и т. XXXIX, № 29, 768

у дяди Лавана, а гдѣ-то въ Донскихъ станицахъ, откуда является на сцену съ чистымъ сердцемъ, а съ другой—изувѣра, живущаго по законамъ конца XVIII и начала XIX вѣка «животами просителей» и выполняющаго роль судебнаго пристава—Возьного. Какъ видно изъ «Москаля чаривыка» того-же Котляревскаго, въ тѣ времена на Украинѣ распѣвались сладостныя пѣсенки въ родѣ:

«Не прельщай уже мене, драгая, болѣ,
Бо я и самъ уже тобой прелстился!...»

или:

«Почто, ахъ, не склонна!...»

или еще лучше:

«Прочь, обманъ всякой славы,
Прочь и вы, все забавы: прочь! прочь!
Я, стадо овцѣ гоня,
Тѣшу въ лугахъ себя!
Кушанье мни не въ думци
Хлѣбъ и сѣль ношу въ сунци (т. е. въ сумкѣ)
Сладку воду пью,
Въ рощахъ подъ тѣнью силю! и т. д.

Такія и подобныя пѣсни размножались подъ вліяніемъ сильно распространявшагося тогда на югѣ ученія Сковороды, который въ своихъ сочиненіяхъ также писалъ:

«Ничего я не желатель, кромѣ хлѣба и воды!»

или:

«О селянскій, любый, мылый мій покою»¹⁾!

Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ журналѣ «Русское Слово», когда публицисты хотѣли смотрѣть на міръ «трезво»,— и эти чувствительныя пѣсни и все ученіе Сковороды обзывались «схоластическою ерундой и семинарскою мертвичною». Но раньше (въ 20-хъ и 30-хъ годахъ того же прошлаго вѣка), когда и

¹⁾ Сочиненія Г. С. Сковороды. Харьковъ 1894. Стр. 268, 289.

«Телескопъ», и «Отечественныя Записки» очень интересовались Сковородою, такого рода пѣсни были еще въ фаворѣ. Понятно, что и Котляревскій влагалъ ихъ въ уста дѣйствующихъ лицъ; а затѣмъ всѣмъ известно изъ Тургенева, что «хохлы» — очень чувствительный народъ, и стоитъ лишь имъ запѣть:

«Грае, грае воронае! —

они сейчасъ же раскиснутъ и расплачутся. Такъ и съ «Наталко Полтавкою» вышло: играютъ ее и поютъ «Вѣютъ вѣтри», или «Иды жъ, Петре, до тіи», — а они и плачутъ!

Такіе комментаріи какъ будто и просты, и ясны; но они крайне поверхностны, ибо не даютъ объясненія тому факту, который у всѣхъ передъ глазами: что несмотря на повременные смѣны настроеній въ обществѣ сентиментального, романтическаго, объективно-идеалистического, натурально-реалистического, материалистико-атеистического, сатирическаго, нигилистического, спиритуалистического, соціаль-демократического, материаль-экономического, марксического, неомарксического, декадентскаго и проч. и проч. — «Наталку Полтавку» съ одинаковою охотою слушали и слушаютъ вѣтъ уже девятое десятилѣтіе... Всѣ подобные комментаріи не разрѣшаютъ вопроса о томъ, какія особенности отличаютъ эту театральную піесу отъ другихъ подобныхъ и создали для нея такое же бессмертное положеніе въ репертуарѣ, какое имѣеть и «Ревизоръ». Очевидно, что, кромѣ трогательныхъ пѣсень и мѣткіхъ выражений, въ «Наталкѣ-Полтавкѣ» есть какая-то основная мысль, которая можетъ пережить десятки лѣтъ съ измѣненіями въ теченіи ихъ и вкусовъ и требованій публики. Отыскать ее и разсмотреть въ связи съ тѣми умопачертаніями, какія подъ вліяніемъ Сковороды исповѣдывалъ авторъ, будетъ плодотворнѣе, чѣмъ отыскивать мѣткія, стереотипныя выраженія того или другого изъ дѣйствующихъ лицъ, ставшія поговорками на югѣ Россіи.

Къ Сковородѣ, оставившему службу профессора потому, что онъ не могъ при изложеніи своего предмета подчиняться программамъ и инструкціямъ, преподаваемымъ со стороны, и отправившемуся съ котомкою за спиною подъ «селянськую сѣнь» простыхъ хатъ, относятся теперь уже не такъ, какъ во времена,

когда Пушкина объявляли пустомелею, воспѣвавшимъ неизвѣстно, для чего кисейныхъ барышень. Послѣ новаго болѣе полнаго изданія сочиненій Сковороды признано то, что утвердилъ много разъ Костомаровъ относительно широкаго вліянія его на умственную жизнь Юга Россіи конца XVIII и начала XIX вѣка. Есть возможность уже прослѣдить до извѣстной степени ту преемственность идей, какая имѣла мѣсто при развитіи южнорусской интеллигентіи новаго типа послѣ объединенія старой Малороссіи, Слободской Украины, Юго-Западнаго края и Новороссіи. Когда перестали дѣйствовать старыя типографіи на югѣ Россіи, а традиціи былого просвѣщенія сохранялись еще кое-какъ въ школахъ мандрорванныхъ дьяковъ, мало по малу утрачивавшихъ свои знанія,— сочиненія Сковороды переписывались везде на Югѣ Россіи еще очень долго—льть 70—80 послѣ ихъ написанія, что подтверждается массою рукописныхъ списковъ его сочиненій. Шевченко, въ своемъ стихотвореніи, посвященномъ Козачковскому, признается, какъ онъ на краденый у дьяка пятакъ покупалъ листъ бумаги, и составлялъ—

Маленьку книжечку; хрестамы
И вызерункамы зъ квиткамы
Кругомъ листочки обведу,—говорить онъ:
Та й зпysую «Сковороду».

А время, когда этотъ гениально-талантливый мальчикъ учился у дьяка, относится уже къ 20-мъ годамъ XIX вѣка, тогда какъ первое большое сочиненіе Сковороды для молодого шляхетства харьковской губерніи было написано въ 1766 году. Что Шевченко, списывая сочиненія Сковороды, вникалъ и въ мысль ихъ, видно изъ позднѣйшихъ его произведеній, выраженія которыхъ непонятны безъ сличенія съ ученіемъ Сковороды, напр., о значеніи для духовной жизни человѣка утренняго (невечерняго) и вечерняго свѣта («И свить тыхый невечерній тыхенько засяй») и т. п. Что и Шевченко, и Котляревскій были подъ обаяніемъ ученія Сковороды—сомнѣній быть не можетъ. А училъ Сковорода и украинское шляхетство въ аудиторіяхъ Харьковскаго кол-

легіума, и добившихся, въ замѣнъ шляхетства, званія дворянства знакомыхъ ему помѣщиковъ (ходатайствовавшихъ впослѣдствіи обѣ учрежденія университета въ Харьковѣ), и мужиковъ по селамъ и хуторамъ—простой философской морали, хотя и выраженной въ замысловатыхъ выраженіяхъ, что «счастье доступно каждому»—не такъ, какъ другіе атрибуты нашей жизни, какъ напр., богатство, здоровье, какіе достаются въ удѣльь далеко не всѣмъ; училь онъ, что *жлєпѧ та' жахъ*, т. е. что трудно дѣлать зло, а добро дѣлать очень легко, и дѣлать его—необходимо нужно; а все нужное—вовсе не трудно. «Нужно ли солнце, вода, земля, огонь?»—спрашивалъ онъ учениковъ своимъ сократическимъ методомъ: «а трудно ли пользоваться этими благами?» Всѣ люди—равные братья, и истина, по утвержденію Сквороды, доступна и простому мужику, и образованному вельможѣ.

При такихъ исходныхъ точкахъ зрењія на людей, добро и зло, не могъ Котляревскій осмѣшивать одно какое-либо сословіе, одно какое-либо соціальное положеніе, противопоставляя его другимъ. Въ «Прѣ бѣса съ Варсановою», гдѣ послѣдній есть Григорій Савичъ Скворода, люди дѣлятся на классы иначе, и для нихъ тутъ указываются два пути жизни: одинъ путь радости—путь скромный и тихій (по которому слѣдуетъ и Скворода); другой путь—вентерь (вятеръ—рыболовный снарядъ)—путь сребролюбцевъ, сластолюбцевъ, честолюбцевъ, шествующихъ подъ звуки музыки и лязгъ бичей среди запаха гастрономическихъ кушаній, при восклицаніяхъ тѣржествующихъ листецовъ и т. п. Есть, наконецъ, люди, которые не рѣшаются вступить открыто ни на одинъ изъ этихъ путей, а постоянно стоять между двухъ стульевъ, идутъ какъ-то по срединѣ между двумя ясными путями. Это—лицемѣры: «есть то сатана, преобразившійся въ ангела свѣтла; не быть сего злѣ во всемъ адѣ!»—говоритъ Скворода.

Сославши въ адъ представителей двухъ послѣднихъ разновидностей въ своей «Энейдѣ», не разбирая чиновъ ихъ—отъ царей и до бояръ и «бывшихъ людей», послѣдователь ученія Сквороды сталъ искать идущихъ по первому, тихому и незамѣтному пути, но по пути истины. И онъ нашелъ ихъ—во всѣхъ шести

лицахъ персонала своей «Наталки-Полтавки», несмотря на присущія каждому личные недостатки.

Общепринятое мнѣніе гласить, что нельзя во всѣхъ ихъ видѣть положительные типы, что много есть отрицательныхъ чертъ и въ Выборномъ и въ матери Наталки; что же касается Варьного, то это—отъ начала до конца типъ отрицательный, выведенныи Котляревскимъ съ цѣлью оттѣнить всю прелесть неиспорченности пэйзанъ. Вотъ по этому поводу мы и желаемъ высказать противоположное мнѣніе, которое, можетъ показаться парадоксальнымъ многимъ изъ артистовъ малорусскихъ театральныхъ труппъ. Имъ кажется, что и Выборный, и Варьный выведены авторомъ для осмѣянія ихъ и косвенного возвеличія остальныхъ действующихъ лицъ.

Выборного бурлака Мыкола характеризуетъ какъ такую хитрую лисицу, которую нужно посыпать туда—«де и чортъ не зможе». Онъ и Варьного опредѣляетъ не иначе, какъ—«юриста завзятый и хапунъ такой, що й зъ ридного батька злущыть». Но и теперь всѣ бурлаки Мыколы точно такъ-же выражаются обо всѣхъ адвокатахъ, попахъ, докторахъ, землемѣрахъ, инженерахъ и прочихъ представителяхъ профессионального труда, неоплачиваемаго определеннымъ жалованьемъ. А самое главное, что тотъ же Мыкола знаетъ, что и Варьный, и Выборный, и Терпилыха—полтавцы, а всѣ полтавцы, по его мнѣнію, не плачутъ, а веселятся, гуляютъ и радуются. По заключительной пѣснѣ піесы авторъ также всѣхъ полтавцевъ безъ исключенія причисляетъ къ идущимъ по пути работы Сковороды: «злые»—плачутъ, но между полтавцами—нѣть злыхъ: оттого они и гуляютъ и веселятся.

Но неужели и Варьный причисленъ авторомъ къ этимъ ликующимъ при побѣдѣ добра падъ зломъ полтавцамъ?

— «Варьный—приказная строка, канцелярская крыса, типъ крючка и ябдника, увы, весьма среди хохловъ распространенный!»—говорить авторъ въ одной изъ статей, посвященныхъ Котляревскому по случаю открытия ему памятника¹⁾. Вставленнымъ

¹⁾) „Новое Время“ 1903. № 9870. Приложение.

междометіемъ «увы!» этотъ авторъ обнаружилъ свое если не полтавское, то «хохлацкое» происхожденіе. Ему жаль, что между его земляками много крючковъ и ябедниковъ. А намъ очень жаль, что онъ такъ голословенъ и не подтверждаетъ свое мнѣніе о Возьномъ какими-либо доказательствами.

Канцеляріи, въ которой, по словамъ этого автора, «со времень Екатерины II, а въ духовномъ вѣдомствѣ даже со временъ Петра I», пресмыкаются люди, подобные Возьному, на сценѣ „Наталки-Полтавки“—вовсе и нѣть; ни на кого эта приказная строка въ теченіе всего представления ябды не пишеть; если онъ и взяточникъ, какимъ рисуетъ его Мыкола,—прибавимъ мы отъ себя,—то ему также въ шесть не представляется случая взять такой „взяточкѣ, сырічъ вынужденный подарочекъ“, о какомъ онъ вздыхаетъ. Профессиональныя его дѣйствія и качества, обусловленныя регламентами Петра I или Екатерины II, авторъ „Наталки-Полтавки“ оставилъ въ сторонѣ. Со многими взяточниками, начиная отъ Юпитера и Нептуна, онъ имѣлъ дѣло въ своей „Энеидѣ“; тамъ онъ для нихъ, какъ политическихъ дѣятелей, нашелъ казни, усиливши Дантовскую и Виргиліевскую изобрѣтательность картинами дикихъ запорожскихъ расправъ съ преступникамъ. А здѣсь онъ беретъ Возьного вѣдь его общественной дѣятельности въ тотъ моментъ жизни, который нѣмцы называютъ *schönste Lenz der Liebe*, и анализируетъ его душу въ этотъ моментъ съ цѣлью рѣшить вопросъ, по какому изъ двухъ сковородинскихъ путей отправится его герой-полтавецъ?

Злоба Василиска, по словамъ Сквороды, царствуетъ въ мірѣ: онъ—глухъ, какъ камень, холodenъ, какъ ледъ. Но для чего является ледъ?—Для того, чтобы таять! Мертвая матерія вся лежитъ въ тузѣ (въ тугѣ, т. е. печали), въ пей нѣть ініціативы; она не можетъ вызвать любви въ себѣ. А у людей любовь эта есть, но она спитъ. Разбудите ее въ сердцахъ вашихъ, эту силу любви, мысли и стремлений къ идеалу,—и ледъ, заковавшій ваше сердце, растаетъ, а въ награду за то вы получите радость, выше которой ничего пѣть на землѣ.

Съ такими примѣрно рѣчами, при переводѣ на нынѣшній русской литературный языкъ съ языка Сковороды, на половину библейскаго, на половину малорусскаго и русскаго XVIII столѣтія, обращался къ однимъ своимъ ученикамъ этотъ философъ. Другимъ онъ могъ говорить: «Хочете быты веселыми, хотите радости,— робить добри дила! Не выненъ тому свить, что мы тужимо: мы сами тому вынни, бо сатана гасить божескій вогонь у нашему серци; а згасла въ ёму любовь,—воно жмется и тужить. Розбудить ёго, разтопить крыгу, шо вкрыла ваше серце, воскресить ёго,— и вы зазнаете счастя й радисть на земли!»

И Котляревскій заставилъ полтавца Возъного сдѣлать доброе дѣло,—и это доброе дѣло его замѣнило искусственное появленіе deus ex machina, чтобы піеса не окончилась трагически. Ипросимъ читателя не поискучать за болѣе подробнымъ изложеніемъ по тексту Котляревскаго хода роли Возъного, чтобы убѣдиться въ этомъ.

Онъ является на сцену, какъ человѣкъ, котораго въ первый разъ въ жизни заполонила любовь «съ ея небесною отрадой, съ ея мучительной тоской». Это произошло, по его признанію, тогда, когда онъ увидѣлъ «душистый, прекрасный, майскій» (варянтъ—«райскій») цвѣтокъ—Наталику. Съ тѣхъ поръ все въ головѣ его пошло вверхъ дномъ: канцелярскія бумаги, статьи и параграфы законовъ, судебные иски, засѣданія копныхъ судовъ, для которыхъ онъ долго, вѣроятно, изучалъ всѣ параграфы и запятыя Магдебурскаго права, даже чинъ, котораго не безъ труда онъ добился,—ему опротивѣли. Онъ молить предметъ своей любви доставить ему рай, ибо будущая жизнь съ нею, какъ съ женово, ему представляется сладкою, какъ медъ и молоко. Онъ и Наталику, и публику театральнуюувѣряеть, что если бы зналъ столько языковъ, сколько было статей въ тогдашихъ законахъ, то и этихъ средствъ не хватило бы для полнаго изображенія всѣхъ ея прелестей съ его субъективной точки зренія на нее.

На возраженія Наталики, что онъ—панъ, а она—мужичка, онъ приводить тѣ же доводы, какіе будутъ всегда приводить влюбленные въ особу съ низшимъ положеніемъ въ обществѣ. Развѣ

онъ виноватъ, что ко всѣмъ знакомымъ ему дѣвицамъ его круга—дочерямъ судей, священниковъ, писарей онъ равнодушенъ? А ея образъ преслѣдуется его даже ночью! И такое состояніе его началось не со вчерашняго дня, а еще съ тѣхъ поръ, какъ она съ матерью перебралась изъ Полтавы въ то подгороднее село, гдѣ происходитъ дѣйствіе. Когда Наталка ссылается на свое положеніе и просить его не ухаживать за нею, ибо это можетъ ее опозорить: «какъ про дѣвицу начнуть шептать!..»—онъ прерываетъ потокъ своего краснорѣчія и задумывается. «Смѣшныя мины играютъ у него на лицѣ»—сказано въ ремаркѣ: актеру предложено решить,—думаетъ ли онъ при этомъ, какъ несостоятельны ея возраженія и какъ онъ съумѣеть ихъ разбить дальнѣйшимъ своимъ поведеніемъ, или онъ самого себя почувствовалъ въ смѣшномъ положеніи и не знаетъ, какъ выпутаться изъ него, или еще что-нибудь смѣшное пришло ему въ голову; но задумывается онъ такъ сильно, что даже не замѣчаетъ, какъ Наталка, отпирая ворота, ей нанесенный, уходитъ домой.

Послѣ убѣжденій Выборнаго, что ни одна мухичка не осмѣлитъся отказаться отъ предложенія руки такого пана, какъ Возьный, онъ ухватывается за предложеніе этого ловкаго человѣка стать сватомъ; онъ просить Выборнаго пустить въ ходъ всѣ средства, даже пойти на обманъ, лишь бы достичь благополучія его, а слѣдовательно и Наталки, которую онъ постараится вывести изъ бѣдности. Когда тотъ возражаетъ противъ утвержденія, что цѣль оправдываетъ средства, Возьный въ пѣспяхъ Сковороды, какъ высшаго авторитета того времени, старается найти доказательства, что и ложь допустима, если она практикуется не во вредъ, а на пользу ближнимъ.

Во второмъ актѣ Возьный уже «съ самодовольнымъ лыцемъ», какъ сказано въ ремаркѣ автора, чувствуетъ себя на верху блаженства: «наикраща зо всѣго села и прикосновенныхъ околыцъ» дѣвица сама согласилась выйти за него замужъ, благодаря содѣйствію прекраснаго и умѣлаго свата! Съ развязнотью человѣка, готоваго «весь міръ обнять», онъ, по поводу сообщаемыхъ новостей по литературѣ, дѣлаетъ бойкія критическія замѣчанія о «Козакѣ

стихотворцѣ» Шаховскаго, находить, что цѣль этихъ піесъ—осмѣять все малорусское—не состоятельна, ибо два плута не могутъ скомпрометировать не только цѣлаго края, но даже и небольшого села. Тутъ онъ является такимъ же полтавцемъ, какъ и всѣ остальные дѣйствующія лица.

Но вотъ онъ—съ глазу на глазъ съ своимъ болѣе счастливымъ соперникомъ Петромъ въ присутствіи невѣсты, матери ея, свата и Миколы. Жалкій «годованецъ» умершаго Терпила, пройдывшій, ланецъ—посягаетъ на его счастье! Фраппированый такимъ возможнымъ оборотомъ своей судьбы, Возыній вспоминаетъ о своемъ положеніи въ селѣ, о своей власти и силѣ и иронически, но твердо предлагаетъ нищему-проходимцу убираться своею дорогою, матери Наталки грозить судомъ, и想要 поставить на своеъ. Его поддерживаетъ Выборный, а мать Наталки, зная, что значитъ «посыдитъ на вежи», послѣ бурной сцены, забывая свои чувства къ Наталкѣ и Петру, говоритъ ему, что что бы онъ ни сдѣлалъ,—все будетъ хорошо: «Вы у насъ—пань пысьменный!»

Вопросъ о томъ, ведеть ли «пысьменство» къ безнравственности и практикованію пасилія, является ли эгоизмъ или альтруизмъ въ видѣ плодовъ просвѣщенія,—поставленъ авторомъ въ ея словахъ на судъ публики очень рѣзко и открыто, съ такою же силою, какъ и у Л. Толстого въ его «Плодахъ просвѣщенія». Въ исторической перспективѣ вопросъ этотъ можетъ быть редактированъ слѣдующимъ образомъ: «семинарская-ли мертвичина и схоластика та мудрость, которая изъ Харьковскаго коллегіума, Кіевской академіи и Переяславской семинаріи разливалась тогда по новой Українѣ—и Слободской, сѣгобочной, и тогобочной, гдѣ только бывалъ Сковорода и гдѣ переписывались его сочиненія, или же эта наука можетъ привести къ тому, что «великодушный поступокъ» пересилить страсти?

Слѣдующія рецплики дѣйствующихъ лицъ открываютъ, что Наталка дала согласіе на бракъ съ Возынімъ только по настоянию матери, а на самомъ дѣлѣ ея влеченіе къ Петру теперь получило новую непреодолимую силу, что Петро—вовсе не такой циніцій, какъ казалось всѣмъ раньше, но... несмотря на свою лю-

бовь къ Наталкѣ, чтобы не поселять раздора между нею и матерью, онъ отказывается отъ невѣсты!..

Возьный второй разъ *задумывается*, но уже безъ всякихъ *«смѣшныхъ мишь»* на лицѣ. Онъ переживаетъ борьбу между абстрактнымъ ученіемъ морали, какую теоретически исповѣдывалъ, и конкретными своими стремленіями къ счастью, построенныму, какъ видѣть онъ теперь, на несчастыи ближнихъ. Онъ пораженъ уяснившимся для него теперь самопожертвованіемъ Наталки для матери и другимъ самопожертвованіемъ Петра для той же Терпилыхи. «Ледь» Сковороды, окутывавшій до сихъ поръ душу Возьного, по ученію того же Сковороды, растаялъ; сатана побѣженъ; въ сердцѣ полтавца, изучавшаго наставленія великаго земляка-учителя и пропагандировавшаго ихъ въ первомъ актѣ Выборному, открывается путь истины и радости. Послѣ раздумья произносить онъ свой знаменитый монологъ: «Розмышилявъ я предоволно..., а затѣмъ съ соизволенія «ветхой деньми», у которой испрѣшиваетъ благословенія на «добroe дѣло», объявляеть Наталку невѣстою Петра. Онъ въ шестѣ дѣйствительно совершаеть чудо безъ *«deus ex machina»*,—не то чудо, о которомъ молиласъ раньше Наталка (*«Боже! выжены любовь до Петра зъ моего серца!»*), а другое, опрокидывающее весь предыдущій ходъ дѣйствія, переламывающее всю драматическую интригу, развивающуюся до сихъ поръ, и обрацающее піесу изъ трагической въ веселую.

Такова роль Возьнаго. Если текста ея одной нельзя перевести на нынѣ употребительные литературные малорусскій или великорусскій языки, оставивъ неприкосновеннымъ все остальное,—переведите всю «Наталку-Полтавку» на итальянскій языкъ со всѣми ея пѣснями, и дайте эту роль выполнить опытному и умѣющему изображать высокія душевныя движенія јеипе *рентієр'у*. Будеть ли это та роль, какую мы привыкли видѣть въ исполненіи «Наталки Полтавки» у насъ? Какъ отнесется итальянская публика и къ любовной аріи Возьнаго *«Одъ юныхъ лить»*, и ко всей его роли? Не въ немъ ли она увидить первого героя всей піесы, побѣдившаго своимъ самопожертвованіемъ подобное

же проявление воли Петра и Наталки? Если такъ, то это вполнѣ будетъ соотвѣтствовать той сентенціи, какую авторъ, по обычаю своего времени, подъ конецъ піесы влагаетъ въ уста Выборщаго и Мыколы:

— «Оттакови то нашы полтавци! Колы лило пиде, щобъ добро зробити, то одынъ передъ другымъ хапаються!

— Наталка—по всему полтавка, Петро—полтавець, та й Возьный, здається,—не зъ другои губерніи!»

Малорусскій оборотъ въ концѣ послѣдней фразы для всѣхъ, кто знаетъ характеръ малорусскихъ разговоровъ, выражаетъ тутъ превосходную степень въ смыслѣ: «а Возьный въ велиcodушії и самопожертвованії превзошелъ всѣхъ!» Понятно, что если полтавцы обладаютъ такими доблестями, то они и поютъ на зло всему свѣту:

«Починаймо жъ веселыться,
Часъ намъ слёзы осушыть:
Докы жъ лыха намъ страшыться,—
Не до смерти жъ въ гори жыть!
Нехай злыхъ одни плачуть,
Бо не добрѣ замышляютъ,
А полтавци добрѣ скачуть
И на зло другымъ гуляютъ!»

Слушатели піесы и въ Нижнемъ Новгородѣ, и на Кубани, и въ Петербургѣ, и въ Полтавѣ инстинктивно понимаютъ, что прославленіе полтавцевъ—то же, что говорятъ малороссы не безъ юмора про себя: «мы люде добри сами себе хвалимо!» Въ этомъ шутливомъ оборотѣ рѣчи всѣ видятъ лишь гимнъ высокимъ движеньямъ человѣческой души, которыми авторъ надѣлилъ больше всѣхъ Возьного. Но выносиль ли кто-либо оттуда, гдѣ играли «Наталку Полтавку», такое заключеніе о Возьномъ, приходилъ ли кто-нибудь, выйдя изъ театра, къ мысли, что наиболѣе высокій нравственный подвигъ совершилъ Тетерваковскій?

Вѣроятно, къ сожалѣнію, никто, нигдѣ и никогда; а виною тому—исполненіе роли Возьного.

Всякій актеръ, начинаяющій разучивать эту роль, знаетъ, насколько она «выигрышна» и въ какомъ смыслѣ по сложившейся традиціи—при подчеркиваніи и пересаливаниі того комического элемента, какой въ ней есть. «Смѣшныя мины» Возьнаго, о которыхъ есть упоминаніе въ концѣ второй сцены I-го акта, артистъ истолковываетъ своеобразно, старается довести ихъ до той степени шаржа, какая отвѣчаетъ, напр., роли *dottore Bartolo* въ «Севильскомъ цирульникѣ». Онъ забываетъ, что Бартоло ни за что не отказался бы по своей волѣ, какъ Возьный, отъ Розины, если бы на дорогѣ не явился всесильный графъ Альмавива и нотаріальный актъ... Представивъ себѣ въ лицѣ Возьнаго такого же 60—70-лѣтняго старика—селадона, актеръ и гримъ подбираетъ подходящій для *dottore Bartolo* и появляется на сцену въ самыхъ непривлекательныхъ краскахъ—уродъ-уродомъ, съ лысиною на все темя, нюхающимъ табакъ и утирающимъ платкомъ сомнительного цвѣта бритую губу подъ носомъ, забитымъ табачищемъ. Такой уродливой фігурѣ, одѣтой въ какіе-то невозможные картизы и балахоны, присваивается гнусавый голосъ, произносящій дѣйствительно смѣшныя по настоящему времени выраженія изъ книжной рѣчи получавшихъ полубогословскное образованіе и начиненныхъ канцелярскою мудростью интеллигентовъ старой Малороссіи.

Народный языкъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ въ «Наталкѣ-Полтавкѣ»—тотъ же, какимъ говорять и теперь въ Полтавѣ и вокругъ Полтавы. Искреннія и глубокія чувства Наталки, ея матери, Петра, проникнутыя юморомъ замѣчанія Мыколы, а особенно Выборнаго, поражаютъ своею пластичностью и ярко-выразительнымъ стилемъ простонародной рѣчи—«безъ прымису ухышренія», какъ сказаль бы Возьный. Задушевныя пѣсни «Чого вода каламутна?» «Віють витры» и др. трогательны не только по мелодіи своей, но и по чарующей прелести языка, какой рѣдко достигаетъ кто-либо изъ нынѣшнихъ малорусскихъ поэтовъ. Неуклюжій же книжный языкъ Возьнаго съ его риторическими, по плоскими уподобленіями, метафорами и синекдохами, устарѣвшій уже и для времени написанія «Наталки-Полтавки» (1819), слиш-

комъ контрастируетъ съ живою народною рѣчью, можетъ быть даже большие чѣмъ нынѣшній канцелярскій языкъ официальныхъ бумагъ съ тою же рѣчью. Если теперь весь театръ снизу до верху хоочеть неудержимо, когда г. Кронивницкій въ роли волостного старшины на сценѣ, гдѣ слышится народная малорусская рѣчь, начинаетъ читать предписание уѣздной земской управы, въ которой выражено, «категорическое требование предпринять мѣры противъ эпизоотическихъ заболѣваній», то что прикажете дѣлать, когда, послѣ вышеописанной подготовки въ гримѣ и костюмѣ, на сцену является карикатура на человѣка вообще и начинаетъ рѣчь словами:

«Благодѣнственнаго и мырнаго пребыванія!»

Дальнѣйшая рѣчь этого сатира въ образѣ Возьного пересыпается иностранными словами, отчасти уже вышедшими изъ употребленія, въ родѣ: «терминъ, партикулярио, резолюцыя, оказія, артикуль, контровѣрсія, позвы, коны, утроба (въ смыслѣ тайники души); чувствіе, зракъ, кринъ, сугглити, вышереченный, кмиты хожденіе, возженіе крови» и т. п. Чѣмъ болѣе изысканный стиль хочетъ употребить «пышмѣпный цанъ», сплетая свои вычурныя слововыраженія, тѣмъ онъ смѣшинѣ для публики, хотя никто изъ дѣйствующихъ лицъ на сценѣ не находятъ его языка уродливымъ: они ничѣмъ не выражаютъ, что стиль этотъ для ихъ ушей неожиданный, страшный, или смѣшной.

Когда Возьный объясняетъ Наталиѣ: «ты одна заложила йому (моему сердцу) позовъ на вичные рокы и душа моя ежечасно волаетъ тебе послѣ пышнорной даже годыны», — Наталика просто отвѣчаетъ: «Воля Ваша, добродію: а Вы такъ зъ-пышмѣнна говорыте, що я того не зрозумлю». Такъ отвѣтила бы предсѣдателю суда, если бы была въ состояніи, знаменитая преступница М. Левицкаго, на его вопросъ:

«Подсудимая! копія обвинительного акта была вамъ вручена?»¹⁾ по она, какъ известно, была въ томъ положеніи, что могла только рыдать.

¹⁾ Литературный збирникъ. У Кыїви, 1903, стр. 296.

Дѣйствительно, трудно «зрозумити» простому человѣку всѣ условности книжной рѣчи, мѣняющіяся при томъ десятилѣтіями такъ, что мы теперь ужъ не можемъ безъ улыбки слышать со сцены восклицаніе влюбленнаго Собинина: «Такъ ты для земного счастья—грядущая женка моя!»

А къ высокопарному языку Возьного, чуждому по своей архаичности и малороссамъ и великороссамъ, да еще въ противопоставленіи его съ языкомъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ, зрители относятся только съ гомерическимъ смѣхомъ. Зрители изъ простонародья, незнакомые съ исторію развитія литературныхъ языковъ, но изрѣдка слышащіе газетныя выраженія (конверсія, институція, конституція, ликвидація и т. п.)—не смѣются. Послѣ первого акта «Наталки-Полтавки» они правильно опредѣляютъ положеніе Наталки, Выборнаго, ея матери, принимая Выборнаго за волостного старшину; по относительно Возьного намъ приходилось слышать и такое опредѣленіе: «це, мабудь, якимсь чимець!» Такъ поражаетъ ихъ его языкъ, хотя смѣшнаго въ немъ они видятъ столько же, сколько и въ языкѣ церковныхъ прошовѣдей, т. е.—ничего; надѣ кривляньями же актера, изображающаго Возьного, они смѣются наравнѣ съ остальною публикой. Для послѣдней же отношеніе къ этому уроду рѣшено съ перваго появленія его на сценѣ: что бы онъ ни сказалъ,—хочутъ, полагая при этомъ, что и авторомъ онъ выведенъ на посмѣшище, тѣмъ болѣе, что актеръ каждой фразѣ Возьного придаетъ не только комическій, а пошло-комическій оттенокъ. Когда дѣло доходитъ до акта самоотреченія Возьного отъ земного счастья ради высшихъ благъ, уже всѣ смотрятъ на него, какъ на какого-то цулиниеля, и несмотря на то, что его «благородный поступокъ» долженъ бы вызвать другое отношеніе къ нему, продолжаютъ хотѣть; этой хототъ сливаются съ смѣхомъ отъ радости, что все окончилось благополучно: и Петро не ушелъ кудато скитаться или погибнуть, и Наталка не утонула!

Но слѣдуетъ ли актерамъ такъ играть роль Возьного? слѣдуетъ ли публикѣ такъ относиться къ его признанію, напр., что

«за недосужностью по службѣ» ему не удалось сдѣлать ни одного добра го дѣла?

Что хуже: взяточникъ и канцелярская крыса, или горькій пьяница и тупоумный канцелярскій писецъ? Можно и надѣ Ака-
киемъ Акакиевичемъ смѣяться и сыпать ему на голову бумажки,
но—до извѣстнаго предѣла. Когда этотъ пизепкій чиновникъ съ
лысиной на лбу скажетъ: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня оби-
жаете?» и въ этихъ словахъ зазвенятъ другія: «я—брать твой!»—
даже весь вѣкъ смѣявшійся Гоголь смѣяться не рекомендовалъ.
Можно и надѣ пьянчужкой смѣяться; но когда въ другой те-
атральной піесѣ онъ восклицаетъ: «Шире дорожу! Любимъ Тор-
цовъ идеть!»—и публика и весь хоръ на сценѣ, до этого мо-
мента хохотавшій надѣ нимъ, притихаетъ, ибо при надлежащемъ
выполненіи роли этого Торцова чувствуютъ, что тутъ заговорило
долго унижавшееся человѣческое достоинство, при томъ не изъ-за
своихъ выгодъ, а ради спасенія близкихъ.

А развѣ монологъ Возынго «Розмышиявъ я предоволно...»
не ниже и не выше возгласа Торцова? Возынй еще болѣе вправѣ,
чѣмъ Сквозникъ-Дмухановскій, крикнуть на смѣющихихся надѣ нимъ
титулярныхъ и надворныхъ совѣтниковъ: «Чему смѣетесь? Надѣ
собою смѣетесь!.. Развѣ и вы всѣ не такъ же ли, спѣша па
службу, или оканчивая срочную служебную работу, не находите
времени на доброе дѣло и по недосугу даже не выслушиваете
просящихъ у васъ помощи? Да! по милости дворянъ песу обя-
занности непріятной службы, на которой произвожу взысканія,
присужденныя судомъ, несмотря на слезы разоряемыхъ отъ про-
дажи послѣдней коровы! Да! я живу на счетъ вынужденныхъ
подарочековъ, ибо такъ полагается. Но я—и сковородынецъ (какъ
теперь сказали бы—«толстовецъ»), и никто изъ васъ, здѣсь при-
сутствующихъ не смѣеть отнять у меня права па другое—«свя-
тышее изъ званій—человѣкъ»!

Монологъ его приблизительно это и говоритъ; но публика,
какъ и послѣ раздирающихъ душу возгласовъ Сквозника-Дмуха-
новскаго съ его бранью на «проклятыхъ либераловъ», видя ком-
ическая ужимки и прыжки Возынго, продолжаетъ хохотать.

А этого ли хотѣлъ достичь авторъ, вложивъ въ уста Возьного этотъ монологъ? Возьный—богѣ скроменій, чѣмъ Сквозникъ: разразившись сначала бранью противъ Петра и Наталки, этихъ проклятыхъ либераловъ, разсѣивающихъ всѣ его мечты о счастьи, какъ дымъ,—онъ затѣмъ одумался и, по рецепту Сковороды, совершаєтъ свой подвигъ тихо и смироно, чтобы затѣмъ присоединиться, по тому же рецепту, къ общей радости всѣхъ «ближнихъ».

Мы приближаемся къ концу нашей замѣтки. Если она вызоветъ у солидныхъ критиковъ художественныхъ произведеній желаніе обстоятельно пересмотрѣть сочиненія Котляревскаго въ исторической перспективѣ въ смыслѣ установленія преемственности идей южно-русской литературы XVIII—XIX вѣковъ, если она побудить г.г. артистовъ подумать о роли Возьного, прежде чѣмъ ее исполнять по создавшемуся шаблону, то цѣль ея мы будемъ считать достигнутой. Мы только напоминаемъ признанное положеніе, что ничто не появляется въ исторіи развитія мысли и искусства во всеоружії, какъ когда-то Паллада вышла изъ головы Юпитера: каждое художественное произведение имѣть предшественниковъ и корни въ общенародныхъ умоначертаніяхъ. И Софокль, и Пушкинъ, и Шевченко брали темы изъ народныхъ разсказовъ. Если Котляревскій сумѣлъ разъяснить неясную, наполовину мистическую философію Сковороды, разъяснить театральной публикѣ и читателямъ въ образахъ персонажа и дѣйствія «Наталки-Полтавки», то это и есть одна изъ его заслугъ, за которыя поставили ему памятникъ.

Котляревскій—не изъ того рода писателей, которые подсмѣиваются надъ неотесанностью, простоватостью или глуповатостью мужика—только потому, что онъ мужикъ, или же наоборотъ надъ неисправимою испорченностью канцелярскихъ крысъ и ябедниковъ только потому, что они сидятъ въ канцеляріяхъ. Онъ бралъ предметомъ своего анализа человѣка, какъ такового, а потому-то и сочиненія его, если не бессмертны, то очень долговѣчны. Такой знатокъ человѣческаго сердца и правдивыхъ ху-

дожественныхъ концепцій, какимъ былъ Шевченко, въ стихотвореніи «На вичу память Котляревскому» говоритьъ:

«Будешъ, батьку, пануваты,
Ноки жывуть люде,
Ноки сонце зъ неба сяє,—
Тебе не забудутъ!»

Пророчество якобы очень сильное; похвала будто свыше мѣры: но она вылилась изъ такихъ компетентныхъ усть! Что нашелъ Шевченко (не говоря объ «Энеидѣ») въ этой маленькой театральной піесѣ? Несомнѣнно ту широту замысла и ту художественную экспрессію экспансивныхъ чувствъ, какія руководили и имъ въ любвиомъ отношеніи и къ княгинямъ, поработившимъ его братерь и сестерь, и къ полякамъ, поработителямъ всей украинской націи. «Будьте людьми!»—твердилъ онъ въ унисонъ съ своими учителями Сковородою и Котляревскимъ въ своихъ вдохновленныхъ поэтическихъ воззваніяхъ и къ мертвымъ, и къ живымъ, и къ ценародившимся еще тогда своимъ землякамъ, и ко всѣмъ читателямъ его произведеній. Потому онъ и оцѣнилъ такъ высоко музу Котляревскаго.

Если спеціалистъ по исторії литературы профессоръ Да-шкевичъ въ «Энеидѣ» нашелъ идеалъ «всенароднаго поэтическаго произведенія», то пусть дозволено будетъ и намъ въ «Наталкѣ Полтавкѣ» признать идеалы всенароднаго театральнаго произведенія, а затѣмъ просить дѣятелей на поприщѣ малорусскаго театральнаго искусства играть роль Бозьного не такъ, какъ они играютъ, а такъ, какъ она представится имъ послѣ болѣе обстоятельнаго ея изученія.

Не слѣдуетъ, намъ кажется, представлять его старикомъ, а человѣкомъ лѣтъ 30—35, ибо нигдѣ въ піесѣ нѣть указанія на его преклонный возрастъ съ лысиною во всю голову и безобразными складками старческаго лица, какія попали по милости актеровъ и на горельефъ памятника Котляревскому въ Полтавѣ. Наталка, дѣлая возраженіе матери наединѣ и называя бракъ свой

съ Возынмъ—неравнымъ, ни разу не проговаривается, что ко всему тому онъ и старикъ; Выборный паходитъ только, что пану Возынму «пора» жениться; если онъ не называетъ его «паничемъ», то просто потому, что послѣдній занимаетъ слишкомъ высокое положеніе въ селѣ по отношенію и къ Выборному и къ прочимъ Щипавкамъ, засѣдателямъ и т. д. Ни изъ чего не видно, почему Возынй не могъ бы явиться на сцену такимъ же красавцемъ, какъ и Петро: вѣдь графа Невера не дѣлаютъ безобразнымъ только потому, что Валентина предпочла ему красавца Рауля; да и Рауль—не обязательный красавецъ по наружности.

Не слѣдуетъ при выполненіи роли Возынго подчеркивать смѣшныя мины, какія могли бы являться у толстовца, выведенного на сцену въ крестьянской толстовской колоніи, какъ виѣшній признакъ людей, попавшихъ не въ привычную обстановку, но вовсе не смѣшныхъ по существу и внутреннему складу мыслей и желаній.

Не слѣдуетъ утрировать и доводить до шаржа смѣшныхъ выражений устарѣлого языка, опредѣляющихъ только время дѣйствія, а не уродливость мыслей и чувствъ, какія обуреваютъ Возынго.

Не слѣдуетъ придавать всѣмъ дѣйствіямъ и словамъ Возынго характеръ похотливыхъ стремленій селадона, желающаго сорвать цвѣтокъ съ невинности наивной свѣженькой мужички съ тѣмъ, чтобы обратить ее потомъ въ свою кухарку, или бросить какъ старую тряпку, ибо и этихъ чертъ вовсе неѣть въ роли Возынго и во всѣхъ его рѣчахъ.

Если артистъ, выполняющій роль Возынго отрѣшился отъ этихъ вошедшыхъ почему то въ обычай пріемовъ, то получится не уродъ и сатиръ, а такой же влюбленный въ Наталику человѣкъ, какъ и Петро, исполненіе роли котораго зависить уже отъ таланта артиста. Такими пріемами, памъ кажется, можно будетъ возстановить, по крайней мѣрѣ, типъ того человѣка, какимъ представлять его себѣ авторъ,—вовсе не отрицательный, а скорѣе возвышенный, положительный.

А на памятникъ Котляревскому въ г. Полтавѣ уже не исправиши тѣхъ черть, какими увѣковѣчили Вольного г. Позенъ, и остается только пожалѣть, что г.г. артисты театрального дѣла ввели въ заблужденіе художника-скульптора своимъ обычнымъ, но неправильнымъ, какъ мы старались показать, толкованіемъ произведенія первого народнаго малорусскаго писателя.

А. Русовъ.

Омелько Пацюкъ на курорти.

Оповидання.

I.

— Та пустить-бо, нехай вась Господь Богъ поздоровыть!..

— Не можно! Бачынть, що не можно!

— Але чому-жъ не можно, коли мени треба до дохтора?

— Першъ заплати, то пидешъ. Тутъ зъ кожного, хто йде цими воритъмы, беруть по двадцять грошей.

— Якъ це таки мудри ворота, то я п черезъ барканъ перелизу... Але слухайте-но, нехай вамъ кумця гарненъко засміється,— пустить! Хыба я що вкраду, або що? Я тильки до дохтора...

— Все одно, чы до дохтора, чы до кого другого... Тутечки за музыку треба заплатыты.

— Та на якого смутка мени здалась ваша музыка? Та я і и слухати не буду! Далеби! Я й вуха заткиу. Пустить! Хыба-жъ вы не бачите, що я соцький...

И выпроставши трохи свій зигпутый станъ, дядько показавъ на круглу бляху, що висила у ёго на грудяхъ.

— А мени все одно, хочъ п самъ прыставъ.

Такъ пры парадному входи у сл—ий кумысный курортъ, у 12 годыни дlia, коли музыка грала у саду, торгувався дядько Омелько Пацюкъ зъ контролеромъ, поставленымъ для того, щобъ вилдавати всякому за гроши билета для входу. Пацюкъ уперто

Томъ 84—Январь, 1904.

I—5

думавъ, що платыты гропы ёму зовсімъ не потрибно; винъ виказувавъ контролёрови всяки прычыны: що винъ не злодій и на ёму святий хрестъ йе, що земля—Божа, для кожного, що тильки жыда та цыгана пе тра пускати и т. и. Всі ти прычыны не вдовольняли контролера, и розмова ихъ почала вже переходыти на суперечку. Хто ёго зна, до чого-бъ воно дійшло. якъ-бы, слу-чаемъ, пе панокъ якысь, що выходывъ зъ саду, звернувъ увагу на дядька и заступувъся за ёго...

Омелька виустыли у курортъ.

Досить було глянуты на зигнутый станъ и на запали, хочъ и шыроки, груды селяпина, щобъ видразу ирзынати ту хворобу, на яку винъ вже не одынъ рикъ слабувавъ.

Здалеку Омелько скыдався на діда, але винъ бувъ чоловикъ ще не старий. Высушывъ ёго кашель, зигнула ёго станъ хвороба, поорала зморшкамы ёго близдій, худый выдъ. Придывившись уважно до плечистої, колысь дуже здоровеної постати Омелька, можно було запрымиты, що ёго станъ бувъ, кримъ того, по-каличеній ще якоюсь ишиою прычыпою: винъ трохи шкунтиль-гавъ и все тило ёго якось здригалося, колы винъ пры ходи пидіймавъ ливу ногу..

Хочъ день бувъ парний, але одежа Омелькова була тепла и святкова. На ёму бувъ мишковатый теплый лейбикъ зъ про-стого сирого сукна, защищнутый ажъ до самого комира. Спереду лейбикъ бувъ пепаче довшый, а ззаду здавався коротшый; па швахъ винъ бувъ обшитый червоною жычкою. Широкий черво-ный поясъ спереду бувъ завяззаний гудземъ и спадавъ великою кытыцею. Велыка суконна квадратова шапка покривала ёго голову, пасовуючись па ёго невельяке зморщене лыце до самыхъ очей, а ти чорни маленьки очи, мовъ дви жарынки, первово сви-тылись, якъ у гарячци. Довги чоботы зъ велыкымы пидковамы, що гучно и далеко видбывалы кожный ступинъ ходы, обувалы страшенно худи и сухи ноги, а били полотниши штаны, заправ-лени у хамявы, стовбуручились па стегнахъ: очевидчкы у глы-бокыхъ дядьковыхъ кенеянихъ ховалысь и креминъ, и людька, и тю-тюпъ, и мотузочки про всякъ случай, а може навіть и де-який

харчъ на скільки день. Пащортъ и калытка зъ гришмы лежали за пазухою, бо воны—речи важнійши. И дядько разъ-у-разъ лапавъ за пазуху своею довгою сухою рукою, щобъ перевиртысь, чы не згубывъ те, що сховавъ. Перевирывшись, винъ ступавъ дали, опираючись на ципокъ, по дорижци, та такъ обережно, наче-бъ йшовъ по-надъ якымъ проваллямъ.

Ёго хода показувала, що винъ не звикъ бувъ ходыти такыми трамбоваными дорижками: дядько доси ходивъ лышъ звичайными сильськими стежками та дорогами.

— Куды лизешъ, старычокъ?—спытавъ ёго сторожъ, що замитавъ дорижки.

— Та який я тамъ старычокъ?—обернувшись до сторожа Омелько, наче-бъ ураженый, наче-бъ здывований тымъ питаннямъ.

— Тутечки не можно гуляти.

— Та мени пе до гулянця,—голоснійше видповинъ селянъ, ураженый, що про ёго подумали, буцимъ-то винъ гуляє та слухає музыку.—Гуляти... Таке сказалы!.. Я вже догулявся, дяка Богу! Я зъ Космачева...

Але тутъ ёго взявъ такий кашель, що винъ піякъ не мигъ договорити.

— Не тутешній?

Омелько, кашляючи, замотавъ головою и пишовъ дали такъ смільво и рищучо, що сторожъ не важився бильше ёго запиняти.

Идучи дали, винъ зустричавъ чымъ разъ бильше панивъ и чымъ разъ бильше бентежився.

Винъ метушився, спотыкаючись на гладкомъ, дававъ панамъ дорогу, що й такъ була широка, ставъ бокомъ и разъ-у-разъ скыдавъ шапку, витаючи: здрастайте! поздоровъ, Боже!

— Такъ ось якъ тутечки! Матинко моя рицна!—щыро дывувався селянъ, увійшовши у саму глыбъ чистого, гарного саду. Дали винъ побачывъ чепуриеньки дубки, скляни переходы,—курзалъ.

— Пробачайте, пане, якъ тутечка пройти до дохтора?—осмилувався винъ спытати одного панка, почуюючи, що самъ

не дастъ себи рады и не выберется зъ заплутаныхъ садовыхъ дорижокъ.

— До доктора? Тамъ,—и панокъ показавъ ёму на докторський павильонъ, що стоявъ окремо будынківъ, назначенихъ для хворыхъ.

— Въ тій палати?—несмільво озвався селянинъ, побачивши павильонъ зъ рундучкомъ, обсаженимъ зеленою та квитками.—Пробачайте пане,—увичльво вклопившися ще разъ Омелько,—а скілька тутечки беруть? Бо въ мене всёго на всёго тильки сорокъ карбованцівъ. То може въ мене і грошей не вистачить? Бо якъ... я самъ зъ Космачева.

— Не знаю, голубчикъ, не знаю,—идучи дали промовывъ панокъ, котрий, очевидчакъ, жывъ лыше одною думкою про свое здоровъя и котрому байдуже було про другихъ хворыхъ.

Николы ще Омелько не почувавъ себе такимъ одынокымъ и безномичнимъ. Винъ ясно зрозумивъ, що ти дохторы і той кумысь, котрого винъ николы не бачивъ, але въ котрого чудову силу цилочу винъ наче-бъ вирывъ,—не для ёго воны.

— Ось тоби і прыйихавъ! Здоровеньки були, Омельку! Выличытесь тутечки! Эгє... Останні гропы выкыните зъ кешени, тай помирайте, задерши поги до горы. Ось тоби й кумысь!... Напыйтесь себи Омельку, на здоровля!

Такъ грызъ винъ самъ себе, передвчасно досадуючи за непотрибу мацдивку і за дурно витраченіи остатціи гропы. Ще никто ничего ёму не казавъ, а винъ вже почувавъ, що ти сорокъ карбованцівъ, яки винъ взявъ зъ собою—якъ плюнуты. Таку думку мымохити паганяло ёму все те, що винъ тутъ бачивъ кругъ себе. Винъ прыгадавъ, якъ тяжко досталася ёму трьдцять карбованцівъ.

— Ще зъ осени продавъ де-який корець жыта, бо, хвалыты Бога, бувъ такий урожай... за-десять карбованцівъ,—розмовлявъ самъ зъ собою Омелько. Три карбованци пишло Єселю, а сімъ зосталося. А па Мыколу синъ прыславъ два карбованци, то вже девять. А зновъ весною, у великий пістъ, возывъ до вокзала землемира, то заробивъ десять злотыхъ. То скільки то воно теперенъки мусыть буты? Эгє... А потимъ, дай Боже память, за

полотно, що жинка продала, тежъ десять злотыхъ безъ двадцятки. Та столяркою ще заробивъ де-якого рубля... А на решти, якъ не було чымъ на весни телятокъ годувати, то тра було ихъ продати Хайму—щобъ впіть згоривъ!.. Эгє... Ось такъ, одне до одного, до гурту... тай набралося трьоцять карбованцівъ... А десять позычывъ у старшины... Нема що...

И на якого биса прыщерло мене слоды²—нехай ось тепереньки мене хто спытае. А то все нысарь: «Йидъ, каже, на кумисъ; полегчае!» А писля и старшина: «Йидъ, каже, тамъ вси хвори поправляются»... Отъ таке! Чиста дурниця, далеби! Послухавъ, мовъ людського чого... Чы не все одно де дубомъ стати... Правда, що и пинъ казавъ, щобъ йихати, и благословеніе на вить давъ. Але я вже бачу добре, що ця писня, хоть и гарна, та не для мене. Може папови тутъ и поможете, а нашъ чоловикъ»...

И винъ сумно похильвъ голову. Але згодомъ винъ зрадивъ и пидбадёрывся, побачивши середъ чепурно и по-панськи одягненої публікы, що проходила повзъ ёго, двохъ селянськихъ дивчатъ.

Вони йшли обпявшись и весело про щось покотили.

Одягнени вони були квитчасто, якъ у свято—у нови, темно-сыни керсетки, обшити червоною стричкою, червони китайчати спідници, а обути у чобитки зъ высокыми закаблуками и пидкивками. На шиї малы вони по великому жмуткови намиста, кораливъ и стрічокъ.

— А якъ ся-маєте, дивчата; здоровенки булы!—смільво звернувшись до пыхъ Омелько, поспишаючи за пымы.—А чыи вы?—

— Та зъ Горыньгорода.

— А що вы тутечки поробляєте?

— Личымося. А вы звидкиль?

— А нехай-же васъ Господь мылосердный „поздоровить!— зрадивъ Омелько, наче-бъ ридныхъ дитей побачивъ. Винъ бувавъ у Горыньгороди. Колись винъ возывъ туды журна для млина. Винъ, навить, чувъ про батьківъ тыхъ дивчатъ.

Винъ учепився за дивчать, якъ слипий за поводаря, и випытавъ у ихъ все, що ёму треба було.

Дивчата розсказали, якъ їому повернуться.

Теперь винъ повеселищавъ, таќъ наче-бъ у нёго въ кешнени було не сорокъ, а прыпаймни пятьдесят карбованцивъ.

II.

Колы дохторъ, посадывши Омелька на стилци, почавъ уважно оглядати ёго груды, то перигъ усёго звернувъ увагу на те, що кисть була запала, погнута, а на шкури була сыла довгыхъ смугъ та шрамивъ.

— Оце що таке?

— Пыгаєте про тыи шрамы? То я, ироше пана, на папирни такый тестаментъ соби диставъ. Эгэ... у пана Z (винъ назавъ того пана, що мавъ сахарни и папирни фабрики) служивъ... ризавъ папиръ на циркулярни... такый, значытся, валъ тамъ йе, що риже папиръ. Два злотыхъ и двадцять грошей за день зароблявъ. Одного разу, якъ щось пидъ ногы попало, то посковзнувся, та впавъ на циркулярню... То ще счастья, що рукамы оперся на пасы, то таќъ и одкынуло раптомъ мене на анкеръ. Крычавъ я, крычавъ... та де тамъ въ смутка,—нихто не чуе... бо машина йде соби, стукотыть... за нею голоса не почушевъ. Ажъ описля мене вже взялы, якъ я безъ памяти бувъ, та понеслы до лазарету.

— Давно це було?—спытавъ дохторъ и почавъ мацать ребра, котри булы крыви.

— А вже... вже буде рокивъ зъ пять. Бо вже два роки якъ пансиона не получаю. А то тры роки дававъ князь пивъ корця жыта и по два карбованця що мисаць, ажъ поки не поправивъся. А якъ поправивъся, то буде таќы два роки... Бо я самъ то зъ Космачева.

— А теперъ що у князя получаешьъ? Пансиона не дає?

— Дулю дае малёвану. Бильшъ ничего.

— Небагацько-жъ ты, небоже, заробивъ у свого князя. Ты зъ тієи поры, кажешьъ, въ тебе груды болять и кровъ показалася?..

Селянынъ видмовно похытавъ головою.

— Ни. Костоправъ мени поставыvъ груды якъ треба: и не болимо... Я ихъ саломъ теръ и зиялъ пивъ. И хвершаль оглядавъ груды. Казавъ, що ничего... Але зъ весны щось кенсько дуже зробилось. Бо це було таке дило, я вамъ заразъ розскажу... Якъ разъ у другу недилю на великоности, дай Боже память, прыходить до мене кумъ Степанъ тай каже: «пинъ клыче до сина, йди сино зъ луга возыты».

— А до тієи поры ты не кашлявъ?

— Эть... потрошку. Вже и тоди була ядуха. Але слухайте-но... «зъ луга возыты». Кажу я ёму: не иду, бо въ грудяхъ въ мене стало щось». Бо чую я такы, що не безпечне щось въ грудяхъ. А винъ: «и въ бокахъ, каже, стане, якъ попа не слухатымешъ». Писля попивський наймыть прыходить, а описля и самъ староста прыходить. «Ахъ, лыхо вашій та не ридній!—думаю соби...

— Ну, ты памъ довго тутъ языка не чеси,—остановыvъ ёго дохторъ, бачывши, що оповидання балакучого пацієнта щось затягуется.

— Ни, борони Боже,—замахавъ той обома руками,—заразъ кинчу... «вашій та не ридній—думаю соби... Треба вже послухати. А сино добре тоди у поча було: сухе, терпке и зляглося, якъ нibly камиць. Со скрырами стырту рубалы. Отже-жъ и впотивъ я зъ тієи роботы... Та якъ запригъ я свои волы, та якъ повизъ... та трись! въ ричку и провалывся. Отъ, якъ бачыте! И попередъ мене багацько йихало: и кумъ Степанъ, и Василь Мырошиць, и Гаврило Лемишъ.. ци вси тежъ зъ Космачева... Такъ пи! На тоби, Омельку, попробуй ще, яка-то вода на великоности въ ричци буває... Божа воля! Тай й пишло зъ того.... На другий день кашель вже гопанцемъ пишовъ, въ грудяхъ ось такъ щось здавило, въ горли... и кровъ тоди була... але не багацько.

Дохторъ довго стукавъ, и слухавъ груды Омелька, казавъ ёму то дыхать, то не дыхать, то говорыть, пиднявши руки до гори: «двадцять одынъ, два, три»... то зновъ вытягнуты руки передъ себе и ничего не говорыть.

Омелько одно лышь просыпъ у дохтора:

— Якъ, проше пана, моя хвороба дуже тяжка, то скажить мени по чистій правди... то я вже не буду и тратытись, бо въ мене, далеби не брешу, тильки що трьдцять карбованцівъ... жинка и дитки есть... Вони въ Космачеви...

Дохторъ обицявся и звеливъ ёму підняты руки на голову. Прытульвишь ухо до лопатки, вигъ щось довго слухавъ и, звернувшись до помичника, сказавъ:

— Phthisis pulmonum, безперечно, и кримъ того... Винъ наздавъ ще скильки сливъ по латыни.

Шомыраты? Га?—спокійно спытавъ Омелько, на котрого чужеземце слово робыло тяжке вражиння, наче-бъ ти слова прымовлялы ёго до смерты.

— Прыайде часъ, вси помремо,—сказавъ дохторъ.

— А въ семы у тебе никто не вмыравъ видъ ядухъ?

— Видъ ядухъ? Крый Боже! Ни... наши Пацокы зъ чого хочете вмиralы, тильки ще не видъ ядухъ. Пацокъ въ Космачеви зъ ядухъ вмеръ! Оце сказали! Хе, хе...—усміхнувся селянинъ, хытаочы головою и дывуючысь, що може буты така чудна думка.

— А батько видъ чого вмеръ?

— Батько?—винъ спустывъ очи и зитхнувъ.—Небицькъ любылы выпыты... о! любылы! Дай Боже, щобъ кожному такий смакъ!.. Нехай имъ легка земля!

— А самъ пьеши?

Омелько почухався и трохи усміхнувся.

— Та не дурень выпыты, проше пана, якъ той казавъ! Що іправда—то іправда. Видъ одноги сосни шышка.

— А тутечкиничого не пытъ, окримъ кумыса,—сказавъ поважию дохторъ.

— Зачевне,—послушно и звычайно видповивъ Омелько.— Я бачу... я тильки однимъ окомъ зиркнувъ, то вже бачу, що тутъ за химерія.

— Чай, якъ хочешъ, можно пыты.

— Ни... чай Пацокы въ Космачеви не вживають. Тамъ кытайськи, кажуть, гниды попадаються. А може то и неправда?—

додавъ Омелько, побачывши усмихъ на лыцяхъ дохторивъ и ста-
раючись яко мога сгожуватись зъ ихъ поглядамы.

— Ну, чай тамъ якъ соби хочешъ, а тильки йисты треба
якъ можно бильшъ.

— О-о! — ажъ прόсяяло лыце Омелька, неначе передъ нымъ
стояла сама любыма йижя.

И дохтори, своимъ звычаемъ, почалы розказуваты Омель-
кови, яки прости, але сътни селянськихъ стравы винъ мигъ-бы
йисты.

— О про це не журиться,—спивчуваючи, похытнувъ голово-
вой Омелько.—Кышка не кешена, щобъ зъ неи що згубылося.
И дурень морды видъ кашы не одверне. Тильки подавай...

III.

Що добре въ сл—кому курорти, такъ безперечно те, що
винъ не дуже дорогий. Невна ричъ, у самому курорти бидцій
людыни не можлыво було-бъ жыты, але, найнявши за скильки
карбованцівъ кутокъ у якій селянській хати поблизу, селянинъ
за скилька-десять карбованцівъ може провести увесь курсъ ку-
мысного ликування.

Дохтори кажуть, що на с---кому курорти що року чымъ
разъ бильше буває селянъ.

Зъ другого такы дня Омелько почавъ дуже справно, якъ
того потрібue порядокъ курорта, и щыро выполнити та видбу-
ваты все чисто, що казавъ дохторъ.

Все, що бачывъ винъ тутъ кругъ себе, вражало ёго видразу,
якъ щось невыдане, нечуване, и справляло якысь дывшый, не-
звычайный пастрій у ёго душі, захопляло ёго якымысь невидо-
мымы почуваннями. Лисъ, той звычайный, простий лисъ, зъ
яливцемъ, шышкамы и всякимъ хмызомъ, де винъ зъ-малку насть
коровы та кони, куды винъ йиздывъ па почлигъ, де звыкъ ба-
чуты вовківъ, уживъ, деркачивъ, зайцівъ та смердячыхъ удодивъ,
бувъ тутъ зовсімъ інший, такий, що й не сныся Омелькови.

— Ото лыхо ёго ма, що то гроши не зробіть па свити! И треба-жъ таке вымудроваты!—дывувався Омелько.

Спершу все ёго вражало: и велики будынки, и квитныки, и гимнастыка, и тенистъ, и кегель-банъ. До концертового залу зъ галерію винъ и не пидходивъ, вважаочы, що тамъ ёму буты не слизь, щобъ паны не прогнивались...

— А це що таке?—зацикавився винъ. побачывши певелычку башту, ѹо стояла посередъ зеленого мурижку, а па ній зъ рижихъ сторингъ булы навишани: тейлориъ, барометръ, гигрометръ та инше.

— Це показує, яка мае буты погода.

— О-о... Ну-ну! И винъ уважно слухавъ, якъ ёму розсказували, ѹо таке барометръ, а видъ себе такы додавъ, ѹо якъ корова, задерши хвоста, бигае по полю або по лугу, то мусить буты гримъ, а якъ тулытся пидъ стріху, то запевне, ѹо буде дощъ.

— А чы воно покаже, який буде рикъ—врожайный, чы не-врожайный?—пытаў Омелько, зацикавившися барометромъ.

Ёму выяснили, ѹо такого прыстрою нема, щобъ показувавъ па врожай, ѹо це неможливо...

— Якъ то?—дывувався селянинъ. Запевне можно знаты, бо якъ боцюнъ въ Космачеви на весни скыне зъ свого кубла дытыну, малесеньке боценя, то завжде бувае неврожай. Це вси знають... всякий навить дурень на сели...

На курорти незнали, ѹо ёму на те казать.

Але найбильше звертала ёго увагу военна музика, ѹо грава на эстради середъ лису. До цёго мисця ёму легче и вильнійше було доступноти. Навкруги галявки, бlyжче до оркестра, сидила звычайно рижна публика. Найбильше бувало туть жыдивъ.

— А-а! и вашого пантофлевого, мосци-паньства тутечки досьть, якъ я бачу!—нё здергавшися, скрыннувъ мимохитить Омелько, колы побачивъ на лавочкахъ жыдивъ. Зъ нымы винъ почувавъ себе зовсімъ вильно.

Просыжувавъ туть дядько цили годыны и жадльво слухавъ ту музiku, ѹо гула трубамы и барабаномъ. Де-колы вона прой-

мала ёго незвычайно. Винъ стававъ середъ дорижкы, самъ того не помичаочы, видбывавъ ногою въ ладъ зъ музыкою, похытуюочы своимъ велыкымъ и худымъ станомъ: зворушувався ёго духъ и винъ промовлявъ:

— Отъ такъ ёго! Шкварь!... Ще! ще!

Але ридни украинськи писни наганялы на ёго смутокъ. Тоди вингъ прыгадувавъ соби свою симью и журывся, думаочы про те, что то діется безъ ёго вдома, и що ёго диткы тамъ поробляють. Чаривно-гармонычна писня: «Та нема гиршъ никому, якъ тій сыротыни»—вражала ёго дуже сильно, захоплювала вси ёго почування и думки, и, мовъ зачарованый, винъ сидавъ, затопывши очи у далечинъ увесь часъ, покы грава музика. А якъ кинчалася писня, винъ паче прокыдався зъ якогось дывного спу, зитхавъ, якысь часъ прыснливувавъ тыхо на голось писни, котра все ще лунала въ ёго ухахъ, а потимъ, зитхнувшы важко, казавъ, дывлячись кудысь у гору, кризъ виты высокой хвои:

— Отъ таке-то... Жыття, якъ та хмары. Звидкиль то вона ввійшла и куды иде—хто ёго видае.. Чоловикъ живе соби та мудрує, а Богъ вже каже: досить!

Омелька довго дывували яйцевати, кругло-довги кумысови бутылки, що нагадували ёму огирки-жовтяки, яки звычайно лышають бабы на насиння. Таки бутылки вжываються на курорти для тои прычыны, що воны выдержують сильный тыскъ кумыса, колы вингъ квасне и мусуе. Але найбильше гнитила ёго та думка, що за таку бутылку тра даты сорокивку и що-день тра ковтнуты ось такихъ бутылокъ килька штуць. На кумысъ винъ переставъ покладати надію зъ тои поры, якъ довидався, звидкиль винъ добувається і якъ робиться.—Правда, що кобыла тильки чисту траву йисть, але якъ Богъ не захоче, то кобыла не поможе. Але гамакъ ёму дуже такы вподобався. Винъ уважно раздывывався, якъ винъ спрэвленый и, не думавши довго, на другой день купывъ соби пивъ третья аршына мицнога, сирого полотна та пару посторомківъ, прышывъ пры кинцяхъ впоперекъ два ломакы, кинци зашморгнувъ у посторомкы тай выйшовъ гамакъ. Правда, на ёму треба було лежати дуже спокійно и обережно,

але за те Омелько мигъ казаты, що ёго гамакъ контуе не пивтора карбованця, а два злотыхъ зъ десяткою.

— Десять злотыхъ за якусь ситку! Та у чась, у Космачеви, за карбованця цилу клумлю¹⁾ можно купыти! Якъ бы знатъ, що видъ ситки чоловикъ здоровійшае, то, далеби, прыпнись бы зъ собою цилого волока...

Дуже любывъ Омелько прохожатись по «панськихъ доникахъ»—по склянній галерії, колы тамъ не бувало публики. Винъ почувавъ себе тоди якось певзычайно.

— Такъ такы и не по дорози, и не по стежци... Ани соломы, ни гною, ни павитъ нылу нема... И стовщи тоби мыгають, и чобота нигде не зачепышъ... И до того ще квитки тоби павкруги... Пахне... А зверха покривля—нибы хата, тильки що стинъ нема; замись стинъ—скло... Нибы въ якійсь склянци соби ходишь, тай годи! Дуже гарно, лыхо ёго матери!..

Ось такъ похожавъ Омелько, заклавши руки назадъ, лантухово пересовуюочи ноги, «шпацерувавъ» соби инколи по галерії. Але винъ не мигъ тамъ довго ходыты. Видъ того плентания по вузенькій довгій дорижцз, помижъ стовщивъ, повитыхъ виноградомъ, свить ёму, певзычному, почынавъ крутыться; винъ боявся, колы-бы не впасты та не побыты скла, і зходывъ звидтиль помалечку, обережно, а ноги, мовъ-бы чужи, забигали і сюды, і туды.

— Чортъ ёго батька зна, що воно таке,—думавъ соби Омелько. И якъ тутъ ходыты?...

IV.

Курортна публика, якъ то скризь буває, дилылась на гуртки. У глыбыни парка, виддаля видъ панськихъ мисць, мижъ музыкою та тыномъ, бувъ кутокъ, де лежали на земли або у гамакахъ селяне. Ихъ було де-килька. Вони лежали соби звычайно, харкалы просто на траву, не вважаючи на те, що це на курорти дуже

¹⁾ Велька ситка, що ловлять рибу.

заборонялось. Спершу воны дуже багато спалы, корыстуючись незвичкимъ безробочымъ дозвиллямъ.

Кожний зъ пыхъ прыносивъ зъ собою у паркъ клупочокъ або «кошиль», де ховавъ убогий скарбъ свій... Лышъ тяжкий недугъ прымусивъ тыхъ людей увійти въ певзыклє, чуже для пыхъ курортне життя. Кумисъ воны пыли повагомъ, смакуючи кожний ковточъ, бо кожний ковточъ коштувавъ скілька копійкъ.

— Працюешъ цілый день, щобъ заробити якого-небудь карбованця, а тутечки карбованець—мовъ та муха: пролетила, такъ чортъ ін и ма...—мудрувавъ Омелько зъ того прыводу, що такъ швидко «грошенята» розходяться на курорти.

— А за те спатимешъ пидъ музыку, щиби палъ,—лагодивъ ту сумну думку ёго сусіда Гаврило Чорногузъ.

— Эге... Що правда—то правда. Тильки що до церкви у неділю ходимо, а то зовсімъ вже булы-бѣ: господинъ Пацьнікій та Чорногускій,—кепкувавъ самъ зъ себе селянишъ.

— Чому-то паны не ходять до церкви?

— А за тымъ, що, бачъ, ихъ кобила бильшъ личить, якъ Богъ...

Гаврило Чорногузъ лежавъ у гамащи поручъ зъ Омелькомъ, и воны пайблыше промижъ себе балакали Чорногузъ бувъ селянишъ зъ чернігівської губернії. Сухоты булы у ёго вже давно и у дуже тяжкій формі.. Дывлячись здалека на Гаврила, коли винъ стоявъ пидъ сосной, можно було подумати, що це ліпши кистякъ селянина, невідомо для чого приставленій до дерева. Лышъ жыви, ворухливі очі ёго показували, що це жива людина. Горбата синя и занали груды выгнули ёго стати, якъ дугу. Дывуватись треба було, якъ зъ того худого и нужденного тила выходивъ гучний и голосний кашель. Той кашель далеко лупавъ по всому саду. Де-коли, не можучи видкашляти, Гаврило, спершишь до сосни и ще гирне зигнувшись, стогономъ стогнавъ скілька хвильинъ. Збигалась звидусиль слаби, щобъ помогти не-частному, але, звичайно, ніхто не мігъ дати раду.

Разъ-у-разъ хапаочьсь рукамы за груды, Гаврыло нарешти на превелыку сылу видкашлювавъ и, поводячи мокрымы очима на всихъ панивъ, що зибрались коло нёго, промовлявъ:

— Отъ же-жъ и довелося погавкаты, нibly нашъ становый! Далеби. Все жыття мусыть мужыкъ втышки говорыты передъ паномъ, а тильки передъ смертью може соби досыть погавкаты. Эгэ... Пробачайте панове!—певидомо для чого перепрошувавъ слабыи публику, що спивчуваочы дывыллась на ёго.

— Та и то не дарма! И за гавкания платытымешь панудоктору,—доповнивъ Гаврылову думку Пацюкъ.

— Ну, а за те вже попови то безъ мене заплатять,—казавъ Гаврыло, и ёго свитло-блакитни очи дывыльсь на всихъ ирыхыльно, наче усмихаочьсь, и свитылась у пыхъ тая ласка и покирнистъ, зъ якою селянинъ корытся своїй тяжкій доли. Гаврыло не дуже клопотався своимъ кашлемъ и говорывъ, що ёго лидъ, батько, и маты завше кашлялы и довго жылы... Журба та сумни думы не часто находылы на Гаврыла, а колы, бувало, и находылы, то винъ швидко розгашявъ смутокъ, прыслухаочьсь до якои чужои розмовы. Музыку винъ любывъ и слухавъ іи, не покыдаочы розмовы. Не такъ Омелько: той, зачувши музыку, заразъ змовкавъ, уважно слухаочы, а потімъ зновъ почынавъ балачку зъ того самого слова, на якому спынався.—Омелько и Гаврыло часто и довго балакалы промижъ себе, бо багато було у ныхъ спильного и цикавого для розмовы.

Третій селянинъ, що лежавъ недалеко видъ Омелька, бувъ землякъ Гаврыла. У цёго уражене було хворобою горло, и винъ не мигъ говорыты голосомъ. Звався винъ Дмитро Порошъ.

Омелько здывувався, колы, пидійшовши до Дмитра уперше и промовывши: «здравецьки булы, чоловиче», почувъ замисць голосу якесь незвычайне шыпиння, мовъ-бы зъ-пидъ папороти, що росла пидъ кущемъ недалечко, вылизла гадюка.

— Та Бога-жъ вы бійтесь, чоловиче! А чого це вы такъ, мовъ пинъ у великоностя на словиди? Га?

А Дмитро все шыпивъ и замахавъ рукамы.

— Стрила въ горли застутила,—ледве чутно прошыпивъ винъ, и зъ рота ёго потягло такимъ поганымъ духомъ, що павить Омелько, що прывыкъ до всякихъ пахощивъ, мымохить видстутивъ трохы назадъ.

— Трымаецца и не выходыть,—чыста начастъ!

— А-а? —протягъ Омелько, наче-бъ теперь винъ усе зрозумивъ.—Та це вы, якъ я бачу, зовсімъ такъ по-панськи захворили.

Пизнише, разговорившись зъ Гаврыломъ, Омелько довидався, що за чоловикъ бувъ Дмытро и видчого!сталася ёму така начастъ.

Дмытро зъ молоду—а теперъ ёму вже доходывъ п'ятый десяточокъ—бувъ гультай и п'япыша. Де лышъ, бувало, у сели пьють, то тамъ вже певне не безъ Дмытра.

Разъ покладено на ёго грихъ, пибы-то винъ укравъ теля и продавъ ёго яльшинкамъ. Дмытро не прызналався; ёго забралы у волость и тамъ прылюдно вышпарылы ризкамы. Писля того винъ загынувъ кудысь; никто не зпавъ, куды ёго посыло, а повернувшись винъ до дому лышъ черезъ п'ять літъ и прынисъ зъ собою гроши.

Розпитували ёго люде, де и якъ винъ ти гроши доставъ, але Дмытро завжде якосъ выкручувався, якъ то кажуть, собачою стежкою.

— Чы мало де-кому гроши достаються? На свити ще досыть дурнивъ,—казавъ винъ.

— Ой, вкравъ!.. Видко по очахъ, що гулявъ по почахъ,—вважавъ де-який, бачывши Дмытрову непевність.

— Ну й гулявъ, а тоби що? Не за твои гроши,—видлови-давъ той, сміливо дывлячись всимъ въ очи.

Розказували люде, що не разъ и батюшка на сповиди допытувавъ ёго про гроши, але ничего не довидався.

— Винъ сповидається очима, а не языкомъ... Моргає... Его такъ и прозвали на сели: «моргунъ».

Навить оженившись, винъ не все розказавъ жинці про гроши: вона п'якъ не могла дощататись, скільки винъ ихъ має. И ховавъ ихъ въ рижныхъ мисцяхъ. Розказували, що ёго гроши

перебувалы пидъ всима стовнамы хаты. Напувалы ёго чы-разъ, та дарма: и пьянай, було, ни слова про гроши не выкаже. А коя, було, пры компані за чаркою пожартуе хто, тай крыкне знепацька: «Дмитро, въ тебе гроши вкрады!», то винъ неначе прокыдався и увесь хміль пропадавъ зъ ёго головы.

Дмитро не цурався ніякого громадського дила; пывъ зъ людьми, самъ людей частувавъ, а про те люде ёго не любили. «Винъ зъ Моргуномъ за пани-брата»—говорили звичайно про всякого лепевного человека.

Минали лита, а Моргунъ чымъ разъ стававъ чогось бильше невеселый, мовчазный.

Але случылась прыгода, котра дуже переминаяла Дмитра. Якось у литку, писля гулянки у свято, винъ лигъ на ничъ у клуни, на выщи. Нихто, бувало, навить у симъ ёго не знає, де винъ почве. Скаже: у клуни, а пайде у комору, або що.

— А у ту ничъ клуя якъ разъ и запалылася,—рассказувавъ Гаврило, що бувъ пры тій прыгоди.—Чую я, люде по вулыци кричать—«пожаръ! Дмитро горить! Бижу... Ажъ и справди горить соби Дмитрова клуя зо всіхъ кинцівъ. Нихто не зпавъ, що тамъ Дмитро, і ребрыни вси поіримали. А винъ въ ту хвилину пробудився, побачивъ що злизти нема де, отъ же и почавъ винъ допиро кричати! Не дай Боже, якъ зъ переляку винъ ренетувавт! Люде ёму кричать: «скакай, дурний, внызъ! А винъ не догадується, бо зовсімъ забаламутылося тоді въ ёго голови. А потімъ якъ скокнувъ, то просто въ стійло, де корови стояли... Тутъ ёго и витягли. И ото зъ тієї пори голосу въ ёго нема. Въ Почаївъ ходивъ часто, кажуть, тамъ каявся и сповидається. И хворости, здається, великои въ ёго немає, але що то за чоловикъ безъ голосу? Бабы ёму рижного зилля давалы, а въ решти сказали, що це огнєва стріла. Ну, то прыїхавъ на кумисъ. Винъ пысъменний.

— Але?...

— Далеби. Вміє писати и читати, але ёму теперъ не до читанки. О, це розумний бувъ колись чоловикъ... Теперь винъ, якъ то кажуть, трошки зйихавъ зъ даху... Сумус все...

- А гроши въ ёго тепереньки йо?
- А хто ёго знае! Пиды, запытай, якъ що скаже...
- Тс...

Балакаючи, воши не запримитылы, що Дмытро, котрий сидивъ перухомо у гамаку, пыльно дывився на ныхъ и паче уважно слухавъ. Але це такъ лышъ здавалось. Прыйдывившись пыльно, можно було побачыты, що ёго вельки, сиви, мутновати очи дывились кудысь у друге мисце, дальне, нижъ думаты ёго товарыни.

- Винъ все одно не чуе,—сказавъ Гаврыло.
- Чуе!
- Ии!.. То тильки такъ здається. Винъ часто ось такъ. Сяде—и шибы винъ комусь на небо моргає...

Справди падъ ёго очима здригалась то одна, то друга брова. Черезъ те ёго темне, інешаче скамениле облыччя здавалось трохы жывійше. Часомъ, паче втомившись глядити все въ одно мисце, Дмытро заплющувавъ очи и швидко засыпавъ, не вважаючи ша те, де винъ бувъ. А найбильше звертало увагу публики те, що винъ минь снаты сидячи. Сяде, було, у саду на який шырокий пень, схилить низько голову на груды, скорчиться, зтулиться, ажъ шибы поменьшає весь, и хропе соби па вси заставки; тай сидить такъ перухомо по скилька годинъ. Розмова, шумъ, павить музиканичесенько не шкодили єму спати. Прокипувшишись, винъ закладавъ руки назадъ и кáзавъ, що болить ёго синя. Коли-бъ товарыни не будыли ёго падъ вечиръ, то може такъ спавъ бы винъ тамъ і до другого дня.

Выспавшись гарпенъко, Дмытро почувавъ себе дуже добре, і брала ёго тоди охота балакати. Але говорыти було єму дуже важко.

Ходивъ Дмытро завжде поважно, ривно, одну руку державъ за пазухою, звидкиль видігдала шыїка кумисової бутылки, а другу—у кешепи своїхъ чорныхъ, зъ грубого сукна, штанивъ. Чоботы ёго були складно пошити, а зъ-пидъ кацавейки па полотняній підкладці видігдало ідось таке, інешаче жилетка... •

Гаврило тежъ одягався не зовсімъ по-селянськи. Бувъ на єму якийсь пиджакъ, жилетки не було, і проста полотняна сорочка була розхристана у комири, а штаны були тежъ зъ чорного сукна, не широки, а шкіти по мірці.

За те Омелько одягався якъ сирачний, цирковий поліціуць. Не було въ єго одягіни, якъ кажуть, ні блінки, ні заїзди—хиба що тильки підкови на чоботяхъ. Всі гудзыки були дерев'яні, і поробивъ ихъ соби самъ Омелько.

Проста сира свита, куплена на ярмарці, мало не двічі могла обгорнути єго худий станъ; добри, хазяйські чоботи доповняли цю верхню одежду Омелька. Повстяна шапка єго уявляла зъ себе те, що по-полісськи називається: «штыре губернії, п'ятый повить», тобъ-то: штыре кути, а зверху по середині бахматий суконний гудзь. Полотняна сорочка зъ широчезнимъ комиромъ, була пошита хоть і не зовсімъ зручно, але за те міцно. Прости полотняні широки штаны піякъ не хотили держатись на худихъ Омельковихъ стегнахъ і разъ-у-разъ обсовувались; хоть винъ разъ-у-разъ підтягавъ ихъ, але про те матия висила єму ажъ до чобитъ.

Омелько проводивъ увесь часъ въ компанії зъ Гавриломъ і Дмиетромъ. Балакалы, звичайно, бильше Омелько і Гаврило, а коли, було, заговорить Дметро, то всі єго уважно слухали. Вони варивъ соби «декохтъ» зъ рижихъ травъ і вирили, що той декохтъ помогає видъ сухотъ.

Зима на декохтъ селяне купують у знахоривъ або по маленькихъ крамницяхъ і платять видъ 50 кон. до 2 рублівъ за фунтъ.

Вони розказували одній одному про свои враження, разомъ ходили у церкву. И ти три селянина— Моргунь, Кашлюнгъ и Ноліха (такъ прозвали потімъ Гаврила і Омелька), — що ходили зъ своїми кумисовими бутылками по стежкахъ парка, то всі врядъ, то одній за другимъ, зверталы на себе увагу усієї курортної публіки.

— И ото дивно, чы побувае чоловикъ въ воді, чы въ огні,
а хвористъ одна— капель і часамы голоса немае,— на частине,

трохы передумавши, почышавъ размову Гаврыло, разглядочи хворыхъ на курорти.

— Одна то одна, а личыты ризно... Якъ видъ водянои стрилы перестае голось, то саме линие пыты декохть... Эгэ... Це дуже, кажуть, помогае. А якъ видъ огню, то треба ляпымсомъ, не инакше...

— Що ляпымсъ? То все на ниць,—видповивъ Гаврыло, гойдаючы злегка у своему гамаци. Показувавъ мени хвершаль того ляпыса. Эть, якыйсь тамъ каминець. Що воно поможетъ? Кажуть, що громова стрила помогае видъ рижнои хворобы... Але я ін не пывъ... Кажуть зновъ стари люде, що треба дуты на жаръ та говорыты ризне, що баба каже... Але те все зá-ниць—махнувъ винъ рукою.

— Правду сказавши, чого тильки я не перепробувавъ,—казавъ Омелько. И бабы мени шенталы, и знахори пидъ викамы лизалы, и батюнка відчытувалы, и цыгалови руку я показувавъ, и въ монастырь одыгъ ходывъ... Казалы, тамъ одыгъ чернець личыть ядуху, все одно що самый липший дохторъ... Таничого не помогло. Йивъ я и медь зъ березовыми брунькамы. Э, вже я такъ скажу: чы круты, чы верты, а все треба вмерты.

— Ну, а я то зновъ такъ скажу,—видновивъ Гаврыло,— що на ядуху та задышку ще можна порадыты. Ну, а проты сухотки ничего не подіешъ, братику...

— А що-жъ ты проты ядухи поробынгъ!

— Йисты добре треба. Далеби. Саме линие йисты ячминъ перевареный, щобъ винъ въ сали плававъ. Та зъ кавалкомъ добрымъ хлиба.. А потимъ масло зъ медомъ, такъ на половыну. Не зле тежъ и сало, тильки не просте, а зъ козы, або зъ собаки. Я зпавъ одного человека, що дуже хорувавъ задушеною, то винъ що робывъ? Самъ бывъ гладкихъ собакъ, деръ зъ ныхъ сало, тошывъ ёго и йивъ на всю губу. Отъ же-жъ и роснерло ёго! Ось такый ставъ,—и Гаврыло розвивъ руки Чистый гыцель!.. И такъ ёму це сподобалося, що вингъ гыцловавъ до самон смерти... Здоровый ставъ чоловичына. Далеби. Якъ кому що йде.

Омелько и Гаврыло збирались вже лягти у гамакы заснути, якъ до вихъ підійтровъ Дмытро и пошеники сказавъ:

— На ёсени, якъ зійде ярове, пидросте ось таке,—и винъ показавъ делонею па чверть видъ земли,—то, вставши до схиль сонця, треба пазбирати самыхъ чистыхъ ривныхъ травынокъ зъ жытъ, въ саму тыху погоду, щобъ зовсімъ не було витру, бо якъ хочъ трохи витеръ похильти траву, то вона вже не буде мати того сочку... Эге, та збирашы, все треба говорыти якучебудь молытву до Богородыци. Нисля ту траву завязати въ пучечки и засунуть, а потімъ давати слабому пыты, заварывши нибы чай, то помогає, особливѣ якъ впустити туды скільканадцять капель хрещеної святої води...

Згадавши про святу воду, Дми́тро перехрестився. Хрестився винъ тежъ всякий разъ передъ тымъ, якъ мавъ пыты кумысь. Нихто не видловивъ єму ничего па ти слова, бо нихто не мавъ охоты тягнуты дали цю розмову. Лышъ тоди, якъ Дми́тро пишовъ па свое мисце и лігъ, Омелько переглянувся зъ Гавриломъ и нынкомъ, та щобъ нечувъ хворый, спытавъ ёго: «чи ще Дми́тро сёгодня кумысь?» Гаврило видмовно похытавъ головою.

— Каже, що винъ не лошає и не пимець, щобъ не пам'ятати, коли середа и п'ятиныця... А сёгодня окримъ огирка и хлиба ничего ни йисть. Борони Боже, щобъ винъ коли въ пість скоромие зийвъ, або въ свято до церкви не пишовъ. Хутійни вмре, а йисты не стане. Винъ давнишо пишовъ бы въ монастырь, та жинка не пускає... «Хочъ бы, каже, мени наймытомъ пры монастыри послужыты». И це все зъ нымъ таке зробилося зъ тен поры, якъ клуя згорила...

— А скільки винъ, братику,—трохи зъ годомъ почавъ зповъ Гаврило про Дми́тра,—молебнивъ наймає, и то все найдильти Наштеймонови, и на службу завше дає. Раньше наламара до церкви приходить... Стане біля дверей въ церкви та все моїться.

— Чого-жъ винъ слоды прыйхавъ? Певне, що ёго силькомъ заставили прыйхатъ?

— Ни, самъ по свой воли прыйхавъ. Бачъ, єму одна баба сказала: пый всяке молоко, яке тильки їе на свити, то выдужаєшъ і голось проявится. То винъ якого тильки молока вже

и пывъ: и видъ коровы, и видъ козы, видъ овечки и павить видъ сучкы...

Омелько сплюнувъ.

— Отъ якъ бачытъ, и справди поправляется потрошку. Незаторикъ винъ такъ хорувавъ, що думалы—вже вмре пашъ Моргунъ... Та якъ ставъ всяке молоко пыты—выдужавъ. И видъ кобылы молоко пывъ—просте, тепле... Якъ почувъ зимою, що яе особе молоко—кумысъ, то захтивъ и ёго попробувати, то пры-йихавъ... Ну, и я зъ нымъ... Одынъ не пойханъ-бы, бо мени кумысъ видъ кашля ничего не поможе, я знаю, бо у нась вси зроду кашляють. Але, якъ то кажуть, въ гурти и крывый пры-скакуе... Та и дохторъ до мене прыставъ, мовъ оса,—айдь та пый кумысъ... Дмытро мени и гропней давъ, бо у мене не було.

— Още то винъ не скупый?

— Першъ страхъ який бувъ скупый. Ничогисенъко никому бувало не дастъ... А теперъ дає цышкомъ щобъ никто не бачывъ и щобъ жинка не знала; покладе гропни на вики, рубля, а часомъ и два, кому дуже треба... Й не хоче, щобъ вид-давали назадъ и дякували: каже, що то видъ Бога... А жинка сварытся. И багато павить гропней роздае, але про те не люблять такы ёго у нась люде, та й годи...

— Чому?

— А хто ихъ знає? Не люблять. Бо то кажуть,—ще тыхніе, поглядаючи на Дмытра, сказавъ Гаврило,—що винъ піби замвирає... зовсімъ якъ вмре и бачитъ, що на тому свити дітесь и що кожному буде, все, все бачитъ... А якъ прокипнется, то хотъ-бы кому-небудь що сказавъ. Скильки бувало просить,—а ни слова. Дивитеся кудись та моргає. То у ёго око нечисте...

— А на хазяйстві у ёго хто?

— Жинка. О, працёвита це баба, голосна, проворна та и дитей добре доглядає. То теж—ни зъ жинкою, ни зъ дитьми часомъ рота не роззвивати... Мовчить, мовъ сомъ. Це винъ тута тильки щось трошки ставъ балакати... Чудний це мужикъ. И то все зъ того пожара. Огнєва стрила ёму мову заткнула.

— Ни,—задумавшись промовызвъ Омелько, выслушавши оновидания Гаврыла,—не такъ стрила, якъ ти гроши ёму поперекъ горла тенереньки стоять.—Але звидкиль винъ ихъ взялъ?—цикавився Омелько.

V.

Була на курортъ лодына, зъ котрою познаёмылись наши селяне: лакей одного багатого хворого лана, который не одну вже тысячу вытратывъ на ликувания по заграницяхъ и теперь прыіхавъ на курортъ зъ цілою юрбою челяди, и навить собакъ своихъ забравъ.

Той лакей, невеличкого зросту, зъ кругленыкимъ черевцемъ, рябый на виду, звертавъ на себе увагу всіхъ своею постатью и одеждою. Руки ёго булы таки коротеньки, наче прыставлени до тила патычки - обрубки, мовъ у крота. Бороду винъ голивъ, а лышавъ підъ ушами невелички клаптики, що малы скыдаться на бакенбарды; маленьки руди вусы винъ коротко стрыгъ, а голова була лыса, якъ макогинъ. Одягався винъ у ряби вузельки штанци, що щильно облягалы ёго тошки ноги, у билый никовий жилетъ, поверхъ котрого була якась зеленовато-сия піджачына зъ двома гудзыкамы ззаду. Ззаду піджачына роздвоялась па два хвостики, а видъ гудзыківъ высилы дvi кытычки. На голови бувъ рябенький круглый картузокъ.

Колы винъ у-перше пройшовъ по стежци поузъ того мисця, де лежали у гамакахъ селяне, Омелько нестерпивъ тай разре-готався и прозвавъ ёго «якымсь недоробкомъ». А колы лакей показався у-друге, Гаврыло звернувшись до ёго:

— Якъ ся маєте, мось-пане! Ідти сюды!

Лакей важко підійшовъ и подавъ руку селянамъ. На пуччи у ёго бувъ срибрный перстень зъ якымсь великымъ каминцемъ.

— Звидкиля прыйихалъ?

— Изъ за-границы, изъ Мерана.

— О-о!—протяглы селяне вси въ одынъ голосъ и высунули зъ гамаківъ свои головы, якъ гусы, колы побачутъ въ своимъ гурти индика або павича.

— О; то вы свита де-якый шматокъ такы побачылы?

— Ну да,—по чугункѣ—Бздили-сь. И скажите пожалуйста, тамъ очень лучше-сь... весьма хорошо-сь... за границей.

— А сколько днівъ туды треба йихаты? въ туу заграницю?

— Не весьма долго-сь... И скажите пожалуйста, вы можете быть тамъ черезъ четыре днія-сь. Это въ Австріи... И тамъ-сь, тамъ все весьма хорошо. Что, скажите пожалуйста, этоть наркъ по сравненію-сь? тамъ пожалуйста будеть въ двадцать разъ больше-сь, весьма больше-сь. И музика въ четырехъ мѣстахъ играеть-сь. Ну да.

— Чы ты бачылъ?—дывувався Гаврыло, пидгынаочы ногы пидь себе и злегенька гойдаочь у гамаку.

— Тамъ, можно сказать, необыкновенно-сь,—казавъ тымъ часомъ лакей, выхыляючысь передъ селянами и размахуючи невеличкимъ прутыкомъ надъ ногою, котру винъ выставывъ впередъ. Цікавистъ слухачивъ до давала ёму охоты оповідати дали про заграницни дывовыська.

— И если угодно, какіе тамъ, скажите пожалуйста, аллеи, галлерен и моніонес-сь! Да... тутъ что?—И винъ повернувшись на своихъ коротенькихъ пижкахъ кругомъ и машину рукою.—Все это, можно сказать, не весьма хорошо-сь... истинные пустяки. Тамъ первымъ дѣломъ нужно поступить-сь на курсъ... Масса публики всякой, весьма разнообразной, и даже есть, можно сказать, балюстра и оперь-штрассе... весьма великолѣчино-сь за границей.

Довго оттакъ оповідавъ лакей про заграницю, выкручуючысь та выхыляючысь на вси способы передъ селянами, котри мовчкы слухали ёго.

— Слушай-но, мось-иане,—перенышывъ ёго Омелько,—якъ тебе зваты?

— Іванъ Феодоровичъ-сь!—сказавъ лакей, трохи присидаочы и злегенько торкаючысь картузъ, котрый зсунувъ бувъ ёму на потыльцио.

— Ха-ха-ха!—голосно зареготовавъ Омелько, а за нымъ и други селяне.

— Та який-же ты Иванъ Феодоровичъ,—рекочучы промовивъ Омелько,—ты просто Ефендрикъ! Далеби Ефендрикъ!...

Иванъ Феодоровичъ зовсімъ не вразився и навить усміхнувся. Нове прызвисько нибы навити вподобалось ёму.

— И скажите пожалуйста, какія-сь, можно сказать, шутки. Иванъ Феодоровичъ—и вдругъ, какъ вы изволили сказать, Ефендрикъ. Такого имени нѣть-сь... Увѣряю васъ...

— Чы увирай, чы не увирай... а ты Ефендрикъ—и шабашъ. Тай годи!

Зъ тои поры у Ивана Федоровыча на курорти стало прызвисько «Ефендрикъ».

Безцеремонистъ селянъ зъ Иваномъ Федоровичемъ стала ще бильша, колы воны довидалысь, що Ефендрикъ зъ простыхъ селянъ зъ Подилля. Змалку винъ ставъ на службу при паньському двори, тай такъ и лышився до вику лакеемъ.

Дмитро, що за молоду бувавъ въ рижихъ мисцяхъ, вінавъ и єго село.

Але колы Ефендрикъ, розбалакавшись зъ селянами про знаїмыхъ панинъ, згадавъ про одного панка Лепешковського, у котрого вкрадено гроши,—Моргунъ здригиувся и пидвивъ голову.

Омелько тымъ часомъ зацикавився тымъ панкомъ и просивъ Ефендрика розсказати, якимъ чиномъ сталася та крадицка, Ефендрикъ залюбки розсказавъ.

Зъ того оповидання Ефендрика селяне довидалысь, що не всимъ панамъ добре живеться ча Подилли; що тамъ ѹе паны, котри живуть не краще заможнѣго селянина. Такий власне бувъ той панъ Лепешковський. Мавъ винъ щось били тридцять десятина земли, скілька штукъ товару, а живъ у простій хати, якъ казавъ Ефендрикъ, «не весьма хорошо-сь»... Разъ до того панка ставъ на службу якийсь пройдисвить; винъ не прослуживъ и мисця, якъ панъ єго выгнавъ и грошей не заплативъ. А той, забираючись зъ двору, вкравъ у пана образъ Почаївської Богородиці въ гарній срібній оправи. Панъ трохи це збожеволивъ, колы увійшовъ у хату и побачивъ, що нема образа. Казали люди,

що въ тимъ образи булы заховани гропи, щось били тысячи карбованцівъ.

— Гультяямъ часомъ счастыть, лыхо-ма...—промовивъ Гаврило, що блукавъ очима на всі сторони пидъ-чась оповидання.

— Ни... крадене добро—то не на добро,—поправивъ ёго Омелько.

Але ніхто такъ уважно не слухавъ того оповидання, якъ Моргунъ. Пры першихъ словахъ про Лепешковського, винъ заразъ цоверцувся спиною до всіхъ, заплющувъ очі, вдаючи нібы спыть. Але винъ не пропустивъ ні однисенького слова. Ніхто не бачивъ, якъ зблідло ёго обличчя, якъ здригались нервово ёго уста. Збентежений, зворушеный, винъ разъ-у-разъ розплющувавъ свои моргаючи очі, зрывавъ листочки и первово грызть ихъ, ажъ зубы скрипили...

— И скажите пожалуйста, какое, можно сказать, удовольствіе быть такимъ-сь пом'щикомъ? Никакого тебѣ илезира-сь... въ родѣ, какъ бы сказать, настоящій мужикъ,—скинувъ розмову Ефендрикъ и пішовъ.

— А сам.. хто?—сказавъ єму наздогинъ Омелько. Піцтырае цана десь... той думає, що и винъ тежъ нібы панъ. Чистисенько ѹе якась мавпа, що па ярмарци часамы показують.

Селяне багато сміялись зъ Ефендрика, до котрого чы мало прыкладо-ть выгадувалы воны вси.

Лышъ для одного Дмытра той Ефендрикъ бувъ цікавійший, ніжъ для іншихъ. Винъ не разъ спынявъ своїхъ товаришівъ и казавъ, що грихъ сміятысь зъ хрещеного человека, хто-бъ винъ не бувъ. Після розмовы про Лепешковського Моргунъ почавъ якось неспокійно поводитись въ присутності Ефендрика. Кримъ того, винъ ні на одну хвиліну не покидавъ своїхъ товаришівъ у ту пору, колы звичайно па «кермані» (такъ называли те місце, де лежали селяне; керман—ярмарокъ) прыходивъ Іванъ Федоровичъ. Винъ ставъ трохи спокійнишій лышъ тоді, колы одного разу нібы пепарокомъ дигнавъ Ефендрика на далекій стежки, завивъ зъ нымъ розмову про подольськихъ пачивъ.

— А той що вы казалы.. якъ ёго,—и Моргунъ заморгавъ сильнише,—Лепешковський не пайшовъ того робитника? Га?

Его щось дуже дерло у горли, и винъ, шынинъ цей разъ якось незвычайно, зъ величкымъ напружениемъ.

— Можно сказать-сь, что совершенно пропали-сь деньги,— нехотячи видповивъ Ефендрикъ, закрывалось рукою видъ того духу, что йшовъ зъ Дмытрового рота.— И скажите пожалуйста, какой дуракъ останется на мѣстѣ, если онъ деньги взялъ? Очень просто...

— Хто-жъ то такой? Вы его не... Вы не чулы, Иванъ Оедоровычъ, якъ казалы про ёго люде?— поволи, але зъ величкымъ неспокоемъ спытавъ ще Моргунъ, и ёго уста щось запохотили тыхенъко.

— Очень просто-сь. Не знаю. Я слышаль только, что украль тысячу рублей. Аревуаръ... и пожалуйста до свиданія,— промовывъ повернувшись Ефендрикъ, очевидячки хотивши видчепытись видъ селянина зъ такимъ тяжкимъ та шыкрымъ запахомъ.— Можно сказать, что вамъ зубы нужно полоскать. Есть такой порошокъ,— пораявъ Ефендрикъ, видійшовши трохи дали.

Але Дмытро не слухавъ вже ёго. Винъ глядивъ па небо, певшыни моргаючи и щось шепотивъ. Про юо винъ шепотивъ?.. Може про те, що въ тимъ образи за допкою не тысяча карбованцівъ була, а всёго лышъ симсотъ, що теперъ вже виць по рижихъ людяхъ роздавъ бильшъ двухсотъ карбованцівъ, що винъ що-року ходить у Почаинъ... що винъ постыть ѹо середи та п'ятини, навити ось того кумысу не п'є..., що винъ не знавъ, ѹо тамъ такъ багато гропей...

VI.

Бувъ парний день у кинци лынца, нидъ Маковія. Видъ снеки не могла захистити навити тинъ густого бору. Некучи соянки промини пробывалысь зверха, и у лиси було дуже ясно. Сонце рознекло сосну, сосна вищускала смолу, а повитря паныло тымы пахощамы, ѹо, якъ думаютъ, дуже помогаютъ на слаби груды.

Не було витру, и той смоловый духъ стоявъ нерухомо. Було дуже душно. У парку було тыхо, лышь травяни коныки-стрыбунци певгаваючи цвирчалы, та синвалла всяка лисова штыця, а пайбильше надсажувався смердячый удоль. Крякало гайворония на верхахъ хвой. Дитвора, що не знае втомы и не вважае ни на яку духоту, бигала шумною юрбою по стежкахъ. Де колы зъ верхивля сосенъ спадалы шынкы и кора,—мабуть тамъ на гори хазайнувалы вывирки.

А пидъ соснами у низу, мовъ паутиня, стелылъсь по всіхъ всюдахъ гамакы зъ хворымы, котри, лежачы, дывылъсь у гору, наче сподиваючись видъ того свитла, повитря та лису здоровьяя соби. Ляскаты затычки кумысовыхъ пляшокъ, и кумысъ сильшимъ токомъ бывъ зъ пляшокъ, бо у гарячый день винъ мусус сильнійше. Щи прыгоды зъ кумысомъ трохы веселыны курортиу публику, зпужену бездиллямъ.

А зъ лугу, що щочинався за Горынемъ, доносились иржания лопатъ та кобыль, котрыхъ держали табунъ для кумысу. Лопата не разумили, яке значиня мають ихъ матки для людей и разъ-у-разъ тягнулъсь сссаты; а ихъ, щобъ не ссалы, коротко прывязувалы до ший кобыламъ. Настухы переганялы табунъ на нови мисця, верхамы займалы и заверталы неслухніихъ кобыль, ляскочучи довгымы бычамы.

— Душно,—промовывъ Гаврыло, підсідаючи до Омелька, що лежавъ у гамаци, розплющивши очи и дывлячись у гору.—Такъ парить, що хочь штаны скинь..

— А я оце лежу соби, задерши голову, та й думаю: чы далеко до сонця, чы ний? Бо першъ, якъ не було на свити монополія, то стари люде казалы: не буде до сонця двадцять верстовъ, бо якъ бы було бильшъ, то безпременно тамъ мусыла буты корчма. А теперечки, якъ корчму прыставъ запечатавъ, то и чортъ ёго батька знає, скільки то воно буде. Мабуть теперъ бильше.

— Запевне,—згодився Гаврыло.—Оттого-то теперечки и літа таки холодни бувають. Инколы выпаде такий хороший день, якъ сёгодня... а то все доці та доці.

— И що то таке сонце? — мовыvъ дали, зиечевъя, Омелько. И видъ чого воно свить бере и таcъ пече?

— Кажуть, що воно гаряче, якъ жаръ... и завжде горить... а янголы головешки мишають.

— Хто про те може знати? Нихто того не бачивъ. — Вси замовкы на хвильну. Дмытро, що црыслухався до розмовы, пидійшовъ теперъ до Омелька и, нагнувшись до ёго, прошепотивъ, порухуючи бровами:

— «Якъ Богъ творыvъ сонейко, то янголы спивали «свять»... и трыста святихъ янголивъ катають ёго по неби вить схода до захода. А по заходи други трыста янголивъ качають ёго на той свитъ. А якъ зайде до нась, то зновъ наши трыста берутся за нього». — И що щось хотивъ розсказати Дмытро про янголивъ, що качають сонце, але Омелько сильтавъ:

— А хто-жъ ихъ личывъ? Га?

Обlyччя Дмытра вмить перемицилось. Вигъ заморгавъ дужче, ротъ ёго непримно скривився и у горли почались спазмы.

— Шкода, що въ мене горло болить и я не можу говорыти, а то я... — шопотивъ Дмытро енергично, розмахуючи руками.

— Ни... то що правда, то правда, — промовыvъ, дивлячись у землю Гаврило. — Запевне, що трыста ихъ качае. Я тежъ чувъ. Правда такы, що трыста...

— Про це въ книжкахъ добре написано, — трохи тыхине промовыvъ Омелько. — Дитки наши вже такы дойдуть до розуму; теперенъкы вже іншый хлопець то такъ лопоче по книжци, що чортъ ёго и розбере... а мы якъ булы дурпи, такъ и помремо. Мій батько, хай царствує, навить до школы мене виддавъ, та не зпавъ, що треба кудись покричче быти... жалкувавъ, певне, — то дурнемъ и вийшовъ я...

Омелько спильтавъ; мовчавъ и Гаврило. Але, наче вгадавши думки свого товариша, Омелько, высекавши носа и усилившихъ выгиднійше, почавъ:

— Насъ було въ батька трое... та Мыкыта вмеръ, а Иванъ зновь на хазяйстви, на батькивцыни зостався, а я меньшій бувъ, пидъ мирку пидійшовъ, то мене въ москали взялъ. Въ москаляхъ де-чому вчылы: и чытаты, и пысаты, и павить словесности. Эге! Це бать таке—какы мени заразъ: хтò такой царъ и шо таке знамя? «Зпамя есть священная хоругвь»...

Ось бать и доси у голови тримается, бо якъ стукне бувало ось сюды «дядька»,—Омелько показавъ на чоло,—то мусыши напомнаты. «Священная хоругвь»...

— И довго ты служывъ пидъ миркою?

— Ни, всёго пивъ-року. Та «священная хоругвь»... Вже я тоди и азбуку прыгадавъ, що колись-то у школи выучылся. Вон-объ то и не-що въ москаляхъ, колы дуже робитно. Тильки що, дай Боже, розсвине, вже дижурный кричыть тоби на всю казарму: «вставай, князякъ готовый!» То нехай хто попробуе не встаты. О-го-го!.. (Омелько докинчивъ свою думку выразно помахавши кулакомъ). Отъ схопыншя зъ пары, мовъ скаженый, вмыешся... заразъ барабанъ бье на молитву, потимъ—чай пый... а писля—казарму прыбырай и пидлогу тры, щобъ чиста була. Тильки що потеръ—барабанъ: иди маршируй, покы ажъ тоби нога полинцемъ стане, та ще до того и писню ёму спивай; а потимъ—словесность. Цилу годину треба, бувало, репетуваты: «здравія желаю ваше высокоблагородіе», щобъ гуртомъ до складу выйшло.. якъ генераль, то «ваше превосходительство!» А тамъ дрова рубай, та носы на кухню. Не пойивъ ще добре за обидомъ, барабанъ зновъ бье, зновъ маршировка. А до чого вона здалася? Отъ таке лыхо! Тай радый же я бувъ, що заслабъ... «Воспаленіе въ легкихъ» зробилося... Лежавъ де-який часъ у лазарети, а нарешти и до-дому пустылы. Така була моя и служба...

— Ну, а дали що?

— Дали? Якъ поправився, то пишовъ на Волынь паймытуваты и на жывахъ лягтомъ бувавъ. Де мене тильки не бувало? Не дарма до лыхои хворобы дожывся...

Скильки хвилынъ винъ помовчавъ. Омелько не дывывся вже на небо. Винъ спустывъ ноги зъ гамака и потупиў очи у

землю. Облыччя ёго дуже зморицься и неначе потемнило. Спогады мовъ бы старили ёго.

— Зовсімъ гнізлий чоловікъ ставъ; якъ то кажуть: де дощъ іде, тамъ і гніє. А де мене тильки не мочило?

— На Волині досить заробити?

— Якого тамъ смутка заробишъ? Не разъ я соби думаю, що у кого багато грошей, той самий скучний чоловікъ, окрімъ хиба жыда, котрый все одно скучний, чы має, чы немає грошей. Тожъ то таки пана на Волині... маєтокъ въ ёго на цилый повітъ, а піди попроси въ ёго хочь конійчику лышню! Та не то що лышню, а павити не додасть тоби того, що слизує. Дамебі! Въ N—оїй економії мене опукали на карбованця и трьдіцять грошей. Правда, що транялося де-комы и добре заробляти, нема що. Намъятаю—бувъ я на жывахъ у одного пана, та не вийшло щось у насъ до згоды. Пішовъ я видъ нѣго. Було насъ чоловікъ двадцять, не збрехавши, що піяль не можемо пайти соби роботы, бо таки и ногода щось мерзення була. Ідемо мы черезъ маєтокъ графа X. А виїхнувся тоди на паше счаств гарний, теплый день. Сонце такъ и панує. Бачимо, ажъ бижуть до насъ графській економъ.—«Гей, кричить, хлощи, чы не пайметесь овесъ коситы?».—«А що, якъ дасте, кажу, за покись по дві сорокивки, то будемо коситы»,—сказавъ я такъ соби, мовъ, що то зъ того вийде.—«Чы вы, каже, подурили? За пивъ днія я плачу два злоты, а вы за одніть покись хочете дві сорокивки!»—«Якъ соби хочете, пане економе,—кажу єму,—комы не даете, то нехай вашъ овесъ висипається, а мы підемо до пана К. (недалеко тутъ жывъ), въ ёго тежъ певце робитныківъ цема»...—«А псялайдаки! каже, а самъ чухає и бороду и потыльци,—косити! нема що». И певельчики павити покосы були. Но сорокивки кожний. Скільконаціть днівъ мы въ ёго були, то де-ще таки заробили. То зновъ же, сказавши правду, якъ перекищутся де-яки грошеннія, то такъ тебе, лыхо-ма, засвербить... такъ занудить... мусиши до Мошка на цвиркунця якого пайти. А звичайне: почнеши цвиркунцемъ, а кипчишъ свистунцемъ. Но свисти потимъ!... Але икода мени таки Мошка!—зовсімъ песподивано сказавъ

Омелько и похытавъ, зітхнувиши, головою. Не винъ мене згубиши,
а я ёго выкуриши.

— Якъ той?

— А такъ. Знайшовъ я якось па лузи уженяты, забравъ
ихъ соби за пазуху.—воны не кусалося,—прыйшовъ до Мошка
та й кажу: твоя Ривка просыла, щобъ я диткамъ котеня пры-
нисъ, то вытягни въ мене зъ пазухы, тамъ котенятко маленьке
сыдышь. Засадывъ жыдъ руку, та якъ скыпется, якъ зарепетуе,
вылупишиши башкы; а уженята такъ и выются по руци. Покы
збиглыся жыдки раду даты, мои ужы—тыркѣ! тыркѣ! тай пидъ
нидлогу... тильки ихъ и бачылы. И що-же ты думаешъ? зъ той
поры у Мошка стало все меньше людей въ корчми и меньше...
а па реїти и зовсімъ перебрався жыдъ па друге місце. Буде
такы винъ мене памъятаты, кобъ винъ згоривъ! Ну, то вернувшыся...
якось я тутъ вже оженився та й ставъ хазяйнуваты.

— Довго па хазяйстві булы?

— Колы-бъ то па свому хазяйнуваты, то воно не що... а
прыімакуваты—тажко. Якъ родилася въ мене дытына, а потімъ
друга, а земли чортъ-ма, тесь не хоче дилытыся, та й въ ёго іще
своихъ дитокъ досыть. Плюнувъ я та й пишовъ па пльсъ... геть
ажъ па Прыпіть, па Ніпскъ, та па Гомель. Всю зиму бувало
повертаємося въ лиси, а па весни гонимо дерево—хто по Дніпру,
а хто па Німанъ, хто па Вислу, та па Бугъ. Це саме добре
жыття було, бо хочъ николи и выньшешь чарку, але якъ зга-
даешъ про дитокъ та жинку, то надъ другою задумаетися и
почекаєшъ. Де-якого карбованця диткамъ и жинци посылавъ.

— А яки тамъ люде?

— Тамъ ихъ называють билоруссы, а дали вже жмудь.
Нарівни люде... дуже скуни и не люблять размовляты та балакаты,
якъ ось, напрыкладъ, оце мы. Зберутся де до купы билоруссы,
то нема въ пыхъ, щобъ яки жарты або сміхи, а стоять
та мовчать мовъ злодіі які. Хиба выньшуть трохи, то почнуть
де про що балакаты. Не зле ньють, пыхо-ма... але не такъ, въ
гурти, якъ у насъ, а кожний окремо інш. А писля якъ відъ того
заслабне, то кричыть, що въ ёго жывить «боліць». — «Відъ чого

це *вамъ*, дядьку, зробылося?» — спыта хто-небудь. — «А кабъ ты на свою голову завывъ!» — видкаже... да такъ гыдко, брыдко. Дуже не люблять, якъ межъ собою хто-кому скаже — «вы». Хиба чоловикъ зовсимъ незнаёмый, то скаже часомъ — «вашесть». «Вашецъ куды пойдзїцѣ?» «Вашецъ, барынько, може копѣйку дасци?» Отъ таке! Брыдко говорять... и люде брыдки. Нема въ ныхъ того, щобъ помогты одынъ одпому. Кожный свою соцлю жуе та ковтае, тай каже — «смачно»... а багати!... а багати!... Жыве, якъ то кажуть, въ свинини, жуе ледве не камини, а монию новину потрясае, тай ще каже, що ничего не мае. Чисти злыдни!. Я прыглядывся такы добре до ихъ жыття. Я черезъ тыхъ билоруссивъ мусивъ на Бога працюваты.

— Якъ то на Бога працюваты?

— Въ тюрми сидивъ де-який частъ, — пояснивъ Омелько и прикро плонувъ, згадавши цю подію.

— Бачъ, якъ бувъ на изыси, то зъ намы йихавъ въ скарбовци (така хата на плоти) самъ индриччики и въ ёго бувъ комисарь, що выдававъ намъ...

— Гей, пане Ефендріку! — гукнувъ вразъ Гаврыло, побачивши лакея, що проходивъ били ныхъ. А чому це вы не зайдете? не поплосте павитъ у нашу сторону? Чы вы може тее зовсимъ вже на пана стали?

Іванъ Федоровычъ на хвильну спынися, задеръ голову до горы и зирнувъ соби поверхъ носа.

— Очень просто... променадь!... — сказавъ винъ, — въ родѣ сказать какъ бы прогулка... для освѣженія. — Потимъ индійшовъ до селянъ и подавъ имъ руку, выгынаочы іі зовсимъ по-лакейськи, такъ, неначе пидставлявъ долоню.

— Что себѣ подѣльываете? а? — спытавъ Ефендрікъ, торкаючи себе сзаду прутыкомъ по жыжці. — Жарко-сь! И скажите пожалуйста, какъ необыкновенно, можно сказать, печеть-сь!.. А вы въ настоящей еще свиткѣ, — показавъ винъ на Омелька, хытаочы головою. — И скажите, пожалуйста, вамъ теперь холодно?

— Менни въ цій святчыни и литомъ и зимою тепло.

— Хи, хи, хи, — засміявся Ефендрікъ. До зимы еще далеко-сь... скажите, какія разсуждени?

— А въ тебе на-зиму йе що-небудь, чы нема? — спытавъ ёго Омелько, озырающы одижъ лакея.

— Конечно-сь... но мы не нуждаемся. Я давно не чувствовалъ, что такое зима. Не весьма безнокоюсь...

— Якъ то?

— А такъ. Очень то есть просто-сь. Я зимию ъезжу съ бариномъ на югъ Франції—въ Ниццу, или въ Меранъ. И скажите пожалуйста, какая тамъ зима? Тамъ, можно сказать, очень хорошо всегда бываетъ—и никакой зимы нѣть...

— Не може того буты! —не ѹнялы виры селяне. Якъ то безъ зимы?

— А колы-жъ въ пыхъ Риздво? — пропепотивъ Дмытро, злизнувъ зъ своего логовыська.

— Рождество-сь? Все равно какъ у насъ лѣтомъ... такъ тамъ на Рождество... и ска...

Гучныі регітъ вразъ зъ кашлемъ заглушилъ слова Ефендріка.

— Оце зовсимъ якый-сь мешигене,—промовылъ хтось регочучы. Лакей повернувшись на вси бокы, хотивъ щось казаты, але ёму не далы...

— Какъ вамъ угодно-сь,—сказавъ винъ, колы регітъ трохы утыхъ,—а только это истинно-сь... Тамъ и километры-сь есть... и... даже дрова тамъ продаются на километры... потому что тамъ больше въ употребленіи уголь... И скажите пожалуйста, зачѣмъ тамъ шубы? Можно сказать, ихъ вовсе нѣть...

— Та мы вже бачымо, що нема! Можетъ тамъ люде и безъ штанивъ ходять?

— Фи-доникъ, — зморицывся Ефендрікъ, закидающы голову назадъ, ажъ картузъ зсуниувся ёму на пышю.

— Це що значить?

— Одна то есть презрительность, и больше ничего.

— А у барына ѹе шуба?

— Есть... богатый человѣкъ-сь! Милліонеръ-сь! силь-ув-пле... по нашему: если хотите... очень просто-сь!

— А по нашему... — и Омелько промовылъ такое слово, видъ якого увесь «керманій» зновъ зареготовавъ. Найбильше сміявся Гаврыло.

— На що твій барышъ заслабъ?—спытавъ Омелько, котрый почыпавъ цикавытысь Ефендрікомъ.

— Тимпературой-сь?..

— Це- що таке?

— Очень просто-сь... бацилы есть такія...

— А на що винъ якусь трубочку въ роти тримає?—спытавъ дали Омелько, котрый колись бачивъ, якъ миліонеръ державъ у роти термометръ.

— Градусы...

— Шо воно таке?

— Для нормальности... Только посмотрѣть и сейчасъ видно: повышенная температура или нѣть... Очень, то есть, просто...

— А що въ тебе въ кепцѣ?

— Газета-сь, «Биржевыя Вѣдомости». Можно сказать—политика-сь!

— Отъ же й мова въ тебе! Де це ты такъ премудро павчывся говорыты?

— Очень просто... Можно сказать единственно отъ собственного ума.

— Воно, бать, и видно, що ты великий разумака. А по чому ты матерю на штанци куповавъ?

Ефендріка закыдали спытаннями, и на кожне, винъ видно-видавъ дуже поважно, не вважаючи на прикладки и кепкуванія. Винъ покладавъ себѣ безмирно разумнійшимъ видъ селянъ, и жарты ихъ були єму байдуже.

— Ну, тай що жъ дали?—спытавъ Гаврыло, сидаочы якъ рапійше, колы ційшовъ Ефендрікъ и на кермани зновъ стало тихо. Омелько сивъ зновъ на свое місце.

— .. Комыкаръ, що выдававъ памъ хлібъ, муку, крупу, огірки,—почавъ винъ такъ, непаче Ефендріка зовсімъ не було, и облычча єго зновъ зморилося и зистарилося.—Ноки не бувъ ність, то ничего—винъ часъ, бестія, годувавъ, а якъ настала Петрівка, такъ хочъ ты языка новинай та самъ свои зубы зійжъ. Вже про горилку нема що й казати: це самъ соби кунуй. Хочъ бы мы бачили якого огірка, або редъку. Тильки мы знаємо,

що якійсь круиничокъ та кану. Щобъ вона була добре пасмачана, ну то ще... а то тильки слава, що олія... може биля олії вона и стояла. Тыхъ! Ахъ, трясця жъ твоєи та не ридній! думаю соби,—вингъ нась голodomъ заморить... а на витри йисты хочется, пльвенигъ соби цілый день та слыну ковтаєшъ. Кажуть мени пльсакы: зачепы комисара, скажы, щобъ олії бильшъ дававъ и огирки зъ редькою щобъ булы, а мы вси гуртомъ будемо за тебе. Я и послухався. Отъ добре. Прѣсталы мы до якогось миста, я й кажу:—«Пане комисаре, закупайте бильшъ олії, огирківъ, та редькы...» А винъ:—«ты мени що тутъ за указъ?» А я: «чи указъ, чи не указъ, а такъ громада хоче».. А винъ: «ты свого носа гляди». Та заразъ до пидрядчыка: такъ и такъ, каже, Омелько Пацюкъ бунтує. Ось ажъ приходить самъ панъ пидрядчыкъ... пузатый такый, пыкатый жыдуга... и завжде въ ёго слына зъ рота йшла. Каже: «що ты тута за бунтарь такый?» А я: «уся громада сёго хоче... На це, кажу, контрактъ!» А винъ: «не твое це дило, въ контракти цёго нема!» А я: «брешнішъ, кажу, паршивый жыду». А вингъ зновъ: «я тебе выжену геть и грошей не заплачу»... Бачу я, що нибы кепсько, и скаменувся на де-яку хвилюну, бо дуже гроши потрибни булы. А громада стоять и хоть ты що: мовчить. Тильки однінъ щось сказавъ за мене, тай не дуже голосно. Отъ тоби и зачепивъ! Тымъ часомъ почавъ пидрядчыкъ мене лаяти:—Ахъ ты, каже, собака! Я мовчу.—Ахъ, ты паршивець! Я...

— Але якъ, же то жыдъ смиявъ таке казаты?—перебывъ Омелька Гаврыло, котрому здалася незвычайною смиливистъ жыда...—Я ще такихъ жыдивъ не бачивъ...

— Бо ты не жывъ въ Лытви... Тамъ люде паршиви, а жыды—мое почтеніе. То тильки въ насъ жыды, здається, таки несчастии, а тамъ вони пашы-панами. Слухайтѣ-но дали. Я мовчу. «Ахъ ты, каже, такой сякый!»... Я мовчу. Всякими словами вингъ мене тоди частувавъ,—я все мовчавъ, бо бачу, що громада тежъ мовчить. Але якъ сказавъ винъ: «ахъ ты—мозырський акцизникъ!» Ну, тутъ вже я не витримавъ. Та зибравши жменю, по-

плювавъ, та якъ тарахнувъ ёму зъ одного боку въ морду... а нотимъ, одвернувши та зъ другого...

— Вартъ!—вдоволеный промовывъ Гаврыло.

— Такъ винъ покотыvся, мовъ корова, що телтысь збирается... Жыдъ заразъ наробывъ репету, кръчыть: «ой вей, бунтъ! каравуль!» Заразъ тутъ збиглыся люле, вратныкъ. А мои хлонци стоять и хоть бы одынъ що сказавъ, нибы имъ вовкъ мову заткнувъ. Де-котри повтикали, стали здалеку дывытыся, що буде... А я заразъ пишовъ на свій плить забираты свои маечтки, бо бачу, що вже мени дальше не плысты. Та якъ йшовъ, та мижъ балкамы въ воду и провалывся, отъ по-доты,—винъ показавъ соби по груды,—а день тоди бувъ дуже холодный... Здається, не дуже боявся я и воды; правда, що купатyсь мене не кортию. И ото зъ тои поры схонувъ я хворобу.

— Ну, а дали?

— Дали? звисно що. Прыйшовъ прыставъ, зробылы протоколь, и сидивъ я до осени тамъ, де муляри певне такы зарабылы, якъ мурували стину... А вдома не знали, куды я подивився, думалы, що може вточыться, або що... Всихъ, що йшли черезъ село, пытали про Омелька Пацюка. И скажы ты мени: що тутъ такого, якъ зайихаты жыдови въ пыку хочь бы и два разы? а мусынъ за те просыдиты въ тюрми три мисяци.

— Ну, за нашого жыдка меныще, нашъ того не вартъ,—завважывъ Гаврыло.—То може тамъ, въ Лытви...

— Я тежъ думаю... бо якъ за кожного жыда сидиты въ холодній, то яка-жъ то новыниа буты холодна? А до жинки листа не пысавъ, бо соромъ: черезъ парха-жыда у холодній сидинъ. Думаю соби: якъ вынустять, то пиду служыты... Нехай жинка думае, що я служывъ. Отсидивъ я свое, и вынустылы мене на уси четыри боки. Службы якось не трацлялося, то пишовъ я до-дому: на Высоцкъ, Домбровыцю, Бережныцю... Иду до Ко-смачова лисомъ тай гукаю. Геть по всому лиси моя гуканка луна, дарма, що и тоди вже камплявъ. Ажъ йиде пипъ парою коней.

— «Тпру, стiй»...—каже фурманови. Той стрымавъ коней.

— «А чого це ты таќъ разгукався?» — пытается мене. — «А чому-жъ мени и не гукаты? Хиба я злодій, або жыдъ, або цыганъ? Роспытавъ винъ мене, звидкия я иду и куды. Все сказавъ, одно тильки едыне не скказавъ, що сидивъ за жыда у тюрьми. — «Хочешъ, каже до мене... коривъ доглядаты?»

— «Чому?» — кажу. — «То сидай... Отъ почавъ я въ ёго и пасты и коривъ доглядаты. Два рубли на мисць и харчи... А бувъ у батюшкы пысъменный сынъ, въ Кремянци у семинарны вчывся, то винъ лыстъ мени до-дому напысавъ. То жинка вже знала, де я... Грошай пославъ де-який карбованець и пысавъ, що якъ мынется рикъ, то до-дому прыйду, бо пинъ згодивъ мене па рикъ. Але не дожывъ я не то що до року, а навить и до весни не пробувъ. Черезъ попадю мусивъ вийти.

— А що?

— А те, що дуже якась заздриспа попадя була у того попа. Не дай Боже! Що ій хто не дає, все ій не таке: и масло не свиже, и кнышъ черствый, и троячка зъ диркою. И пиколы ій не догодиншъ: и те не таќъ и не таќъ, и за маслосвятіе мало дають... — «Слухайте-но, кажу бувало я ій, — тожъ вы здаєтесь не пинъ, це не ваше дило». А вона: «то все одно — винъ священникъ, а я священница». Що ты будешъ зъ нею робити? Усюды своего носа дотыкае. Скильки мы зъ нею по хазяйству сперечалися, не дай Боже! Вона кричить, и я спуску не даю. — «Що то въ тебе, каже, вси лопаты порепалися и зъ дирками?»

— «А я ій: а ваша лопата давно порепалася, а однаково ще служить».

Гаврило засміявся, а Дмытро докирльво похытавъ головою.

— О, въ мене языкъ добре такы прычепленый; колы треба, не зачепится! Но зъ нею, зъ тою попадею, инакше не можно было. Якъ добре ій одкажешъ, тоди тильки и видченштися на деякий часъ.. Отъ, одного разу прыносять кумы до хреста. Принесъ кумъ пивня, правда, що не дуже тладкого, але дежъ ёго гладкого взяты, якъ нема? Якъ угледила попадя: — «А що це за чи-вень! Це зыхота якась! Та взявиши того пивня, окупула въ по-мийныцю и давай кропити кумивъ. Тутечки вже я не вытры-

мавъ.—«А це, кажу, що за хрещеніе таке? Чопадя новыни браты, що дають»... Кумы побачили, що я не дуже панькаюсь зъ порадею, тежъ до мене пристали. Выйшовъ и пинъ... Ось, ажъ теперъ стали мы сперечатися, якъ треба. А черезъ два дни я пишовъ видъ ныхъ. Це було якось писля Риздва. Прыхожу додому. А були морозы на двори. Дороготю десь зновъ застудився. Добрый вже такы тоди кашель взявъ, и въ грудяхъ—то тамъ, то тутъ болило. Всю весну, якъ бачилъ, лежавъ,—така хвористъ взяла. На силу выдужавъ... То що ты думаешь? Выдужавши, зновъ кортить мене кудысь ити та шукаты хліба на сторони. Невне, на тому мисци, де я родився, цыганята кану йилы,—не инакше. Пишовъ я до князя на папирю. Зарібокъ тамъ не що. Добре було-бъ, кобъ на циркуляриї валомъ мене не поломало. Якъ поломало, то вже я подумавъ: досить бурлакувати—сыди дома. Тоди тестъ выдилывъ мени за дочкою шматочокъ земли. Дитки пидрослы, и почавъ я хазяйнувати на своєму ґрунти.

Омелько замовкъ и задумався. Гаврило стиха прыспивувавъ якусь сумну писню. Витрепъ зоворунувъ верхы сосенъ... И по всому лиси зашумило.

— А тоби за пивня грихъ,—прошепотивъ Дми́тро, наблизившися своею тихою ходою, ажъ Омелько и Гаврило здригнулись.—Лже тоби дило судити попа?

— Тожъ я не попа, а поцадю...—хотивъ выправдитися Омелько, але не сказавъ ничего.

— Ему же власть—власть... ему же честь—честь, а ему же...—шопотивъ соби Дми́тро, видходячы.

— А якъ же тебе за соцького выбрали?—защитавъ ще Гаврило, зацікавившися оповиданнемъ, а це бувало зъ нымъ не часто. Винъ не звикъ слухати довгои мовы.

— А такъ и выбрали... Сказали, щобъ я за свое бурлацтво громади послуживъ. Мушу... що зробиши? Сказали на сходи такъ: коли земля баби прыйшлася (нибы-то моїй жинці), то нехай чоловикъ хочь за соцького побуде.

— Тутъ Омелько закашлявся, и харкнувъ разивъ скильки кровью, червоными жылками.

— Ты довго говорывъ, а дохторъ казавъ, щобъ не довго,— промовывъ Гаврыло зъ синичуттямъ дывлячысь на Цацюка и заразъ почавъ шопотити—кровъ замовляти.

— Пусте,—махнувъ рукою Омелько, другою рукою вытыраочы вусы и бороду и стараочысь виддохнуты повнымы грудьми.

— ... На Божому мисци, пры чистій кривици...—швидко шопотивъ Гаврыло, у третте промовляючи.—Ниды-но ты до дохтора,—порадывъ винъ Омельку.

— Эть... твій дохторъ тчмуть те, що чоловикъ нокы въ сухоти дыше, то іще жыве, а якъ вмре, то перестане дыхати. Що винъ зробить, якъ Богъ здоровъя не дає? Лить трьдцять тому пазадъ въ нашому мисци нѣ було а ни одисенського дохтора, а бувъ тильки Юдко, мизерный такый жыдоchoкъ... То винъ, кому тра було, пьявки ставывъ и банки, и такъ кровъ пускавъ... а кого стрыгъ и бороду голывъ. И обходымые люде безъ дохтора, та іще и здоровійши булы...

— Що правда—то правда,—згодився Гаврыло и до речы разсказавъ прыгадку зъ своимъ кумомъ, якому дохторы сказали, «що вінъ безпреминно черезъ три-четыри дни вмре въ больници... То винъ такъ злякався смерти, що взявъ, забравъ свои манатки и павтикача зъ тієї больници... и іще доси жыве. А якъ бы зостався, то хто знає»...

— А я знаю одного дохтора, що завжде спизнявся. Прийде тоди, якъ хворый вже ноги задере. Прийде та, лыхома, іще пытася: «чи гыкавъ винъ передъ смертью, чи ні»? То якъ скажуть—гыкавъ», то похвалыть, скаже: «добре—такъ и повинно буты»...

Оновидання про дохторивъ булы безконечни. Кожний мигъ розсказати чи-мало прыгодъ. Здебильшого ти оновидання перепыняла музыка, котра прыходила у п'ятій години. Тоди селяне вилазыли зъ гамакивъ и шли до самой эстрады, де сидили музыки. «Кермань» зъ той поры пустувавъ.

VII.

Зцершу селяне почувалы себе ніяково у своему новому становищци. Вони мымохити згадувалы, що дома у пыхъ саме робоча пора—жыива, а вони лежать соби въ гамакахъ мовъ панське стегно... и имъ було соромъ за те, що вони сидять тутъ на курорти, куды йиздять, якъ видомо, лышъ паны.

Першый тыждень Омелько не вгаваючи размовлявъ зъ свомы новымы знаёмымы, але потимъ ёму, швыдко докучыла тая повсякчасна гулянка, наче у свята. Прывыктъ винъ до щоденной працы и не мигъ теперъ знайты соби спокою.

Колы новзъ «кермаша» курортни сторожи прочнощалы дорижку, Омелько якый часъ дывывся на ихъ роботу, а потимъ взявл лопату и самъ ставъ зъ нымы до роботы. Але поробывши годыну, винъ почувъ биль у грудяхъ и покынувъ лопату.

— Я тоби що казавъ?—напався па ёго дохторъ, довидавшись выпадкомъ про роботу свого неслухняного пацента.

— Та певже-жъ це робота? Ге, ге... чы то такъ працювавъ колысь Омелько Пацюкъ!

Другымъ разомъ Омелько зъ Гаврыломъ не моглы байдуже дывытися, якъ здіймалы зъ воза поклажу, що прывезлы зъ вокзалу на курортъ.

— Не такъ, не за той кинець—берешъ! И Омелько скочывъ помогаты... Ему завдалы чы малый кишъ, и винъ поперъ ёго у павильонъ.

Дохторъ, до котроого мусывъ ходыты видъ часу до часу Омелько, зновъ довидався, що винъ берется до роботы, почавъ кричаты и грыматы на Омелька и похвалывся навить выгнаты ёго зъ курорта. Омелько задумався падъ своимъ становищемъ. Не те ёго клонотало, що у грудяхъ болуть: до цего винъ звыкъ зъ давныхъ давенъ,—ёму здавалося дывнымъ, що така дрибныця, якъ той кишъ, що винъ перенисъ зъ воза, може ёму зашкодыты.

— Дило кепське... Вже колы и такои роботы не можно робыты, то решта... Прышла певне пора помыраты.

Зпочатку лыпця на курорти з'явилася людина, зовсимъ не така, яки йиздять на кумысь. Нызенъкый, грубенъкый, зовсимъ

выгоденый панокъ, зъ великымы очима, горбатымъ посомъ, у сыній пиджачини, що щильно облягала ёго стани, та въ узенькихъ штаняхъ, та въ чоботяхъ зъ бліскучыми халівками,— бигавъ по паркови, спицявшись на галівкахъ, мірявъ ихъ ступнями и щось соби миркувавъ. У рукахъ у ёго бувъ прутыкъ, а па голови сивий великий брыль, що зовсімъ не підходило до ёго вдачы та зросту. У брыль винъ уткнувъ два пав'ячихъ пера. Винъ бигавъ швидко, а балакавъ мишаною мовою---знаты було, що це бувъ чужынецъ. Де збиралася було громадка народу, винъ підходивъ туды и говоривъ:

— О, у мене есть хороший собака, отличный козоль и отличная наездница, миссъ Эмілія, и отличный жеробка...

И публика знала, що на курорти буде комедія. Але коли той венгеръ звернувся зъ такою промовою до «кермаша», то Омелько довго реготавъ, дивлячись па ёго, и спытавъ, показуючи соби пальцемъ на лобъ:

— А чы тутечки въ тебе що-небудь йе? Га?

— За то у мене тутъ есть, — видповивъ венгеръ, показуючи на кешеню, котра була у ёго ззаду.

— О, я бачу, що тамъ въ тебе бильшъ розуму, якъ въ голови, — видказавъ зновъ Омелько.

Коли на другий день у паркъ зайихала велика хура, наладована всякымъ добромъ, зъ посередь якого выглядала морда цапа, барабана, та маленького цикавенького песыка, котрого держала на рукахъ «миссъ Эмілія», підстаркувата нимкеня, у короткій спідници, звисывши свои груби ноги зъ полудрабкивъ,— Омелько зъ Гавриломъ не выдержалъ зъ цикавости и, «загубивши по двадцятці», пичилы за тою хурою па комедію. Дивувалися селяне, якъ той песыкъ перевертався, стрыбавъ цапъ, маршыровавъ підъ музыку кінь. А Гаврило разъ-у-разъ пытавъ у свого сусиды— «павищо це? Ну тай що жъ зъ того, що винъ перевернувся? Ну»?

А Омелькови стало якось прыкро за себе. Обличчя ёго увесь той часъ якось кисло усміхалося, и винъ разъ-у-разъ оглядався на публику, бо боявся, чы нема кого зъ ёго села. Винъ

не зиавъ-бы куды подити очи, колы-бъ якъ ёго земликъ—ну, хочъ бы кумъ Сыдиръ, зъ которымъ винъ звикъ поважно балакаты—заставъ-бы ёго тутъ, на такій никчемній комедії-дурпзыці. Почувавъ винъ себе такъ, пепаче робывъ-бы щось негарне.

— Невпе, що мій батько, и дядь, и прадидь не тратили двадцятки, щобъ забачити, якъ собака перекидається... Винъ ба-чывъ середъ глядачівъ багато курортної публіки, а найбильше панської челяди, що весело дивилася на тую комедію, и це трошки розважало ёго. А побачивши Ефендрика, который сидивъ на паркани, пидигнуви свои рябенки чижки, и обгаявъ комари сво-имъ прутыкомъ, навить зрадивъ Омелько.

— Далеби, це самий найлипшій фокусъ,—промовивъ винъ, показуючи на Ефендрика, который завзято пlesкавъ въ долоні.
— Винъ показує рижни выкрутасы не згиригъ цана..

Вертаючись зъ комедії, Омелько чухавъ потылицю и зъ серцемъ спліювавъ.

— Такъ ось чымъ паны забавляються! А трясця жъ ваний та не ридній! Не мають чого робити! Кому кинъ здався для хазяйства, а ёму для забавки, щобъ черево та... показувавъ... А панъ дивиться соби, то іще и гроши за те платить! Ото!

Ще бильше здивувавъ Омелька панський смакъ, коли на другу неділю довелось єму чуты, стоячи биля дверей курзала, опера, котру сивали якись зайдзни артисты.

— Ото серденъки мои,—розказувавъ потимъ Омелько на «кермаші» про свои вражиния,—крычали воны! Нехай Богъ боронить! Першъ вона выйшла... та стала... ось такъ.—Омелько повернуўся на вси бокы,—ось такъ, якъ ця сосна (и винъ по-казавъ на блыжчу сосну), и почала ренетувати. А потимъ прыйшовъ винъ, ставъ якъ ось... сосна (и показавъ на другу сосну) и почали вже обое тужыты задерни головы... Винъ то зовсімъ якъ пивень спивавъ, голосно такъ... Думаю, що якъ бы такъ за-спивати въ Космачеви, то мусить буты чутно ажъ до Збура... А вона все квокче щось, та все ко-ко-ко... та до ёго горнітса, лыхома! И сорому ій нема... Ну, то потимъ поставили лижко (перемина декораціі) и дзыглыкъ, ось такъ, якъ цей дубокъ бил..

сосни... То багато ихъ тоди вийшло, поставалы, ось якъ ції корчи (и винъ показавъ на бlyжчи кунци)... Та все руки пидіймають и на дыбкы стають и пибы лаются. А одна-однисенька небога сидыть соби биля музыки, ось якъ цей ченёкъ, та все: трень-брень, трень-брень.. А потимъ ти, що мовчали,—ось якъ мы сидымо,—початы рукамы плескаты... Такого ляску наробыли, що хоть зъ цилого Космачова выведы усихъ бабивъ зъ прачамы на ричку, то такого не зроблять. О, куды!.. Отъ цотимъ взялы тай цоховалыся соби за стинку. Але не надовго, бо передягнувшись, зновъ вийшли и стали репетуваты. А до чого то воно? Хто ёго разбере. И прошеннять, кажуть, имъ чы мало платить за це, бо даремно, запевне, никто такъ не стане голосити... Ще бильше кенкуючи, дывився Омелько на гимнастику, кегель-башъ, крокеть и взагали на все, що на думку здавалося дурнъцею, «панськымы фіглемы». Вже меньши дывувавъ ёго ляунтенись, де перекидалыся онукою черезъ барканъ, але не подобалысь ёму ти одежи: англійськи сорочки та шыроки пояси. Кегли тежъ на короткий часъ зацикавылы Омелька. Ёму самому навить захотилось «жбуриуты» кулю такъ, «щобъ все перекинулося». Але крокеть вже ёму здавався зовсімъ чудернацькымъ. Винъ не мигъ спокійно дывитися на тихъ що граты, особливо колы це булы поважні, груби паны.

— Оце товкачыкамы штовхаються, зовсімъ якъ ти маленьки дитки! Якъ бы тому товстому та даты ципа, або косу, щобъ добре памахався, то певне, що за товкачыка не взяўся бъ... та не взяўся...

И махнувши рукою, винъ ішовъ дывитися, якъ съва ко-
была круцяломъ воду набирає зъ Горыня. Це ёго цикавило бильше. Сивини пидъ дубомъ биля круглого дашка, пидъ котрымъ коняка, вытягнувши шию и выгнувши хребеть, повертала валь, Омелько уважно прыдывлявся до цei роботи. Хоть у цiй роботи все було одностаїне, одноманитне, проте Омелько умивъ уважно прымитыти всi дрибныци iи.

— Эй, слухай!-звертався винъ до поводаря,—онъ плея зiихала набикъ, поправъ... Новидъ дуже задовго прывязавъ, неможно

такъ.. Щось дуже коротко прывязані чосторонкы... Пидсыпъ-по тутъ чиску, шобъ легче було кобыли ходыты, а то дуже сухий грунть.

Обжывшись на курорти, Омелько зовсімъ незалежно держався своїхъ звичаинъ, хочъ воны не зовсімъ підходили до курортного життя. Звичаємъ батька, діда і прадіда Пацюкъ, наприкладъ, чи якъ не мигъ прывчыты себе користуватись тымъ «мисціями», безъ якихъ трудно обійтись панамъ.

— Тутъ не можна!.. Тамъ отදленіе есть!—кричавъ па єго сторожъ.

— Якъ тоби не можна, то тебе никто, здається, не слуїє.
Мени добре и безъ «отදленія».

— Забирайтесь звидсилъ!—гравъ Омелька сторожъ.

— Або що? Тебе завыдки беруть? Може ты збираешъ та продаешъ?—дивувався Омелько.—А почому берешъ за чвертку? и т. и.

Свої думки винъ высловлявъ зовсімъ вильно, не вважаючи па те, коли и зъ кимъ винъ говоривъ.

Пры щоденій и тяжкій працы зпокой вику, розумъ и думки Омелька непаче булы сковані, прыгноблени клопотамы. Тутъ на курорти єго життя стало зовсімъ інше: не було ніякої роботы, багато зайвого часу, велика сила новихъ вражинъ. И доштывый, дотеўный розумъ Омелька неначе прокинувся тутъ, розвернувшись вильно и пыроко, якъ бувае тая ричка, що выб'ється зъ-підъ камінія та грузу на пырокую долину. Завважывши, що де-хто зъ панивъ, бувало, зачышали єго розмовою, коли винъ ходивъ по кумысъ, Омелько сміливіше почавъ звертатись до нихъ зъ рижными пытаціямами. Курортни паны, що булы вже всі знаёми промижъ себе и вже одынъ одному надокучили, зъ нудьги та печевья шукали розмовы зъ селяниномъ, который чымъ даліше здавався имъ розумніший и цікавіший.

— Омельку! Дивись, яка гарна папи иде...—показували єму на яку-небудь поважну, чепурну та франтовиту паню, сподиваючись почуты яку прыкладку видъ пёго.

— А що вы думаете? Прычепыты ій до хвоста полинце, хочъ таке невелычке,—винъ розводывъ руки на аршицъ, та пустыты въ некло, то вона-бъ всіхъ чортівъ перелякала,—промовывъ Омелько, звертаючи увагу на довгый шлейфъ пани.

— Ну, а ця?—показували Омелькови на другу напудрену паню.

— Ця въ млыни мабуть була... ій всю морду, бать, боротномъ засынало...

Писля третёи пави винъ пытавъ, чого вона найилася, «що писля неи такъ дуже гарно нахие».

Про одну молоду панию, яку разъ-у-разъ шукавъ ій десятилитній хлопчыкъ, Омелько сказавъ, «що ій тра було-бъ прыпнути сынка до шини такъ same, якъ прыченлють ломать до кобыль... щобъ вона чула, що и въ неи синъ е...

По скільки разивъ прохалы Омелька розсказати, якъ у нихъ въ сели пашь пысаръ зъ суддямы судить.

— До сто чортівъ розумный пысаръ, панъ Цыбульський! Не дарма у насъ всі люде кажуть, що винъ у самого чорта за кума бувъ... Эте... Бо якъ треба судыться кому, то винъ заразъ сытае, чы тебе по закону судыты, чы по совисти? То доведы Боже сказати по закону, —кинця не буде суду: якъ достане одну книжку, то чытає довго, а достане другу—то ще довше чытає, а потимъ третто... и хутко-хутко такъ чытає,ничого никто не розбере. То вже суддя скаже: а чы не кранце-бъ судыты по совисти... Ну, то за совисть тра де-що дати панови пысареви.

Колы Омелька пыталы, чы полегшало ёму, винъ видновидавъ:

— А вже... хвалиты Бога... вже, не збрехавши, на рубливъ двадцять и п'ять полегшало. Добре такы чую, що полегшало...

VIII.

Одного разу прыйшовъ на «керманчъ» Омелько зъ Ефендрикомъ и засталы тамъ своїхъ товарышивъ. Дми́тро стоявъ пе-редъ Гаврыломъ и, нагнувшись надъ нимъ, щось ёму говорывъ; Гаврыло, сидячи пидъ сосною, маstryвъ кумисомъ якусь ранку

на нози (бо вирывъ що кумысь помога видъ усихъ хоробъ) и сперечався зъ Дмытромъ. Ефендрикъ сивъ пидъ сосну.

— Скажы ты мени,—звернувшись до ёго Омелько,—що ты робыши у своего напа, завищо ты гроши видъ ёго берешъ?

— И скажите пожалуйста, какое недовѣріе... Мало-ли работы-сь? Можно сказать, завсегда работа найдется.

Ефендрикъ почавъ выщытуваты всяки свои работы и згадавъ якось про собаку, котру винъ мусывъ доглядаты.

— А цикаво-бъ зна ты, що вартъ прогодуваты ту собаку тутечки? на курорти?

— Имперяль-сь! Пятнадцать рублей!—можно сказать, въ мѣсяцъ....

— Та не може буты! Въ одынъ голось скрыкнулы Омелько зъ Гаврыломъ.—Отъ лыхо-ма, куды гропенята идутъ! Кому добрѣ на свити живется!

— Это собака особой алжирской породы-сь,—рассказувавъ тымъ часомъ Ефендрикъ.—И не скажите, чтобы дешево за неё дали. Стоить-сь около двухсотъ франковъ-сь. Можно сказать, настоящая собака изъ самой Алжиріи.

— А де та Алжирія?—спытавъ Гаврыло, скинчывши патырания кумысомъ.

— За моремъ, въ теплой странѣ... Тамъ холодовъ, можно сказать, совсѣмъ не бываетъ-сь. И куда не пойдешь теперь по желѣзнай дорогѣ, вездѣ, скажите пожалуйста,—станціи, буфеты, начальники станцій.

Зъ пивъ годыны оновидавъ лакей про Алжирію. Чы слухалы ёго селяне, чы йнялы ёму виры, сказаты трудно. Але Омелько пидъ кинецъ оновиданя зитхнувшы озвався:

— Ти напы — зовсімъ якъ черногузы... де теплійше, то винъ туды и летить; але все одно видъ смерти не втеченъ.

— Прочитай-но намъ що небудь—звернувшись винъ до Ефендрика —Ты намъ сёгодня ничего не чытавъ.

Ефендрикъ не разъ чытавъ имъ, хоть селяне здебильшъ ничего не разумили зъ того, що винъ имъ чытавъ. И цей разъ, сивши на пень и добувши зъ кенепи старе чысло «Бир-

жевыхъ Вѣдомостей», винъ почавъ чытаты щось про «артыстычно-промышленови замиры министерства финансій».

Хочъ селяне и не розумили ничого, але слухалы уважно, зъ повагою. Не розумивъ и чытачъ того, што чытавъ, але ёму подобалася ёго роль, подобалось и те, што ёго такъ довго и уважно слухають.

Одыць зъ курортнихъ папивъ, котрому Омелько дуже подобався, прымитывши таку цікависть селянъ до чытакы, надумавъ зацикавыты ихъ книжкою и взявъ для початку «Сорчынскій ярмарокъ» Гоголя. Але здывувався винъ дуже, колы ся книжка не вподобалася селянамъ. Воны не тильки не сміялышя, але наўить дывувалышя, павинцо треба такъ онысуваты якысь ярмарокъ. А прыгоды червоной свытки выклыкалы у Омелька песподивано таку гадку.

— Це хтось добре пысавъ, та пысавши, нѣзле певне и горилку смакувавъ, бо тверезый того не напыши...

Таке-жъ вражиния зробымъ на ныхъ и инни оповидання Гоголя: «Риздвяна ничъ», — «Майська ничъ». Де яки мисци зъ цыхъ оповидань селяне слухалы таўгъ, неначе робылы ласку чытачеви. А про сварку Ивана Ивановыча зъ Иваномъ Ныкыфоровичемъ, зъ якои Гаврыло дуже сміяўся, Омелько, котрый тежъ трохы усміхався, просто таўгы сказавъ: «ішо це все брехня... а якъ и есть де така дурна свыпя, то павинцо про неи пысаты...

— Отъ прочытаты-бъ вы намъ де ішо про війну яку, або про сотвореніе мыра, про землю та небо... и де якъ новодытесь въ другихъ краяхъ... Це цікавійше... — попросыў Омелько.

Чыталы имъ и про світъ Божій. Особливо Омелько слухавъ дуже уважно и до самого кінця. Колы жъ кашель дуже нападавъ ёго, винъ спынявъ рукою чытача. А выкашлявши, весь червоный, винъ вытеравъ кулакомъ слёзы и просыпъ чытаты дали.

— Отъ нехай же хочъ передъ смертью пизнаю, ішо то и якъ то воно...

И винъ затоціявъ свои очи у небо, што яке ёму чыталы.

— Та вы будете ще здорови—пробувавъ потишаты ёго папъ, але, глянувшы на спокйне, величне облыччя Омелька, который хытавъ головою и усмихався тымъ усмихомъ, який бувае тильки у селянъ, розумивъ, ще потишаты ёго зайва ричть.

— Э... де-вже!—казавъ Омелько, дывлячися у землю.—Не одынъ Пашокъ ще слуды не заглядавъ, а колы заглядавъ, то не на добро. Вже пане мынулося... Дякую Богу мылосердому, що хоть передъ смертью сподобыўся де що добренъкого почуваты... Дякуваты Богу за все.

IX.

Якъ почалась «косовыця» и за ричкою. Горынемъ, чоловикъ зъ двадцять косаривъ, гарненько обходячы кущы та корчи, вѣбвали на-откиль густу траву (літо того року було мокре), Омелько вже не мигъ сидити на курорти. Сившы на лавочци на горбочку, звидкиля було видно косовыцю, Омелько не зводивъ очей зъ лугу. Винъ жывъ вже тымъ життямъ, котре було тамъ на лузи, зъ розмовами, писнями, жартами, до котрого винъ належавъ зъ цупьянечку. На курорти винъ бувъ наче у неволи, и та неволя зкувала ёму груды.

— А дай же, Боже мылостивый, въ добренъку погоду траву зибраты,—шопотивъ винъ самъ до себе, думкою прыстаючи до роботы, наче-бъ трава косылась на ёго власнимъ лузи.

Пизнимъ вечеромъ, колы писля десятои годыни на курорти все вгавало, Омелько довго стоявъ надъ ричкою и озыравъ лугъ.

— Гей, кобыла ходить по покоси!—гукнувъ винъ зпенацька зъ усієи сыми на весь курортъ. Винъ доглядивъ, що зъ сусиднѣого часовыська одна кобыла парейшла на покосы.

— А чого ты репетуешъ?—закрычавъ на ёго адміністраторъ курорта.—Та ты перелякаешъ усихъ... Чы ты здуривъ?

— Онъ дывиться, що робитеся... кобыла перескочила, а за нею...

— Не твое це дило... Иди спати...

— Але якъ же то можно? Тажъ воны вытолочатъ усю траву, бо за нею перескочить и друга, и третя и четверта... Имъ тильки дорогу даты... я вже знаю...

— Иды спаты, кажу тоби,—штовхаочы, потягъ Омелька сымомиць администраторъ. Але Омелько такы не пишовъ. Колы администраторъ пишовъ соби, Омелько знайшовъ другой куточекъ надъ ричкою, сивъ и задумався.

На лугъ бывшъ серпанкомъ осидавъ туманъ и закрывавъ и покосы и кобыль. Винъ наче сунувся зъ лису и стелывся закутуючи все.

Омелько не бачыў вже кобылы, юто ходыла по лузи... Але винъ думавъ: чому се туть вси таки байдужи до чужкои шкоды. У ныхъ въ Космачеви завжде одынъ одного зновища про шкоду, якъ побачыть; а якъ застануть коней або свиней на покоси, то бувае тоди таке що й годи.

Далеко пидъ лисомъ ясно горило бағаття, а зъ другого боку хтось вертався зъ «тартака» (зъ лисопыльни), спиваочы писню: «Молодый чумаче, чого зажурывся»... Здоровый, молодой голось лунаў далеко, сыльно.

«Чы волы пропа-а-лы?

Чы зъ дорогы збывся?»

— неслось, лунало надъ лугомъ. Голосъ добигавъ до лиса и вертався, лышувъ до курорта, мовъ-бы зъ бочкы.

— Отже-жъ и спивае, собачый сынъ! Колысь то и я не згиришъ спивавъ.—Довго слухавъ Омелько знаёму писню, потимъ оглянувшись навкругы, чы нема кого, не выдержавъ и заспивавъ... але на другому виршови здушивъ ёго капель... «Э... вже... не до спививъ»—махнувъ винъ рукою и пинювъ—

— Волы не пропали,
Зъ дорогы не збывся,
Того-жъ зажурывся.
Що не оженывся...

— спивавъ спивакъ. «Отже-жъ ёго и розбирае»... Ще разъ спынывся дядько. Въ цимъ голоси и знаемому спиви згадалась ёму ёго власна молодиць. Тамъ далеко була воша десь у тумани «Жыття—якъ та хмара», промовыввъ Омелько свою любыму думку.

Другого разу, оглядаочы лугъ, Омелько наробывъ велыкого репету зъ того прыводу, шо кобыла, у котрои до шыи було прыпнуте на оркани лоша, запутала повидъ за пенёкъ, звалыла лоша и воно задрыгало ногами.—

— Гей рятуйте, бо лоша задушытся!

Здавалося, шо винъ ось-ось скочить и переплыве у плавъ ричку, щобъ вырятуваты видъ смерти те лоша.

Ще покы горнулы сино у копыци, Омелько дывывся на те спокійно, але колы напроты курорта почалы стягаты воламы копыци и класты стижокъ, Омелько не мигъ всыдити и здергаться, бо здалося ему, шо стижокъ закладають не такъ, якъ слиць, и че-резъ те одынъ куть выходить крывый.

— Воны не бачать! Присяйби не бачать... бо здалеку лишне видно... Це не по-хазайськи! Подывиться, шо воны роблять?— звертався винъ до всякого. Але никто не мигъ его зрозумити.

Який часъ винъ махавъ рукамы въ тій наді, шо громадыльницы зрозуміють свою помылку, покы ще часъ. Але никто зъ ныхъ не дывывся на Омелька; тоди винъ зъ Гаврыломъ спустывся у нызъ, до перевозу.

Черезъ пивгодыны воны вже орудовалы коло стижка, а по-заякъ зъ краю неба насувалась хмара и треба було поспишати, то воны обое взялышь до роботы. Якъ наставъ часъ полудноваты, воны пропустылы по чарци и закусылы огиркомъ.

— Оце, лыхома, хочь згадаешь, шо колись настоящимъ чоловикомъ бувъ!

Про кумысъ воны забулы.

Скинчылась косовыця. На лузи стало безлюдно; лышь стоявъ ривный, гарный стижокъ, загороженый жердкамы, а кругъ его блукалы, неначе сонни, кобылы, шо ставалы чымъ разъ худійши,

бо паша не була вже така достатна та сътна, а доилы ихъ якъ и ранійшъ.

— Що то теперенъкъ вдома робытся? — думавъ Омелько. — Чы въ пору зибраалы сино? Певне вже ячминъ покосылы.

Журба чымъ разъ частійше гпитыла его душу, чымъ разъ яснійше почувавъ винъ, що теперъ винъ потрибныі вдома... Тамъ теперъ горяча пора. Вси працюють черезъ силу, а винъ байдыкуе.. И пишовъ бы винъ дорогою душою, та за кумысь гроши булы виддани. Шкода грошай...

X.

Бувъ вечиръ ціць Илью. Для такои поры той вечиръ бувъ якийсь дывный, незвычайный. Але, кажуть люде, таки несподиванки въ С. бувають часто, бо навкругы розлигся тамъ безмежный, виковичныі биръ. Сонце пекло цілый день и стояло іще надъ лисомъ, а зъ-за рички потягло вже холодомъ. Смугамы насувався зъ бору туманъ... Винъ неначе чекавъ заходу сонця. Ти смуги, насуваючись, затоплялы все. Лышъ де-не-де зъ того моря туману выглядаль верхы деревъ на лузи, а густыі лисъ чорною смугою выдався навкругы, мовъ бы берегъ того моря. Въ долынкахъ та яркахъ та хмара туману була густійша, а на горбочкахъ, де выше, проглядала земля, мовъ бы борючись зъ туманомъ. Сонце сидало ныжче, а туманъ лягавъ чымъ разъ выше, и незабаромъ червоный проминъ сонця мыготивъ лышъ на верхахъ деревъ, пробывшись кризъ туманъ.

— Сонейко на Илью грае,—сказавъ Омелько, который стоявъ недалеко одъ громадкы панивъ, що глядила на се выдо-
высько.

— Незвычайне зъявысько у лыпци,—казавъ ликаръ, який бильшъ другихъ циковався сухистью курорта.—Відколы жыву такого не бачывъ.

— Все це теперъ звертають на выбухы на Мартыныци...
Що воно справди таке?

— Буде завтра дощъ,—спокійно сказавъ Омелько, неначе видповидаочы на ци пытания.—Це часто бувае. Часамы въ Космачеви...

— Але барометръ показувавъ билышъ на ясну погоду. Тай теперъ небо зовсімъ чисте.

— Мусить буты на Илью дощъ,—ушерся такы Омелько. Уесь другій день зновъ була спека и погода тыха; здавалось Омелько бувъ помылывся.

У вечери того дня въ курзали грала музыка весело, танцювалы молоди панянки та панычи, які найихали зъ сусиднихъ містечокъ. Хворымъ танцювати не дозволялося. На дорижкахъ, що велы до курзалу, зибралися люде слухать музыку и часомъ пидъ тактъ ін яка чорнобрыва дивчына втынала гопака зъ парубкомъ, покы администраторъ не приходивъ ихъ выгонити. Іядько Омелько стоявъ пидъ викномъ и дивився у залу. Грали мазура. Жаво проносилашь пара за парою, а лыця ихъ палалы тымъ запаломъ, який бувае у поляківъ, колы вони танцюють свій національний танець,

— Гужа! Гужа! — прымовлявъ Омелько поглядаочы на пыхъ.

— Чого це ты гужаешъ?

— Бо то справди скачуть, якъ ти козы, колы пацькуешъ ихъ въ городи собакамы. Де-котра то навить и головою ось такъ точнисенько зробить. Та я не знавъ до цei поры, де вони такъ навчылышь скакати.

Тымъ часомъ несподиванно насувалась зъ заходу чорна хмара, подаочы про себе звистку далекыми бlyскавкамы... За високымъ лисомъ ін не прымичалы, и лыши колы въ разъ зъ барабаномъ музыки загуркотивъ гримъ и зашумили сосни своими верхамы, де-яки глянувшы у гору, промовыли: «а буде дощъ».

Публика зъ саду повтикала па веранду эт галерію. На одній галерії въ юрби стоялы Омелько та Гаврило, якихъ гроза не злякала и не здывувала—«на Илью завше дощъ бувае»....

Хуртовина збиралась чымъ разъ гризпійша. Зоряне небо заволоклося чорнимъ покровомъ. Паркъ стогнавъ. Гулы и трищалы сосни, неначе тамъ десь на верхахъ велася лота бытва,

Соснови шынкы сыпалысь рясно и торохкалы по зализныхъ покривляхъ курорта. Незабаромъ побиглы стругы воды по стежкахъ. Были схидцивъ галеріі вмыть зибралися каложки воды, котри полыскувалы яснымъ свитомъ видъ блыскавки. Слипуча блыскавка на одну мыть осяювала паркъ такъ ясио, що можно було розглядити всяку дрибницю, але заразъ такы наставала така темрява, що годи було побачить що небудь на пару ступнивъ.

А музыки граты свое...

Вразъ сильный гримъ и блыскавка вдарыли десь дуже недалеко видъ курзала такъ, ажъ вси стрененулися, хто стоявъ на галеріі.

Забренилы шыбкы, здригнулись стіни легенької деревяної будивли. Шахнулись навити здорови, а де-якихъ хворыхъ мусылы завесты по ихъ номерахъ.

— Всі пары разомъ! — лунало тымъ часомъ зъ залу, де, не вважаючи ни на що, танцювали мазура своїмъ чицомъ.

— Але доброго мазура втынає сёгодня і пророкъ Ілія! — сказавъ, выходячи зъ залу якийсь франтъ у фраки и билыхъ рукавицяхъ

— Справжня *mazourka générale*... — додавъ другий франтъ, вытираючи хусточкою мокре чоло.

— А знаете — промовывъ докторъ, лысый дидокъ, що вернувшись видъ слабыхъ — колы-бъ ся штука (випъ показавъ на небо) вдарила въ нись, то я думаю бувъ бы нежыть. Хе, хе.

И выстукаючи ногою такъ о помисть курзала, винъ весело заспивавъ:

Николай!
Подавай
Съ ромомъ чай,
А потомъ—
Одинъ ромъ...

А гримъ гуркотивъ на неби. Омелько дывывсь кризъ викно на танцюривъ, на тыхъ, що гулялы въ другій кімнати на биларди.

въ карты, и дывувався. Въ Космачеви, Горынь-Городи, въ Степани и скрізь, де винъ доси бувъ, пры такій прыгоди люде хрестылъсь и промовлялы молытвы. Ёму стало дуже тяжко, такъ тяжко, що винъ, повагавшись яку хвылыну, сипнувъ Гаврыла за рукавъ и, задерши свытку на голову, почемчыкувавъ зъ нымъ до дому чрезъ царкъ, не вважаючи на дощъ, котрый почавъ потроху вгаваты. Здавалося имъ, що Богъ такого не вытерпить, и тутъ, конче, щось не добре станется. Хиба може пророкъ Илія такого не покараты? Почувалы воны себе тамъ на галеріі такъ, якъ той, хто уперше пидімається па аэростати: ёму все здається, що аэростатъ заразъ лусне...

— Оце-е! — казавъ Омелько, переплыгуючи черезъ каможы.

— Эге-е!... — згожувався Гаврыло, поспишаючи за нымъ.

Такъ розмовляючи, дійшли воны до дому.

На другий день спека була ще бильша. Душно було незвичайно. Лисове повитря та теплый паръ писля злыви, ще побильшували ту духоту. Бажалось-бы прорубати просикою той лисъ, щобъ пустыти свижого повитря, витерцю, щобъ зрушити ту нерухому духоту. А вона дуже вадила хворымъ.

— Чы ты чуешъ, Омельку, якъ въ мене шташки ось тутъ щось спивають, — сказавъ Гаврыло, зустривши Омелька. Винъ показавъ на свои груды, и справди у грудяхъ ёго дуже хрыпило.

— Оце зовсімъ я застудився, якъ вчора ішовъ...

Биля полудня почало хрыпіти дужче. Гаврыло не вважавъ на те и кепкувавъ самъ зъ себе.

— Це зовсімъ въ моихъ грудяхъ, якъ те трень-брень, що вчора грати.

Лышъ надъ вечиръ, якъ стало зовсімъ важко дыхати, Гаврыло взявъ пивъ-рубля и пиловъ до дохтора про всякий случай, — що то винъ скаже?

Дохторы здывувались, ажъ руками розвели, якъ обслухали Гаврыла. Гаврыло вразъ зблидъ и увесь затремтивъ. Винъ не сподивався, що *це* настане такъ швидко.

— А я думавъ... та якъ же?... на чужій сторони... не може буты... а дитки? Не хочу, ни!... Богъ мылосердный....

Дохторы своимъ звычаемъ не сказали ёму всю правду, але Гаврыло по очахъ ихъ побачывъ, що зъ нымъ сталося щось дуже недобре. Неспокійни очи ёго перебигали на всі сторони и дивились воны по той бикъ людського жыття. На чоли виступувъ пить и величкими капкамы збигавъ по лыцю.

— Чому воны, дохторы, не взяли въ мене пивъ-рубля?—зъ тревогою пытавъ Гаврыло Омелька, спираючись на ёго руку.

Омелько ничего не мигъ сказати. Гаврыло намагався всимы силами боротись зъ тымъ лыхомъ, яке ёму грозило. Якъ-бы трапилось таке лыхо зъ нымъ вдома, винъ не такъ журывся-бы.

Хрыпи не вгавали. На другий день хрышило дужче, ще й клекотило у грудяхъ бидного Гаврыла, и винъ надумався ити до знахорки. Ёму сказали, що недалечко, верстъ скилька, живе баба, яка роспизнае чужу хворобу, якъ свои гладышки. Гаврыло збирався до неи, а видъ неи думавъ ити до-дому, але тымъ часомъ несподивано вмеръ, нагнувшись надъ клуночкомъ свого добра.

Омелько сердечно заклопотався похорономъ свого прыятеля. Чому-сь здалося ёму, що милліонеръ повыненъ даты чымалу суму на похоронъ бидного чоловика. Винъ смілово приступувъ до багатыря, колы той задумавшись сидивъ на лавци, покурюючи грубу сыгару, и почавъ такъ:

— Тутъ, проше пана, чоловикъ одынъ вже вмеръ, царство ёму небесне...

Багатырь зтрусывъ попилъ зъ сыгари и обернувся до Омелька...

— То якъ буде ваша ласка. Може-бъ...

Багатырь кивнувъ рукою, щобъ Омелько ишовъ дали своею дорогою.

— Може-бъ вы де-що далы,—настырльво мовывъ Омелько, наче не шомичаочы того.

Папъ зновъ махнувъ рукою и до того ще кивнувъ головою.

— Прошу пана мылосердного... тожъ вы, я чувъ, що...
ваша одна собака вжывае що мисяця на п'ятнадцять карбованцівъ! Прошу пана...

— Про-хо-ди...—промовывъ багачъ своими обвычайными губами и одвергнувшись.

Може винъ и давъ-бы що, та не хотилось ёму ворухнутуться; калитка єго лежала у кеніни, а винъ такъ добре усився, щобъ слухать музыку.

Безголосий Дмытро дотглядавъ, щобъ спрощенії були коло номершого всі християнськи звичаї. У Гаврила не було чистої сорочки, то Дмытро виддавъ свою зовсімъ нову. А коли покійника поклали вже на лави, винъ увесь вечіръ пынивъ надь нимъ по складахъ исалтиръ, спилюючись лышъ на хвилину, щобъ поправити свичку. Чытаочи, винъ видганявъ зъ покійного мухъ.

А Омелько, зигнувшись у дугу и голову взявши у руки, сидивъ въ ногахъ и думавъ свою думу: «Жыття—якъ та хмара»...

XI.

Поховавши Гаврила, Омелько ходивъ самъ не свій. Винъ дожидається кінця кумисового курсу, щобъ забратись зъ курорта. А курсъ той счивається 150 пляшокъ. Нищо вже єго не могло розважити. Ефендрика винъ називавъ не інакше, якъ «чанський підстриарчъ» і хочъ просивъ єго читати, але часто говоривъ:

— Ты сёгодня щось чытаєшъ—мекаєшъ, якъ та жыдивська коза, що въ осени въ почиївський городъ зайшла.

Хочъ винъ и поправився добре видѣ того кумису, але нищо не могло розважити єго нудыгу та неспокій, яки обгортали єго душу що день дужче. Часто згадувавъ своїхъ, свою хату, хазяйство, всяку роботу. До того ще й Дмытро вийхавъ зъ курорта.

— Що тамъ таке?—поспишавъ администраторъ у кутокъ парка, зъ якого чувся незвичайний спивъ захриплого голосу.

Винъ ажъ силеснувъ рукамы, побачывши у кутку въ кущахъ пидъ тыномъ пьяного Омелька на земли. Кумысні пляшки лежалы коло нёго, але биля пыхъ администраторъ побачыў чвертку монополіи. Шматки хліба, огирківъ, редъкы показувалы, што Омелько давно вже бенъкетуе.

— А якъ-ся маete паше! — весело прывитавъ Омелько администратора, пидводячысь трохы и спыраочысь спыною до тына. Голова ёго хылылась па бикъ. Очі блышталы. Вся ёго постать выявляла радисть та жависть.

— А пся-лайдакъ! Такъ це ты такъ?

Але на це Омелько заспивавъ своимъ хрыплымъ голосомъ:

— Та нема гиршъ никому,
Якъ тій сыротыни.
Нихто не прыгорне
У лыхій годыни ..

— Такъ це ты... сміешъ? Що то тутъ за писни?

— А що? не вподобалося — промовывъ Омелько, поводячы павкругы пьяными очыма. — То може ця?

— Болить въ мене серце.
Болить голова,
Хотивъ бы я монополькы,
Та чортъ іи ма.

— Геть звидсиль! Ты такъ, паршивецъ, пьешъ кумысъ! — ажъ кынівъ администраторъ.

— Эге, прошу папа, кумысъ! О, це кумысъ! Хо, хо — трясучы порожнею пляшкою видъ горилкы, реготавъ Омелько. — Це такій кумысъ, што не тильки ядуху, а і всяку хворобу выличыть. «Не пры-го-о-рне у лыхій годыни», — непевнымъ языкомъ белькотавъ Омелько писню.

Зібралася публіка. Администраторъ поклыкавъ стороживъ и звелівъ вывесты пьяного геть зъ курорта.

— И самъ пиду! Не треба. Прощайте панове! — ледве стоячи на ногахъ, кланявся Омелько на вси стороны. — Простить, Хрыста рады. Але все одно помырать. Що я пывъ, що я не пывъ — все одно. Вси, вси дубомъ станемо... геть!

Винъ розмахнувъ рукою, ажъ похитнувся. Его пиддержалы сторожы и вывелы на улыцю.

— Гаврыло, го-овъ! Де ты? — кричавъ Омелько, хытаючись межъ двохъ стороживъ.

Выкынутый по-за курортъ, Омелько ще спивавъ який часъ, а потимъ впавъ на выгони и заснувъ. На счастя погода була гарна. Повзъ ёго проходылы юрбы людей. Де-яки дывылышя, спочувалы ёму; други, спынывшия, думалы: добре було-бъ перенесты ёго хочъ у холодокъ... — Але никто ничего не зробывъ.

Прокынувшись у вечори зъ тяжкою головою, Омелько озырався на вси бокы и довго не мигъ опамъятатись, де винъ и що зъ нымъ діется? Але побачывши биля себе свою свитку, гамакъ и торбу, винъ зрозумивъ, що всяки дила зъ курортомъ вже покинчени. Винъ задумався.

— Та вже-жъ певне и нашему Омелькови тежъ хутко кинець. Дяка Богу за все. Пиду до дитокъ. — Голова ёго спускалась чымъ разъ ныжче на груды.

Сонце заходыло и залывало червонымъ свитломъ огорожу. Подыхнувъ холодный витерець, сповищаючи захидъ сонця. Омелько схопывся за груды и закашлявся. Ёго зоколо мижъ лопаткамы и у грудяхъ захрыпило.

— Нихто не прыго-о-орне
У лыхій годыни!

Богданъ Степапець.

м. Славута р. 1902.

Поэзія Н. О. Чернявскаго.

Недавно въ Киевѣ вышла изящно изданная книжечка въ 276 страницъ, съ стихотвореніями на малорусскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Зори». Авторъ, Н. О. Чернявскій, уроженецъ бахмутскаго уѣзда екатеринославской губ., питомецъ Донца и степи, которой посвящено много прочувствованныхъ строкъ:

А ты, мій Донче, вирный друже,
Мій любый брате, за тобою
Невишино серце й доси туже
Старою давнею журбою...
Ты льешся тыхо мижъ лисамы
Крыштально-срибною лукою
И горы били зъ небесамы
Глядять, любуются тобою.

Всѣхъ стихотвореній 164. Содержаніе довольно разнообразное—внѣшняя природа, треволненія человѣческаго сердца, сужденія о поэтѣ и поэзіи, два-три случайныхъ историческихъ мотива. Въ книгѣ, кромѣ языка, нѣть ничего такого, что объединяло бы стихотворенія. Нѣть никакой тенденціозности; но вмѣстѣ съ тѣмъ нѣть и отчетливо выраженного, опредѣленного міровоззрѣнія. Общее впечатлѣніе въ пользу автора, въ силу общаго гуманистического настроенія всей его поэзіи.

У г. Чернявского есть излюбленные мотивы. Такъ, около 15 ст. посвящено степямъ, съ десятокъ отдано описанію ночи, и почти въ десяти стихотвореніяхъ описано море. Встрѣчается затѣмъ по иѣсколько стихотвореній о веснѣ, обѣ осени, о долгѣ, о лѣсахъ и садахъ. Въ особенности много стихотвореній посвящено определенію значенія поэта и поэзіи (до 20 №№) и описанію звѣздъ и вліянія звѣздного неба на душу. Нужно отдать автору справедливость, у него быть повтореній или перепѣвовъ, и каждое стихотвореніе производить впечатлѣніе самостоятельнаго.

Изъ стихотвореній о степяхъ по художественности выдаются обрисовки степи въ ночное время. Хорошо, напр., изображеніе молитвенного состоянія степи ночью въ стихотвореніи

«Смутно сяють въ неби зори»...

Недурно обрисованъ костеръ въ степи ночью въ «Степови огни»:

Далеко геть горыть одынъ .
 Въ ночи огонь въ степу глухому:
 Вечерю варе селянынъ;
 Чы то чумакъ, йдучы до-дому'
 Зъ вагою зъ Допу, ночувать
 Въ толоци ставъ окрай дорогы;
 Чы цыганъ, степу сынъ убогый,
 Роздувъ багатте,—не дизнать.
 А ничъ стойти сумна, понура,
 На неби хмаръ покривля хмура
 Павысла пызыко, и зъ-за ныхъ
 Зирокъ не видно золотыхъ.

Въ другомъ стихотвореніи ярко изображена спаленная солнцемъ степь, безъ лѣсу, безъ рѣки, степь, просыпающаяся только...

Колы, бува, зъ громамы
 Зъ моря хмари налетять,
 Степъ охрестять блыскавкамы,
 Надъ ланамы прогремлять...

Степь сродни поэту, что ярко выражено въ ст. «Стрибожи внуки» (вѣтры)

Не боюсь васъ, легкокрыли,
 Не страшни ніякъ мени
 Ваши гуки, ваши стрилы,—
 Бо я самъ богамъ зъ ридни...
 Я сынъ Темрявы и Свиту...
 Тильки крылъ нема мени,
 Щобъ у грудяхъ искру скрыту
 Въ ваши кынуты огни...

Какъ поэтъ степи, г. Чернявскій идетъ рука объ руку съ Никитинымъ, Кольцовымъ, А. Майковымъ, мало уступая имъ въ яркости красокъ или въ силѣ выраженія.

Хорошія стороны поэзіи г. Чернявскаго—серіозность міро-созерцанія и оригинальные пріемы творчества. Подобно В. Пюго, г. Чернявскій въ «Де ты, о Боже», выразилъ образно ту мысль, что Богъ открывается въ природѣ.

Въ ст. «Пытання» мысль поэта обращается поочередно къ солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ, тучамъ съ вопросами, и вездѣ она

Правды свитовои
 Зернятка збирае,
 Всюды ихъ збирае
 На корысть родыны...

Не менѣе оригинально по формѣ и болѣе ясно по содержанию небольшое ст. «На крылахъ». Поэтъ мчится на крыльяхъ по Украинѣ и ищетъ света.

Темно въ палацахъ у панства старого
 . . . . .
 Панство славутне у склепахъ дримае,
 Сладки жъ ихъ славы опукъ прожыває...
 . . . . .
 Темно у биднїй мужичїй хатыни...

потому что «свиту не знали николы си люде»—дѣды умирали въ неволи, отцы выросли въ бѣдности, а сыновей ихъ тяжело гнететь тьма невѣжества.

Есть много стихотвореній о звѣздахъ, о морѣ, большей частью удачныхъ. Въ видѣ примѣра ограничимся однимъ «Тыхо гойдаются», въ которомъ соединены оба излюбленныхъ авторомъ мотива, море и звѣзды.

Тыло гойдаются въ сынѣму мори
Искорки-зори,
Нибы купается въ хвыли блыскучій
Рій ихъ летучый.
Скели здіймаются, ще неостыли,
Темни, похыли.
Въ чорнимъ межгирьи десь свитло палае
И погасае.
Чуете писню въ тыхому мори,
Въ сынімъ простори?...
Слухайте, ось вона зновъ обизвалась
И увирвалась.
Човень малюется въ мори на хвыли
Геть за пив-мыли.
Хто, безталаній, тамъ хоче вловыты
Долю у сити?...
Тыло купаются въ сынѣму мори
Искорки-зори;
Тыло гойдается пина тамъ нижна,
Вся бilosнижна.
Писня далекая ледве лунае,
Мовъ замира...
Дай ёму, Госполы, въ ничъ сю вродлыву
Долю щасливу!...

Тутъ есть прелестъ, почти непереводимая на другой языкъ; звукъ малорусской рѣчи придана такая мелодія, которая не отдѣлена отъ содержанія, и все это скращено гуманнымъ заключи-

тельнымъ аккордомъ. Поэтъ желаетъ счастья неизвѣстному пѣвцу въ лодкѣ на морѣ, исходя изъ предположенія, что пѣвецъ этотъ ищетъ въ морѣ долю. Рыбакъ ли это, или не рыбакъ---не важно. Важно, что одно человѣческое сердце звучить гдѣ-то въ синемъ морѣ, а другое человѣческое сердце отзыается къ нему любовью, лучшими пожеланіями; важно то симпатичное и альтруистическое чувство, которымъ проникнуто стихотвореніе, и въ которомъ въ сущности и заключается все достоинство цоэтическаго воздѣйствія.

Звѣздная ночь вообще пробуждаетъ въ душѣ поэта горячее и широкое чувство любви къ близкимъ. Такъ въ ст. «Зоряна ничъ» поэтъ говоритъ;

Та въ сю ничъ дывлюсь я смило
На людей и на жыття:
Можна скрізь робыты дило,
А не гынуть безъ пуття.
Найбиднійша, темна доля
Краще смерти..

Насколько поэзія г. Чернявскаго разнообразна по содержанию, настроению и отраженію его въ формѣ, можно убѣдиться, сравнивъ, напр., стихотвореніе о веснѣ съ стихотвореніемъ об осени. Первое, какъ маленькое, приведемъ въ цѣлости, второе въ отрывкѣ.

Каже все, что буть весни:
И глыбоки, и ясни
Зводы неба, и нигде
Теплый витеръ не веде
Сниговыхъ холодныхъ хмаръ.
Узялася лесь одна—
И розвіялась вона,
Якъ летючый билый паръ
И весела, и ясна...
Ни, сёгдня вже весна!

Картина природы схвачена на лету, и субъективное отъ нея впечатлѣніе прочно закрѣплено. У кого въ душѣ затуманились эти весенняя облака, веселыя и ясныя, поѣть ихъ возстановить; онъ напомнить милые и радостные образы.

Отъ этой весенней картины сильно отличается «Сильска осинъ»:

Мынуло лито золоте:
 Холодне небо вкрылы хмари,
 И темносызи ихъ отары
 На пивничъ витеръ десь веде.
 Въ тумани сонечко зиходе,
 У мли у вечери згаса...
 Гудуть ципы ще де у кого,
 Изъ клунь иде солодкый пахъ
 Соломы й зерна золотого,
 Що затаилось по снопахъ.
 И день, и ничъ шумыть-туркоче
 На ричци млынъ, и тыхый ставъ
 Воды у щерть соби набравъ;
 Налывсь—мовъ греблю рваты хоче,
 Щобъ скризъ по лукахъ за селомъ
 Жывымъ розлытася срибломъ...

. . . . .

Общественное настроение поэта проникнуто гуманностью:

Не ворогъ правди я й законамъ,—
 Я правды прагну и просю,
 Щобъ легше дыхать всимъ було намъ,
 У тимъ и правду бачу всю.
 И хай звенить мій спивъ журлывый,
 Якъ дзвинъ вартовый у-ночи,
 Якъ голосъ брата незрадливый,
 Бративъ до свиту зовучы.

Въ другомъ мѣстѣ поэтъ говоритъ, что

У кожного неба и сонце свое,
А спильный ключъ правды засохъ и не бѣе...

Поэта возмущаютъ сплетни, мелочность, лѣнь и апатія; онъ обращается къ Богу съ такимъ молитвеннымъ возваніемъ:

О, Боже, Ты
Слаби пиддержуй наши сылы
И поможы намъ донесты
Любови свить у ти хаты,
Братамъ у питьми тамъ сидячымъ,
Прыгриты серцемъ ихъ гарячымъ,
Щобъ зерно правды изійшло
И добре симъя прынесло!..

Поэзіи поставлена такая гуманная задача:

О, писне блаженна, о писне крылата,
Леты надъ землею, дзвены и зовы
До свиту, до сонца изъ темрявы брата,
Надію у серци ёму ожывы!

Теплымъ чувствомъ человѣколюбія и прощенія согрѣты стих. «Ихъ двое зійшлося»..., «До ночи», «Не полемъ чистымъ», «На ридній нывій», «Голодни».

Превосходно по народному колориту, нѣжности чувства и мелодичности стихотвореніе:

Ой помалу, мій мылесенький,
Тыхше грай,
Мени серця молодесенькій
Не вражай.
Бо зелена въ гаї лыпочка,
Та сумна,
Ще сумнійша въ тебе скрыпочка
Голосна:

Томъ 84—Январь, 1904.

I—9

Якъ заграешъ потыхесеньку—
 Серце мре,
 А мене всю молодесеньку
 Сумъ берε.
 Якъ заграешъ веселесенько—
 Пнемъ стою,
 Осмихнешся самъ тыхесенько—
 Слёзы лью.
 Ой не грай же, чаривныченъку,
 Ты мени.
 Не палы мене, мовъ свиченьку,
 На огни:
 Яснымъ зорямъ не приказано
 Въ день свityть.
 А тоби й мени заказано
 Вкупи жыть.

Первые строки и отчасти последующее содержание внушены народнымъ стихомъ въ сказкахъ про волшебную свирель. Содержание этой сказки известно. Дѣвушка-падчерица, убитая злой мачехой, обратилась въ липу: братъ вырѣзаль сопилочку, и сопилочка рассказала ему о преступлении,—художественный мотивъ, распространенный у многихъ народовъ (въ Россіи, Германіи, у западныхъ и южныхъ славянъ и др.). Въ сборникахъ малорусскихъ сказокъ (Чубинскаго, Рудченка и др.) два брата разумныхъ убиваютъ третьяго меньшаго, дурня. На его могилкѣ выросло дерево (черешня, липа и др.). Изъ этого дерева братья убитаго сдѣлали свирель, которая и запѣла:

Помалу-малу, братику грай,
 Не вразы мого сердепька вкрай.
 Ты жъ мене вбывъ, у землю зарывъ,
 За того вепрыка, що въ саду рывъ.

Малорусскій языкъ очень богатъ плѣнительными именами, что выражалось въ народной словесности, что неоднократно отмѣ-

чали люди науки (напр., проф. Метлинский въ предисловіи къ «Думкамъ»). Этой особенностью языка искусно воспользовался г. Чернявскій: «скрыпонька», «чаривныченьку» и пр.

Одно изъ самыхъ крупныхъ достоинствъ поэзіи г. Чернявскаго состоять въ яркой образности. Поэтъ въ немногихъ выпуклыхъ чертахъ достигаетъ стройнаго и яснаго выраженія явленій природы и народнаго быта. Такова, напр., прекрасная картина села въ лунную ночь въ ст. «Село затыхло», картина осенней природы въ «Осинъ», изображеніе тучи и дождя въ «Хмары», лѣтней жары въ «Спека», хлѣбнаго поля въ «Урожай». Какъ авторъ свободно и мастерски владѣеть малорусскимъ стихомъ, видно, напр., изъ обрисовки змѣи въ «Спека». Поэтъ въ жаркий лѣтній день легъ въ тѣни отдохнуть;

Дывлюсь и бачу, що хыстку
Траву хытае щось помалу.
Чы не гадюка то?.. Вона!
Повзе до стежки, порына
Въ дрибній трави, склызыка, моторна,
И залягла на стежци чорна.
Перевернулася уся,
На сонци черёвомъ засяла,
Зибралася зновъ и засычала,
Якъ молоде мале гуся.
А потимъ стыхла, розвилася
И по дорижци простяглася.
Прытыхла вража, и лежыть,
И сонця свитъ на ій дрижыть.
Лежу и я. Нема охоты
Іи злякаты. Хай лежыть!
И гадъ бажа на свити жыть,
Побуты часъ безъ той турботы...

Въ заслугу поэта нужно поставить свободное и непринужденное обращеніе со стихомъ и искренность настроенія—не вездѣ, но въ большинствѣ стиховъ. Такъ, одно изъ лучшихъ

произведеній «Вечерни мрії» прямо начинаются такимъ образомъ:

Я вышовъ въ степъ. Санна дорога.
Уже накочена, склызыка... И одыноко
Иду я. Сонце ще горить
На неби чистому ясному,
И степъ въ убори сниговому,
Мовъ у крышталяхъ гра-блышты.
Иду неслышною ходою,
И очи мане далечинъ...

По внѣшней формѣ есть стихи длинные и тягучіе, напр. «Писля бури».

Море ще довго не спало и тыхо въ ночи хвылювалось
Зъ шумомъ ритмично-журлывымъ скаржучысь скелямъ
холоднымъ,

и тутъ же рядомъ идутъ стихи сжатые, краткострочные, напр.

Весняный ранокъ...
Роса скризъ сяє
И мла лощыны
Оповивае.
Туманъ поважно
Сплывае вгору...
Десь чуты—дятель
Довбае кору...

При несомнѣнныхъ крупныхъ достоинствахъ, въ произведеніяхъ г. Чернявскаго есть и недочеты.

Въ однихъ произведеніяхъ поэтъ вдается въ оптимизмъ, въ другихъ—въ пессимизмъ, невсегда мотивированные; въ результатѣ получается неопределённость міросозерцанія и случайный характеръ настроенія. Такъ, пессимистичны: «Дывлюся навколо», «Писня ночи», «У мряци», «Шляхъ викивъ», «Ставъ». Основной

мотивъ грустнаго настроенія—ничтожность человѣка. Поэта смущаетъ, что «всі мы никчемни, всі мы хвылынни», что

Мы осядмо вси въ прахъ,
И омофоръ свій смерть накыне
Надъ намы въ мертвыхъ небесахъ...

Эти сѣтованія въ значительной степени покрываются оптимистическими стихотвореніями, напр., «Пидъ зорямы», где поэтъ говорить:

Не турбуе мене,
Що мій викъ промыне;
Такъ бо все промына
Нибы хвyllя ясна
И, дійшовши меты,
Згаснуть навить свиты...

Въ стихотвореніи «Що найкращи наши рокы» поэтъ утѣшается мыслю о вѣчности любви. Въ ст. «Писня бенкетова» говорится: «и старистъ не страшна: намъ спокій дасть вона». Поэтъ забылъ о старческихъ болѣзняхъ.

Вообще, философствованіе вредить поэту, и мѣстами, напр., въ стих. «Дывлюся навколо», «Пидъ зорямы», это философствованіе облеклось въ туманность и выражено тяжело, искусственно, натянуто, напр., «муче намъ души непевництв гризна».

Изъ стремленія къ философствованію возникли такія неудачныя, темныя и тяжелыя стихотворенія, какъ:

Якъ все никчемне, наше щоденне.

Тутъ ужъ и языкъ, обыкновенно плавный и ясный, измѣняетъ г. Чернявскому; всплываютъ странныя выраженія, напр., «чванство страшенне», «щаствия злыденне», «зводе шахрайство зъ честью стосунки».

Также тяжелы и сухи стихотворенія: «Хто душу несъту та заздрисну має», «Я живъ свій викъ», «Клычъ неба», «Мечъ». Эти неудачныя, очевидно, надуманныя, мѣстами вымученные

стихотворенія лишь портять впечатлѣніе и въ рукахъ литературныхъ зоиловъ легко могутъ быть обращены въ орудіе осужденія.

Автору вредятъ далѣе небрежныя сочетанія и риомы, въ родѣ «хаты» съ ударениемъ на ы при риомѣ «воды», «дерे»—«умре» и т. под.; вредятъ повторенія нѣкоторыхъ излюбленныхъ словъ, въ особенности слова: «мовчазна», «мовчазній».

Недочеты эти покрываются лучшими сторонами, и авторъ, человѣкъ, повидимому, еще молодой, при большей осторожности, можетъ разсчитывать на видное мѣсто въ пантеонѣ малорусской литературы. Тѣ образцы, которые приведены въ обиліи выше, ясно свидѣтельствуютъ о свѣжемъ и оригинальномъ талантѣ. Какъ бы то ни было, «Зори» полезное пріобрѣтеніе малорусской литературы, и многія вещици этого сборника будутъ по достоинству оцѣнены друзьями и почитателями малорусской поэзіи.

Н. О. С.

Село Курень (конотопского у.) и его старина.

Среди местных жителей существует не мало преданий и рассказовъ о глубокой старинѣ. Преданія эти, переходя изъ устъ въ уста отъ дѣдовъ ко внукамъ, въ настоящее время почти уже всѣ отживаются свой вѣкъ и, отходя, такъ сказать, сами въ область преданій, держатся исключительно только среди стариковъ, да и то, сравнительно, немногихъ. Можно поэтому полагать, что чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ многіе рассказы о старинѣ исчезнутъ совершенно. Къ числу такихъ отживающихъ свой вѣкъ преданий относится, между прочимъ, преданіе объ основаніи села; преданіе это среди жителей Куреня существует почему-то въ двухъ, совершенно несходныхъ одна съ другою, версіяхъ. Такъ, одни изъ местныхъ старожиловъ рассказываютъ объ этомъ слѣдующее:

— «Давнымъ-давно это было; не помнить того ни дѣды, ни прадѣды наши, а слышали они о томъ такъ же, какъ и мы, отъ дѣдовъ своихъ. На этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ село, и на много верстъ кругомъ росли огромные лѣса. Время тогда стояло смутное: были войны, разбои, насилия; со всѣхъ сторонъ нежданно-негаданно нападали враги, убивали людей, грабили имущество, а села и деревни жгли. Многіе поэтому уходили изъ этихъ мѣстъ куда-либо дальше, гдѣ жить было хоть немного спокойнѣе, а многіе прятались и селились по лѣсамъ. Вотъ и въ этотъ лѣсъ забрелъ одинъ такой человѣкъ, поставилъ на берегу протекавшей

здесь тогда рѣки «куренъ» (хату) и зажилъ въ немъ со своею семьей. Отсюда-то и началось село и получило свое название».

Другіе же, и такихъ, нужно сказать, преобладающее большинство, передавая слышанную ими отъ дѣдовъ исторію возникновенія села, говорять, будто первыми поселенцами Куреня были свободно поселившіеся здесь «синельники», т. е. мастера, занимавшіеся окраской холста, суконъ и др. матерій. Мѣстомъ для поселенія они избрали лѣвый берегъ рѣки. Нѣкоторое время они жили здесь одни, а потомъ, перегоняя ста мѣста на мѣсто по обширнымъ степямъ Украины свои стада, забрель сюда «чабанъ» (пастухъ) и, «облюбовавъ» себѣ мѣсто тоже на лѣвомъ берегу рѣки, какъ болѣе низменномъ и изобиловавшемъ травой, поставилъ для себя «куренъ» (шалашъ). Такъ мѣсто это и стало зваться Куренемъ. Съ теченіемъ времени стали селиться на другомъ берегу рѣки, а когда число людей и дворовъ на одномъ и другомъ берегу размножилось, то на правомъ, какъ болѣе возвышенномъ, была поставлена церковь ¹⁾.

Эти преданія не противорѣчать и подлиннымъ историческимъ свѣдѣніямъ, по коимъ с. Куренъ образовалось въ первой половинѣ XVII ст. изъ Бахмацкихъ выселковъ, хозяева которыхъ для хозяйственныхъ выгодъ оставляли мѣстечко и селились въ окраинѣ степи, тянувшейся къ р. Остру и виослѣдствії получившей название Куренской степи, въ отличіе отъ Бѣловежской. По мнѣнію А. М. Лазаревскаго, название села произошло отъ тѣхъ *куреней*, которые устроены были отдѣльными Бахмацкими домохозяевами, для хозяйственныхъ цѣлей, въ видѣ полуожилыхъ постройокъ, и которые послужили основою возникшаго здесь самостоятельного поселенія. Село Куренъ уже упоминается въ актахъ 1654 г. ²⁾

1) Въ Куренѣ и понынѣ есть фамиліи Синельниковыхъ и Чабановъ, считающихъ себя потомками тѣхъ «синельниковъ и чабановъ», которые основали село. Нѣкоторые изъ потомства Синельниковыхъ и до сей поры, изъ рода въ родъ, занимаются ремесломъ своихъ предковъ.

2) См. «Описаніе Старой Малороссіи», А. Лазаревскаго, т. II, стр. 178.

Изъ надписи, сдѣланной на заглавномъ листѣ хранящагося въ архивѣ Куренской Николаевской церкви рукописнаго октоиха, видно, между прочимъ, что въ 1671 году въ Куренѣ была церковь. Къ сожалѣнію, время и небрежность почти уничтожили эту надпись,—отъ нея къ нашему времени только и остались слѣдующія слова: «Сія книга глаголемая Офтай... тщан... церквѣ... Ник... 1671...» Но и эти немногія слова говорять уже многое. На Евангелиї же (Львовской печати 1670 г.) еще довольно ясно сохранилась слѣдующая сдѣланная по листамъ надпись: «Сія книга глаголемая Евангелионъ папрестолное раба Божія Ігната Новошолца... і жены его Марии и з дѣтми ихъ, обывателей Корѣнскихъ, купленая за десять талярей за свою працу вѣрьную и за отпущение грѣховъ своихъ и за славной памяти отца ихъ Филиппа и... Катерини і родичовъ ихъ и дано до церкви святой, до храму Святителя Христова Николая вѣчними часи въ село Корѣнь для отправи и хвали Святой. Абы оной иѣхто не важился отъ церкви святой отдалити: а хто бы и хотѣль и важился... буди анафтема въ сий вѣкъ і у будучий і росудится со мъною предъ пелицемъ судиою. Аминъ. Писано въ семъ Корѣнѣ, при священнику отцу Максиму, при... войту, при Ктиторахъ церковныхъ Семену Великому и Опанасу К... року 1676, марта 29 дня»...

Но упоминаемый въ этой надписи священникъ Максимъ, какъ можно заключить по иѣкоторымъ щанимъ, былъ не первымъ священникомъ въ Куренѣ. Такъ, въ синодикѣ церковномъ, заведенномъ съ 1734 года, въ поминаніи «священнихъ іереевъ» первымъ записанъ іерей Савва, а затѣмъ уже Максимъ; то же самое видимъ мы и въ другомъ мѣстѣ Синодика, гдѣ сначала помѣщены іереи Савва и Максимъ, а третиимъ вписанъ самъ основатель синодика—Афанасій ¹⁾). Если мы къ этому прибавимъ теперь, что къ 1746 году церковь въ Куренѣ стала настолько ветхою, что даже со стороны начальства было предписано возобновить ее ²⁾, и ограничимъ существованіе церкви приблизительно

¹⁾ О Синодикѣ см. «Кievск. Старину» 1903 г. № 9.

²⁾ См. Истор.-Стат. описание Черн. Епар. Арх. Филарета, кн. VI-я.

столѣтнимъ періодомъ, то станеть виѣ всякаго сомнѣнія, что церковь въ Куренѣ существовала уже въ половинѣ XVII ст. ¹⁾). А это въ свою очередь говоритъ въ пользу того, что въ то время Курень было селеніе уже не маленькоѣ. Дѣйствительно, въ концѣ XVII и началѣ XVIII в. въ Куренѣ насчитывалось болѣе 150 дворовъ; а въ 1754 году здѣсь было уже 250 дворовъ съ 2738 жителями обоего пола ²⁾.

Въ настоящее время Курень разрослось въ громадное селеніе: со всѣми прилегающими къ нему хуторами оно имѣеть болѣе 30 верстъ въ окружности, а въ длину достигаетъ до 7 верстъ; въ немъ насчитывается болѣе тысячи дворовъ и около семи тысячъ жителей.

Въ прежнее, далекое отъ нась, времѧ, чрезъ село протекала рѣка Борзна и дѣлила его на двѣ части—Городокъ и Закуренѣ ³⁾. Названія эти остались и до нашихъ дней; но рѣка дав-

¹⁾ Вѣроятно, отъ того далекаго времени сохраняются въ церкви двѣ оловянныхъ чаши.

²⁾ Интересна, между прочимъ, сохранившаяся въ архивѣ вѣдомость за 1754 годъ о томъ, сколько было представлено въ этомъ году отъ церкви въ Киевскую Митрополію денегъ. Вотъ дословный текстъ этого документа: «Ми нижеподписаніе въ катедру Митрополитанскую Киевскую объявляемъ, что сего 1754 года было въ напемъ приходѣ Дворовъ двѣстѣ пять десять за которое въ Казну Катедральную уплатили Денегъ столовихъ По двѣ Копѣйки Рублей пять Міровихъ Піденежки Рубль Двадцать пять копѣекъ солововихъ по полушки шестьдесятъ Двѣ Копейки и поль ітого всѣхъ Денеть столовихъ мировихъ и солововихъ Рублей шесть восемъ Десять семь Копеекъ и поль». Затѣмъ слѣдуетъ подпись священниковъ Іосифа и Тимоѳея Кибальчичей и вѣдомость о «квитовыхъ» деньгахъ, тоже отсылавшихся въ Митрополію. Всѣхъ «квитовыхъ» денегъ по вѣдомости числится 9 р. 87 к. (выдано 32 квита). Деньги по одной и другой вѣдомости, какъ видно изъ имѣющейся въ архивѣ церковномъ копіи Указа Митрополита Киевскаго Тимоѳея отъ 15 июня 1756 г. № 181, высыпались въ Митрополію по третямъ года.

³⁾ См. Ист.-Стат. оп. Черн. Епар. Арх. Филарета кн. VI-я. Въ Описи 1654 г. здѣшняя рѣчка неправильно названа рч. *Куреню*. Въ

нымъ-давно изсякла; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ трудно опредѣлить даже бывшее ея русло. И только въ одномъ мѣстѣ сохранился небольшой водоемъ, но это не что иное, какъ лужа съ стоячою и гнилою водой. Были уничтожены прибрежные лѣса — «хранители водь» — и рѣка изсякла. Но среди мѣстныхъ жителей держится суевѣрное преданіе, что рѣка высохла потому, что была «заклята». «Жила на селѣ, говорить преданіе, одна вдова козачка, «злая вѣдьма»; была у этой вѣдьмы дочка красавица, единственное ея дѣтище и утѣха. Однажды въ жаркую лѣтнюю пору пошла красавица съ подругами на рѣку купаться и утонула. Обезумѣвъ отъ горя, вдова «закляла» рѣку «словомъ клятвеннымъ», и рѣка высохла». Но заклятье это, по повѣрю куренцевъ, было положено на рѣку не на «вѣки вѣчные», — оно можетъ быть во всякое время снято «знающими» человѣкомъ.

Старики разсказываютъ, что при ихъ дѣдахъ въ Куренѣ будто-бы и объявился такой «знающій» человѣкъ, который могъ снять съ рѣки заклятье, но свое волхвованіе онъ обставилъ такими трудно выполнимыми со стороны куренцевъ условіями, что куренцы предпочли остаться лучше безъ рѣки.

Въ окрестностяхъ села есть не мало кургановъ, называемыхъ мѣстными жителями общимъ именемъ «могилы», напримѣръ: Губарева могила, Иванкова, Малыкина, Остаськовы могилы и др.¹⁾ На вопросъ о томъ, къ какому времени относится происхожденіе этихъ кургановъ, мѣстные жители, обыкновенно, отвѣчаютъ: «чи мало ихъ тутъ Петръ насадывъ!» и въ подтвержденіе своихъ словъ указываютъ даже ту мѣстность, гдѣ, по преданію, произошла стычка русскихъ со шведами²⁾.

Описи 1781 г. опа именуется *Рудою*, т. е. полуобсохшою ложбиною когда-то бывшей здѣсь степной рѣчки, которая, засохнувъ, потеряла и свое старое название. См. «Описаніе Ст. Малороссіи».

¹⁾ Всѣ эти названія произошли отъ фамилій бывшихъ владѣльцевъ тѣми участками земли, на которыхъ расположены курганы. Только четыре кургана, находящіеся почти у самого села, не имѣютъ никакого имени, а просто зовутся «четыре могилы».

²⁾ Уроцище «Квапино» — недалеко отъ села.

Впрочемъ, не всѣ курганы относятся ко времени Шведской войны. Нѣкоторые изъ нихъ и сами жители Куреня, основываясь на рассказахъ своихъ дѣдовъ, относятъ къ болѣе раннему времени, именно къ тому, когда «губернія звалась не Черниговскою, а Сѣверскою и когда было много войнъ». Эти курганы есть не что иное, какъ сторожевые пункты, съ которыхъ наблюдалось приближеніе врага, и которые безъ всякихъ сомнѣній нужно отнести ко времени татарскихъ набѣговъ. Что эти курганы были насыпаны именно съ такою цѣлію, доказывается прежде всего тѣмъ, что такъ говорить объ этомъ преданіе, называя ихъ «маяками», а также формою и сравнительною высотою самихъ кургановъ. «Маяковъ» въ окрестностяхъ Куреня три; всѣ они въ настоящее время сильно разрушены временемъ и опахиваніемъ, но еще лѣтъ 50—60 назадъ, какъ разсказываютъ очевидцы, были до 4 сажень высоты, такъ что съ вершины ихъ было видно болѣе, чѣмъ на десять верстъ.

Діаконъ Иванъ Егоровъ.

ТОРЖЕСТВО УКРАИНСКОЙ ПѢСНИ.

I.

Истекшій годъ ознаменовался не однимъ толко праздникомъ украинской литературы, выразившемся въ постановкѣ памятника ея творцу и начинателю на мѣстѣ его жизни и дѣятельности; близкимъ къ своему значенію къ этому событию является также и другое торжество, имѣвшее мѣсто въ самое послѣднее время,— торжество нашей пѣсни и музыки по случаю 35-лѣтняго юбилея славной дѣятельности Н. В. Лисенка. Украинская литература и народная пѣсня въ лицѣ своихъ представителей получили на двухъ упомянутыхъ торжествахъ полное признаніе со стороны общества и показали, съ одной стороны, свою глубокую жизненность, а съ другой— обнаружили также тѣсное единеніе и солидарность съ интересами того народа, изъ пѣдруь котораго онъ вышли. Очевидно— «не бездарна та природа, не погибъ еще тотъ край», которые выдвигаютъ изъ своей среды такихъ дѣятелей, какъ И. П. Котляревскій и Н. В. Лисенко, и если первый является отцомъ украинской литературы, то второго по справедливости можно назвать отцомъ украинской музыки.

Юбилейныя торжества въ честь Н. В. Лисенка, подвести итогъ которымъ имѣть цѣлью настоящая замѣтка, распались на двѣ части. Въ то время, какъ центромъ ихъ самъ собою долженъ быть сдѣлаться Кіевъ, въ которомъ протекла почти вся жизнь и

дѣятельность заслуженного юбиляра; въ то время, какъ въ Киевѣ къ юбилею начали заблаговременно готовиться,—закордонная Украина (Галичина и Буковина) также пожелала принять самостоятельное участіе въ юбилейныхъ торжествахъ, чтобы хотя такимъ образомъ выразить глубокую признательность и благодарность своему любимому композитору, трудами которого наши закордонные братья наравнѣ съ украинцами пользуются уже ровно 35 лѣтъ¹⁾. Возникла среди галицкихъ украинцевъ мысль прігласить Н. В—ча въ столицу Галицкой Украины Львовъ для торжественного празднованія юбилея. Юбиляръ отвѣтилъ согласіемъ, и специально основанный въ Львовѣ для устройства юбилея комитетъ открылъ свою дѣятельность. Юбилейные торжества въ закордонной Украинѣ состоялись 24 и 25 ноября (7 и 8 декабря н. ст.) во Львовѣ, а затѣмъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Галичины и Буковины.

Путь юбиляра за кордономъ, отъ момента вступленія его на територію галицкой земли, былъ непрерывнымъ рядомъ самыхъ сердечныхъ овалій, искреннихъ привѣтствій и неподдельнаго восторга. Такъ встрѣчаютъ только дѣйствительно дорогого гостя. Уже въ Подволочискѣ, первой станціи въ Австріи, юбиляра встрѣтила депутація мѣстныхъ русиновъ съ букетами и привѣтственными рѣчами. Въ Тернополѣ, первомъ крупномъ центрѣ, лежащемъ на пути ко Львову, встрѣча приняла характеръ грандіозной народной демонстраціи: на вокзалѣ собралось уже нѣсколько сотъ человѣкъ, привѣтствовавшихъ съ нетерпѣніемъ ожидаемаго гостя пѣніемъ, рѣчами, букетами. Въ Красномъ юбиляра встрѣтила депутація отъ львовскихъ русиновъ, съ проф. Шухевичемъ въ главѣ. Ко времени прибытія поѣзда къ львовскому вокзалу, здѣсь собралась многочисленная толпа, запрудившая перронъ; при выходѣ Н. В—ча изъ вагона головы обнажились и вслѣдъ за краткимъ привѣтствіемъ проф. Вахнянина раздались торжественные звуки много-

¹⁾ Въ первый разъ произведеніе Н. В—ча было исполнено во Львовѣ въ 1868 г. «на роковинахъ» Шевченка. Это была композиція на слова Шевченковскаго «Заповіта».

лѣтія въ честь прибывшаго юбиляра. Столица Галицкой Украины горячо привѣтствовала любимаго композитора. Номера львовскихъ украинскихъ газетъ въ этотъ день (22 ноября ст. ст.) были почти сплошь запяты статьями, посвященными юбиляру.

24 ноября въ 2 часа дня въ помѣщеніи львовской филармоніи состоялась такъ называемая академія, т. т., собственно чествованіе. Встрѣченный громомъ аплодисментовъ, юбиляръ взошелъ на эстраду въ сопровожденіи членовъ юбилейнаго комитета, а затѣмъ послѣдовалъ длинный рядъ депутатій съ адресами и привѣтственными рѣчами. Открылъ привѣтствія голова «Союза Боянів»¹⁾ извѣстный въ Галичинѣ композиторъ, проф. Вахнянинъ. Въ своей красивой рѣчи ораторъ указалъ на значеніе пѣсни въ жизни нашего народа вообще, яркими штрихами изложилъ исторію народной пѣсни и, переходя затѣмъ къ характеристикѣ заслугъ юбиляра, мѣтко назвалъ послѣдняго «Бояномъ нового времени». «Ты,—закончилъ ораторъ, обращаясь къ юбиляру,—полюбивъ сю писню, видчувъ ії красу, прыгорнувъ ії до теплої груды, выховавъ ії, выплекавъ, вылеліявъ, прыбраў у святочну одижъ, вправдавъ мижъ славянськи посестры и посады высоко—на посади: захватчану, омережану, прыстроену въ багате намысто, а таку щыру та сердечну, буйну та велетню, якою вона вийшла зъ грудей цилого народа. Въ тимъ твоя и лышетвоя заслуга, писенный нашъ Кобзарю, «Бояне нового времени». («Руслан», ч. 267). Рѣчь проф. Вахнянина какъ бы намѣтила въ общихъ чертахъ ту программу, которую въ частностяхъ подробнѣе развивали послѣдующіе адресы и привѣтствія, слѣдовавшія въ такомъ порядкѣ:

1) Своему почесному членови Миколі Лисенкови «Руська Бесіда» (адресъ и почетный дипломъ), 2) Славному українському музикови-композиторови Миколі Лисенкови въ 35-літній ювілей його діяльности товариство „Просвіта“ у Львові, 3) Наукове Товариство імені Шевченка, 4) Товариство „Народна Торговля“ у Львові 5) Товариство руськихъ ремісниківъ «Зоря» у

¹⁾ Бояній—пѣвческія и музикальныя общества въ Галичинѣ, имѣющіеся почти въ каждомъ городѣ.

Львові (почетный дипломъ), 6) «Реміснича Бурса», 7) «Товариство для розвою руської штуки» у Львові (кромъ адреса—художественной работы портретъ) 8) Товариство педагогичне у Львові 9) Союз співацьких і музичних товариств (Боянів) у Львові, 10) Високоповажаному Ювилятови Миколі Лисенкови в 35 роковини його композиторської творчости з Зеленої Буковини, з над синього Прута щирій привіт і глибокий поклін (приняли участі 27 „товариств“), 11) Русини-українці з Бережанщини (8 товариств) 12) Перемиські товариства, 13) Читальня в селі „Золотому Потоці“ (депутатъ—крестьянскій мальчикъ), 14) Миколі Лисенкови Стрийщина (10 товариств) 15) Клуб Русинок, 16) Товариство «Трудъ» 17) Товариство „Руська Захоронка“ у Львові, 18) Високодостойному Ювилятови Миколі Лисенкови в 35 роковини його праді на полі народної музики—українсько-русські товариства в Тернополі (10 товариств) 19) Товариство «Кружок українських дівчат» у Львові, 20) Українсько-русське драматичне товариство ім. Котляревського у Львові, 21) Українсько-русські товариства з Самбора (5 товариств) 22) Духовна семинарія у Львові 23) Достойному Миколі Лисенкови в дні ювілейного свята привіт від русинів-українців Ярославського повіту (114 подписей) 24) Дрогобицька філія „Просвіти“, 25) Львівський «Боян», 26) Товариство техників „Основа“ (почетный дипломъ, кромъ адреса съ 34 подписями). 27) Товариство касинове урядників „Дністра“. 28) „Академична Громада (українська молодіж університетська) у Львові, 29) Русько-українські товариства в Станиславові (13 товариств), 30) Коломийський Боян, 31) Русини-українці з Комарні. 32) Філія товариства «Просвіта» в Комарні, 33) Читальня «Просвіти» в Комарні, 34) Боянови Руси-України, Високоповажаному Миколі Лисенкови товариство „Руська Бесіда“ в Бучачі. 35) Від хору читальні в Скалі, 36) Русини-українці з Заліщиків, 37) Філія „Просвіти“ в Рудках, 38) Кобзареви Миколі Лисенкови, своєму почесному членови Снятинський Боян несе привіт в день його ювілею (35 подписей). 39) Від учениць приватної женської руської семинарії у Львові, 40) Читальня «Просвіти» в Кракові, 41) Товариство гимнастичне «Сокіл» у Львові, 42) Буковинський Боян—почесному членови. 43) Дівоча школа ви-

ділова ім. Шевченка у Львові, 44) Русько-українська громада в Празі, 45) Редакція „Руслава“, 46) Редакція „Буковини“.

Чтеніє перечисленнихъ адресовъ, продолжавшееся около двухъ часовъ, было непрерывнымъ тріумфомъ для юбиляра; каждый адресъ покрывался громомъ аплодисментовъ и шумными овациами. Большинство адресовъ помѣщено въ папкахъ, изъ которыхъ многія представляютъ собою настоящія произведенія искусства по своей художественной отдѣлкѣ. Особенно, бросается въ глаза папка львовской «Рускої Бесіди», составленная изъ тонкихъ деревянныхъ досокъ, украшенныхъ художественно исполненой рѣзьбой въ гуцульскомъ стилѣ; адресъ отъ города Стрыя заключенъ въ папку изъ полотна съ вышитыми узорами въ народномъ вкусѣ и т. п. Когда было окончено чтеніе адресовъ, юбиляръ въ краткой рѣчи благодарилъ за привѣтствія, служащія яркимъ доказательствомъ симпатіи закордонныхъ братьевъ къ украинскому народу и украинской пѣснѣ, и обѣщалъ всю свою дальнѣйшую жизнь посвятить на служеніе родному народу въ прежнемъ направлениі. Концертная часть «академіи» состояла изъ чтенія стихотворенія г. Лепкого «Миколі Лисенкови на спомин дня грудня 1903 р.», весьма умѣло продекламированного самимъ авторомъ, и пѣнія слѣдующихъ пьесъ: «За сонцемъ хмаронька пливе» (соединенный хоръ «Боянів» подъ управлѣніемъ о. Нижанковскаго), «На про» (студенческій хоръ) и кантаты «Бьють пороги» (гимназическій хоръ).

Въ 7½ часовъ вечера начался юбилейный концертъ; обширный заль філармонії вторично былъ заполненъ публикой какъ мѣстной, такъ и пріѣзжей изъ разныхъ мѣстностей Галичини. Энтузіазмъ собравшихъ выражался бесконечными аплодисментами и овациами по адресу юбиляра, присутствовавшаго лично на концертѣ. Концертъ начался кантатой «На вичну память Котляревскому», исполненной хоромъ, состоявшимъ изъ 250 пѣвцовъ подъ управлѣніемъ того же талантливаго диригента о. Нижанковскаго; затѣмъ слѣдовали какъ хоровые, такъ и сольные номера: «Ой бре море бре», «Ой, що жъ бо то за воронъ», «Ой летила горлиця» (мужской хоръ), дуэтъ изъ оперы «Риздвяна начъ» (г. Лопатинська и г. Волошинъ), «Шумка-козакъ» (оркестръ) «Заповитъ»

(хоръ) «Дивчыно-рыбалонъко», «Хиба тильки рожамъ цвисты», «Ой пишла бъ я на музыки (г. Лопатинська) и закончился ораторіей «Радуйся ныво неполытая». Но гвоздемъ концерта была несомнѣнно игра на фортепіано самого юбіляра,—энтузіазмъ публики достигъ въ это время высшей точки напряженія. Н. В.—чъ исполнилъ свою 1-ю рапсодію и весь залъ, затаивъ дыханіе, внималъ роскошнымъ звукамъ этой чрезвычайно красивой пьесы. Но вотъ замеръ послѣдній звукъ—и залъ пробудился, сбросилъ съ себя очарованіе: раздался громъ аплодисментовъ. Юбіляръ быль буквально засыпанъ цвѣтами, дождь которыхъ падаль изъ ложъ, изъ партера, со всѣхъ сторонъ. При нескончаемыхъ аплодисментахъ опять потянулся длинный рядъ депутатій съ вѣнками, образовавшими скоро цѣлую гору на эстрадѣ; на развязывающихся сине-желтыхъ лентахъ вѣнковъ красовались надписи:

- 1) Миколи Лисенкови—Русько-украинськи товарыства въ Станиславови,
- 2) М. Л—ви—Молодижъ украинсько-руської гимназії у Львови,
- 3) М. Л—ви—Товарыство «Просвіта»,
- 4) М. Л—ви—Дрогобицьки русини,
- 5) М. Л—ви—Драматичне товарыство ім. Котляревського,
- 6) Mikołajowi Lyseńce, natchnionemu piewcu ruskiemu Dyrekcya teatru miejskiego,
- 7) Батькови нашої музыки—Тернопильський Боянъ,
- 8) М. Л—ви—Руська Бесіда у Львови,
- 9) М. Л—ви—Союзъ Боянівъ у Львови,
- 10) Великому сынови України—Урядныки товарыства «Дністеръ» у Львови,
- 11) М. Л—ви—Кружокъ украинськихъ дивчатъ,
- 12) М. Л—ви—Львівський Боянъ,
- 13) М. Л—ви—Реальнна школа,
- 14) Творцеви «Риздвяної ночі—Дирекція театру,
- 15) М. Л—ви—Наукове Товарыство им. Шевченка,
- 16) М. Л—ви—Буковинський Боянъ,
- 17) М. Л—ви—Клюбъ русинокъ у Львови,
- 18) М. Л—ви—Буковинськи украинки,
- 19) М. Л—ви—Ученыци школы выдиловои им. Шевченка у Львови,
- 20) М. Л—ви—Ученыци жиночої руської семинарії у Львови,
- 21) М. Л—ви—Ученыци учительської семинарії въ Чернівцяхъ,
- 22) М. Л—ви—Руська школа въ Старій Мамаєвци,
- 23) М. Л—ви—Зъ Галыча,
- 24) М. Л—ви—Проф. Пулуй и його сим'я (срібний), и
- 25) М. Л—ви—Ювілейний комитетъ у Львови (срібний).

Но вотъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, аплодисменты вдругъ затихли; еще мгновеніе — и изъ усть 2^{1/2}-тысячной толпы пошлись величественные звуки гимна; пѣль весь зрительный залъ, пѣла вся аудиторія, и уже нельзя было отличить пѣвцовъ, еще недавно стоявшихъ на эстрадѣ, отъ обыкновенной публики... И это былъ несомнѣнно наиболѣе величественный моментъ цѣлаго празднества, наиболѣе оригиналъ номеръ всего концерта, тѣмъ болѣе поразительный, что онъ не былъ подготовленъ заранѣе, а вышелъ какъ то самъ собою, вырвавшись отъ полтоты потрясенаго сердца. Впечатлѣніе было настолько сильное, что у многихъ на глазахъ стояли слезы...

Такъ какъ залъ не могъ помѣстить всѣхъ желавшихъ присутствовать на юбилейномъ концерте, то онъ былъ повторенъ при полномъ театрѣ и по прежней программѣ на слѣдующій день. Нечего и говорить, что новая публика такъ же тепло и восторженно принимала юбиляра, какъ и публика предыдущаго вечера.

25 ноября вечеромъ въ залѣ «Народного Дома» состоялся спектакль: ученицами мѣстной «виділової школи»¹⁾ імені Шевченка» весьма живо и въ общемъ очень удачно розыграна дѣтская опера юбиляра «Коза-дереза» при громадномъ стеченіи публики. Спектакль послужилъ новымъ поводомъ для нескончаемыхъ оваций по адресу композитора. Послѣ спектакля состоялся ужинъ, участники которого въ рѣчахъ всесторонне выясняли какъ заслуги юбиляра, такъ и значеніе данного торжества для украинскаго народа...

На слѣдующій день Н. В.—чъ отбылъ изъ Львова въ Черновцы, столицу Буковины, останавливаясь по дорогѣ въ Станицылавовѣ и Коломыѣ. Вездѣ юбиляра встрѣчали толпы народа, крестьяне, общества «Сіці»²⁾, самымъ восторженнымъ образомъ вы-

¹⁾ «Виділові школи» — въ Галичинѣ, гдѣ нѣть женскихъ гимназій, занимаютъ среднее мѣсто между вашими двухклассными училищами и гимназіями.

²⁾ «Сіці», возникшія въ послѣднее время въ Галичинѣ по инициативѣ доктора Трильовскаго, представляютъ собою крестьянскія общества, организованныя по образцу Запорожской Сѣчи и преслѣдующія самыя разнообразныя цѣли взаимопомощи.

ражая ему свое глубокое уважение и любовь. Во время этого оригинального путешествия юбиляръ могъ убѣдиться въ томъ, что имя его и произведенія извѣстны здѣсь не только интеллигенціи, но и народу, представители которого съ восторгомъ встрѣчали своего «кобзаря» и «бояна нового времени»... Остановки въ Станиславовѣ, Коломыѣ и Черновцахъ были отмѣчены тѣмъ же радушнымъ и сердечнымъ отношеніемъ къ юбиляру, какъ и пребываніе его во Львовѣ.

II.

Украинская народная пѣсня за все время существованія украинского театра всегда имѣла тѣсное соприосновеніе съ послѣднимъ, служа украшениемъ для пьесъ, вдохновляя авторовъ; съ другой стороны, и самъ юбиляръ принадлежитъ къ числу дѣятелей родного театра, будучи авторомъ многихъ популярныхъ оперъ и опереть. Вотъ почему, надо полагать, юбилейные торжества въ честь Н. В. Лисенка въ Кіевѣ открылись 19 декабря постановкой въ театрѣ Бергонье украинской труппой г. г. Саксаганскаго и Садовскаго извѣстной опереты юбиляра «Чорноморцы». Послѣ спектакля была исполнена его же кантата «Быть пороги», и вся труппа привѣтствовала юбиляра, поднеся ему серебряный вѣнокъ съ надписью: «Славному украинскому кобзареві Миколі Лисенкові од Садовського, Саксаганського, Карого і всієї іх украинської трупи артистівъ». Собравшаяся въ большомъ количествѣ публика громкими аплодисментами сопровождала это театральное чествованіе.

20 декабря въ залѣ Купеческаго Собрания состоялась центральная часть торжества, инициативу котораго взяло на себя Киевское Литературно-Артистическое Общество. Къ 8 часамъ вечера залъ былъ буквально биткомъ набитъ публикой, среди которой было много пріѣзжихъ изъ разныхъ концовъ Украины. Общее вниманіе обращали на себя делегаты изъ Галичины и Буковины, среди которыхъ были даже крестьяне въ своихъ живописныхъ костюмахъ. Встрѣченный шумными аплодисментами и криками «слава», юбиляръ занялъ почетное мѣсто на эстрадѣ среди членовъ пра-

вленія Литературно-Артистического Общества; началось чтеніе адресовъ и привѣтствій. Первымъ привѣтствовало юбиляра Литературно-Артистическое Общество, въ лицѣ своего предсѣдателя г. Николаева, поднесши юбиляру изящно исполненный жетонъ, а за тѣмъ слѣдовало произнесеніе привѣтствій заграничными гостями¹⁾ и чтеніе многочисленныхъ адресовъ. Сдѣлаемъ перечень послѣднихъ:

- 1) Отъ Киевскаго Литературно-Артистического Общества,
- 2) Отъ членовъ того же Общества—украинцевъ (на украинскомъ языке), 3) Отъ Исторического Общества Нестора-Лѣтописца, 4) Мыколи Лисенкови, украински пысьменныки зъ Кыива (на папкѣ эпиграфъ изъ Кулиша: «Поки прокынеться сонна краина, поки дижеться живои весны—Ты намъ по хатахъ убогыхъ дзвоны»—23 подписи), 5) Мыколи Лисенкови, славному заступнику народной украинской писни видъ Кыївського Общества Грамотности, 6) Высокоуважаемому Н. В. Лисенку Киевское Общество содѣйствія начальному образованію, 7) Отъ Киевскаго Отдѣленія Императорскаго русскаго музыкального Общества, 8) Отъ музыкальной школы Н. А. Тутковскаго, 9) Отъ дирекціи Королевскаго Чешскаго земскаго и музыкального театра (Прага), 10) Отъ артистовъ театра «Соловцовъ», 11) Славному Кобзареви М. В. Лисенкови видъ редакціи часописи «Киевская Старина», 12) Отъ редакціи журнала «Археологическая лѣтопись Южной Россіи», 13 и 14) Два адреса отъ почитателей поляковъ (напольскомъ языке), 15) Славному Кобзареви М. В. Лисенкови одъ Кыївськихъ товаришивъ-украинцівъ (16 подписей), 16) Видъ украинцівъ-Кыянъ, 17) Украинскому Боянови одъ Кыївськихъ украинокъ (поднесено роскошное изданіе «Кобзаря» и «рушныкъ», 18) Одъ выдавцівъ украинскихъ книжокъ (епиграфъ изъ Шевченка: «Наша дума, напа писня не вмре, не загине»,—

¹⁾ Отъ имени „Союза Боянів“ привѣтствовалъ юбиляра проф. Вахнянинъ, отъ Наукового Товариства імени Шевченка—проф. Студинскій, отъ товариства «Просвѣтіта»—депутатъ львовскаго сейма, докторъ Олесницкій, отъ галицко-украинской прессы—редакторъ газеты «Діло», докторъ Левицкій и отъ имени всѣхъ буковинцевъ—депутатъ вѣнскаго рейхсрата, г. Пигулякъ.

12 подпсей), 19) Славному Кобзареви Мицкоги Лисенкови одъ студентивъ университету Св. Володимира въ Кыиви (382 подпсей), 20) Славному украинському композиторови Мицкоги Лисенкови одъ студентивъ-политехникивъ у Кыиви (263 подпсей), 21) Видъ Кыивської малёвнычои школы (адресть съ 15 подпсями и альбомъ иллюстрацій къ народнымъ п'єснямъ), 22) Вельмишановному украинському Боянови одъ старого хору студентивъ университета Св. Володимира, 23) Видъ Нового Кыивського студеңтського хору, 24) Дорогому Кобзареви України видъ хора имени Лисенка (50 подпсей), 25) Лисенкови, Бандуристови України (200 под.), 26) Высокошановному Мицкоги Лисенкови одъ учнивъ зъ Кієва, 27) Славному п'євцу України и земляку Н. В. Лисенку Полтавская губернськая земская Управа, 28) Высокоталантливому украинскому композитору отъ полтавского городского общественного управления, 29) Славетному сынови України Мицкоги Лисенкови одъ шырого серця землякивъ Полтавы (40 подпсей), 30) Щырому орачеви на ридній ныви М. В. Лисенкови одъ редакції «Хуторяніна», 31) М. В. Лисенкови полтавськи статистыки (28 подпсей), 32) Украинському Боянови Мицкоги Лисенкови одъ Полтавського музикально-драматичного товарыства (27 подпсей), 33) Шановному батькови музыки и спививъ Мицкоги Лисенкови одъ полтавськихъ робитныківъ (73 подпсей), 34) Видъ учнивъ полтавської земської ремеслычои школы, 35—36) Батькови украинської музыки—два адреса отъ учениковъ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній г. Полтавы. 37) Славному украинському музыци Мицкоги Лисенкови одъ Черниговцівъ (77 подпсей), 38) М. В. Лисенкови Черниговське украинське театральне товариство (25 подпсей), 39) Славному украинському музыци Черниговський музикально-драматичный Кружокъ (20 подпсей), 40) Дорогому М. В. Лисенкови одъ харьковцівъ (96 подпсей), 41) Від землякивъ зъ Харькова (26 подпсей), 42) Видъ украинської харьковської академичной молодижи, 43) М. В. Лисенкови одъ товариства робитныківъ-аматорівъ украинської штуки пры харьковському народному домі (30 подпсей), 44) Отъ профессоръ харьковского университета (22 подпсей), 45) Видъ одеськихъ землякивъ (60 подпсей), 46) Видъ петербургськихъ землякивъ (79 подпсей), 47) Видъ «Правленія благотворительного Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» (адресть и по-

становленіе обѣ избраніи юбиляра почетнымъ членомъ общества) 48) Видъ украинской академичной молодижи зъ Петербургу, 49) Видъ громады украинской академичной молодижи въ Москви, 50—53) Славному Боянови М. В. Лисенкови украинци зъ Дерпту (4 адреса съ 83 подписями), 54—55) Вельмышановному М. В. Лисенкови зъ Камянця-Подольскаго (два адреса съ 61 подписью), 56) Земляки зъ Катеринослава, 57) Украинци зъ Катеринослава (10 подписей), 58) Видъ Черноморской громады (65 подписей), 59) Славному украинскому Кобзареви М. В. Лисенкови одь прыхильныхъ студентивъ-украинцевъ у Новїй Олек-сандрії (элиграфъ изъ Шевченка: «И забудеться срамотня давниля годына, и ожыве добра слава, слава Україны»...), 60) Земляки зъ Ставрополя-Кавказскаго (7 подписей), 61) Отъ хора изъ Ставрополя-Кавказскаго, 62) Отъ грузинъ почитателей, 63) Видъ землякивъ изъ Читы (7 подписей), 64) Украинскаго Бояна витають Черкасци (60 подписей), 65—66) Славному Кобзареви Украины видъ вдячныхъ роменцивъ (два адреса съ 97 подписями), 67) Видъ мыргородськихъ дивчатъ, 68) Видъ землякивъ изъ Звягеля (31 подпись), 69) М. В. Лисенкови въ день 35-го юбилею його музыкальнои діяльности видъ Уманськихъ украинцевъ, 70) Высокошановному ювилятови М. В. Лисенкови одь учнivъ агрономичной школы. 71) М. В. Лисенкови одь щыро-прыхильныхъ Винnyчанъ (51 подпись) 72) Видъ землякивъ изъ Севастополя, 73) Славному Кобзареви Мыколи Лисенкови одь Барышполь-цивъ (89 подписей), 74) Видъ селянъ зъ Ерешокъ киевскоги губерніи сквирського повиту (41 подпись), 75) Видъ шпы-чицецкого (сильського) пивчого гурту (50 подписей), 76) Высокоповажаному Мыколи Лисенкови на день ювилею видъ селянъ м. Романивки, 77) «М. В. Лисенкови одь щырого серця хлибо-робъ Михайло и дочка його Любя Качурыны прыносымо».—Кромѣ того два адреса: 78) Отъ киевскаго городского обществен-наго управления и 79) Отъ золотоношскаго земства—были про-читаны 21 декабря въ городскомъ театрѣ во время представле-нія оперы «Риздвяна ничъ».

Помимо адресовъ, Литературно-Артистическимъ Обществомъ и лично юбиляромъ получена масса телеграммъ и привѣтствій, между прочимъ изъ Америки, Берлина, Лейпцига, Рагузы, отъ

г. г. Направника, Короленка, Лесевича, Шишманова (болгарскій министръ народнаго просвѣщенія), Горлепка, Мишуги, Менцинскаго, Кропивницкаго и Заньковецкой, Ясевичъ-Бородаевской, проф. Куплевасскаго, Книттеля (директора пражской консерваторіи), Лубковской, Прибика (капельмейстеръ одесского городскаго театра), отъ Болгарскаго Музыкального Общества (за подписью проф. Златарскаго), отъ Дирекціи Петербургскаго отдѣленія Императорскаго русскаго музык. Общества (за подписью г. Клюи), отъ Дирекціи Харьковскаго отдѣленія того же Общества, отъ артистовъ, хора и оркестра Варшавской оперы, отъ Московской Музыкально-этнографической Комиссіи (за подписью г. Янчука), отъ ректора Киевскаго университета, проф. Бобрецкаго, отъ ректора Новороссійскаго университета, отъ редакцій многихъ газетъ, отъ земскихъ и городскихъ управъ, отъ ученыхъ обществъ и друг., — всѣхъ телеграммъ было получено около 200.

Конечно, такая масса привѣтствій не могла быть выслушана въ теченіе одного вечера, поэтому большую часть ихъ пришлось къ сожалѣнію, оставить непрочтенными; даже не всѣ делегаты, которые лично присутствовали на торжествѣ, успѣли произнести свои привѣтствія (къ такимъ принадлежать, между прочимъ, адресы отъ грузинъ, отъ иѣкоторыхъ крестьянскихъ обществъ и мн. др.). Содержаніе всѣхъ привѣтствій можно резюмировать въ общемъ слѣдующими словами одного изъ крестьянскихъ адресовъ: «Дякуемо Вамъ за Вашу працю невпинну; за те, що пасъ, простыхъ людей, не цураєтесь, мовы нашої ридної безталанної не забуваете, що нашу писню-тугу про наши крыводы та недолю Вы на папери списали та на всесвітній судъ выставили». — Кстати, этой простой, но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубоко-вѣрной оцѣнкѣ вполнѣ соотвѣтствовали и тѣ вѣнки, которые принесены были крестьянами для возведенія своего національнаго композитора: два громадныхъ, безыкусственныхъ, но именно своею безыкусственностью и производящихъ особенное впечатлѣніе вѣнка изъ колосьевъ и полевыхъ цвѣтовъ отъ «меншаго брата» рѣзко выдѣлялись въ массѣ серебряныхъ. Всѣхъ вѣнковъ было поднесено 10; приводимъ надписи на нихъ:

1) Славному украинському Кобзареви Мицьку Лисенкови одъ Садовського, Саксаганського, Карого и всієи ихъ украинськои трупы артистивъ, 2) Отъ артистовъ театра «Соловцовъ», 3) Отъ кіевского городского театра, 4) Отъ фортепіанной фирмы Кернтоффъ 5) Славному украинському музыци-Бояну складаемо довичну подяку и шану. Заньковецька, Кропивницький, Волыкъ, трупа и оркестръ, 6) Дорогому кобзареви України слава. Видъ хора його имени, 7---8) Два вѣнка изъ колосьевъ и полевыхъ цвѣтовъ отъ крестьянъ изъ Барышполя и Романовки, 9) Отъ общества русскихъ драматурговъ, писателей и оперныхъ композиторовъ, и 10) Высокоповажаному Мицьку Лисенкови, славному Кобзареви України—Київська Народна Аудиторія (поднесенъ на юбилейномъ концертѣ въ народнй аудиторії).

Чтеніе привѣтствій затянулось почти до 12 часовъ, послѣ чего началась концертная часть. Первымъ въ этомъ отдѣленіи выступиль знаменитый крестьянскій хоръ изъ с. Охматова подъ управлениемъ доктора Демуцкаго и сразу же овладѣль слушателями, исполнивъ въ чисто-народномъ духѣ много пѣсенъ разнообразного содержанія; затѣмъ кобзарь Терешко Пархоменко прошѣль подъ аккомпанементъ бандуры «думу про Морозенка», «Чечитку» и др. Закончился вечеръ двумя хоровыми номерами подъ управлениемъ г.г. Яценевича и Стеценка; хоръ послѣдняго исполнилъ написанную г. Стеценкомъ кантуату, посвященную Н. В. Лисенку. Концертное отдѣленіе, за исключениемъ послѣдняго номера, имѣло цѣлью иллюстрировать юбилейность юбиляра съ этнографической стороны.

Характеристикѣ Н. В. Лисенка, какъ оригинального композитора, былъ посвященъ другой концертъ, состоявшійся 21 декабря въ городскомъ театрѣ. Въ качествѣ исполнителей здѣсь выступили уже оперные пѣвцы и хоръ; исполнителямъ соотвѣтствовала и программа. Концертное утро открылось кантатой въ честь юбиляра, написанный на слова г. Старицкаго г. Горбловымъ, далѣе слѣдовали: интродукція къ оперѣ «Остання ничъ» (оркестръ) «Доля» (г. Каміонскій), хоръ изъ оперы «Сапфо», квинтетъ изъ оперы «Тарасъ Бульба» (г-жи Бѣлевичъ и Ковелькова, г.г. Зи-

новьевъ, (Дракули и Каміонскій), гімнъ Геліосу и Венерѣ изъ оперы «Сапфо» (хоръ), дуэтъ изъ оперы «Тарасъ Бульба» (г-жа Шульгина и г. Секарь-Рожанскій), «Ой люли люли, моя дытыно», «Лугомъ иду» (г. Дейша-Сіоницкая), соло на скрипкѣ (г. Шутманъ) и кантата «Быть пороги», которой и закончился концертъ.

Вечеромъ 21 декабря въ томъ же городскомъ театрѣ состоялся юбилейный спектакль; шла въ первый разъ въ Киевѣ послѣ долгаго перерыва опера Н. В—ча «Різдвяна ніч», такъ гармонирующая своимъ содержаніемъ и господствующими въ ней мелодіями колядокъ съ приближающимися рождественскими праздниками. Успѣхъ оперы среди публики, заполнившей театръ, былъ несомнѣнныи. Юбиляра-композитора слушатели и здѣсь привѣтствовали такъ же восторженно, какъ и на концертахъ, часто прерывали исполненіе аплодисментами и заставляли повторять отдѣльные номера. Судя по первому пріему, сдѣланному публикой возобновленной оперѣ, можно думать, что она займетъ прочное мѣсто въ репертуарѣ киевскаго городскаго театра; по крайней мѣрѣ въ теченіе праздниковъ опера шла еще четыре раза и каждый разъ при полномъ театрѣ.

Послѣ спектакля почитателями юбиляра былъ устроенъ ужинъ, затянувшийся почти до утра. Участники ужина, въ количествѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, въ своихъ рѣчахъ дѣлились впечатлѣніями пережитаго.

С. Ефремовъ.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Просьба подполковника Пугачевского о перемѣнѣ его фамиліи. Проживавшій въ Черниговѣ отставной подполковникъ С. Н. Пугачевскій обратился въ 1810 г. съ просьбой за себя и двухъ братьевъ къ кн. Лобанову-Ростовскому, второму малороссійскому губернатору, о перемѣнѣ своей фамиліи «по близкому подобію фамиліи ихъ съ названіемъ бывшаго измѣнника Пугачева». При этомъ онъ просилъ разрѣшить ему носить фамилію Леонтовичъ, каковую носила ихъ мать до замужества. Императоръ Александръ I не счелъ возможнымъ согласиться на такую замѣну, въ виду того, что Леонтовичи—извѣстный дворянскій родъ, а потому и повелѣлъ герольдіи назначить Пугачевскому какую-либо иную, новую, «никакому дворянскому роду не присвоенную фамилію», и, составивъ гербъ, представить на Высочайшее усмотрѣніе. И вотъ начинается переписка и выборъ фамиліи.

Пугачевскій очень обрадовался согласію императора на перемѣну фамиліи. «Я не могу, писалъ онъ кн. Лобанову-Ростовскому, никакими словами изъяснить благодарности за милостивое вашего сіятельства исходатайствованіе высокаго манаршаго благоволенія о перемѣнѣ вынѣшней фамиліи. Покудова жизнь моя продолжится, я и всѣ тѣ, кои будуть носить новую фамилію, конечно, будутъ всегда чувствовать и ощущать непрестанную живѣйшую благодарность и воспоминаніе къ драгоцѣнному имени вашего сіятельства, столь много облаготворившему родъ». Далѣе Пугачевскій проситъ ходатайства о перемѣнѣ фамиліи на Александрова. «Я искалъ, пишетъ онъ князю въ сентябрѣ 1810 г., имени, которое было бы наиболѣе приятнѣе для составленія фамиліи, не присвоенное никакому дворянскому роду, по-

желалъ бы, сіятельнѣйшій князь, къ воспоминаніямъ имени ѿсемилостивѣйшаго Государя, какъ даръ его всепощдрой руки, имѣть фамилію Александровъ». Но князь на это не согласился. «Желанію вашему,— писалъ онъ,— присвоить фамилію Александровъ споспѣществовать не могу, ибо таковая существуетъ, а герольдія не приняла и первого назначенія; съ своей стороны князь предложилъ подполковнику сократить свою фамилію, отбросивъ первыя двѣ буквы, и именоваться «Гачевскій». Но это Пугачевскому не понравилось. «И такъ, сіятельнѣйшій князь,— писалъ онъ,— остается избирать фамилію безъ всякаго предмету хотя бы однакожъ таковую, чтобы другіе не могли сказать, что я столь драгоценнымъ случаемъ, особеннымъ благоволенiemъ моваршимъ, худо воспользовался. Желаю, сіятельнѣйшій князь, принять фамилію Леонидовъ,— кажется, оной въ Россіи нѣтъ, ибо другая известна подъ названіемъ Леванидовъ». Князь, получивъ это письмо, самъ ужъ предложилъ ему фамилію Измаильскаго, въ виду того, что подполковникъ Пугачевскій принималъ участіе въ штурмѣ Измаила, гдѣ былъ и раненъ. Подполковникъ остался очень доволенъ этой фамиліей. «Принимаю ее съ величайшею благодарностью,— писалъ онъ,— тѣмъ болѣе буду сею фамилію доволенъ, что выборъ оной происходитъ отъ благодѣтельной руки вашего сіятельства и того участія, которое вы, милостивый государь, въ семъ дѣлѣ столь великодушно пріемлете». На этомъ письмѣ оканчивается это дѣло, и неизвѣстно, была ли удовлетворена просьба подполковника Пугачевскаго. Можно предположить, что переименованіе состоялось, такъ какъ таковой фамиліи въ то время, по крайней мѣрѣ, среди знаменитыхъ родовъ, не было. (Арх. полт. губ. правленія по описи № 408).

Сообщ. И. Ф. Павловскій.

Современная переписка о землетрясеніи въ Малороссіи 14 окт. 1802 г. I. Письмо графа К. Г. Разумовскаго князю А. Б. Куракину. Вчерашняго дня, по полудни въ часъ и тридцать пять минутъ, чувствовано было здѣсь при совершенно ясномъ небѣ и тихой погодѣ землетрясеніе, продолжавшееся съ минуту и довольно ощутительнымъ показавшееся всѣмъ сидѣвшимъ или лежавшимъ, наипаче же находившимся въ верхнихъ этажахъ, гдѣ всѣ безъ изъятія, даже и рабочую занимавшіеся люди его чувствовали, такъ что въ превеликомъ страхѣ повѣѣгали вонъ. Я сообщаю о семъ вашему сіятельству, какъ о весьма въ здѣшнемъ краѣ рѣдкомъ и не малаго вниманія заслу-

живающемъ происшествіи, не зная, было ли оно въ томъ мѣстѣ, гдѣ вы пребываніе свое имѣть изволите, и подъ какими обстоятельствами было оно тамъ чувствовано. Честь имѣю быть съ отличнымъ къ вамъ почитаніемъ, милостивый государь мой, вашего сіятельства покорный слуга графъ Разумовскій.

Октября 15, 1802 г. Батурина.

II. Отвѣтъ кн. А. Б. Куракина. Милостивый государь графъ Кириллъ Григорьевич! Съ чувствомъ полнѣйшей признательности получилъ почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 15 октября сего мѣсяца. Поставляю долгомъ во взаимности вашему сіятельству донесть, что не только здѣсь, но и во всѣхъ окрестностяхъ, сколько понынѣ не получаю я свѣдѣній, 14 текущаго мѣсяца въ одномъ и томъ же часу всюду было чувствуемо, землетрясеніе, но благодаря Провидѣнію, оно не влекло за собой никакихъ пагубныхъ послѣдствій. Пользуясь симъ случаемъ, дозвольте мнѣ, милостивый государь, возобновить въ памяти вашего сіятельства, что всѣ опыты вашего ко мнѣ благорасположенія наполняютъ душу мою чувствованіемъ живѣйшей благодарности и непоколебимаго чистосердечнаго прилепленія, и ничто столь много меня не утѣшитъ, какъ удостовѣреніе о вашемъ здоровье; я надѣюсь воспользоваться первою возможностью узнать сіе лично, представить вамъ мою жену и дѣтей, прѣѣхавшихъ нынѣ ко мнѣ, и симъ показать новый опытъ, что особеннѣйшою вмѣнію себѣ честью съ всесовершеннымъ высокопочитаніемъ на всегда быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорн. слугою кн. Куракинъ.

Полтава. 1802 года.

III. Донесеніе Пирятинскаго нижняго земскаго суда князю Куракину. Вашему сіятельству Пирятинскій нижній земскій судь рапортуетъ, что въ истекшей первой половинѣ сего мѣсяца октября во всемъ Пирятинскомъ повѣтѣ состояло благополучно, спокойно и никакихъ важныхъ произшествій и удивительныхъ въ натурѣ дѣйствій, равно и пожарей, не случилось и на пребываніи военныхъ дезертировъ и другихъ сомнительныхъ и беспаспортныхъ ни у кого не оказалось, кроме продолжавшаго сего октября 14 числа во второмъ часу сполдня черезъ три минуты землетрясенія. Засѣдатель Степанъ Ященко. Октября 16 д. 1802 года. (Арх. полт. губ. правленія по описи № 148).

Сообщ. И. Ф. Павловскій.

Два письма гр. Румянцева-Задунайского къ киевскому оберъ-коменданту Я. В. Ельчанинову¹⁾. 1) Отъ 24 января 1776 г. изъ Каинарджи. Милостивый государь мой Яковъ Васильевич! Домъ, въ которомъ живеть теперь Федоръ Матвѣевичъ, я оставляю въ полное его распоряженіе и ни малѣйше не помышляю тревожить спокойство сего смиренаго моего друга и заслуженова человѣка; а вмѣсто онаго хотѣлъ бы я знать о выгодахъ тамошняго двора и можно ли мнѣ въ ономъ помѣститься, чего для покорнѣйше въасъ прошу прислатъ ко мнѣ на встрѣчу оному плану, показавъ особливо въ примѣчаніи, буде есть комнаты такія, кои требуютъ починки, либо что по-порченное и изломанное или въ чемъ видимъ недостатокъ въ оныхъ. Я льшу (себя) удовольствиемъ вскорости увидѣть моего любезнаго друга, къ которому преисполнень я усердія и преданности. Имѣю честь быть в. п—ва покорнѣйшимъ слугою.

---

2) Отъ 12-го февраля того же года изъ Глухова. Изъ пріятнѣйшаго письма вашего вижу бл...-ное и обыкновенное вамъ для всѣхъ гостепріимство и для меня оказанное. Я не хотѣлъ бы лучше какъ съ вами и въ домѣ вашемъ жить, зная всѣ въ ономъ для меня выгоды, ежели бы, съ другой стороны, не приносилъ неминуемаго со мною по настоящей моей тамо за дѣломъ бытности беспокойства, коего я ни въ какомъ случаѣ вамъ сдѣлать не желаю, то по сей причинѣ, да и по сносной уже стужѣ, хотѣлось бы стать въ тамошнемъ дворцѣ, гдѣ надобное только необходимо число покоевъ приказать поправить и почистить прошу. Посылая съ симъ архитектора г. Квасова, есмъ съ совершеннымъ усердіемъ в. п—ва покорнѣйшимъ слугою.

Изъ архивовъ юго-западнаго края. Лъченіе укушенныхъ бѣщеными животными (способъ Кабаница). 4 апрѣля 1855 года инспекторъ ревизіонной кавалеріи генералъ-отъ-кавалеріи графъ Никитичъ сообщилъ исправляющему должностную подольскаго и волынскаго

---

¹⁾ Указомъ пр. сената отъ 2-го декабря 1775 г. киевскій генералъ-губернаторъ Фед. Матв. Воейковъ былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ, а до прїѣзда гр. Румянцева дѣла по управлѣнію губерніей поручены были Я. И. Ельчанинову, который и правилъ этими дѣлами до самой своей смерти 10-го февраля 1781 г.

генералъ-губернатора и кіевскаго военнаго губернатора князю Васильчикову, что въ госпиталяхъ округовъ военнаго поселенія кавалеріи введенъ спосѣбъ лѣченія людей отъ укушенія бѣшеными животными, изобрѣтенный крестьяниномъ Кабанцомъ; всѣ желающіе будутъ пользованы безвозмездно.

Получая приведенное увѣдомленіе и описаніе самаго спосѣба лѣченія, князь Васильчиковъ обратился къ министру внутреннихъ дѣлъ за указаніями.

Въ іюнѣ генералъ-адъютантъ Бибиковъ увѣдомилъ генералъ-губернатора о томъ, что спосѣбъ лѣченія былъ уже на разсмотрѣніи медицинскаго совѣта въ декабрѣ 1854 г. и можетъ быть расpubликованъ.

Описаніе спосѣба Кабанца: 1) Внутреннее лѣченіе. Укушенному бѣшенымъ волкомъ или собакою человѣку Кабанецъ даетъ внутрь: сперва порошокъ корня *блѣло го шильника* съ квасомъ, въ слѣдующей пропорці—порошка берется 3 раза столько, сколько помѣстится на концѣ обыкновенного остроконечнаго столоваго ножа; эти 3 доли всыпаются въ трехунцевый стаканъ, налитый обыкновеннымъ хлѣбнымъ квасомъ, размѣшиваются, и такую смѣсь укушенный выпиваетъ разомъ. Послѣ этого пріема тотчасъ дается больному такое же количество порошка изъ корня *желтаго шильника* съ квасомъ. Послѣдній пріемъ производить у больныхъ сильную рвоту, а иногда и поносъ. Когда укушенный успокоится послѣ рвоты, что обыкновенно бываетъ по прошествіи полу или трехъ-четвертей часа, тогда ему дается внутрь съ квасомъ, въ такой же пропорціи, порошокъ корня травы *сухозолотицы*. 2) Наружное лѣченіе. Укушенное, или только оцарапанное бѣшеною собакою мѣсто сперва натирается плотно огнестрѣльнымъ порохомъ, стертымъ въ мелкій порошокъ, потомъ, въ тотъ же часъ, на укушенное мѣсто насыпается обыкновенный зернистый порохъ, который должно посредствомъ фитиля, натертаго пороховою мякотью, воспламенить для необходимаго прижиганія укушенной раны.

Далѣе, если будутъ замѣчены подъ языкомъ укушенного бѣшеною собакою такъ называемые бѣлые червячки, а правильнѣе бѣленькие, едва видимые простымъ глазомъ пузырьки, то берется полувлажная суконка, напитывается съ одной стороны мелко истертymъ огнестрѣльнымъ порохомъ, вытирается ею вся подъязычная полость до истребленія пузырьковъ. Вытираніе порохомъ подъ языкомъ дѣ-

ляется только одинъ разъ. (Подлинное подпись штабъ-докторъ 2-го резервнаго кавалерійскаго корпуса статскій совѣтникъ Соколовъ).

21 іюня 1855 года о способѣ Кабанца генераль-губернаторомъ сообщено господамъ губернаторамъ юго-западнаго края.

Сообщ. А. Мѣрдеръ.

Музей И. П. Котляревскаго. Въ недавнее время, подъ впечатлѣніемъ торжествъ по поводу открытия памятника И. П. Котляревскому, харьковское историко-филологическое общество пришло къ мысли учредить при своемъ этнографическомъ музеѣ особый отдѣль, посвященный памяти родоначальника новой украинской литературы. Въ этотъ отдѣль, который впослѣдствіи можетъ быть преобразованъ въ самостоятельный музей, должно войти рѣшительно все, что такъ или иначе связано съ именемъ и памятью знаменитаго писателя, какъ-то: а) подлинныя рукописи Котляревскаго и принадлежавши ему предметы; б) его портреты; в) изданія его сочиненій; г) различные рисунки, относящіяся къ его біографіи; д) иллюстраціи къ его произведеніямъ; е) материалы для его біографіи, а равно печатныя статьи и изслѣдованія, касающіяся его жизни и дѣятельности; ж) рисунки, изданія и прочіе предметы, относящіеся къ торжествамъ въ честь его, и т. под. Въ настоящее время отдѣль музея имени Котляревскаго открытъ, но пополняется онъ слабо, такъ какъ у учёного общества нѣть средствъ для покупки предметовъ и оно вынуждено разсчитывать, главнымъ образомъ, на пожертвованія со стороны почитателей поэта.

Отъ души привѣтствуя прекрасное начинаніе харьковского историко-фил. общества, мы, съ своей стороны, обращаемся къ нашимъ читателямъ съ просьбою оказать ему содѣйствіе присылкою предметовъ, могущихъ войти въ составъ музея, посвященнаго національному генію. Просылки могутъ быть адресованы: въ Харьковъ, въ историко-филологич. общество при университѣтѣ.

Письмо въ редакцію. Многоуважаемый Господинъ Редакторъ! Въ виду исторической точности, усердно прошу Васъ помѣстить въ журналъ «Кievskoy Stariны» нижеслѣдующія строки.

Въ № 45 текущаго года газеты «Областное обозрѣніе и Вѣстникъ казачьихъ войскъ», издаваемой въ Петербургѣ, помѣщена, за

подписью Г. И. Дмитренка, небольшая статья, посвященная памяти по-слѣдняго кошевого атамана Запорожской Січи, П. И. Кальнишевскаго. Въ этой небольшой статьѣ допущено нѣсколько неточностей, которых не должны быть оставлены безъ вниманія.

Прежде всего въ ней говорится о томъ, будто бы Кальнишевскій былъ выбранъ въ кошевые атаманы 1 января 1765 года.

Это невѣрно: Кальнишевскій выступилъ въ роли кошевого атамана уже съ половины 1762 года, о чёмъ свидѣтельствуетъ нижеслѣдующая надпись, сдѣланная на евангеліи, принесенномъ имъ самимъ въ даръ Свято-Троицкой церкви с. Пустовойтовки, теперешней полтавской губерніи, роменского уѣзда, откуда онъ происходилъ родомъ.

«Сія книга евангеліе въ церковь свято Троицкую села Пустовойтовки издѣлано стараніемъ и коштомъ войска запорожскаго Низового войскового Суды нынѣ уже Кошевого Атамана Петра Ивановича Калнишевскаго за здравіе его и за упокой умершаго Ивана Агафіі Зиновіі еже въ живыхъ Андрея, Параскавеи, Симеона, Андрея и Іосифа еще въ живыхъ пребывающаго, оному жъ Евангелію цена пять сотъ рублей подписана въ сѣчѣ запорожской 1762 году іюля 3 дня».

Повидимому эта надпись сдѣлана была, какъ дополненіе, нѣсколько позднѣе двухъ надписей, вырѣзанныхъ раньше,—одной на верхней серебряной доскѣ, другой—на внутреннемъ борту нижней, также серебряной доски.

«Сія книга евангеліе издѣлано коштомъ войска запорожскаго низового судіи войскового Петра Ивановича Калнишевскаго. Въ церковь святотроицкую села Пустовоїтовки 1762 году цена жъ оному пять сотъ рублей».

Затѣмъ и неполно и неточно передана у г. Дмитренка надпись, сдѣланная на нагробной плитѣ Кальнишевскаго, лежащей надъ его прахомъ въ Соловецкой обители, возлѣ алтарной части собора.

Вотъ какъ передаетъ ее г. Дмитренко:

«Господь нашъ Іисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ иасъ, не хочетъ смерти грѣшника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго кошевого бывшей когда-то (?) Запорожской грозной Січи (?) казаковъ атамана Калнишевскаго, сосланного въ сію обитель по Высочайшему повелѣнію 1776 года на смиреніе. Онъ въ 1801 году по Высочайшему повѣленію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель, въ коей обрѣлъ душевное спокойствіе смиреннаго христіанина, искренно познавшаго свои вины.

Скончался 1803 года октября 23 дня (?), въ субботу, 112 лѣтъ отъ роду, смертию благочестивою доброю».

Въ 1887 году я посѣтилъ Соловецкій монастырь, довольно долго работалъ въ мѣстномъ архивѣ, видѣлъ могилу Кальнишевскаго, скопировалъ и сфотографировалъ надпись, сдѣланную на его надгробной плитѣ, нашелъ нѣсколько документовъ, проливавшихъ свѣтъ на положеніе страдальца въ мрачной тюрмѣ, и все это своевременно напечаталъ въ трехъ моихъ трудахъ: „Запорожье въ остаткахъ старины“, „Матеріалы для запорожскихъ козаковъ“, „По слѣдамъ запорожцевъ“.

Вотъ что у меня было напечатано и вотъ что у меня имѣется теперь на фотографическомъ снимкѣ:

„Господъ нашъ Іисусъ Христосъ положилъ душу свою на крестѣ за всѣхъ насть не хочетъ смерти грѣшника. Здѣсь погребено тѣло въ Бозѣ почившаго Кошевого бывшей некогда залорожской грозной Сѣчи козаковъ атамана Петра Кольнишевскаго, сосланнаго въ сю обитель по Высочайшему повелѣнію въ 1776 году на смиреніе. Онъ въ 1801 году по Высочайшему повелѣнію снова былъ освобожденъ, но уже самъ не пожелалъ оставить обитель въ коей обрѣль душевное спокойствіе смиреннаго христіанина искренно познавшаго свои вины. Скончался 1803 года октября 31 дня въ Суб. 112 лѣтъ отъ роду, смертию благочестивою доброю. Блаженни мертвіи умирающіи о Господѣ: Аминь 1856 (Адамова голова) А. А.“.

Какъ видимъ, кромѣ недостающаго конца и нѣкоторыхъ мелкихъ неточностей, у г. Дмитренка допущена ошибка въ днѣ кончины Кальнишевскаго: онъ заставляетъ умирать его не 31 октября, а 23-го.

Въ свое время я также хлопоталъ у наследниковъ и издателей „Крестнаго календаря“ А. А. Гатцука занести въ дни кончины замѣчательныхъ людей на 31 октября и фамилію послѣдняго кошевого атамана П. И. Кальнишевскаго, и издатели исполнили мою просьбу.

Также точно невѣрно передана у г. Дмитренка и надпись на томъ замѣчательномъ евангеліи, которое было сооружено Кальнишевскимъ въ обитель св. Преображенія и преподобныхъ Зосима и Савватія (сравни у г. Дмитренка и въ названныхъ моихъ сочиненіяхъ).

Въ 10 № „Кievskoy Stariiny“ также была напечатана статья г. Г. Б. „Ко дню столѣтней кончины П. Кальнишевскаго“.

Перечитывая эту статью, я въ ней также не нашелъ ни полноты, ни точности относительно надписи на плитѣ Кальнишевскаго и оставленныхъ имъ вещей Соловецкой области. Такъ, надгробная над-

пись почему-то у г. Г. Б. приведена не сполна,—безъ трехъ начальныхъ строкъ, хотя день смерти Кальнишевскаго указанъ точно, 31 октября; надпись на евангелии также не полна и не совсѣмъ точна (сравни „По слѣдамъ запорожцевъ“, стр. 186, и статья Г. Б., стр. 207).

О запрестольномъ четырехъ-конечномъ крестѣ, пожертвованномъ Кальнишевскимъ въ обитель, г. Б. не говоритъ вовсе, а между тѣмъ на немъ имѣется слѣдующая надпись:

«Сей крестъ сдѣланъ вкладомъ Петромъ Ивановымъ Кошевымъ 1794 года, вѣсь тринадцать фунтовъ (48) сорокъ восемь золотыхъ», т. е. золотниковъ.

О тѣхъ архивныхъ документахъ, которые находятся въ Соловецкомъ монастырѣ и которые касаются личности Кальнишевскаго, г. Г. Б. также умалчиваетъ, хотя онъ и посѣтилъ лично Соловецкую обитель въ настоящемъ году.

Д. И. Эварницкий.

Будаковка, миргородского уѣзда.

Колядки. Предлагаемыя колядки, записанныя въ Подольшинѣ, принадлежать къ группѣ колядокъ самыхъ древнихъ, касающихся мотивовъ любовно-бытовыхъ, еще не связанныхъ даже съ полународною легендою рождественскою, а имѣющихъ, быть можетъ, древнемиѳологическую основу. Образцы колядокъ этого типа были помѣщены на страницахъ нашего журнала, но предлагаемые номера всѣ же представляютъ интересъ, какъ любопытные варианты. Особенно интересенъ конецъ 3-ей колядки; мотивъ обѣщанія соколомъ награды молодцу за пощаду жизни не новъ, (хотя все-же довольно рѣдокъ),—но намъ не приходилось встрѣчать его съ такими поэтическими метафорами, какъ упоминаемыя въ этой подольской колядкѣ:—душистыя «гатки зеленои мяты», звонъ «палей въ быти таляры» и т. д...

Къ сожалѣнію, колядки записаны, какъ намъ кажется, не совсѣмъ точно, по отношенію къ размѣру стиховъ, едва-ли могущихъ въ такомъ видѣ, какъ они написаны, уложиться въ опредѣленный музыкальный мотивъ; вѣроятно, въ пѣніи эти строки получали одинаковую музыкальную стройность посредствомъ повторенія полустиха, или прибавки частипъ «ой», «та» и другихъ, обыкновенно употребляемыхъ въ этомъ случаѣ при самомъ пѣніи. (Поэтому такъ полезно бываетъ записанную, иногда со словъ, пѣсню—снова провѣрить *по пѣнію*,

чтобы сгладить невольную неточность записи, выправить её соответственно исполнению въ пѣнніи).—Въ помѣщаемыхъ колядкахъ замѣчаются также искаженія самыхъ словъ (б. м. явившіяся и не по винѣ записывавшаго): такъ, наприм., слово *гришная* панна (въ 3-ей строкѣ 1-й колядки) стоитъ, вѣроятно, вмѣсто *гречная* панна,—старое слово, особенно присущее правобережному говору и представляющее довольно обычный эпитетъ старыхъ веснянокъ и колядокъ («гречная панна», «гречный молодецъ»). Такимъ же искаженіемъ кажется намъ и выраженіе «*терновый винокъ*» (въ концѣ 2-й колядки): обыкновенно употребляется въ старыхъ колядкахъ эпитетъ: «*перловый винокъ*», (или «*павовый винокъ*», но не терновый).

Во всякомъ случаѣ, всѣ три подольскія колядки представляютъ большой интересъ по своему содержанію—колядокъ древнихъ, записи которыхъ особенно желательны, какъ типовъ въ настоящее время уже рѣдкихъ, вытесненныхъ колядками послѣдующихъ типовъ,—«божественными»...

Ped.

№ 1.

Ой въ чистимъ поли по край дорогы
 Стоить коршомка муроvanaя,
 А въ тій коршомци гришная (*гречная*) панна,
 Шынкуе вона трома шынкамы:
 (*Що*) Першимъ шынкомъ—солодкымъ медкомъ,
 А другымъ шынкомъ—пывомъ, та выномъ.
 Прыйшли до неи три товариши;
 Ой пылы, пылы та не платылы,
 А вона у ныхъ заставы взяла:
 (*Въ*) Первого взяла вороного коня,
 (*Въ*) У другого взяла ясну шабельку,
 (*Въ*) У третьего взяла золотый перстенькъ;
 Вороного коня батеньку дала,
 Ясну шабельку братику дала,
 Золотый перстень сама сходыла.
 За цимъ-же словомъ бувай-же здорова...

№ 2.

А въ субботу та пораненьку
 Рано встала ¹⁾, косу чесала;

¹⁾ Должно быть имя дѣвушки (напр. „Ганнуся встала косу чесала“).

Прышлы до неи подругы іі:
— Кыдай, (*Ганнесю?*) косу чесаты
Та иды зъ намы колядуваты.
--- Подругы мои, николы мени;
Бо мій братикъ (*братичокъ*) зъ войны прыйихавъ,
Прывизъ (*вінъ*) мени три подарочки:
Першыі подарокъ—золотый перстень,
Другій подарокъ—терновый (*перловый*) винокъ,
Третій подарокъ зеленая шуба.
Золотый перстень на руци сяе,
Терновый винокъ голову стеле,
Зеленая шуба слиць замитае.

№ 3.

Надъ дворомъ, дворомъ,
Надъ сынимъ моремъ,
Стоить дерево тонке, высоке, (2?)
Листомъ широке.
Листомъ широке, верхомъ кучеряве,
А на тыхъ кучерахъ соколы сидять.
Красный панычъ нашъ лукъ направляе, (2?)
Соколивъ стриляе;
А воны его хорошо просять:
— Красный панычу, не стриляй-же насть,
Не стриляй-же насть, не забавляй-же насть.—
Мы-жъ тоби станемъ въ великой прыгоди:
(*Ой*) Якъ ты будешъ молодый (*молодъ*) женыться,
Якъ ты будешъ зъ своею панею йихать,—
Зазвеняять пали въ быти таляри,
Запахнуть гаткы зеленои мятки,
Зацвитуть поля сынімъ дженжуромъ.

(Собралъ А. Грепачевскій,—въ с. Мизяк. Хуторахъ, винницкаго уѣзда).

Къ юбилею Н. В. Лисенка. Въ дополненіе къ рапъше присланнімъ въ нашу редакцію 4852 р. 83 к. (см. № 12-й 1903 г., стр. 141—143) для поднесенія подарка Н. В. Лисенку въ день празднованія 35-тилѣтія его музыкальной дѣятельности, вновь поступило: 1) Е. К. Тимченко—3 р.; 2) М. Н. Тимченко—3 р.; 3) Ю. Л. Крамаренко—5 р.; 4) З. И. Krakовецкій—5 р.; 5) З. и И. Мѣрные—5 р.; 6) П. Р. Тимошокъ—5 р.; 7) И. Ф. Винда—5 р.; 8) А. П. Пучковскій—3 р.; 9) Х. В. Бѣлицкій—3 р.; 10) П. А. Стаховскій—3 р.; 11) И. Ф. Захарьевичъ—3 р.; 12) З. Г. Krakовецкая—2 р.; 13) П. Г. Петрушевскій—2 р.; 14) А. О. Лашченко—2 р.; 15) Л. Ф. Жеребко—2 р.; 16) Н. И. Глядѣй—2 р.; 17) П. О. Куриный—2 р.; 18) С. Я. Хотскій—2 р.; 19) В. И. Вишневскій—2 р.; 20) Г. П. Кушаковъ—2 р.; 21) Ф. И. Колесницкій—2 р.; 22) В. К. Лисовскій—2 р.; 23) К. А. Калиновскій—2 р.; 24) Я. С. Этингеръ—2 р.; 25) А. И. Фельманъ—1 р.; 26) Л. Т. Терлецкая—1 р.; 27) Ф. И. Савченко-Боженко—1 р.; 28) А. И. Тарубаровъ—1 р.; 29) С. Р. Френкель—1 р.; 30) И. Г. Дергунъ—1 р.; 31) В. А. Пашковскій—1 р.; 32) С. Л. Логовинскій—1 р.; 33) Колпакчи—1 р.; 34) Л. Ф. Пархоменко—1 р.; 35) Ф. А. Фаевъ—1 р.; 36) Н. Г. БѣлыЙ—1 р.; 37) Г. И. Калиновскій—1 р.; 38) В. И. Попель—1 р.; 39) А. С. Гончаренко—1 р.; 40) Н. И. Кожемяка—1 р.; 41) А. И. Назаревскій—50 к.; 42) Н. И. Пятковскій—50 к.; 43) Гнатъ ЯструбецкыЙ—5 р.; 44) И. Римаревскій—2 р.; 45) К. М.—1 р.; 46) М. Н. Требинская—5 р.; 47) П. Скрипчинскій—1 р.; 48) П. Д. С.—1 р.; 49) А. И. Штишевскій—3 р.; 50) А. Т. Ушановъ—1 р.; 51) Б. С. Познанскій—10 р.; 52) М. Н. Качура—5 р.; 53) Изъ Лубенъ выручен. со спектакля—54 р.; 54) С. И. Андрушукъ—5 р.; 55) Я. Г. Демченко—100 р.; 56) В. В. Тарновскій—100 р.; 57) С. В. Глинка—25 р.; 58) Я. О. Ботвиновскій—1 р.; 59) С. А. Ширай—10 р.; 60) М. Цибульскій—2 р.; 61) Н. В. Гвоздикъ—5 р.; 62) С. А. Д. (изъ Бѣлостока)—5 р.; 63) Ж-къ, З-цъ, М-въ, Кт-ій (изъ Симферополя)—3 р.; 64) Туробойскій—25 р.; 65) Александровичъ—25 р.; 66) Панкевичъ—5 р.; 67) Витвицкій—5 р.; 68) Яциневичъ—5 р.; 69) Канивецкій—3 р.; 70) Селюкъ—2 р.; 71) Лилье 5 р.; 72) Тимченко—2 р.; 73) Николаевъ—5 р.; 74) Липко—2 р.; 75) Сєреда—6 р.; 76) Гонюндзскій—5 р.; 77) Листовничій—5 р.; 78)

И. П. Болюбашъ—75 р.; 79) А. С. Толочиновъ—15 р.; 80) А. И. Гдѣшинскій—3 р.; 81) Г. И. Грушевскій—3 р.; 82) Ивановъ—1 р.; 83) В. П. Солуха—2 р.; 84) Павловъ—1 р.; 85) Б. С. Хаимовскій—3 р.; 86) С. Ф. Мизецкій—1 р.; 87) NN (изъ Златополя)—1 р.; 88) Г. Ф. Замедянскій—1 р.; 89) Новицкій—5 р.; 90) Ф. І. Мѣрный—2 р.; 91) Л. И. Воеводскій—1 р.; 92) Е. М. Бриксманъ—3 р.; 93) Ксен. Заіончковскій—2 р.; 94) Г. Е. Линникъ—2 р.; 95) С. Г. Метть—1 р.; 96) Н. П. Чернушевичъ—3 р.; 97) П. Г. Турчановичъ—1 р.; 98) С. Л. Гальперинъ—1 р.; 99) Бѣлевичъ—3 р.; 100) Мыслицкій—3 р.; 101) Н. И. Любистковъ—1 р.; 102) В. Скрипчинскій—1 р. 50 к.; 103) отъ почитателей изъ с. Богачки—4 р. 20 к.; 104) изъ товариства «Дністеръ»: урядники «Дністра» 50 кор. 70 сот., укр.-руськи товариства въ Черемышли 100 кор., укр.-руськи товариства въ Тернополи 100 кор., кружокъ украин. дивчатъ у Львови, 30 кор., о. Н. Кумаповскій—10 кор., Иванъ Щурковскій 4 кор., В. Федоровичъ 2 кор., о. Иванъ Иванчуку 2 кор., Петро Давидовскій 1 кор., И. Яремкевичъ 30 сот.—всего 300 кор., т. е. 118 р. 60 к.; 105) М. К. Запковецкая—25 р.; 106) М. Л. Кропивницкій—25 р.; 107) Русыны миста Ярослава—19 р.; 108) Л. А. Ждановъ—10 р.; 109) В. В. Боржковскій—3 р.; 110) З. А. Линдфорсъ—10 р., 111) Ив. и Вѣра Храпаль—2 р.; 112) М. Леонтовичъ—7 р.; 113) Ел. Клопотовскій—1 р.; 114) Тульчины—4 р. 10 к.; 115) М. К. Васильевъ—50 р.; 116) Л. А. Бокій—10 р.; 117) Черезъ Наукове Товар. имени Шевченка: Тов. им. Шевченка 253 кор., М. Грушевскій 20 кор., д-ръ И. Франко—20 кор., Ол. Борковскій—3 кор., Ол. Барвинскій—10 кор., В. Биленький—2 кор., Б. Барвинскій—2 кор., І. Чапельський—3 кор., А. Хойнацкій—5 кор., Е. Харкевичъ—10 кор., Л. Ізегельський—2 кор., А. Дольницкій—3 кор., С. Дністрианскій—4 кор., С. Федякъ—10 кор., С. Громныцкій—4 кор., Ф. Ганинчакъ—2 кор., Т. Грушковичъ—2 кор., Я Грушковичъ—2 кор., В. Гнатюкъ—5 кор., І. Ясеницький—5 кор., К. Ерми—5 кор. В. Коцковскій—3 кор., І. Кокорудз—4 кор., О. Колесса—10 кор., Я. Кулачковскій—2 кор., Л. Коссакъ—5 кор., Г. Кысиль—2 кор., В. Левицький—2 кор., М. Лужныцький—1 кор., І. Махухъ—5 кор., В. Нагирный—5 кор., П. Огоновскій—4 кор., Г. Оголовскій—4 кор., Е. Озаркевичъ—3 кор., К. Паньківскій—10 кор.

Ю Романчукъ—10 кор., С. Рудныцкыи—4 кор., Т. Реваковычъ—10 кор., І. Рудовычъ—2 кор., Д. Савчукъ—3 кор., О. Стефановичъ—4 кор., Ш. Сельський—10 кор., М. Шухевичъ—3 кор., К. Студинський 11 кор., Ю. Сичинський—5 кор., В. Тиховський—4 кор.,—всего 500 кор., т. е. 197 руб.; 118) С. И. Эрастовъ—5 р.; 119) Н. В. Левитскій—5 р.; 120) Х. П. Олейниковъ—10 р.; 121) Ю. Ю. Цвѣтковскій—15 р.; 122) С. Исакова—5 р.; 123) Л. Кардиналовская—5 р.; 124) В. И. Бордычевская—1 р.; 125) А. Ш-ха—15 р.; 126) Н. А. Добротворскій—10 р.; 127) А. Л. Глѣбовъ—3 р.; 128) С. Е. Струменскій—2 р. 90 к.; 129) Н. Я. Константиновичъ—10 р.; 130) Еар. Ф. Р. Штейнгель—10 р.; 131) Янченко—10 р.; 132) М. О. Лободовскій—3 р.; 133) О. И. Л.—10 р.; 134) видъ Черкассцівъ—20 р., 135) докт. Г. Ф. Писемскій—15 р. 65 к.,—всего вмѣстѣ съ прежними 6159 р. 78 к. Изъ этихъ денегъ 286 р. присланы билетомъ Дворянскаго съ выигрышами займа, 1000 р. предназначена, согласно волѣ жертвователя, не издание произведеній Н. В. Лисенка, а остальная сумма въ размѣрѣ 4873 р. 78 к., къ которымъ будуть присоединены всѣ дальнѣйшія присылки, будетъ употреблена на приобрѣтеніе для Н. В. Лисенка, по его выбору, дачной усадьбы вблизи Киева, гдѣ-бы онъ могъ въ лѣтнее время найти для себя отдыхъ послѣ тяжелаго зимняго труда.

Сверхъ того, во время празднованія юбилея нѣкоторыми почитателями юбиляра было прислано въ пашу редакцію 207 р. 49 к., какъ основа капитала для созданія въ Кіевѣ музикальной школы имени Н. В. Лисенка.

ТѢКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Къ чествованію 35-лѣтняго юбилея Н. В. Лисенка. Кромѣ двухъ пунктовъ,—Львова и Киева,—въ которыхъ состоялись очень торжественные празднества въ честь 35-тилѣтія музикальной дѣятельности нашего талантливаго композитора и собирателя народныхъ украинскихъ мотивовъ, Н. В. Лисенка, и о которыхъ мы дали отчетъ въ особой статьѣ (см. отд. 1-й),—болѣе скромныя празднества состоялись до сихъ поръ, насколько намъ известно, и въ другихъ городахъ.—Такъ, у насъ въ рукахъ имѣется программа «хорового русско-малорус-

скаго концерта» подъ управлениемъ А. Кошица, въ г. Ставрополѣ; концертъ этотъ состоялся по поводу юбилея Н. В. Лисенка 15-го декабря. Въ составѣ номеровъ, исполненныхъ въ этотъ вечеръ, были: 1) «Иванъ Гусъ», изъ поэмы Т. Шевченка, муз. Лисенка; 2) Гей по морю синѣму», народная пѣсня, аранжиров. Лисенкомъ; 3) „Про Куперьяна», народная пѣсня, аранжир. Лисенкомъ; 4) «Ой що жъ бо то за воронъ», народн. пѣсня, аранжир. Лисенкомъ; 5) «Ой у поли три крыныченьки», народная пѣсня, аранжиров. Лисенкомъ; 6) «Ой тысяча симсотъ девяносто первого року», народная пѣсня, аранжиров. А. Кошицемъ;—7) „Журавель“, народная пѣсня, аранжиров. Кошицемъ.— Въ г. Лубнахъ (полт. губ.) состоялся спектакль въ честь юбиляра; поставлена была піеса Л. А. Яновской «Лисова квітка» любительскими силами.

Кромѣ того, намъ извѣстно, что Киевское Общество Грамотности постановило устроить народный концертъ въ честь юбиляра; концертъ этотъ, какъ предполагается, состоится 18-го февраля въ театрѣ Киевского Общества Грамотности. Въ Петербургѣ, какъ мы слышали, состоится концертъ въ честь Н. В. Лисенка, на второй недѣлѣ великаго поста.

Неизданныя сочиненія В. Н. Каразина. Проф. Д. И. Багалѣй внесъ въ совѣтъ университета докладъ, въ которомъ предлагалъ означеновать открытие памятника В. Н. Каразину, положившему основаніе харьковскаго университета, изданіемъ въ свѣтъ полнаго собранія его сочиненій и писемъ. Проф. Багалѣй указываетъ, что В. Н. Каразину принадлежитъ цѣлый рядъ трудовъ, имѣющихъ большой общественный и научно-литературный интересъ. Они касаются самыхъ разнообразныхъ вопросовъ и тѣснымъ образомъ связаны съ его широкою общественною дѣятельностью. Не будучи ученымъ по профессіи, В. Н. Каразинъ въ то же время съ любовью занимался нѣкоторыми науками, имѣлъ химическую лабораторію и метеорологическую станцію въ своемъ селеніи Крючикѣ и сдѣлалъ нѣсколько работы, которыя представляли и практическій интересъ. Въ области метеорологии онъ въ Южной Россіи предварилъ нѣкоторыя позднѣйшія изысканія. Его прекрасные научные опыты, выразившіеся въ устройствѣ опытного поля, представляютъ значительный интересъ, также точно, какъ и вся его дѣятельность по основанному и руководимому имъ филотехническому обществу. Большой интересъ представляютъ и его записки полити-

ческаго характера. Заслуживають изданія и его письма, въ которыхъ проявились его характеръ и кипучая натура. Между тѣмъ, до сихъ поръ все это богатое умственное наслѣдіе, можно сказать, оставалось подъ спудомъ, ибо частью вовсе не было издано, а частью было напечатано въ такихъ повременныхъ изданіяхъ, которыя имѣются только въ Императорской публичной библіотекѣ и представляютъ величайшую библіографическую рѣдкость. Собранія же его сочиненій, даже неполнаго, не было.

Проф. Багалѣй, предлагая собрать и издать сочиненія В. Н. Каразина, полагалъ, что сумма, затраченная на это, будетъ выручена цѣлкомъ отъ продажи сочиненія, и высказалъ желаніе, чтобы она предназначена была на какое-либо просвѣтительное дѣло, связанное съ именемъ В. Н. Каразина, напр., для учрежденія преміи его имени для студентовъ за лучшія работы по исторіи и современному состоянію столъ любимой имъ «Украины», подъ которою онъ разумѣлъ нынѣшнюю харьковскую губернію.

По обсужденіи этого предложенія, совѣтъ университета призналъ изданіе сочиненій и писемъ В. Н. Каразина желательнымъ и постановилъ: 1) присоединить къ числу намѣченныхъ совѣтомъ университета юбилейныхъ изданій—изданіе полнаго сборника сочиненій и писемъ В. Н. Каразина, 2) просить проф. Д. И. Багалѣя принять на себя трудъ по собиранію сочиненій и писемъ В. Н. Каразина и по редактированію этого сборника, 3) внести въ смѣту специальныхъ средствъ университета 1,500 руб. на расходы по этому изданію и 4) сумму, какая имѣеть быть выручена отъ продажи сборника сочиненій и писемъ В. Н. Каразина, обратить на какое либо просвѣтительное дѣло, связанное съ именемъ Каразина, согласно предложенію проф. Д. И. Багалѣя.

Крестьяне-артисты. По словамъ «Полт. Вѣст.» въ лохвицкомъ уѣздѣ, по инициативѣ самихъ крестьянъ, образовались три народныя труппы, прекрасно ставящія малороссійскіе спектакли. Въ составѣ этихъ труппъ неѣтъ ни единаго дипломированного интеллигента, въ нихъ участвуетъ исключительно крестьянская молодежь, состоящая изъ бывшихъ и настоящихъ учениковъ земскихъ школъ.

М. Л. Кропивницкій взялъ на себя высшее руководство этими народными артистами, и талантливость, вдумчивое отношеніе къ дѣлу

и пониманіе изображаемыхъ типовъ невольно останавливаютъ взиманіе каждого, кто видѣлъ игру лохвицкихъ актеровъ-крестьянъ.

Безплатный сельскій спектакль. Дѣло народнаго украинскаго театра въ селахъ начинаетъ все сильнѣе развиваться. Такъ, у насъ въ рукахъ есть афиша о состоявшихся 6 и 7 декабря прошлаго года спектакляхъ въ с. Жеребцѣ, Александровск. уѣзда. Поставлена была кружкомъ любителей драматического искусства известная пьеса Карпенка-Карого «Бурлаки». Входъ на оба спектакля былъ бесплатный. Представленія происходили въ домѣ сельскаго общества.

Украинскій театръ въ Киевѣ. Съ конца ноября въ Киевѣ гоститъ малорусская труппа А. К. Саксаганскаго и Н. К. Садовскаго. Какъ по своему составу (г-жи: Борисоглѣбская, Войцеховская, Линицкая, Онищенко, Садовская, Суслова, Тобилевичъ и др.; г-г. Дзбановскій, Зайченко, Карпенко-Карый, Ласкавый, Панківскій, Позняченко, Садовскій, Саксаганскій, Чечорскій и др.), такъ и по серіозности отношенія къ дѣлу, отмѣченной глубокимъ сознаніемъ возможности служенія родному искусству,—эта труппа удовлетворяетъ самыемъ высокимъ требованіямъ, которыхъ могутъ предъявляться къ театру. Въ самомъ дѣлѣ, наличность крупныхъ, могущихъ сдѣлать честь любому европейскому театру талантовъ, рядъ молодыхъ многообѣщающихъ силъ, носящихъ слѣды серіозной школы, тщательность постановки пьесъ, вообще вполнѣ художественный ансамбль,—ставитъ труппу такихъ опытныхъ и умѣлыхъ режиссеровъ, какъ г-г. Саксаганскій и Садовскій на первое мѣсто.—Что касается репертуара, то онъ, отличаясь, за нѣкоторыми незначительными исключеніями, строгимъ подборомъ прежнихъ пьесъ известныхъ драматурговъ,—правда не вполнѣ использованныхъ,—даетъ намъ и нѣсколько новинокъ, заслуживающихъ полнаго вниманія. Киевляне уже имѣли возможность познакомиться и оценить историческую драму г. Карпенка-Карого: «Гандзя», являющуюся немалымъ пріобрѣтеніемъ для украинской сцены. На очереди стоять пьеса того-же автора: «Сутета». Интересъ и жизненность сюжета—отношеніе отцовъ и дѣтей—возбуждаютъ всеобщее вниманіе къ новому произведенію этого, по выражению г. Франка, «першого нині майстера на полі української драматичної літератури». Даље пойдеть пьеса г. Франка—«Украдене щастя». Это первый опытъ познакомить Томъ 84—Январь, 1904.

украинскую публику съ творчествомъ галицкихъ авторовъ. Имя Франка, художественная постановка нашей труппы,—все это является залогомъ успѣха этого перваго важнаго шага. Ограничиваемся теперь краткимъ упоминаніемъ, такъ какъ въ одной изъ ближайшихъ книгъ мы намѣрены подробнѣе остановиться на новинкахъ украинскаго репертуара, которыми подарила насъ гостящая труппа.

Сердечно привѣтствуя дорогихъ гостей и принося искреннюю благодарность отъ лица украинской публики за высокое эстетическое удовольствіе, доставляемое имъ талантливой игрой, мы отъ души желаемъ имъ силь еще много и много лѣтъ съ прежней бодростью отдаваться самоотверженному служенію украинской сценѣ, являясь ея украшеніемъ, и смѣло идти на встрѣчу лучшему будущему родного искусства.

Полтавское общество взаимопомощи въ Петербургѣ. Какъ сообщаеть «Полт. Вѣстн.» (№ 290), 1 декабря начало функционировать вновь организованное въ Петербургѣ Полтавское общество взаимопомощи, устроенное полтавцами—учасцими съ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ столицы. Члены-учредители этого общества рѣшили включить въ составъ своего общества всѣхъ петербургскихъ студентовъ—уроженцевъ полтавской губерніи, а также и всѣхъ тѣхъ, кому приходилось учиться въ учебныхъ заведеніяхъ полтавской губерніи. Вслѣдствіе этого число членовъ общества значительно превысило цифру 120, какая намѣчена была раньше. Увеличеніе же числа участниковъ общества повлекло за собою уменьшеніе взноса ихъ. По окончательному рѣшенію участниковъ общества, каждый изъ нихъ вноситъ при своемъ вступлениі въ общество единовременно 50 копѣекъ. Кромѣ взносовъ участниковъ общества, суммы его пополняются частью доходовъ отъ устраиваемыхъ въ Полтавѣ студенческихъ вечеровъ,—что доставить рублей 300—400 въ годъ, а также пожертвованіями нѣкоторыхъ благотворителей, каковыя предвидятся уже. Капиталъ общества раздѣляется на двѣ части—запасный и оборотный; запасный капиталъ составляетъ 25% всего капитала общества. Ссуды выдаются незначительны—60 рублей—бессрочно, т. е. до окончанія учебнаго заведенія и поступленія на службу дѣлающаго заемъ. Кассиръ общества, его помощникъ и члены совѣта—уже избраны. На будущее время рѣшено, чтобы новые члены вступали въ общество не иначе, какъ по

рекомендациі трехъ членовъ учредителей. Въ февралѣ 1904 г. будеть образована ревизионная комиссія, которая и произведеть ревизію суммъ общества къ 1 марта 1904 года.

Конкурсъ галицко-русскаго благотворительного общества въ Петербургѣ. Галицко-русское благотворительное общество объявило конкурсъ на премію въ 200 рублей за лучшее популярное сочиненіе о дѣятельности св. митрополита Петра въ дѣлѣ объединенія русской земли. Срокъ представленія сочиненій на конкурсъ—1 ноября 1904 г.

Засѣданіе предварительного комитета по устройству археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ. 11-го декабря въ квартирѣ губернскаго предводителя дворянства М. И. Миклашевскаго состоялось засѣданіе предварительного комитета по устройству археологическаго съѣзда. Секретарь комитета Я. Г. Гололобовъ доложилъ о томъ, что имъ были разосланы въ количествѣ 4 тысячъ экземпляровъ программы, какъ по собиранию древностей, такъ и по этнографіи; программы эти разосланы въ разныя мѣста губерніи. На многие изъ нихъ получены отвѣты. Главнымъ образомъ отвѣты получены отъ учителей и завѣдующихъ земскими и церковно-приходскими школами, есть также отвѣты и отъ частныхъ лицъ. Послѣ этого профессоръ Д. И. Эварницкій прочелъ свой докладъ о произведенныхъ имъ въ новомосковскомъ и верхнеднѣпровскомъ уѣздахъ раскопкахъ, о его изслѣдованіяхъ запорожской старины въ нѣсколькихъ селеніяхъ и добытыхъ имъ предметахъ запорожской старины для музея. Чрезвычайно живо и интересно составленный докладъ былъ прослушанъ съ большимъ вниманіемъ и вызвалъ большой интересъ въ слушателяхъ.

О раскопкахъ и приобрѣтеніяхъ для областного музея въ Екатеринославѣ, сдѣланныхъ профессоромъ Д. И. Эварницкимъ. Профессоръ Д. И. Эварницкій возвратился изъ полтавской губерніи въ Екатеринославъ и привезъ съ собою цѣлый рядъ чрезвычайно цѣнныхъ въ археологическомъ отношеніи предметовъ, частью найденныхъ имъ при раскопкахъ, частью подаренныхъ ему разными лицами.

Чудной работы бюстъ Г. А. Шевченко, вылѣпленный изъ глины подъ бронзу въ миргородской художественной, имени Гоголя, школѣ по указаніямъ академика Балавинскаго. Запорожская рушница (ружье) художественно отдѣланная слоновой и черной костью съ инкрустациими. Ружье это подарено профессору Д. И. Эварницкому М. Н. Стеблинъ-Каменскимъ; старинный XVIII вѣка графинъ, съ трехъ сторонъ орнаментированный, вполнѣ сохранившійся; кофейникъ фарфоровый, двухъ-цвѣтный съ густой позолотой; древній стеклянныи графинчикъ съ кадуцеемъ и деревьями по бокамъ. Старинная запорожская лялька, большое желѣзное копье съ изображеніемъ на немъ двуглаваго орла; двѣ мѣдныя рѣдкостныя запорожскія чернильницы; коллекція малороссійскихъ писанокъ. Голубокъ, вырѣзанный съ крыльями и перьями изъ одного куска дерева (чудо кустарного издѣлія). Нѣсколько бронзовыихъ трехгранныхъ стрѣлокъ изъ кургана въ имѣніи Бадаковка, миргородскаго уѣзда. Древній планъ Россійской имперіи съ обозначеніемъ на немъ шедшихъ черезъ Запорожье шляховъ, нынѣ вслѣдствіе проведения желѣзной дороги затерянныхъ. Фотографіи коллекцій найденныхъ профессоромъ каменныхъ бабъ. Фотографическій снимокъ единственной въ мірѣ бронзовой вазы, найденной профессоромъ при раскопкахъ кургана въ херсонской губерніи (ваза отправлена профессоромъ въ Императорскій эрмитажъ). Каменный шлифованный молотокъ—совершенное произведеніе каменнаго вѣка. Отбойникъ кремневый палеолитического периода. 10 куреныхъ печатей; гербъ митрополита Петра Mogилы; коллекція фотографическихъ снимковъ рѣзныхъ статуй апостоловъ, украшавшихъ запорожскую церковь XVIII столѣтія. Планъ города Кафы (Ѳеодосія). Всѣ перечисленные предметы принесены профессоромъ въ даръ областному музею.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Постановленія „Народного зѣизда“ во Львовѣ. 8 дек. нов. ст. состоялся во Львовѣ «Народный зѣиздъ», который постановилъ: 1) «Народный зѣиздъ» одобряетъ выходъ русинскихъ пословъ изъ сейма и сложеніе съ себя посольскихъ полномочій. 2) «Народный зѣиздъ» приглашаетъ всѣ свои организаціи употребить всевозможныя усилія, чтобы вторично были выбраны тѣ-же самые послы. 3) «Народный зѣиздъ» поручаетъ русинскимъ посламъ «рады державнои» употреб-

бить всѣ самыя острѣя парламентарныя средства противъ польскихъ главарей и австрійскаго правительства для указанія крайняго неудовлетворенія русинскаго народа своимъ политическимъ положеніемъ, ставя на видъ желаніе какъ можно далѣе простирающейся національной автономіи въ русинскихъ земляхъ Галичины.

Рѣчъ посла Василька въ засѣданіи австрійской делегації.

Большое впечатлѣніе произвела рѣчъ посла Василька 6 декабря въ засѣданіи австрійской делегаціи. Выдающіеся нѣмецкіе органы печати, напр. «Neue fr. Presse», «Fremdenblatt», помѣстили подробное содержаніе этой рѣчи, чѣмъ доказывается важность значенія ея. Сущность рѣчи посла Василька сводилась къ тому, что чешскій посолъ д-ръ Крамаржъ, нападая на австрійскій централизмъ, стоялъ за автономію отдѣльныхъ краевъ, между тѣмъ какъ, по словамъ Василька, русины и въ Галичинѣ и въ Буковинѣ гораздо менѣе терпятъ отъ остатковъ нѣмецкаго централизма, нежели отъ того централизма, который господствуетъ въ ихнемъ краѣ. Для доказательства своей мысли онъ сослался на то, что чешскій посолъ жалуется на отсутствіе въ Моравіи чешскаго университета, а между тѣмъ Русины, одинъ изъ наиболѣе численныхъ народовъ въ Австріи, еще и до сихъ поръ должны вести упорную борьбу за право имѣть свои среднія школы съ преподаваніемъ въ нихъ на родномъ языке. Ввиду всѣхъ этихъ тяжестей «краевого централизма», Русины ни въ какомъ случаѣ не согласятся на переустройство Австріи въ федерацію автономныхъ краевъ, опирающихся на такъ называемыя историческія основы, т. к. тогда Галичина оказалась бы вполнѣ польскою державою. Но русины охотно пристанутъ къ идеѣ *автономіи народовъ*.

Къ созданію русинскаго театра во Львовѣ. Создавая потребность въ созданіи самостоятельного русинскаго театра во Львовѣ, еще въ 1886 году въ товариществѣ «Просвіта» начался сборъ пожертвованій для этой цѣли, которая къ 1901 году достигли всего суммы 64 тыс. коронъ. Въ настоящее время комитетъ по постройкѣ театра рѣшается весною 1904 года приступить къ осуществленію завѣтной мечты. Мѣсто для театра уже приобрѣтено и разрабатывается теперь планъ зданія въ 1000 мѣстъ. Стоимость постройки, вмѣстѣ со стоимостью мѣста, обойдется въ 1 миллионъ коронъ (400 тыс. рублей). Для

пополненія этой суммы предполагается получить: 300 тыс. коронъ изъ общественныхъ фондовъ, 300 тыс. коронъ—гипотечный кредитъ, и около 80 тыс. коронъ имѣющихся въ наличности. Недостающія 300 съ лишнимъ тысячъ коронъ должны быть собраны путемъ пожертвованій, для чего въ настоящее время комитетъ обратился съ воззваниемъ ко всѣмъ русинамъ: «най кождый, кто любить Украину-Русь, кыне свою лепту на народный театръ».

Академичный Димъ у Львови. Въ газетѣ «Дило» (№ 287) напечатана подъ этимъ заглавіемъ статья проф. М. Грушевскаго, изъ которой узнаемъ, что дѣло созданія во Львовѣ дома, гдѣ могла-бы устроиться для жития Львовская академическая молодежь, преимущественно студенты-русины, подвигается впередъ. Молодежи этой приходится теперь очень часто жить во Львовѣ тяжелыми заработками, лишающими ее возможности вести правильно свои научныя работы. Еще въ 1902 г., когда совершился известный выходъ (сепессія) русинской молодежи изъ Львовскаго университета и когда для помощи ей стали собираться средства, проф. М. Грушевскій, по минованіи остроты положенія, предложилъ остатокъ фондовъ, предназначавшихся для студентовъ-сепессіонистовъ, употребить для основанія первого русинского академичнаго дома во Львовѣ, гдѣ находились-бы квартиры для учащейся молодежи, читальня, столовая и студенческая зала для собраній. Остатокъ этого сепессійного фонда пошелъ на другія нужды, но мысль М. Грушевскаго была поддержанна частными жертвователями. Въ настоящее время имѣется для этого дѣла 70 тыс. коронъ, такъ что въ 1904 году специальнно избранный комитетъ разсчитываетъ приступить къ постройкѣ дома, который, вмѣстѣ съ покупкой мѣста (36 т. коронъ) обойдется приблизительно отъ 120 до 130 тыс. коронъ.

Необходимое опроверженіе. Въ одномъ изъ № «Вѣстн. Юга» я, на основаніи сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній, помѣстилъ замѣтку о болѣзни глазами известнаго писателя Ив. Франка, которому предстоитъ якобы серьезная операция, и что онъ благодаря болѣзни находится безъ средствъ къ жизни, такъ какъ добывалъ ихъ исключительно литературнымъ трудомъ. Свѣдѣнія эти были доставлены мнѣ лицомъ, которому я не имѣть ни малѣйшаго основанія не вѣрить (это довольно

извѣстный украинскій писатель). Въ настоящее время я имѣю соображеніе изъ Киева отъ лица, бывшаго въ половинѣ ноября заграницей и посѣтившаго «больнаго». Это второе сообщеніе гласить, что «у Франка болять очи, але не такъ, якъ отсе по газетахъ пышуть; се хтось выдравъ стару звишту про той часъ, якъ винъ гоивъ очи и роблено йому операцию». Даље этотъ второй корреспондентъ сообщаетъ, что онъ совершилъ даже поездку совмѣстно съ Франкомъ изъ Львова въ Вѣну по своему дѣлу.

Такимъ образомъ сообщеніе о серьезной болѣзни Франка является простой мистификацией, которую мы оставляемъ на совѣсти сообщившаго намъ эти свѣдѣнія и въ то же время выражаемъ удовольствіе, что эти свѣдѣнія не нашли себѣ подтвержденія въ дѣйствительности.

Гр. Сьюгобочній.

Такъ какъ это-же извѣстіе о болѣзни д-ра Франка мы перепечатали со словъ Гр. Сьюгобочного въ 12-й книжкѣ нашего журнала за прошлый годъ, то теперь съ большимъ удовольствіемъ перепечатываемъ его-же и опроверженіе.

Предполагаемыя во Львовѣ лекціи И. Франка по исторії украинской литературы. Въ № 289 газ. «Дило» напечатана статья М. Павлика «Голосъ въ преважнай справи». Въ этой статьѣ говорится о томъ, что «филологична секція Науков. Товар. имени Шевченка» постановила открыть во Львовѣ подъ фирмой «Товариства» систематический научный курсъ исторіи украинской литературы и поручить чтеніе его д-ру Ивану Франку. Привѣтствуя такое рѣшеніе секціи, М. Павликъ считаетъ, что это будетъ имѣть громадное значеніе какъ для науки вообще, такъ и для дѣла развитія изъ этихъ частныхъ лекцій офиціальныхъ украинскихъ университетовъ. Но авторъ боится, что устроить такія чтенія д-ра Франка будетъ очень не легко, такъ какъ на это потребуются сравнительно большія средства, главнымъ образомъ необходимыя для того, чтобы самого лектора освободить отъ его теперешнихъ работъ и возмѣстить ему потерю заработка, платя за его новый трудъ. Впрочемъ, М. Павликъ надѣется, что для этой цѣли найдутся средства въ видѣ специальныхъ взносовъ разныхъ обществъ и отдельныхъ лицъ.

Къ сожалѣнію, это нѣсколько поспѣшное опубликованіе еще не состоявшагося окончательно факта (рѣшеніе секціи еще не только не утверждено, но и не обсужденено въ общемъ «Выдѣли Товариства»)

вызвало въ № 291 «Дила» отвѣтъ д-ра И. Франка, который съ нѣ-
которой нервностью заявляетъ, что онъ рѣшительно отказывается отъ
методы оплаты его труда филантропическими средствами. Съ своей
стороны, мы можемъ сказать по этому поводу, что здѣсь и рѣчи не
можетъ быть ни о какой филантропії, а только и можно говорить
объ оплатѣ данного труда, а источники для этого всегда найдутся.
Что-же касается самого факта устройства такихъ лекцій д-ромъ Фран-
комъ, то спора быть не можетъ о желательности ихъ, такъ какъ имя
такого талантливаго ученаго, какъ д-ръ Франко, служитъ полной га-
рантией успѣха ихъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Эмиграція изъ Австріи. Австрійская печать обратила серьез-
ное вниманіе на усиленіе эмиграціи изъ Австріи, видя въ немъ новое
доказательство упадка экономического благосостоянія населенія. За
послѣдній годъ изъ Австріи и Венгрии выселилось въ одну только
Сѣв. Америку до 200,000 чел.; только одна Италия превзошла въ этомъ
случаѣ Австрію. Что касается народности эмигрантовъ, то впереди
всѣхъ стоятъ поляки, которыхъ выселилось до 37,500 чел.; за ними
идутъ словаки—34,000 чел., далѣе, хорваты и словенцы—32,000 чел.,
мадьяры—27,100 чел., нѣмцы—23,500 чел., евреи—18,700 чел., ру-
сины—9,800 чел., чехи—7,200 чел., румыны—4,200 чел. и, наконецъ,
итальянцы—1,170 чел. Установлено, что одни только тѣ эмигранты,
которые высадились въ Нью-Йоркѣ, вывезли съ собой около 15 милл.
кр. Сѣверо-американская статистика отмѣчаетъ грамотность пересе-
ленцевъ: оказалось, что среди чеховъ было всего меньше неграмотныхъ:
только 2 проц.; нѣмцевъ—4 проц.; на послѣднемъ мѣстѣ стоять ру-
сины, изъ которыхъ оказалось до 44 проц. неграмотныхъ.

**Заявленіе львовскихъ студентовъ-русиновъ университет-
скому сенату.** Русинскіе студенты львовскаго университета обрати-
лись по случаю записи (имматрикуляціи) на новый семестръ, къ уни-
верситетскому сенату съ слѣдующимъ заявлениемъ:

«Такъ какъ реєстрировать министра народного просвѣщенія отъ 21
августа, не признающій за студентами львовскаго университета ру-
синской національности права формулу студенческаго обѣщанія при
залиси читать на русинскомъ языкѣ, обжаловать и потому не имѣть

еще обязательной силы, то нижеподписавшиеся студенты львовского университета, на основании официального отвѣта министра народного просвѣщепія д-ра Гартля, сообщеннаго осенней сессіи вѣнскаго парламента въ 1902 г., и на основании запроса депутата проф. Романчука о записяхъ во львовскомъ университѣтѣ, заявляютъ, что не примутъ участія въ официальной университетской имматрикуляціи, назначеннай на 16, 17, 18 и 19 декабря 1903 г., и просятъ, чтобы сенатъ распорядился выдать нижеподписавшимся имматрикуляційныя свидѣтельства черезъ канцелярію.

Общество русинскихъ женщинъ въ Галиціи и Буковинѣ.

Состоявшійся во Львовѣ 12-го марта прошлаго года съездъ русинскихъ женщинъ изъ Галиціи и Буковины рѣшилъ принять всѣ средства къ тому, чтобы русинскія женщины Червонной Руси вошли въ народную жизнь, вникли въ ея нужды, сознали свои обязанности по отношенію къ народу, изыскали путь къ саморазвитію и самообразованію.

Ближайшее осуществленіе всѣхъ мѣръ для достижениія указанной цѣли было возложено на особый исполнительный комитетъ. На-дняхъ этотъ комитетъ сообщилъ въ печати о томъ, что онъ основалъ «общество русинскихъ женщинъ», какъ наиболѣе подходящую организацію для осуществленія намѣченныхъ идеаловъ. Уставъ «общества»: 1) поднять среди русинскихъ женщинъ Австріи образованность посредствомъ газетъ, журналовъ и книгъ для женщинъ и дѣтей, посредствомъ открытія учебныхъ заведеній, устройства публичныхъ лекцій, литературныхъ вечеровъ и т. п.; 2) поддержать женскій трудъ путемъ открытия женскихъ профессіональныхъ школъ; 3) оказывать поддержку нуждающимся женщинамъ и дѣвушкамъ, открывая для нихъ пріюты и дома трудолюбія, помогая въ пріисканіи занятій; 4) открывать дѣтскіе сады; 5) распространять среди русинскаго населенія грамотность путемъ частнаго обученія.

Народная организація Русиновъ въ Сѣв.-Америк. Соединен. Штатахъ.

Въ Йонкерсѣ недавно состоялось русинское виче, где между прочимъ былъ прочитанъ Н. Пидгорецкымъ рефератъ о необходимости создать русинамъ въ Сѣв.-Америкѣ народную организацію. Русиновъ въ Америкѣ около 400 тысячъ, но они не имѣютъ до сихъ

поръ ни одного общаго учрежденія, ни одного народнаго зданія. Хотя и существует много русинскихъ братствъ, организаций, нѣсколько церковныхъ школъ, но каждое такое учрежденіе думаетъ только о себѣ, а не объ общемъ народномъ дѣлѣ. Нужно намъ, говоритъ Н. Пидгорецький, имѣть своего епископа; нужно создать свой институтъ для высшаго образования американской русинской молодежи; нужно намъ построить Русинскій Народный Домъ эмигрантовъ. Для всего этого необходимо установить сборы на одинъ народный фондъ, главнымъ образомъ при помощи русинско-американскихъ народныхъ марокъ, на которыхъ есть четыре буквы А. Р. Ф. Н. (Амер. Рус. Фондъ Нар.). Послѣ реферата Н. Пидгорецкаго виче выбрало главный народный комитетъ изъ семи членовъ, какъ органъ главной народной организаціи, и поручило ему добиваться всѣми способами осуществленія намѣченныхъ йонкерскимъ вичемъ желаній народа.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Отчетъ „Благотворительного Общества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ“. Спб. 1903.

Петербургское «Благотворительное Общество изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ» переживаетъ пятый годъ отъ начала своего существованія. Какъ видно изъ отчета Общества, имъ издано въ 1902 г. 8 научно-популярныхъ брошюре на украинскомъ языке, изъ которыхъ двѣ представляютъ перепечатку вышедшихъ изъ продажи 1 и 2 №№ изданій Общества. Количество экземпляровъ изданыхъ книгъ равняется 85 тысячамъ на номинальную сумму въ 4440 рублей. Нижеслѣдующая таблица характеризуетъ движеніе суммъ «Благотворительного Общества» за два года.

Приходъ:	1901	1902
	руб. коп.	руб. коп.
Членскіе взносы	987 —	1045 —
Пожертвованія	1603 92	1311 85
Специальные взносы	— —	557 22
Выручка отъ изданій Общества	527 67	695 74
% по сберег. кассѣ и % бумаг.	8 21	62 10
Разныя поступленія	— —	1 50
Итого .	3126 80	3673 41
Расходъ:		
Издержки по изданіямъ . . .	3137 54	2193 4
„ администрації . .	402 13	520 40
Итого .	3539 67	2713 44
Остатокъ или дефицитъ	—412 87 +	959 97

Всего съ остаткомъ отъ 1901 года (414 р. 34 к.) въ кассѣ Общества находилось 4087 р. 75 к. Израсходовано 2713 р. 44 к. Въ остаткѣ къ 1903 г. 1374 р. 31 к. Сверхъ того въ 1903 году по день общаго собранія поступило 1239 р. 33 к.

Въ приведенной таблицѣ обращаетъ на себя вниманіе сокращеніе въ 1902 году, сравнительно съ предыдущимъ годомъ, расходовъ на издательскую дѣятельность рядомъ съ увеличеніемъ административныхъ расходовъ. «Такое, неблагопріятное съ первого взгляда,—говорится въ отчетѣ,—измѣненіе отношенія между операционными расходами Общества и расходами по управлению объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что серія изданій отчетнаго года и по числу изданій, и по количеству, потребовала менѣе значительныхъ издержекъ, а съ другой—тѣмъ, что въ число административныхъ расходовъ вошли очень крупныя издержки по распространенію свѣдѣній объ Обществѣ».

Въ отчетномъ году засѣданій правленія было 7 и одно общее собраніе—годовое. На разсмотрѣніе правленія поступило 14 рукописей и печатныхъ брошюръ, присланныхъ для изданій на средства Общества, но изъ нихъ признаны отвѣчающими основнымъ принципамъ Общества лишь 4 (они изданы подъ №№ 17, 19, 20 и 21).

По объявленному въ 1900 г. Обществомъ конкурсу на составление популярныхъ брошюръ сельско-хозяйственного и медицинского содержанія, въ правленіе Общества поступило всего 8 рукописей (3 по сельск. хоз. и 5 по мед. и гигіенѣ). Двѣ изъ нихъ, до разсмотрѣнія особой комиссіей, были представлены въ цензуру, но послѣдней не дозволены къ напечатанію. Изъ остальныхъ рукописей, переданныхъ на просмотръ двумъ комиссіямъ, составленнымъ изъ специалистовъ, заслуживающею преміи была признана рукопись г. Задѣры «Якъ годувати малыхъ дитей». Представленная въ цензуру, эта рукопись также не была разрѣшена къ печати.

Въ истекшемъ году правленіемъ Общества предприняты цѣлый рядъ мѣропріятій, направленныхъ къ болѣе широкой постановкѣ и развитію дѣятельности Общества. Такъ, правленіемъ было возбуждено предъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія ходатайство о допущеніи книгъ на украинскомъ языкѣ, какъ лучшаго средства популяризациіи знаній среди украинскаго населенія, въ школьнаго и народнаго библіотеки и читальни, на основаніяхъ, одинаковыхъ съ книгами на русскомъ литературномъ языке. Ходатайство это Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія признано неподлежащимъ удовлетворенію.

Далѣе, правленіе обратилось въ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ съ ходатайствомъ о пособіи на усиленіе изда-тельской дѣятельности, направленной къ распространенію сельскохозяйственныхъ знаній. Въ отвѣтъ на это ходатайство, уже въ текущемъ году Министерствомъ Земледѣлія ассигновано въ пособіе Обществу 200 р.

Не имѣя достаточныхъ средствъ для открытия собственного книжного склада, правленіе, для лучшей организаціи сбыта изданій Общества, въ отчетномъ году заключило соглашеніе съ книгопродавцемъ Н. Г. Мартыновымъ, который взялъ на себя содержаніе центрального склада изданій Общества въ С.-Петербургѣ и главное комиссіонерство по сношенію съ другими книгопродавческими фирмами, на обычныхъ основаніяхъ комиссіонной синдикаты. Для распространенія свѣдѣній объ изданіяхъ Общества правленіе приобрѣло въ отчетномъ году къ широкой разсылкѣ публикацій съ перечнемъ и характеристикой вышедшихъ изъ печати изданій. Такія объявленія въ количествѣ 23,500 экз. были разосланы, между прочимъ, въ качествѣ приложенийъ при «Сельскомъ Вѣстнику» всѣмъ подписчикамъ этого журнала, проживающимъ въ южныхъ губерніяхъ Россіи.

Число членовъ Общества въ 1902 году увеличилось на 183; къ началу 1903 года общее число членовъ равнялось 732,—въ томъ числѣ почетныхъ членовъ 11, членовъ сотрудниковъ 25 и пожизненныхъ членовъ—20. Значительное число членовъ Общества далъ Петербургъ—20, .20% общаго числа членовъ. Это никого не должно удивлять, такъ какъ Общество находится въ Петербургѣ и тамъ естественно скорѣе всего могли распространиться о немъ свѣдѣнія. Херсонская губ. дала 16,71%, Кіевская—12,79%, Полтавская—11,33%, Харьковская—5,95%, Черниговская—4,94%, Екатеринославская—4,65%, Кубанская обл.—3,63%, Подольская—1,59%; Волынская—1,45% общаго числа членовъ.

Заботясь объ увеличеніи числа членовъ и о болѣе правильномъ поступлениі членскихъ взносовъ, правленіе Общества признало наиболѣе цѣлесообразнымъ расширить сѣть уполномоченныхъ Общества въ провинціальныхъ городахъ. Въ настоящее время такія уполномоченные отъ общества лица находятся не только въ губернскихъ городахъ Малороссіи, но и въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ, какъ, напр.: въ Умани, въ Лубнахъ, въ Ананьевѣ и пр. Эти лица служатъ посредниками между Обществомъ и его членами, завѣдывая сборомъ членскихъ

взносовъ и, по возможности, заботясь объ увеличеніи числа членовъ Общества.

Мы исчерпали, въ существенныхъ чертахъ, почти все содержаніе «Отчета», характеризующаго съ разныхъ сторонъ дѣятельность «Общества» за 1902 годъ. Скромны, очень скромны цифры этого отчета (8 брошюре на болѣе чѣмъ 20-милліонную массу населенія!) Но если мы обратимъ вниманіе на тѣ обстоятельства, при которыхъ происходитъ дѣятельность Общества, то эти, на первый взглядъ, не-значительныя цифры возрастаютъ въ нашихъ глазахъ до размѣровъ весьма краснорѣчивыхъ фактovъ, говорящихъ непредубѣжденному читателю о многомъ. Помимо «независящихъ» обстоятельствъ, обратимъ вниманіе хотя бы на то, съ какимъ трудомъ удается получить въ настоящее время цензурное разрѣшеніе на напечатаніе самой безвредной, повидимому, научно-популярной брошюры на украинскомъ языкѣ. И безъ того ощущаемый недостатокъ въ пригодныхъ къ печати научно-популярныхъ брошюрахъ на украинскомъ языкѣ усиливается вслѣдствіе указанной нами причины и почти парализуетъ издательскія начинанія Общества, дѣятельность котораго, съ самаго его возникновенія, сосредоточивается преимущественно на популяризації полезныхъ знаній... Чтобы поставить дѣятельность Общества въ этомъ направленіи въ возможно меньшую зависимость отъ всякихъ случайностей, правленіе въ концѣ истекшаго года рѣшило составить особую комиссию, которая выяснила бы, какіе недочеты ощущаются въ настоящее время въ популярной литературѣ. Когда это будетъ сдѣлано, правленіе будетъ имѣть возможность действовать по опредѣленному плану, заказывая извѣстнымъ популяризаторамъ обработку темъ, наиболѣе отвѣчающихъ настоящимъ нуждамъ читающей массы.

Тѣ, безспорно, высокія цѣли, какія поставило себѣ Петербургское Общество, заставляютъ сочувствовать его дѣятельности людей самыхъ различныхъ убѣждений. Число членовъ Общества постепенно увеличивается, по мѣрѣ распространенія о немъ свѣдѣній. Но оттого ли, что вообще всякія полезныя свѣдѣнія у насъ медленно и съ большими трудомъ проникаютъ въ широкіе слои общества, или же по причинѣ инертности и косности этихъ слоевъ,—во всякомъ случаѣ настоящее число членовъ Общества далеко не отвѣчаетъ размѣрамъ того по-истинѣ колоссального труда, какой предстоитъ ему исполнить для достижения поставленныхъ цѣлей. Будемъ надѣяться, что со временемъ, когда каждый, кому дорого благо родного народа, узнаетъ о дѣятельности

Петербургскаго Общества и отзовется на его добрый починъ, не будеть имѣть мѣста себѣ то странное явленіе, что цѣлые губерніи съ населеніемъ въ нѣсколько миллионовъ даютъ Обществу лишь 10—11 членовъ (волынская и подольская г.г.).

В. Поточний.

Підеша. Восток і Запад. Повість. Коломия, 1903, ст. 1—155, in. 8°.

«Востокъ и Западъ»—прочли мы въ числѣ вновь вышедшихъ книгъ широковѣщательное заглавіе недавно появившейся въ Коломыѣ повѣсти. Затѣмъ, спустя нѣкоторое время, встрѣчаемъ цѣлыхъ двѣ фельетонныхъ статьи въ одной и той же газетѣ («Діло», №№ 169 и 239—240), рекомендующихъ новую повѣсть вниманію публики,—основанія вполнѣ достаточныя для того, чтобы не отказаться удовлетворить своему любопытству. Оно удовлетворено,—и обѣ этомъ мы ни-чуть не скорбимъ: повѣсть, дѣйствительно, заслуживаетъ по многимъ причинамъ того, чтобы читатели обратили на нее вниманіе.

Въ сущности та мѣрка, которую мы обычно прилагаемъ къ повѣсти, въ данномъ случаѣ непримѣнна: это и не повѣсть, и не романъ, и не новелла,—авторъ не придавалъ, очевидно, особаго значенія порядку въ эпизодахъ, не старался развивать интригу и придавать искусственными способами интересъ своему произведенію,—оно и безъ этихъ украшеній представляетъ большой интересъ, свидѣтельствуя о художественномъ талантѣ автора и о его высокихъ интеллектуальныхъ качествахъ, которыхъ весьма выгодно отразились въ этомъ его, надо думать, первомъ литературномъ опыте.

Повѣсть состоитъ изъ двухъ почти самостоятельныхъ частей: съ одной стороны—исторія любви двухъ молодыхъ людей, богато одаренныхъ натуръ, съ другой—публицистика: разсужденія на тему о счастливомъ Западѣ (въ частности Швейцаріи, гдѣ и происходитъ дѣйствіе) въ сравненіи съ отсталымъ во всѣхъ почти отношеніяхъ Востокомъ (разумѣется—европейскимъ, куда имъ зачисляется и Галичина). Въ этой части повѣсти—собственно и центръ ея: здѣсь именно дается очеркъ швейцарской культуры, правъ, обычаявъ, характера страны—и все это ставится въ параллель съ соответствующими славянскими. Это, безспорно, одно изъ наилучшихъ мѣстъ въ книгѣ. Правда, со многими взглядами автора можно не согласиться, но они

оригинальны, теоретически обоснованы, и при томъ затрагиваютъ вопросы, которые касаются почти всѣхъ главнѣйшихъ стремлений и чувствъ человѣка...

Очевидно, цѣль автора была—обратить вниманіе на широкія общечеловѣческія вопросы, приподнять людей отъ мелкихъ дрязгъ и ссоръ на извѣстную высоту,—а такой цѣли нельзя не признать достойной уваженія.

Другая часть повѣсти—повѣсть въ собственномъ смыслѣ, содержаніемъ своимъ имѣть исторію любви молодой дѣвушки Лины Верони, кievлянки, которая, по окончаніи института въ Москвѣ, отправилась въ Цюрихъ для осуществленія своего идеала жизни, и студента Степана Бѣлоцерковскаго, галичанина, прѣѣхавшаго въ Цюрихъ изъ Вѣны, выдающагося, развитого человѣка. Любовь ихъ—въ высшей степени поэтична, красива, гармонична,—но оканчивается печально: Лина, не вынеся нервнаго потрясенія послѣ временнаго недоразумѣнія (Бѣлоцерковскій временно бросилъ ее), умираетъ отъ воспаленія мозга на рукахъ Степана и прѣѣхавшей изъ Россіи матери. Эта часть повѣсти написана художественно, увлекательно, и если нѣкоторые поступки героя могутъ показаться мало обоснованными (хотя бы, напр., бѣгство отъ любимой женщины), то надо имѣть при этомъ въ виду исключительность натуры героя, котораго и умственныя силы, и сила чувства не подводятъ подъ среднюю мѣрку средняго человѣка.

Написана повѣсть оригинальнымъ языкомъ: съ одной стороны, видны несомнѣнныя слѣды языка, свойственного лишь русскимъ украинцамъ, но съ другой—масса несомнѣнныхъ галицизмовъ. Но кто бы онъ ни былъ, повѣсть его оставитъ замѣтный слѣдъ въ нашей литературѣ, весьма не богатой еще произведеніями, выходящими за предѣлы обычной буденной литературы. Остается лишь пожелать, чтобы авторъ не ограничивался этимъ своимъ первымъ опытомъ и подарилъ нашей литературѣ еще не одно произведеніе, такъ же талантливо написанное, какъ и повѣсть «Восток і Западъ».

Что касается виѣшности изданія—то оно оставляетъ желать много лучшаго; корректура крайне небрежна и вызываетъ досаду у читателя.

В. А.

Григорій Щеглинський. *Кара совісти. Народня драма въ V діяхъ.* Перешиль, 1903, ст. 1—57, in. 8⁰.

Олекса Вобикевич. „*Настоящі*“. Комедия в одній дії. У Львові, 1903, ст. 1—55, in 16⁰.

Малоруссій театръ въ Галицкой Руси находится въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ у насъ. Если у насъ приходится нерѣдко слышать сътования на далекую еще отъ идеала постановку театрального дѣла, то подъ этимъ обычно подразумѣвается срѣбнительная малочисленность хорошихъ, идейныхъ, содержательныхъ пьесъ, которыя бы шли на встрѣчу требованіямъ общества и удовлетворяли его запросамъ; на недостачу же украинскихъ труппъ и крупныхъ драматическихъ силъ мы, къ счастью, не можемъ пожаловаться. Совсѣмъ не то въ Галичинѣ: тамъ нѣть ни своего драматического репертуара, ни своихъ постоянныхъ драматическихъ труппъ, и до послѣдняго времени украинскій театръ заявлялъ о своемъ существованіи лишь спорадически, благодаря частной инициативѣ, и выражался въ многочисленныхъ любительскихъ спектакляхъ, дававшихся во всѣхъ уголкахъ Галичина. Въ самое послѣднее время (второй годъ) въ Галичинѣ имѣется уже солидная постоянная труппа подъ управлениемъ г. Губчака, посѣщающая болѣе крупные центры своей родины и дававшая однажды съ большимъ успѣхомъ представленія и у насъ (въ г. Каменецѣ-Подольскомъ¹). Выдвинутый въ послѣдніе годы вопросъ о необходимости имѣть во Львовѣ собственное театральное зданіе находится, повидимому, на путі къ осуществленію, — комитетъ по постройкѣ театра собралъ уже довольно солидную сумму для этой цѣли и приобрѣлъ мѣсто для зданія. Такимъ образомъ, и наша родная сестра Галичина, обогнавшая насъ на иныхъ поприщахъ культурного развитія, старается не отстать и въ этомъ случаѣ, что, надѣемся, въ недалекомъ будущемъ будетъ ею съ успѣхомъ достигнуто. Вопросъ же съ репертуаромъ остается для нея попрежнему болѣніемъ мѣстомъ: нѣть талантливыхъ драматурговъ, нѣть и выдающихся драматическихъ произведеній, и въ этомъ случаѣ ей приходится одолжаться у насъ.

Однимъ изъ продуктивныхъ драматическихъ писателей по ту сторону Збруча является Григорій Щеглинскій, имя котораго, какъ

¹⁾ См. текущ. извѣст. за 1902 г., кн. 11, стр. 109.

автора драматический пьесъ, встрѣчаемъ уже давно. Къ сожалѣнію, намъ не приходилось читать ни одного изъ его прежнихъ произведеній, поэтому мы и не можемъ составить должного понятія о писательской, въ частности какъ драматурга, физиономіи г. Цеглинскаго. Но послѣдняя его драма, заглавіе которой мы привели выше, ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признана даже удовлетворительной. Авторъ, повидимому, не лишенъ знакомства съ народной жизнью и бытомъ, но то ихъ изображеніе, которое онъ предлагаетъ читателю и зрителю въ только что изданной имъ книжкѣ, нельзя назвать правдивымъ и реальнымъ. Всѣ дѣйствующія лица преднарѣзаны подраздѣлены на двѣ категории: людей добродѣтельныхъ и порочныхъ, но и эти постѣдніе, какъ оказывается впослѣдствіи, заблуждались лишь временно, подъ вліяніемъ злыхъ чувствъ. Понятно, это ничуть не противорѣчило бы дѣйствительности, если бы поступки героевъ и не героевъ пьесы вытекали изъ ихъ природного характера, но этого-то мы и не находимъ, а все происходитъ лишь потому, что автору хотѣлось непремѣнно поступить такъ для подкрѣпленія извѣстной тенденціи, для болѣе наглядного выраженія вытекающей, молъ, отсюда морали... Эта мораль, лѣзущая изо-всѣхъ щелей пьесы, не мало способствуетъ умаленію ея цѣнности, хотя бы посредственной. Сюжетъ пьесы въ сущности довольно благодарный, но использованъ авторомъ неумѣло.

Два брата (Прокипъ и Семенъ), получивъ отъ старика отца (Васыля) въ наслѣдство землю и хату, условились на томъ, что меньшій сынъ Прокипъ, будетъ содержать отца до смерти. Но подъ вліяніемъ жены (слабо впрочемъ мотивированнымъ въ пьесѣ), онъ предлагаетъ отцу перейти еще на жительство къ другому сыну, такъ какъ онъ выдаетъ замужъ дочь, и всѣмъ имъ помѣститься въ одной хатѣ неѣть возможности. Другой сынъ (Семенъ), конечно, отца не принимаетъ, и старикъ, воплощеніе смиренія и незлобивости, рѣшаеть лучше уйти совсѣмъ отъ грѣха, изъ своего села, чтѣмъ служить яблокомъ раздора между дѣтьми. И онъ уходитъ въ городъ. Пробуетъ поступить на службу—но силы ему уже не служать, и ему всюду отказываютъ, пока онъ не очутился въ тюрьмѣ какъ беззаспорный; не желая подвергаться позорной высылкѣ на родину по этапу, онъ бѣжитъ изъ заключенія, направляясь въ родное село (кстати—онъ въ душѣ уже простиль все сыновьямъ, и опять стремится къ нимъ, хотя, надо думать знаетъ, что ему не очень будутъ рады). Но дорогѣ его застигла метель, и онъ замерзъ. До сихъ поръ ходъ пьесы не оста-

влять желать ничего лучшаго. Но дальше начинается часть фантастическая—очевидно, созданная авторомъ мозговымъ способомъ,—должно быть, для большей эффектности и картинности. Младшій сынъ старика Прокипъ вдругъ постигаетъ весь ужасъ совершенного имъ (хотя вина его изъ пьесы слабо вытекаетъ) поступка—удаленія отца. Безъ сомнѣнія, это натура необычайно чувствительная, впечатлительная, какую надо со свѣчей поискать. Онъ совершенно забылъ обо всемъ, и теперь его мечта—вернуть назадъ старика. Онъ сталъ самъ не свой, не ъсть, не пить, и услышавъ, что поблизу села замерзъ какой-то человѣкъ, мчится туда въ полной уверенности, что это его отецъ, но никого не находить, а лишь пріобрѣтаетъ простуду и заболѣваетъ. Старику тѣмъ временемъ очутился чудеснымъ образомъ среди рабочихъ на кирпичномъ заводѣ, которые въ то время были въ лѣсу и услышали крикъ жандарма. Пока жандармъ ъздилъ въ село (NB. оставивъ замерзать, быть можетъ, живого человѣка!), рабочіе взяли старика съ собой (удивительно отважные люди!), привели въ чувство и пріютили у себя. Когда хозяинъ завода еврей прогоняетъ старика за неспособность къ труду, рабочіе (которые, кстати сказать, только теперь, послѣ двухмѣсячнаго пребыванія Васыля въ ихъ средѣ, поинтересовались узнать, кто онъ и откуда) подговариваютъ его пойти домой и въ отместку сыну поджечь его. Старику ни за что не соглашается сначала, но потомъ, ни съ того ни съ сего, идетъ осуществлять этотъ планъ. Между тѣмъ тамъ, въ селѣ, Прокипъ уже при смерти—его преслѣдуютъ галлюцинаціи, во время которыхъ къ нему неоднократно является отецъ... И когда послѣдній дѣйствительно приходитъ—Прокипъ, считая это за предвестникъ смерти, кричитъ: «Я йду, йду!» и падаетъ мертвымъ. Васыль (старикъ) считаетъ тѣмъ не менѣе своимъ долгомъ сказать обличительно-проповѣдническую рѣчъ о томъ, что онъ «з карою прийшовъ такою, що й сонце може було б. відвернулось відъ неї, та бачу, що еї вже не треба. Хтось іншій, більший і дужчий, покарав еї переді мною», а когда всѣ съ ужасомъ убѣждаются, что Прокипъ уже мертвъ, онъ все же продолжаетъ рѣчъ, которую и заключаетъ характерными словами: «А на сім місци виросте нове поколіне, у котрого ачей буде більше віри і більше любови!»,—словами, не менѣе характерными и для самаго автора.

Мы глубоко сомнѣваемся, чтобы такого рода пьеса была пѣннымъ вкладомъ въ нашу драматическую литературу и имѣла болѣе или менѣе прочный успѣхъ на сценѣ.

Совершенно въ иномъ родѣ комедія г. Бобыкевича «Настоящи». Написана она покойнымъ авторомъ, почтеннымъ галицкимъ дѣятелемъ и писателемъ (ум. въ декабрѣ 1902), довольно давно и до сихъ порь находилась въ рукописи въ частныхъ рукахъ. Сюжетъ ея, довольно незамысловатый, рисуетъ картинку галицкой общественно-политической жизни, изображая въ смѣшномъ видѣ тѣхъ галичанъ, которые по какимъ-либо соображеніямъ перестаютъ вдругъ быть самими собой и надѣваютъ маску «общерусскости», стараются быть «настоящими русскими», что имъ, конечно, не удается. Въ данной комедіи выведенъ богатый хуторянинъ Боровичъ, благополучно много лѣтъ предававшійся хозяйствскимъ интересамъ, равно какъ и жена его Магдалина, а въ свободное время удовлетворявший духовнымъ запросамъ чтенiemъ газеты «Діло», которую онъ выписывалъ вмѣстѣ съ сосѣдомъ Ковтомъ (NB: У Ковта есть дочь невѣста, а у Боровича—сынъ, агрономъ, обучающійся въ Россіи). Но послѣ непріятнаго инцидента, вызванного Ковтовыми свиньями, которыхъ Боровичъ въ азартѣ подстрѣлилъ, дружба междусосѣдями кончилася: они судились, Боровичъ проигралъ, проповѣдалъ было свою обиду предать гласности въ «Ділі», но письма его не напечатали... Обозленный на «українофільское» «Діло», Боровичъ выписываетъ «Галицкую Русь», рѣшаеть быть «настоящимъ», «дѣлаеть политику»—т. е. старается что-либо понять изъ статей «Галицкой Руси», но это ему не удается; а между тѣмъ хозяйственныe интересы сильно страдаютъ, потому что Боровичъ всецѣло погрузился въ «политику»... Въ эту критическій для Боровичей, въ особенности его жены, моментъ появляется ихъ сынъ, не бывшій на родинѣ 3 года. Узнавъ о положеніи дѣль въ домѣ, онъ берется все исправить, и дѣйствительно исправляетъ самъмъ простымъ образомъ: говорить съ отцомъ все время на литературномъ русскомъ языке. Отецъ въ первый моментъ даже доволенъ, но затѣмъ оказывается, что онъ не понимаетъ сына и находится въ сильномъ затрудненіи и смущеніи, такъ что въ концѣ концовъ обращается къ сыну съ просьбой говорить «по напому по руски, бо я, бач, ще всього не розумію». Но сынъ съ удивленіемъ возражаетъ: «какъ же, батюшка? Я говорю по русски... говорю, какъ умѣю, не ради политики, лишь только по убѣжденію», и считаетъ себя обиженнымъ, что отецъ требуетъ говорить съ нимъ «по ихнему». Боровичъ искренно возмущенъ, что сынъ отрекается отъ него, отъ материнскаго языка и съ прискорбіемъ убѣждается, что сынъ для него чужой человѣкъ: «пропавъ!». Затѣмъ все выясняется; сынъ, оказы-

вается, лишь притворяясь, отецъ съ позоромъ отрекается отъ стремленія быть «настоящимъ», даеть даже согласіе на бракъ съ дочерью Ковта—и все оканчивается ко взаимному удовольствію.

Пьеса написана въ общемъ живо и правдиво (въ особенности хороши типы Боровича и его жены), хотя въ деталяхъ (напр.—въ ролях парубка-лакея Леська) есть немало шаржа.

Въ концѣ брошюры помѣщена тепло написанная біографія покойнаго, свидѣтельствующая о томъ, какой свѣтлой личностью былъ покойный авторъ.

В. А.

Алексей Львович Суходольский. „Помста, або Загублена Доля“ драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. „Хмара“ драма въ 5-ти дѣйствіяхъ. Объ пьесы въ одномъ томъ, съ портретомъ автора. Издание автора.

Ростовъ на Дону, 1902, стр. 1—103, in 8⁰. Ц. 1 р. 50 коп.

Г. Суходольский—частый гость Киева; въ послѣдніе годы каждое лѣто подвизается онъ со своей труппой въ лѣтнемъ театрѣ кунеческаго сада, угощая публику пьесами собственными и чужими. До сихъ поръ намъ не приходилось быть знакомымъ съ его пьесами; но съ появленіемъ въ печати упомянутыхъ двухъ драмъ пробѣль нашъ въ настоящее время съ успѣхомъ восполняется. При этомъ, послѣ знакомства съ пьесами, невольно рождается вопросъ: много ли мы потеряли, пребывая въ невѣдѣніи относительно пьесъ г. Суходольского и окупается ли наше, или чье бы то ни было, любопытство, оплачиваемое достаточно солидно для двухъ обыкновенныхъ 4—5 актныхъ пьесъ суммою въ 1 р. 50 коп.? По поводу этого мы и намѣреваемся въ нижеслѣдующихъ строкахъ высказать свои размышленія и сомнѣнія.

Пьесы Алексея Львовича Суходольского, какъ онъ неукоснительно рекомендуется на обложкѣ и вкладномъ листѣ, не что иное, какъ старая погудка на новый ладъ: съ одной стороны—„она его любила, но онъ ее кинулъ“, и въ результатѣ „страшная месть“: смерть жены „его“ по настоянію „ея“ и самоубійство „его“—вслѣдствіе сознанія своего преступленія; съ другой—сельскій Донъ-Жуантъ, и чуть-чуть не катастрофа: мужа „ея“, подозрѣваемаго въ убійствѣ тепци, уже ведутъ закованаго на каторгу, но внезапно правда торжествуетъ, а порокъ пораженъ: одна изъ жертвъ Донъ-Жуана изобли-

чаетъ истиннаго преступника. Несомнѣнно, что такая вѣчно старая исторія, какъ любовь, и вытекающія изъ нея дѣйствія и состоянія человѣческія, можетъ быть вѣчно свѣжою и вѣчно юною подъ перомъ талантливаго, близко знающаго душу людскую и народную жизнь писателя. Но у г. Алексія Львовича Суходольскаго—перо—увы! не первосортное, и драмы его изъ сельскаго быта такъ же разнствуютъ отъ современныхъ хорошихъ драмъ, какъ издѣлія горшечника отъ художественныхъ произведеній хорошаго писателя. Типы, изображаемые имъ, избитые, шаблонные, карикатурные—всякіе знахари, старые писаря и прочіе смертные, толкущіе воду въ ступѣ и на протяженіи всѣхъ 4 или 5 актовъ наводящіе одно лишь уныніе на читателя (да, несомнѣнно, и на зрителя). Оригинальныя сценки или разговоры—оазисы въ пустынѣ, и то слишкомъ ничтожные. Въ тенденціозности какой либо или идеиности автора нельзя заподозрить,—на этотъ счетъ онъ безукоризненъ,—лишь изрѣдка, и то совершенно безуспѣшно, пытается влагать въ уста дѣйствующимъ лицамъ моралистическая сентенція, которая единствено лишь свидѣтельствуетъ о благомысліи автора, но ничуть не вытекаютъ изъ характера герояевъ пьесы. Кого, напр., растрогаютъ чувствительныя слова знахаря: „всі повинні служыты Богу й Государю“; „треба такъ дитеи учыты, щобъ булы и людямъ мыли, и Богу вгодни“ (стр. 17),—или убѣдять слова современного парубка (а не идиллическаго пастуха!): не вже жъ вы не розуміете, що серце бажае не багатства, а тильки (NB!) Ѣшого кохання? и т. п.

Чтобы читатель имѣлъ представленіе о реальности изображенія душевныхъ состояній героеvъ пьесъ г. Суходольскаго, иначе—о способѣ писанія имъ драматическихъ пьесъ, мы приводимъ отрывокъ изъ заключительной сцены „Помсты“, або „Загубленой доли“ (стр. 47—48).

Ява 16-я.

Степанъ и Гала.

Гала (выбигае зъ кимнаты зъ крыкомъ) рѣтуйте! (бижьть до дверей). Степане, за що ты мене...

Степанъ (догналъ (!) іи коло дверей, скопыvъ за волосся, тягне на передъ). *Нема часу розказуватъ*¹⁾.

¹⁾ Курсивъ нашъ.

Галя (упала на колина, піднимає руки у гору). Дай Богу помолыться!

Степанъ (!) іи ножемъ у груды). На!

Галя: А-ай!!!

Степанъ. Молысь!! (Галя повалылась на землю и корчиться у мукахъ).

Степанъ. Свое дило я зробивъ... Теперь (опускаемъ 2 строки).

Галя (ледве промовляє). Охъ... не мучъ... добий мене... Щовирь... люблю... безъ выны пропадаю! Прощай... (Хотила *ею поцілувати, але померла*) и т. п.

Параллельно со способомъ писанія стоитъ и языкъ автора, преисполненный непростительныхъ russизмовъ, въ родѣ: «дывитъся на іи тинь видъ луны», (эха?) а въ слѣдующей же строкѣ „якъ мисацъ высоко пиднявся“..., „облакотывшысъ“, „дрижацимъ голосомъ“ „сверкнула очыма“, „пры пиднятіи зависы“, „щукать запиты“; а знаменитый „заповитъ“ Шевченка, который поють парубки на улицѣ, выглядить между прочимъ такъ:

„Щобъ ланы широке поле
И Дніпро и кручи,
Було бъ видно, було бъ чуты,
Якъ реве ревуче!

Вообще къ вставкѣ въ пьесу пѣсенъ авторъ имѣетъ огромную склонность, причемъ, желая явить себя міру не только на поприщѣ прозы, но и поэзіи, предлагаетъ ихъ отъ собственного измышленія, въ родѣ, напр. слѣдующей пѣсни (стр. 16) (Галя поетъ):

«На що жъ мою душу
Ты рвешъ на шматки?
Чы вынна жъ я въ чымъ,—
Скажы мени ты!
Иди жъ, мылый, швидче,
Бо я пропадаю!
Безъ тебе я серця
Свого не здолаю:
Невже жъ ты не чуешъ?
Невже жъ ты не прыйдешъ?
Ой ты жъ мене бидну
На вики убьешъ!

Чѣмъ не поэзія! Пожалуй въ XVIII в. какой либо бакалавръ позавидовалъ бы...

Корректура въ книгѣ также въ своемъ родѣ чудо природы: можно подумать, что специально кто-то старался, чтобы ни одно почти слово не было впечатано такъ, какъ ему надлежало бы... Очевидно, наборщики были не имѣвшіе понятія объ украинскомъ языкѣ, а издатель (онъ же и авторъ) не потрудился прочесть ни одной корректуры.

Въ общемъ же сожалѣмъ отъ души и о тѣхъ неосвѣдомленныхъ любителяхъ украинской драматической музы, которые погубятъ и уже погубили понапрасну 1 р. 50 коп. Отчего бы автору сразу не поставить было цѣну 30 коп., по каковой стоимости продавалась его книга въ театрѣ купеческаго собранія минувшимъ лѣтомъ въ день бенефиса автора?

В. Д.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящаго номера разсмотрѣны слѣдующіе журналы:

- 1) Русскій Архивъ, № 12; 2) Историч. Вѣстн., № 12; 3) Все-мірн. Вѣстн. № 10 и 11; 4) Журн. Мин. Нар. Просв. № 12; 5) Вѣстникъ Европы, № 12; 6) Русская Мысль, № 12; 7) Рус-скій Вѣстникъ, № 12; 8) Русское Богатство, № 11 и 12; 9) Міръ Божій, № 12; 10) Труды Кіев. Духовн. Акад., № 7—11; 11) Зем-скій Сборн. Черниг. губ., № 10—11; 12) Учен. Записки Импер. Казан. Унів., № 12; 13) Книжки Восхода, № 11; 14) Южныя Записки, 1904 г., № 1—4; 15) Лит.-Науков. Вистн. 1904 г., № 1.

Историческій Вѣстникъ, № 12.

Д. В. Федоровъ. «Подложный указъ» (стр. 907—925).

Хотя не указано точно мѣсто описанного въ этой статьѣ происшествія, но по всѣмъ признакамъ видно, что дѣло происходило въ Малороссіи. Дѣло-же это состояло во томъ, что лѣтъ 15 на-заоъ въ с. Михайловкѣ произошло недоразумѣніе съ полученнымъ сенатскимъ указомъ, предписывавшимъ крестьянамъ этого села отвести изъ своей надѣльной земли 700 десятинъ для сол-датскихъ дѣтей. Среди крестьянъ пошелъ слухъ, что указъ под-

ложный, и даже когда появился въ концѣ концовъ для увѣщаній самъ губернаторъ, то и его посчитали подставнымъ. Дѣло окончилось сравнительно благополучно, хотя не безъ некоторой экзекуціи.

Въ отдѣлѣ «Критика и бібліографія» помѣщены рецензії о слѣдующихъ книгахъ: 1) Альбомъ выставки XII археологического съѣзда въ г. Харьковѣ. Подъ ред. и съ объяснит. текстомъ проф. Е. Рѣдина (стр. 1075—1077); 2) Костомаровъ Н. И. Собрание сочиненій. Т. I—III. Издан. Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ (стр. 1087); 3) Д. Баштышь-Каменскій. Исторія Малой Россіи. Въ 3-хъ частяхъ. 4-ое изданіе (стр. 1088—1090).

Русская Мысль, № 12.

C. Русова «Старое и молодое въ современной малорусской литературѣ» (стр. 191—201). Статья эта, проводящая ту мысль что современная малорусская литература освѣщаетъ уже не только формы прежней жизни націи, но и новыя явленія въ ней, для иллюстраціи останавливается, главнымъ образомъ, на четырехъ, авторахъ: Мирный, Карпенко-Карый, Коцюбинскій и Стефаникъ.

Въ отдѣлѣ «Внутреннее Обозрѣніе» помѣщена маленькая замѣтка объ украинскомъ композиторѣ Н. В. Лисенкѣ по поводу 35-тилѣтія его музыкальной дѣятельности (стр. 247).

Въ «Бібліографич. отдѣлѣ» напечатана маленькая рецензія о книгѣ М. Комарова «Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ» (стр. 420).

Русское Богатство, № 11 и 12.

Въ № 11 напечатано «Письмо въ редакцію» редактора и сотрудниковъ VII-тома «Россіи» (изд. А. Ф. Девріена). Письмо это вызвано рецензіей на указанный томъ, посвященный описанію Малороссіи. Рецензія была напечатана въ іюльской книжкѣ Русск. Богатства и отмѣтила цѣлый рядъ промаховъ составителей

этого тома. Въ письмѣ даются разъясненія и возраженія рецензенту (стр. 230—237).

Труды Киевской Духов. Акад., № 7—11.

Д. Вишневскій. Киевская Академія въ первой половинѣ 18-го вѣка. (№ 7, 8 и 9; окончаніе). Начиная съ 3-ей главы (первые главы напечатаны въ № 5 и 6), авторъ рассматриваетъ задачу академического образования и средства ея выполненія; науки, преподававшіяся въ Академіи, общее направленіе ихъ: вѣдѣніе класснаго занятія учителей. Общее состояніе нравственно-воспитательного дѣла въ Академіи первой половины 18-го в. (№ 7, стр. 353—410; № 8, стр. 586—632; № 9, стр. 49—67 и приложенія: стр. 68—100).

А. Н. Войтковъ. Іовъ Базилевичъ, епископъ Переяславскій, и участіе его въ церковно-политич. жизни Польской Украины 1771—1776 г.). Начиная съ 3-ей главы (первые главы напечатаны въ № 5 и 6), посвященной преосв. Іову, какъ епископу Украины, авторъ передаетъ факты изъ жизни преосвящ. съ момента прибытія его въ Переяславъ въ 1771 г. Въ первые два года въ краѣ замѣчается торжество православія и русской народности, хотя украинское духовенство далеко не отличалось нравственными качествами, съ чѣмъ преосв. Іову пришлось вести упорную борьбу, особенно же съ пьянистомъ. (№ 7, стр. 429—500). Въ главѣ 4-ой, и послѣдней, указывается на поворотъ къ худшему въ жизни православной церкви, такъ какъ съ 1773 года начинается въ краѣ превосходство польско-уніатской партии. (№ 8, стр. 633—715).

В. Дурдуковскій. Историч. записка о соединенныхъ Киево-Подольскомъ и Богословскомъ духовныхъ училищахъ (№ 9, стр. 118—142). Это есть актова рѣчь, въ которой кратко указана исторія кіево-подольского духовнаго училища, ведущаго свое начало отъ старой бурсы, возникшій около половины 18-го вѣка.

Ѳ. Т. Къ вопросу о значеніи Киевской Академіи для православія и русской народности въ XVII—XVIII в.в. (№ 11, стр. 375—407; окончаніе слѣдуетъ). Это есть рефератъ, читанный

въ Церковно-историческомъ и Археологическомъ Обществѣ при Киевской Духовной Академіи. Вызванъ былъ этотъ рефератъ статьей г. Яблоновскаго подъ заглавиемъ «W sprawie «Akademii Kijowsko-Mohilanskiej», wydanej w 1900 r. «ad honorem quingentesimi anniversarii almae matris Jagellonicae». Дѣло въ томъ, что по поводу обширнаго сочиненія г. Яблоновскаго о «Кіево-Могилянскай Академії», Ф. Т. напечаталъ обширный разборъ въ Трудахъ Кіевск. Дух. Академіи, чѣмъ вызвалъ отвѣтную статью г. Яблоновскаго въ «Kwartalnik'ѣ historyczn'омъ» съ вышеприведеннымъ заглавиемъ. Сущность реферата Ф. Т.—доказать, что Кіевская Академія исполняла свою самобытную роль и не была только посредницей между западною и восточною культурою, что она не можетъ быть по своему образовательному и воспитательному вліянію на юношество приравниваема къ Krakовскому Ягеллоновскому университету, какъ это утверждаетъ г. Яблоновскій.

Земський Сборникъ Чернig. губ., № 10—11

Въ отдѣлѣ «Земська Ізвѣстія» напечатаны краткія извѣстія о проектѣ Лохвицкаго земства издавать учебники для народной школы, приоравливая ихъ къ особенностямъ мѣстнаго языка. Указаны мнѣнія комиссіи, избранной Полтавск. губ. земствомъ для разсмотрѣнія этого вопроса, и медленность ея работы. А между тѣмъ, говорится въ «обзорѣ», нужда въ учебникахъ, вполнѣ понятныхъ по языку для дѣтей малорусскихъ школъ, весьма настоятелѣная (стр. 32—36).

Гр. Коваленко. Дѣятельность и значеніе И. П. Котляревскаго въ исторіи украинскаго общества (стр. 152—163).

Учен. Записки Имп. Казанс. Univ., № 12.

К. Михальчукъ. «Къ вопросу объ отвердлнніи слововъ въ малорусскомъ яз.» (стр. 24—30). Эта маленькая статейка есть извлеченіе изъ письма автора къ проф. Казан. унив. В. А. Богородицкому, написаннаго по поводу его сочиненія «Очерки по языковѣдѣнію и русскому языку». Мысль автора письма, что южно-

русские говоры, по отношению къ мягкости согласныхъ и небныхъ гласныхъ звуковъ, всегда занимали, какъ и теперь занимаютъ, средину между группами съверо-славянскихъ говоровъ—съ одной стороны, и южно-славянскихъ—съ другой.

Южные Записки, № 1—4.

Съ 14 декабря прошлого года началъ издаваться въ Одессѣ еженедѣльный журналъ «Южные Записки», посвященный, какъ видно изъ вступительной статьи «Отъ редакціи», всесторонней разработкѣ вопросовъ жизни южныхъ губерній. Привѣтствуя появление органа, въ которомъ давно уже чувствуется настоятельная нужда, мы вносимъ его въ число обозрѣваемыхъ нами журналовъ, отмѣчая въ немъ заглавія всѣхъ тѣхъ статей, которыя касаются жизни Южной Руси, кромѣ отчетовъ о разныхъ засѣданіяхъ и собраніяхъ городскихъ думъ и земствъ.

Кондратенко. Къ юбилею Н. В. Лисенка (№ 1, стр. 49—57).

Р-ръ. Рецензія о книгѣ М. Комарова «Т. Шевченко въ лите-ратурѣ и искусствѣ». Бібліографіческий указатель. (№ 2, стр. 33).

Литературно-Науков. Вистнику, 1904 г. № 1.

1) «Соловейко» (Зъ нагоды 35 лить ювилею М. В. Лисенка), написала Ганна Барвинокъ.

2) «Мыколи Лисенкови на споминъ дня 7-го грудня 1903 року». Іоанна Лепкою (стихъ, выголошений авторомъ підъ чашь музичної Академії на честь М. Лисенка).

3) «Кантата на честь и славу М. Лисенку».

4) «Артистъ Якова Жарка».

5) Герой по неволі» Івана Франка (перша половина по-вистки на тлі подїй зъ 1848 року у Львові).

6) «Мынуле» (оповидання батюшкы), Лысака Тамаренка.

7) «На стричу сонцю золотому», початокъ повисти *Марії Колищунякъ*.

- 8) Изъ недрукованыхъ поэзій *Юрія Федъковича*.
- 6) «Рай чы пекло?» *Марка Твайна*, перекл. М. Лозинський.
- 10) «250 літъ» *Михайла Грушевського* (зъ нагоды 250-ои річныци договору Хмельницького зъ Москвою).
- 11) «Нови погляди на діяльність св. Кирила и Методія», початокъ наукової полемики д-ра *Володимира Коцковською* зъ берлинскимъ профессоромъ д-ромъ *A. Брикнеромъ*.
- 12) «Платоничный панславизмъ», видчыть *И. Бодуэна де Куртене*.
- 13) «Лисенкове свято въ Австрії» *Івана Франка*.
- 14) Хроника и бібліографія.

Ізвѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Святе письмо Старого Завѣту мовою русько-украинською. Перекладъ Кулиша, Левицкого и д-ра Полюя. Видання Британського и заграницнаго біблійного товариства въ Лондоні. Покойный Кулишъ послѣдніе годы своей жизни, какъ извѣстно, работалъ главнымъ образомъ надъ переводомъ св. Писанія на украинскій языкъ. Не успѣль онъ окончить своей работы, такъ-что послѣ его смерти осталась почти четвертая часть Старого Завѣта непереведеною, и заканчивалъ эту работу извѣстный нашъ писатель И. С. Нечуй-Левицкій. Когда-же въ 1902 году право изданія этого перевода перешло въ собственность Лондонскаго Біблейскаго Общества, то оказалось, что и Псалмы еще не переведены. За этотъ послѣдній трудъ взялся проф. Полюй въ Прагѣ, который, кромѣ того, принялъ на себя редакцію всего труда. Какъ сообщаетъ «Дило», Старый Завѣтъ уже отпечатанъ, и первые экземпляры его посланы С.-Петербургской Академіи Наукъ, Науковому Товариству имени Шевченка во Львовѣ и Товариству «Просвіта» во Львовѣ.

Новыя русинскія газеты. Въ декабрѣ мѣсяцѣ начали выходить въ Галиции и Буковинѣ три новыя газеты: 1) въ Тернополѣ «Подольский Голосъ», органъ Тернопольской народной организації; выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ и стоитъ 3 кор. въ годъ; 2) въ Станиславовѣ «Нова Сичъ», еженедѣльная газета, цѣна 4 кор. въ годъ; 3) въ Вапшивцяхъ

(на Буковыни) «Промінь», органъ русинскаго учительства; выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ и стоитъ 6 кор. въ годъ.

Въ городѣ Одесѣ сданъ въ цензуру объемистый украинскій альманахъ «Багаття», составленный подъ редакціей И. Л. Липы. Въ настоящее время тамъ же готовится подъ редакціей Сергія Павленка изданіе альманаха «Промінь». Для этого изданія редакція, въ числѣ другихъ произведеній на украинскомъ языку, уже имѣть въ своемъ портфелѣ прекрасную повѣсть нашего талантливаго украинскаго писателя Ивана Левицкого — «На гастроляхъ въ Мыkyтинахъ», только что оконченную авторомъ.

Редакція «Проміня» просить авторовъ оказать изданію содѣйствіе присылкой своихъ произведеній на украинскомъ языку для напечатанія въ альманахѣ, по адресу: въ городѣ Одессы, Херсонская, домъ № 52, доктору медицины Ивану Митрофановичу Луценку.

Въ Кіевѣ приступаютъ къ печатанію украинскаго альманаха «На згадку про Ив. Котляревського». Къ сожалѣнію весь матеріаль, предназначавшійся для этого солиднаго изданія не попадетъ, по независящимъ отъ издателей обстоятельствамъ. Такъ напримѣръ, не будутъ помѣщены научныя и критическія статьи, написанныя на украинскомъ языку и кое-что изъ беллетристики; тѣмъ не менѣе изданіе это представляетъ значительный интересъ, такъ какъ въ немъ принимаются участіе всѣ выдающіяся силы украинской литературы обѣихъ частей Украины—российской и австрійской.

Въ Кіевѣ же составляется другой альманахъ въ честь маститаго украинскаго писателя И. С. Левицкаго по случаю его 35-тилѣтней литературной дѣятельности.

Изъ Кіева же посланъ на разрѣшеніе петербургской цензуры сборникъ стихотвореній известнаго украинскаго поэта—сатирика С. Майленка (псевд. Сывенький).

Въ «Вѣсти. Юга» (№ 640) Гр. Сьюбочный помѣстилъ довольно большую рецензію о книгѣ Б. Гринченка «Пысання». Томъ I. У Кыиви 1903 р.

Въ «Полтав. Вѣсти.» (№ 292) напечатана статья по поводу предстоящаго празднованія столѣтія Полтавской епархіи; тутъ дается крат-

кая историческая справка о всемъ времени существованія этой епархіи, именовавшейся первоначально Переяславскою (въ XI в.). Въ №№ 302—304 той-же газеты помѣщено описание празднества столѣтія Полтавской епархіи, происходившаго въ Полтавѣ, въ чокояхъ преосв. Иларіона; большая часть этого описанія посвящена изложенію прочитанной въ засѣданіи В. Терлецкимъ исторической записки «о прошломъ Полтавской епархіи и ея архиастыряхъ».

Въ газ. «Волынь» (№ 252 и 254) помѣщена статья д-ра *Антона И.* въ переводѣ съ польск. яз. «Городъ Каменецъ-Подольскъ. Исторический очеркъ». — Въ томъ-же № 254 начата печатаніемъ и другая статья подъ заглавіемъ «Послѣдніе дни господства турокъ въ Каменецѣ и передача города Польшѣ» (Историч. справка по Ролле).

Въ газ. «Вѣстникъ Юга» (№ 625) помѣщена статья *Григорія Свободного* подъ заглавіемъ «Нѣсколько мыслей вслухъ, о „педагогическихъ бесѣдахъ“ г. Лубенца». Содержаніемъ статьи служать мысли автора по вопросу о малорусскомъ языке въ школѣ, о чёмъ г. Лубенецъ въ своихъ бесѣдахъ высказалъ мнѣнія, слишкомъ неглубоко заглядывающія въ сущность вопроса

Въ газ. «Вѣсти. Юга» (№ 617) напечатана поминка о покойномъ украинскомъ беллетристѣ и публицистѣ А. Я. Конисскомъ по поводу третьей годовщины его смерти.

Во львовской газетѣ «Дило» на дняхъ помѣщена статья, подъ заглавіемъ «Въ спрavi потребы заснованія Музичного Института у Львови», въ которой приводятся интересныя свѣдѣнія объ украинской музыке и представителяхъ ея въ прежнее время, преимущественно въ началѣ XVII вѣка.

Появился въ продажѣ «Збирники исторично-фільософичної секціи Наукового товариства имени Шевченка». (Томы VI и VII).

Появился въ продажѣ сборникъ разсказовъ Ивана Франка, подъ заглавіемъ «Малый Мирина и ини оповиданія».

Профессоръ львовскаго университета М. Грушевскій недавно подпишаль контрактъ съ извѣстной книгоиздательской фирмой Тайбнера въ Лейпцигѣ обѣ изданіи на нѣмецкомъ языкѣ его труда «Історія Украины--Руси». Право продажи этого изданія дается на 15 лѣтъ. Переводъ будеть сдѣланъ со 2-го украинскаго изданія, первый томъ котораго появится въ продажѣ въ началѣ 1904 года.

Вышелъ во Львовѣ *первый русинскій иллюстрированный календарь музикальный на 1904-й годъ*, съ литературнымъ приложеніемъ. Въ этомъ календарѣ, между прочимъ, есть большая статья Домета о Н. В. Лисенкѣ.

Библіографіческий указатель музикальной и лите- тературной дѣятельности Н. В. Лисенка.

(1868—1903 г.).

ОТЪ СОСТАВИТЕЛЯ.

Предлагаемый указатель извлеченъ изъ предпринятаго мною, но пока незаконченного, труда по малорусской библіографії. Не раз-
считывая поэтому на совершенную полноту настоящаго указателя, ду-
маю однажды, что все выдающееся въ дѣятельности Н. В. Лисенка вошло въ мой указатель и пропуски могутъ быть незначительные. Заглавія произведеній Н. В. Лисенка вошли въ мой указатель непо-
средственно изъ подлинниковъ и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ заимствованы изъ каталоговъ или иныхъ подобныхъ источниковъ. Весь собранный матеріалъ размѣщенъ въ двухъ отдѣлахъ: въ первомъ приведены заглавія произведеній Н. В. съ указаніемъ известныхъ мнѣ рецензій и другихъ библіографическихъ свѣдѣній подъ тѣми произведеніями, къ которымъ онѣ относятся, а во второмъ—помѣщена ли-
тература о Н. В. Лисенкѣ, т. е. библіографическая замѣтки и очерки и статьи общаго содержанія о его дѣятельности, какъ композитора и
этнографа. Въ обоихъ отдѣлахъ собранный матеріалъ изложенъ въ хронологическомъ порядке, при чёмъ въ первомъ отдѣлѣ иногда при-
ходилось считаться съ затрудненіемъ относительно времени выхода въ свѣтъ тѣхъ или иныхъ музыкальныхъ произведеній, такъ какъ годъ издаванія на такихъ произведеніяхъ обыкновенно почему то не обозначается. Большая часть указаній заносилась въ мои записи не-

посредственно послѣ выхода въ свѣтъ того или иного произведенія Н. В., и такія указанія безошибочны; но не всегда я имѣль къ этому возможность, и въ такихъ случаѣахъ приходилось опредѣлять годъ изданія на основаніи цензурной даты съ принятіемъ въ соображеніе за-кона, по которому цензурное разрѣшеніе имѣетъ силу въ теченіе года, такъ что въ подобныхъ случаѣахъ ошибка во времени, конечно, можетъ быть, но лишь въ предѣлахъ одного года. Заглавія всѣхъ произведеній Н. В. и оглавленія содержанія ихъ вносились въ указатель съ точнымъ соблюденіемъ правоисписанія, какимъ онѣ напечатаны, чѣмъ и объясняется разнообразіе въ малорусскихъ заглавіяхъ и отглавленіяхъ, приведенныхъ въ указателѣ. Въ концѣ указателя мною приложено краткое оглавленіе первого отдѣла, съ распределеніемъ при разысканіи по родамъ творчества, могущее служить къ облегченію произведеній того или иного произведенія и вмѣстѣ съ тѣмъ дающее возможность наглядно видѣть разнообразіе творческой дѣятельности Николая Витальевича Лисенка.

— М. К.

I.

Творчество Н. В. Лисенко.

1868 г.

- 1. Збирнѣкъ українськихъ писень.** Зибравъ и у ноты завивъ **М. Лисенко.** Выпускъ I-й. 95 ст. 40. Ц. 2 р. 50 к. Кіевъ — Ільинський у Редера (40 пѣсень съ нотами для пѣння и фортепіано: 1. Ой зійшла зоря вечировая. 2. Оженьвся козак. 3 и 4. Ой пыла та Лемерыха. 5. Охъ и ты Гетьмане. 6. Ой пущу я конышенька въ саду. 7. Ой ще не свить. 8. Ой у поли та у Барышполи. 9. Та не журь мене, моя маты. 10. Охъ и горе, нещаслива доле. 11. Ой у лузи та и при берези. 12. Максимъ козакъ Зализнякъ. 13. Гей не дывуйте. 14. Ой косьть хазяинъ. 15. Ой не стелися, хрещатый барвинку. 16. Ой у поли крыныченъка. 17. Ой тлубокий колодязю. 18. Ой поплыви вутко 19. Ой и зрада, кари очи, зрада. 20. Ой маты. 21—23. Ой гаю, мій гаю. 24. Чы ты мылый прыпавъ пыломъ. 25. Зеленая линцинонько. 26. Ой на гору козакъ воду носить. 27. Ой повій, буйный витре. 28—29. Та бодай тая степовая могила. 30. Дугомъ иду, коня веду. 31. Дошыкъ

кане дрибненько. 32. Ой не шумы луже. 33. Ой учора горавъ. 34. Ой ишовъ я вулицю разъ. 35—36. Джигунъ. 37. Чумарочка рябенека. 38. Чорна гречка, били крупы. 39. Колы бъ мени Господы. 40. Король).

Кіевлянинъ, 1868 г. № 139. Музикальная повесть.

1869 г.

2. Збирники українськихъ писень. Зибрали и у ноты збивъ *M. Лисенко*. Випускъ II-й, 81 ст., 40. Ц. 2 р. 50 коп. Кінъ-Липське. Дозволено цензурою. Спб. 27 мая. 1858 г. (40 пісень съ нотами для пѣнія и фортепіано: 1) Про Надія та Мазепу, 2) Про Швачку, 4) Про Саву Чалого, 4) Про руйновання Сичи, 5) Про Харька, 6) Ой не гараздъ запорожци, 7) Гоминъ, гоминъ по дібрowi, 8) Ой не пугай пугаченку, 9) Ой крыкнула лебедонька, 10) Ой изъ-за гори та зъ-за кручи, 11) Ой чумаче, чумаче, 12) Ой по гори сири волы ходила, 13) Ой щожъ бо то тай за воронъ, 14) Та не спавъ яничку, 15) Та забилили сниги, 16) Та по-за садомъ, 17) Ой по горахъ сниги блають. 18) У Кыїви на рynoчку, 19) Та туманъ яромъ, 20) Та жила соби та удивонька, 21) Казавъ мени батько, 22) Ой ты ми-сяцю, зоре, 23) Щось у лиси зашумило, 24) Ой ходила дивчина бе-режкомъ, 25) Ой у поли озерце, 26) Ой запывъ козакъ, 27) Ой важу я, важу, 28) Выйду я на тироньку, 29) Ой ненько, зацвило серденько, 30) Туманъ по долини, 31) Розвивайся ты дубочку, 32) Ой я въ батька сдъянци, 33) Ой выйду я за воритечка, 34) Ой зайды ясень мисяцю, 35) Ой по горахъ, по долинахъ, 36) Ой пиду жъ яли-сомъ, 37) Не хылыша сосно, 38) Ой не свиты мисяченку, 39) Горе мени на чужыни, 40) Ой, Гандзю мылостыва).

1871 г.

3. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка. Спорудивъ *M. Лисенко*. Стихотворенія Т. Шевченка, на музыку переложенные Н. В. Лисенкомъ. Спб. Изданіе второе. (О первомъ изданіи свѣдѣній не имѣю). Кыївъ, У Б. Корейво, 1871 г.). (Дозволено цензурою. Спб. 9 июня 1870 г.) 54 ст., 40. Ц. 1 р. 25 к. (10 пісень для пѣнія съ аккомпанементомъ фортепіано: 1) Ой одна я, одна, якъ былынонька въ полі (для сопрано), 2) Туманъ, туманъ долиною (сопр.), 3) На городи коло броду (сопр.), 4) Садокъ вишневый коло хаты (сопр.), 5) Ой чого ты почорнило (барит.), 6) На що мени черни бровы (сопр.), 7) Ой люди,

люли (сопр.), 8) Якъ бы мени, мамо, намысто (сопр.), 9) Надъ Дні-
провою сагою (контръ-альто), 10) Сонце заходыть (трю).

1873 г.

4. Збирнікъ українськихъ писень. Зибрахъ и у ноты за-
вивъ *М. Лисенко*. Выпускъ I. Друге видання. 81 сот., 4⁰. П. 2 р.
50 к. Липське-Киевъ. (Содержаніе см. за 1868 г. № 1).

5. Збирнікъ українськихъ писень. Зибрахъ и у ноты за-
вивъ *М. Лисенко*. Выпускъ II. Друге видання. Липський-Киевъ.
П. 2 карбованця. (Содержаніе см. за 1869 г. № 2).

Ларашъ. Голосъ, 1873 г. № 252.

1874 г.

6. Плачъ Ярославны. Частина зъ поэмы «Слово о полку
Игоря» по перекладу *M. Максимовича*. Музыку зложывъ *М. Ли-
сенко*. Киивъ, 13 ст. 8⁰. П. 50 к. Нотопечатня Бесселя въ С-Пе-
тербургѣ.

7. Чумакія народныя пѣсни. Собралъ *И. Рудченко*. К.
1874 г., 257 ст. 8⁰. П. 1 р. 30 к. Въ сборникъ этомъ 72 пѣсни со
многими варіантами, изъ которыхъ 13 положены на ноты *М. Ли-
сенкомъ*.

**8. Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ
юго-западный край,** снаряженной Императорскимъ Географическимъ
Обществомъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя д. ч. Общества
P. Чубинскимъ. Т. IV, Спб., 718 ст. 8⁰. Обряды: родины, крестины,
свадьба съ соответствующими пѣснями подъ редакціей *H. Костомарова*. Въ этомъ томѣ напечатано болѣе 2000 пѣсень, изъ которыхъ
138 положены на ноты *H. Лисенкомъ*.

**5. Характеристика музыкальныхъ особенностей малорус-
скихъ думъ и пѣсень, исполняемыхъ кобзаремъ Остапомъ Ве-
ресаемъ.** Рефератъ *H. Лисенка*. Записки юго-западного отдѣла Импе-
раторского Географического Общества. Т. 1-й за 1873 г. К., 1874 г.
ст. 339—366. Тамъ же: *Ноты къ думамъ и пѣснямъ, исполняемымъ
O. Вересаемъ*, всѣхъ 9+7 номеровъ, стр. 1—28. Все это вмѣстѣ со
статьей А. Русова: «*Остапъ Вересай, одинъ изъ посыдничихъ кобзи-
рей*» издано также въ 1874 г. отдѣльнымъ изданиемъ подъ заглавиемъ:
«*Кобзарь Остапъ Вересай, его музыка и исполняемые имъ народныи
пѣсни*».

10. Різдвяна ничъ. Оперета по Гоголю въ 4 діяхъ. Текстъ М. Старыцького. Музыка М. Лисенка. К. Ц. 35 к.—Тоже 2 изд. Южнорусского книжного магазина, К., 1876 р., 82 ст. 8⁰. Ц. 35 к.—Тоже 3-е изд. Л. Ильницкаго подъ заглавиемъ **Різдвяна ничъ**, музыкальна комедія въ 4 діяхъ. Текстъ и вирши М. Старыцького, музыка М. Лисенка. К., 1882 г., 109 ст. 12⁰. Ц. 50 к. Во всѣ эти издания вошелъ лишь текстъ оперетты безъ музыки. О самой опереттѣ и музыкѣ къ ней, а также о постановкѣ оперетты на сценѣ см.

1. *Киевлянинъ*, 1873, № 26 и 1874, № 15 и 18.
2. *Извѣстія*, Кіевскій Телеграфъ, 1874, № 3.
3. *С.-Петербургскія Вѣдомости*, 1874, № 91 и 179.
4. *Кіевскій телеграфъ*. 1875, № 30.

1875 г.

Молодощи. Збирникъ танківъ та весняночкъ. Гри, спивы весняни, дытячи, дивочи, жиночи, мишани. *M. Лисенка*. К., 60 ст. 4⁰. Ц. 1 р. 20 к. (Всѣхъ пѣсень съ нотами для пѣнія 37. Гри: 1) Огирочки, 2) У калача, 3) Горобейко, 4) Макъ, 5) Макъ иной, 6) Щемакъ, 7) Дзѣбка, 8) Лёнъ, 9) Перецилка, 10) Галка, 11) Шумъ, 12) Воротарь, 13) Король, 14) Дибровонька або дощечка, 15—17) Крытый танецъ, 18) Плету плетеныцю. Танокъ, 19) Нелюбъ, 20) Горобейко, 21) Щитка, 22) Зайко, 23) Кизлыкъ, 24) Чоловикъ та жинка *Веснянки*: 1) Ой не росты, кроне, 2—3) Ой весно весняночко, 4) Ой вже весна красна, 5) Ой ты сывая та зозуленко, 6) Ходить сорока коло болота, 7) Ой тамъ на гори, 8) Перелеты соколоньку, 9) Выйди, Грицю, на вулыцу, 10) Коло Дунаечку, коло бережечку, 11) Та вилынь селезню, 12) Просылася галочка, 13) Ой тамъ на морижку).

1876 г.

12. Збирникъ українськихъ писень. Зибрали и у ноты заливъ *M. Лисенка*. Випускъ III, Київъ, 83 ст., 4⁰. Ц. 2 р. 50 к. Всѣхъ пѣсень съ нотами для пѣнія и фортепіано 40: 1) Про Кальнишевського, 2) Про Нечая, 3) Про Байду, 4) Тече вода зъ-пидъ каменю, 5) Що въ Кышви на рynoчку, 6) Ой летивъ пугачъ, 7) Ой горе тій чайци, 8—9) Вылігали орлы, 10) Ой ты багачу, 11) Ой оре Семенъ, 12) Що молода жинка зъ старымъ мудровала, 13) Ой хмелю мій, хмелю, 14) Тижко важко ой хто кого любить, 15) Ой у

поли былынонъка волыжается, 16) Охъ и бачится лисокъ не высокъ.
 17) Не спивайте пивни, 18) Ой чым то волы по гори ходылы, 19)
 Та и за тучами громовыми, 20) Ой жаль мени вечиронъка, 21) Ой
 сама жъ я, сама, якъ былынонъка въ поли, 22) Ой сама жъ я ише-
 ныченъку жала, 23) Ой щось мени не легко, 24) Чы я вилыла, чы я
 вбрела; 25) Ой жаль мени, 26) Тыло Дунай воду несе, 27) Та колы бъ
 мени доля, 28) Ой не стукай, 29) Ой у лузи волыки въ плузи, 30)-
 Ой у поли крънъченъка, 31) Та болять ручки-нижки, 32) Ой ишовъ
 козакъ зъ косовыци, 33) Ой перепилочка, 34) Що слава въ свити
 маля, 35) Безъ тебе Олесю, 36) Колы бъ маты не была, 37) Та куды
 йидешъ, Явтуше, 38) Якъ пойихавъ мій мыленъкий, 39) Чомъ, чомъ
 чернобровъ, 40) Про Куперяна).

13. Писни М. Лисенка. Слова Т. Шевченка. Сиб., у Бесселя.
 (Дозволено цензурою, Сиб., 2 мая 1875 г.). Три пісні: 1) Полюбилися я (для мено-сонрано або альт), 2) Утоптала стежечку, 3) Закувала зозуленъка. Ц. за 1 и 2 по 20 к., за 3—30 к.

14. Op. 2. Сюита із зъ українськихъ писень. Для фортепіано уложивъ М. Лисенко. К. Ц. 1 р. 80 к. Всѣхъ 6 номеровъ: 1) Preluda (Хлопче молодче), 2) Couranta (Помалу-малу, братику, грай), 3) Toccata (Пишла маты на село), 4) Sarabanda (Сонце нызенько) 5) Gavotte (Ой, чия ты, дивчино), 6) Scherzo (Та казала мени Со-зоха прыйди). Цѣна каждой въ отдельности отъ 30 до 60 коп.

15. Op. 8. Rhapsodie sur des thèmes de l'Ukraine: Grand morceau de concert pour le Piano par Nicolas Lissenko. (Дозвол. цензурою, К., 14 мая 1875 г.). 21 ст. 4⁰. Ц. 1 р. 50 к. Посвящается à Madame Sophie Roussow. Лейпцигъ. Типогр. Грайхена и Риля. Кіевъ. у Б. Корейво.

16. Op. 15. Barcarolle. Compositions pour le Piano Nicolas Lissenko. (Дозволено цензурю 14 мая 1875 г.). Лейпцигъ. Типографія Грайхена и Риля. Kieff, cherz B. Korejwo. Ц. 75 к.

17. Op. 18. Думка-шумка. 2-me Rhapsodie de l'Ukraine pour le piano composée par N. Lissenko. (Дозволено цензурою. Кіевъ. 14 мая 1875 г.). 11, ст. 4⁰. Prix 90 сор.

1877 г.

18. Op. 6. Valse brillante. Pour le Piano. N. Lissenko. К. Ц.
 1 р. 20 к.

19. Op. 7. **Polonaise de Concert en g**. Pour le Piano. N. Lissenko. К. Ц. 1 р. 50 к.

20. Op. 10. **Deux chants sans paroles**. Pour le Piano. N. Lissenko. К. 75 к.

21. Op. 12. **Le Rêve. „На солодкимъ меду“**. Mrія. N. Lissenko. К. Ц. 90 к. (для фортепіано).

22. Op. 17. **Valse mélancolique**. Pour le Piano. N. Lissenko. К. Ц. 75 к.

23. Op. 22. **Ходыть гарбузъ по городу**. Pour le Piano. N. Lissenko. К. Ц. 75 к.

1878 г.

24. **Чорноморци**. Оперетта по Кухаренку въ 3 діяхъ M. Старыцкію. К. 74 ст., 8^о. Ц. 25 к. Къ ней музика М. Лисенка для скрипки и фортепіано. К. Ц. 75 к.

1881 г.

25. **Автобіографія М. Лисенка**. Світ (Львовская газ. подъ ред. И. Франка) 1881 г. № 5.

1882 г.

26. **Гамлетъ, прынцъ Данській**. Трагедія I. Шекспира. Пер. M. Старыцкій. Въ прыложо музыки М. Лисенка. К., 202 ст. 12^о Ц. 1 . Въ концѣ приложены ноты: *Синевъ Офеліи*, музика М. Лисенка, № 1—9 стр. 1—12.

1883 г.

27. **Чорноморци**. Оперетта у 3 діяхъ. За-для скрипки зъ проводомъ фортепіано або-жъ за-для співъ зъ фортепіано. Текстъ по Кухаренку склавъ M. Старыцкій. Музыка М. Лисенка. К. 60 ст. 8^о. Цѣна для скрипки съ аккомпанементомъ фортепіано 1 р., съ прибавленіемъ текста для пѣння въ отдельной папкѣ 1 р. 20 коп. Ноты 30 стр. 4^о. Всѣхъ № 32. Кіевъ, у Б. Корейво. Типографія К. Милевскаго. (Дозв. цензурою, К. 1883 г. 21 января). Рецензія на эту оперетку, главнымъ образомъ по поводу постановки ея на сценѣ, см.

1) Одесский Вѣстникъ, 1884, № 2.

2) Суспільство, Одесский Вѣстникъ, 1884, № 10 (о музыкѣ).

3) Другой рецензентъ, Одесский Вѣстникъ, 1884, № 17.

- 4) *Бекаръ*. Одесский Вестникъ, 1884, № 21. Письмо въ редакцію.
- 5) *Дѣло*. (Львовская газ.) 1885, № 125. Театръ.
- 6) *Новости*. (Петербург. газ.) 1886, № 321.
- 7) *Боцовскій В.* Зоря (Галиц.) 1888, № 20. Театръ.

28. Різдвяна нічъ. Опера въ 4 діяхъ и 5 картинахъ. Либрето по Гоголю зложивъ *M. Старыцкий*. Музыка *M. Лисенка*. К. Композитъ *L. Ильницкого*. 128 ст. 12⁰. Ц. 50 к. Въ этомъ изданіи помѣщены только текстъ оперы, съ изложеніемъ содержанія каждой сцены по-русски. Объ этомъ изданіи см.:

1. *Заря* (Кіев. газ.) 1883 № 17. Искусство и литература.
2. *Кіев. Старина* 1883 кн. 6. Малорус. изданія.

1884 г.

29. Різдвяна нічъ. Комико-лирична опера *M. Лисенка*. Текстъ по Гоголю *M. Старыцкою*. К. 350 ст. 8⁰. Ц. 10 р. (Поставлена впервые въ г. Харьковѣ въ 1883 г. Теперь ц. 8 р.).

1. *Б—цкій*. Музикальный міръ 1883 № 8.
2. *Заря*. (Кіев. Газ.) 1883 № 68. „Два мнѣнія о малорусской оперѣ „Різдвяна нічъ”.
3. *Зоря*. (Галиц. газ.) 1883 № 4. Нова малоруська опера.
4. *Статистический листокъ*. (Харьков. газ.) 1883 № 1.
5. *Южный край*. 1883 № 728 отъ 2 февраля.
6. *Journal de St. Petersburg*. 1884 № 239.
7. *Заря*. (Кіев.) 1884 № 275. Отзывъ П. Сокальского объ оперѣ „Різдвяна нічъ”.
8. *Ma(tw)e)wo A.* Къ исторіи южно-русской музыки. (Опера „Різдвяна нічъ”—М. Лисенка) Одесса, 1884 г. 32 стр. 16⁰. Оттискъ изъ газ. Одесский Вестникъ 1884 № 236.
9. *Сокальскій П.* Одесский Листокъ 1884 № 257 и 258.
10. *Матюкъ В.* Зоря (Галиц.) 1885 № 7—13. Музык. оцѣнка.
11. *Московскія Вѣдомости* 1887 № 334. (По поводу постановки въ Москвѣ).
12. *Кіевское Слово* 1887 № 258. „Різдвяна нічъ” на московской сценѣ.
13. *Дѣло* (Галиц.) 1889 № 289. „Різдвяна нічъ” на сценѣ въ Галичинѣ.

30. Materiały etnograficzne z okolic Pliskowa w powiecie Lipowieckiem zebrane przez Pannę Z. D. Opracował C. Nejman. W Krakowie. Особне odbicie ze Zbioru Wiadomości do Antropologii krajowej. T. VIII. 134 ст. 8⁰. Въ этомъ изданіи 137 малорусскихъ пѣсень, изъ которыхъ 20 положены на ноты для инінія *M. Лисенка*.

31. Тетрадь безъ заглавія. На обложкѣ виньєтка съ изображеніемъ бандуриста и группы крестьянъ. Внизу подпись: Дозволено цензурою. Кіевъ. 12 декабря 1883 г. 14 стр. 8⁰. Ц. 30 к. Всѣхъ номеровъ 7: 1) Ой на гори дасылочки. Раскладка *Н. Лисенка* (народня писня); 2) На бережку у ставка. Народня. Розложивъ для хора *Н. Лисенка*; 3) Дивка въ синяхъ стояла. Народня писня. Розложивъ для хора *Н. Лисенко*; 4) Ой надину черевыки. Изъ оперетты «Чорноморци». Муз. *Лисенка*; 5) Ой тамъ на рынке. Народня. *Н. Лисенко*; 6) Сонце нызенько, вечиръ блызенько. Народня. Для хора положивъ *Н. Лисенко*; 7) Ой любывъ та кохавъ. (Издание литографированное).

1885 г.

32. Утоплена (Майська ніч). Оперета по Гоголю въ 3-хъ діяхъ *М. Старницькою*. Музика *Н. Лисенка*. Одесса. 86 стр. 8⁰. Ц. 25 к. Изъ сборника «Ныва», вышедшаго въ томъ же году въ Одесѣ. Издание только текстъ.

1. Заря. (Кіев.) 1884 № 248. По поводу постановки оперетты въ г. Харьковѣ.
2. Одес. Вѣстникъ 1889 № 333.
3. Кримський Вѣстникъ 1890 № 15 и 85. Представленія малороссовъ.
4. Южанинъ 1890 г. № 32.

33. Чорноморци. Оперета по Кухаренку въ 3 діяхъ *М. Старницькою*. Муз. *М. Лисенка*. 2 видання коштомъ Б. Корейво. К. Ц. 25 к. Только текстъ, къ которому музыка *Лисенка* издана въ Кіевѣ въ 1883 г.

34. Молитва. Гимнъ на жиночи голосы зъ аккомпанементомъ фортепіано. Слова *О. Кониською*. Музика *Н. Лисенка*. Львовъ. Музыкальная бібліотека. В. III-й. Ц. 15 кр.

35. Вѣнець. Збирникою найлипшихъ квартетовъ польськихъ и русскихъ. Коштомъ товариства «Лютня». Львивъ. 42 стр. Ц. 45 кр. Въ этомъ сборнике между прочимъ помѣщена музика *М. Лисенка* къ стихотворенію *М. Старницькою*: «На прою!».

1886 г.

36. Збирникою народнихъ українськихъ писень. Зибрали и для хору уложивъ *М. Лисенко*. Перший десятокъ. (Дозв. цензурою К. 16 сентября 1885 г.) К. 14 стр. 8⁰. Ц. 50 к.: 1) Про Байду; 2) Ой на гори та женци жнутъ; 3) Охъ и горе, нещасливва доле; 4) Та

щука рыба въ мори; 5) Ой не стелся хрецатый барвинку; 6) Гулявъ чумакъ на рыночку; 7) Ой тамъ за Дунаемъ; 8) Ой изъ за горы буйный витеръ віе; 9) На що було старому женитися; 10) Та туманъ яромъ котыться).

37. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка—М. Лисенко. Спивы про жиночи та чоловичи голосы, по-одыноки, якъ такъ и гуртови (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія 1-я. К. Изд. Б. Корейво. Повтореніе издания 1871 г. съ присоединеніемъ 3-хъ пісень, изданныхъ въ 1876 г. (см. № 3 и 13-й), а всего 13 пісень. Ц. въ одной тетради 1 р. 80 к. и отдельно каждая пісса 30—60 к.

Заря (Кіев.). 1886 № 9.

38. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка—М. Лисенка. Спивы про жиночи и чоловичи голосы, якъ поодыноки, такъ и гуртови (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія II. К. У. Б. Корейво. (Дозв. цензурою: К. 9 марта 1885). Въ эту серію также входятъ 13 пісень: 14) И багата я и вродлива я; 15) Мынаютъ дни (для баритона); 16) Огни горятъ, музыка трае (теноръ); 17) Тежъ (барит.); 18) Ой Дніпрре, мій Дніпрре! Спивъ Яремы зъ «Гайдамакивъ» (басъ); 19) Гетьманы, гетьманы! Свято въ Чигирини. Зъ «Гайдамакивъ» (барит.); 20) Не женыся на багатій (барит.); 21) Зацвила въ долини (дуэтъ сопрано и тенора); 22) Не тополю высокую (сопр.); 23) За сонцемъ хмаронька плыве. (Квартетъ сопрано, альта и баса); 24) Ой на гори роменъ цвите (тен.); 25) Якъ бы мени черевики (сопр.); 26) Бывать пороги, мисаць сходить. Кантата про одыноки голосы чоловичи, дуэты, тріо и машаний гуртъ зъ проводомъ оркестра; фортепіановый укладъ (*Klavierauszug*) автора. Ц. № 14—26 въ одинимъ зипитку 2 р. 50 к., а варижно видъ 20—50 к., а кантата 1 р. 20 к.

39. До Хортици. Слова Я. Іцоголова (Стугонить Дніпро по скеляхъ). Музыка М. Лисенка. До дня 25-хъ роковинъ смерти Тараса Шевченка. Концомъ Б. Корейво. К. Ц. 60 к.

1887 г.

40. Збирныкъ народнихъ украинськихъ писень. Зибрахъ и у ноты завивъ М. Лисенко. Выпускъ IV-й. К. 80 стр. 4⁶. Ц. 3 р. дозв. цензурою. К. 7 авгуаста, 18 ноября и 17 декабря 1886 г.). Всѣхъ пісень съ нотами для піанія и фортепіано 40: 1) Про Нечая; 2) Про Харка; 3) Про татарський полонъ; 4) Про Михайлаз; 5) Про

Довбуша; 6) Про Голоту; 7) Ой въ городи на ростоци; 8) Та на биду козакъ уродився; 9) Ой пылы козаченъки; 10) Ой на гори огонь гогрить; 11) Гей пшорынгъ по дорози; 12) Ой у Кыиви та на городыци; 13) Гей у степу крынъченъка; 14) Та занывъ чумакъ; 15) Иде чумакъ у дорогу; 16) Охъ и я съ горя; 17) Вудыця гуде; 18) Ревуть воды; 19) Ой изъ за горы зъ за крутои; 20) Побратаався сокиль зъ сизокрылымъ орломъ; 21) Ой изъ за горы та буйный витерь віе; 22) Та колыбъ маты знала; 23) Ой добрая годынонька; 24) Ой чы воленька чы неволя; 25) Роменъ зилля та й у кучеры вистя; 26) Ой тамъ за горою; 27) Та нема гирнъ никому, якъ тій сыротыни; 28) Идо сьогодня я тута; 29) Иду жъ бо я, коня попасаю; 30) Ой ты мисяцюзоре; 31) Щасливому по грбы ходыты; 32) Ой мала я два садочки; 33) Гиля, сири гуси; 34) Плыве качуръ; 35) Жади мои; 36) Бескыдо зеленый; 37) Маріе, Маріе, чого ходашъ-нудынгъ; 38) Задумавъ дидочокъ; 39) Чомъ не прыйшовъ; 40) Ой мій мыслы умеръ.

41. Збирныкъ народнихъ украинскихъ писень. Зибрањъ и для хору уложивъ *М. Лисенко*. Другий десятокъ. (Дозв. цензурою. К. 18 ноября 1886 г.) 18 ст. 8⁰. Ц. 50 к. (1. Ой Сичъ маты; 2. Ой Морозе, Морозенку; 3. Ой пущу я коныченъка; 4. Ой у поля два яворы; 5. Ой гаю мій, гаю; 6. Гей по сынѣму морю; 7. Ой чье козакъ; 8. Ой любывъ та кохавъ; 9. Ой та снывся козакъ; 10. Ой послала мене маты).

42. Quodlibet зъ народнихъ писень. Хоръ *М. Лисенка*, Львовъ. Музикальная библіотека, выпускъ VIII. Ц. 30 кр.

1888 г.

43. Дума о Богданѣ Хмельницкомъ и Барабашѣ. Записаль изъ Кобзаря Н. Вратыци *Н. Лисенко*. Съ нотами. Кіевская Старина, кн. 7, приложение 17.

44. Иванъ Гусъ. Гуртовый синявъ зъ супроводомъ фортепиано до словъ *Т. Шевченка*. Смысавъ до дня 20 роковинъ смерти Т. Шевченка *М. Лисенко*, Львовъ. 7 ст. 4⁰. Ц. 50 кр. Выдавъ І. Паньківській.

1889 г.

45. Збирныкъ народнихъ украинскихъ писень. Зибрањъ и для хору уложивъ *М. Лисенко*. Третій десятокъ. (Дозв. цензурою. К. 16 января 1889 г.). К. 22 ст. 8⁰. Ц. 50 к. [1) Гей гукъ, матя,

гукъ; 2) Розлымыся круто бережкы; 3) Та забилилы снигы; 4) Що по горахъ снигы лежать; 5) Охъ и закувала съяна зозуленька; 6) Туманъ яромъ; 7) Ой на гори власылечки сходять; 8) Та нема гиринъ никому; 9) Ой знаты хто кого любе; 10) Часть до дому, часть).

46. Мылованка и Вечеръ. Дви писни тенорови зъ супроводомъ фортепіано. Слова *M. Старицкаю*. Музика *M. Лисенка*. Львовъ. Бібліотека музикальна в. ХІІІ, 6 ст. 8⁰. Ц. 20 кр.

47. Матушка царица солнце наше красно. Юбилейный хоръ къ празднованію 50-лѣття Кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Слова *E. Полянскай*. Музика *H. Лисенко*. К. 15 ст. 4⁰. У Б. Корейво. Ц. 1 р. 20 к. (Дозв. цензурою. К. 29 марта 1889 г.).

48. Торжественный маршъ ко дню празднованія 50-лѣтняго юбилея Кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ. Для фортепіано въ 8 рукъ *H. Лисенко*. К. Ц. 1 р. 50 к.

1890 г.

49. Збирныкъ украинскихъ писень. Зибрањъ и у ноты за вивъ *M. Лисенко*. Перший выпускъ. Власність выдавця на всі роки. К. 95 ст. 4⁰. Ц. 2½ карбованця. Складъ у Л. Идзиковскаго въ Кіевѣ. (3 издание, содержаніе см. за 1868 г. № 1).

50. Наталка-Полтавка. Перша українська оперета у 3-хъ діяхъ *I. Котляревскаго*. Музику впорядкувавъ *M. Лисенко*. (Дозв. цензурою. К. 24 июля 1889 г.) К. У Б. Корейво. 16 ст. 4⁰. Ц. 1 р. 50 коп. 1500 экз. Литографія Редера въ Лейпцигѣ. (Текстъ оперетти, увертура и 22 № дії іншія съ аккомпанементомъ фортепіано).

1. *Дикъ*. Одесский Вестникъ 1890 № 158.

2. *Комаръ* *M. Зоря* (Галиц.) 1890 № 17 и 23.

51. Коза-дереза. Діячча комична оперета въ 1 дії. *Rус. Граб.* *Lind*. Музику впорядкувавъ *M. Лисенко*. Ґзвинокъ (Галиц. журналъ) № 23. (Текстъ съ музикой).

52. Риздвяна ничъ. Коміко-лирична опера въ IV діяхъ, V картинахъ. Либрето зложивъ *M. Старицький*. Музика *M. Лисенко*. На-кладомъ товарыства «Руска бесида» у Львови. 64 ст. 16⁰. Ц. 30 кр. (Текстъ безъ музики).

53. Образки въ колышнього. Картички изъ прошлаго. *Révérie, par Nicolas Lissenko*. Ор. 13. Посвящается Л. М. Д. Для фортепіано въ 2 руки. СНБ. Музикальные приложения журнала «Баянъ» 1890 г. Аурфель.

1890—1893 г.

54. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка. — *M. Лисенка.* Синеви про жиночи та чоловичи голосы, якъ поодыноки, такъ и гуртови. (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія III. (Дозв. цензурою. К. 16 января 1889—19 іюня 1893 г.) Кіевъ. У Б. Корейво. Москва. Печатня В. Гроссе. (Въ эту серію вошли также 13 пісень: № 27. Реве та стогне Дніпръ широкий (басъ); № 28. И широкую долину; 30. У неділю вранці рано; 31. Мы заспивали, розійшлися (дуэтъ—басъ и сопр.); 32. Ой умеръ старый батько (К.-альто); 32-б. Тежъ (сопр.); 33. Та не дай, Господы, никому (баритонъ або басъ); 34) Матерынь жаль; Ой сяду я пидъ хатою (М.-сопр.); 35) У тієї Катерины хата на по-мости (басъ); 36) По дибрovi вітеръ віє (сопр. або теноръ); 37) Тече вода зъ пидъ явора. Дуэтъ (два сопр.); 39-а) Бувае иноди старый (бар.); 39-б) Тежъ (тен.). Ц. каждой пісні отъ 20—60 к.

1891 г.

55. Збирникъ народнихъ украинскихъ писень. Зибравъ и для хору уложивъ *M. Лисенко.* Четвертий десятокъ. (Дозв. ценз. К. 16 октября 1890 г.) 25 ст. 8⁰. Ц. 50 к. [1) Наступила та чорна хмара; 2) Ой чы се жъ той бурлацюга; 3) Ой бре море; 4) Ой по горахъ сниги биліютъ; 5) Ой пидъ горою, ишь перевозомъ; 6) Ой гыля гусоньки на ставъ; 7) Не топыла, не варыла; 8) Коло млына, коло броду; 9) Спать мени не хочется; 10) Охъ, та не любы двохъ].

56. А. Головатый. Запорожський депутатъ и кобзарь. Написавъ *M. Уманецъ.* Львовъ. 28 ст. 8⁰. Оттискъ изъ журнала «Правда» за тотъ же годъ. Въ концѣ приложена: «Писня А. Головатого» (Ой Боже напиши мылостивый). Написавъ зъ голоса видъ профессора харк. университета А. Потебни *M. Лисенко.*

1892 г.

57. Збирникъ украинскихъ писень. Зибравъ и у ноты за- вивъ *M. Лисенко.* Выпускъ V-й (Дозв. ценз. К. 25 февраля 1892 г.), К. 84 ст. 4⁰. У Б. Корейво. Ц. 3 карбованци. (Всѣхъ п'єсень съ нотами для п'янія и фортепіано 40: 1) Про Переображеноса; 2) Про Супруна; 3) У городи у Тамани; 4) Ой пидъ лисомъ та пидъ Лебеди-номъ; 5) У суботу рано; 6) Ой у недільнику рано; 7) Ой зивильла червона калына; 8) Ой у Гали свекруха лыхая; 9) Ой изъ за горы

доцькъ; 10) Голивонька моя бидная; 11) Ой давно я въ батька була; 12) Чорна хмара наступае; 13) Выйду за ворота; 14) Калынонъка та малынонъка; 15) Ой гай маты; 16) Ой кряче та черненъкий воронъ; 17) Ишовъ козакъ дорогою; 18) Ой здоровава чорноброва; 19) Теперь моя головонька въ гори; 20) Куды витеръ віе; 21) Шлыве щука зъ Кременчука; 22) Чомъ дубъ не зеленый; 23) То зеленая горишына; 24) Ой видсиль гора; 25) Копавъ же я та крыныченъку; 26) Ой бувай здоровъ; 27) Ой прыбудъ, хочь коня добудъ; 28) Ой ты горо кремынай; 29) Ой у лиси клень дерево; 30) Беру воду та зъ переброду; 31) Ой ты дубе кучерявый; 33) То малюсеньке соловьятко; 34) Ниль горою деркачъ дер; 35) На вгороди калына; 36) Стояла на колодци; 37) Ой умеръ та козаченько; 38) Про Петруня; 39) Про чечитку; 40) Ой куме, куме, добра горилка).

58. Збирнъкъ народнихъ украинськихъ писень. Выбравъ и олж гору уложывъ *M. Лисенко.* Пятый десятокъ (Дозв. цензурою 25 февраля 1892 г.). К. 19 ст. 8⁰. Ц. 50 к. [1) Тече вода зъ пидь города; 2) Ой та витеръ повивае; 3) Ой на гори вивчарь вивчи ганяе; 4) Кому воля, а кому неволя; 5) Сыдить дидъ на печи; 6) Ой тамъ за яромъ брала дивка лень; 7) Куды витеръ віе; 8) Выйду я на гироньку; 9) Ой чый же це двиръ; 10) Гарбузъ билый качается].

59. О торбанѣ и музыкѣ пісень Видорта. (Съ приложеніемъ музыки трехъ пісень: Спивъ Ревухы, Подорожъ В. Ржевуского и Видортова піснія: Не журися мій хазянинъ; *N. Лисенко.* Киевская Старина. Кн. 3 стр. 380—387.

60. Увертюра изъ оперы „Риздвяна ничъ“—*M. Лисенко.* Ouverture „La nuit de Noel“, opera lirique —*N. Lissenko.* К. ц. 1 р. 50 к.

61. Op. 4. Українскій козакъ—Шумка.—*N. Лисенко.* Danse nationale de l’Ukraine. Scherzo pour le grand Orchestre, orrangé pour le piano à 4 mains par l’Auteur, 1 р. 65 к.

1894 г.

62 Музыка до Кобзаря Т. Шевченка.—*M. Лисенко.* Спивъ про жиночи та чоловичи голосы, якъ побудинки, такъ и гуртови (дуеты, тріо, квартеты, хоры). Серія 4. (Дозв. цензурою. К. 13 липня 1894 г.). К. У автора и по всихъ книгарняхъ. М. Нечатня В. Гроссе. (Въ эту серію входитъ слѣдующія пісни: № 40) Доля. Ты не зукавали зо мною (тен.); № 40-б, Тежъ (барит.); № 40-в, Тежъ (басъ)

№ 41) Роды у купоцца. Дуэтъ. (сопр. и тен.); 42) Не вернулся изъ походу гусарынъ москаль; 43) По надъ полемъ иде; 44) Хустывочка; 45) Учитесь, браты мои. (Дальнѣйшіе номера этой серии напечатаны въ 1903 г.)

63. Народни музични струменты на Вкраини. Написавъ Боянъ. Зоря (галицкій журналъ) 1894 г. № 1, 2 и 5—10. Содержание: 1) *Кобза*. 2) *Бандура* (зъ двома малюнками бандуры). 3) *Торбанъ* (зъ малюнкомъ). Репертуаръ торбанысты Видорта. 4) *Лира*. Лирницкій репертуаръ. 5) *Гусла*. 6) *Цимбалы*. (Зъ малюнкомъ).

1895 г.

64. Збирныкъ народнихъ украинскихъ писень. Зибраў и у ноты завивъ М. Лисенко. Выпукъ VI-й. (Дозв. цензурою. К. 24 іюля 1895 г.). К. 83 стр. 4⁰. Ц. 2¹/₂ карбованця. М. Печатня В. Гроссе. (Всѣхъ пѣсенъ съ нотами для пѣння и фортепіано 40: 1) Ой побихавъ іанъ Лебеденко; 2) Ой колись була въ степу доля; 3) А що изъ за горы вилитавъ сокиль; 4) Ой 1791 року; 5) Жыла вдова на Подолі; 6) Ой умру-жъ я, мій мыленький; 7) Чоловиче мій; 8) Журба за журбою; 9) Пиды, хлонче, введи коњика вороного; 10) Въ темнимъ лиси; 11) У недилю по за силлю; 12) У недилю рано пораненьку; 13) Ой колыбъ я знала; 14) Ой жыла удивонька; 15) Ой три сестрыци жалибныци; 16) Чорна хмара наступає; 17) Про Коваленка; 18) Ой вилорю пывку; 19) Чого мыла тубы дмешъ; 20) Не идна година одъ Бога настала; 21) Ой журавлю; 22) Ой хмариться дощъ буде; 23) Ой запивъ козакъ; 24) Ой пиду я по надъ море; 25) Журба мене суньть; 26) Калыно, малыно; 27) Ой жаль, маты, вечирочка; 28) Пожену я на ярь товаръ; 29) Ой пидъ горою; 30) Плыве човенъ воды повенъ; 31) Козакъ вилізджає, дивчынонька плаче; 32) Ой Боже що те кохання зможе; 33) Коло броду брала дивка воду; 34) Ой зійди зиронько; 35) Идуть коровы та пизъ дібробы; 36) Молода дивчына виликувала; 37) Ой на гори санчата; 38) Чы ты мени, серденъко, мыла; 39) Соломянин бычки мавъ; 40) Дивчыно ты-жъ моя).

65 Писъни и спивы. Музыка М. Лисенка. (Дозв. цензурою. К. 14 апрѣля 1894 г.). М. Литографія Гроссе. № 1. Коли наставъ чудовий май. Слова Г(ейне). Переспивъ Т. У.—№ 2. Чого таکъ поблидзы троянды? Слова Г. Переспивъ Т. У.—№ 3. Зъ мого тяжкого суму. Слова Г. Переспивъ М. С.—№ 4. Всі люде, кохана, дурні. Слова Г. Переспивъ М. С.—№ 5. На лыченъку у тебе. Слова Г. Не-

респливъ *M. C.*—№ 6. У мене бувъ коханый ридный край (теноръ). Слова Г. Переспивъ *M. C.*—№ 6-б. Тежъ (барит.)—№ 7. Тебе, моя любко, едина. Слова Г. Переспивъ *I. U.*—№ 8. Колы розлучаются двое. Дуэтъ (сопр. и альтъ або теноръ и басъ). Слова Г. Переспивъ *M. C.*

1896 г.

66. Коза-дереза. Щятича комична оперка въ одній дії. *Граб.* Рус. Лінд. Либрето уложила *Дніпровська чайка*. Музыку впорядкувавъ *M. Лисенко*. (Дозв. цензурою. К. 7 авгуаста 1895 г.). К. 39 стр. 8°. Ц. 1 р. 25 к. У. Б. Корейво. М. Литографія В. Гроссе.

67. Моя могила. Вирши *B. Александрова*. Спивъ *M. Лисенка* (Дозв. цензурою. СПБ. 9 января 1895 г.) Харьківъ. Типографія А. Доре. 8 стр. 8°. Это стихотвореніе съ музыкой Лисенка приложено тоже къ вышедшему въ г. Харьковѣ въ 1896 году альманаху *Складка*. На Споминъ В. Александрова. Стр. 265—271.

1897 г.

68. Збирниky народнихъ українськихъ писень. Зибрали и для хору уложивъ *M. Лисенко*. Шостый десятокъ. (Дозв. цензурою. К. 17 мая 1896 г.). К. 19 ст. 8°. Ц. 50 к. Нотопечатня В. Гроссе въ Москвѣ. [1) У Кыиви на рынку; 2) У мистечку Богуслави; 3) Паситеся сири волы; 4) Котылася та зоря зъ неба; 5) По той бикъ гора; 6) Та по нацъ берегами; 7) Кдишавъ же я та крынинченьку; 8) Ой гай, маты, зелененький; 9) Ой що-жъ то за шумъ учинився; 10) По опеньки ходила].

69. Українськи обрядови письни. У четырехъ збирникахъ. Уложивъ за-для мишаного хору *M. Лисенко*. (Дозв. цензурою 17 мая и 16 сентября 1896 г.) К. Нотопечатня В. Гроссе въ Москвѣ. I. *Веснянки*. 1-й винокъ, 23 ст. 8°. II. *Веснянки*. 2 винокъ. 23 ст. 8°. III. *Купальська справа*. 10 ст. 8°. IV. *Колядки, щедривки*. 23 ст. 8°. Ц. I, II и IV выпуска по 50 к., а III выпускъ — 20 к.

70. Українськи обрядови письни. Веснянки. Другий винокъ. На хоръ мишаний уложивъ *M. Лисенко*. Львівъ, Пидручне видавництво Львівського Бояна. Ц. 50 кр.

1898 г.

71. Збирникъ народнихъ украинскъхъ писень. Зибраў и для гору уложывъ *M. Лисенко*. Сѣмый десятокъ. (Дозв. цензурою. К., 18 іюня и 11 октября 1897 г.). Кіевъ, 25 стр. 8⁰. Ц. 50 к. (1. Ой у поли три крыныченьки, 2) Ой жыла вдова на край села, 3) Ко-закъ одизжае, 4. Пожурылъсь молоди хлопци, 5. Ой ляше. 6. Ой по морю сынёму, 7. Плыве човенъ воды новенъ, 8. Козаченьку, куды йдешъ, 9. Ой летила горлыця, 10. Верховыно).

72. Збирникъ народнихъ украинскъхъ писень. Зибраў и для гору уложывъ *M. Лисенко*. Восьмий десятокъ. (Дозв. цензурою. К. 11 октября 1897 г.) 29 ст. 8⁰. Ц. 50 к. Складъ у Л. Идзиковскаго въ т. Кіевъ (1. Ой зайду я на могилу, 2. Шумыть, где дібровонька, 3. Ой мижъ вашою та громадою, 4. Пишла Оляна до броду, 5. Ой утерявъ соловейко голосъ, 6. Ой зъза горы орель воду носить, 7. Та туманъ яромъ, 8. Ой що жъ то та за воронъ, 9. На вгорбди калы-нонъка, 10. Про Куперьянъ).

73. Народни украински писни. Уложывъ для фортепіано *M. Лисенко*. Chants populaires de L'Ukraine, transcripts pour Piano par N. Lissenko. № 1. Безъ тебе, Олесю. Народня писня зъ Волинського Полісся. Муз. М. Лисенка. К. Ц. 30 к.

Квартеты на мужесъкій хоръ. «На прю!» Слова *M. Старицького*, музика *M. Лисенко*. Выдавництво «Торбанъ». Выпускъ III. Львивъ. Ц. 20 кр.

1899 г.

76. Зивъяли листки. Композиції до поезії *Івана Франка*, видані въ 25-тилитній ювілей єго літературної діяльносты. Ювілейне видання (1874—1898 р.) Л. 1899 р. Литографія А. Андрейчука. 30 стр. 4⁰. Ц. 1 зр. 20 кр. Въ этомъ виданні помѣщены слѣдуюція композиції *M. Лисенка* къ стихотвореніямъ *И. Франка*: 1. Не забудь юныхъ днівъ (соло), П. Мисяцю князю (тежъ), III. Розвійтесь зъ ві-стромъ листочки зивъяли, IV. Безмежнее поле въ снижному завою.

1900 г.

76. Збирникъ народнихъ украинскъхъ писень. Зибраў и для гору уложывъ *M. Лисенко*. Дев'ятый десятокъ. (Дозволено цен-

зурою, К. 30 октября 1899 г.). К., 21 ст. 8⁰. Ц. 50 к. Литографія Редера въ Лейпцигѣ. (1. Ой, не гараздъ запорожци, 2) Ой сивъ пугачъ на могили, 3. Максымъ козакъ Зализнякъ, 4. Тече ричка бережкамы, 5. Червона калына тай у лузи стояла, 6. Посю я коночельки, 7. Гей знатся, догадатся, 8. Ой у поли озеречко, 9. Чомъ, чомъ не прийшовъ, 10. Полюбила коваля).

77. Збирнікъ народнихъ українськихъ писень. Вибраў и для хору уложывъ *M. Лисенко*. Дев'ятый десятокъ. (Дозв. цензурую 30 октября 1899 г.). К., 25 ст. 8⁰. Ц. 50 к. Литографія Редера въ Лейпцигѣ. Складъ у Л. Идзиковскаго въ Кіевѣ. (1. За Сыбыромъ сонце сходить, 2. Ой наварылы ляхи пыва, 3. Гей, послухайте, гей повидайте, 4. Ой зъ-за горы, зъ-за крутои, 5. Червоная калынонька на яръ подалася, 6. Ой ты зиронько та вечирняя, 7. Ой ковалю, молодый ковалю, 8. Ой тыхая вулыченька, 9. Кучерява Катерина, 10. Ой пойихавъ мій мыленъкій до млина).

78. Утоплена. (Майська ничъ). Мурично-фантастична опера у 3 діяхъ и 4 одмінахъ. Текстъ по Гоголю склавъ *M. Старницький*. Музика *M. Лисенка*. Власність автора. Кыївъ, 208 стр. 8⁰. Ц. 4 карбованця.

79. Ой що въ поля за дымове. Хоръ мишаний зъ акомпанементомъ фортепьяно або оркестра *M. Лисенка* до сливъ *Івана Франка*. Бібліотека Львівського Бояна. Львівъ, 1900 р.

О. Людкевичъ. Літературно-Науковий Вистникъ, 1900 ін. 4 ст. 62.

80. Chant sans paroles. N. Lissenko. Иллюстрированный сборникъ Киевского Литературно-артистического Общества. К. 1900 г. Ноты ст. 9—12. Тамъ же ѿ 1-ї части сборника, на стр. 81, портретъ Н. В. Лисенка, какъ участника въ музыкальныхъ собранияхъ Общества.

81. П'ятдесятъ українскихъ п'есенъ, избранныхъ изъ 1 и 2 сборниковъ *N. В. Лисенка* для піанія и передфлянныхъ для фортепьяно въ легкомъ переложенії *B. Зентарскимъ*. К. Изданіе Л. Идзиковскаго. Ц. 2 р.

82. Моя мыловаска, якъ часомъ жартовлыво. Мазурка для піанія *N. Лисенка*. Слова *M. Старницькаго*. К. Изданіе Л. Идзиковскаго. Ц. 50 к.

1903 .

83. Збирнікъ народнихъ українськихъ писень. Вибраў и для хору уложывъ *M. Лисенко*. Одинацятий десятокъ. (Дозв. цензу-

вою, К., 11 февраля 1903 г.). К., ст. 8⁰. Ц. 50 к. Власність автора. Нотопечатня И. Чоколова въ Кіевѣ. (1. Про Мазуренка, 2. Ой 1791 року, 3. Прыверталь вильни чумаченъкы, 4. Ой, зъ-за горы та вылиталы орлы, 5. Ой чого селезень та смутный, 6. Охъ и закладався съзыв орель, 7. Ой у поли круты горы, 8. Витерь коло хаты, 9. Та казала мени Солоха: прыйди! 10. Гей волошынъ сино косыть).

84. Збирныкъ народнихъ українськихъ писень. Зибраў и для гору уложывъ *M. Лисенко*. Дванадцятий десятокъ. К. 1903 г. 27 ст., 8⁰. Ц. 50 к. Нотопечатня И. Чоколова въ Кіевѣ. (1. Ой горе не салдацьке жыття, 2. Туманъ туманамы, 3. Ой чынъ жъ то волы, 4. По горахъ по долынахъ, 5. Ой у поли былыночка колыхается, 6. Чогось мени трудно-нудно, 7. Плыве човенъ воды повенъ, 8. Ой не цветы буйнымъ цвітомъ, зеленый катране, 9. Дивчыночка вирнесенъка, 10. Чы я не-хазяйка, чы не господыня).

85. Музыка до Кобзаря Т. Шевченка. M. Лисенко. Синевы про жиночи та чоловичи голосы, якъ поодыноки, такъ и гуртови, съ проводомъ фортепіано (дуэты, тріо, квартеты, хоры). Серія VI. (Продолженіе. см. за 1894 г. № 52) К. У автора и по всіхъ книгарняхъ. Нотопечатня Редера въ Лейпцигѣ (№ 46. Чого мени тяжко? Думка (сопр.). 47. Есть на свити доля (барит.). 48. Ой стричечка до стричечки мережаю тры ниченъкы (сопр.). 49. Якъ бы зустрілися мы знову (мец. сопр.). 50. Чы мы ще зайдемося знову? (тен. съ аккомп. віолончеля). 51. У гаю, гаю витру немае. Серенада зъ «Гайдамакивъ» (барит.). 52. Гомонила Украина—зъ «Гайдамакивъ» (тен.). Ц. за кожную піесу отъ 20—30 к. Серія V. № 53. Княжна. Зоре моя вечирня. (мец.-сопр.). Ц. 50 к.

86. На вичну пам'ять Котляревському. Слова *T. Шевченка*. Кантата про сольови голосы, хоры и оркестръ. До дня видкриття пам'ятника въ Полтави 30 серпня 1903 року. Первому зачинателеви сучасної української літератури Іванови Котляревському; музыку зложывъ *M. Лисенко*. У Києви. Власність автора. 20 стр., 8⁰. Ц. 1 р. 65 к. (Дозв. цензурою, Слб., 20 augusta 1903 г.).

87. У досвіта вставъ я. Вирши *P. Кулиша*. Співъ *M. Лисенко*. (Про тенора). Дубове листя. Альманахъ на згадку про *P. O. Кулиша*. К., 1903 р. ст. 17—21.

88. У досвіта вставъ я. Сольно тенорове въ сунпроводи фортепіано «Слова *P. Кулиша*, музика *M. Лисенко*. Видання Станиславовського Бояна». Львівъ, 1903 р. Ц. 80 сот.

89. Зима и весна. (Снигова краля). Дытяча оперка у двохъ одминахъ. Фантастычни образки зъ народнихъ подань. К. Ц. 2 р.

90. Попури зъ першои української оперы «Наташка-Полтавка» И. П. Котляревського. Для спиву зъ проводомъ фортепіано упорядкувавъ *M. Лисенко*, уложывъ для фортепіано на дви руки *A. Н. Артемовський*. К. Нотопечатня И. Чоколова въ Кіевѣ. П. 90 к. Собственнность Э. Островского въ Одессѣ.

91. «Жалибный маршъ» до дня 27 роковынъ смерты Т. Шевченко (25 лютого 1888 року). Для фортепіано въ 2 руки. Транскрипція *M. Лисенко*. К. У Л. Идзиковскаго. Нотопечатня И. Чоколова, 7 стр. 4⁰. Ц. 60 к.

93. Народни українськи писни. Уложывъ для фортепіано *M. Лисенко*. Chants populaires de L'Ukraine, transcrits pour piano par N. Lissenko. № 2. Плыве човенъ воды повенъ. (Barcarole). К. У Л. Идзиковскаго. Нотопечатня И. Чоколова, 5 ст., 4⁰. Ц. 60 к.

№ 3. Ой зрада, жари очи зрада. Тема зъ вариаціями. Ц. 50 к. (№ 1; Безъ тебе Одесю--см. за 1898 г. № 73).

94. Serenade F-molle. Op. 28. Для фортеп. въ 2 руки *N. Lissenko*. К. Нотопечатня И. Чоколова. Ц. 45 к.

95. Shant sans paroles. Op. 31. Для фортепіано въ 2 руки. *N. Lissenko*. (Піеса эта премирована Кіевскимъ Литературно-артистическимъ Обществомъ на конкурсѣ 1898 г., напечатана впервые въ Сборникѣ того Общества, см. за 1900 г. № 80). К. Нотопечатня И. Чоколова. Ц. 75 к.

96. Capriccio elegico. Op. 32. Для скрипки съ аккомпанементомъ оркестра или фортепіано. *H. Лисенка*. К. Нотопечатня И. Чоколова. Ц. 1 р. 50 к.

97. Valse. D-moll. Op. 35 Pour piano *N. Lissenko*. Ц. 35.

98. Fantasie sur 2 thèmes populaires de l'Ukraine pour la Flûte (ou Violon) avec accomp. de piano. Op. 21. *N. Lissenko*. К. Нотопечатня П. Чоколова.

99. На доби. 3 pi  ces pour le piano. Album d'  t   1900. Op. 37. *N. Lissenko*. 1. Aveu. 2. Chant d'amoure 3. Serenade К. Нотопечатня И. Чоколова. Ц. 25+35+40 к.

100. Impromptu (style Chopin). pour le piano. Op. 38. *N. Lissenko*. К. Ц. 10 к.

101. Trois pi  ces pour le piano D'album de'  t   1901. Op. 39. *N. Lissenko*. 1. Valse «La Séparation». 2. Marche solennelle. 3. El  gie

«La tristesse». Ц. 60 к.+50+50 к. Отдельно транскрипція авторская последней пісні для віолончели съ аккомпанементомъ фортепіано.

102. D'Album privé: Moment de désespoir (transcript pour piano et Violon par l'auteur). 2. Moment d'enchantement. Op. 40. N. Lissenko.

103 D'album d'été 1902: 1. La langueur. 2. Impression d'un jour heureux. 3. Elegie. N. Lissenko. К. Нотопечатня И. Чоколова.

104. Deux chant sans paroles: 1. E-mol. Dedieé à M-me Olga Lissenko. 2. B.-mol. Славному наиму письменнику Ивану Нечуеви.—Op. 10. N. Lissenko. К. Ц. по 75 к. Нотопечатня И. Чоколова въ Киевѣ.

Печатаются:

105. Українськи обрядови писни. V. Весилля. Весняни писни, упоряджени за ритуальнимъ ходомъ людового весилля. Соло, хоры нарубочи, дивочи, мишани зъ проводомъ фортепіано. Уложивъ М. Лисенко.

106. Панъ Коцький. Комична дытчча оперка у 4-хъ одминахъ М. Лисенко.

II.

Література о Н. В. Лисенкѣ и его произведенияхъ

(кромѣ рецензій, указанныхъ въ 1 отдѣлѣ).

1. *Киевлянинъ*, 1872, № 49 и 50. Н. В. Лисенко, какъ концертантъ и композиторъ.
2. *Світъ* (галицк. газ.). 1881, № 5. Автобіографія.
3. *Бажанський II.* Колька увагъ на кантуату М. Лисенка: «Бывать пороги». Дѣло (галиц. газ.), 1882, № 19.
4. *Красковский А.* Концерты Н. В. Лисенка. Трудъ (Кiev. газ.). 1882, № 28.
5. *Заря* (Кiev. газ.), 1883, № 78. Концертъ Н. В. Лисенка. Письмо въ редакцію.
6. *Киевлянинъ*, 1883, № 77. Концертъ Н. В. Лисенка.
7. *Иллюстрированный календарь товариства «Просвіта» за 1884. рікъ.* Львівъ, 1883 року, ст. 48. Зъ життя Русинівъ. (Біографія съ портр.).

8. Рубецъ А. Біографіческий словарь русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей. Спб., 1885 г. (Біографія Н. В. Лисенка).
9. Atheneum., 1885 кн. 7 стр. 355.—Zarysy ruchu literackiego rusinów.
12. И. Нечуй. Въ концертѣ. (Впечатлѣнія концерта Н. В. Лисенка) Зоря (галиц.) 1887, № 11—12.
11. Кіевскoe Слово, 1887, № 66. Концерты Н. В. Лисенка.
12. Корнишкij H. Минскій листокъ 1888, № 68. Біографія и обзоръ дѣятельности.
13. Ілюстрований календарь товариства «Просвіта» на рікъ 1899. Львівъ, 1889 р., ст. 78 —85. Біографія съ портретомъ.
14. Бібліотека для молодежи, 1889, № 7. Славни Русини. Житенісь М. Лисенка (съ портр.).
15. Дзвинокъ (галиц. газ.), 1891, № 13. Біографія съ портр. Н. В. Лисенка.
16. В. Шухевичъ. Микула Лисенко. Дзвинокъ, 1892, № 6.
17. Дніпрова Чайка. Славному Кобзареви М. Лисенкови. (Стихотвореніе) Зоря (галиц.). 1893, № 6. Тамъ же, рисунокъ грамоты Львовскаго Бояна, поднесенной Н. В. Лисенку по случаю 25-лѣтняго юбилея его дѣятельности.
18. Дульо (галиц.), 1893, № 15. Прывиты М. Лисенкови на ювілей.
19. Заря (галиц.) 1898, № 1 и 2. Микула Лисенко. Біографический очеркъ и обзоръ трудовъ по поводу 25-лѣтняго юбилея. Кромѣ того въ 1 № помѣщены портретъ Н. В. Лисенка и «грамота» отъ Львовскаго музыкального общества «Боянъ», присланная Лисенку по поводу избранія его почетнымъ членомъ общества, а въ № 2—три стихотворенія, посвященные Н. В. Лисенку, присланныя изъ Полтавы, Харькова и Чернигова.
20. Зоря 1893, № 4. Концерты М. Лисенка. Два письма І. С. и Значковенка о концертахъ въ Полтавѣ.
21. Крымский А. проф., Н. Лисенко. По случаю 25-лѣтняго юбилея. Этнографическое Обозрѣніе, 1893 и 1894 г., т. XIX № 4 стр. 145—146.
22. Одесский Листокъ, 1893, № 4. Н. Лисенко. Фельетонъ М. К.—№ 6. Концерты капеллы Н. Лисенка въ Одессѣ и корреспонденція изъ Полтавы о его концертахъ.—№ 9. По поводу концертовъ Н. В. Лисенка. А-ръ.

23. *Брокгаузъ. Энциклопедический словарь.* Спб. 1896 г., кн. 34 стр. 736. *Біографія. Н. С.*
24. *Дульо* (галиц.), 1898, № 125. Про концертъ М. Лисенка 8 марта 1898 року.
25. *Левицький И.* Въ концерти. (Впечатлѣнія концерта Н. В. Лисенка). Повѣсти и оповѣданія. Спб., 1899. Томъ I, стр. 389—408.
26. *Русская музикальная газета*, 1900, № 12. Н. В. Лисенко, какъ художникъ-этнографъ. *К. Н.* Объ этой статьѣ см. *Кievskaya Starina*, 1900, кн. 5. Бібліографія, стр. 111.
27. *Корифеи украинской сцены.* К., 1901 г., стр. 96—125. Біографія и обзоръ дѣятельности, съ портретомъ.
28. *Свѣръ*, 1901, № 47. Портретъ Н. В. Лисенка по фотографії Завадского.
29. *Бичъ-Лубенскій.* Н. В. Гоголь въ музыкѣ. Харьковскія Губернскія Вѣдомости, 1902, № 50 (Объ операхъ Н. В. Лисенка на сюжеты изъ соч. Гоголя).
30. *Энгель.* Н. В. Гоголь въ музыкѣ. Русскія Вѣдомости, 1902, № 76 (То же).
31. *В. Василенко.* Къ юбилейному чествованію Н. В. Лисенка. Полтавскій Вѣстникъ, 1903, № 75.
32. *Л. П.* Къ юбилейному чествованію Н. В. Лисенка. Полтавскій Вѣстникъ, 1903, № 237, отъ 10 октября.
33. *Мировецъ В.* Къ предстоящему юбилею Н. В. Лисенка. *Кievskaya Starina*, 1903, кн. 3. Текущія извѣстія, стр. 148—152 и Волынь, 1903 г., № 71.
34. *По поводу предстоящаго юбилея Н. В. Лисенко*, см. также статьи и замѣтки за 1903 г., *Биржевые Вѣдомости*, № 175. *Кievskaya Gazeta*, № 83, *Кievskaya Starina*, кн. 6. Документы, ст. 184, Полтавскій Вѣстникъ, № 94.
35. *С. Русова.* Н. В. Лисенко. (Къ 35-лѣтію композиторской дѣятельности). *Журналъ для всѣхъ*, 1903, 11 стр., 1367—1372. (Съ портретомъ).
36. *Страшкевичъ В.* По поводу предстоящаго юбилея Н. В. Лисенка. *Кубанскія Областныя Вѣдомости*, 1903, № 67.
37. *С. Р. Малорусскій композиторъ Н. В. Лисенко.* Образование, 1903 г., кн. XI, стр. 178—180.

Краткое оглавление I-го отдѣла указателя.

I.

Народныя украинскія пѣсни.

1. Сборники пѣсень: В. 1-й № 1, 4, 49.—В. 2 № 2, 5.—В. 3-й № 12.—В. 4-й № 40.—В. 5-й № 57.—В. 6 № 64.
2. Сборники пѣсень для хора: Десятокъ 1-й № 36.—Д. 2-й № 41.—Д. 3-й № 45.—Д. 4-й № 55.—Г. 5-й № 58.—Д. 6-й № 68.—Д. 7-й № 71.—Д. 8-й № 72.—Д. 9-й № 76.—Д. 10-й № 77.—Д. 11-й № 83. Д. 12-й № 84.
3. Собрания обрядовыхъ пѣсень № 11, 69, 70, 105.
4. Народныя пѣсни, положенные на ноты, въ разныхъ изданіяхъ: № 7, 8, 9, 30, 31, 43, 81.

II.

Оперетты и оперки:

1. Різдвяна ніч. № 10, 28.
2. Чорноморци. № 24, 27, 33.
3. Утоплена. № 32.
4. Наташка-Полтавка. № 50, 90.
5. Коза-дереза. № 51, 66.
6. Зима и весна. № 89.
7. Нанъ Коцький. № 106.

III.

Операы.

Різдвяна нічъ. № 29, 52, 60.

Утоплена. № 78.

IV.

Музыка до Кобзаря Т. Г. Шевченка:

№ 3, 13, 37, 38, 44, 54, 62, 85, 86, 91, 92.

V.

Музыка къ произведеніямъ другихъ писателей:

- B. Александрова.* № 67.
Г. Гейне. № 65.
А. Головатого. 56.
А. Конисского. № 34.
П. Кулиша. № 87, 88.
М. Максимовича. № 6,
Е. Полянской. № 47.
М. Старицкаго. № 26, 35, 46, 74, 82.
И. Франка. № 75, 79.
Я. Щоголева. № 39.

VI.

Музыкальные произведения на мотивы украинскихъ пѣсень:

- № 14, 15, 17, 21 23, 42, 61, 73, 93, 98.

VII.

Разныя музыкальные произведения:

- № 16, 18, 19, 20, 22, 48, 53, 80, 94, 95, 96, 97, 99, 100—
104.

VIII.

Статьи о малорусской музыке:

- № 9, 25, 59, 63.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

Казанского Университета

НА 1904 ГОДЪ.

Въ Ученыхъ Запискахъ помѣщаются:

I. Въ отдѣлѣ наукъ: ученые изслѣдованія профессоровъ и преподавателей; сообщенія и наблюденія; публичныя лекціи и рѣчи; отчеты по ученымъ командировкамъ и извлечения изъ нихъ; научные работы студентовъ, а также рекомендованные факультетами труды постороннихъ лицъ.

II. Въ отдѣлѣ критики и библіографіи: профессорскія рецензіи на магистерскія и докторскія диссертациіи, представляемыя въ Казанскій университетъ, и на студенческія работы, представляемыя на соисканіе наградъ; критическія статьи о вновь появляющихся въ Россіи и за границей книгахъ и сочиненіяхъ по всѣмъ отраслямъ знаній; библіографические отзывы и замѣтки.

III. Университетская лѣтопись: извлечения изъ протоколовъ засѣданій Совѣта; отчеты о диспутахъ, статьи, посвященные обозрѣнію коллекцій и состоянію учебно-вспомогательныхъ учрежденій при университѣтѣ, біографические очерки и некрологи профессоровъ и другихъ лицъ, стоявшихъ близко къ Казанскому университету, обозрѣніе преподаванія, распределеніе лекцій, актовый отчетъ и проч.

IV. Приложения: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей; памятники историческіе и литературные съ научными комментаріями, и памятники, имѣющіе научное значеніе и еще не обнародованные.

Ученые Записки: выходятъ ежемѣсячно книжками въ размѣрѣ не менѣе 13 листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложений.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пе-
ресылкою 7 р. Отдельные книжки можно получать изъ редакціи по
1 руб. Подписка принимается въ Правлениіи университета.

Редакторъ А. Александровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ
(XXII годъ изданія)

на ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

ЮЖНАЯ РОССІЯ.

Являясь выразительницей интересов южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избранного ѿ района.

Въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ находится сельское хозяйство на югѣ Россіи, газета отводить особое мѣсто статьямъ, освѣщающимъ различныя детали этой отрасли отечественной промышленности.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ современному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событияхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованнаго міра.

„Южная Россія“ издается въ форматѣ и по программѣ большихъ провинциальныхъ газетъ.

Условія подписки на газету „ЮЖНАЯ РОССІЯ“: съ доставкой на домъ въ городѣ и пересылкой иногороднимъ на годъ—8 р., на полгода—4 р. 50 к., на 3 мѣсяца—2 р. 75 к., на 1 мѣс.—1 р. 20 к.; безъ доставки и пересылки на годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 60 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить черезъ январь 1903 года.

Для годовыхъ подпісчиковъ допускается разстрочка подписной платы, если обѣ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: въ два срока: съ доставкою: къ 1-му января—4 р. 50 к. и къ 1-му мая—3 р. 50 к., безъ доставки къ 1-му января—4 р. и къ 1-му мая—3 р.; въ 3 срока: съ доставкою: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюня—2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му іюня—2 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. Николаевѣ—(Херс. губ.) въ главной конторѣ „Южной Россіи“. Въ отдѣленіяхъ главной конторы: въ г. Кременчугѣ—у А. М. Михалевича, въ г. Одессѣ—у И. И. Ленденфельдта, Ланжероновская, № 13/а, Вознесенскѣ—(Херс. г.), у Д. Г. Кавуновскаго, въ г. Херсонѣ—въ книжн. магаз. Абрамова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—въ конторахъ объявлений торгового дома Л. и Э. Метцль и К°.

Въ Херсонѣ, Кременчугѣ «Южная Россія» получается въ день выхода,

Редакторъ-издатель С. П. Юрицынъ.

При каждомъ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложенийъ, подписчики получать по одной книжкѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904-й годъ

(35-й годъ издания)

на

еженедѣльный иллюстрированный

ЖУРНАЛЪ

со многими приложеніями.

Гр. подписчики „НИВЫ“ получать въ теченіе 1904 года:

52 №№ художественно-литератур-
наго журнала „НИВА“, заключа-
ющаго въ себѣ въ теченіе года
до 2000 столбцовъ текста и 1100 гра-
вюръ, рисунковъ и художеств. снимковъ.

40 КНИГЪ „Сборника Нивы“ (каждая книга отъ 10—15 листовъ,
въ общемъ около 9000 страницъ),
отпечатан. четк. шрифтомъ на хо-
рошо-глазир. бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНОГО СОВРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

ПЕРВЫЯ 20 КНИГЪ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА

(Цѣна въ отдельной продажѣ съ пересыпкою 27 руб.).

Подъ редакціей и со вступительной статьею А. М. Скабичевскаго

ПОЛНОЕ СОВРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ

16 КНИГАХЪ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

(Цѣна въ отдельной продажѣ съ перес. 15 руб.).

Подъ редакціей и съ биографическимъ очеркомъ П. И. Вайнберга. Пере-
водъ этого изданія удостоенъ въ текущемъ году академіею наукъ
Пушкинской преміи.

ПОЛНОЕ СОВРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ВЪ

4 КНИГАХЪ И. Ф. ГОРБУНОВА

(Цѣна въ отдельной продажѣ съ перес. 4 р. 50 к.).

Подъ редакціей и съ обширнымъ вступительнымъ очеркомъ А. Ф. Кони
и некрологомъ Т. И. Филиппова.

12 КНИГЪ ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ, ЛИТЕРАТУРНЫХЪ и „ЕЖЕМЪСЯЧНЫХЪ
ПРИЛОЖЕНІЙ“, содержащихъ романы, повѣсти, рассказы, популярно-
научныя и критическія статьи современныхъ авторовъ и отдѣльныя
библіографіи, музыка, смѣси, шахматы и шашкѣ, спорта, забавъ и
разныхъ игръ. До 2000 столбцовъ текста съ иллюстрациями.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“,
выходящ. ежемѣсячно. До 200
столбцъ текста и 300 модн. гра-
вюръ. Съ почтовымъ яшиномъ для
отвѣтовъ на разнообразные вопросы
подписчиковъ.

12 ЛИСТОВЪ рисунковъ (около 300
для рукодѣльныхъ и вышивальн.
работъ и для выжиганія и до
300 чертежей выкроекъ въ нату-
ральную величину, выходящихъ
ежемѣсячно).

1 СТЪННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1904 г., отпечатанный въ 9 красокъ.

Подписанная цѣна на годовое изданіе со всѣми приложеніями: безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к., 2) въ Москвѣ въ конт. Н. Н.

НИВА.

Печковской (Петровск. линії)—7 р. 25 к., 3) въ Одесѣ въ кн. магазинѣ „Образованіе“ (Ришельевск., № 12)—7 р. 50 к. Съ доставкой въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 8 р. За границу 12 рублей.

— Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока. —

Иллюстрированное объявление о подпискѣ высылается бесплатно.

Требование просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „НИВА“ (А. Ф. Марксеу), улица Гоголя (бывш. М. Морская), д. № 22.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1904 годъ.

на ежедневную общественную политическую газету

,ВѢСТИКЪ ЮГА“.

выходитъ въ Екатеринославѣ по программѣ большихъ столичн. газетъ
въ газетѣ примутъ участіе:

А. В. Амфит—овъ (И. Л. Иксъ). Н. И. Ашешовъ, Н. Азефъ, С. П. Балабуха, В. Я. Богучарскій (Яковлевъ), Н. В. Быковъ, С. И. Гальперинъ, И. В. Гессенъ, В. Н. Головкинъ, Э. А. Головкина, Г. С. Гришинъ, (Новополинъ), Діонео, С. И. Диль, И. Г. Доронинъ. Л. Г. Ефимовичъ, Д. А. Капланъ, С. М. Крамаревъ, Лео, А. Н. Лисовскій, Я. Л. Пейсаховичъ, А. Б. Петрищевъ, Н. А. Рубакинъ, М. В. Сабининъ, М. А. Синайскій, Е. В. Тарле, Ф. Ф. Трозинеръ (Мечтатель), А. И. Цеткинъ, Г. И. Шрейдеръ, А. А. Черевкова, А. А. Яблоновскій.

Удѣляя особенное вниманіе интересамъ юга, газета имѣть постоянныхъ корреспондентовъ помимо городовъ въ крупнѣйшихъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ Екатеринославской и сосѣднихъ губерній.

Видное мѣсто газета отведеть общественной жизни Харькова.

Постоянные корреспонденты въ Петербургѣ, Москвѣ и въ центрахъ Западной Европы (Лондонъ, Парижъ, Берлинъ, Вена, Дрезденъ, Мюнхенъ, Львовъ, Цюрихъ и др.).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Городскимъ на годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р., на 1 мѣс.—75 к.; иногороднимъ на годъ—9 р., на полгода—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р.; за границу на годъ—14 р., на полгода—8 р., на 3 мѣс.—5 руб., на 1 мѣс.—1 р. 50 коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа по соглашенію съ конторой, отъ 1 руб. въ мѣсяцъ.

Редакція и главная контора помышлаются на Екатерининск. проспектъ, въ д. Ильева, (противъ Город. сада).

—
2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

IV годъ изданія

на еженедѣльную общественную, политическую и литературную газету

„ОБЛАСТНОЕ ОБОЗРѢНИЕ“

и

ВѢСТИНИКЪ КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКЪ“.

Защита интересовъ и выясненіе нуждъ населенія окраинныхъ областей,—главная цѣль изданія. Быстрое опубликованіе всѣхъ новыхъ законоположеній, распоряженій и мѣропріятій правительства, затрачивающихъ интересы помянутыхъ окраинъ, съ оцѣнкой ихъ роли и значенія—одна изъ главныхъ практическихъ задачъ центрального областного изданія. Газета въ 1904 г. будетъ выходить въ расширенномъ видѣ (отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ) и будетъ обслуживать, кромѣ казачьихъ областей, всѣ губерніи и области Кавказа, Туркестана, Сибири и юго-западный окрайны.

При ближайшемъ участіи: Н. А. Бородина, А. А. Карасева, Я. Я. Полферова—по областнымъ и казачьимъ вопросамъ, проф. В. Д. Кузьмина—Караваева, Л. В. Македонова, Ф. А. Щербины—по земскимъ вопросамъ, Б. А. Витмера, В. П. Краухфельда—по общимъ дѣламъ, Ф. В. Петрова—по юридическимъ вопросамъ, М. А. Славинскаго и Д. И. Эварницкаго—по вопросамъ юго-западныхъ окраинъ,—въ газетѣ сотрудничаютъ: Д. Т. Волковъ, П. Р. Гордѣевъ, А. М. Грековъ, (исевд. Казакъ, Таганрогъ), С. И. Гусевъ-Оренбургскій, И. И. Дмитренко, И. Н. Ефремовъ, А. А. Кауфманъ, П. П. Короленко, И. Ф. Косиновъ, Л. М. Мельниковъ, Ст. Павловъ, (исевд.) Н. Г. Путинцевъ, Е. П. Рябинскій, А. Серафимовичъ, С. Н. Севастьяновъ, А. В. Тавастшерна и мн. др.

Спеціальные корреспонденты во всѣхъ казачьихъ войскахъ и на окраинахъ.

Въ особомъ отдѣлѣ „РЫБНОЕ ХОЗЯЙСТВО“ редакція будетъ давать за недѣлю регулярные «Обзоры» всѣхъ крупныхъ правительственныхъ распоряженій и событий въ русскомъ рыбномъ промыслѣ, который сосредоточивается какъ разъ на окраинахъ и въ жизни этихъ послѣднихъ играть очень крупную роль.

Подписная плата съ пересылкой и доставкой: на годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на 1 мѣсяцъ 75 к. Отдѣльный № 15 коп.

Допускается разсрочка: въ два срока—при подпискѣ 4 руб. и 1 июня 3 р.; въ 3 срока при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и 1 авгу-

ста 2 руб. Лица, служащія въ правительственныехъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при подпискѣ на газету черезъ казначеевъ и экзекуторовъ пользуются льготою въ уплатѣ подписныхъ денегъ по 1 руб. въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ и другими льготными условіями, по соглашенію.—Народные, учителя, учащіеся, учебныя заведенія и библіотеки могутъ получать газету на особо льготныхъ условіяхъ, по соглашенію съ редакціей.

Подписку по почтѣ адресовать исключительно въ редакцію газеты: „Областное Обозрѣніе и Вѣстник Казачьихъ Войскъ“. С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 13-я линія, д. № 22.

Пробный № по требованію высылается бесплатно.

2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ

на ежемѣсячный литературный общественный, политический и исторический журналъ

ВСЕМИРНЫЙ ВѢСТИКЪ.

Направленіе журнала общественно-прогрессивное. Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы, науки и культурной жизни за границей и, по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области, а также событий, будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Въ ближайшихъ номерахъ журнала будутъ помещены труды: К. И. Арабажина, кн. В. В. Барятинскаго, В. П. Батурина, Н. Н. Болтина, Б. П. Бурдесъ, пр.-доц. В. В. Святловскаго, В. А. Мазуркевича, Н. А. Гастфрейнда, Е. А. Герцыкъ, Д. Г. Глоба, С. Ф. Годлевскаго, Е. В. Давыдова, Е. Дубельть (Зеландъ), И. И. Забрежнева, И. М. Иванова, П. И. Исаевича, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. Ш. И. Ковалевскаго, Е. Н. Лебедевой, Г. Ф. Львовича, В. Н. Никитина, В. П. Нашаева, проф. В. Н. Неретца, А. П. Плетнева, Н. А. Попова, проф. М. А. Рейнсера, Н. А. Россовскаго, Скитальца (О. Яковлева), Л. Ухтомской, Ф. Н. Фальковскаго, Н. А. Фалѣева, Н. Б. Хвостова, В. Е. Чепихина и мн. др.

Съ первой же (январской) книжки начнется печатаніемъ:

- 1) Неизданныя въ Россіи стихотворенія декабристовъ.
- 2) Посмертные труды А. М. Бобрищева-Пущинца.
- 3) Воспоминанія Ф. П. Фонтона (статья эта будетъ печататься съ вышедшаго за границей (Лейпцигъ, 1862 г.) изданія).

4) Воспоминанія Н. И. Панаева о холерномъ бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 г.

5) В. П. Батурина: «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые»—материалы для общественного движения къ Россіи въ XIX столѣтіи.

6) И. Мадачъ: «Трагедія человѣка», пер. съ венгерскаго В. А. Мазуркевича.

7) Функъ-Бретано: «Бастілія, ея архивъ и легенды»,—историческая монографія.

8) Новый трудъ проф. И. И. Мечникова.

Въ журналѣ постоянные отдѣлы: обзоръ иностранной жизни, журналовъ, театра, лѣтопись, библиографія и смѣсь. Въ каждой книжкѣ не менѣе двухъ приложений съ отдѣльной нумерацией страницъ. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками, около 15 листовъ въ каждой, съ иллюстраціями.

Подписная цѣна съ доставкой и пересыкой на 1 годъ—6 р., $\frac{1}{2}$ года—3 р., 1 мѣс.—50 коп.

Р застрочка по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція и контора помѣщаются въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 90.

Редакторъ-Издатель С. Сухомлинъ.

— 2—3 —

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ.

ХУТОРЯНИНЪ

IX годъ изданія.

цѣна 2 руб. въ годъ, на полгода 1 руб.,

еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстного сельского хозяйства, промышленности и торговли,

органъ Полтавскаго общества сельского хозяйства.

Программа: 1) Правительственные распоряженія и извѣстія. 2) Деятельность мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ, ихъ отдѣловъ и отдаленій. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговли экономической и технической. 4) Хроника, сельскохозяй-

ственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учреждений. 6) Библиографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) Сел.-хоз. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговыя извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія.

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ сел.-хоз. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимного общения сельскихъ хозяевъ и сельскохозяйств. обществъ. 3) Доставлять населенію современные съѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земства и сел.-хоз. обществъ въ области народного хозяйства. Главными условіями для достиженія этихъ задачъ поставлены: общедоступность изложения и дешевизна изданія.

Кромѣ еженедѣльныхъ номеровъ въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ, при „Хуторянинѣ“ подписчикамъ даются бесплатныя приложения; такъ, за послѣдніе четыре года были приложены: 5 книгъ Чикаленко „Розмова про сельське хоїзство“, „Біографія Н. В. Гоголя“, „Хуторянинъ и его читатели“, 12 книжекъ „Економическая и сельскохозяйств. дѣятельность Полтавскаго губ. земства“, различные огородные и полевые сѣмена и друг.

Вѣ 1904 году всімъ годовыми подписчикамъ будуть разосланы составленныя завѣдующими фито-патологической станцій при И. Боническомъ Садѣ въ С.-Петербургѣ, А. А. Ячевскимъ и изданныя Департаментомъ Земледѣлія три раскрашенныя

,,Таблицы главнѣйшихъ паразитныхъ грибовъ и насѣкомыхъ плодовыхъ деревьевъ и огородныхъ растеній“,

заключающія изображеніе въ краскахъ разнообразныхъ вредителей растеній и указываніе на мѣры борьбы съ ними.

Подписавшимся до 1-го января 1904 г. годовыми подписчикамъ, кромѣ того, будутъ разосланы сѣмена кормовыхъ растеній, многолѣтнихъ травъ, огородныхъ и полевыхъ.

„Хуторянинъ“ допущенъ въ бесплатныя библиотеки-читальни и въ библиотеки сельско-хозяйствен. учеб. завед. и М. З. и Г. И.

Плата за объявленія: за одну строку петита въ концѣ текста 8 коп., впереди вдвойнѣ.

Подписка принимается въ г. Полтавѣ—въ конторѣ редакціи „Хуторянина“, при Полтавскомъ Обществѣ сельского хозяйства.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

на посвященные еврейской жизни, исторіи и литературѣ переодическія изданія:

газету „ВОСХОДЪ“

и ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА“

Содержаніе газеты: руководящія статьи по всѣмъ текущимъ вопросамъ еврейской жизни въ Россіи и за границей; хроника всѣхъ новѣйшихъ извѣстій, корресп. изъ провинціи и заграницы, сенатская и судебная практика по еврейскимъ дѣламъ (сен. указы), юридич. бесплатная консультація (отвѣты на юридические вопросы подписчиковъ въ собственномъ отдѣлѣ), обзоры еврейской, русской и польской печати, фельетонъ (разсказы и проч.), провинциальный отдѣлъ, критика и библиографія.

Подписная цѣна на „ВОСХОДЪ“ съ книжками 10 руб. въ годъ (допускается разсрочка при подпісцѣ 4 руб., къ 1 марта 3 р. и къ 1 июля—3 р.); на газету (безъ „Книжекъ“) 7 р. въ разсрочку: при подписцѣ 3 р., къ 1 марта 2 р. и къ 1 июля 2 руб).

Книжки Восхода—выходятъ ежемѣсячно въ размѣрѣ до 10 непечатныхъ листовъ. Повѣсти и рассказы изъ еврейской жизни, стихотв. и популярныя статьи по исторіи, литературѣ, религії, философії, критикѣ, вопросы общественной жизни. Книжки Восхода—единственный журналъ, посвященный еврейской литературѣ и наукѣ на русскомъ языкѣ. Желая способствовать его широкому распространенію, редакція установила послѣднюю подписку за крайне доступную цѣну 12 книгъ за 3 р. (съ пересылкой).

Подпишавшіеся на газету съ «Книжками» получатъ при «Книжкахъ Восхода».

БЕСПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ.

С. М. ДУБНОВЪ *Всебощая исторія (періодъ талмудическій и сефардскій: 73—1492 г.).*

Книга С. М. Дубнова явится первымъ оригинальнымъ трудомъ на русскомъ языкѣ по всеобщей исторіи евреевъ, основаннымъ не самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ автора, съ подробнымъ изложениемъ исторіи евреевъ въ Россіи.

Новые подписчики на оба изданія, внесшие до 1 января всю плату 10 р. за 1904 годъ, получаютъ газету со дня поступленія денегъ въ контору БЕЗПЛАТНО.

Главная контора „Восхода“ помѣщается въ С.-Петербургѣ, Морская 29.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

(VII-ый годъ изданій)

на общепедагогический журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1903 года въ «Русской школѣ» напечатаны были между прочимъ слѣдующія статьи: 1) Записки учителя гимназии. *И. Бѣлозерскаго*; 2) Изъ личныхъ воспоминаний объ А. И. Гольдеябергѣ. *К. Мазиниа*; 3) Основатель педагогіи Стэнли Холль и его научная дѣятельность *А. Нечаева*; 4) Начальное и среднее образованіе въ Швеціи. *П. Микузева*; 5) Эпоха преобразованій Петра В. и русская школа нового времени. *С. Рождественскаго*; 6) Учрежденія для дѣтей до-школьного возраста *М. Страховой*; 7) Разсадники здороваго воспитанія. *Е. Гаршиной*; 8) Къ вопросу о физическомъ воспитаніи мальчиковъ. *М. Волковой*; 9) О взаимной физического труда на усиленість умственныхъ развитій. *Е. Янжумъ*; 10) О воспитаніи и нравственности Проф. *Пр. Скворцова*; 11) О лѣни. *П. Каптерева*; 11) Къ вопросу о реформѣ средней школы. *Р—а*; 12) Къ вопросу о реформѣ учебно-воспитательного дѣла въ кадетскихъ корпусахъ. *П. Ропкова*; 13) Нѣсколько словъ о нашихъ духовныхъ училищахъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи. *В. Подстепянскаю*; 14) Преобразованіе еврейскихъ хедоровъ. *А. Тарновскаго*; 15) Условія объединенія духовнаго учебнаго вѣдомства въ дѣлѣ начального народнаго образованія. *Д. Р.*; 16) О министерской седмицѣ и объ экскурсіяхъ. *К. Иванова*; 17) Умственныя запросы народнаго учителя и ихъ удовлетвореніе. *Э. Вахтеровой*; 18) О подготовкѣ народнаго учителя съ идеями *К. Д. Ушинскаго*. *Н. Запанкова*; 19) О бытовомъ положеніи учителей земскихъ начальныхъ школъ. *С. Спасако*; 20) О материальной и юридической необезпеченности русского народнаго учителя. *С. Анникіна*; 21) Положеніе народнаго учителя въ школѣ. *П. Синѣрева*; 22) Земскіе педагогическіе курсы и правила 1875 года. *П. Григорьевъ*; 23) Обзоръ дѣятельности земства по народному образованію въ 1903 году. *И. Бѣлоконскаго*; 24) Съездъ представителей обществъ вспомоществованія лицъ учительскаго званія въ Москвѣ. *Н. Ареньева*; 25) Грамматика и правоисписаніе въ начальныхъ школахъ. *Ак. Соболева*; 26) Педагогіческія основы теоріи и практики ариѳметики, какъ учебного предмета. *А. Стефановскаго*; 27) Реформа въ курсѣ ариѳметики средней школы. *Д. Волковскаго*; 28) Правда о диктовкѣ. *М. Тростникова*; 29) Географическіе кабинеты. *М. Успенская*; 30) Изъ области нашей учебной литературы. Проф. *В. Шимкевича*.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кроме отдельной критики и библиографіи, печатаются: Хроника народнаго образованія въ Западной Европѣ *Е. Р.*; Хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библиотекъ. *Я. В. Абрамова*. Хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей *Х. Л. Алчевской* и *М. Н. Салтыковой*. Хроника професіональнаго образования *В. В. Бирюковича* и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки семь руб., съ доставкою 7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою 8 руб., за границу—9 руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Журналъ «Р. Ш.» допущенъ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. къ выпискѣ для фундаментальныхъ библиотекъ средне-учебныхъ заведеній, и учительскія библиотеки низшихъ учебн. заведеній.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул. 1).

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

2 -3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 Г.

Съ 1-го октября 1903 года начнется 7-й годъ изданія

ЕЖЕМѢСЯЧНОГО ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЖУРНАЛА

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
ИЗВѢСТИЯ
ПО ЛИТЕРАТУРЪ, НАУКАМЪ
И БИБЛІОГРАФІИ.

Назначеніе журнала—дать читающей публикѣ возможность своевременно слѣдить за всѣмъ, что есть новаго въ литературѣ, наукѣ и библіографіи у насть въ Россіи и за границей. Въ этихъ видахъ журналъ «книжныхъ магазиновъ товарищества М. О. Вольфъ извѣстія по литературѣ, наукамъ и библіографіи» помѣщаетъ иллюстрированныя статьи и замѣтки по вопросамъ изъ указанной области, критические отзывы о наиболѣе выдающихся новыхъ сочиненіяхъ, списки новыхъ книгъ и важнѣйшихъ журнальныхъ статей, русскихъ и иностранныхъ, свѣдѣнія о подготовляемыхъ къ печати новыхъ изданій и пр. Особый отдѣль по-

священъ справкамъ, совѣтамъ и отвѣтамъ на предлагаемые читателями журнала вопросы.

Годовая подписная цѣна журнала на полувеленевой бумагѣ, съ доставкою и пересылкою: 1 р.; изданіе на веленевой бумагѣ 2 рубли.

Подписка и объявленія принимаются въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, № 18; Москва, Кузнецкій Мостъ, № 12. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 16 лин., д. 5—7.

—
2—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

(ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Условія подписки на годъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи: 12 р., на 9 мѣс.—9 р., на 6 мѣс.—6 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р.; за границу на годъ: 14 р., на 9 мѣс.—10 р. 50 к., на 6 мѣс.—7 р., на 3 мѣс.—3 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подписаніи, 1 апрѣля, 1 іюля, 1 октября по 3 рубля—при непосредственному обращеніи въ контору или ея отдѣленія.

Цѣна отдѣльного номера съ пересылкой 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала.

Подписька въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ *В. А. Гольцевъ, А. П. Чеховъ и А. А. Кизеветтеръ.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москву: въ конторѣ журнала—Ваганьковскій пер., д. Куманина; *въ Петербургъ:* въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. № 46; *въ Киевъ:* въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ; *въ Варшаву:* въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова; *въ Вильнюсъ:* въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Редакторъ-издатель *В. М. Лавровъ.*

—
1—3

ОБЪЯВЛЕНИЕ

о подпискѣ въ новомъ 1904 г. на двухнедѣльный полемико-
апологетический журналъ

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНИЕ.

20 книгъ журнала и 2 книги приложений за 6 руб.

Адресъ редакціи СПб. Невскій, д. 153.

Въ новомъ 1904 году МИССИОНЕР. ОБОЗРѢНИЕ вступаетъ въ IX годъ изданія. Журналъ будетъ выходить по примѣру прошлаго года за прежнюю цѣну *шесть* руб. двухнедѣльными выпусками, въ объемѣ отъ 8—12 и болѣе печатныхъ листовъ (за исключеніемъ пасхальныхъ и лѣтнихъ ваканцій, когда журналъ выйдетъ по одной книжкѣ въ мѣсяцъ), всего въ теченіи года дано будетъ подписчикамъ 20 книжекъ.

При этомъ МИССИОНЕРСКІЯ ПРОПОВѢДІ, въ огражденіе православныхъ чадъ Церкви отъ лжеученій расколосектантства, будутъ печататься при книжкахъ журнала особымъ счетомъ страницъ, такъ что въ концѣ года составлять цѣлый сборникъ. Въ первыхъ книжкахъ журнала будутъ помѣщены бесѣды свящ. *Софітова* въ обличеніе хлыстовства и свящ. *С. Богдановича* въ обличеніе толстовства и штундизма. Будутъ также печататься и проповѣди, касающіяся заблужденій раскола.

Вместо проповѣдей на воскресные и праздничные дни, обычно печатавшихся въ истекшія 8 лѣтъ, въ новомъ 1904 г., высланъ будетъ съ первой книжкой журнала *сборникъ проповѣдей на всевозможные случаи изъ настырской практики*, составленный свящ. Бояковскимъ изъ произведеній лучшихъ проповѣдниковъ отечественной Церкви, примѣненныхъ (черезъ сокращеніе и измѣненіе) къ потребностямъ современной народно-церковной каѳедры.

Подписка принимается въ редакціи „Миссионерское Обозрѣніе“, Спб. Невскій пр., 153 кв. 10; въ Москвѣ въ Синодальной типографіи, а также въ извѣстныхъ магазинахъ во всѣхъ городахъ. Подписная цѣна 6 руб. за границу 8 руб.

Для бѣдныхъ причтовъ и церквей допускается разсрочка въ платежѣ подписной цѣны съ тѣмъ, чтобы первый взносъ 3 р. сдѣланъ быть при подпискѣ, а вторые 3 р. высланы были къ Св. Пасхѣ.

Редакторъ-издатель *В. М. Скворцовъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ“

2-я серія.—Популярно-научн., литературн., художествен. и экономи-
ческое изд.—въ теч. 1904 г.

20 книжекъ съ иллюстраціями 3 рубля.

Будучи изданиемъ прогрессивно-просвѣтительнымъ, „В. Общ. Жизни“ въ рядѣ статей будеть отстаивать справедливые и законные интересы трудящихся массъ. Знакомя читателей съ современными течениями обще-русской и европейской жизни въ области науки, искусства и литературы, «В. О. Ж.» особенное вниманіе будуть удѣлять краевымъ вопросамъ Новороссіи, а также вопросамъ: европейскому, польскому и малорусскому, требующимъ на нашемъ разноплеменномъ Югѣ постоянного и объективного отклика. Въ „Вопросахъ Общественной Жизни“ будутъ помѣщаться также романы, повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные.

Подписная цѣна за 20 книж. съ иллюстраціями 3 рубля.

(за пересылку иногородніе доплачив. 50 коп.)

Разсрочка отъ 1 руб.

Всѣ подписчики „Вопросовъ Общественной Жизни“ могутъ получать за 1 руб. 50 коп. (городскіе) и за 2 руб. (иногородніе), съ доставкой и пересылкой, собраніе сочиненій величайшаго англійскаго поэта

лорда Вайрона

(автора „Чайльдъ-Гаролда“ и „Донъ-Жуана“) въ роскошномъ не-
реплетѣ.

Подписка принимается: 1) въ гл. конторѣ „Вопросовъ Общественной Жизни“, Одесса, Ришельевская, 12; при книжномъ магазинѣ „Образованіе“; 2) во всѣхъ книжныхъ магазинахъ (комиссія 50 коп. съ полнаго экземпляра).

Адресъ редакціи „В. О. Ж.“: Одесса, Канатная, 84.

Завѣдующій редакціей и дѣлами изданія **Н. С. Рацковскій**.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ

на ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни

„КІЕВСКАЯ ГАЗЕТА“

(V-й годъ издания).

Съ еженедѣльными иллюстрированными литературными приложеніями.

«Кievskая Газета» вступаетъ въ пятый годъ издания. Мы не имѣемъ надобности распространяться предъ читателями о нашихъ задачахъ и цѣляхъ: мы полагаемъ, что въ теченіе 4-хъ лѣтъ характеръ и физіономія «Кievской Газеты» выяснились въ достаточной степени. Поэтому мы ограничимся заявленіемъ, что принципы и убѣжденія, которыми мы руководствовались до сихъ поръ и которые, какъ мы видѣли, находили живой откликъ среди нашихъ читателей, будутъ и на дальнѣйшее время служить для насъ руководящей нитью. Упомянемъ еще разъ то, о чёмъ намъ неоднократно уже случалось говорить: одинъ изъ основныхъ принциповъ «Кievской Газеты»—не довольствоваться тѣмъ, что уже достигнуто, не останавливаться, но, чутко прислушиваясь къ запросамъ публики, идти навстрѣчу имъ, идти впередъ по пути постоянного развитія и улучшенія дѣла, по тому пути, по которому наша газета шла до сихъ поръ. Только такимъ образомъ Редакція надѣется удовлетворить своихъ читателей. Съ этой цѣлью «Кievская Газета» предприняла на первыхъ порахъ въ новомъ году слѣдующія главныя реформы.

Желая доставить читателямъ возможно скорыя и вѣрныя свѣдѣнія, Редакція постаралася заручиться собственными корреспондентами въ наиболѣе крупныхъ городахъ Западной Европы и Россіи. Пользуясь услугами послѣднихъ, Редакція имѣть возможность сообщать своимъ читателямъ посредствомъ корреспонденцій и телеграммъ всѣ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ: законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и проч.

Сообщенія изъ столицъ доставляются намъ теперь специальными столичными корреспондентами и потому приходятъ 1-2 днями скорѣе, чѣмъ въ прежнее время. Сообщенія эти печатаются въ «Кievской Газетѣ» ежедневно подъ рубрикой «Столичный вѣсти».

Въ виду крайней неполноты и несвоевременности сообщеній «Россійск. Телеграфн. Агентства», Редакція вошла въ сношеніе съ ново-организованнымъ при министерствѣ финансовъ «Торгово-Телеграфнымъ Агентствомъ», телеграммы которого отнынѣ регулярно будуть помѣщаться въ «Кievской Газетѣ» и, такимъ образомъ, читатели своевременно будутъ оповѣщены о всѣхъ выдающихся событияхъ какъ внутренней жизни Россіи, такъ и заграничной. Кромѣ того, въ «Кievской Газетѣ» будутъ ежедневно печататься котировки С.-Петербургской биржи по телеграфнымъ сообщеніямъ Торгово-Телеграфного Агентства.

Выписанная нами ротаціонная машина, печатая до 12 тыс. экземпляровъ въ часъ, даетъ возможность намъ своевременно выпу-

скать газету и помѣщать въ ней тѣ новости и телеграммы, которыя получаются даже поздней ночью.

Имѣя въ виду дать читателямъ бѣллетристической матеріяль для чтенія, Редакція рѣшила выпускать особый литературный приложенія къ «Кievskoj Газетѣ», въ которыхъ будуть помѣщаться стихотворенія, очерки, разсказы, какъ оригинальные, такъ и переводные, а также очерки русской и заграничной жизни. Кроме того, въ приложеніяхъ будуть помѣщаться рисунки, касающіеся современнымъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей. Приложенія будутъ выпускаться еженедѣльно, съ особымъ счетомъ страницы. Изъ нихъ составится за годъ полный экземпляр иллюстрацій въ 52 тетради.

Такимъ образомъ въ 1904 году каждый подписчикъ «Кievskoj Газеты» получитъ: 1) Ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ. 2) 52 №№ Еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ литературно-художественныхъ приложенийъ.

Стремясь постоянно расширять кругъ своихъ сотрудниковъ, редакція пригласила къ участію въ газетѣ новыхъ лицъ. Въ 1904 г. въ «Kievskoj Газетѣ» будутъ принимать постоянное участіе слѣдующіе извѣстные столичные литераторы и журналисты: А. В. Амфитровъ (И. Л. Иксъ), К. С. Баранцевичъ, П. В. Быковъ, Ш. И. Вейнбергъ, М. В. Крестовская, В. С. Лихачевъ, Lolo (Л. Г. Мунштейнъ), М. А. Лохвицкая, А. А. Луговой (Тихоновъ), Ф. Ф. Тризонеръ (Мечтатель), Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Въ 1904 году всѣ подписчики «Кievskoj Газеты» будутъ по-прежнему пользоваться правомъ получать въ театрѣ «Соловцовъ» на спектакли драматической труппы М. М. Глѣбовой билеты по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ,—разъ въ недѣлю, въ дни, указанные дирекціей театра.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой: на годъ 9 р., на 9 мѣс. 7 р. 10 к., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 70 к., на 1 мѣс. 1 р. Безъ доставки: на годъ 8 р., на 9 мѣс. 6 р. 20 к., на 6 мѣс. 4 р. 40 к., на 3 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 90 коп.

Годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, вносятъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му юля 3 р. Подписка на 1904 годъ и объявленія принимаются: 1) въ Главной Конторѣ и 2) въ книжныхъ магазинахъ и кiosкахъ. Заграничные подписчики къ подписной цѣнѣ приплачиваютъ за каждый мѣсяцъ по 60 коп. За первомѣсячную адреса 40 коп., причемъ необходимо сообщать заблаговременно прежний и новый адресы. О каждой перемѣнѣ адреса просятъ сообщать отдельно. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждого мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: Кіевъ, Владимицкая ул., № 34. Телефонъ № 1276.

Издатели: С. Я. Богдановъ, А. Ф. Френкель. Редакторъ А. Ф. Френкель:

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельные изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные материалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлѣжность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусского народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція просить авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Киевская Старина“ будетъ выходить въ 1904 г. по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Стекрыта подпіска на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1904 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подпіска принимается въ редакції журнала „Киевская Старина“, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Киевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволять немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакції продаются полные экземпляры «Киевской Старины» за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдельныя книги журнала по 1 р.

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

**ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.**

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ.

ТОМЪ LXXXIV.

1904 Г.

ФЕВРАЛЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Імператорського Університета св. Владимира
Акп. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

Дозволено Цензурою. Кіевъ, 16:января 1904 г.

П О П Р А В К И.

Въ приложенномъ къ № 1 «Библіографическомъ указателѣ музыкальной и литературной дѣятельности Н. В. Лисенка» просимъ исправить слѣдующіе недосмотры:

- Предисл.* стр. 2; 3 и 4 стр. снизу—слова «при разысканіи» и «произведеній» поставить одно вмѣсто другого.
- 3, № 2, стр. 3-я вмѣсто 1858 г. д. б. 1868 г.
- 10, № 37, стр. 2-я вмѣсто «поодыноки, якъ такъ и гуртови» д. б. «якъ поодыноки, такъ и гуртови».
- 18, № 81 и 82 относятся къ 1901 г., который въ заголовкѣ пропущенъ.
- 19, № 84, стр. 2-ая, вмѣсто *Мазуренка* д. б. *Морозенка*.
- — № 85, стр. 3-я, вмѣсто *серія VI* д. б. *серія IV*.
- — — — стр. 4-ая, вмѣсто № 52 д. б. № 62.
- 22, № 13 стр. 2-ая, вмѣсто годовъ 1899 и потомъ 1889 д. б. 1889 и потомъ 1888.
-

Ремесленное училище въ Черниговѣ, учрежденное сто лѣтъ назадъ. (1804—1811 г.).

Учреждение ремесленныхъ и другихъ промышленныхъ школъ только въ послѣднее время стало предметомъ особаго вниманія правительства и общественныхъ учрежденій, да и сдѣланное въ этомъ отношеніи далеко не соотвѣтствуетъ тому запросу и той необходимости, какія проявляются въ самомъ обществѣ. Тѣмъ интереснѣе и значительнѣе фактъ существованія ремесленной школы въ Черниговѣ сто лѣтъ назадъ, созданной по иниціативѣ первого малороссійскаго генералъ-губернатора князя А. Б. Куракина. Мы уже много разъ касались изумительной дѣятельности этого замѣчательнаго администратора, оказавшаго Малороссіи немало услугъ устройствомъ въ ней домовъ воспитанія для бѣдныхъ дворянъ, основаніемъ гимназій, богадѣлень, богоугодныхъ заведеній, построеніемъ множества зданій, устройствомъ ботаническихъ садовъ и т. п.¹⁾). И все это совершено въ теченіе шести лѣтъ (1802—1808) его пребыванія на посту малороссійскаго генералъ-губернатора. Настоящій очеркъ представляетъ дополнительныя данныя для характеристики этого дѣятеля ²⁾.

¹⁾ См. нашъ очеркъ «Полтава въ началѣ XIX столѣтія» «Кievskaya Starina» 1902 г., и тамъ же много замѣтокъ о немъ въ 1901 и 1902 годахъ.

²⁾ Очеркъ изложенъ исключительно по даннымъ, извлеченнымъ нами изъ архива Полтавскаго Губ. Правленія (по описи № 340, 1807

I.

По инициативѣ кн. А. Б. Куракина, 1 мая 1804 г. были торжественно открыты въ Черниговѣ ремесленное училище и домъ для воспитанія бѣдныхъ дворянъ¹⁾). Торжество открытия этихъ двухъ учрежденій началось богослуженіемъ въ соборѣ, совершеннымъ преосвященнымъ черниговскимъ Михаиломъ. По окончаніи службы, изъ храма двинулась процессія, во главѣ съ преосвященнымъ, при участіи губернатора и другихъ начальствующихъ лицъ, въ помѣщеніе «дома для воспитанія бѣдныхъ дворянъ», где было водосвятіе и молебень. Отсюда процессія двинулась въ томъ же порядкѣ къ дому ремесленного училища, где также было освященіе воды и молебствіе. По этому случаю преосвященнымъ Михаиломъ были произнесены соотвѣтствующія слuchаямъ рѣчи, коихъ подлинные тексты были присланы черниговскимъ губернаторомъ князю Куракину. Въ тотъ же день былъ обѣдъ у губернатора, на которомъ присутствовало духовенство и начальники отдѣльныхъ частей. Обѣ этомъ торжествѣ черниговскій губернаторъ баронъ Френсдорфъ прислалъ князю Куракину подробное донесеніе, въ которомъ говорится и о впечатлѣніи, какое произвело на населеніе открытие этихъ двухъ учрежденій. «Имѣвъ честь сего числа (т. е. 8 мая) отправить къ вашему сіятельству формальное донесеніе мое объ открытии въ Черниговѣ домовъ воспитанія бѣдныхъ и ремесленного училища, съ чувствомъ живѣйшей радости присовокупляю, что сіе открытие, бывъ производимо торжественнѣйшимъ образомъ, при благопріятствующей погодѣ сколько наблости было можно, сдѣлало глубокое впечатлѣніе въ умахъ здѣшней публики и открыло глаза даже и тѣмъ, коимъ всякая перемѣна или новое заведеніе, сколько бы оно полезно для общества ни было, кажется святотатствомъ, если оно не соотвѣтствуетъ закоснѣннымъ привычкамъ и обычаямъ». Далѣе губерна-

года, № 215—1804, № 279—1806.

¹⁾ Черниговскій «Домъ воспитанія» учрежденъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ Полтавѣ. См. нашъ очеркъ: «Полтава» etc.

торъ сообщаетъ о мастерахъ, прибывшихъ еще за два года до открытия, и хвалить ихъ работы (пробныя). «Дай Богъ,—такъ заканчивается его письмо,—чтобы благое начало имѣло желаемый успѣхъ, къ прославленію имени вашего сіятельства, какъ виновника всему сему, и къ памяти эпохи начальствованія вашего надъ симъ краемъ».

Кн. Куракинъ, въ свою очередь, сообщилъ о совершившемся открытии черниговского рем. училища и дома для бѣдныхъ дворянъ министрамъ внутреннихъ дѣлъ и народного просвѣщенія, попечителю харьковскаго учебнаго округа Сев. Потоцкому и др. Спустя немногого времени князь былъ удостоенъ слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ: «Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ мнѣ доставленное отъ васъ увѣдомленіе объ открытии дома воспитанія бѣдныхъ и ремесленнаго училища. Я съ удовольствіемъ видѣлъ изъ сего, что предположенія ваши по сей части начинаютъ уже приходить къ своему совершенію и, безъ сомнѣнія, достигнутъ его подъ вашимъ руководствомъ. Черниговскому губернатору, отлично при семъ случаѣ одобряемому, приказалъ я, сверхъ настоящихъ окладовъ, производить по двѣсти рублей столовыхъ на мѣсяцъ, доколѣ въ настоящемъ мѣстѣ онъ пребудетъ. Чиновникамъ, употребленнымъ вами по симъ заведеніямъ, на дворнымъ совѣтникамъ Соколову и Карташевскому объявить мое благоволеніе и въ знакъ оного вручить имъ прилагаемые при семъ подарки».

Черниговское ремесленное училище основано было для низшихъ классовъ черниговской и полтавской губерній и комплектъ его могъ быть доведенъ до 336 учащихся, но такого числа въ рассматриваемый периодъ не было. Ко дню открытия училища было принято 35 учениковъ, изъ которыхъ козачьихъ дѣтей было 9, мѣщанъ 25 и одинъ купеческаго званія. Скоро комплектъ учащихся увеличился до 50, затѣмъ до 60 человѣкъ и въ 1811 г. ихъ было 96. Черезъ годъ послѣ открытия кн. Куракинъ разрѣшилъ принимать въ училище и дѣтей крѣпостныхъ, если на это изъявлять желаніе ихъ владѣльцы и обяжутся при этомъ доста-

влять для нихъ и провиантъ, такъ какъ они не могли содержаться на общія училищныя суммы.

Всѣ воспитанники жили въ училищѣ; это былъ интернатъ. Принимались на 6 лѣтъ; пріемъ учащихся происходилъ каждые два года въ январѣ мѣсяцѣ. Не принимались дѣти моложе 12 лѣтъ и старше 15; послѣдніе могли быть приняты лишь при условії, если избирали столярное ремесло. Обратимся теперь къ содержанію этихъ учениковъ. Кн. Куракинъ, разсмотрѣвъ смѣты, очень точно обозначилъ ежедневное количество продуктовъ на каждого ученика, и сообразно этой табели и отпускались суммы, отчасти изъ Приказа Общественного Призрѣнія, а частью изъ городскихъ доходовъ. На постройку училища и обзаведеніе было ассигновано 40 тысячъ отъ казны. Самое же училище помѣщалось сперва въ городскомъ домѣ. Изъ одеждъ полагалось каждому ученику суконная свита, стоимостью въ 2 р., тулуупъ въ 3 руб. 75 к., лѣтняя круглая шляпа—60 к., зимняя—90 к., три пары рубахъ съ портками стоимостью въ 1 р. 20 к., пара сапогъ въ 1 р. и платокъ набойчатый на шею, стоимостью въ 40 коп. Всего выходило по 20 руб. на каждого воспитанника. Впослѣдствіи для нихъ шили не свиты, а шинели, и введены были халаты. Еще точнѣе было обозначено количество потребныхъ продуктовъ на каждого ученика. Хлѣба отпускалось ежедневно по $1\frac{1}{2}$ ф. на человѣка, что составляло въ годь 13 п. $27\frac{1}{2}$ ф. Помимо этого, ту же рожаную муку отпускали по 3 фунта на каждого ученика «для увариванія кваса въ пищу и питье». Гречневой крупы полагалось въ мѣсяцъ по 2 гарнца,—четверть ея стоила 2 руб. 25 к.; соли по 2 ф. въ мѣсяцъ, свиного сала для мясоѣдныхъ дней, которыхъ въ году по табели считалось 180, по 2 ф. въ мѣсяцъ на каждого человѣка, а пудъ его стоилъ тогда 3 р. 20 к. Воспитанники училища должны были соблюдать всѣ посты, а постныхъ дней по табели было 180. Говядина давалась только въ праздничные и воскресные дни, при чемъ на каждого ученика отпускалось по полуфунту мяса на человѣка; если же праздники и воскресенья приходились въ посты, то тогда отпускалось по одной тарани на человѣка, а сотня тарани стоила въ то время 1 руб. 20 к. Надо

сказать, что пищевое довольствие было высчитано до мельчайшихъ подробностей. Такъ, напр., высчитано было, сколько отпускать на человѣка капусты, луку. Эти продукты, какъ читаемъ въ смѣтѣ, не росли будто бы на тамошнихъ огородахъ, что, кажется, едва ли вѣрнымъ. Капусты полагалось по двѣ головки на человѣка въ мѣсяцъ, а сотня ея стоила 1 руб.; луку по $\frac{1}{2}$ вѣнка, а сотня вѣнковъ оцѣнивалась въ 4 р. Молочное довольствие допускалось только на сырной недѣлѣ, когда ежедневно на каждого ученика полагалось по $1\frac{1}{2}$ ф. сыру, фунтъ котораго стоилъ 2 к. Улучшенный столъ былъ во время Пасхи, для чего отпускалось по 10 к. на человѣка. Все пищевое довольствие въ годъ стоило 552 р. 20 к. на 50 чет. учащихся. Столъ учениковъ, какъ видно изъ этой табели, былъ самый скромный, именно такой, какой былъ привычнымъ въ той средѣ, изъ которой поступали въ школу. Одинъ разъ въ мѣсяцъ учениковъ водили въ городскую баню, что обходилось по 5 коп. на человѣка. Отпускалась и сумма на говѣнье, по расчету 10 к. на каждого воспитанника, что также внесено было въ смѣту.

Въ послѣдующіе годы столъ въ училищѣ былъ нѣсколько улучшенъ; это сдѣлано было по распоряженію кн. Куракина, посѣтившаго училище въ 1807 году. Приказано было увеличить порцію хлѣба, особенно для учениковъ столярного и слесарного ремесль, «по роду работъ ихъ,—какъ писалъ Куракинъ,—требующихъ сильнаго движенія». Было прибавлено хлѣба всего по $\frac{1}{2}$ ф. на чѣловѣка, а для учениковъ столярного и слесарного отдѣленій по $\frac{3}{4}$ фунта, что должно было составлять для нихъ полдникъ. Въ 1808 г. былъ опредѣленъ одинъ день въ недѣлю, кроме праздниковъ и воскресеній, когда воспитанникамъ давали по $\frac{1}{2}$ ф. мяса; если это былъ посты, то давали рыбу. Такое исчисление до мельчайшихъ подробностей продуктовъ практиковалось только въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ существованія училища; въ 1807 г. было назначено на пищевое довольствіе по 7 коп. на чѣловѣка въ день.

Обзаведеніе и оборудование училища вообще стоило по тому времени не дешево. При училищѣ была пара воловъ, лошади.

На отопление училища и на кухню покупались дрова возами, и каждый возъ стоилъ 25 к., а всего требовалось 1224 воза. Для освѣщенія употреблялись сальныя свѣчи; пудъ ихъ стоилъ 6 руб. Прислуги въ училищѣ полагалось нѣсколько человѣкъ: поваръ, его помощникъ, два дворника; въ числѣ прислуги помѣщень «надзиратель изъ отставныхъ солдатъ для всегдашняго надсмѣриянія за успѣхами и поведеніями учениковъ». Жалованія послѣдній получали 50 р. въ годъ. Съ увеличеніемъ числа учащихся были выстроены въ 1811 г. два деревянныхъ корпуса, стоимостью въ 4 тыс. р. съ небольшимъ, а мѣсто было уступлено городомъ по приказанію кн. Куракина, когда вскорѣ послѣ открытія явилась необходимость сдѣлать пристройку и строенія для хозяйственныхъ надобностей. Это расширение обошлось въ 1433 р.

Весь бюджетъ училища въ первые годы его существованія былъ около 3 тысячъ асс. Въ 1807 г. онъ былъ значительно увеличенъ, о чёмъ хлопоталъ попечитель училища А. Х. Угнаде, представившій довольно подробныя исчисленія. Кн. Куракинъ, одобравъ ихъ, предписалъ Приказу «съуваженіемъ всѣхъ представленныхъ обстоятельствъ учинить распоряженіе о составленіи нового штата съ назначеніемъ ремонта всякой вещи, распространивъ уже по таковому новому ремесленному училищу».

II.

Училище имѣло не мало начальствъ надъ собой. Подчинено оно было Приказу Общественнаго Призрѣнія, которому отдавало отчетъ въ расходованіи суммъ, губернатору, и кн. Куракину, какъ главному начальнику края. Ближайшимъ же начальникомъ училища былъ попечитель, избравшійся генераль-губернаторомъ¹⁾. Первымъ попечителемъ былъ надв. совѣтникъ Карташевскій, но онъ пробылъ очень недолго. Мѣсто его занялъ Арк. Ригельманъ, на долю которого и выпала главная забота объ устройствѣ учи-

¹⁾ Попечителями были чиновники, такъ какъ трудно и даже невозможно было найти въ то время людей съ технической подготовкой.

лица. Дѣятельностью его кн. Куракинъ, вообще очень требовательный, былъ доволенъ. Въ августѣ 1807 года Ригельманъ оставилъ службу. Куракинъ его представилъ къ награжденію чиномъ (должность эта была коронная), самъ благодарилъ его особо письмомъ и предписалъ Приказу Общественного Призрѣнія выразить ему благодарность за полезную службу. Преемникомъ ему былъ назначенъ также надворный совѣтникъ, какъ и два предыдущіе, А. Х. Угнаде. Князь Куракинъ, приглашая его на эту службу, писалъ: «Извѣстная мнѣ аккуратность и опытность ваша въ дѣлахъ и то усердіе, которое имѣете къ пользѣ общественной, подаютъ мнѣ поводъ приглашать симъ васъ, милостивый государь мой, къ принятію на себя онаго званія, съ таковымъ съ моей стороны предвареніемъ, что сіе ваше согласіе будетъ ободреніемъ для самаго сего столь полезнаго заведенія, которое останется всегда вамъ обязано къ удовольствію публики». Угнаде не отказался и занялъ это мѣсто, какъ доносилъ Приказъ, «по введеніи его въ познаніе всего должности сей относящагося». При немъ было много сдѣлано улучшеній; имъ намѣчены постройки двухъ новыхъ домовъ, что сдѣлано было послѣ него, при немъ увеличена была смыта и онъ много заботился о работахъ учениковъ; образовался при немъ и капиталъ училища. Съ уходомъ его, попечителемъ былъ назначенъ Ничволововъ, при которомъ вскорѣ же и открылось разстройство въ суммахъ ремесленного училища. Его тотчасъ смѣшили, хотя суммы всѣ были пополнены, и попечителемъ былъ назначенъ «полковникъ и кавалеръ» Григоровскій. Итакъ, въ теченіе 7 лѣтъ смѣнилось пять попечителей. Всѣ они, конечно, занимались болѣе хозяйствомъ училища, а самыя ремесла были на отвѣтственности мастеровъ.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію учебнаго дѣла, остановимся на очень интересномъ фактѣ,—образованіи комитета при этомъ училищѣ. Инструкція ему была написана самимъ кн. Куракинымъ. Помимо попечителя, въ составъ комитета входили два чиновника изъ жительствующихъ въ Черниговѣ дворянъ, засѣдатель Приказа Общественного Призрѣнія, а также по два человѣка изъ купцовъ, мѣщанъ и ремесленниковъ. Это, кажется, былъ

первый примѣръ въ Россіи привлеченія представителей самаго общества къ участію въ школьному дѣлѣ. Комитетъ этотъ прежде всего, согласно инструкціи, долженъ былъ вести журналъ своихъ занятій, «дабы упражненіе свое сдѣлать извѣстнымъ, и доносить объ успѣхѣ генераль-губернатору каждыя двѣ недѣли». Вѣдѣнію комитета подлежала оцѣнка вещей, матерьяловъ, поступающихъ въ училище, для чего онъ долженъ былъ собираться не менѣе одного раза въ мѣсяцъ; онъ долженъ былъ заботиться о сохраненіи этихъ матерьяловъ, слѣдить за справочными цѣнами и «всякія перемѣны представлять на усмотрѣніе генераль-губернатора». Онъ долженъ былъ принимать задатки за заказанныя работы въ училищѣ, назначать цѣны за издѣлія, взимая не болѣе половины ихъ стоимости. Три раза въ недѣлю, въ послѣдованное время, комитетъ долженъ былъ собираться для сочиненія табели, т. е., для составленія расписанія; заботиться относительно пищевого довольствія учениковъ и т. под. Обратимся теперь къ учебному дѣлу. По проекту, начертанному кн. Куракинымъ, въ училищѣ должны быть введены постепенно 14 ремесль; но въ рассматриваемый періодъ, о которомъ имѣются у насъ архивныя данныя, были введены съ первого года пять ремесль: столярное, слесарное, рѣзное (по дереву), серебряное и сапожное. Черезъ два года было введено еще токарное.

Во главѣ каждого ремесла (или класса—какъ называли) былъ мастеръ и подмастерій. Содержаніе ихъ до введенія штатовъ въ 1808 г. не было точно установлено и находилось въ зависимости отъ соглашеній между ними и попечителемъ. Съ каждымъ изъ мастеровъ долженъ быть заключенъ контрактъ, по образцу, начертанному самимъ Куракинымъ. До введенія штатовъ мастера и подмастерья получали отъ 140 до 300 р.; помимо этого имъ выдавалось 30—40 р. квартирныхъ и 25, а чаще всего 30 р. дровяныхъ, т. е. на отоплениe. Сверхъ того мастера получали 20-ый процентъ съ суммы выдѣланныхъ вещей въ училищѣ, и каждый вырабатывалъ 200—205 рублей въ годъ. Съ 1806 г. получали процентъ и подмастерья. Постоянные оклады были введены лишь въ 1808 году и были таковы: большинство мастеровъ

получало жалованья 350 р. въ голь, токарный мастеръ 450 р., а рѣзчикъ 250 р. Помимо этого, всѣмъ этимъ мастерамъ выдавали по 40 р. квартирныхъ (рѣзчику 30 рублей) и всѣмъ по 30 руб. дровяныхъ. Подмастерья были въ токарномъ классѣ; серебряномъ, впослѣдствіи и въ другихъ и жалованья получали отъ 110 до 195 рублей въ годъ, квартирные отъ 20—40 р., а одинъ получалъ еще и харчевые—25 р., но не получалъ за то дровяныхъ. Не всѣхъ мастеровъ можно было достать тогда въ Малороссії. Рѣзчикъ былъ крестьянинъ Егоръ Ушаковъ, умѣршій на службѣ въ училищѣ въ 1807 году. Мастеръ по слесарному ремеслу былъ тоже изъ мѣстныхъ, а подмастерiemъ былъ нѣкто Яковъ Крапивенцовъ, вышисанный княземъ Куракинымъ изъ тульскаго оружейнаго завода. Очень скоро этотъ Крапивенцовъ занялъ мѣсто мастера, но долженъ былъ оставить его, такъ какъ онъ не имѣлъ права уйти изъ казенного завода, и лишь по особому ходатайству кн. Куракина передъ императоромъ мастеру дозволено было остаться въ училищѣ, если онъ поставить на мѣсто себя работника въ тульскій заводъ, будетъ уплачивать въ казну ежегодно по 30 р. и также ежегодно представлять въ тульскій заводъ по 12 ружей собственной работы. Послѣдняго условія Крапивенцовъ не выполнялъ, о чёмъ и завязывалась постоянная переписка.

Мастерами бывали очень часто иностранцы. За всѣми ими особенно зорко слѣдилъ попечитель Угнаде. Объ одномъ изъ мастеровъ, уроженцѣ Кенигсберга Іоганнѣ Котлибѣ Милле велась долгая переписка. Онъ былъ шорный мастеръ «сѣдельнаго дѣла». Угнаде его уволилъ, находя его «въ искусствѣ мастерства своего посредственнымъ, а въ поведеніи ненадежнымъ», хотя князь Куракинъ былъ имъ доволенъ, такъ какъ по его «классу» выдѣльвалось много интересныхъ вещей ¹⁾.

¹⁾ Въ архивныхъ дѣлахъ имѣется «табель всѣмъ вещамъ» за 1805 годъ, гдѣ перечисляются издѣлія училища въ алфавитномъ порядке. Вѣдомость эта подписана членами комитета и попечителемъ училища. Укажемъ на нѣкоторые отдѣлы. По серебряному ремеслу выдѣльвались: серебр. чайныя приборы, кресты, лампады, ножи, вилки,

Желая увеличить продуктивность школы и познакомить местное общество съ тѣмъ, какія именно издѣлія въ ней вырабатываются, кн. Куракинъ предписалъ сдѣлать для образца по каждому ремеслу нѣсколько вещей, которыя и велѣно было хранить въ училищѣ. Интересенъ этотъ реестръ, составленный самимъ кн. Куракинымъ, и его предложеніе губернатору, рисующее состояніе этого училища въ 1807 г., т. е. три года спустя послѣ его открытія. «Здѣшнее ремесленное училище, писалъ князь, уже достаточными способами и знающими мастерами къ продолженію въ немъ ремесль оказываетъ довольно хорошиі успѣхъ въ разныхъ выдѣлываемыхъ тутъ вещахъ, и слѣдовательно время отъ времени можетъ обращать сугубое на себя вниманіе публики и желающихъ заказывать кому какія угодно въ немъ издѣлія. А посему я признаю нужнымъ имѣть тутъ по каждому ремеслу выдѣлываемымъ въ самомъ семъ училищѣ образцовая вещи, служащія для любопытства посѣтителей и для примѣра при заказахъ ими себѣ вещей. Какія именно по каждому ремеслу должны быть сіи образцовая вещи, обѣ оныхъ прилагаю при семъ реестрѣ и прошу васъ, милостивый государь мой, о приведеніи въ исполненіе учinitь начальственное вашего превосходительства распоряженіе съ таковыимъ притомъ назначеніемъ, что сіи вещи должны считаться капиталомъ по каждому ремеслу и въ продажу не поступятъ, развѣ пока опять до новой издѣлки, и то не въ скоромъ времени, и безнадобности ихъ не перемѣнять».

Вотъ и реестръ тѣмъ образцовымъ вещамъ, какія должны быть сдѣланы въ училищѣ. По столярному ремеслу: столы (круглый, овальный и карточный) съ бронзою изъ краснаго дерева, маленький столикъ, большое кресло, небольшое бюро, ларчикъ, рама

подсвѣчники, пряжки, рамы, шпоры, щипцы, и была сдѣлана напрестольная гробница. Продавали по вѣсу отъ золотника, начиная отъ 5 коп. до 40; была одна вещь, продаваемая по 70 к. за золотникъ, это «ланцюжокъ» (дѣочка). По слесарному: замки, трубы, задвижки, винты, валоны, кровати, коробки, стволы. По токарному: ручки, роговые головки, самопрядки, шпуги и т. п. По столярному—всевозможная мебель.

для зеркала, ящичекъ для чая или табаку—и все это изъ краснаго или чёрнаго дерева съ бронзой. Помимо этого, изъ ольхового дерева должны быть слѣд. вещи: бюро съ шкафомъ, лва стула, софа и табуретъ, и др.—всего 14 вещей. По рѣзному отдѣленію: ваза, съ цвѣтами на ней, рама для императорскаго портрета, 6 образцовъ портретныхъ рамъ, рама зеркальная, кіотъ для образа и разная порѣзка. По слесарному: замки, печать, шпоры, ножницы, ширмы, зонтикъ «для писанія на свѣчу» и «особенная штуочка для погашенія оной», канфорка съ плитою, всего 12 штукъ. По серебряному: чайный приборъ, вѣсомъ не менѣе 6 ф., чеканная лампада, чернильный приборъ, курительница, ложки столовыя и чайныя и лопатки для масла и сыра. По сапожному: ботфорты, сапоги, башмаки, спальные сафьяновыя туфли и два сѣда.

Многое изъ этого перечня выдѣлывалось и ранѣе, и мы имѣемъ документальныя данныя, указывающія сумму выручки отъ продажи издѣлій училища. Въ 1805 году было выручено 867 р. 38 к., въ 1806 г.—1538 р. 80 к., въ 1807 г.—1450 р. 96 к., въ 1808 г.—1907 р. 12 к., а къ 1 января 1811 года сумма эта (барышная, какъ ее называли) достигла до 4145 р. 47 к. При окончаніи курса, ученикъ получалъ половину стоимости выработанныхъ имъ за послѣдніе три года вещей.

Работы въ училищѣ, видимо, шли успѣшно; само училище хорошо зарабатывало продажей вещей, да и кн. Куракинъ не жалѣлъ средствъ поставить это училище хорошо. Въ 1808 году, училище имѣло слѣдующія суммы: на покупку матерьяловъ 1046 р. 50^{3/4} к., «барышной» отъ продажи вещей 1907 р. 12 к., матерьяловъ для выдѣлыванія разнаго рода вещей на 3973 руб. 78 к. и инструментовъ на 2442 р. 2 к. Бюджетъ же на учебное дѣло съ этого года былъ увеличенъ до 4435 руб. асс. Изъ «барышной» суммы отпускалось съ 1807 г. триста пятьдесятъ рублей на жалованье помощнику попечителя,—новая должность, введенная княземъ ¹⁾.

¹⁾ Мастера брали и частныя работы, что строго преслѣдовалось. Съ цѣлью прекратить это, разрѣшено было взимать съ виновныхъ въ

Преемникъ кн. Куракина по должності малороссійскаго генераль-губернатора кн. А. И. Лобановъ-Ростовскій нѣсколько уменьшилъ жалованье служащимъ; такъ, бухгалтеру и его помощнику сократилъ на 50 р., эконому же вмѣсто 250 р. велѣлъ выдавать только 150 р. На пятьдесятъ рублей съ 1808 г. сокращено и учителю ариометики; это былъ єдинственный общеобразовательный предметъ въ этой школѣ.

Таковы данныя, извлеченные изъ архивныхъ дѣлъ о ремесленномъ училищѣ въ Черниговѣ и заботахъ о немъ князя А. Б. Куракина. О дальнѣйшей судьбѣ этого интереснаго учрежденія намъ пока не удалось еще отыскать свѣдѣній въ нашихъ источникахъ. Прибавимъ лишь, что въ губернаторскомъ домѣ въ Полтавѣ и въ настоящее время существуетъ мебель работы этой школы—письменный столъ и стулья изъ корельской березы. На письменномъ столѣ, въ ширину его, вырѣзана надпись: «Черниговское ремесленное училище, 1818 года», изъ чего можно заключить, что школа въ этомъ году еще существовала.

И. Фр. Павловскій.

первый разъ штрафъ въ два раза больше стоимости работы, во 2-й — въ четыре раза, а затѣмъ уже взыскивать на основаніи закона, какъ за ослушаніе.

Общее направлениe образования въ Кіевской Академіи въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія.¹⁾

Насколько многосложныя и потому не скоро и не легко удовлетворимыя задачи представляетъ собою разработка исторіи прошлой жизни нашей Академіи,—это достаточно известно ученымъ труженикамъ, посвящающимъ изслѣдованию минувшихъ академическихъ судебъ долгіе годы самой напряженной энергіи.

Какъ наша Alma Mater выполняла свое назначеніе, служить которому она выступила въ пору, весьма грозную для православія юго-западной Руси; въ чемъ именно проявились со стороны Академіи ея заслуги для православной церкви, русской народности и нашего отечественнаго просвѣщенія; какая при этомъ обнаруживалась съ ея стороны степень напряженія силъ; какими она пользовалась средствами и какихъ достигала результатовъ и въ охраненіи православной вѣры, и въ движеніи и разработкѣ преподававшихся ею наукъ, и въ поднятіи общаго уровня образованности въ нашемъ государствѣ,—вотъ что, думаемъ, непремѣнно должна явить о себѣ на своихъ скрижалахъ обстоятельная исторія Кіевской Академіи.

---

1) Рѣчъ, сказанныя 18 декабря 1903 г., предъ защитой магистерской диссертациі: «Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія (Новые данныя, относящіяся къ исторіи этой Академіи за указанное время)».

Одно лишь приблизительное представление всей подавляющей массы того документального материала, собрать и изучить который необходимо для столь многосторонней исторіи, безъ сомнѣнія, должно смущать каждого, знакомаго съ кропотливостью и медленностью поисковъ и занятій въ архивахъ, подъ густыми слоями пыли скрывающихъ дѣла давно минувшихъ дней. Работа въ этихъ хранилищахъ памятниковъ прошлого нашей Академіи не можетъ быть выполнена единичными лицами. Нуженъ трудъ колективный, дружный, долгій и упорный...

Лично на нашу долю выпала честь около восьми лѣтъ изучать сравнительно небольшой періодъ изъ жизни воспитавшей насъ Академіи, именно,—періодъ съ 1701 по 1750 годъ. Плодомъ нашихъ изысканій и явилось изслѣдованіе, подлежащее суду нынѣшняго почтенного собранія. Изучили мы избранную нами эпоху академической жизни далеко не въ полныхъ предѣлахъ тѣхъ широкихъ задачъ, какія, по нашему крайнему разумѣнію, лежать на научной исторіи учебнаго завѣденія. Мы ограничили свое изслѣдованіе скромною цѣлью, во 1-хъ, провѣрки и во 2-хъ, возможнаго для насъ (при нашихъ служебныхъ обязанностяхъ) восполненія новыми данными того, что уже извѣстно объ Академіи за избранный нами періодъ времени по прежнимъ специальнымъ трудамъ о ней В. Аскоченского и іеромонаха (впослѣдствіи митрополита московскаго) Макарія (Булгакова).

На основаніи по крупицамъ собранныхъ, крайне отрывочныхъ и часто неясныхъ данныхъ, добытыхъ изъ разныхъ источниковъ, мы въ своемъ изслѣдованіи изобразили внѣшнюю жизнь Академіи: очертили систему ея управлениія, дали перечень ея административныхъ лицъ, правда, безъ желательной характеристики направленій ихъ администрації (для подобной характеристики источники, бывшіе въ нашемъ распоряженіи, мы нашли мало достаточными); раскрыли, какими материальными средствами жила въ ту пору Академія, гдѣ и какъ она помѣщалась, какими средствами содержались ея профессора и студенты. Изображеніе же внутренней ея жизни, ея учебно-образовательной дѣятельности,—при массѣ сырого и при томъ трудно читаемаго материала, съ его

особеною латынью и специальную терминологию, съ особыми рукописными сокращениями, условными знаками, обилиемъ описокъ, искаженій смысла словъ (напр., собственныхъ имень) и цѣлыхъ предложеній, съ немалымъ числомъ этимологическихъ и синтаксическихъ ошибокъ,—мы сдѣлали въ объемѣ невеликомъ, достаточномъ только для общаго сужденія объ основномъ характерѣ и направленіи академической пауки, отчасти объ ея источникахъ и главныхъ моментахъ ея развитія.

Наше (сравнительно ограниченное) изученіе внутренняго строя жизни Кіевской Академіи привело настъ къ убѣжденію, что въ первой половинѣ XVIII столѣтія Кіевская Академія оставалась неизмѣнно вѣрною своей исторической задачѣ—отвлекать православное юношество отъ обученія въ латино-польскихъ учебныхъ заведеніяхъ «да не отъ чуждаго источника (тамъ) пиюще, смертоноснаго яда западнаго схизмы упившеся, ко мрачно-темнымъ римлянамъ уклоняется».

Въ достижениіи такой задачи Академія (мы нашли) пользовалась школьной системой іезуитскихъ и піарскихъ школъ,—въ той, разумѣется, мѣрѣ, насколько ихъ система могла быть приемлема ею у себя *безъ явнаго ущерба православію*, служить интересамъ котораго Академія считала своимъ священнымъ призваніемъ.

Направленіе всѣхъ наукъ академического курса было, можно сказать, чисто формальнымъ. Во все время своего образованія въ Академіи студентъ долженъ былъ вращаться почти въ однѣхъ формахъ: отъ формъ языка онъ переходилъ къ формамъ пітической и риторической рѣчи, отъ формъ рѣчи—къ формамъ мысли; наконецъ, всѣ эти формы онъ пріучался прилагать къ разнымъ богословскимъ положеніямъ, которыя и являлись почти главнѣйшимъ ихъ содержаніемъ.

Понятно, такое направленіе академического образованія въ первой половинѣ XVIII столѣтія нельзя назвать высокимъ. Но и осуждать за него Академію—съ исторической точки зреянія—нельзя, въ виду той неоцѣнмой пользы, какую принесла Ака-

демія, при такомъ направленії своего образованія, православной церкви, русской народности и русскому просвѣщенію.

Академія держалась отмѣченаго нами направленія въ образованіи потому, что оно въ то время было господствовавшимъ въ чопулярныхъ тогда латино-польскихъ іезуитскихъ и шіарскихъ школахъ. Выступивши въ противовѣсь этимъ школамъ, чтобы прекратить стремленіе туда русскихъ юношей и тѣмъ сохранить ихъ членами православной церкви, Академія видѣла легчайшее средство для достижения своей задачи во введенії у себя по возможности того, что было тамъ, и что манило туда русскихъ юношней (сообщивъ лишь всему вводимому духу, соотвѣтствующій своимъ православнымъ цѣлямъ). Конечно, поступивши такъ, Академія не ошиблась. Она стала такимъ путемъ почти на одномъ учебно-образовательномъ уровнѣ съ латино-польскими школами; сообщая въ своихъ аудиторіяхъ почти то же, что могли дать и онѣ, Академія тѣмъ самымъ и отвлекла отъ нихъ православныхъ юношней.

Но Академія не обольщалась своимъ успѣхомъ, пріобрѣтеннымъ *такимъ* путемъ. Въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей она сознавала, что достигаетъ своей цѣли, хотя и довольно вѣрными, но, сравнительно не высокими пріемами, *рабствуя* предъ латино-польскою ученостью; она признавала, что эта ученость не такъ высока, чтобы на ней успокоиться, и была убѣждена, что ей самой необходимо стать на самостоятельную научную дорогу. Выразителемъ этого сознанія въ изслѣдованное нами время былъ знаменитый Феофанъ Прокоповичъ (скончавшійся въ санѣ архіепископа новгородского). Онъ рѣзко осудилъ латино-польское направленіе академической науки; самъ почти всю ее поставилъ на новый, болѣе высокій путь и своимъ соработникамъ-профессорамъ, оставляя Академію, далъ совѣтъ: «*не идти только по дорогѣ, проторенной другими учеными, но следовать самостоятельнымъ научнымъ воззрѣніямъ*, которыя, рождая солидную ученость, образуютъ знатоковъ, а не торгашей науки. Такого рода самостоятельныя научныя воззрѣнія,—говорить онъ,—никогда не стыдились являться предъ обществомъ, и просвѣщен-

ному міру *уже опротивъла до тошноты* (если можно такъ выразиться) *та наука*, которая не истекаетъ изъ первоначальныхъ источниковъ, но капля по каплѣ *въ испорченномъ видѣ* течеть сквозь пожелтѣвшую бумагу изъ болотъ неискусныхъ потѣшныхъ учителей (скомороховъ—*Iudimagistrorum*), и не оставляетъ въ умахъ человѣческихъ ничего, кроме глупаго убѣжденія въ собственной мудрости, какого-то мрака, сновидѣнія и призрачности»...¹⁾

Безспорную цѣну заслугъ Ф. Прокоповича для академической науки и несомнѣнную справедливость указанного имъ пути ей профессора Академіи не могли не признавать, и пѣкоторые изъ нихъ въ изложеніи академическихъ наукъ слѣдовали лекціямъ Ф. Прокоповича. Но ни одинъ изъ нихъ не смогъ все-таки пойти личнымъ самостоятельнымъ усердіемъ по дорогѣ, открытой и начатой великимъ новаторомъ, чтобы внести ленту своего труда на созданіе собственной православно-русской науки, которая бы стала выше латино-польской; а большинство ихъ,— вполнѣ спокойно и увѣренно, какъ бы совсѣмъ не зная про дѣло Прокоповича,—шло въ своихъ лекціяхъ по традиціонной до-Ѳеофановской стезѣ.

Одной изъ причинъ этого, по нашему мнѣнію, была матеріальная бѣдность Академіи въ изслѣдованное нами время. Она лишала Академію всякой возможности быть знакомой съ лучшими теченіями въ наукѣ, зарождавшимися тогда въ Западной Европѣ, даже *путемъ литературнымъ*. Заключать такъ можно по тому сожалѣнію, какое выражали профессора Академіи о тратѣ времени и силъ на изученіе іезуитско-схоластическихъ твореній, когда имъ случайно попадалось въ руки какое-нибудь новѣйшее сочиненіе, болѣе или менѣе далекое отъ обычнаго схоластицизма. Напр., Георгій Конисскій, уже будучи посвященнымъ

¹⁾ Такъ писалъ Ф. Прокоповичъ профессорамъ Киевск. Академіи предъ своимъ посвященіемъ во епископа, сложивъ съ себя званіе ея ректора. См. «Труды Киевск. духовн. Академіи», 1865 г., т. I, письмо 3-е, стр. 158.

во епископа Бѣлорусскаго, давая 13 сентября 1755 г. кіевскому митрополиту отзывъ о присланныхъ ему послѣднимъ для разсмотрѣнія (въ видахъ введенія въ Академіи въ качествѣ учебниковъ) философіяхъ Баумейстера и Пурхонія, между прочимъ, писалъ: «Я окружно (цѣликомъ) не вичиталь, якожъ и *не имъю* ихъ, когда самъ въ философіи по должностіи, на мене бывшей положеній, упражнялся, что особливо за *нешастіе* свое причитую, ибо на смѣттяхъ интерпретовъ Аристотелевихъ времени всуе не потеряль бы было»¹⁾.

Другія причины отмѣчены нами въ самомъ нашемъ изслѣдованіи.

Подняться на самостоятельную научную дорогу, выработать собственную научную систему Кіевская Академія въ первую половину XVIII-го столѣтія не смогла: по многимъ *неизбѣжнымъ* обстоятельствамъ Академія рабствовала предъ латино-польскою наукой.

Къ сожалѣнію, такая рабская зависимость временами *невольно* приводила Академію къ иѣкоторымъ отступленіямъ отъ православія (см. наше изслѣдованіе, стр. 221—232), къ уклоненію мыслей ея профессоровъ относительно тѣхъ или иныхъ богословскихъ вопросовъ въ католицизмъ. Но мы убѣдились, что мнѣнія не православнаго характера являлись у профессоровъ тогдашней Академіи, если можно такъ выразиться, безсознательно, т. е. *безъ отчетливао представленія* ихъ достоинства. Отступленія Кіевской Академіи отъ православія въ изученную нами эпоху могутъ быть трактуемы, какъ наслѣдіе отъ XVII-го столѣтія, когда, при отсутствіи собственныхъ опредѣленныхъ и устойчивыхъ богословскихъ воззрѣній, въ южно-русской церкви (и въ Кіевской Академіи), подъ вліяніемъ діалектически сильного католичества, легко могли утверждаться мнѣнія неправославнаго характера. Но въ первой ужъ половинѣ XVIII-го столѣтія, по мѣрѣ укрѣпленія богословской мысли въ Кіевской Академіи, временные

¹⁾ Акты Кіево-Брат. училищ. мон. и Акад., собран. В. Аскоченскимъ, т. 1, д. № 50.

отступленія ея отъ православія мало-по-малу исчезали изъ лекцій ея профессоровъ, такъ что вліяніе католическихъ богословскихъ руководствъ на эти лекціі хотя было большимъ, но по отношенію къ православной доктринѣ *постепенно* оказывалось лишь формальнымъ, внѣшнимъ, *почти* не воспринимавшимся въ самое существо православнаго ученія. И профессора Академіи, подчиняясь такому вліянію католическихъ руководствъ съ формальной стороны, не щадили никакихъ авторитетовъ тамъ, где нужно было защищать внутреннее содержаніе понимаемаго ими православнаго ученія.

Профессора Киевской Академіи, разоблачая несомнѣнныя для нихъ католическая отступленія отъ православія, смѣло называли католическую церковь, богословскими трудами которой сами пользовались для составленія своихъ лекцій, *схизматическою* и даже еще рѣшительнѣе—*еретическою*. «Римляне, *schismatici, haeretici, novatores*, утверждаютъ, что Духъ Святой исходитъ не отъ Отца только, но и отъ Сына» ¹⁾). Такъ мы читаемъ въ томъ самомъ курсѣ профессора-іеромонаха Иннокентія Поповскаго, где онъ держится католического ученія по некоторымъ вопросамъ. Отсюда наше мнѣніе, что если ученые Киевской Академіи повинны въ иѣкіихъ уклоненіяхъ въ католическая заблужденія, то повинны въ малой степени. Ихъ уклоненія, видимо, происходили по невѣдѣнію, какъ *правильнѣе, православно* мыслить по тому или другому богословскому вопросу. Если бы они были хорошо знакомы съ учениемъ Восточной церкви, съ твореніями ея отцовъ и учителей,—несомнѣнно, они твердо устояли бы въ православіи, защита которого была цѣлью дѣла и жизни кіевскихъ ученыхъ. Но при незнаніи греческаго языка (до 1740-хъ годовъ), при необходимости дать богословскую пищу своимъ ученикамъ, не худшую той, какую давали католическая учебная заведенія, они *вынуждены были* пользоваться католическою богословскою литературою; а эта литература по инымъ вопросамъ смущала ихъ мысль,

¹⁾ Рукопись бібл. Кіево-Соф. собора, № 220, л. 166, disputatio 6-ta, sectio 1-a.

не имѣвшую, на чёмъ твердо опереться, и порой склоняла ее въ католическія заблужденія.

Не будучи, такимъ образомъ, въ состояніи (при отсутствіи почти всякихъ средствъ къ тому) подняться выше латино-польской науки, и чуть не по необходимости рабствуя предъ нею, повторяя ее, лишь съ сообщеніемъ ей *по возможности* православнаго духа, Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII-го вѣка и этимъ путемъ съ полнымъ успѣхомъ выполняла свое православно-историческое призваніе, чѣмъ содѣйствовала укрѣплению національнаго единства на Руси, ограждая ея юго-западные предѣлы отъ религіознаго и *eo ipso* политическаго вліянія фанатической Польши. Не даромъ же Кіевская Академія была столь ненавистною для латино-польского духа!. Ея питомцевъ католическая учебныя заведенія не желали принимать къ себѣ, смотрѣли на нихъ, какъ на «волковъ отъ лѣсовъ кіевскихъ», увѣренno опасаясь, что каждый изъ нихъ, получивъ у нихъ образованіе, направить силу его противъ нихъ же самихъ, подобно Щефанию Прокоповичу. Порою это высказывалось католиками съ озлобленіемъ откровенностю¹⁾.

¹⁾ Нацримѣръ, ректоръ Віленской католической Академіи, въ 1728 году, въ своемъ письмѣ къ папскому нунцію въ Варшавѣ (нунцій переслалъ это письмо въ Римъ къ префекту Священнай Конгрегаціи о распространеніи вѣры), между прочимъ, вотъ что писалъ о Петрѣ Коссѣ или Кулабѣ (Кулабка, вѣроятно, учился въ Кіевской Академіи до философіи, затѣмъ, во Львовской іезуитской коллегіи; въ 1726 году онъ поступилъ въ Віленскую Академію): «...Ple (Петръ Коссъ) non sit origine Moschus, sed Kozachus, non Koss, sed Kop dictus, cuiusdam poponis prope Kijoviam filius, Leopoli dum scholas nostras frequentasset, se schismaticum publice profitebatur. Postea Lublini dum studia tractaret, unitum se esse simulabat. Demum ubi ad Academiam Vilensem venit, catholicum se esse mentiebatur». *)

*) *Переводъ:* Онъ родомъ не москвичъ, но козакъ, и не Коссъ, но Конь (сопа—трактиръ) по прозванию, сынъ какого-то трактирщика подлѣ Кіева; пока посѣщалъ наши школы во Львовѣ, явно исповѣдывалъ православіе. Потомъ, пока проходилъ науки въ Люблинѣ, притворялся униатомъ; впослѣдствіи же, когда перешелъ въ Віленскую академію, показывалъ видъ, что онъ католикъ.

Съ другой стороны, своею,—по существу хоть не высокою, но въ ту пору у насъ, на Руси высшею,—наукою Киевская Академія въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія имѣла универсально-образовательное значеніе для всей Россіи, давая въ лицъ своихъ питомцевъ главнѣйшихъ просвѣтителей нашему отечеству. Многіе ея воспитанники въ первой половинѣ XVIII вѣка заводили въ разныхъ концахъ Россіи училища, давали имъ такое же устройство и сообщали имъ тотъ же православно-церковный духъ, какой они выносили изъ своей *almae matris*. И можно сказать, почти всѣ училища Россіи того времени обязаны или своимъ возникнове-

---

Кулябка намѣренъ быль отправиться въ Римъ для продолженія своего образованія. Ректоръ Виленской Академіи въ дальнѣйшихъ словахъ своего письма и поясняетъ, что цѣль Кулябки въ томъ, «ut ibi (въ Римѣ) solide eruditus, ad schismaticos suos redeat, et ecclesiae catholicae in Moscho erudito gravius noceat, quam si esset rudior. Prout plurimi alii ejusdem farinae homines in academiis catholicorum idem antea fecerunt, ut nouissime aliquis dictus *Prokopowicz*, similiter Kozachus, sive Ukrainianensis, nam Ukraina est Kozachorum patria, qui ordine in patrum Basiliyanorum ingressus et ab iisdem Romam pro tractandis studiis missus, ibique emenso studiorum curriculo, postea a fide et a religione apostata factus, in Moschoviam profugit, ibique nunc est supremus, utpote doctissimus inter suos spirituales, et graviores in illam gentem induxit errores, quam fuerint antea, nam per eum stetisse dicitur, quod adhuc vivente praeterito czaro, sit typis mandata reformatio religionis Graecae, plus de Calvinio, quam schysmate redolens»...*) И въ другомъ мѣстѣ пишетъ: «...quidam religiosus

*) *Переводъ*: ...чтобы тамъ (въ Римѣ) совершенно обучившись, возвратиться къ своимъ православнымъ и въ Московіи вредить католической церкви сильнѣе, чѣмъ если-бы онъ быль невѣжественнѣе. Подобно тому, какъ многіе другіе люди изъ того-же тѣста въ академіяхъ католическихъ то-же самое дѣлали, такъ въ самое послѣднее время поступилъ какой-то по прозванию Прокоповичъ, почти что козакъ, или украинецъ, потому что Украина есть родина козачества; онъ, вступивши въ орденъ отцовъ Базиліанъ и будучи ими посланъ въ Римъ для изученія наукъ и тамъ закончивши курсъ обученія, впослѣдствіи сдѣлавшись отступникомъ отъ вѣры и религіи, ушелъ въ Московію и тамъ теперь является наивысшимъ, какъ наиболѣе образованный среди своихъ, и возбудилъ въ этомъ народѣ еще большія заблужденія, чѣмъ были раньше. Ибо, благодаря ему, какъ говорять, случилось то, что еще при жизни прежняго царя было предпринято реформированіе учрежденій

ніемъ, или своимъ ростомъ, или своимъ внутреннимъ строемъ Кіевской Академіи.

Вотъ въ чемъ заслуги, величие и слава нашей Академіи въ первой половинѣ XVIII-го столѣтія!

Чѣмъ дружнѣе и быстрѣе пойдетъ теперЬ обнародованіе и изданіе церковно-историческихъ матеріаловъ XVIII-го столѣтія, тѣмъ яснѣе и величественнѣе станеть выступать во всемъ своеи блескѣ, во всей своей яркости сила Кіевской Академіи, какъ великой въ ту пору носительницы и, быть можетъ, главной спасительницы въ юго-западной Руси нашего православно-русскаго націонализма!

Охватить весь этотъ матеріалъ намъ, быть можетъ, и не суждено... Мы, что могли, тѣ и сдѣлали для исторіи родной намъ Академіи. А какъ сдѣлали, судъ объ этомъ принадлежитъ нашимъ глубокоуважаемымъ г.г. оппонентамъ. Ихъ слова мы примемъ, какъ авторитетную оцѣнку нашего посильнаго труда...

Димитрій Вишневскій.

Romae in studiis Czerczycki, in Ukraina vero *Prokopowicz* писцупатус fuerat, qui ibidem perversis modis acquisitam Romae sapientiam Kijoviam portavit et factus est schismaticus et archiepiscopus Moschoviae...»*) («Сводная Галичско-Русская Лѣтопись съ 1700 до конца 1772 г.», А. С. Петрушевича, ч. 1-я, Львовъ, 1887 г., стр. 316—321; сн. наше изслѣдованіе: «Кіев. Акад. въ первой половинѣ XVIII стол.», Кіевъ, 1903 г., стр. 327—8, примѣч.; сн. «Кіевская Старина» 1890 г.: «Автобіографическая «сказка» малороссійскаго лѣтописателя Стефана Лукомскаго. Лукомскій «въ Польши..., ради преслѣдованія за благочестіе греческаго исповѣданія и что (онъ) малороссіянинъ, не могъ... долѣ (полученнаю въ Кіевской Академіи) ученія своего имѣть», почему и возвратился (снова) въ Кіевъ для слушанія здѣсь, въ Академіи, богословскаго курса).

греческой вѣры, болѣе сообразное съ католицизмомъ, чѣмъ съ православіемъ (схизмою).

*) *Переводъ:* .. какой-то Черчицкий, благочестиво воспитанный въ Римѣ, въ Украинѣ переименованъ былъ Прокоповичемъ, и тамъ приобрѣтенну въ Римѣ мудрость нечестивыми способами въ Кіевъ перенесъ и сдѣлся схизматикомъ и архіепископомъ въ Московіи.

Степная Лубенщина¹⁾.

Глава 1-я.

*Юго-восточное побережье Сулы въ предѣлахъ Лубенскаго уѣзда.
Великоселецкая волость.*

Древній Лукомль и его окрестности. Лукомскіе пожары. Иржавцы и Селецкія.

На высокой горѣ надъ Сулой дремлетъ старый сторожъ Лубенщины, нѣкогда городъ, Лукомль, теперь мѣстечко Лукомье. Возникъ ли онъ раньше княженія Владимира св. или тогда, когда послѣдній «нача ставити города по Сулѣ», достовѣрно неизвѣстно; въ лѣтописи Лукомль упоминается только въ 1179 г. по поводу набѣга Кончака на Переяславльское княжество²⁾. Вообще въ княжескій періодъ русской исторіи Лукомль сохранялъ стратегическое значеніе, прикрывая правый берегъ Сулы отъ набѣговъ кочевниковъ, и затѣмъ раздѣлилъ судьбу всей Переяславльской земли, падъ подъ ударами татаръ, надолго опустѣлъ и обновленъ только въ концѣ XVI в. Но уже въ слѣдующемъ вѣкѣ несчастный городокъ, неусиѣвшій еще обжиться, опять разоряется своими и чужими; такъ въ 1638 г. Конецпольскій, по сдачѣ Пав-

¹⁾ См. «Средняя Лубенщина» въ «Кievskoj Stariinѣ» 1903 г., IX—XII-я.

²⁾ Ляскоронскій. Ист. Переясл. земли. Кіевъ 1897 г., 185.

люка, занявъ городъ, истреблялъ мѣстное населеніе, вѣшалъ и обливалъ людей на морозѣ¹⁾), а въ 1662 г. Юрій Хмельницкій «якъ шаленый много невинного народа вырубаль» и вырубилъ бы весь, если бы не былъ удержанъ Паисіемъ; орда же набрала ясиръ въ Лубенскомъ полку. Въ 1679 г. Хмельницкій съ крымской ордой опять «бѣгаль загонами до Лукомля», жегъ села и убивалъ людей вокругъ²⁾.

И теперь еще о пережитыхъ временахъ свидѣтельствуютъ какъ окружающія Лукомье земляныя сооруженія—аванпостные курганы и валы, все еще грозные, такъ и слѣдующія народныя преданія. «Надъ горою ѹе Сторожева могила, тамъ стоявъ стовпъ и сторожъ. Кажуть, якись забигы булы, татары хапали людей. А на толоци по Костолесову жалы давнійши люде. Сторожъ бачить, шо заходить чужоземци, винъ виху якъ похылить на Лукомья и люде тикаютъ у крипость. И толи сторожъ сида на коня и скильки заскочить тика. Тоди було якъ сонце на пивденъ, то иды до-дому, а то пїмаютъ».

Отъ Сторожевой могилы къ мѣстечку разстилается обширный выгонъ³⁾. Роздолъ, полный маленькихъ могилокъ, значеніе которыхъ не выяснено. У самаго мѣстечка Роздолъ перегороженъ былъ валомъ во всю ширину отъ берега рѣки до спуска въ предмѣстье Чирковку. Чрезъ этотъ первый валъ проѣзжали Лубенскими воротами, по преданію чугунными. Теперь валъ сгладился, и только у самой дороги видны еще небольшие круглые остатки. Если этотъ валъ принять за основаніе, то древняя, горная часть мѣстечка представится въ видѣ равносторонняго треугольника или мыса⁴⁾, къ востоку глубоко вдавшагося въ долину Сулы и окру-

¹⁾ Костомаровъ. Борьба козак. съ Польш. 228.

²⁾ Лѣтоп. Величка. II, 22, 29, Бѣлозерскій. Южнор. лѣтоп. Кіевъ 1856 г., 83, Рубанъ, Кратк. лѣт. Мал. Рос. 136, Антоновичъ и Бецъ. Истор дѣят. 40, 44.—Въ 1670 г. Лукомлемъ владѣль Дорошенко. Костомаровъ, Руина. Вѣсти. Евр. 1879 г., IX, 13.

³⁾ Въ 300 десятинъ. Сборн. Хоз. стат. полт. губ., IV. луб. у. 239.

⁴⁾ Гуровъ. Геолог. опис. полт. губ. Харьк. 1888 г., 329.

женного съ остальныхъ трехъ сторонъ рѣкой, лугами и болотами. Къ валу прилегаетъ Бублыкивка, заселенная козаками Бублыками, давшими пазваніе кутку, Вольскими, Личками, Юркевичами и Якимовскими. На Бублыкивкѣ расположена узкая, неправильнаго очертанія базарная площадка, тѣсно застроенная, какъ и примыкающая къ ней улица, домами, лавками, сарайми. Между постройками изрѣдка зеленѣютъ деревья: бересты, вишни, сливы и яблони, трудно разводимые на безжизненной почвѣ, смѣшанной съ углемъ и кирпичемъ, въ которой, между прочимъ, нашли и бронзовыя стрѣлы¹⁾. Обширное значеніе Лукомскихъ базаровъ, служащихъ рынкомъ для сбыта мѣстной рыбы не только жителямъ лубенского и смежнаго хорольского уѣздовъ, но и дальнимъ торговцамъ изъ Пирятинъ, Прилукъ, Лохвицы и Кременчуга, привлекло въ Лукомье евреевъ, поселившихся вокругъ базара на сосѣднихъ грунтахъ. По воскресеньямъ, въ базарные дни площадка и сосѣднія улицы запружены повозками, крестьянами, евреями, разодѣтыми молодицами и дивчатами, точно на ярмаркѣ. Нарядная толпа наполняетъ и новую, просторную Успенскую церковь съ хорами, стоящую поодаль на толокѣ, построенную въ 1899 г.; но иконостасъ въ ней старый, несоответствующій размѣрамъ церкви. Изъ старыхъ образовъ обращаетъ на себя вниманіе изображеніе Пр. Дѣвы Маріи съ очень круглымъ румянымъ лицомъ, въ массивной серебряной шатѣ, украшенной цвѣтами. Сверхъ шатѣ на шеѣ привѣшено много нитокъ бусъ, а внизу образа—лентъ, коралловъ и серебряныхъ привѣсокъ²⁾.

¹⁾ Яскоронскій. Ист. Переясл. земли. 98.

²⁾ Образъ великъ—въ арш. ширинѣ и $1\frac{1}{2}$ арш. вышины, кромѣ того сохраняются слѣдующія старинныя книги съ надписями: 1) 1734 г., іюня 3 дня, сія книга, называемая Минеей, отмѣнена ея милостью пани сотниковой Лукомской Маріей Ивановной за отпущеніе грѣховъ своихъ и пана своего Мартына Ходинца и надана до храму Успенія Пр. Богородицы въ городѣ Лукомѣ священствовавшимъ онаго времени Максимомъ и Ioannomъ Левицкими братьямъ; 2) въ року 1737 сіе евангеліе первѣе трудомъ и коштомъ отмѣнено его милости паномъ Андреемъ Даниловичемъ Ревою надано до храму Успенія Пр.

Къ Съверу оть базара за небольшой впадиной по самой срединѣ мѣстечка возвышается бугоръ, бывшій городъ велико-княжескаго времени, и теперь называемый городкомъ; окруженный хорошо сохранившимся валомъ сажня въ три вышины и четыре—ширины. Посрединѣ въездъ въ крѣпость, надъ которымъ стояла башня (дзвиниця), по Ляскоронскому¹⁾—городница, и въ ней вторыя, также чугунныя, ворота, названныя въ Румянцовской описи замковыми. Къ съверу городской валъ сливается съ обрывистой горой; отъ него внизъ бѣгутъ тропинки, по которымъ лукомскія дѣвицы ходятъ къ Сулѣ за водой, такъ какъ въ Лукомъ нѣть колодцовъ; отсюда же видна вдоль горы зеленѣющая впадина или рѣтвина, шириной около сажня—слѣдъ подземнаго хода къ рѣкѣ. Этотъ подземный ходъ принадлежалъ къ упоминаемымъ Кулишомъ²⁾ сковищамъ, т. е. длиннымъ погребамъ, ходникамъ, тайникамъ и коридорамъ, характеризовавшимъ опаснаго мѣста, въ которыхъ укрывали скарбъ, хлѣба, утварь, даже скотъ. О немъ старожилы говорятъ: «Тры лѣхы булы ажъ пидъ церкву и до воды; и двери йесть изъ одного лѣха въ другой. Лазылы люде,—тильки пролизты чоловику, тай

Богородицы въ городъ Лукомль за отпущеніе грѣховъ своихъ и жены своей и чадъ своихъ за настоятеля іерея Іоанна Левицкаго, сотника Іоанна Пиковца и атамана Романа Ревы; и 3) сія книга священное Христово Евангеліе Благовѣрнаго мужа, представившагося козака Власа Нора, а старательствомъ его милости пана Атамана Сѣчи Запорожской куреня Батурина Петра Цигана и всего товариства совѣтомъ благимъ сдѣлано и надано до храму Успенія Пр. Богородицы въ городъ Лукомль для поминовенія въ той Успенской церкви отъ представившагося Власа о упокоеніи во вѣчно блаженной жизни, а въ живыхъ обрѣтающихся о здравіи и благосостоянії. А принялъ оное евангеліе отъ рукъ двухъ козаковъ Сидора Чеберяченка и Карпа Кручка. Тогда будучи при оной церкви настоятелемъ и намѣстникомъ Іоаннъ Левицкій. А приложанiemъ родимца Лукомскаго Ивана Никитича Караня. Въ 1760 г. въ мѣсяцѣ іюнѣ 4 за содержащимъ тогда урядъ и чинъ сотничества Господина Стефана Пиковець.

¹⁾ Истор. Переясл. земли, 471.

²⁾ Истор. возсоедин. Руси. С.-Петерб., 1874 г., III, 273.

тильки». Теперь не только подземный ходъ завалился, но и самая рѣка, протекавшая еще въ XVIII в. въ 60-ти саженяхъ отъ вала ¹⁾, оттеснена отъ горъ наносомъ гораздо дальше въ долину, и только весной узкій ручей прорывается и обозначаетъ старое русло. Внизу въ оврагѣ лежитъ валунъ краснаго крупно-зернистаго пегматита ²⁾ въ 2½ арш. длины, такой же ширины и до 2 арш. высоты, сверху полукруглый. Съ этимъ 'камнемъ' связано слѣдующее мѣстное преданіе: «Якъ непріятелька вбиралась зъ Лукомья, то зняла зъ себе сорочку та сунулась зъ горы голою ажъ у нызъ и казала: «Щобъ таке голе Лукомья було!» Черезъ то воно й голе. А іи чоловика голова и шляпа зосталысь у Лукомья. Якъ до порона иты—каминъ и голова батька навернута каминемъ. Турчынъ побываетъ усе щобъ узять батькову голову» ³⁾). По другому варіанту: «Ляхъ побываетъ сюды, що шляпа батькова тутъ зосталася» ⁴⁾.

Въ городкѣ стояла прежде небольшая Успенская церковь съ узкой готической кровлей, построенная въ 1792 г. ⁵⁾ и по преданію просуществовавшая 103 года. Мѣсто ея обозначено двумя небольшими каменными памятниками. Изъ городка на Хоролъ вели--согласно Румянцовской описи ⁶⁾—третыи Хорольскія ворота, но народныхъ воспоминаній о нихъ не сохранилось. Изъ городка открывается видъ на широкую долину Сулы, купы деревъ, стальную полоску рѣки и Хорольскій берегъ, тонущій въ синемъ туманѣ, внутри же городокъ и прилегающая къ нему

¹⁾ Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Лубенщ. 111.

²⁾ Гуровъ. Геол. опис. полт. губ., 320.

³⁾ Отъ К. Норъ.

⁴⁾ По варіанту Г-на Ляскоронского въ Лукомыи жилъ турецкій королёкъ, хватавшій нашихъ. (Ост. древн. Луком. городища въ «Кiev. Стар.», 1902 г., IX).

⁵⁾ Въ Лукомыи была еще другая кладбищенская церковь Рождества Пр. Богородицы, устроенная И. И. Мальчевскимъ. «Служилы паны-худу и не вбереглыся и кладовська церква зъ середины занялась и сгорила».

⁶⁾ Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Лубенщ. 111.

мѣстность поражаетъ безжизненностью, бугристостью, уками пролуками, безобразіемъ построекъ и отсутствіемъ растительности. Въ городкѣ жили козачьи, дворянскія и духовныя фамиліи: Божки, Лисянскіе, Кущинскіе. Изъ послѣдней фамиліи происходилъ старый благочинный протоіерей М. П. Кущинскій¹⁾, любимый прихожанами, глубоко убѣжденный христіанинъ, простой суповой жизни и высокой добродѣтели. За городкомъ мѣстность постепенно понижается до послѣдняго кута Прылипки, лежащей въ самой вершинѣ треугольника. Съ этой стороны живутъ козаки: Онищенки, Фепы, Чепурки²⁾. Если такимъ образомъ древній городъ былъ на горѣ, то Гоголь, рисуя въ отрывкѣ «Плѣнникъ» Лукомль XVI в. лѣпящимся на днѣ прорвы, ошибочно принялъ позднѣйшіе выселки у подошвы горы за древній городъ, а помѣстивъ въ концѣ его еще и монастырь, совсѣмъ разошелся какъ съ письменными, такъ и съ устными данными, умалчивающими о существованіи здѣсь монастыря. Эта же древнѣйшая часть Лукомья почти вся выгорѣла въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, какіе пожары, врѣзавшіеся въ народную память неизгладимыми чертами, а частью измѣнившіе видъ мѣстности, входятъ въ исторію Лукомья и должны быть поэтому упомянуты здѣсь.

Въ субботу 1-го августа 1881 года, въ полночь, Лукомскіе жители услышали набатъ. Кое-гдѣ въ окна хатъ мелькнуль красноватый свѣтъ. Въ узкихъ улицахъ мѣстечка начиналось смятеніе: женщины причитали и выносили дѣтей, изъ одной хаты выводили слѣпца. Земля звенѣла отъ тошота парней и дѣвокъ, бѣжавшихъ на пожаръ, вблизи котораго смятеніе разросталось: крики отчаянія евреекъ, бѣгавшихъ съ распущенными волосами въ рубашкахъ и юбкахъ среди беспорядочно наброшенныхъ ве-

¹⁾ Родился 1832 г. † 1889.

²⁾ Изъ числа настоящихъ Лукомскихъ козачьихъ фамилій некоторые: Бахматы, Скрипки, Супряги, Черевки и Чепурки встрѣчаются еще въ XVII в. (Лазаревскій. Переписн. книги 1666 г., Киевъ, 1900 г., 42).

щей, сливались съ рѣзкимъ голосомъ урядника, командовавшаго на пожарѣ. Горѣли два саarya, амбаръ, хлѣбъ и сѣно еврея Грунеса; и поль неба казалось въ пламени. Но такъ какъ вѣтеръ тихо повѣвалъ на сосѣдній оврагъ и народа собралось довольно, то огонь скоро погасъ. Воскресный день прошелъ спокойно; настала безлунная ночь и съ нею мертвая тишина, прерываемая голосами, какъ будто выходившими изъ-подъ земли: то жители прятали имущество въ погреба. Въ понедѣльникъ на разсвѣтѣ загорѣлись постройки зажиточнаго еврея Шинкарева. Огонь зажегъсосѣдніе дома, лавки, солому и быстро распространился по всей базарной площеади, поддержаный спиртомъ и керосиномъ. Слѣва, отъ церкви вся улица покрылась дымомъ, между которымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ можно было различить красныя печи, похожія на работающія кузницы: то догорали постройки. Въ срединѣ улицы вился къ небу столбъ пламени широкій, колеблющійся. Справа отъ этого столба, вся улица клубилась сѣрыми, бѣлыми, черными, голубоватыми струями дыма. Клочья огня неслись по вѣтру и прихотливо зажигали отдаленныя постройки и стоги, минуясосѣднія, окутанныя дымомъ. Остававшійся въ Лукомъи и предмѣстіяхъ народъ со всѣхъ сторонъ сбѣгался на пожаръ. Нечего было и думать выносить вещи, такъ какъ огонь жегъ нестерпимо, а дымъ застипалъ глаза; успѣли только выхватить нѣсколько дѣтей изъ домовъ да стянули съ повозки хозяина одной изъ горящихъ построекъ въ безсознательномъ состояніи. Притомъ не оказалось ни пожарныхъ трубъ, ни даже достаточно крючьевъ. Въ эти минуты, когда люди терялись, женщины плакали и причитали, съ горящей крыши вдругъ раздался крикъ: «Кидайте жидовъ въ огонь, это жиды спалять!» Услышавъ крики, евреи начали разбѣгаться. Всѣдѣ имъ раздались отчаянныекрики: «Жиды спалять Чирковку. Подилѣ!» Возбужденному народу казалось, что предмѣстія уже горятъ и многіе побѣжали внизъ. А между тѣмъ широкій столбъ дыма далеко виднѣлся надъ Лукомъемъ, и тревожные, неумолкавшіе удары колокола призывали народъ съ поля, откуда онъѣхалъ и бѣжалъ такъ быстро, что матери забывали брать дѣтей. Только соединенными усилиями

сбѣжавшаго народа, полиціи и крестьянъ сосѣднихъ сель, привезшихъ пожарные трубы, удалось потушить огонь. Послѣ этого пожара Лукомье приняло необыкновенный видъ, напоминавшій далекія времена татарскихъ набѣговъ или похода польскихъ войскъ. Въ срединѣ мѣстечка дымились развалины, за нимъ на Роздолѣ около Сторожевой могилы таборомъ стали евреи съ остатками имущества, сложенного на возахъ и арбахъ. По всему мѣстечку, въ отдаленныхъ предмѣстіяхъ надъ рѣкой вездѣ лежало козачье и крестьянское добро: сундуки, мѣшки, рядна, вынесенные изъ хатъ. Возлѣ вещей играли дѣти. На берегу рѣки хозяйки варили обѣдъ. Отовсюду слышались: жалобы, совѣты забросить мѣстечко и выселиться на луга, за рѣку, подозрѣнія, правдивые и фантастические рассказы о погромѣ евреевъ въ Переяславѣ, о только что кончившихся еврейскихъ безпорядкахъ въ Лубнахъ, о появлѣніи подъ городомъ антихриста и о предстоящемъ концѣ міра отъ огня. Отдѣльные, небольшіе пожары, слѣдовавшіе за главнымъ, еще усиливали тревожное настроеніе жителей: такъ, въ среду въ центрѣ Лукомья всыхнули, но тотчасъ потушены, постройки мѣщанина Трофименка, а въ воскресенье вновь загорѣлся сарай того же Трофименка на виду у многочисленнаго народа, припарявшагося къ обѣднѣ и стоявшаго на горѣ вокругъ церкви и цогоста, не вмѣщавшихъ прихожанъ и окрестныхъ жителей. Всё видно было, какъ на ладони. На концѣ крыши горѣвшаго сарая красное пламя закружилось и стало описывать все болѣе и болѣе широкіе круги, одинъ изъ которыхъ зажегъ избу Трофименка. Бѣлые клубы дыма повалили внизъ. Подоль съ своими постройками, деревьями, противоположный берегъ Сулы, Мойсеевка и далекій видъ на хорольскій уѣздъ—всё затянуло дымомъ, какъ бѣлой кисеей, отъ глазъ пораженнаго народа. Хлопья тростника летѣли даже за Сулу. Такъ кончились Лукомскіе пожары, произведенные, какъ оказалось, козачьей дѣвочкой, вѣроятно, въ состояніи душевнаго разстройства, а съ ними и тревожные дни, и мѣстечко зажило обычной жизнью.

За Прилицкой на низинѣ вниманіе прежде всего останавливается на паромѣ, переполненномъ въ воскресные базарные

дни, когда онъ то и дѣло медленно движется по Сулѣ. Со всѣхъ сторонъ спѣшать люди; вотъ бѣжитъ запыхавшаяся баба, но паромъ отчаливаетъ подъ самымъ носомъ.—Дурный! —кричитъ она паромщику.—Дурный пойихавъ, а розумна осталась, невозмутимо отвѣчаетъ послѣдній.

Прежде въ Лукомлѣ была плотина на протяженіи двухъ верстъ. Въ 1597 г. по ней прошелъ Жолкѣвскій съ войскомъ на встречу Наливайкѣ¹⁾. И теперь еще на Подолѣ «будто гребля знать, и пали йе, и рика звѣтся Мостова». Но плотина эта была настолько неудобна, что жители предпочитали ъзду дубами и лодками. Въ 1746 г. сдѣланъ былъ на общій счетъ паромъ, перевозившій жителей бесплатно, но перевозомъ завладѣлъ помѣщикъ сосѣдней Мойсеевки Антонъ Крыжановскій и установилъ платежъ: съ пѣшаго по конѣкѣ, съ коня по двѣ, съ пустыхъ возовъ 5, съ нагруженныхъ 10—20 коп. Лукомцы жаловались въ коллегіс, которая и предоставила имъ имѣть свой перевозъ на Сулѣ; тогда сынъ Крыжановскаго приказалъ сломать общественный паромъ, но право лукомцевъ возстановлено было Лубенскимъ городскимъ судомъ²⁾. Въ началѣ XIX в. общественного перевоза все же не было, а существовалъ лишь владѣльческій—Башилова; только въ срединѣ столѣтія церковный староста Божко выхлопоталъ вновь разрѣшеніе открыть перевозъ въ пользу церкви «шо въ церкви не було сумы», послѣ чего Башиловъ уничтожилъ свой паромъ, а лукомцы, купивъ сосны въ Кременчугѣ, устроили плоть, опредѣливъ плату за перевозъ: 5 коп. съ конскаго, 10 к. съ воловаго воза, а если съ тяжестью — по 20 к., съ пѣшаго—конѣкѣ, но вскорѣ понизили плату до 3—5 коп. съ подводы. Когда же въ полуую воду паромъ, отчаливая къ сѣверу отъ Прилипки на Подолѣ, долженъ пересѣчь всю долину Сулы и причалить у Малой Мойсеевки, то плата за перебѣздъ увеличивается до 50 коп.—2 рубля за разъ. Две части выручки идутъ на церковь, а третья поступаетъ паромщику. Съ парома общій видъ Лукомья

¹⁾ Костомаровъ. Борьба козак. съ Польш. 228.

²⁾ Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Лубенщ. 119—121.

напоминает Лубны: такія же блѣдно-желтая нависшія горы, также церковь и постройки посреди и рощица възвѣсъ у Прилѣпки. Сѣверное предмѣстье Лукомья, упомянутый Пололь¹⁾, заселенъ козаками: Божками, Загнойками, Норами, перешедшими изъ хорольского уѣзда, Оникіенками (Гелюсами), Пушкарями, Рѣзниками, предокъ котораго присталъ къ дѣвицѣ изъ вымершаго рода Кобъ, и Скрипками. Къ нему отъ мѣстечка расположены на отдельныхъ холмахъ: Лука, нѣкогда сѣнокосъ, а теперь: жилье— Воликовъ, Даценковъ, Жадановъ, Ризниковъ по уличному Жуковъ, Сайковъ и Сененковъ, и Млынянка, на которой живутъ: Быдьки, Гробы и Личманы. Нѣкогда здѣсь была плотина и «ставыдла», также восемь водяныхъ мельницъ: Башилова, Кодинца и др., и трибокъ, на которомъ валили сукна. Только половина Млынянки принадлежитъ Лукомскому приходу, а другая половина къ сосѣдней Чирковкѣ.

Сельцо Чирковка, отдѣляясь отъ Млынянки широкой улицей, занимаетъ холмъ и подгорье. За купами большихъ деревъ почти не видно построекъ. Основаніе Чирковки положено Чиркой

¹⁾ Въ Лукомской дачѣ есть слѣдующія урочища: могила на бугрѣ Колодня, гдѣ по преданію было городище: «Тамъ было село и церква, або городъ. И сказано: щобъ ты запавъ! И війшовъ винъ у землю. Було якъ выгонять на пасьбу у Благовищення, то прыслушаются будто тамъ народъ гука. Скильки тамъ годъ воно было у земли. Пасъ вивчарь вивци, дойшовъ у те мисто, лежыть шнурокъ, винъ узявъ за той шнурокъ и тягне и вытягъ хрестъ изъ церкви. Ось другой гука: «Що ты тамъ робышъ, завертай вивци!» А винъ и налаявъ. Воно взяло, шнурокъ одирвавъ и церква задзвенила въ землю» (отъ Е. Норъ). Въ Колодной есть и выселокъ изъ Лукомья, состоящій изъ Недбайлъ и Сайкивъ. Недалеко Костолесова: «Лѣхъ у ії вырытый и якъ сходить сонце—якъ разъ у двери»; Барабашеви могилы, Кобеляки, Дубова долина, Лизки, а по Сулѣ—Фылево, названное такъ по быстротѣ теченія. Здѣсь нѣкогда была мельница Божка, спущенная оттого, что убавилось воды, Остривъ, «де пали, тамъ була вынныця Башылова». Еще есть Манилово, Романово, части рѣки и выгонъ Оглянка у Млынянки.

такимъ образомъ: «винъ поставывъ поганенъку хату». Съ краю села отъ Млынянки поселился на кутѣ Колесныківъ, доходящемъ до Сулы, многочисленный зажиточный родъ Колесниковъ, предокъ которыхъ былъ мастеромъ, за нимъ живуть крестьяне Захарченки, предокъ которыхъ «у скупи годы пидішовъ пидъ папивъ». Далѣе идетъ средній кутокъ, состоящій изъ Фепичивки, занятой: Диденками, Загнойками, Карпенками, Кравцами, зашедшими изъ Вязовка, и Миронивки—жилища древняго рода Миронцевъ, также изъ особыхъ отдельловъ: Конопокъ ча подгоры, гдѣ живуть Руди, и Сененокъ—въ балкѣ. На подгоры былъ древній подземный ходъ, какъ и въ Лукомъ: «Улазылы у провалля пидъ горою и бувъ склепъ зъ цеглы и холодный духъ видтиля ишовъ, темно, острахъ возьме¹⁾). Соединеніе всѣхъ кутовъ, кромѣ Колесниковки, называется собственно Чирковкой¹⁾. На Колесниковкѣ стоить вся въ зелени небольшая Троицкая церковь, освященная въ 1747 году иждивеніемъ прихожанъ. Прежде она была мала и баня помѣщалась надъ алтаремъ, потомъ мѣстнымъ помѣщикомъ Короновскимъ²⁾ баня перенесена на средину церкви и въ послѣдней прорѣзаны притворы. Колокольня построена въ 1807 г., а въ 1833 г. перестроена и самая церковь³⁾. Изъ иконъ выдѣляется только небольшое изображеніе Божьей Матери, необыкновенного типа: ликъ темный, худой, истощенный, выражавший скорбь недугъ, чѣмъ душевное страданіе, выраженіе глазъ печальное. Внизу иконы, помѣщенной въ кіотѣ, стоявшемъ прежде

¹⁾ Въ Чирковкѣ встрѣчаются еще слѣдующія фамиліи: Босенки, Деревянки, Головки, Кацкіе, Квитницкіе, Линники, Стилики, Сукачи и Хорошки; и особые выселки: Семененковъ 9 и Миронцівъ—5 хатъ. Къ ней же прилегаетъ лугъ Займа, нѣкогда выпрошенный у жителей помѣщикомъ Галецкимъ для чаѣтбы телятъ.

²⁾ Предокъ ихъ по церковнымъ даннымъ былъ Городинскій на-мѣстникъ протоіерей Федоръ Коруновскій (1772 г.). В. П. Короновскій былъ послѣднимъ окружнымъ начальникомъ лубенского уѣзда и составилъ статистическое описание послѣдняго наканунѣ преобразованій.

³⁾ Грановскій. Полт. епарх. 401.

въ алтарѣ, стоитъ небольшой серебряный ларчикъ (ковчежецъ) въ формѣ гробницы съ неизвѣстными мощами, вывезенными изъ Турціи майоромъ Короновскимъ¹⁾.

Лукомль при Вишневецкихъ насчитывалъ уже 100 дворовъ и 524 хозяина²⁾, а въ настоящее время въ Лукомскомъ приходѣ 2252 души, въ томъ числѣ 1538 въ одномъ мѣстечкѣ, да въ Чирковскомъ приходѣ—1424 души³⁾. Нельзя сказать ничего точнаго о происхожденіи этого населенія; по историческимъ даннѣмъ извѣстно только, что въ Лукомль бѣжали люди изъ Мининокъ, Триполья, Мизнякова Брацлавскаго и изъ Жеребятина на Карани⁴⁾. Во всякомъ случаѣ въ лубенскомъ уѣздѣ только въ Лукомль⁵⁾ да еще развѣ въ Александровкѣ на Слѣпгородѣ, всматриваясь въ типы жителей, можно замѣтить примѣсь подольскаго элемента къ основному населенію. Лукомцы средняго роста, хорошо сложены, темнорусы; у женщинъ встрѣчаются глаза «цвѣта морской волны» и русые волосы, тоненькие съ горбинкой носы и продолговатыя лица. Они легко сложены, стройны и кокетливы.

¹⁾ Среди книгъ есть евангеліе съ надписью: «Евангеліе сіе дано на церковь Лукомскую Троицкую Н. И. Кулябкою, господиномъ чоручикомъ 1787», и другое:—«Сіе евангеліе коштомъ Романа Перепечая и пана писаря Хорольского Григорія Бороховича и жены его Евдокіи Ивановны справлено 1762 г.» Въ церкви также сохраняются два креста, «справленные коштомъ»: Романа Перепечая въ 1759 г. и Филиппа и Евдокіи Фепъ въ 1791.

²⁾ П. Бодянскій. Шамятная книжка Полт. губ. за 1865 г., 12 и 13, II. Кулишъ: 1) Исторія возсоед. Руси. I, 26—26 и 2) Борьба шляхты съ козак. въ Бібліот. для чтенія 1865 г. IX, 5, 7, Лазаревскій. Лубенщ и Вишнев. Кіев. Стар. 1896 г., 1, 228.

³⁾ Къ приходу принадлежать: хутора Гробовка и Чернетъ.

⁴⁾ Лѣвоб. Украина въ XV—XVII в. въ Кіевск. Стар. 1896 г., IV, 99, 100.

⁵⁾ Возможно, что и Кущинскіе происходятъ изъ Кущинецъ, гайдинскаго уѣзда, о нихъ упоминается въ ст. профессора В. Б. Антоновича: «Нѣск. данныхыхъ о землевлад.» въ «Кіевск. Старинѣ», 1896 г., IX, 15.

Въ самомъ Лукомъ онъ напоминаютъ, вирочемъ, по буднямъ городскихъ чумичегъ: босыя, накрытыя платками, въ грязныхъ, заношеныхъ кофтахъ и исподницахъ; но за то по праздникамъ на мѣстныхъ лѣвицахъ и женщинахъ появляются: банты и острый головныя повязки, много бусъ, короткіе корсеты со множествомъ сборовъ, длинныя исподницы, чулки, башмаки или ботинки. У мужчинъ преобладаютъ сѣрыя свитки и, конечно, пиджаки.

Въ старину изъ массы Лукомскаго населенія выдѣлялось лишь нѣсколько самостоятельныхъ семей: Бублики, Клеменки, Онищенки и Рѣзники. Разбогатѣли они какъ хозяйственными предпріятіями, такъ и скучкой земель въ голодные годы, когда мѣстные жители смѣшивали съ мукой и мякинами посѣченную дубовую кору и почки (брұннықы)¹⁾; «тоди наажывалы за коробку борошна десятыну». Старый Бубликъ, Харланъ, привезъ однажды возъ рыбы, потомъ два, и разжился, женившись на Божковой, у отца которой была водяная мельница. Его сыну Петру съ братьями досталось 88 десятинъ. У нихъ былъ свой плугъ и пасика: пней 60 оставляли на зиму. И другіе богатыри: Клеменки, Кириленки имѣли плуги и по 30—40 пней старнику. Большинство жителей Лукомья несостоятельныхъ, много пѣшихъ козаковъ. Чирковка гораздо богаче, но и тамъ треть безземельныхъ. Изъ чирковскихъ богатырей известны были: Василій Колесникъ, имѣвшій 80 дес. и около 15 лошадей, Семенъ Рудъ,—обладатель 50 десят. и значительныхъ денегъ, онъ посыпалъ въ дорогу двѣ пары. Его дѣти удвоили батьковщину. И Кравци имѣли до 80 дес. Одинъ изъ нихъ, Василій, былъ лукомскимъ волостнымъ головой. Миронцы имѣли заводъ въ 40 кобыль. Прежде была маленькая запашка, такъ какъ пудъ пшеницы, напримѣръ, стоилъ 10 коп. Вспоминаются о слѣдующихъ отношеніяхъ хозяина и съемщиковъ: первый получалъ 7-ю, затѣмъ 3-ю копу урожая, жнецъ имѣлъ традиціонный 3-й снопъ, теперь онъ получаетъ 5—6 снопъ и дол-

¹⁾ Вѣроятно эти народныя воспоминанія относятся къ 1742 г., когда люди «живилися листемъ, корою, порохнею, лободою, жолудемъ и бронками». Лѣтон., издан. Бѣлозерскимъ. Кіевъ 1856 г., 1, 152.

женъ отработать 2 дня. Прежде хозяину приходилась 3-я копица сѣна, затѣмъ половина, а теперь уже съемщику 4—7 копица. Скотъ легко было содержать при черезполосицѣ, когда толока простиралась на 8 верстъ вокругъ Лукомья. За скотину платили тогда $1\frac{1}{2}$ —3 коп., а теперь за пастьбу лошади только съ 9 мая по 29 іюня платятъ 3 руб., а за лѣтній выпасъ коровы—10 руб. Большимъ подспорьемъ жителямъ является рыболовство, которымъ славился Лукомль еще при Вишневецкихъ¹⁾. До размежеванія ловля производилась по всѣмъ «Суламъ», т. е. по главному руслу, по рукавамъ и протокамъ безпрепятственно, потомъ каждому нарѣзана часть рѣчки и общая ловля запрещена. Ловятся: караси, лини, щуки и сомы. Пудъ рыбы, стоявшій нѣкогда 1 руб., дошелъ въ настоящее время до 4-хъ руб., и до 15 коп. за фунтъ. Такое вздорожаніе рыбы уменьшило вывозъ ея въ другіе уѣзды.

За Лукомскимъ Роздоломъ къ западу по нижнему теченію потока Иржавца раскинулись хутора: Низшій, Высшій Иржавцы и Каленивщина, иначе Дмитровка или Барвинщина, пѣкогда принадлежавшіе Кодинцамъ. Ближайшій къ Лукомью Низшій Иржавецъ построенъ вокругъ большого выгона. Крестьянскія усадьбы почти закрыты разросшимися вербами, тополями и берестами. Обиліе зелени придаетъ хутору свѣжій, оживленный видъ. На противоположномъ западномъ краѣ хутора возлѣ горы мутный ручей нѣсколько расширенъ и черезъ него перекинутъ мостъ. Хуторъ основанъ Мартиномъ Кодинцомъ, прежде служившимъ при лубенскомъ полковникѣ Андреѣ Маркевичѣ²⁾, внослѣдствіи въ 1727 и 1728 г.г. занимавшимъ урядъ лукомского сотника. Кодинцы производятъ свою фамилію различно: или отъ мѣстечка Кодни, откуда былъ родомъ предокъ, или отъ неправильного прибавленія буквы *к* къ первоначальному родовому прозвищу Одинецъ (одинокій поселенецъ) въ одной изъ бумагъ. Способъ прі-

¹⁾ Лазаревскій. Лубенщ. и Вишнев. Кіев. Стар. 1896 г., 1, 228.

²⁾ Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Лубенщ. 55.

обрѣтенія Кодинцами Иржавца¹⁾ неизвѣстенъ, но изъ-за него начались споры съ Маркевичемъ, и Мартинъ съ сыномъ Лавриномъ, вносядѣствіи наказнымъ лукомскимъ сотникомъ, были задержаны въ Глуховѣ по жалобѣ Маркевича²⁾. Затѣмъ извѣстна покупка городисскимъ сотникомъ Иваномъ Кодинцомъ у козака Пушкаренка левады съ садомъ, луки па 100 копенъ съна и 15 дней поля къ своему хутору Ржавцу за 15 рублей и лошадь, цѣнной въ 35 руб.³⁾. О сынѣ Ивана, войсковомъ товарищѣ Алексѣѣ, вспоминаютъ лишь по поводу споровъ его съ Башиловымъ за рыбныхъ ловли на Сулѣ, соединенныхъ съ вооруженными столкновеніями крестьянъ обоихъ цомѣщиковъ; о сынѣ же послѣдняго, Захаріи Алексѣевичѣ, сохранились болѣе полныя воспоминанія. У него было большое хозяйство: винокурня, двѣ водяныхъ мельницы и земляная (топчакъ), тѣмъ пе менѣе хлѣбопашество не было значительнымъ: всего лишь два четырехпарныхъ плуга, зато развелось значительное скотоводство: до 50 рыжихъ и гнѣдыхъ кобыль и стадо коровъ съ быкомъ сѣрой украинской масти. Была и пасика въ 500 пней. Крестьяне, какъ и вездѣ при крѣпостномъ правѣ, не имѣли своихъ лошадей, а только около десятка коровъ, ходившихъ въ панскомъ стадѣ на панской толокѣ. Тяглымъ крестьянамъ предоставлялось по два дня поля озимыхъ и яровыхъ посѣвовъ и по 1 дню для проса и гречихи. Щѣпіе зарабатывали 3-й снопъ, имъ разрѣшались и посторонніе заработки у сосѣднихъ козаковъ. Но съ Захаріемъ Алексѣевича началось и паденіе Кодинцовскаго благосостоянія. Онъ сталъ записывать. «Якъ погонить винъ скотъ, або коней у ярмарокъ, продасть и гуля зъ Свичкою и Косинскимъ. Вернется до-дому, побѣ въ себе викна и шо тильки йе, и диты по хутору ходять. Бувало

¹⁾ По мѣстнымъ даннымъ Кодинцамъ принадлежали еще земли при Юсковцахъ (хутора Косинского и Асауленка), Пулинцахъ, Александровкѣ и Мацковцахъ.

²⁾ Дневн. генер. подскарб. Я. Маркевича въ Кіев. Стар. 1894 г., VI, 242 и IX, 322.

³⁾ Лазаревскій Ист. очер. Полт. Луб. 127.

прыдѣ у ричку мыться, наберѣ грошѣй и кыда у воду. Разъ ударывъ Бублыківну шутя батогомъ, а на другой день пославъ ій грошѣй, а другой разъ пошуткувавъ зъ бабы,—скынувъ очи-покъ и вона сказала: «Будешъ ты довго шуткувать, згадаешь мене!» Другой причиной упадка благосостоянія была многосемейность¹⁾. Кредиторы соглашались ждать уплаты многочисленныхъ долговъ, но по несогласію наслѣдниковъ принуждены были подать ко взысканію. Послѣднимъ владѣльцемъ небольшого уже имѣнія при Лукомъї былъ кирасирскій штабъ-ротмистръ Антонъ Захарьевичъ Кодинецъ, высокаго роста, полный, хороший хозяинъ. Онъ резюмировалъ происшедшую 19 февраля 1861 г., перемѣну, обратясь послѣ чтенія манифеста къ стоявшему вблизи козаку со словами: «Теперь вы—мы, а мы—вы». Его сыновья продали и послѣдніе остатки батьковщины въ Лукомъї, а Низшій Иржавецъ купленъ Бараповскими, владѣвшими сосѣднимъ хуторкомъ Чернеть¹⁾. «Якъ волю объявлено, то Бараповська зибрала людей, покаялась и хотила дешево отдать людямъ землю и винокурню. Якъ бы було люде послухалы, якъ макъ цвили бъ», а теперь горюютъ.

За Иржавцемъ начинается высокая степь, къ востоку ограниченная горной террасой Сулы, обрывисто спускающейся въ глубокую низину, пересѣченную извилиами и рукавами рѣки, озерами и озерцами, чередующимися съ лугами, группами деревъ, торфянниками и солонцами—до голубыхъ далей Хорольского берега³⁾. Одинъ изъ обрывовъ расчищенъ и, какъ единственный

¹⁾ Одинъ изъ сыновей—Іванъ, женатый на Родзянкиной, выселился на гору, и такимъ образомъ основанъ х. Высшій Иржавецъ. Крестьяне этого хутора, а также Низшаго Иржавца и Бараповщины, доставшейся Хильчевскимъ, а отъ нихъ въ приданное Н. К. Бараповскому, носятъ слѣдующія фамиліи: Брижахи, Винниченки, Гуки, Гусаки, Джулай, Кодиненки, Криворучки, Лысенки, Нелины, Орды, Притулы, Спивенки, Сторчаки, Шамраи, Шингиреи и Шкарупы.

²⁾ Чернеть населенъ: Гончаренками, Кущенками, Щучичами, Рѣзниками и др., всего 80 душъ.

³⁾ Матер. для оцѣн. зем. полт. губ. III. Хорольск. у. С.-Петербург. 1898 г., 32.

спускъ съ горъ въ эту часть долины, называется Звизъ. У Звиза подъ горой лѣпятся разбросанныя, зажиточныя усадьбы хутора Гатокъ, основанного малоселецкими козаками: Мазняками и Федоренками. За Гатками раскрывается круглый, широкій выгонъ Диброва¹⁾, прежде принадлежавшій одному малоселецкому обществу, а по утратѣ документовъ ставшій общимъ для обоихъ сель Малой и Великой Селецкой. Диброва песчана, сбита скотомъ, обожжена солнцемъ и пестрѣеть бѣлыми стадами гусей и темными овечьими ватагами. Вдоль южной окраины выгона протянулся линіей хуторъ Шіяновъ, основанный великоселецкимъ козакомъ Семеномъ Шіяномъ, а къ востоку у самой Малой Селецкой мѣстные хутора: Мазняки, Демиденкивъ и Гаврыкивъ, козаковъ Мазняковъ и Федоренковъ. На всѣхъ этихъ хуторахъ, окружающихъ Диброву, отпечатлѣвается зажиточность,—у каждого свой витрякъ. За хуторами надъ рѣкой видна линія села. Начало Малой Селецкой, въ XVII в. называвшейся также Дубровкой²⁾, положено было въ мѣстѣ расширенія Сулы, у такъ называемаго пруда. Отсюда часть рѣчки къ сѣверу принадлежитъ козакамъ и называется Козача, южная же часть, принадлежащая бывшимъ крестьянамъ Мгарскаго монастыря, называется Ченською, Чернеченською. У пруда расположень Федоренкивъ кутокъ и на немъ вблизи рѣки, какъ въ Мацковцахъ, стоить въ зелени Успенская церковца, темная и такая маленькая, что въ алтарѣ только и можетъ пройти священникъ. Судя по колоколамъ 1644 и 1679 годовъ приходъ существовалъ уже въ половинѣ XVII в. Въ 1784 году церковь перестроена за ветхостью³⁾. На Федоренковомъ кутѣ живутъ древнійшія мѣстныя козачьи фамиліи: Кривохижи, Мазняки⁴⁾, Федоренки и казенные крестьяне Щербины. На слѣдующемъ южномъ

¹⁾ Въ 466 десятинъ. Сб. хоз. стат. IV. Луб. у. 239.

²⁾ А. Лазаревскій. Малор. перепис. книги 43.

³⁾ А. Грановскій. Полт. епар. 401.

⁴⁾ Не есть ли эта фамилія искаженное название мѣстности Мизнякова Брацлавскаго, откуда бѣжали сюда жители? (См. «Лѣвоб. Укр.»⁴ Киев. Стар. 1896 г., IV, 99—100).

Таровиковомъ кутѣ живуть козачыи роды Таровиковъ и Плахутъ¹⁾. Всѣхъ жителей 1092, они вышесредняго роста, темпорусые. Въ старину всѣ хозяева перечисленныхъ фамилій имѣли по четырехпарному плугу, у Федоренковъ и Кривохижъ были табуны, у Дмитра Кривохижи—въ 50 матокъ. Стѣмщики вносили хозяину 10-ю, потомъ 3-ю копну урожая; потомъ земля нанималась по 1 руб. за десятину; пѣшие получали 3-й снопъ, теперь они получаютъ 5—6-й снопъ и платятъ еще по 3 руб. съ десятины; паемъ десятины на деньги доходитъ до 12—15 руб. Поддерживаютъ населеніе какъ выгонъ Диброва, дающій возможность содержать скотъ и птицу, такъ и рѣка, обильная рыбой. Въ рѣкѣ ловятся: караси, лини, вязи и щуки разными способами: прежде устраивали забои, въ которые входила рыба, на мелкихъ мѣстахъ изъ плетней (изы), а на глубинѣ изъ расколотыхъ досокъ (трости). Случались уловы до 100 пудовъ въ разъ, да и потомъ еще «вычаливали» пудовъ по 20. Однажды завалили весь ближайшій токъ рыбой; въ другой разъ засвѣтили свѣчку, «щука росплюскала лидъ, опарювала и пидходыла; іи за головку бралы и выкыдалы на лидъ». Щыни на рыбу устанавливаются Лукомскимъ рынкомъ. Раки уничтожились съ 1888 года²⁾.

¹⁾ Изъ древнихъ фамилій, упоминаемыхъ въ Переп. кн. 1666 г. (стр. 43), сохранились лишь Цупы. Вокругъ села: Могилы Бжоляни, Гостра, Жилина, и уроцища: Кривуля, Крыжанове, Млынови Джерела, гдѣ была мельница Кривохижъ. Иржавецъ впадаетъ въ Суду за селомъ.

²⁾ Название мѣстной снасти: невидъ, у него крылья и матня, вентиръ или вятиръ, хохля, которою гонять рыбу. Въ лубенскомъ у. записаны слѣдующіе примѣты и поговорки, касающіеся рыболовства: Якъ на Благовищання птыця грае, то буде ловыться рыба, а якъ сидыть тыхо — не буде. Якъ мисяцъ миняется, тоди рыба не ловытся. На молодыку рыба не ловытся. Передъ дощемъ ни рыба, ни ракы не ловлятся. Якъ иты по рыбу, та стринется таке, шо не йисть рыбы, то ничего не вловытся. Приказуютъ: Господы помогай, а ты чорте, не гулай, та рыбу мени загавай! Приказки: Заказала сорока, шобъ не бачылы рыбьячого ока; заказавъ макогинъ, шобъ тикала рыба за сто гинь.

Около Мелой Селецкой за ручьемъ Загаткой размѣстилась Великая Селецкая по тонкой долинѣ и на подгорыи. На верху горы разсѣяны мельницы и могилы. О послѣднихъ мѣстные жители рассказываютъ: «На гори ѹе Шляхова могила и Федорчыха, Шапранка, Пикульха, Стороживня. Булы забигы. Сторожъ стоять на Шляховій могили надъ пляхомъ, другой на Федорчыси, третій на Шапранци, четвертый на Пикульси, п'ятый на Стороживни и шостый на дзвиници. Якъ бижъять забигы одъ Пирятына,— сторожъ на Шляховій похылывъ виху на село, сида на коня и самъ бижъять скильки заскоче у село, на Шапранци и соби виху похылить сторожъ, бижъТЬ, на Пикульси, на Сторожовій похылывы—бижъять, а дзвонарь дзвоныть, люде сбигаются у село, стари и дробына²⁾: жинки, дивки, диты у церкву, а чоловики стоять зъ позасмалюваными килками кругомъ ограды. Непріятели прибижъять и якъ подужаютъ, то выбьють дробыну, позабираютъ худобу, наберуть хлиба и пойидуть. Наши якъ подужаютъ, выбьють ихъ и коней заберуть». Изобиліе могиль надъ Селецкой навело покойнаго А. М. Лазаревскаго на предположеніе³⁾, что она поселена на мѣстѣ древняго городища или селища. Отъ послѣдняго слова, вѣроятно, происходитъ и самое название села, такъ какъ всякия другія объясненія произвольны. Предполагаютъ, напримѣръ, что Селецкіе болота были мѣстомъ ссылки провинившихся ко-заковъ: ихъ здѣсь селили, откуда и название. По преданію со-сѣдніхъ Онушекъ раненый запорожецъ Романъ Селекъ поселился на болотѣ Романчикѣ и завелъ тамъ селище, а его два сына основали Великую и Малую Селецкія. Есть и еще одно объясненіе, по которому Селецька—сокращенное Васылецька. «Якъ стало село заводыться, то ждалы, що вылупытъся найпоперидъ, то такъ и село назвать, якъ ту дытыну; вылупывсь тутъ хлопецъ Васыль,

¹⁾ Слово дробына, мелочь, употребляется въ лубенскомъ уѣздѣ въ троякомъ значеніи: 1) домашней штицы, какъ и вездѣ (напр. въ Сбор. сказ. Маяжуры въ Сбор. Харьк. Истор. Фил. Общ. II, 179), 2) мелкихъ пресмыкающихся: жабъ, змѣй, червей и 3) женщина и дѣтей.

²⁾ Въ Ист. очер. Полт. Лубениц. 126, 127.

а въ Малій—менышый хлопець и назвалы се Велыка, а то Мала Селецька, а въ Онишкахъ вылупывсь Онишко». На самомъ дѣлѣ: «Селѣцька заводылась зъ Кирпанивъ. Загатка первый куть и церква попередъ була на Загатци. Тутъ и кулачылысь на Риздво, ганялы малоселечанъ. Колона ихъ и наша: диты, потимъ парубки, потимъ чоловики прыступаютъ лава на лаву и кричатъ: «стуй, стуй!»—и тоди пишли. Кого подужаютъ, ти куповалы пивидра. Сыдячого не былы». Отъ Загатки¹⁾ до горы и царини тянется куть, называемый Зацаринный, на которомъ живутъ: Шіяны, Черкасkie²⁾, Куци, Вечирки и Баи. Въ концѣ кута куринъ и застава (коворотъ), или царина, отдаляющая село отъ полей. Въ куринѣ сидить дидъ, обязанный отгонять скотъ отъ полей и затворять ворота, за что онъ получаетъ по три спона съ каждого хозяина, везущаго хлѣбъ съ поля, также по три горсти рыжю и конопли и по коробкѣ картофеля. У горы по мѣстися особый кутокъ—Пидгирья, жилье: Клепанивъ, Кирпанивъ, Костюкивъ и Прихидѣкъ, къ югу—Годунивщина, гдѣ живутъ: Годуны, Недолужки и Ярмоши; далѣе у рѣчки Пристань,—жилье: Бакуновъ, Пушкарей, Тараненковъ, Тоцкихъ и Чубарей. Село прорѣзано изъ конца въ конецъ Середнимъ куткомъ, доходящимъ до озера Масляного и рѣчки Пекла, занятымъ: Клеменками, Сидоренками, Степаненками, Стовбунами и Тимчаями. На среднемъ кутѣ у тошкой низины стоитъ церковь св. Николая, по счету прихожанъ уже четвертая³⁾. Она полузакрыта деревьями

¹⁾ «На Загатци чоловикъ Бланъ утопився у ями, прозвалы іи Бланівська яма»—быть можетъ потомокъ Булана, упоминаемаго въ переписн. кн. 1666 г. (43)?

²⁾ У бабки Черкащенка сотникъ Ив. Пиковецъ отнялъ 12 дней поля за 2 руб., «напитые» єю въ шинкѣ, а у Зѣнца Пушкарена вымѣнялъ поля 6 дней и сѣнокосъ на лошадь. (Лазаревскій. Ист. очер. Полт. Луб. 126, 127).

³⁾ Церковь существовала уже съ 1749 г., что видно изъ купленныхъ тогда тріодей. Въ церкви хранится крестъ съ надписью: «Сей крестъ сооруженъ Семеномъ Войтовичомъ за отпущеніе грѣховъ своихъ».

погоста, такъ что видѣнъ только шарообразный куполъ. Колокольня остроконечная. Къ церкви ведеть деревянный помостъ. Первыми священниками были: Гавріиль Оникіенко и Иванъ Маюровичъ, изъ мѣстныхъ козаковъ, и Семенъ Кучеревскій, изъ крестьянъ с. Мгаря. Его посылали вмѣстѣ съ другими послушниками на работы въ монастырскія мельницы въ урошицѣ «Красномъ»¹⁾. Всего жителей 2000. Село зажиточное, богатырями признаются: Вакуленки, Дворяненки, Куци и Симоненки, по уличному Титенки, пришедшіе изъ Зарога. Въ старину болѣе зажиточные хозяева имѣли по 4 пары воловъ, менѣе зажиточные по парѣ, по хлѣбопашество было настолько незначительно, что за полверсты отъ села были уже облоги. Прежде половинщикъ обязанъ былъ лишь вспахать половину участка, а посѣвъ и уборка производились хозяиномъ; изъ сѣна хозяину приходилась третья копица. За то легкій выпасъ содѣйствовалъ развитію скотоводства. Подводъ 20 ходило въ дорогу. У всѣхъ были коровы, да гулевого скота 10—20 головъ, не говоря уже объ овцахъ. У Клеменківъ, Степаненківъ и Ярмошай были косяки, у послѣднихъ до 30 матокъ «такихъ, что до двадцаты годь и въ рукахъ не булы, грыва тягалась по земли»²⁾. Цѣны на домашнихъ животныхъ стояли тогда такія: пара воловъ стоила 10 руб., корова—5, лошадь—5—10, овца—45—60 коп. и валахъ—15. Содержаніе въ общинной чередѣ обходилось 3 коп. и гарнецъ муки, 2 коп. отъ овцы и десятое руно. Теперь черидѣ неѣть. Пасики не были значительны, не свыше 25—30 пней. Рыболовство развито въ Великой Селецкой, какъ и въ окрестностяхъ. Здѣсь также ловится: карась,

¹⁾ Теперь Красный одичалъ: «У Краснимъ вовка захопыла весна и винъ попливъ за чоловикомъ, тильки що не вхопыть за весло и перепливъ на той бикъ». Возлѣ села въ Стѣнкахъ «выкопано: грошыну, срибный перстень и цурпалокъ золата—закрывылося».

²⁾ Такъ какъ по Боплану (Описаніе Україны, 44) долгогривыми были татарскіе кони, то возможно, что мѣстная порода лошадей по ведена отъ татарскихъ жеребцовъ, отбитыхъ во время одного изъ тѣхъ набѣговъ, о которыхъ приведены выше народныя преданія.

линь, вязь, щука, сомъ и плотва (плитки). Ловятся неводами, ятерями (комлачами), соединенными ятерями (паровиками), ятерями съ крыльями (крылачами). Способы ловли различны, смотря по времени года: весной плетнями, какъ и въ Малой Селецкой, лѣтомъ же устраиваютъ капаль (джерело) между озеромъ и рѣкой и отъ рѣчки дѣлаютъ перебой изъ очерета или лозы (кить), а въ канавѣ передъ озеромъ другую кить съ широкимъ входомъ изъ раздвижныхъ лозинокъ и узкимъ выходомъ изъ сошедшихся послѣ прохода рыбы лозинокъ. Вошедшая въ средину забоевъ рыба паздѣ уже не выйдетъ. Зимою ставятъ ятеря и верши, въ которыя гонятъ рыбу, стѣсненную въ канавахъ. «Разъ бувъ нызовыи витеръ и рыба пишла у ятира и натрущено 37 пудивъ на 75 рубливъ; ставъ потимъ витеръ верховыи и вона пройшла». Лучшіе уловы на Рождество, по теперъ меныше рыбы и она мельче.

Великая Селецкая—чисто козачье село: крестьянъ почти нѣть: однако при крѣпостномъ правѣ крѣпостными совершено было преступленіе, о которомъ передаютъ слѣдующее: «Загреба бувъ начальникомъ и закатувавъ крестьянъ до смерти. Крестьяны Басъ и Кочура прохалы кучера Загребы, шобъ не одчиавъ дзвинка якъ йиде зъ Загребою, а сами засидалы у Кумовій долыни. А кучеръ одчиавъ у Иржавци. Разъ визъ Максымъ Тараненко (Чубарь) на обывательскихъ. Дойихалы до Кумовои долыни, колы одынъ зъ тихъ крестьянъ прысынывъ кони за поводы, а другой кійкомъ у плечи Загребу, а третій кійкомъ пидводчыка. Былы, былы, такъ не вбьють—и переризалы горло. Ихъ бывъ катъ такъ, шо тило высило, потимъ товкли у лобъ и порохомъ натыралы»¹⁾.

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ При Великой Селецкой есть нѣсколько хуторковъ: Баевъ, Ивахненковъ и Маіеровичей, населенныхъ козаками: Баями, Кущами, Малушками и Маіеровичами, изъ которыхъ одинъ былъ священникомъ.

Дрибни нарысы зъ жыття простого люду.

I.

К у р і й.

Спасивка. Спека страшена. На току въ Омелька Канчука розисланна на ряднахъ мыта пшениця; іи «калавурыть» хлопъя рокивъ десяты. «Калавурщицъ» лежыть на животи, меле ногамы и муготыть соби пидъ нись, выстукуючи въ тактъ довгою хвойдиною:

«Зисталося два,
Та ѹти пивтора».

Здоровенный табунъ горобцивъ сидыть недалеко на кущи бузины и терпляче чекае, покы хлопецъ закгавытся, щобъ хмарою вкрыты рядна. Инколы який-небудъ «жыдуга» (такъ дражнывъ вартовый горобцивъ) зрывався зъ куща, сидавъ на розчатый стижокъ и, вхопывши килька зернынъ, тикавъ мерщій назадъ. На цили стогы горобци не одважувались сидаты, бо на юидному бувъ вывишаный вбытый шулякъ, а зъ другого стога наганяла острахъ коса. Коса тылипалася на мотузку и видъ найлекшого витру дзвоныла объ палычку, до котрои була прывязана.

Вся симья Канчукова на поли. Омелько зъ сынамы пойихавъ по споны, а невистки десь беруть конопли. Въ осели хаяйнують: отсе хлопъя, та старенъка бабуся—Омелькова маты.

— Илько! Илько! а ходы-но сюды, я щось цикаве-цикаве маю,—почувся таемный шопить зъ-за нескинченого стижка.

Илько озырнувся.

— Эге, ходы! баба казалы, щобъ я не водывся зъ тобою, бо ты шыбеныхъ и злодюга.

— Бреше твоя баба, якъ собака! То вона сама вкрада дивчыною кухлыкъ меду зъ церквы!

— А ты звидки знаешь?

— Мени сами наша маты казалы.

— Бреше, мабуть, твоя маты.

— Бреше, бреше! А чужи коровы не твоя маты дойить?

Наша Хрыстя бачыла, якъ вона разъ котылась клубкомъ въ Матвійишынъ двиръ, а другого дия Матвійишыни коровы дойились кривью.

— Дурный ты, Хомо, отъ що,— промовывъ Илько спокійно. Винъ знаявъ, що Хома брехунъ на увесь кутокъ, и давно бъ кынувся кулакамы бороныты добру славу своеи бабуси, але ёго незвычайно цикавило, що то блискуче Хома тримає въ рукахъ.

— Пиду подывлюсь,—подумавъ Илько: «може горобци не взглядять, що мене немає». Озырнувся—коло хаты никого не видко. Горобци цвиринькали на бузини, наче йимъ не було ніякого дила до якоись тамъ пшепиці. Илько пидвивсь, надивъ батьківського соломяного брыля, що доты лежавъ биля ёго, и несміло пидійшовъ до Хомы. Хома бувъ хлопець рокивъ дванадцятъ зъ трохы розбышакуватымъ поглядомъ и вельмы обшарпаний.

— Отъ, братухо,—промовывъ винъ уже мыролюбнымъ топомъ: «лыхо мени зъ батькомъ, та й годи; сёгодня зновъ одибравъ рижокъ зъ табакомъ; теперъ зъ самого ранку не нюхавъ, чы вирышъ, якъ сканудить мене!» Але Илько не знаявъ смаку въ табакови, и видко було, що винъ не йнявъ виры прыятелеви.

— Ты щось обицявъ показати?

— Покажы тоби, ёлопе, то ты пидешъ та розскажешъ баби!

— Не бійсь, не скажу.

— Брешешъ!

— Ій-Богу не скажу!

— Ну, на, дывысь,— промовывъ Хома, высмыкнувши зъ-пидъ нахвы бляшану табатырку зъ генераломъ на викови: «тильки въ руки не дамъ».

— А що тамъ въ середыни?

— Зволтьесь!

Хома надавывъ збоку табатырки якысь шпынтыкъ: воно мытту видкрылося. Тамъ все було, чого треба справжнёму куріеви: тютонъ, сирныки, папиръ... Илько здывувався:

— Де се ты диставъ?

— Де диставъ, то диставъ. Не хочешь?

— Чого?

— А курыть. Илько помотавъ головою.

— Э, маймула! чы не бабы боишся? Отъ я, братець ты мой, и курій, и нюхарь, и все што надо!—закынувъ Хома по-московськи. Инколы то й за губу кладу! А ты разъ покурыть боишся... Охо-хо-хо,—важко зитхнувъ Хома, скручуючи цыгарку: адже-жъ твій батько курыть?

— Хыба, й справди спробовать,—дума збытый зъ пантелыку хлюпець: хочъ зазнаю, яке воно... Ну, давай!

— Отъ-такъ бы и давно, дурню!

Илько одидравъ клаптыкъ папирю и, насыпавши на нёго пучку тютону, почавъ крутыты цыгарку. Тютонъ разсыпался и прылыпавъ до спитціальныхъ пальцівъ; пидъ кинець папиръ бувъ передертый на двое.

— Отъ неукъ, такъ неукъ!—сказавъ Хома: недотеній и цыгарки скрутити; дай, лышень, я! Цыгарка хутко була готова, и «неукъ» почавъ прыкурювати у Хомы.

— Ото ты такъ горобцівъ полохаешь, щобъ твого бисъ батька полохавъ! Гай, гай икъ нечыстій матери!

— Баба!—жахнувся Илько и, вstromывши въ стижокъ цыгарку, наче опеченыі кынувся до рядени: докурю описля,—попдумавъ винъ. Горобци шугнулы на бузыну.

— Чы такы такъ роблять хазяйськи диты, га?—грымала сухенька маненка бабуся, чымчыкующы до ряденъ.

— Я думаю, чого наче хто штовхает сходыты на тикъ, а винъ, бачъ, якъ глядышь! Постій, розсучый сынку, прыйде батько, я ёму все розскажу: буде въ тебе на зиму и кожушокъ, и чобитки, и все, винъ тебе вбере!—гомонила стара, розправляючи пшеницыю. Черезъ килька хвилынъ вона попленталась въ хату.

— Ачъ, Иродови жевжыкы чого наробылы! Постійте, попадаетесь вы мени котріи въ руки, я васть погодую пшеницею! Я вамъ згадаю, хто гавкавъ: «жывъ-жывъ», ясь жыды Хрыста роспыхналы... Та й Хома жъ хытрый въ биса: наче катъ ёго стявъ, якъ гукнулы «баба»,—миркувавъ дома Илько, позыраючи зъ-пидъ брыля то на рядна, то на хату. Влевнывшись, що баба вже взялась въ хати за якусь роботу и не скоро навидается на тикъ, винъ лигъ биля ряденъ и забубонивъ, махаючи хвойдыною:

«Жыдъ, жыдъ, кателыкъ
Загубывъ черевыкъ».

Сонце завертало саме зъ обидъ и пекло, якъ кажуть, безъ жалю. Скоро въ хлонця сchezлы зъ памъяты и прыгода зъ Хомою, и баба, и заткнута зъ стижокъ цыгарка. Въ голови стояла якась нисенитныца, передъ очыма маячили рядна зъ пшеницею. Ажъ ось Рябко, що бувъ прывязаный пидъ повиткою, щось страшно завывъ; зъ-заду наче шось затрищало. Илько озырнувшись, и скамъянивъ: половина стижка була обнята полумъямъ.

— Бабо!—хотивъ винъ кръкнуты зъ усієи сылы, але горло ёму наче хтоздавывъ обценъкамы. «Бабо, бабо!»—репетувавъ въ думци хлопецъ—гласу не було чутно. Ногы и руки булы не мовъ чужи. А стижокъ палахтивъ. Полумъя тыхенъко повезло по смиттямъ, котре було рострушене по току, до другого стога.

— «Бабо!»—гукнувъ несамовыто Илько и метнувшись до хаты, гвалтуючи всю дорогу: «Бабо, бабо!» Полумъя мовъ нехотя сунулось до клуни и до третього стижка. Рябко сумно вывъ. Десь далеко закалаталы въ уси дзвоны.

— Чого ты прышелепуватый лементуешь?—загрымала переляканы бабуся, вытыкаючись изъ синей: отъ вбойще, а не

хлон... Матинко ридна!—заголосыла вона, зырнувши на тикъ: «це ты, шыбеныху, наробывъ такого... Пречыста свята! рятуй же насъ гришныхъ... Мыколаю, угодныче! Носы, пройдышвите, одежу изъ хаты... Пантелеймоне, цилытеле! зглазнися на насъ...»—Гвалтуочы, стара схоныла черезсиделнысь, котрый валявся въ синяхъ на доливци и однесла заперла въ скрыню; потымъ почала хутко здійматы образы, а дали взяла «Неопалыму Купыну», прытулыла іи однією рукою до грудей и стала носыть изъ хыжы глечыкы зъ молокомъ та выставляты ихъ посередь двора.

— «Свята Неопалыма Купыно! Мыколаю угодныче! рятуйте насъ!»—одчытувавъ, якъ луна, Илько вслідъ за бабою, та одно носывъ зъ хаты одежду, ридна, подушки и стоптuvавъ усе підъ дымаръ. А на двори лютувавъ огонь. Навкругы все гоготило. Десь щось ламалось, трицтало и зъ грюкомъ падало до-долу. Густыій чорный дымъ застылавъ подвирья. Цалахтилы тыны, по-грибнысь, комора, повитка, де бувъ прывязаныі рябко. Бідныі несъ не мигъ найты соби миста; винъ мотався и скіглывъ, докы обгорила кроква не дала ёму сторчъ въ тимья. Полумья почало вже облызувать хатній прычилокъ. Порятувавши одежду, Илько выскочыў на дверь. По дорози винъ схопыў ренето зъ піръямъ, котре стояло на похвати (бо баба до сёго драла піръя) и почавъ зъ нымъ гасаты по двору, не зпаючи куды ёго прыткнуть. Здорова, зовсімъ осмалена свыня выпручалась зъ сажа и, хрюкающы, хазяйнуvalа надъ глечыкамы. Стара десь поралась у хыжы. Ажъ ось до воритъ прыбигъ верхы Омелько.

— «Де жъ баба?»—скрыкнувъ винъ, уздрывшы Илька. Илько торопленно лягувавъ и мовчавъ. «Де баба?—пытаю тебе»,—гримнувъ винъ у-друге и скочыў у хату. Черезъ килька хвылынъ ёго здоровенна постать показалась въ дверяхъ. Винъ воликъ за собою матиръ, котра опыналась и не хотила ити.

— «Я зразу, зразу»,—бубонила вона: тильки черезсиделнысь, отъ ій-Богу не памъятаю, куды я ёго ткяула, дурнисенько прошло двадцять копіёкъ»,—розказувала стара, плаучы, и пру-чалась зъ такою сылою, що Омелько ледве мигъ іи втрымати;

потимъ винъ схопывъ іи якъ дытыну на руки и вынисъ на седрыну двору; въ ту мыть шугнула хатня покривля.

— «Давай машыну!» — товсто репетувавъ хтось за воритъмы.

— «Заперта, а ключи въ старосты,— одновивъ десь иныхъ голось. За дымомъ не було ничего видно.

— «Бижы за старостою», — крыкнуло разомъ килька голосивъ.

— «Теперь ёго зъ собакамы не знайдешъ: нишовъ робыть мырову зъ пысаремъ!»

Канчукова оселя тыхенько догоряла.

II.

М а т ы.

Вербна недиля. Сёгодня ярмарокъ въ Иванциахъ. Стара Евтушыха ще до свита впоралась коло печи и прыбрала въ хати. Зварыла вона дитямъ гречапыхъ вареныкивъ зъ урдою и путри, — нехай вже поласуются рады ярмарку; хоть воно тамъ вареныки зъ урдою та путря и ласоши не яки, та ба: кто новыны не выдавъ, то й ветоши радъ. Цилый пистъ диты окримъ жытнёго хлиба та бараболи и въ вичи ничего не бачылы; и то ще бараболя бувае въ хати тильки въ ряды-годы: якъ де прыйдется на однрядъ взяты. Такъ уже остогыдлы Евтушыси чужи пивмитки, що й казаты не можно; этъ, николы и зъ хаты не выводятся; ось и па страстній треба крутыты мотка пысарци за мишечокъ гречаного борошна та за три симъяни макухы, бо якъ бы не взяла, то й празныкувалы бъ сёгодни надъ сухымъ хлибомъ.

Такъ ще, кажу, и не свитало, якъ Евтушыха скинчыла роботу коло печи и прыченурыла свою хатку.

Впоравшись, дистала вона зъ-пидъ лавы чоботы и почала повагомъ взуватись. Чоботы булы дуже забружені и такъ зашкарублы, що Евтушыха ледви натягla ихъ на ногы.

— Бачъ, сучи диты, якъ запивендялы, — подумала вона: «ще такы дивчата — ти хоть трохы бережуть, а Васылько, розбышака —

де найбильша твянюка, то винъ туды й чвалае. Постій, сучый сыну, прохатымешь ты въ мене чобить—и понюхать не дамъ: сыды въ хати... ще онъ и шесты рокивъ нема—рано въ чоботяхъ ходыть... Та дебеліи жъ и вдалысь нивроку имъ,—бубонила стара, одягаючи латану свыту: «ще інокійныкъ Евтухъ, царство небесне, и реминъ набиравъ и шывъ; здаецца, саме тієи осени Васылько зпайшовсь»...

— Одначе, якъ же я рано сёгдни схонылась, сказано, це абы куды, а на ярмарокъ! наче й справди йду купоўаты не матку, щобъ було на чому спаты дитямъ, та горщицъ, а Богъ ёго зна ѹ що; певне, на тому ярмарку ніякий дядько не думавъ вставати. Сяду-но, лышень, одпочыну, а тымъ часомъ може котре зъ дитея встане; треба наказаты имъ, щобъ доглядалы хаты, та ничего не йилы, покы я вернусь, а то завсігды въ празныки безъ мене найдяться—ще люде зъ церкви не повыходяты...

Сила Евтушыха кинци столу, сила схылылась на руку и задумалась. Передъ нею, тильки що не на голій доливци, покотомъ спаты диты. «Розбышакъ», положивши рученята пидъ щоку, спавъ спокійно, неначе праведныкъ. Въ головахъ у нёго лежала батьківська шапка, зъ котрою винъ видъ самисинъкои смерти батька не розлучався ни въ день, ни въ ночи. Въ що тильки не перекыдала дытяча фантазія слю шапку! Була вона иноди конемъ, потимъ крамыцею, гарбою, машиною, тією, що молотить, и тією, що бига навить туркомъ. Лыхо було сёму туркови, колы Васылько, розлютувавшись, почынавъ ёго рубаты своею шаблею—качалкою.

— Сыть вояка,—подумала стара, и на поморхлому облыччи іи зъявывся легенькій осміхъ: «все бидолаха побывається:—чи скоро, мамо, ти паны, бодай ихъ злыдни пёбылы, заберуть мене въ москали?» (Де воно, прости Господы, такъ лаятся навчылось)? —Э... сыну! ще до москаливъ багато лыха наберешся; будешъ гынуты по строкахъ зъ голоду та холоду надъ чужою роботою, якъ теперъ гынуть чужи диты. Миркуючи, Евтушыха перевела очи на осмылитню Хотыну.

— Отъ моя плохоточка! Эть, николы и слова на-крайко не скаже; вона навить и сонна лежить якось збиднывшись, такъ іи лыченько й говоре: «не руште мене, хыба мени багато треба». Батюшка казалы, чы не найду я іи на сю весну гусей насты; звисно у батюшки було бъ гарно службыти, але все-таки хай ма-
буть ще дома погуляе. Эге! а що зъ моєю Настусею? Бачь, якъ роскыдалася, а ягидки такъ и граютъ на щичкахъ; чы вона, лышъ не хора, крый Боже! а я дурна ще й палякала іи вчора, ск-
азавши, що виддамъ старцівъ водить, колы не буде слухняною; Господы! Якъ же вона плакала сердечина. О, се въ мене золото—
не дивчина; вона въ мене и шваха, и пряха и все. Вчора чую,
а вона мете хату, та й выснивус:

«Сусидочки-голубочки
Дайте соли два дрибочки!»

О, ся найде соби стежечку въ жытти; не зразу нагне голову пе-
редъ лыхою годыюю; я вже помичаю. Але що, якъ умре? Бо-
женьку мій мылый! Пестыла десять рокивъ...

— Кумо, кумо!—гукнувъ хтось иди викномъ:—чи вы ще
дома? Ходимо разомъ па ярмарокъ.—Евтушыха здригнулась; за-
думкамы, котри наче комашня, ворупылысь въ голови, вона
не вглядила, що на двори зовсімъ ранокъ. Зав'язавши въ
пазуху вторговані за яйца два злоты, стара тыхесенъко вийшла
зъ хаты.

— Чы замкнуты зъ-надвору двери, чы хай такъ? Хай, ма-
буть, такъ: може забарюся, то дитямъ прыйдется до пивдия съ-
дити въ запертій хати.

Цилу дорогу гомонила кума, якъ теперъ важко стало въ
свiti жыты. Отъ и воны выведуть сёгоднiи продавать останню
корову, бо ничымъ догодуваты до новои насы. Всi трь хлопци
наняты въ строки, навить половына вже трошей пройдена, а
другу половыну пройдять до жнызвъ. Зарабитки зимою мизерни,
або й ніякыхъ. Старый все марть про Амуръ та про Зелений
Клины: «Тамъ», каже: «и земли и лиса доволи, тамъ люде не
живуть, а царствуютъ. Розмовляючи, кумы й несчулись, колы

прышы на ярмарокъ. Евтушыха мерцій метнулася спраўляты свои пошукы. Здаецца, чы вельмі ричь купыты горыцыкъ та матку, а пиды жъ ты! На ярмарку всячъ дере бильшъ, чымъ слизь. Гончари такъ наче змовылісь: до якого ни підстуны, то за маленъкій кашыкъ правіть наче за батька. Маткарь тильки одынъ и выйхавъ, то вже звисло ломыть, ішо хоче; кожному одно товче: «Рогізъ торикъ не вродывъ, та й годі!».. А вже божбы тій кругомъ стильты, ішо й не сказать. Та тильки на ярмарку божбу не вважають ни Богъ, ни люде. Вже сонечко було добре підъ обідъ, якъ Евтушыха зъ маткою въ одній руци и зъ горышкомъ, въ котримъ лежало тры цукеровыхъ москали, въ другій чэмчекувала черезъ ярмарокъ до-дому, та несподивано на-ткнулася на кумедію и зунылылась. Саме посередъ ярмарку була напъята здоровенна халабуда; чуты було, якъ въ середыни катерынка голосно решижыла «розлуку». На двори въ залізній клітцы сядила мавпа. Хлонцы обстунылы клітку и реготалісь, колы хто мавпи замістъ насиння тыкаў дулю, а та жадибо крывалася.

— Бався, гаво! а Настуся лежыть хора!—несподивано ризнула Евтушыху думка и вона лётомъ полетила до-дому. «Матінко Божа! невже такъ видъ самаго ранку я про се ни разу не згадала; чымъ хутче бъ до-дому. а тутъ тоби па—зацикавылася на старисть кумедію. Бідне дивча може пыточкы хоче, та підаты никому, а мавпа на мавпу розглядае,—думала стара, ханаючысь за біч, въ котрому все дужче и дужче шыгала колька. «То жъ то па тымъ тыжні пугачъ трычи пугукнувъ на хати, бодай ты пугавъ на свою голову... Ачъ бісова колька не дае дыхать. Побыла мене несчастлыва та лыха годына зъ тымъ ярмаркомъ; и треба було на ёму товктысь півдня... Чого се Сирко сусидынъ зип'яліся на погрибныкъ? Такъ и йе, ішо на вмируще... Охъ, вищуе мое серденько... я жъ кажу, ішо такъ... Чы бачь, якій галасъ въ хати!»

Переляканіа Евтушыха прыпала до вікна. Васылько стоявъ посередъ хаты и погукаваў по-вивчарськи: «бръръ», хвоськаючы шапку батижкомъ. Выдко, ішо шапка була въ нёго сёгодні от-

рою овець. Хотына сидила въ запичку дуже замыслена и намынала на колина куцу сорочку. Настуси нема, тильки зъ печи чуется голосный плачъ.

— Щось негараздъ! — подумала стара и торгнула дверьмы — двери булы заперти. Хтось прожогомъ кынувся въ сийи и зацокавъ засовомъ. Не вспила Евтушыха переступыты порога, якъ на шыи у неи повысла Настуся, роснатлана и въ одній сорочци. Облычия іи горило наче въ огни.

— Чого се ты, зиронъко моя свитова? ты може слаба на вицо? кажы мерцій моя пёрешилочко! — говорыла жалибно бидна маты, пыльно прыглядуючысь въ вичи доныци. Руки іи третили; вона то прыглажувала роскустряне волосся дивчыны, то втырала іи слёзы, котри такъ потёкомъ и лылъсь по щокахъ. Але Настуся тильки одхлыпала такъ, що все іи маненъке тильце здригалось, и не мала снагы промовыты ни жадного слова. Трохы заспокоившись, вона ледви спромоглася сказать:

— Сирко су... сусидынъ,—и зновъ захлыпала.

— Ну, ну, що Сирко? — допытувалась Евтушыха, якъ у неи разомъ щось одлягло видъ сёрия.

— Сирко су... сусидынъ... якъ мы спалы, вытягавъ вси вареныки и перекынувъ путню! — первово скрыкнула Настуся и залылась слизьмы.

— Отъ дурненька! и було зачымъ такъ побыватысь! тильки мамуню налякала. Охъ, Господы мылосердны! Охъ! Не дае колька дыхать.. Я думала, що ты хора. Дай Боже, хочъ и голеньки, та булы бъ циленъки, а прожывемо и безъ путри. Ну, лышенъ, я переверну тоби сорочку назадъ пазухою.

— Отъ и стара, а дурна, — миркувала сама соби Евтушыха: «и навищо було такъ кыдать двери?»...

П. Майорський.

Письма къ Остапу Вересаю П. А..Кулиша и Л. М. Жемчужникова¹⁾.

Эти письма, доставленныя намъ г. П. А. Райко съ просьбою передать ихъ въ кievскій историческій музей, вполнѣ заслуживаютъ также извѣстности и въ печати, какъ характерный историко-литературный матеріалъ.

Значеніе письмамъ придаетъ уже одно имя адресата, того самаго прилуцкаго бандуриста, Остапа Вересая, который былъ прозванъ въ литературѣ «послѣднимъ кобзаремъ Украины». Дальнѣйшія этнографическія сообщенія доказали,—доказываютъ и въ настоящіе дни,—что Вересай былъ далеко не послѣднимъ кобзаремъ, но во всякомъ случаѣ, какъ хранитель и проникновенный исполнитель стараго кобзарскаго репертуара, О. Вересай былъ

¹⁾) Считаемъ, что появленіе писемъ Кулиша будетъ особенно умѣстно въ настоящей книжкѣ нашего журнала, выходящей въ томъ мѣсяцѣ, который связанъ съ памятью о незабвенному Кобзарѣ, Т. Г. Шевченкѣ, и въ которомъ мы всегда старались помѣщать матеріалъ, имѣющій отношеніе къ творчеству или біографіи поэта. Печатаемыи же письма не только характеризуютъ ту ближайшую среду, въ которой жилъ Т. Г-чъ и съ которой находился въ тѣсной духовной связи, но и некоторые частности печатаемой переписки показываютъ также его отношеніе къ товарищу-кобзарю изъ народа.

Ред.

замѣчательнымъ пѣвцомъ; поэтому, какъ мы сказали, печатаемыя письма приобрѣтаютъ значеніе уже ради его имени. Еще болѣй интересъ получаетъ эта переписка въ виду того, что почти всѣ письма принадлежать перу Кулиша, одного изъ самыхъ выдающихся дѣятелей украинской литературы въ періодъ ея расцвѣтанія, при чемъ характеризуютъ отношеніе къ народному пѣву цѣлой группы сотрудниковъ знаменитой «Основы».

Письма Кулиша, обнимаютія періодъ отъ 56-го до 66 годовъ, относятся ко времени страстнаго увлеченія значительной части украинской интеллигентіи народнической идеей, украинской этнографіей, ко времени благоговѣйного почтѣнія къ своей народной пѣснѣ и народнымъ пѣвцамъ, удержанвшимъ ее; именно Кулишъ и явился самымъ ревностнымъ выразителемъ такого отношенія; кобзарямъ и лирникамъ, этимъ «боянамъ», «бардамъ», «хранителямъ народной традиції», «воспитателямъ великаго духа всей націі», посвятиль Кулишъ въ Запискахъ о Южной Руси горячія, вдохновленныя страницы, въ свою очередь производившія такое сильное впечатлѣніе на читателей.

Каковы же были личныя отношенія автора помѣщаемыхъ писемъ собственно къ Вересаю? о чёмъ и какъ писалъ корифей литературы къ слѣпому кобзарю, тогда еще мало известному? Именно эти письма проливаются истинный свѣтъ на близкое знакомство Кулиша какъ лично съ Остапомъ Вересаевъ, такъ и съ его репертуаромъ: въ первомъ же письмѣ, отъ 10 дек. 1856 г., Кулишъ напоминаетъ Вересаю о томъ, какъ онъ, П. А., бывалъ въ хатѣ у Остапа, читать ему книжки и тамъ же слушать его пѣсни, думы, послушать которая онъ снова выражаетъ желаніе. Въ Запискахъ же о Южной Руси находимъ лишь бѣглое и неопределѣленное упоминаніе объ Остапѣ (какъ можно думать—Вересаѣ): именно во 2-мъ томѣ Записокъ (отъ 82-й стран.) Кулишъ приводить разсказъ, притомъ не свой, а Л. М. Жемчужникова,—лишь въ его, Кулишовой, редакціи,—о случайной встрѣчѣ въ полустанцѣ, по дорогѣ въ Кіевъ, этого художника, автора рисунковъ Живописной Украины, съ «кобзаремъ Остапомъ». Весь разсказъ прекрасно отданъ въ стилистическомъ отношеніи (не даромъ

онъ говоритъ: «стану повторять слова Жемч—ва, сколько позво-
лить мнѣ моя память,—точно какъ-бы это я самъ странствовалъ
между народомъ»). Но передача сообщенія художника-этнографа
имѣеть болѣе поэтическій, чѣмъ обстоятельный характеръ: переда-
ется о встрѣтѣ Ж—ва съ кобзаремъ «Остапомъ», гдѣ-то въ
степи, въ полузаинесенной сѣгомъ придорожной корчмѣ; группа
крестьянъ—«крипакиъ», тоже застигнутыхъ, какъ и Ж—овъ,
«хуртовыною», сидѣть, развлекаясь бесѣдой о своихъ дѣлахъ и
рассказами фантастическими, въ чемъ принимаетъ участіе и стран-
ствующій кобзарь, перемежаюцій свои разсказы игрою на кобзѣ
и иѣниемъ оригинальныхъ пѣсенъ... Ни Ж—овъ, ни Кулишъ
(хотя-бы въ какомъ либо пріемѣчаніи) не говорятъ при этомъ,
въ Зап. о Ю. Р., кто именно бытъ этотъ кобзарь «Остапъ»,—
какъ называли его слушатели-крестьяне въ корчмѣ; но это имя,
мѣсто дѣйствія, вблизи прилуцкихъ имѣній вспоминаемаго крестья-
нами «доброго пана», «Григорія Навтовича Г.» (Галагана?),
наконецъ приводимая характерная пѣсня о «Правдѣ и неправдѣ»
заставляетъ думать, что кобзарь Остапъ, иѣвшій еї въ корчмѣ,
бытъ именно сокиринскій кобзарь Вересай. Внослѣдствіи Ж—овъ
помѣстилъ изображеніе кобзаря въ Живоп. Українѣ, обозначивши
его какъ портретъ Остапа Вересая, но это было уже въ 1861
году... а въ записяхъ, пересказанныхъ въ Зап. о Южи. Р. отъ
имени Ж—ва, стоитъ помѣтка «1855 г., декабря 25-го»,—велѣдъ
за послѣднимъ аккордомъ редактора-Кулиша: «Мятель гуляла въ
степи по прежнему, и въ завываніи вѣтра вокругъ моей кибитки
мнѣ все слышался высокій голосъ бандуриста, воспѣвающаго
торжество неправды»... И только. Кобзарь Остапъ промелькнулъ
такимъ образомъ въ Зап. о Ю. Р. фантастическимъ силуэтомъ,
какъ личность неизвѣстная. Между тѣмъ можно думать, что ре-
дакторъ Зап. о Ю. Р. зналъ, кто бытъ кобзарь, иѣвшій такія за-
мѣчательныя пѣсни, какъ о «правдѣ» и объ исторіи легендарного
священника съ Кирикомъ (поэма будто-бы тогда же, вмѣстѣ съ
пѣснею о правдѣ украинской записанная въ степной корчмѣ,
отъ того-же «странствующаго кобзаря»); это доказывается имѣнію
первымъ ниженопомѣщеннымъ письмомъ Кулиша къ Остапу Вересаю

въ Сокиринцы. Письмо, правда, писано годомъ позже записи Жемч—ва, а именно помѣщено 56 г. (дек. 10-го), такъ что во время *встрѣчи* Ж—ва съ Вересаемъ Кулишъ могъ быть еще не знакомъ съ кобзаремъ, но къ тому времени, какъ Кулишъ вышукалъ въ свѣтѣ 2-й томъ Зап. о Ю. Р., *въ которомъ помѣщены разсказы о встречѣ съ кобзаремъ Остапомъ* и его двѣ пѣсни, о «Правдѣ» и о «Кирикѣ», редакторъ сборника уже зналъ Вересая, такъ какъ 2-й томъ Зап. о Ю. Р. вышелъ въ 1857 году, т. е. *годомъ позже*, чѣмъ писано первое письмо Кулиша къ Вересаю (въ 1856 г.).

Почему же Кулишъ, такъ обстоятельно говорившій въ Зап. о Ю. Р. о кобзарѣ Андреѣ Шутѣ, изъ черниг. села Александровки, и о другомъ кобзарѣ, Архипѣ Оржицкомъ, умолчалъ о прозвищѣ и вообще о личности кобзаря Остапа, о его точномъ мѣстѣ жительства и о своемъ личномъ знакомствѣ съ нимъ, которое несомнѣнно явствуетъ изъ его письма?...

Странную роль играетъ здѣсь запись отъ лица Жемчужникова пѣсни про Кирика, сдѣланная въ корчмѣ отъ «кобзаря Остапа». Не говоря о томъ, что трудно записать длинную легенду въ 12 страничекъ, прослушавъ её всего одинъ разъ въ пѣніи, подъ аккомпанементъ бандуры, при томъ записывая украдкой, въ качествѣ закусывающаго въ сторонѣ, «какъ бы совершенно равнодушнаго слушателя» (такъ говорится въ Зап. о Ю. Р. о записываніи Ж. въ корчмѣ); но самая легенда—письменного происхожденія: известно нѣсколько списковъ этой сатиры, идущей съ запада¹⁾), рассказывающей о нѣкоемъ священникѣ, наказанномъ (за свою алчность при переговорахъ съ бѣднымъ прихожаниномъ Кирикомъ) тѣмъ, что къ нему во время исканія имъ клада прирастаетъ воловья шкура вмѣстѣ съ рогами. Или кобзарь, пѣвшій при Жемч—вѣ въ корчмѣ близъ с. Яблоновки, былъ не Вересай?.. если же кобзарь Остапъ, крипакъ «Григорія Павл. Г.», былъ О. Вересай, то почему онъ впослѣдствіи, часто являясь въ Кіевѣ и тамъ исполняя передъ многими слушателями свои пѣсни, ни-

1) У насъ также имѣется одинъ волынскій списокъ ея.

когда не пѣть о Кирикѣ и алчномъ священникѣ,—даже тогда, когда подробно диктовалъ кіевскимъ членамъ Геогр. Общ. весь свой репертуаръ, начиная съ самыхъ «пovажныхъ» пѣсень и кончая сатирическими, шуточными? Очевидно, что легенда-сатира, попавшая въ Зап. о Ю. Р., была Остану Вересаю *неизвестна*.

Кто же кого ввѣлъ въ заблужденіе,—Жемчужниковъ ли Кулиша, или Кулишъ читателей Зап. о Ю. Р.?...

Можно предположить, что именно благодаря введенной сатирической *легенды* о Кирикѣ—осталась въ туманѣ (какъ мѣжется, нарочитомъ) личность кобзаря, будто-бы исполнявшего сї: пѣть еї гдѣ-то какои-то «странствующій кобзарь»...

Думы старыя, именно тѣ, которыя зналь Вересай, тоже помѣщены (въ 1-мъ томѣ Зап. о Ю. Р.),—въ *значительно дополненномъ* видѣ,—но о нихъ сказано, что пѣть ихъ—тоже гдѣ то «въ степномъ хуторѣ»—кобзарь Архипъ Никоненко, приходившій туда изъ села Оржицы, луб. уѣзда, и «вскорѣ послѣ того умерлій». Одна изъ этихъ думъ (о козакѣ Голотѣ) помѣщенная впереди, въ томъ же 1-мъ т. Зап. о Ю. Р., какъ записанная отъ Архипа, была совсѣмъ новою, не имѣвшую варіантовъ, и сочтена была впослѣдствіи учеными критиками—сомнительно....

Позволю себѣ сдѣлать маленькое отступленіе по поводу вообще думъ и пѣсень, записанныхъ «въ степи» отъ кобзарей «странствующихъ», или «уже умершихъ». Трудно считать большой виной, какимъ то пятномъ на литературномъ образѣ Кулиша наличность въ его изданіи матеріаловъ, сильно «дополненныхъ» редакціей, или даже совсѣмъ на-ново созданныхъ этнографами, какъ напр., лума о «походѣ древняго князя» (съ участіемъ «Посвітача» и дрѹгихъ подобныхъ силъ), или «смерть и прощенье козака съ бандурой». При спокойномъ разсмотрѣніи, не только думы, но и многіе прозаические разсказы Зап. о Ю. Р. покажутся значительно разработанными, сравнительно съ тѣми народными, краткими отрывочными мотивами, о которыхъ упоминаетъ Кулишъ и которые послужили имъ основною *темою*. Пожалуй, едва-ли даже можетъ быть поданъ народный *прозаический* разсказъ въ полномъ видѣ, безъ значительного личнаго возстановленія его

записывателемъ: попробуйте заставить *диктовать* себѣ сказку или иной прозаической разсказъ—и онъ сейчасъ-же стѣлается краткимъ, блѣднымъ; только тогда можно получить полный разсказъ, если онъ льется свободно; при записываніи же такого рассказа бываетъ возможно отмѣтить лишь основной скелетъ его, да иногда своеобразную деталь, а ужъ потому приходится возстановлять болѣе полно. Вотъ здѣсь и скажется способность этнографа воспринимать народные рассказы, скажется его знаніе языка и оборотовъ народной рѣчи.

Кулишъ безспорно былъ такимъ знатокомъ,—поэтому всѣ рассказы Зап. о Ю. Р. представляютъ собою замѣчательные образцы, такъ сказать, народной украинской беллетристики. Та-же искусная рука дала художественно-народную отдачу и опови-даннямъ интеллигентныхъ авторовъ въ Основѣ—и тѣмъ безко-рыстно создала имъ славу *замѣчательныхъ произведеній украин-ской литературы*.

Если подъ часть перейдена была мѣра въ «реставраціи» па-мятниковъ этнографическихъ, то это, конечно, была вина противъ науки; но даже и здѣсь, прежде чѣмъ «бросить камень», надо взвѣсить, чего дали больше эти «реставраціи» хотя-бы для этно-графіи какъ науки,—вреда или пользы. Строгой наукѣ, спокойной критикѣ, изощренной на появившихся съ теченіемъ времени мно-гочисленныхъ этнографическихъ данныхъ, совсѣмъ не трудно было избѣжать заблужденія и отличить «стихотворенія въ народномъ духѣ» отъ настоящихъ народныхъ пѣсень; между тѣмъ Зап. о Ю. Р., бывшія не столько этнографическимъ и историческимъ сборникомъ, сколько публицистическою и восторженно-патріоти-ческою проповѣдью, возбудившіе національное самосознаніе, горячую любовь къ народной словесности,—воспитали многихъ. Вліяніе этой проповѣди еще не опѣнено по достоинству; пусть читавшіе её въ молодости припомнятъ, какое сильное впечатлѣніе она производила и какъ она будила прежде всего желаніе не дать погибнуть дорогимъ остаткамъ старины, желаніе ревностно искать продуктовъ народнаго творчества,—рамки котораго были обозначены Кулишомъ такъ широко.

Такимъ образомъ можно сказать, что даже грѣшившіе противъ точной науки реставраціями и даже импровизаціями Кулишоваго сборника дали богатую жатву и для точной науки,—въ видѣ появившейся массы матеріаловъ, собранныхъ усердными руками послѣдователей горячей вѣры.

Послѣ этой оговорки, безъ боязни, что наши коментаріи могутъ показаться тяжелымъ упрекомъ замѣчательному дѣятелю, возвратимся къ его письмамъ, изъ которыхъ первое, написанное въ 56-мъ году, доказываетъ, что Кулишъ, не назвавши Вересая,—но какимъ-то своимъ соображеніемъ,—въ Зап. о. Ю. Р., былъ знакомъ съ нимъ, а конечно и съ его репертуаромъ, *за годъ до выхода въ свѣтъ 2-го тома записокъ* (вышедшаго въ 57 г.). Можетъ быть, знакомство это состоялось и раньше; а тѣ думы, которыя пѣть Вересай, значительно дополненныя, помѣщены въ 1-мъ томѣ, какъ исполнявшіяся другимъ кобзаремъ, между тѣмъ какъ «странствующему» невѣдомому кобзарю Осташу приписана поэма о Кирикѣ и поигѣ,—которую Вересай не зналъ.

Заслуги остаются заслугами, а факты фактами.

Но какими бы соображеніями ни руководствовался Кулинъ при такомъ обращеніи въ печати съ именемъ и репертуаромъ Вересая,—дѣйствительнымъ и условнымъ,—всѣ письма его къ этому пріятелю-кобзарю чрезвычайно интересны также по тому вниманію, которое обнаруживается въ нихъ со стороны Кулина и его сотрудникъ, В. Бѣлозерскаго, Жемчужникова, Шевченка, къ народному пѣвцу. Кулинъ помнить о немъ, писать къ нему изъ далекаго Петербурга, отрываясь отъ массы работы, находя время для длинныхъ писемъ къ нему даже среди своей киучей дѣятельности въ Варшавѣ, когда онъ состоялъ членомъ Учредительного Комитета. Затѣмъ—Кулишъ посыпаетъ Осташу Вересаю не только письма, по книги и деньги; не велики посыпаемыя денежныя суммы, но, повидимому, не велики были и потребности Вересая: изъ одного письма видно, что когда онъ самъ обратился къ своимъ пріятелямъ-литераторамъ съ просьбою о помощи, то просилъ всего 4 рубля... И деньги были ему посланы. Затѣмъ слѣдовали новыя посылки,—онѣтъ таки всего по иѣсколько рублей,—

но много ли найдется ученыхъ корреспондентовъ, которые,—использовавши субъектъ, послужившій имъ источникомъ цѣнныхъ (и полезныхъ для ихъ ученой славы) материаловъ,—помнили бы о нёмъ въ далекой сторонѣ и посыпали бы ему денежныя пособія?... А Кулишъ это дѣлать. Это тоже является фактомъ.

Кромѣ Кулиша, посыпали Вересаю деньги Бѣлозерскій и Жемчужниковъ. Чрезвычайно трогательна одна цириллица Кулиша (къ письму № 5), въ которой говорится также о денежной прібавкѣ Вересаю и отъ Тараса Гр. Шевченка. Не велика эта его посылка, всего 1 рубль, но по истинѣ можно уподобить еї евангельской дорогой лентѣ убогой вдовицы, когда вспомнимъ, какъ скучны были достатки самого Тараса Григорьевича.... Вниманіе его къ кобзарю Остану сказалось также въ посылкѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и книги своихъ сочиненій, съ надписью—«руки своеи власної». Гдѣ-то теперь эта книга? какую службу она служила въ Сокиренцахъ, и какова была падпись Кобзаря-писателя на подаркѣ кобзарю «невыдѣющому»?...

Онѣтъ таки, много ли авторовъ, посыпающихъ авторскіе подарки такимъ безвѣстымъ пріятелямъ изъ народа?... Характерно для того времени и для тѣхъ людей!...

Что до вниманія Кулиша къ Вересаю, то онъ не только писалъ ему длинныя письма, но, повидимому, и тщательно обдумывалъ ихъ, отдѣльная также форму писемъ,—являясь и здѣсь тѣмъ прекраснымъ стилистомъ, какимъ онъ былъ вездѣ. Можно думать, что Кулишъ, писавши къ Вересаю, принаравливается къ его складу мыслей, къ его міросозерцанію: біблейской простотой, «набожностью» и кротостью, покорностью судѣбѣ вѣтъ отъ этихъ писемъ...

Своебразными являются нѣкоторыя мѣста писемъ Кулиша къ Вересаю—изъ Варшавы. Не симпатичны эти мѣста своимъ не въ мѣру торжествующимъ, злораднымъ топомъ: «Довелося *намъ* старынуваты надъ ляхамы», «мы гнуздаемъ ихъ» и т. д. Какъ объяснить эти длинныя самомнительныя тирады Кулиша въ письмѣ къ украинскому простолюдину? Дѣйствительно ли въ Кулишѣ заговорила, торжествуя, кровь «козацкой дытыны», потомка со-

словія, еще живо помнившаго кровавые счеты, или и здѣсь Кулишъ до нѣкоторой степени хотѣть быть въ своихъ письмахъ только *понятніе* кобзарю, пѣвицу думъ о былыхъ «утыскахъ» и «чварахъ»?

Во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что, говоря свои торжествующія рѣчи,—при чемъ быть можетъ даже нѣсколько преувеличивая свое значеніе (хотя все-же членъ «руссаго Учредительнаго Комитета въ Варшавѣ» —былъ тогда лицомъ довольно важнымъ!),—Кулишъ не говорить: «*юре побѣжденнымъ!*» Напротивъ, онъ говорить: «но мы не хотимъ теперь мстить полякамъ, не хотимъ обижать ихъ, какъ они обижали насъ, мы хотимъ только правды, хотимъ сдѣлать какъ лучше для нихъ же, освобождалъ ихъ *народъ* изъ подъ *панской* и всякой иной неволи и кривды.—Эти прибавки и разъясненія Кулина значительно стушевываютъ чесимпатичныя фразы его варшавскихъ писемъ,—въ общемъ являющіхся любопытными документами своего времени. Но при чтеніи каждой фразы этихъ писемъ слѣдуетъ помнить, что Кулинъ желалъ приоравливаться къ понятіямъ человѣка изъ народа.

Интересно, въ своемъ родѣ, коротенькое письмо Л. Жемчужникова (№ 5). Оно привѣтливо и показываетъ искреннее расположение къ приятелю-кобзарю, но... довольно прочитать въ подлиннику это короткое письмце, чтобы предположить, даже судить съ увѣренностью,—какъ много обязаны его полтавскіе разсказы, помѣщенные въ Зап. о Ю. Р., редакторскому перу Кулина, не рассказавшаго ихъ! Хотя Жемчужниковъ и называетъ себя «Левкомъ», но слишкомъ замѣтна самозванность этого Левка,—родомъ великоросса (изъ калужской губ.): краткое письмо его не только лишено характерныхъ украинскихъ выражений, но авторъ его плохо управляетъ и съ фонетикой украинской, со звуками і и ѿ; в и у, путаетъ тебѣ и тебе и т. д. Пѣть, не блестали бы вообще такимъ прекраснымъ украинскимъ языкомъ сказки, помѣщенные въ Зап. о Ю. Р., «слышанныя» Львомъ Жемчужниковымъ, если бы по нимъ не прошлась рука Панька Кулиша!...

«Земля ему перомъ!» Пусть живеть въ сердцахъ земляковъ добрая память о немъ, благодарная за все то великое добро, которое онъ сдѣлалъ для украинского слова.

О. Пчилка.

P. S. Отвѣтныя письма Вересая—напечатаны; въ издаціи, составляющемъ чрезвычайную библіографическую рѣдкость (галицкая Правда за 68 г.), особенно у насъ. Письма эти, диктованныя Вересаемъ, или во всякомъ случаѣ писанныя отъ его имени, представляются также любопытный документъ. Пока познакомимся съ письмами Кулиша.

№ 1.

Любезный мій друже Остапе!

Посылаю тоби ту книжку, котру я тоби чытавъ у тебе въ хати. Дай Боже, щобъ вона показала тоби дорогу до царства небесного. Пропшу тебе помолиться и за мене Богу, щобъ Богъ пославъ мени добрый разумъ, на науку людямъ. А мы тебе зъ Левомъ Михайловычемъ завсигда спомынаемъ, и въ книжци твій партретъ напечаталы. Пришли тоби колысь и ту книжку съ партретомъ. Тенерь вона ще не готова.

Бувай же здоровъ да не забувай насъ. Посылаю тоби и грошей шість рубливъ; трь одь мене, а трь одь Лева Михайловыча. Може, въ тебе есть яка нужда, то покрый свою нужду сими грошымъ.

Оце брате Остапе, збираємось мы у далеку дорогу, до чужыхъ земель, учыться всякого разуму. Попросымо тебе, помолись за насъ Богу. Може, Богъ твою мужычу молыту почue скоріше, нижъ нашу панську. Не за гроши наши помолись Богу, а за те, що мы пырою душою бажаемъ усякому добромъ чоловикови святого добра.

Якъ будемъ вертаться зъ чужыхъ земель, то зайдемъ до тебе послухати твоихъ писень и розумныхъ ричей твоихъ.

Щырый пріятель твій И. Кулишъ.

1856, декабря 10. С.-Петербургъ.

№ 2.

Що жъ се мени ніхто не перешле ци словечка про мого друга Остапа? Колы живѣ; то передайте ёму си три карбованця; колы жъ нема вже ёго на сёму мизерному свити, то зайдить іншу убогу людину зъ безталаныхъ рабинъ панськихъ и, не даючи въ руки, спрятавъ на іи яку ій треба одежыну¹⁾.

№ 3.

Друже мій Остане!

Радію душою, що мій гостынчыкъ зна добывся тоби въ хазяйстві. Просыпъ ище четыри карбованця на телычку,—посылаю. Дай Боже тоби диждаты свого скорому. Збиралось и я на Україну, и може побачу тебе и поражусь зъ тобою, якъ у свити жити. А Левъ Михайлловичъ ажъ у Парижи. Не скоро до насть вернется. Напышы до мене, якъ ты свое жытіе совершаешъ, чы йе яка тоби утиха, чы знай сумуешъ слишуючи. Ми й выдющи люде, да і мы не багато добра зазналы По правди тоби скажу, що живемо тильки для того, що така воля Божа, а по своїй волі—то дáлеби и не схотивъ бы того жыття мизерного, того щастя злыдненого...

Бувай здоровъ та не забувай свого Ѣзырого
приятеля Панька.

1859, марта 22. С.-Петербургъ.

---

¹⁾ Это—отрывокъ изъ письма Кулиша, неизвѣстно кому писанного; сохранился только одинъ листочекъ, безъ даты.

№ 4.

Коханый друже нашъ Остапе!

Спасыби Богу, мы живемъ на свити не згиршъ одь иныхъ людей. Шкода, що бувши на Вкраини, не зайихавъ у Сокырепци, щобъ зъ тобою въ смаисъ наговорытись. Що жъ се ты, Остапе, такъ нескоро до насъ обизвався? А мы вже думалы, що чы не очортило тоби на свити жыты та чы не пишовъ ты ище на той свитѣ спиваты! Колы бъ то Богъ памъ давъ укупи зъ тобою на тому свити: оть бы вже гарно було—такъ! Тамъ уже піякого дила не трѣба робыть, то все бъ тебе слухалы, а тутъ часомъ и борщу николы сёрбнуты. А ты, Остапе, може, думаешъ, сыдячы тамъ у Сокыренцяхъ, що мы тутъ на броку лежымо. Ни, братику, мы не дурно хлібъ йимо. Тымъ то, ипколы и хотивъ бы сюды-туды пойихаты, та певоля наша, що дила свого падовго покынуты не можно. Отсе жъ тильки й осталось памъ листами зъ тобою перекидатись. Пышы жъ до насъ не линуючысь, щобъ зналы мы, якъ тоби тамъ у Сокыренцяхъ на свити жыветься.

Прощай, та не забувай твого друга П. Кулиша.

1860, окт. 23. С.-Петербургъ.

Носылаю й я тоби два карбованца гостыща.

№ 5.

Коханый друже Остапе! ¹⁾

Часто я тебе згадувавъ ²⁾ и згадую. Жду не дождусь, коли то мы побачимось, щобъ послухати твоихъ старосвітськихъ циcень. Спасиби тоби за память, спасиби и за те що мыслишъ мини и мої жинці зъ диткамы. Не забувай мене и якъ тилько мене згадаешъ заразъ и пиши до мене листъ та й прописуй усе

¹⁾ Письмо это печатаемъ съ сохран. правописанія подлинника.

²⁾ Написано «згадуваль», исправлено—«згадувавъ»;

свое житє. Нехай тебе¹⁾) Богъ на світі держыть людямъ на науку а твоїй жінці та дітямъ на підмогу и утіху. Гляды жъ щобъ ты; молодшіхъ понаучувавъ своіхъ пісень, щобъ твои пісни зъ тобою разомъ не повмірали²⁾.

Бувай же здоровъ зъ жинкою и зъ³⁾ диткамы, та сгадуй мене друга твого Левка Жемчужного.

1860 года, С.-Петербургъ.

Посылаю тоби два карбованці гостынця.

Приписка къ этому же письму рукою Кулиша.

Якъ написалы мы до тебе, Остапе, лысь, тутъ саме пагодывсь до насъ у хату нашъ славный на увесь світъ кобзарь Тарасъ Шевченко, та й каже: «Нате жъ и одъ мене карбованця, щобъ и моя була пам'ятка въ Остапа, бо я ёго знаю, я чытавъ про ёго у одній книжцы, де ёго писни надруковани». Отъ тоби ще карбованець прыбавывсь про твою нужду, Остапе! Та ще роздобрывшысь посылае тоби Тарасъ Грыгоровычъ и свою книжку, зъ надпysомъ руки своеи власнои.

№ 6.

Я оце, друже мій Остапе, вернувся зъ далекой дороги, тай найшовъ у господи твій лысь, що ты пысавъ ище ажъ на провесни. Дуже бажаю послухати твого співання любого, та ніякъ не ввернусь до тебе з腋ихаты; а все жъ прошу тебе не забувати мене на сій гиркій чужини, що ни слова ридного не почуешъ, ни облыччя земляцького не побачышъ, а все вже те перемоскалене и перепимечене. Тильки трыйдцять денькивъ и пожывъ я, Остапе, пройиздомъ па Вкраини,—не можно було бильше, та, якъ прыйхавъ сюды, у сей городъ тисний та холодный, та якъ стривъ одного свижого землячка, що ѹй дывытся и розмовляє такъ, якъ у насъ добри люде по селахъ, то далеби трохи не заплакавъ!

¹⁾ Написано — «тебѣ», рѣзко исправлено — «тебе»

²⁾ Написано — «поумірали», испрвл.— „повмірали“.

³⁾ Напис.: „сь“, испр. «зъ».

Посылаю жъ тоби, друже Остане, про твою нужду ще два карбованця, а ты мене тоди згадай у души твоїй, якъ найкраңцу писню самъ соби заспиваешъ.

Зъ Левкомъ Мыхайлловычемъ ще не бачывся, а якъ побачусь, то й листъ твій передамъ ёму.

Щиро прыхильный до тебе П. Кулишъ.

1861, сент. 14. С.-Петербург.

№ 7.

Прощу тебе, друже мій, Остане, прислати мени ту писню, що ты зложивъ, у Полтаву, надпysавши письмо просто на мое имя; бо я оде вже збиралось на Вкраину. Посылаю тоби книжечку моего компонування. Назвавъ я ін *Досвітки*. Нехай тоби прочитають, щобъ знатъ ты, якъ я живу въ свити и про що я думаю, про що згадую, чого людямъ бажаю. Все те писеннимъ складомъ прописавъ я.

Посылаю тоби й карбованця грошей про твою нужду, а якъ дастъ Богъ, що побачимось, то може й бильшъ у кышени для тебе знайдеться.

Левъ Мыхайллович пойхавъ ажъ у Цензенську губернію. Бувай здоровъ, друже Остане, та не забувай мене. П. Кулишъ.

1862, березоля 14, С.-Петербургъ.

Посылаю тоби ще книжечку про Хмельницького, якъ винъ выбывсь изъ-підъ ляхівъ, моє жъ таки компонування.

— — — — —
№ 8.

Р. Б. 1865, листопада 16-го дня, зъ Варшавы.

Давно вже, коханий друже Остане, не славъ я до тебе листа, та й засумовавъ, не мавши видъ тебе висты. А ты, може, в радъ обизватись до мене, таєтъ не знаешъ, де я обертаюсь. Завела мене доля ажъ за ричку Выслу, у городъ Варшаву. Суды-

лось, бачъ, козацькымъ дитямъ порядкуваты въ лядському краи, такъ, якъ порядкувалы колись ляхи въ нась на України. Тильки вони згорда памы орудовалы и добра памъ не мыслылы, а мы пораемось у ныхъ по-христіянськи. Вони въ нась простый людъ у неволю поверталы, а мы лядську чернь вызволяємо на водо зъ-пидъ несвятыхъ панивъ, та й самимъ панамъ неправды ніякої не робымо, тильки не даемо имъ верховодыты по-шляхецькій, а нахыляемо ихъ пидъ закопъ. Отъ на таке то дило и мене зазвано у Варшаву, а козакъ до сего торгу пишки, бо ёму любо ляха гнуздати. Слава Богу, що мы таки людё пе пикчени и ѹє зъ нась користь Цареви нашому и всёму православному мырови. Ну, и живеться нашему братови въ Варшави таки й геть добре. Воно бъ то въ хутори було краце сидити, та не всимъ же пасишикуваты або шахарствуваты. Отъ и ты, Остапе, маєшъ не таке, якъ інши люде, дило, та, й безъ тебе не можно обійтись мырови Божому. Тебе на те создавъ Господь, щобъ не забувалась на свити наша стара старовына. Темний ты чоловикъ, а якъ заграєшъ у бандуру та заспиваешъ, то и въ такого серце стрепенеться, що ввесь свить изийздывъ. Тымъ твоє дило, друже Остапе, спасенне, и ты на свою долю не нарикай, хочъ вона тоби и гирка здається. Одарывъ тебе Богъ розумомъ и словомъ такимъ, що видючи въ тебе учатся и пысъмени люде тебе поважаютъ. Отъ я и за Выслою про тебе згадую, наче братъ про брата, а все черезъ те, що Богъ тебе создавъ кобзарюваты. Не забувай же и ты мене, друже, и прышли мепи оповидання про твоє життя старече, про твоє горе и про радисть, колы маєшъ ії. Щысаты жъ до мене такъ: въ Варшаву, оттакому-то, въ Учредительный Комитетъ.

Пріятель твій П. Кулинъ.

№ 9.

Розумни, мабуть, коло тебе и люде, друже Остапе, що вмили такъ гарно твои слова пропысаты, ото жъ не сумуй и не

вдавайся въ тугу, що твоя доля така щербата! Йе тоби кому й заграты й засциваты, ѹе зъ кымъ розумне слово сказаты. Отъ и пашь Галаганъ тебе, якъ бачу, поважає за твое кобзарство. Хвалы Бога мылосердного, що пры твоїй темноти, зможешъ ты своїмы устами таки словеса проповидаты, ѹо й великомъ панамъ и вбогымъ людямъ однаково до вподобы. Може бъ, чые серце й заснуло въ роскоши, а ты єго збудышъ своею писнею и на добре дило наведешъ. А другій чоловикъ, зъ великого клопоту, серцемъ туманіе,—ты й того розважышъ, звеселышъ, або розжалобишъ своею бандурою. Се дило святе, Остапе, друже мій любый. Згадай, якъ у церкви читають зъ апостола Павла: *духа не удашайтє*. Слово апостолове и до тебе прыходиться: щобъ ты не скупывсь передъ людьми на спливання и на розумни розмовы. Выдючымъ дано одъ Бога одно дило, а тоби друге, и все жъ однаково потрибне на свити. Отъ же ты не сгашай своего духа, а ѹо маєшъ на серци, все выспивуй и словами промовляй. Ще жъ до сёго треба тоби, друже Остапе, знайти хлоцця такого, щобъ уси твоїи писни перенявъ. Нехай вони не вмирають, якъ прыйде годына, для всіхъ едина. Ты подумай тильки, яке велике добро зробивъ бы ты вбогому хлоццеви, навчывши єго тыхъ думъ, ѹо за ныхъ тебе паны шанують. Одно се дило одчынило бъ тоби двери у царство небесне. Колы тоби добре черезъ твоїи спивы, то нехай сёго добра и хто іншій дознає. Сежъ у тебе скарбъ давній, предківський: таќи не чесно було бъ тоби єго у землю зъ собою закопувати. Нехай не вмирає предківська слава, ѹо були колись козаки, славне лыцарство, и вызволялы зъ-пидъ ляхивъ ту саму землю, де ты живешъ, и оборонили виру православну видъ латынцівъ католиківъ и руського миру прыбавылы геть ажъ по Чорне море, ато були загарбалы ляхи и Дніпро, и Десну, и Сулу и всі земли ажъ по-за Ворсклу. Тымъ и треба тоби славыты твоїми писнями козаківъ, нашыхъ предківъ; нехай люде знаютъ, якъ вони зъ-пидъ лядської кормыги вызволыlyсь; а щобъ слава козацька во вики вични не вмирала, навчай своихъ писень усякого охочого, не вважаючи, яка тоби зъ того буде корысть. Тоди я

тебе ще бильшъ поважатыму, и твоя память навики на земли зостанется.—Посылаю тоби, друже Остапе, на твое убожество четыри карбованця грошей,—два видъ мене, а два видъ мого родыча Васыля Билозерського, щобъ ты насъ обохъ помынавъ у своихъ молитвахъ. Про свое жыття пышы до мене листы, щобъ я знатъ, чы жывый ты ще, чы здоровый.

Пріятель твій правдывый П., Кулишъ.

Року Божого 1866, січня 10 дня, зъ Варшавы.

№ 10.

Велыка була мени втиха чытаты твій розумный листъ, друже мій Остапе, а ще бильша була бъ, колы бъ я тебе своими очыма побачывъ и ушыма почувъ. Отъ же негайна робота держыть мене далеко видъ мого хутора, та ще й довго держатыме: Хотъ же часомъ и важко бувае серцю на чужыни, а все жъ такы слава Господеви, що диждалы козацьки диты пануваты надъ ляхамы. Скоро про се згадаю, заразъ увесь сумъ зныне зъ душы. Ой тяжко жъ бо колысъ було нашымъ предкамъ падъ ляхамы, що повернулы булы всю нашу Дніпрову Русь у мужыцтво и виру нашу прозвали *мужыцькою вирою*. Попы наши благочестиви робылы на католыківъ панщыну, ишли въ пидводы и одувалы всякий одбутокъ ривно зъ посполитыми, а подушне ляхамъ платылы протопопы и архимандрыты, не то що! Теперь же—хвалыты Господа—мы взялы надъ ляхамы гору и въ руськихъ земляхъ, и въ лядській земли. Оцей самий Кулишъ, Остапе, що до тебе листы пыше, старшыне въ Польщи надъ усимъ католыцькымъ гóленымъ попивствомъ, и хылятся передъ нымъ ксёндзы такъ, якъ хылылъсъ колысъ наши священники передъ вельможными папамы ляхамы. Такъ чы не одрада жъ козацькому серцю сю дыровыжу сиравляты! Може бъ іншый козарлюга вернувсь изъ раю, абы на таке подывытысь. Тильки жъ мы не згнущалысь; мы доглядаемо, щобъ воны людей не обдурювалы, щобъ мыромъ не колотылы, та й годи. Отъ же и те важко ксёндзамъ

прелатамъ и бискупамъ, бо мынулася ихъ пыха велика, мыпупилось ихъ несыте нацування. Вони бо, колы хоченій знаты, орудували всими величкими дуками въ Польши и самого круля польського до чого хотя прыводылы; а теперъ мусять у насъ изъ руки дывытысь. Такъ Богъ смыривъ гордыню католицьку. Не легкѣ жъ дило сыхъ пройдysвітивъ гнуздаты: великои треба тутъ працы, а ще бильшои обачности. Тымъ то й до свого хутора николы мени навернутысь. Да вже жъ колысь упораюсь трохы, то прыбижу хочь на малый часъ до-дому. Тоды и тебе, друже Остане, жывымъ словомъ прывитаю. Прышло по тебе коныка, щобъ ты до мене у хуторъ Цидубенъ прыйиханъ изъ своею кобзою, та щобъ мою душу звеселывъ козацькими старосвітскими думамы. Посылаю на твое убожество два карбованца и прошу тебе не вдавайся у тугу, щобъ твого вику стало мени на старисть. Якъ буду колысь у хутори кбло пасики вику дожываты, то й тебе, Остане, прытулю коло себе, и що-дня зъ тобою про старосвітчину размовлятымемъ и про козацьку славу спиватымемъ.

Щырый прыятели твій Панько Кулішъ.

Р. Б. 1866, м-ця червня, зъ Варшавы.

№ 11.

Посылаю тоби, друже Остане, на твое убожество пыть ру-
блевыхъ бумажокъ, а лыста на сей разъ не пылу, бо не маю
часу; а ты мени напышы, якъ тоби жывется на свити, та не
вдавайся у тугу; жды, покы я выйду зъ службы; тоды жытымемо
зъ тобою въ мене па хутори.

Щырый твій прыхильныкъ Панько Кулішъ.

1866, октября 18, зъ Варшавы.

Николай Иванович Савичъ.

(Прикосновенный къ дѣлу украинскаго Кирилло-Мефодіевскаго
Общества — 1847 г.).

—

Въ журналь «Русская Мысль» за 1885 г.—въ № за май и юнь—напечатана была въ первый разъ «Автобіографія Н. И. Костомарова». Здѣсь мы, между прочимъ, читаемъ: На зиму (1846 г.) опять сѣхались въ Кіевѣ всѣ члены Общества (Кирилло-Мефодіевскаго) и постоянно собирались то у одного, то у другого. Въ концѣ года пріѣхалъ въ Кіевъ Савичъ (брать профессора С.-Петербургскаго университета), собиравшися въ Парижъ, познакомился со иной, и я завербовалъ его въ Общество. Онъ такъ увлекся имъ, что измѣнилъ планъ своею путешествія и, вместо Парижа, рѣшилъ пхать въ славянскія земли для распространенія идей Общества. 25 декабря 1846 г. было рожденіе днемъ для членовъ Общества. Собрались мы въ квартирѣ Гулака: былъ и Савичъ. Шевченко и я горячились, мечтали о томъ, какъ разрастется Общество; Шевченко, по своему обыкновенію, выражался не совсѣмъ цenzурно о существующихъ порядкахъ. Между тѣмъ за стѣной сидѣть иѣсто Петровъ и записывалъ все, что говорилось; потомъ оттѣ Петровъ сблизилсѧ съ Гулакомъ, втерся въ его довѣріе и, узнавши окончательно всѣ подробности и планъ Общества, написать доносъ въ III отдѣленіе.— Но бѣда обрушилась на членовъ Общества не такъ скоро. Носятъ

того мы еще прожили спокойно болѣе трехъ мѣсяцевъ: *Савичъ уѣхалъ заграницу тогда же—въ декабрь*. (Май, стран. 212).

Въ книгѣ: «Литературное наслѣдіе» Н. И. Костомарова (Спб., 1890 г.) также напечатана автобіографія Костомарова; но здѣсь эпизодъ о *Савичѣ* имѣть уже чѣкоторые варіанты. Вотъ что мы здѣсь читаемъ объ этомъ: «Наступили рождественскія святки (1846 г.). Въ Киевѣ пріѣхалъ старинный мой знакомый, бывшій нѣкогда студентъ Харьковскаго университета, *Савичъ, помѣщикъ гадячскаго уѣзда*. Онъ тѣхъ въ Парижъ. Въ первый день Рождества мы сошлись съ нимъ у Гулака на Старомъ юродѣ—въ домѣ Андреевской церкви. Кромѣ него, гостемъ Гулака былъ Шевченко. Разговоры коснулись славянской идеи. Мы разговаривали, не стѣсняясь и не подозрѣвая, чтобы наши рѣчи кто-нибудь слушалъ за стѣной съ цѣлью перетолковать ихъ въ дурную сторону. А между тѣмъ такъ было»... (страница 67-я).

Въ «Русскомъ Архивѣ» 1892 г. въ № 7-мъ—въ статьѣ: «Объ Украино-Славянскомъ Обществѣ» (докладъ графа А. Ф. Орлова 28 мая 1847 г.) находимъ такія свѣдѣнія: «По доносу студента Алексея Петрова генераль-губернатора Бибиковъ 17-го марта 1847 г. арестовалъ Гулака; кромѣ того, въ С.-Петербургъ доставлены изъ Киева: Костомаровъ, студенты Андрузскій и Посядя, Шевченко; изъ Варшавы: Кулишъ и Бѣлозерскій; изъ Полтавы—дѣйствит. студентъ Навроцкій. Еще вытребованы изъ Киева студ. Марковичъ и изъ-заграницы помѣщикъ полтавской губерніи *Савичъ*.—Рѣшеніе дѣла: «Настоящее дѣло можетъ быть решено нынѣ, не ожидая доставленія изъ Киева студ. Марковича и изъ-заграницы помѣщика *Савича*, тѣмъ болѣе, что они не были участниками Украино-Славянскаго Общества, и, вѣроятно, суть только украинофилы; слѣд. дѣло о нихъ можетъ быть произведено и докончено отдельно» (страница 343-я).

Въ «Русской Старинѣ» 1889 г.—ноябрь—въ матеріалахъ подъ заглавiemъ: «Къ Истор. Русск. Общества 1807—1849 гг.»—между прочимъ читаемъ: «1847 г., марта 24. Начальникъ Петербургской губерніи далъ знать надлежащимъ лицамъ и учрежденіямъ, что: въ 1846 г. отправились заграницу: а) *Помѣщикъ*

полтавской губернії, гадячскою уѣзда — Николай Иванович Савичъ; б) служащій въ С.-Петербургѣ Пантелеймонъ Александровичъ Кулешъ, посланный заграницу Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія для изученія славянскихъ царѣчій — и в) дворянинъ Федоръ Васильевичъ Чижовъ... Нынѣ, въ мартѣ 1847 г., по встрѣтившейся чрезвычайной надобности, состоялось новеллѣніе, при возврашеніи означенныхъ Савича, Кулеша и Чижова, въ Россію, задержать ихъ на самой границѣ, отпечатать, не разсматривая на мѣсто, всѣ ихъ бумаги и вѣщи и тотчасъ вмѣстѣ съ оными отправить въ С.-Петербургъ, въ III отдѣленіе, въ сопровожденіи самаго благонадежнаго и вѣрнаго чиновника и подъ строжайшимъ надзоромъ». Къ этому мѣstu редакція «Русской Старины» сдѣлала такое примѣчаніе: «Всѣ поименованыя здѣсь лица, немногого лѣть спустя, въ царствованіе Александра II, прославились какъ знаменитые: ученый (Савичъ), писатель-издатель (Кулишъ) и публицистъ-экономистъ (Чижовъ), и всѣ заняли видное и почетное мѣсто на ряду образованныхъ и полезныхъ своему отечеству и Государю русскихъ общественныхъ дѣятелей» (стр. 368-я).

Очевидно, редакція «Русской Старины» смѣшила арестованного въ 1847 г. Савича съ извѣстнымъ профессоромъ-математикомъ Савичемъ, хотя изъ автобіографіи Н. И. Костомарова—въ «Русской Мысли» 1885 г.—она могла уже узнать, что это былъ только братъ профессора Савича (двоюродный?).—Естественно, вслѣдь за этимъ появились въ «Русской Стариинѣ» поправки и дополненія по поводу сдѣланнаго редакціею ея смѣшенія двухъ различныхъ Савичей. Именно—въ декабрьской книжкѣ того же 1889 г. Ф. С. Глинка сдѣлалъ поправку, что «академикъ и профессоръ астрономіи называется Алексѣй Николаевичъ Савичъ и что другого ученаго съ этой фамиліей не существуетъ». (Стран. 846-я). Въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за 1890 г. появилась дополнительная замѣтка И. А. Тютчева подъ заглавиемъ: «Дѣятели науки Савичи». Здѣсь названы: 1) Академикъ Алексѣй Николаевичъ Савичъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета, 2) Н. Ф. Савичъ и 3) Вихранъ Иванъ Савичъ (стр. 760-я).

Но воть что замѣчательно: въ то время, когда на страницахъ «Русской Старины» шелъ, такъ сказать, *нова́льный обыскъ* о пѣкогда арестованномъ по прикосновенію къ Украино-Славянскому Обществу *Николай Иванович Савичъ*, — этотъ послѣдній преснокойно жилъ себѣ въ Одессѣ... Уже онъ въ это время былъ глубокимъ старикомъ — и не было у него охоты напоминать о себѣ въ печати по поводу *дѣлъ давно минувшихъ дней...* А можетъ быть онъ и не зналъ, что его *разыскиваютъ...* уже не полицейскія власти, а русскіе историки... Но дивно то, что ни одинъ изъ интеллигентныхъ друзей *Никол. Иванов. Савича* (а у него ихъ было много въ Одессѣ...) не отозвался въ «Русскую Старину». Въ такой неизвѣстности для «Русской Старины» *Николай Иванович Савичъ* и окончилъ дни свои — въ Одессѣ 20 мая 1892 г. — Въ одной изъ мѣстныхъ газетъ — именно въ *Одесскомъ Вѣстнике* (отъ 29 мая 1892 г. въ № 135-мъ) появился его *некрологъ*, написанный однимъ изъ его друзей — проф. *Владимиromъ Алексѣев. Яковлевымъ*. († 10 апрѣля 1899 г.) Мы считаемъ не лишнимъ привести здѣсь этотъ некрологъ цѣлымъ: «*Вчера (22 мая) въ 6 часовъ утра, скончался одійъ изъ одесскихъ старожиловъ и городскихъ общественныхъ дѣятелей *Николай Иванович Савичъ*. Послѣдній родился въ имѣніи отца своего, полтавскаго помѣщика, въ 1808 г. и получилъ образование въ Харьковскомъ университѣтѣ, гдѣ окончилъ курсъ въ 1827 г., послѣ чего служилъ въ драгунахъ и сдѣлалъ Турецкую кампанію 1828—1829 гг.; чрезъ два года послѣ заключенія мира Савичъ вышелъ въ отставку и жилъ нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ своего отца, гдѣ имѣлась довольно большая библіотека, состоявшая по преимуществу изъ произведеній французскихъ писателей X—XVIII в., чтеніемъ которыхъ онъ увлекался, такъ что о немъ можно смѣло сказать, что онъ былъ воспитанъ энциклопедистами и Вольтеромъ, и не даромъ близкіе его знакомые называли его «послѣднимъ вольтерьянцемъ». Послѣ смерти отца, въ 30-хъ годахъ, *Николай Иванович* отправился заграницу — прямо въ Парижъ, куда влекла его возможность довершить свое образованіе въ томъ же усвоенномъ имъ «вольтерянскомъ» направлениіи. Въ Парижѣ Савичъ*

прожилъ три года, слушая лекціи въ «College de France» безъ всякой системы, болѣе серьезно занимаясь химіей, знаніе которой ему было необходимо для веденія сельскаго хозяйства. Возвратившись въ началѣ 40-хъ годовъ на родину, напрѣкъ волтерьянецъ провелъ нѣсколько лѣтъ безвыѣздно у себя въ деревнѣ, изрѣдка выѣзжая въ Полтаву и Кіевъ, гдѣ онъ сошелся съ Шевченкомъ, Костомаровомъ, Кулишемъ, Гулакомъ и вступилъ въ члены, такъ называемаго, тайного Общества Кирилла и Меѳодія, такъ что, когда члены Общества были арестованы (въ 1847 г.), въ числѣ ихъ былъ арестованъ и Савичъ; но чрезъ полгода онъ былъ освобожденъ и высланъ въ свое имѣніе, гдѣ прожилъ безвыѣздно два года.—Въ 1848 г. Н. И. Савичъ переселился въ Одессу, сошелся съ профессорами тогдашняго Ришельевскаго музея и по своему уму и образованію стать однимъ изъ весьма замѣтныхъ членовъ историческаго одесскаго интеллигентнаго Общества. Когда изданіе «Одес. Вѣсти.» (въ 1858 г.) перешло въ руки профессоровъ Богдановскаго и Георгіевскаго, Савичъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ этой газеты. Здѣсь имъ, напечатано нѣсколько фельетоновъ и статей по экономическимъ и общественнымъ вопросамъ. Между прочимъ, на страницахъ «Одес. Вѣсти.» этого года началась впервые въ русской журналистикѣ полемика о классическомъ и реалистическомъ образованіи—между проф. Орбинскимъ (классикомъ) и Савичемъ (реалистомъ).—Со введеніемъ въ Одессѣ мироваго института, Николай Ивановичъ избранъ участковымъ мировымъ судьей. По окончаніи срока избрания, Савичъ совершилъ удалился отъ дѣлъ и нѣсколько лѣтъ безвыѣздно прожилъ въ своемъ имѣніи (волынск. г.); но съ 1878 г. окончательно поселился въ Одессѣ, откуда выѣзжалъ нѣсколько разъ заграницу, при чемъ однажды едва не лишился жизни, будучи ограбленъ на сумму болѣе 200,000 руб. иѣкіемъ Новицкимъ. Дѣло это, безъ сомнѣнія, памятно напімъ читателямъ.—Покойный Николай Ив.-чъ былъ однимъ изъ послѣднихъ мориканъ «старыхъ европейцевъ», очень остроумный, съ скептическимъ взглядомъ на все и всѣхъ. Зорко слѣдя за всѣмъ творящимся въ современномъ, почти совершенно чуждомъ ему обществѣ, онъ всегда дѣлалъ своеобразную оцѣнку текущимъ явленіямъ

общественной жизни, литературы и науки. Съ какимъ восторгомъ относился онъ, наприм., къ Щедрину, Л. Толстому,—хотя находилъ въ нихъ именно то, чего никакъ не могли видѣть современники нашихъ корифеевъ литературы. Оригинальность его проявлялась во всемъ—во виѣшности, вкусахъ и суждепіяхъ.—Еще надо замѣтить одну черту характера покойнаго: онъ былъ однимъ изъ самыхъ пріятныхъ, серьезныхъ собесѣдниковъ,—достоинство довольно рѣдкое у современного поколѣнія. Извѣстіе о смерти его,—мыувѣрены,—вызоветъ искреннее сожалѣніе въ многочисленныхъ его знакомыхъ, глубоко его уважающихъ».

Мне лично удалось узнать кое-что о жизни Н. И. Савича въ Одессѣ, даже больше: я имѣлъ удовольствіе видѣть этого поченного старца, разговаривать съ нимъ и даже павѣстить его въ его домѣ. Разскажу объ этомъ вкратцѣ.

Въ первый разъ я услышалъ о Савичѣ въ 1885 г. отъ протоіеря *Михаила Ильича Діевскаго* († 16 июня 1893 г.)—его стариинаго пріятеля. Протоіерей Діевскій—уроженецъ кіевской губерніи, магистръ Кіевской Академіи 1851 г.—былъ добродушнѣйшій и гостепріимпѣйшій человѣкъ и щирый украинецъ.

Хотя я и услышалъ о Савичѣ, но еще не имѣлъ повода предполагать въ немъ тождества съ бывшимъ знакомцемъ Костомарова, Гулака и другихъ кіевлянъ и съ участникомъ роковыхъ Кирилло-Меѳодіевскихъ разговоровъ въ рождественскій праздникъ 1846 г.... Только по прочтенію «Автобіографії Костомарова» въ *Русской Мъссли*, и особенно послѣ первого свиданія съ Савичемъ, я сталъ приходить къ этому предположенію и поэтому сталъ естественно сильно интересоваться личностю Савича, много видѣвшо и испытавшо на своеемъ вѣку.... Въ первый разъ я увидѣлъ Н. И. Савичаслу—чайно—21 марта 1889 г. въ одесской публичной библіотекѣ, въ комнатѣ завѣдывавшаго тогда этой библіотекой профес. Влад. Алек. Яковлева, съ которымъ я былъ хорошо знакомъ. Савичъ былъ уже глубокій старикъ—средняго роста, плотный, съ красноватымъ, нѣсколько одутловатымъ лицомъ

и... большою окладистою бородою, но еще довольно бодрый и разговорчивый... В разговорѣ онъ между прочимъ упомянулъ, что онъ былъ въ Киевѣ во время ареста Шевченка и что онъ везъ въ Парижъ чюму Шевченка «Кавказъ» для передачи Адаму Мицкевичу и передалъ... Говорилъ также, что видѣлъ Гоголя въ Одессѣ въ 1850 г. на обѣдѣ у Александра Григорьевича Тройницкаго, при чёмъ вездѣ были разставлены сочиненія Гоголя въ разныхъ переплетахъ—и на столѣ, и на шкафахъ—вездѣ¹⁾).— Послѣ этого свиданія, я пришелъ къ несомнѣнному убѣждению, что увидѣлъ того самого Савича, о которомъ Костомаровъ писалъ въ своей «Автобіографіи», и потому стала искать случая, чтобы ближе съ нимъ познакомиться и разспросить его о немъ самомъ и о тѣхъ достопамятныхъ лицахъ, съ коими онъ находился въ сношеннѣяхъ... Я стала просить о. М. И. Діевскаго сходить со мною къ Савичу. Онъ обѣщалъ, но при этомъ говорилъ, что спачала нужно разузнать, можетъ ли насть Савичъ принять; для этого—дескать—нужно прибрать время, ибо съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ прихварывать... да и неудивительно,—тогда старцу было уже 80 лѣть съ лишнимъ... Наконецъ о. Михаиль Ильинъ повелъ меня къ Савичу, жившему въ собственномъ домѣ—на Надеждинской улицѣ, противъ Сабанѣева моста... Николай Ивановичъ принялъ насть радушно—въ своемъ кабинетѣ, какъ быль—въ халатѣ и съ колпакомъ на головѣ... Стало говорить о семъ о томъ... Я стала заговаривать о лицахъ давно минувшаго времени. Николай Ивановичъ отвѣчалъ охотно... Вспомнилъ о Гулакѣ-Артемовскомъ, котораго онъ зналъ въ Харьковѣ еще молодымъ. У Гулака-Арт. онъ видѣлъ Адама Мицкевича, который забѣжалъ въ Харьковъ—по дорогѣ изъ Крыма въ Москву—въ 1826 г.,

¹⁾ Ал. Тройницкій быль тогда редакторомъ «Одесского Вѣстника» и инспекторомъ Института благородн. дѣвицъ. Въ 1857 г. онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, быль товарищемъ министра внутр. д. и членомъ знаменитыхъ «Редакціонныхъ комиссій» по крестьянскому дѣлу,—сконч. 12 марта 1871 г. въ званіи члена Государственного Совета.

весь съ собой знаменитые свои *Крымскіе сонеты*. Гулакъ-Артемъ, перевѣтъ его *Пана Твардовскаго* на малорусскій языкъ; но въ концѣ стихи—это его собственная прибавка. Именно:

Мабудь вси чорты бурлакы,
Тай ще разумъ мають:
Знають, де зимують ракы—
Отъ жиночъ втикають...

Еще вспомнилъ Савичъ объ эниграммѣ на Гулака-Арт., написанной по поводу его стихотворенія: *Панъ та Собака*. Эниграмма эта была собственно пародіей на надпись къ портрету Хераскова. Въ этой надписи были такие послѣдніе стихи:

«Владиміръ» и «Іоашъ» щитомъ его покроютъ
И въ храмъ безсмертія введуть...

Соответственно съ этимъ въ эниграммѣ на Гулака-Арт. было сказано:

Сирко—рябко хвостомъ его прикроютъ
И въ храмъ безсмертія введуть...¹⁾

Не могу хорошошенько вспомнить, кому принадѣжалъ Николай Ивановичъ написаніе этой эниграммы. Кажется, профессору греческаго языка Куниницу.—Еще вспоминалась онъ, при этомъ о какомъ-то французѣ Гибаль, который былъ большой волокита и имѣлъ своимъ соперникомъ Гулака-Артем.... Этотъ Гибаль,—прибавилъ онъ,—былъ послѣ, кажется въ Одессѣ—убить на дуэли французомъ Фе въ первый день Свѣтлаго праздника²⁾.

¹⁾ Объ этой эниграммѣ упоминается въ «Воспоминаніяхъ о Харьковскомъ университѣтѣ М. Ф. де-Пулє, напечатанныхъ въ *Вѣстнику Европы*—въ 70-хъ годахъ...

²⁾ Это, конечно, тотъ самый Гибаль, о которомъ упоминается въ книгѣ, изданной въ Одессѣ проф. А.Л. Маркевичемъ и Петр. Корн. Борзаковскимъ—подъ заглавіемъ: «Ришельевскій Лицей и имп. Но-

Почему-то заговорилъ при этомъ *объ усахъ*—что ихъ нельзя было носить тогда никому, только одни гусары имѣли на это право; даже кирасиры и пѣхотинцы не имѣли этого права... А Гулакъ-Артемъ носилъ усы, и Савичъ вспомнилъ стихи, написанные Артемовскимъ по этому поводу, коихъ былъ такой конецъ:

«Пусть громъ небесный грянетъ
Надъ головой того бородобрья,
Кто жало бритвенно усами чародѣя
Безжалостно... (*далъше не помню*).

Заговорили о Гоголѣ... Николай Ивановичъ сказалъ, что онъ самъ лично зналъ тѣхъ лицъ въ Полтавщинѣ, съ кого Гоголь нарисовалъ Чичикова, Коробочку и другіе свои типы... И стала называть по именамъ и фамиліямъ эти лица... Не могу вспомнить теперь этихъ именъ. Помню только, что Чичиковъ—по его словамъ—это былъ предводитель дворянства въ полтавскомъ уѣздѣ, скупаль у разныхъ помѣщиковъ мертвыя души и заложилъ въ Опекунскій Совѣтъ... Коробочка—была въ зѣньковскомъ уѣздѣ, а также и въ миргородскомъ. Одинъ—не помню какой—изъ героевъ Гоголя былъ мелкопомѣстный помѣщикъ въ гадячскомъ уѣздѣ—имѣль 5 или 6 душъ крестьянъ и назывался *Войко*...¹⁾.

вороссійскій университетъ. Сборникъ, издаваемый бывшими воспитанниками лицея и университета» 1898 г.—Здѣсь говорится, что Гибалъ былъ надзирателемъ лицея и редакторомъ «Journal d'Odessa»; что онъ родился въ Россіи, но получилъ образованіе въ лицѣ Метца и что онъ убитъ на дуэли въ Ботаническомъ саду—*наканунѣ* первого дня Свѣтлого Христова Воскресенія; но не сказано—*кѣмъ* (стр. 64).

¹⁾ мнѣ припоминается при этомъ, что писала дочь С. Т. Аксакова *Вѣра Сергеевна* къ М. Г. Карташевской—въ ноябрѣ 1845 г.: «малороссы вообще, особенно въ Миргородѣ, терпѣть не могутъ Гоголя за то, что онъ ихъ вывелъ въ смѣшномъ видѣ, и говорить, что *Мертвые души* написаны на нихъ-же; всегда выдумываютъ на него всевозможныя сказки, такъ что бѣдную мать часто мучать...». (См. въ *Русскомъ Архивѣ* 1890 г. № 8: С. Т. Аксакова: «Исторія моего знакомства съ Гоголемъ»—страница 151).

И оживился Ник. Ив. Савичъ, вспоминая всю эту старину... Но тутъ произошло одно обстоятельство, которому причиною былъ я и котораго доселъ не могу простить себѣ—и даже удивляюсь, какъ это я рѣшился допустить его, при всей своей осторожности... Рассказы Савича о прототипахъ гоголевскихъ героевъ такъ меня заинтересовали, что я непремѣнно хотѣлъ замѣтить ихъ имена и фамиліи и для этого невольно вынулъ изъ бокового кармана бумагу и карандашъ и собирался записывать ихъ... Когда увидѣлъ это Н. И. Савичъ,—сейчасъ же перечѣнилъ тонъ: пересталъ вспоминать о старинѣ и началъ разспрашивать наскъ о разныхъ текущихъ дѣлахъ... Какъ я потомъ уже ни старался загладить въ глазахъ его свой поступокъ,—ничего не помогло... Ни малѣйшаго упрека не сдѣлать мнѣ Николай Ивановичъ; но о старинѣ своей разсказывать послѣ этого рѣшительно не хотѣлъ... Конечно, онъ догадался, что передъ нимъ—не простой собесѣдникъ, а такой человѣкъ, который можетъ въслѣдствіи цередать его разсказы и въ печати... Очевидно, онъ думалъ, что я начну разспрашивать его объ обстоятельствахъ его участія въ Кирилло-Меѳодіевскомъ обществѣ, а также о подробностяхъ вскорѣ послѣдовавшаго его ареста при возвращеніи его изъ Парижа въ Россію—и проч. и проч.... Очевидно, это было больное мѣсто въ его душѣ, котораго онъ не хотѣлъ, кажется, и повѣрять другимъ... Тяжко ему было, видно, вспоминать объ этомъ... для меня же все это было очень прискорбно потому, что уже лишало меня возможности *въ другой разъ* зайти къ Н. И. Савичу и опять поговорить о старинѣ... Нельзя уже было никакъ напрягаться на разспросы, и нужно было волей-неволей оставить почтеннаго старца въ покое... Онъ радушно угостилъ наскъ чаемъ, и мы съ о. Мих. И. Діевскимъ попрощались съ нимъ... Съ тѣхъ поръ я уже больше не видалъ Н. И. Савича... да онъ вскорѣ и скончался...

Сообщ. А. М.

П. А. Кулишъ и его сотрудничество въ „Искрѣ“ 1859 г.

Самымъ плодотворнымъ періодомъ въ дѣятельности П. А. Кулиша была вторая половина пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ прошлого столѣтія, когда, при всеобщемъ оживленіи русского общества, съ особой силой выдвинулся въ науку и литературу и малорусскій вопросъ. П. А. Кулишъ въ тѣ годы жилъ по преимуществу въ Петербургѣ, работая совмѣстно съ Н. И. Костомаровымъ надъ изданіемъ Актовъ Южной Россіи, готовя изданіе «Записокъ о Южной Руси», сочиненій Гоголя, «Черной Рады» и пр. Всѣ эти серьезные труды не помышляли ему однако принять участіе и въ сатирическомъ журналѣ «Искра», начавшемъ издаваться въ 1859 г. подъ редакторствомъ В. Курочкина и Н. Степанова. Объ этомъ сотрудничествѣ П. А. Кулиша въ «Искрѣ» совершенно забыли и біографы его, и составители бібліографическихъ указателей его сочиненій. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, мы и хотимъ, воспользовавшись указаніемъ на участіе П. А. Кулиша въ «Искрѣ», встрѣченнымъ нами въ книгѣ Мих. Лемке «Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики 19 столѣтія»¹⁾, познакомить читателя съ этой маленькой страницкой изъ жизни и литературной дѣятельности Кулиша.

Изъ всѣхъ сатирическихъ журналовъ, явившихся въ русской журналистикѣ со второй половины 18-го вѣка, безспорно, самое

¹⁾ Сиб. 1904 г., стр. 43.

выдающееся положение занималъ журналъ «Искра», особенно въ періодъ, времени съ 1859 г. по 1864 г. Инициаторами дѣла, Курочкинымъ и Степановымъ, приглашены были къ сотрудничеству лучшія литературныя силы, благодаря чему по всѣмъ вопросамъ русской жизни можно было встрѣтить въ «Искрѣ» талантливо и мѣтко составленныя статьи, корреспонденціи, остроты, и особенно-- каррикатуры. Разсматривая этотъ журналъ за первые годы существованія его, читатель, и теперь не безъ удовольствія остановится на нѣкоторыхъ остроумныхъ изображеніяхъ отрицательной стороны въ тогдашней русской общественной жизни. Совершенно почти обойденъ въ журналѣ малорусскій вопросъ, не дававшій, очевидно, повода издателямъ «Искры» вышучивать и высмеивать его, какъ это многократно дѣлалось и раньше, и позднѣе въ русскихъ журналахъ. Сочувственное отношеніе къ этому вопросу со стороны издателей лучше всего доказывается тѣмъ, что они пригласили къ участію въ журналѣ, въ качествѣ литературного работника, П. А. Кулиша, слишкомъ опредѣленно тогда заявившаго уже себя своимъ *украинскимъ* направленіемъ. Въ какой мѣрѣ было участіе Кулиша въ составѣ редакціоннаго кружка, періодически собиравшагося для совмѣстныхъ обсужденій, намъ не известно, но литературное его участіе выразилось, во первыхъ, въ томъ, что въ теченіе 1859 года за его подписью появилось въ «Искрѣ» три разсказа изъ малорусской жизни—«Панъ Мурло», разсказъ моего пріятеля (№ 7, и 8 и 9), «Сельскій философъ», малороссійскій анекдотъ (№ 38), «На почтовой дорогѣ въ Малороссії» (№ 49). Мы считаемъ, что не безъ участія Кулиша, а во всякомъ случаѣ не безъ его вліянія, было помѣщено въ томъ-же году нѣсколько анекдотовъ изъ малорусскаго быта, а также разсказовъ или совсѣмъ безъ подписи, или за подписями *П. Д.* («Пулечка»—рассказъ изъ провинціальной жизни, съ малорусскими фразами; разсказъ, по всѣмъ примѣтамъ, касается Полтавы—№ 33), *Тихорскій* («Оборотень»—рассказъ изъ малорусской жизни—№ 43).

Ввиду того, что указанные три рассказа П. А. Кулиша совершенно позабыты, а также ввиду того, что «Искра» тѣль

годовъ представляетъ теперь библіографическую рѣдкость, мы решаемъ перепечатать эти рассказы, на первый разъ помѣщая два изъ нихъ, меньшихъ по объему.

В. Н.

I.

На почтовой дорогѣ въ Малороссіи.

Не люблю я—да и никто, надѣюсь—почтовыхъ нашихъ дорогъ въ глухи провинцій. Но нигдѣ онъ такъ не отвратительны, какъ въ Малороссіи. Это каналы, которыми цивилизація, заимствованная у немцевъ, безъ особенной разборчивости, проведена въ разные административные пункты нашего края. Какова была эта цивилизація и какъ она приспособлена къ потребностямъ нашего края нашими бюрократами-предками, мы видимъ на губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нашихъ, где народъ, живущій роскошно при самыхъ ограниченныхъ средствахъ, исплутовался неисправимо и невозвратно. На почтовыхъ дорогахъ она оставила свои обноски, по которымъ легко судить, во что она была одѣта. Почтовыя дороги въ Малороссіи обманываютъ наблюдательность иностранного путешественника до смѣшного, представляя ему образчики народа, чуждаго аборигенамъ, или по языку, нравамъ и обычаямъ, вовсе не-малороссійскимъ, или по искаженію языка, нравовъ и обычаевъ, въ которыхъ златокъ видѣтъ гніеніе вѣтвей, отдѣленныхъ отъ ихъ родного дерева. Трудно даже сказать, какое племенное начало преобладаетъ на станціяхъ и постоянныхъ дворахъ, украшающихъ почтовыя дороги въ Малороссіи. Здѣсь вы встрѣчаете и евреевъ, и цыганъ, и людей Богъ знаетъ какой породы, стекающихся сюда отовсюду на легкую добычу, безъ почтового труда. Представители малороссійского населенія являются между этими владыками торговыхъ, промышленныхъ, а часто и воровскихъ сдѣлокъ, не иначе, какъ въ роляхъ страдательныхъ. Это—или ямщики, которыхъ помѣщикъ, содржатель станціи, обрекъ на вѣчную гоньбу, или дивчата, погубленныя соблазномъ,

пожалуй, увлеченыя бѣдностью на службу станціоннымъ смотрителемъ и евреямъ, содержащимъ станціи. На одной станціи я встрѣтилъ замѣчательный образчикъ изъ этого послѣдняго разряда личностей.

Приѣхалъ я подъ вечеръ. Лошадей мнѣ не дали, потому что ожидали *губернаторскую пропѣзду*. Напрасно было бы предьявлять свои права, особенно съ моимъ ничтожнымъ чиномъ. Одинъ иностранецъ, котораго я засталъ на станціи; сидѣль тутъ со вчерашняго дня, дожидалась, пока проѣдетъ губернаторъ. Въ козацкомъ селѣ, къ которому примыкаетъ станція, достать лошадей не было возможности, по той простой причинѣ, что его смиренные обитатели держать однихъ воловъ, а лошадей не держать. Они убѣдились многолѣтними опытами, что козацкая лошади мало служить хозяину, а большие—мѣстной полиціи, которая, въ лицѣ письмоводителей, въ лицѣ командированныхъ изъ города чиновниковъ или головы, сотскихъ, старшинъ и всякихъ иныхъ властей, безпрестанно ѻздить изъ села въ село...

Волей-неволей я долженъ былъ остаться ночевать на почтовой станціи.

Скука, страшная скука въ этихъ, извѣстныхъ каждому, двухъ комнатахъ, уставленныхъ форменкою мебелью топорной работы! Я пробрался на половину станціоннаго смотрителя. Тамъ за столомъ, прислоненныемъ къ печкѣ, по случаю выбитыхъ стеколь въ окнахъ, засѣдалъ смотритель съ письмоводителемъ станового пристава. Смотритель, дюжій, видный мужчина, по выговору былъ великороссіяпинъ; письмоводитель, высокій, худощавый, съ правильнымъ горбатымъ носомъ—украинецъ. Графинчикъ, стоявшій между ними, чудесно сблизилъ обѣ национальности. У свѣчки, которую только слегка задувалъ вѣтеръ изъ кой-какъ заткнутыхъ оконъ, присѣла тутъ же жена смотрителя, съ какимъ-то шитьемъ, въ капотѣ и платочкѣ на головѣ; а выше ея, на лежанкѣ, сидѣла за пряжею красивая дѣвушка, въ шитой красной заполочью сорочкѣ. Свѣча освѣщала снизу молодой, нѣжно закругленный ея подбородокъ, нижнія части щекъ, красиво вырисованныя ноздри, и сверкала въ глазахъ, которые остановили мое вниманіе своимъ

грустнымъ выражениемъ. Голова повязана была широкимъ позументомъ, въ видѣ діадемы. Сгустившійся за нею мракъ усиливалъ сіянье мишуры. Всѣ прочія лица были или грубо очерчены природою, или искажены хмѣлемъ; это еще больше придавало ей прелести. Подлѣ нея висѣла люлька, которую она потихоньку колыхала ногою...

Разговоръ между смотрителемъ и письмоводителемъ шелъ о сухой вербѣ возлѣ станціи.

— *Чою у васъ отта верба стоитъ, наче чортъ?*—говорилъ письмоводитель.

— Да вотъ, какъ видите, отвѣчать смотритель: стоитъ, да и все тутъ.

— Нѣть, не все, Иванъ Карповичъ, нѣть, не все! Надобно ее срубить!

— Кто же ее срубить?

— Вы срубите! призовите сейчасъ ямщиковъ и срубите.

— Я не имѣю права, Иванъ Петровичъ.

— Я вамъ позволяю!—торжественно сказалъ письмоводитель.

Хоть и не моя воля, но я вамъ позволяю.

— Да чортъ съ нею, Ивааъ Петровичъ! вышайте-ка лучше.

— Выпью, извольте, я выпью; а вербу срубить надо.

— Да зачѣмъ же ее рубить?

— Какъ зачѣмъ? Вы служили въ военной службѣ и не знаете порядка? А что скажетъ губернаторъ?

— Да ничего не скажетъ.

— Вамъ ничего, а мнѣ скажеть. Я командированъ для порядка. Это вы понимаете?... Подѣзжаетъ къ станціи—и что же? сухая верба!... *Стоить, наче чортъ,abo статуя!* «Послушай ты, болванъ!» скажетъ губернаторъ, «зачѣмъ у тебя сухая верба подлѣ станціи стоять?»

— А вы ему скажите... началъ было смотритель, но гость перебилъ его рѣчь съ патетической запальчивостью:

— Что я могу сказать ему? что я могу сказать губернатору?.. Понимаете ли вы это слово: *иу-бер-на-торъ?* Онъ—дѣй-

ствительный статский советникъ, а я передъ нимъ что? Знаете ли, что я передъ нимъ?

— А что же?

Но на этот разъ письмоводитель станового отвѣчалъ словомъ, слишкомъ неблаговиднымъ для печати.

— Нѣтъ, Иванъ Петровичъ, возразилъ смотритель: не называйте себя такимъ поганымъ словомъ: вы коренной дворянинъ. Вотъ я—я хоть и офицеръ, по милости царской, но я изъ простыхъ.

— Дворянинъ я передъ вами, отвѣчалъ съ чувствомъ своего достоинства письмоводитель, а передъ губернаторомъ я...

И онъ опять опредѣлилъ свою личность сравненiemъ, которое, видно, казалось ему очень вѣрнымъ.

Станционный смотритель замолчалъ и поникъ головой въ размышленіи.

— А послушайте, однакожъ...

Тутъ письмоводитель понизилъ голосъ и взглянулъ на дѣвушку.

— Давно?

— На прошлой недѣлѣ крестили.

— А бабенка—чортъ возьми! Не дура губа у гусара. Что маменька, рада внучку?

— Такъ рада, что и отца со двора долой.

— То есть, гусара?

— Нѣтъ, прикащица, отца красотки. Словно, его вина. Сама же взяла дочку въ горницы...

Теперь гусарь уѣхалъ благополучно въ полкъ, а прикащица со двора прогнала.

Письмоводитель не спускалъ глазъ съ дѣвушки во все продолженіе разсказа. Но она углубилась въ свою работу и, казалось, ничего не слышала. Вѣтеръ свистѣлъ за окномъ, врываясь въ разбитыя стекла и колебля нагорѣвшую свѣчу. Веретено жужжало.

Хозяйка не поднимала глазъ на собесѣдниковъ, говорившихъ въ полголоса. Подъ лѣвымъ глазомъ у ней былъ синякъ, въ ко-

торомъ я видѣлъ что-то общее съ разбитыми стеклами, жилистыми кулаками смотрителя и его плотнымъ, угловатымъ лицомъ, которому жесткіе, подстриженные какъ щетки, усы придавали свирѣпое выражение.

— Да, продолжалъ письмоводитель все вполголоса: товарецъ недурной. Что же? и на нашу долю что нибудь выпадеть?

Хозяинъ засмѣялся:

— Есть квасъ, да не для васъ!

— А нашъ квасъ вамъ пригодился, какъ было слѣдствіе?

— Ну, ужъ вы съ этимъ слѣдствіемъ, какъ дурень съ торбою носитесь!

— А гдѣ бы вы теперь сидѣли, позвольте васъ спросить?

— Да ну, полно вамъ, Иванъ Петровичъ!

— Полно, такъ и полно. Только не все же для проѣзжающихъ: отдѣлите малу толику и своимъ. Не все для военныхъ: у штатскаго тоже есть душа въ тѣлѣ.

— Да погодите! еще молодо. Бѣгъ поможетъ, такъ и васъ не обидимъ. Будемъ лучше говорить о сухой вербѣ.

— Проклятая верба! лучше бъ вы про нее и не вспоминали. Подъѣдетъ къ станціи—и вдругъ верба!... какъ черть! какъ статуя!.. А, голова!

Это восклицаніе относилось къ человѣку, съ краснымъ, одутловатымъ лицомъ и сѣдыми волосами, показавшимся въ дверяхъ.

— Вотъ хорошо, что голова пришелъ, продолжалъ письмоводитель. А что это, братъ, у тебя верба сухая подлѣ самой станціи? Твое было дѣло донести по начальству!

— Да я жъ и доносилъ, отвѣчалъ голова басомъ. (Разумѣется, разговоръ идетъ на малороссійскомъ языкѣ, съ прибавкою казенныхъ фразъ со стороны письмоводителя). Я жъ и доносилъ становому, такъ онъ тогда и ничего, а теперь чортъ и насѣль на васъ.

Голова, какъ видно, разбогатѣлъ уже на свое мѣстѣ и не очень церемонился съ приказными. Письмоводитель, однакожъ, обидѣлся, но не за себя.

— Кого это ты, любезный, называешь чортомъ?—сказалъ онъ.—Иванъ Карповичъ, слышите? онъ губернатора чортомъ назвалъ!

Но голова махнула рукой и сказала, обращаясь къ смотрителю:

— Застряла имъ къ горлѣ верба! Вербу заразъ можно срубить, и вы этимъ не слушите съ меня ни полушки. Это ваше дѣло, а не наше. А вотъ скажите мнѣ, долго ли еще мнѣ народъ держать на шляхѣ? скоро ли губернаторъ проѣдетъ? Ровный да и ровный! Какого чорта еще вамъ ровнять? Бокомъ будетъ катиться по шляху губернаторъ, что ли? Эхъ вы, начальство! Посадили бъ меня надъ вами,—научилъ бы я васъ начальствовать!

— Слушай, панъ голова,—сказалъ вдругъ ласковымъ голосомъ письмоводитель, поднявшись съ места и подходя къ головѣ. —Слушай, мой любезнѣйшій. Ты человѣкъ вѣдь.... я тебя знаю.... ты человѣкъ премудрый. Перемѣниль ты на шляху очередныхъ не безъ выгоды... Что же ты толкуешь о начальствѣ? Начальство знаетъ, для чего дѣла дѣлаются. Ты думаешь, губернаторъ проѣзжаетъ такъ себѣ? сѣгъ, да и катай!... Пускай ровняютъ дорогу недѣлю, другую. Ты знай только перемѣнять очереди; а начальство знаетъ, для чего дѣла дѣлаются. Польза; польза, братъ, всѣмъ и каждому, вотъ чтоб! Пойдемъ, панъ голова, пойдемъ къ тебѣ, перечислимъ, переберемъ вмѣстѣ, да подумаемъ, нѣть ли еще какихъ беспорядковъ: все служить на пользу человѣку.

— Куда же вы, Иванъ Петровичъ?—сталъ удерживать его смотритель.

— Ничего, ничего, Иванъ Карповичъ, не беспокойтесь!

И оба вышли,—высокій, сгорбленный письмоводитель и плотинный, уже упитанный на своей должности голова.

— Туда тебѣ и дорога, дряпная пьявка!—сказалъ смотритель, убирая со стола водку.—Вотъ, обратился онъ ко мнѣ: перебитой подковы не стойти: а съ нимъ пріятельствуй! Эхъ, жизнь наша, жизнь горькая! смотрительство ты наше несчастное! Ни чести, ни корысти; еще полицеекихъ берегись, какъ огня! Вѣдь упекутъ, за ремешокъ упекутъ, ей Богу! Вотъ прошлой зимой былъ случай. Пріѣхала какая-то барыня: «Впусти переночевать!» А

метель на дворѣ. Станція—не постоянный дворъ; тутъ возлѣ есть деревня. А барыня-то, не отъѣхавши отъ станціи, и замерзни въ саняхъ. Мы тутъ съ лакеемъ споримъ, а она и Богу духъ отдала. Что же? вѣдь уѣхали проклятые, да на силу парой коровъ отвергтесь! Разные случаи бываютъ; нельзя съ ними не ладить: упекутъ! Да вотъ хоть бы и эта статья. Вотъ девушки. Барыня согнала со двора, отецъ прогналъ съ глазъ....

— Какъ! и отецъ прогналъ?—спросилъ я.

— То есть, чисто-начисто отрекся: «Ты мнѣ не дочь, я тебѣ не отецъ!» Ну, я, по добротѣ души, принялъ, а вѣдь вида у ней неѣть никакого. Скажутъ: бѣглыхъ передерживаешь. Эхъ, сторона ты, сторонунка! кто меня замчалъ, завезъ сюда! Все своя добрая воля: не на кого жаловаться.

— А какъ, однажды, вы сюда попали?—спросилъ я: вы, по выговору, не малороссійскій уроженецъ.

— Изъ самой Калуги, батюшка. Такъ вотъ, любовь приковала, да и все тутъ.

— Какъ такъ?

— Да вотъ какъ. Бадиль я по своему промыслу....

— По какому?

— Былъ у меня промыселъ. Гдѣ куришь, гдѣ продать. Эдакъ по всему свѣту и гуляю. Вольный козакъ! Чинишку себѣ въ аудиторіатѣ зашибиль—всюду мнѣ дорога ровна. Остапавливалось, какъ бы вамъ сказать, на постоянломъ дворѣ, у ихъ маменьки (указывая на жену). Ихъ маменька была сперва за капитаномъ, а потомъ вышла за отставного унтера. Постоялый дворъ держать. Ну, ничего. Вижу,—мальчикъ болѣй лежитъ. Я и говорю: «Хозяюшка, что это у васъ мальчикъ болѣй? чѣмъ боленъ?» — «Это, говоритъ, у меня дочка». Ахти мнѣ! А они подвели головку, то есть, жена вотъ моя, и посмотрѣли на меня. Я посмотрѣлъ—въ сердцѣ вотъ словно что запекло. Я говорю: «Тетенька, позвольте мнѣ вашей дочери стаканъ чаю подать». — «Извольте», говоритъ. Вотъ я чайку, ромку,—у меня и ромъ случился. Поднялась на ноги моя красавица. На другой день я матери платокъ, сестрѣ другой....

— Зачемъ же это?

— Такъ, изъ усердія; пускай пропадетъ мое добро! Потомъ и говорю: «Тetenька, или лучше сказать, маменька! позвольте состоять съ вами на правахъ дружбы». — «Съ нашимъ удовольствиемъ». Ну, когда такъ, то и хорошо. Вотъ я и бросился сюда-туда; люди у меня вездѣ знакомые. Должность на себя по близости принялъ. Ходить да ходить, вотъ и выходилъ.

— Стало быть, все устроилось по вашему желанію? — спросилъ я.

— Не совсѣмъ. Вотчимъ впутался и взмутилъ воду въ нашемъ колодцѣ. Обѣщали дать шесть ложекъ — дали двѣ. Обѣщали дать корову — дали двѣхъ-годовалую телку.

— Что же вы?

— А что же? — осерчалъ, бросиль жену, пошелъ опять по своему промыслу.

— Какъ! изъ-за ложекъ и телки вы бросили жену?

— Бросиль! — кричалъ смотритель съ торжествомъ героя. Коли что не по мнѣ — все въ дребезги! у меня нравъ такой. Любить, такъ любить, а ссориться, такъ ссориться! я таковъ, сударь мой! Меня и въ аудиторіатѣ всѣ за это любили. «Послушай, теща!» — сказалъ я: «возлюбилъ я твою дщерь всѣми своими чувствіями, но черезъ твое жестокосердіе возгорѣлся, аки огонь, гнѣвъ мой! прощайте!» и былъ таковъ.

— Сильно сказано! — замѣтилъ я, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.

— Да что же? развѣ я дарованія не имѣю? Я самъ Пушкинъ! Покажите-ка, Маша мое письмо!

— Въ немъ перецъ завернутъ, — сказала хозяйка, робко посмотрѣвъ на своего супруга.

— Ничего, долой перецъ! покажи!

Хозяйка пошла рыться въ шкатулку.

— Я письмо писалъ къ ней, — продолжалъ смотритель. Самъ не являлся, бывало ѿду мимо — масою обѣду, не покажусь, и эдакъ ровно годъ, день въ день; а письмо писалъ. Вотъ оно! слушайте!

«Непостижимый въ критикѣ предметъ, вселюбезнѣйшая фіалка и супруга моя, Марья Тихоновна! вы есть одна изъ критикъ и насмѣшкъ моего сердца...

«Долго ли намъ вѣкъ свой въ скукѣ провождать.
И въ глаза другъ друга долго ль не видать?»...

Письмо состояло изъ прозы и стиховъ разнаго достоинства. Печати этотъ вздоръ не стоитъ, но смотритель читалъ такъ коми-чески, что я смѣялся отъ души и просилъ позволенія списать копію.

— Дарю вамъ оное! — сказалъ онъ торжественно, вручая мнѣ измѣтый листокъ.

Я храню его до сихъ порь въ своихъ бумагахъ, но когда оно попадается мнѣ на глаза и напомнить о своемъ авторѣ, мнѣ бываетъ не до смѣху. Мнѣ представляется страшное множество этихъ загадочныхъ людей, которые у насъ не принадлежать ни къ какому сословію, хотя пользуются правами разныхъ сословій, этихъ неопределённыхъ угловатыхъ личностей, безъ правиль, безъ характера, безъ религіозныхъ, или какихъ бы то ни было, убѣженій. Ихъ дѣло — колотить безъ толку жену, о которой въ третьемъ лицѣ говорять *онъ*, *ихъ*; дружиться съ мелкими чиновниками, которыхъ покровительство для нихъ необходимо; извлекать пользу изъ трудныхъ обстоятельствъ ближняго посредствомъ небольшого займа сто на сто...

Живутъ они всегда грязно, но знаютъ что такое ромъ, балыкъ и всякие сыры и закуски. Дѣтей всегда выводятъ въ люди посредствомъ училищъ, присутственныхъ мѣстъ и знакомствъ съ горничными и лакеями знатныхъ людей, угощаемыми во время ихъ проѣзда съ господами. Связи у нихъ по этой части въ обѣихъ столицахъ обширные, и сынокъ грязнаго кулака, засѣвшаго въ захолустыи на станції, подталкивается здѣсь невидимою силою съ низу въ верхъ, отъ управляющаго домомъ до комиссаріатскаго чиновника высшаго разбора. Лѣзеть онъ выше и выше съ каждымъ годомъ, и наконецъ забываетъ о своемъ батюшкѣ, подобно тому, какъ взрослый волкъ не помнить попеченій своей

матери-волчицы. Не изъ простого народа выходятъ эти созданія и равно не изъ высшаго, образованнаго сословія. Это порождение беззаконной, насильственной связи высшаго класса съ низшимъ, посредствомъ солдатства, лакейства и другихъ столкновеній, въ которыхъ одни не спрашиваются, а другіе не даются согласія на жизнь вмѣстъ. И вотъ цѣлая туча темныхъ выродковъ, равно чуждыхъ благородному пониманію вещей высшаго класса и простой задушевности низшаго, расплывается по свѣту въ видѣ дворецкихъ, экономовъ, прикащиковъ, губернскихъ секретарей и всякихъ совѣтниковъ, мучая однихъ наглымъ, ни передъ чѣмъ не робѣющимъ, грабежемъ, а другихъ всевозможными обманами.

Между тѣмъ, какъ мы говорили, ребенокъ въ люлькѣ проснулся. Мать взяла его и начала кормить. Я думалъ: «Что же изъ этого ребенка выйдетъ? Отца нѣть, мать отвергнута всѣми. Уянеть молодость, упадутъ силы... что тогда она для него сдѣлаетъ? А между тѣмъ, возрастетъ ребенокъ въ отчужденіи своего народа, въ семье такого господина, какъ этотъ смотритель. Чѣмъ бы изъ него ни вышло, но добра не выйдетъ!»

Приходятъ ли самой матери въ голову такія мысли? Нѣть, природа дала ей противоядіе въ ея горестной долгѣ. Она кормить своего ребенка, она его убаюкиваетъ, она не досыпаетъ ночей за его плачъ, и это, покамѣсть, наполняетъ всю ея душу. Я бы желалъ узнать, любила ли она своего обольстителя (хотя въ Украинѣ скрѣе всего можно это предполагать), и какія чувства остались теперь между нимъ и ею? но дико было бы объ этомъ разспрашивать.

Я ушелъ на другую половину, преслѣдуемый грустной фигурой молодой матери...

Иностранецъ, котораго я засталъ на станціи, ходилъ изъ угла въ уголъ. Онѣ ужъ давно выпили свой вечерній чай (единственная отрада станціоннаго сидѣнія) и напустилъ столько дыму, куря отъ скуки папироску за папироскою, что виднѣлся въ немъ, какъ призракъ. Я спросилъ:

— Неужели со вчерашняго дня чикто не былъ отправленъ съ этой станціи?

Оказалось, что проѣхало не сколько человѣкъ...

— Съ казенными подорожными, за двумя печатями?

— Нѣтъ!

— Какъ же вамъ не даютъ лошадей?

— Est ce que je sais? — отвѣчалъ онъ съ досадой и отчаяніемъ.

Тогда у меня вдругъ мелькнула свѣтлая мысль. Я вспомнилъ изреченія письмоводителя о губернаторскомъ проѣздѣ, и безсмыслица получила для меня практическій смыслъ. «Все служить на пользу человѣку. На то и губернаторскій проѣздъ, чтобы была польза всѣмъ и каждому». Смотритель не давалъ намъ лошадей единственно потому, что мы для него—люди бесполезные. Я вынулъ серебряный рубль, и вручая его безъ всякой оговорки смотрителю, попросилъ, нельзя ли какъ-нибудь сбратъ для наѣзда лошадей. Я прибавилъ, что и иностранца посаджу съ собою. Безъ всякаго возраженія и затрудненія онъ отдалъ приказанье однимъ словомъ: набирать! и черезъ четверть часа мы уѣхали, въ прекрасную ночь, при сіяніи звѣздъ, въ свѣжей степной прохладѣ.

Сколько счастья обѣщаетъ человѣку роскошный украинскій климатъ, и сколько въ немъ людей, безвыходно несчастныхъ!

II.

Сельскій философъ.

Малороссійскій анекдотъ.

Посреди села, на просторѣ, стоитъ сельская Расправа. Ни кому до нея дѣла нѣть въ рабочее время. Иная статья—осенью, когда козаки густымъ роемъ собираются въ свой клубъ, называемый попросту шинкомъ. А стоитъ этотъ козацкій клубъ какъ разъ противъ Расправы, и часто споры изъ шинка переносятся въ ея присутственную камеру. Разумѣется споры, въ которые замышляется чуданѣна. Тогда свидѣтели козацкаго диспута очень

охотно провожаютъ въ Расправу тяжущихся, и провожаютъ они ихъ не изъ одной безкорыстной любви къ правосудію. Нѣть, ко-заки тоже практики и никогда не ошибаются въ разсчетѣ на *могаричъ*. Тотъ ли, другой ли окажется виновнымъ, или, что еще лучше, оба будуть признаны *роздышаками*,—во всякомъ случаѣ могаричъ—дѣло вѣрное. И весело посмотретьъ, какъ эти люди, озабоченные въ лѣтнее время уборкою хлѣба съ полей, а по-томъ осеннимъ посѣвами, наслаждаются, наконецъ, полнымъ до-сугомъ и шумять на все село, высыпавъ толпою изъ шинка, или возвращаясь въ шинокъ изъ Расправы. Расправа дѣлается въ ту пору истиннымъ храмомъ правосудія—и какимъ привлекательнымъ храмомъ! Сколько тамъ шутокъ предшествуетъ словесной адвока-турѣ! Какъ самое судопроизводство не похоже на бумажную фор-мальную сушь, въ которую не допускается ни пословицъ, ни прибаутокъ, объясняющихъ нашему брату, украинцу, сущность во-проса самимъ убѣдительнымъ образомъ! Какъ, наконецъ, до-вольны обѣ тяжущіяся стороны приговоромъ громады, строгъ онъ или нѣть,—все равно! *Громада—великий человекъ!* Эта мысль сидитъ въ каждой усатой голобѣ козацкой, и предъ величіемъ громадского ума поникаетъ самое необузданное и даже пьяное вольнодумство. Иногда громада присуждаетъ виновнаго только къ квартѣ горилки, но иногда и къ уплатѣ извѣстнаго количества *карбованцевъ* (рублей). Во всякомъ случаѣ она—великій человѣкъ, и смиряется предъ ея разумомъ всякий строптивый помы-сель. Каково бы ни было рѣшеніе громады, но совершается оно непремѣнно въ шинкѣ, и весело возвращается домой, какъ вы-игравшій, такъ и проигравшій дѣло, потому что выпилъ съ добрыми людьми горилки и наслушался умныхъ рѣчей. Таковъ общій ха-рактеръ козацкихъ тяжебныхъ дѣлъ, совершающихся между шин-комъ и Расправой. Поднимите его до уровня нравовъ болѣе утон-ченныхъ, и, право, каждый согласился бы тогда принадлежать къ подобной общинѣ.

Но увы, увы! та же самая Расправа, съ тѣмъ же самымъ веселымъ шинкомъ противъ ея окна, въ одинъ изъ самыхъ уро-жайныхъ годовъ, и притомъ въ такую погоду, что ни молотить

нельзя, ни въ дорогу пускаться невозможно,—то есть, именно въ такую погоду, когда козакъ всего охотище является присутствовать въ громадѣ,—стояла въ молчаливомъ величинѣ и несмотря на то, что въ ней собралось болѣе дюжины членовъ сельского общества, тихо и грустно было въ ея присутственной камерѣ. Глядя со стороны, можно было бы подумать, что въ селѣ скотской надежѣ, или—чего Боже сохрани—морѣ. Въ сущности же дѣло было самое обыкновенное: козаки дожидались исправника. Что тутъ казись, особеннаго? Пріѣдетъ исправникъ съ письмомъ-водителемъ въ Расправу, выкуритъ трубку, велитъ подать обѣдъ, который ужъ и готовятъ для него въ нарочито устроенной тутъ же кухнѣ, потомъ всхрапнетъ часика два и уѣдетъ. Ему рѣшительно нечего было больше дѣлать съ козаками, потому что они всѣ свои споры рѣшали судомъ громадскимъ, и если случалось между ними какое-нибудь незначительное воровство или иной подобный казусъ, то они ни подъ какимъ видомъ не переводили его на бумагу, а тутъ же, на мѣстѣ, карали виновныхъ съ неумолимой строгостью свободнаго суда, и дѣло погашалось навѣки. Но исправникъ привозилъ имъ всякий разъ какое-нибудь *следствіе*. Немногіе въ селѣ и понимали это слово, потому что давно уже не производилось у нихъ никакого слѣдствія; и однажды слыхъ, что «исправникъ везетъ имъ слѣдствіе», всякій разъ приводить громаду въ уныніе. Если бы исправникъ хоть одинъ разъ произвелъ его, то, можетъ быть, козаки, ознакомившись съ канцелярской юстиціей, сказали бы, что не такъ чортъ страшенъ, какъ его малютъ. Но въ томъ и дѣло, что исправникъ только грозилъ слѣдствіемъ, и самая неизвѣстность, надѣ чѣмъ онъ будетъ его производить, паводила ужасъ на всякаго, кого исправникъ вызывалъ въ Расправу черезъ своего вѣстового. «Ну, какая надобность! пускай себѣ производить слѣдствіе!»—такъ бы, казалось, могли сказать козаки и спокойно ждать конца дѣлу. Но хорошо этакъ разсуждать *намъ*, положивъ передъ собой законы. А вѣдь они давно уже перестали учиться въ сельскихъ церковныхъ, такъ называемыхъ *братскихъ*, школахъ; изъ волостныхъ же училищъ выходятъ у нихъ писаря, которымъ они ни на

лось не вѣрять. Поэтому законъ, да еще въ рукахъ исправника, для нихъ—тьма кромѣшная, и когда горькая необходимость заставитъ кого-нибудь изъ нихъ явиться на бумажный судъ, то женщины поднимаютъ въ хатѣ плачъ и вопіютъ: *Що се на свити стало? якъ такы доброму чоловику судыться у тога пузанá?* (такъ называютъ исправника). *Хиба* (развѣ) *надѣ намы нема Господа милосердною?* Сказать короче: что лишь только исправникъ привозилъ въ село слѣдствіе,—позванные имъ въ Расправу козаки брали съ собой въ *шаманий* (копельки) по нѣскольку цѣлковыхъ. И это бы еще ничего. Пускай бы онъ назначилъ плату за всякий свой прїездъ. Людямъ, которыхъ предки имѣли дѣло съ баскаками, было бы за обычай взносить ежегодно известную плату за свое спокойствіе. Но исправнику счастье служило въ картахъ съ обыкновеннымъ своимъ коварствомъ, и поэтому отъ его слѣдствія надо было откупаться иногда значительной платою. Вотъ почему сидѣли козаки въ Расправѣ, повѣшивъ головы... Но предисловіе мое къ анекдоту вышло у меня слишкомъ ужъ длинно. Постараюсь хоть анекдотъ разсказать по-короче.

Сидѣли козаки, сидѣли, а исправника все нѣть. Нестерпимо сдѣлалось имъ грустно. Наконецъ блеснула у одного изъ нихъ свѣтлая мысль: «Братцы!» сказалъ онъ, «что намъ этакъ кунять? пойдемте выпьемъ съ горя по чаркѣ». Громада нашла, что предложеніе вполнѣ достойно ея вниманія, и оставилъ однаго изъ среды себя на сторожѣ, съ поникшими головами, но съ нѣкоторой отрадой въ сердцѣ, отправилась къ шинкарю.

Оставшійся на сторожѣ долго размышлялъ о томъ, почему именно на его долю выпало караулить прїездъ исправника. Но такъ какъ громада—великій чоловѣкъ, то и не осмѣялся онъ вольнодумствовать па счетъ ея распоряженія. Во избѣжаніе грѣха, онъ обратилъ свои мысли къ предметамъ благочестія и сперва обсудилъ жизнь и дѣянія своего сосѣда, который учился въ волостной школѣ, вышелъ оттуда бойкимъ писаремъ, подружился съ писмоводителями высшаго своего начальства, нажилъ большія деньги, но потомъ начальство горько пить, не поладилъ какъ-то съ

своими друзьями, спустилъ съ рука деньги и всякое добро, вошелъ въ долги, наконецъ, умеръ, и вотъ осталась послѣ него пустая скрынка (большой сундукъ), которая и стоитъ въ Расправѣ до рѣшенія, что съ ней дѣлать. Потомъ, переходя отъ предмета къ предмету, сторожевой членъ громады набрелъ наконецъ, на слѣдующую мысль: *Якъ тамъ тыи мертвѣци у домовыни лежатъ? чы воно страшно, чы, мόже й байдуже* (нужды нѣть)? А дай-ка я лягу въ этой скринѣ! И съ этими словами, отворивъ сундукъ, онъ влезъ и улегся на днѣ его.

Но не успѣлъ еще онъ провѣрить на себѣ состоянія души мертвѣцовъ, какъ крышка сундука захлопнулась и заплечка наскочила на пробой. Козакъ давай кричать,—никто не слышитъ. Онъ поднялъ страшный ревъ. Громада долго не вѣрить своимъ ушамъ; наконецъ въ испугѣ прибѣгаешь въ Расправу. Кажись бы, простое дѣло—отозваться изъ гроба и просить, чтобы выпустили. Но какъ подумалъ философъ, что это будетъ за смѣхъ,—не достало у него духу отозваться. Громада удивилась, не найдя сторожевого на мѣстѣ, однакожъ легко объяснила себѣ его отсутствіе и возвратилась къ мирному своему занятію. Но едва взялись за чарки, опять слышать крикъ, неистовѣе прежняго.

Философъ убѣдился, что лежать въ гробу вовсе не байдуже, что ему становится душно и что, пожалуй, придется *наложить душѣю* совершенно поцусту. Но когда онъ услышалъ, что громада опять возвращается въ Расправу, когда вообразилъ, какъ она расхохочется надъ нимъ и какъ по всему селу пойдетъ о немъ притча,—сердце его замерло отъ страху, чтобы его не открыли, и, онъ, что называется, притаилъ дыханіе. По пословицѣ: *Мертвые не имутъ срама*, онъ рѣшился лучше умереть, нежели сдѣлаться всеобщимъ посмѣшищемъ.

Громада, въ совершенномъ недоумѣніи, осматривала Расправу и заглядывала во всѣ углы. Наконецъ рѣшила такъ: «Вѣдь это Харкó насъ морочить. У него *не вси дѣма*, дѣло известное; такъ онъ забрался куда-нибудь да и кричить по-чортячи». Съ этими словами махнула громада рукой и, повинувшись единодушному своему чувству, воротилась въ шинокъ.

Хотя у Харка и не все были дома, но жизнь для него была столь же дорога, какъ и для самого умного человѣка. Видя себя оставленнымъ въ добычу неминуемой смерти, онъ началъ вопіять еще громче: *Xто въ Бога вируе, ратуйте!* Громада, хоть и вѣровала въ Бога, но не обращала больше вниманія на крикъ своего причудливаго члена, и, можетъ быть, печальная вышла бы развязка его философической затѣи.

Бѣ счастью, случилось въ это время жиду проходить мимо Расправы. Услышавъ отчаянныи крикъ, онъ вѣгаєтъ въ Расправу и спрашиваетъ: «Кто тутъ кричитъ?» Присутствіе живого человѣка возвратило смѣлость затворнику, и досадно ему стало, что еще и жидъ вмѣшался съ своими вопросами: «Кто тутъ кричитъ? кто тутъ кричитъ?» — «*А тоби якѣ дило!*» отвѣчалъ онъ.— «*Я кричу: хто въ Бога вируе! а ты хибá вирӯешъ у Бога, псяюхо (исиное ухо)!*»

Жидъ однакожъ отворилъ сундукъ, и Харко возсталъ изъ мертвыхъ, продолжая бранить жида за его вмѣшательство.

Сцену эту прерваль колокольчикъ исправника, долго заглушаемый крикомъ, и потомъ вдругъ звякнувшій у самаго подъѣзда. Исправникъ привезъ козакамъ слѣдствіе...

Украинськи заліси Порфирія Мартиновича.

Подъ этимъ заглавиемъ, согласно желанію собирателя, мы приступаемъ къ печатанію богатыхъ, и по количеству и по качеству, матеріаловъ, собиравшихся въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣть П. Д. Мартиновичемъ путемъ любовнаго записыванія имъ изъ устъ народныхъ пѣвцовъ и рассказчиковъ всего богатства, хранившагося у старыхъ людей, а теперь въ очень слабой степени проглядывающаго у новаго поколѣнія. Имя почтеннаго собирателя до сихъ поръ въ печати мало было известно, какъ участника въ украинской этнографіи, а гораздо больше—какъ талантливаго художника-живописца. Даже въ трудѣ А. Н. Пыпина «Исторія русской этнографіи» имя его нигдѣ не упомянуто. Если не ошибаемся, имя П. Д. Мартиновича, какъ этнографа, было упомянуто только въ нашемъ журналѣ: въ № 8-мъ 1885 г. упомянуло о немъ В. И. Горленко въ статьѣ своей по поводу смерти кобзаря Крюковскаго; въ № 11-мъ того-же года былъ помѣщенъ у насъ одинъ записанный имъ разсказъ («Изъ народныхъ преданій о гетманщинѣ, запорожьѣ и черноморьѣ»); въ № 5-мъ 1902 г. А. Г. Сластіоновъ въ статьѣ своей о кобзарѣ Кравченкѣ рассказалъ о томъ, какъ П. Д. Мартиновичемъ были тщательно записаны 12 думъ отъ кобзаря Кравченка, иначе Крюковскаго, того самого, матеріаль котораго и откроетъ теперь обширный рядъ записей П. Д. Мартиновича; при этомъ А. Г. Сластіоновъ выразилъ со- жалѣніе, что это богатство записей г. Мартиновича до сихъ поръ

не напечатано. Между тѣмъ личность П. Д. Мартиновича, какъ собирателя памятниковъ цародной украинской поэзіи, заслуживаетъ полнаго вниманія: сорокъ лѣтъ уже занимается онъ своимъ высоко цѣннымъ дѣломъ, и за это время накопилась у него масса матеріала, характеризующаго всѣ виды устнаго народнаго творчества. Благодаря любезному согласію П. Д. Мартиновича, мы получили теперь значительную часть его записей и вполнѣ падаемся, что почтенный собиратель доведеть до конца печатаніе своихъ драгоценностей, которыя, появившись затѣмъ отдельной книгой, дадутъ людямъ науки широкій просторъ для дальнѣйшихъ научныхъ разысканій и изслѣдованій.

Система записей П. Д. Мартиновича отличается тѣмъ, что онъ не дробить матеріала, записанаго имъ отъ одного лица, разнося его въ разныя рубрики вмѣстѣ съ однородными записями, сдѣланными отъ другихъ лицъ, а представляетъ, такъ сказать, весь репертуаръ даннаго пѣвца или рассказчика. Исполняя желаніе собирателя, и мы не будемъ сортировать матеріаловъ этихъ по однороднымъ группамъ, а напечатаемъ ихъ въ томъ порядке, какъ даны они намъ. Хотя такой способъ печатанія представить нѣкоторыя неудобства, благодаря повторенію въ печати иныхъ матеріаловъ, уже бывшихъ опубликованными, но, во 1-хъ, каждая новая запись всегда представить болѣе или менѣе оригинальные варьянты, а во 2-хъ, разбросанность этнографическихъ записей въ разныхъ изданіяхъ, иногда трудно находимыхъ, служить большими препятствиемъ для сличеній разныхъ варьянтовъ. Нельзя не принять во вниманіе и того обстоятельства, что, при печатаніи способомъ группировки всего матеріала около лица рассказчика, получается возможность пользоваться матеріалами не только людямъ специальной науки, но и обыкновеннымъ читателямъ, которые пожелаютъ получить удовольствіе, знакомясь съ сюжетами парочнай украинской поэзіи.

Первая запись П. Д. Мартиновича, которою мы начинаемъ печатаніе собранныхъ имъ этнографическихъ матеріаловъ, есть запись со словъ слѣпого кобзаря *Ивана Кравченка*, по прозванію *Крюковський*. Это имя уже известно въ печати, т. к. его репер-

туаръ записанъ былъ В. П. Горленкомъ, который и ~~въ~~мѣстить въ нашемъ журналѣ статью «Бандуристы Иванъ Крюковскій» (1882 г. № 12), съ текстомъ девяти думъ и біографической замѣткой. Кроме того, надо упомянуть указанную раньше статью того же автора—некрологъ Крюковскаго (1885 г. № 8). Отсылая читателей для знакомства съ личностью Крюковскаго къ этимъ статьямъ, мы дадимъ теперь только двѣ справки. Во 1-хъ, печатаемыя записи П. Д. Мартиновича сдѣланы далеко раньше записей В. П. Горленка, вслѣдствіе чего многое изъ записанаго первымъ является въ болѣе полномъ видѣ, т. к., очевидно, лучше хранился въ памяти кобзаря весь его репертуаръ, когда онъ пѣлъ его г. Мартиновичу (см. пѣкоторыя замѣтки объ этомъ въ упомянутой раньше статьѣ А. Г. Сластіонова въ Кіев. Стар. 1902 г., № 5). Во 2-хъ, съ сожалѣніемъ приходится отмѣтить тотъ фактъ, что записи эти у г. Мартиновича не совсѣмъ въ полномъ видѣ, т. к. много лѣтъ назадъ имъ было передано М. П. Драгоманову три листка изъ этихъ записей для пользованія при изданіи послѣднимъ «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа», и эти три листка къ г. Мартиновичу не возвратились. Если по счастливой случайности эти листки сохранились и находятся у кого-нибудь, не вѣдающаго, кому они принадлежать, то г. Мартиновичъ обращается съ покорнѣшней просьбой сообщить о нихъ ему, чтобы имѣть возможность дополнить утерянное.

Какъ было сказано, изъ печатаемаго теперь матеріала, записанаго отъ Кравченка (Крюковскаго) г. Мартиновичемъ, большая часть была напечатана уже, хотя въ нѣсколько измѣненныхъ варьантахъ, В. П. Горленкомъ въ его записи отъ того же лица, поэтому мы дѣлаемъ теперь только указаніе на эту запись, оставляя каждую отдѣльную пѣсню безъ примѣчаній (см. Кіев. Стар. 1882 г. № 12).

Напечатаны В. П. Горленкомъ:

- 1) Про трохъ бративъ Озовськихъ;
- 2) Про Олексія Поповича;
- 3) Про Хведора Безридного;
- 4) Про Кишку Самійла;
- 5) Про Коновченка-вдовыченка;
- 6) Про Сокола;
- 7) Витчымъ;
- 8) Про сестру та брата;
- 9) Про вдову.

Напечатанныя у В. Горленка п'есни:

- 1) Про трохъ бративъ Самарськихъ (сравн.: въ «Историч. п'есняхъ малорусского народа» В. Антоновича и М. Драгоманова); 2) *Про Мыхія*—нигдѣ до сихъ поръ незаписанная; 3) Про правду та неправду (сравн.: въ Записк. Юго-Зап. Отд. 1-ї т., стр. 22; Записки о Южн. Руси, т. 2-й, стр. 102; Этнографичный збирныкъ. Т. 2-й, стр. 47, Львовъ); 4) Царю Христе (сравн.: въ «Съпиваннику зъ початку 18 в.» М. Грушевскаго).

Ред.

Сълипець-кобзарь Иванъ Кравчёнко.

(г. Лохвыця, на Прылипци, 20 мая 1876 г.).

Козацьки письни.

1.

Про трёхъ бративъ Озовськыихъ.

1. Ой у съватую недиленьку рано пораненъко
То не сильни туманы вставалы,
То дробні дожчи накрапалы,
То въ той часъ тры братики ридненьки
5. Зъ города зъ Озова, съ тяжкои неволи Турецькои бу-
сурменьскои,
Ношнои добы утикалы:
То два браты киньмы утикалы,
А междо нымы братъ найменьший пишый пишаныця,
Якъ бы тая чужа чужаныця,
10. За нымы пишый бижть пидбигае,
Ажъ пожаръ пидъ ногы пидпадае,
И кровъ хрыстыяньська его слизъ залывае.
То винъ на свое здоровье козацьке молодецьке измагае,
Та своихъ бративъ доганяе
15. И словамы до ныхъ промовляе:
«Браты мои мыленьки,
Старши ридневъкы!

- То вы добре соби учыните:
 Мене найменьшого брата, пишого пихотыньца на кони
 возьмите,
20. Та мало хошъ немного мене пидвезите,
 У города хрыстыяньській до отця до матки надвезите».
 То старшый братъ тее зачувае,
 До найменьшого брата словами промовляе:
 — «Ты то, каже, брате найменьшый, знаешьъ,
25. Шо въ нась у дорози кони недішліи, (поморени),
 Шо мы сами не втечемо
 И тебе не ввеземо.
 Будуть нась изъ города Озова Турки бесурмены доганяты,
 То будуть нась стриляты,
30. Або рубаты,
 Або впять у городъ Озовъ, у тяжку неволю,
 У каторгу турецьку бусурменьську живьемъ завертаты».
 То два браты киньмы тикалы,
 А найменьшого брата, пишого пихотыньца,
35. У чистому степу на ясному соньци, на буйному витри,
 Пры шляху покыдалы.
 То винъ то на небо съвате поглядае,
 Гирко плаче рыдае,
 Дрибнымы слёзамы пролывае,
40. Та ше за киньмы братамы бижыть пидбигае,
 Свои нижкы на сыре кориньня на биле каминьня спотыкае,
 Ажъ пожаръ пидъ ногы пидпадае,
 И кровъ хрыстыяньська сливъ его залывае.
 То ше винъ своихъ бративъ кинныхъ доганяе,
45. Помежъ кони вбигае,
 Кони за стремена хватае,
 Кони спыняе,
 Та до бративъ словами прымовляе:
 «Братики мои старши, риднейки,
50. Голубоньки сывеньки!
 Добре вы соби дбайте,
 Та булатну шаблю зъ ножна выймайте,
 Та мини, найменьшому брату, голову зъ пличъ издіймайте,
 Та мое тило козацьке молодоцьке

55. У чистому степу хорошенко поховайте,
 Звирю, птици на поталу не подайте».
 То середульшый братъ тее зачувае,
 Та до найменьшого брата словами промовляє:
 —«Братику нашъ найменьшыі, мылый,
60. Якъ голубоньку сывый!
 Нашого брата шабля булатна лыни не йме,
 На дрибный макъ розсыпльетъця,
 И рука не воздойметъця,
 И серце не осмилытъця
65. И душа гриха до смерты не скупытьця!»
 То жъ то воны у чистому степу ти слова промовлялы,
 Та свого найменьшого брата, пишого пихотынъця
 Пры шляху не пры чымъ покыдалы.
 То якъ стали старши браты до темныхъ лисивъ прыбуваты,
70. У терны та въ байракы зелени уижджаты,
 Ставъ середульшый братъ велике мылосердіе у себе маты,
 Ставъ тернамъ та байракамъ зелены витья булатною
 шаблею стынаты
- Та найменьшому брату пишому пихотынъцю премету да-
 ваты,
 Щобъ винъ знавъ, куды въ города хрыстиянськи до отца
 до маткы до свого роду прыбуваты.
75. То ихалы воны тернамы,
 Та байракамы, темными лисамы,
 Не день, не два, не тры, не четыри.
 Якъ стали воны исъ темныхъ лисивъ выижджаты,
 До рички до Крымки прыбуваты,
80. То ставъ середульшый братъ до старшого брата словами
 промовляты:
 «Отуть, каже, братику ридненький,
 Голубоньку сывенъкий,
 Травы зелени, очерета воздобни и вода довольна;
 Станьмо тутъ кони попасимо
85. И найменьшого брата, пишого пихотынъця, пидождимо».
 То старший братъ тее зачувае,
 До середульшого брата словами промовляє:

- «Якъ будешъ ты, брате, за найменышымъ братомъ
жалкуваты,
То буду я шаблю булатну зъ ножна выйматы
90. Та буду я твою голову козацьку молодецьку съ пличъ
здійматы,
Та твое тило козацьке молодецьке птыци-звирю на поталу
покыдаты,
- А самъ буду у города хрыстыяньськи прыбуваты,
До отца, до матки доижджаты,
То самъ буду знаты,
95. Який отцеви и матуси отвить отдаваты». А середульшый братъ тее зачувае,
До старшого брата словами промовляе,
Гирко плаче рыдае,
Дрибни слёзы пролывае,
100. Сывымъ голубомъ называе:
— «Братику, мій старший ридненъкий,
Якъ голубоньку сывенъкий! ¹⁾
Будемъ мы до отца, до матери ридненъкои у госьти пры-
буваты,
- То буде нась отець и маты на здоровья стричаты
105. И объ меньшому сыну, объ нашему брату, пытаты,
То який будемо отвить отдаваты?»
То старший братъ тее зачувае
До середульшого словами прымовляе:
— «Тоби то», каже, «середульшый брате, сего не знаты,
110. Який отцеви й матуси отвить отдаваты.
Якъ мы булы у городи увъ Озови,
У катерзи турецькій, у вири бусурменъській,
То наши руки-ногы не гулялы,
На сырій сырьци усегда стоялы;
115. То мы то ношнои добы утикалы,
Свого найменышого брата отъ сна будылы—не розбудылы,
То тамъ его у катерзи турецькій,
Тяжкій неволи, вири бусурменъській,
У городи Озови прыостановылы.

¹⁾ Видима смерть страшна.

120. То ты то, брате, не знаешъ. якъ буде межъ намы найменьшый братъ пробуваты,
 Ту' буде нашъ отецъ и маты батькивщыну на тры часты паюваты,
- Буде намъ половинную часть оддилиты,
 А найменьшому брату половину оставляты,
 То будемъ мы у трёхъ велыку супереку соби маты».
125. То воны у чистому степу си слова зговорылы,
 Якъ ясни соколы на конихъ у города полетили.
 То то воны не мало не много речи ти говорылы
 И стали одь рички одь Крымки одъижджаты,
 Сталы на Муравъськи шляхы выижджаты.
130. Ставъ середульшый братъ велыке мылосердіе у себе маты,
 Гирко своимъ серцемъ ставъ плакаты й рыдаты,
 Шобъ старшому брату ввиchi не выдаты,
 Ставъ соби ума прыбараты,
 Який найменьшому брату порятуночъ даты.
135. Якъ стали воны Муравъськими шляхамы проижджаты,
 Ставъ середульшый братъ соби думаты й гадаты.
 Яку найменьшому брату премету даты:
 Одынь на соби капитанъ мае
 И съ пидъ того капитана кыръ-кытайку выдирае.
140. Та найменьшому брату, пишому пихотынцю, пры шляху премету давае,
 Шобъ винъ знавъ, куда въ города християнськи, до отця до матки прыбуваты.
 То найменьшый братъ исъ темныхъ лисивъ на Муравъськи шляхы прыхожае,
 Дороги шаты, кыръ-кытайку ввиchi забачае,
 У руки забирае,
145. Гирко плаче, рыдае,
 Словамы промовляе:
 «Эй не дурно моихъ старшихъ бративъ кыръ-кытайка по шляху валяе,
 Мабуть ихъ живыхъ на сывити немае;
 Була съ города Озова великая погоня, - за киннимы братами уганяла,
150. То може вона ихъ або постриляла,

Або порубала,
Або у каторгу турецьку,
Виру бусурменьську,
У городъ Озовъ живъемъ позавертала,

155. А наименышого брата, пишого пихотынца, у тернахъ та
въ байракахъ на спочывкахъ мынала.

То колыбъ мини Господъ помигъ у добримъ здоровыи
Ихъ тило козацьке молодецьке своихъ старшихъ бративъ,
Хотя воно на раны смертельни постриляне, порубане, зна-
ходжаты,

160. Та ихъ тило козацьке молодецкое у чистому степу хоро-
рошенько поховать,
Птыци-звирю на поталу не податы».

То то ставъ наименышый братъ пишой пихотынецъ Му-
равськымы шляхамы прохожаты,
Ставъ буйный витеръ повиваты,
Ставъ бидного козака, пишого пихотынца, эъ билыхъ
нигъ валяты.

165. То наименышый братъ до Господа Мылосердного словами
промовляе:

«Отымъ то», каже, «Господы Мылосердныи, у чистому
степу одво безхлибья,

А друге безвидья,
А трете беззоровья!»
То винъ то на свое здоровья измагае.

170. Муравськымы шляхамы прохожае,
До Саворъ Могылы прыбувае,
Та на Саворъ Могылу исхожае,
Спочываты лягае.

То то сызокрыли орлы до его налиталы,

175. Въ головахъ сидалы;
То ще винъ до ихъ словами прымовляе:
«Эй, госьти мои любіи, орлы^ысызокрылые,
Браты мои мылые.
Хочъ мало вы надождите, покы буде изъ Дніпра тыхый
витеръ повиваты,

180. То тоди буде душа моя съ тиломъ розлучатись.

- То то ставъ изъ Дніпра тыхай витеръ повиваты,
 Стала душа козацька молодецька съ тиломъ розлучатись.
 То сзыи орлы до ёго налиталы,
 У головахъ сидали,
185. На чорни кудри наступали,
 Зъ лоба очи выбиралы
 И кровъ его християнську выпивали.
 То ше до ёго сыви зозули налиталы,
 Жалибненько закували,
190. Якъ ридни сестры ёго оплакали,
 А сироманци вовки его тило козацьке молодецьке на Са-
 воръ Могили знаходили
 И сами зъ собою речи говорыли;
 То воны его жовти кости разметали,
 Та по тернахъ по байракахъ розношали,
195. Хорошенько поховалы,
 Надъ нымъ похоронъ одправляли.
 То то стали старши браты у городы християнськи до
 свого отця до матки прыбуваты,
 Ставъ ихъ отець и маты на здоровъя стричаты,
 Ставъ объ меньшому сыну, объ ихъ брату пытаты.
200. То старший братъ тее зачувае,
 До отця до матери словами прымовляє:
 «Охъ, ридный мій отець и маты:
 Вамъ сёго не знаты,
 Шо де то мы пробували,
205. Велькое горе прынимали!
 Мы въ городи Озови, у катерзи турецькій, у вири бусур-
 менській прожывали,
 То мы ношнои добы утикали
 А свого найменьшого брата одъ сна будылы—не розбудыли,
 То тамъ мы его у катерзи турецькій,
210. Вири бусурменській,
 У городи Озови прыостановыли».
 Якъ ставъ середульшый братъ зъ отцемъ, зъ маткою, зъ
 добрыми людьми на пидпяткахъ гуляты,
 Ставъ гирко плакаты й рыдаты,
 Ставъ отцеви своему ридному й матуси весь отвить открываты:

215. Ставъ винъ про ихъ сына, про меньшого брата, всю правду
казаты:
 «Шо мы вси браты зъ города Озова, зъ тяжкои неволи,
катерги турецкой
 Виры бусурменьской.
 Ношины добы киньмы утикалы,
 А свого найменьшого брата, пишого пихотынца,
 220. У чистому степу, пры шляху покыдалы;
 То ше винъ на свое здоровья козацьке молодецьке измагавъ.
 То винъ то насть два разы уганявъ,
 То старший братъ таки слова одказавъ,—
 Ніякои помочи-порятунку не давъ;
 225. То я то не могу теперъ знаты, де найменьшый братъ нашъ
пробувае.
 Может була зъ города Озова великая погоня,
 Та може его пишого пихотынца доганяла,
 Пострияла,
 Або порубала,
 230. А може его й впять у городъ Озовъ у катергу турецьку
 Виру бусурменьску,
 Жывьемъ завертала.
 То ставъ ридный отецъ и маты
 Свого старшого сына зъ двора изгаяты;
 235. То стали вси люде на ёго роптаты;
 Шо який то винъ старший сынъ соби коштовный домъ
избудувавъ,
 То ёго Господъ ставъ мылосердый зо всихъ сторонъ вы-
дымо й невидымо караты,
 Ставъ громовыми вогнемъ побиждаты.
 То ставъ старший сынъ ихъ по чужыхъ хатахъ валяты,
 240. Изъ жинкою изъ дитымъ чужого хлиба-соли заробляты
 И ни эъ якои стороны одъ Бога мылосердного порятунку
соби маты.
 Оже хотя трёхъ бративъ Озовськихъ,
 Найменьшого брата, пишого пихотынца,
 На Саворъ-Могыли голова полягла,
 245 Такъ слава ихъ козацька молодецька не помре, не поляже
Междо панамы,

Междо козакамы
 Междо всима православными хрыстыянамы
 Отныни й до вика и до конъця вика!

2.

Про Олексія Поповича.

1. Ой у съватую недиленьку барзе рано пораненъко
 То на Чорному мори и на камени билецъкому,
 Тамъ сидивъ сокиль ясненъкъ,
 Жалибненько квылыть-проквыляе,
5. Нызенько головку склоняе,
 И на Чорне море спыльна поглядае,
 Шо на Чорному мори все недобре почынае:
 Бере судна козацьки молодецьки на тры часты розбывае;
 Одну часть узяло—
10. У Грабъськую землю занесло,
 А другую часть ухопыло—
 У Дунайске гырло забыло,
 А третя часть де ся мае,
 Посередъ Чорного моря, на быстрій супротывній хвили
     потопае;
15. А пры тій часты бувъ Гатьманъ Кошовий
 Грыцько Зборивъський.
 То винъ на чердакъ исхожае,
 До своихъ козакивъ Запорозъцівъ словами промовляе:
 «Ой вы козакы, славни Запорозъци!
20. Сповидайтесь вы, братъця, Чорному морю
 И 'таману Кошовому,—
 Якъ бы отцю духовному,—
 Напередъ Богу мылосердному,
 Который найбильше грихивъ мае».
25. То вси козакы гатьманьци запорозъци тоди замовчали,
 А тилько озываеться Олексій Поповиچъ,
 Пырятинъський пысаръ військовый,
 Козакъ лейстровый:
 «Эй, панове молодьци,

30. Козакы запорозьцы!
 То добрѣ вы учыните,
 Возьмить мини чорною кытайкою самому очи завъяжите
 Та билый каминъ до шыи прычепите,
 Та возьмите мене самого на Чорнее море пустите;
35. Нехай я буду самъ своею головою на Чорному мори да-
 руваты,
 А нижъ бильше війська, товарыства сердешного, невынни
 души теряты.
 Я то, каже, братъця, съ Пырятына города выижджавъ,
 Зъ отцемъ изъ маткою прощенія не прымавъ,
 Брата старшого за брата не мавъ,
40. Худымы словамы его называвъ
 Блызъкъхъ сусидъ зъ хлиба-соли збавлявъ,
 Зъ двора зъижджавъ,
 Та свого отца и матиръ стременами въ груды поторкавъ
 И добрымъ конемъ своимъ воронымъ по вулыци пробигавъ,
45. Чужыхъ дитокъ ростурчавъ,
 Кровъ хрыстыяньську на сырь землю пролывавъ,
 Мымо церковъ ихавъ мымо святого Мышколая, шапки не
 знимавъ,
 На соби хреста не покладавъ,
 Лышь то я на свого коня вороного доброго молодецкого
 поглядавъ,
50. На свое здоровье козацьке молодецьке измагавъ.
 Колыбъ мини Богъ помигъ у добримъ здоровьи у сїй по-
 треби сходыты,
 То мигъ бы я отцевьську й матчицу молытву шануваты й
 поважаты,
 Рано й пизно спомынаты,
 Отца й матиръ почтаты
55. И брата старшого за ридного отца въ себе маты,
 И блызъкъхъ сусидъ хлибомъ-силью надиляты,
 И чужыхъ маленькихъ дитокъ на вулыцахъ стричаты,
 Шапку здійматы,
 Нызыкъ поклонъ оддаваты,
60. И на все добрѣ научаты,
 И въ церковъ съватую Мышколая шо суботы, шо недили

молебни найматы».

То якъ ставъ Олексій Поповычъ, Пирятинський пысарь
військовый.

Козакъ лейстровый,

Мылосердному Богу и Чорному морю,

65. И таману військовому, и товарыству сердешному

Свои грихи по правди повидаты,

То стало Чорне море утихаты;

И такъ воно втихало,

Якъ бы николы й не грало;

70. Ставъ зъ Дніпра тыхий витерь повиваты,

Стало козацьке молодецьке судно до Буйної Прыспы пры-
буваты;

То одну часть уязло—

Зъ Грабеської земли вынесло,

А другую часть исхватыло—

75. Зъ Дунайського гырла вырвало, та до Буйної Прыспы
прыбыло.

Та тоди вси козакы на сырну землю схожали,

На колина упадали,

Господа Мылосердного сохвалялы.

То вси козакы тоди дывомъ дывували,

80. Що на якій то быстрій супротивній хвили потопали,

Та ни одного козака не втеряли.

То тоди то Олексій Поповычъ на сырну землю схожае,

Гирко плаче рыдае

И до козакивъ словами промовляе:

85. «Оттымъ то», каже, «козакы запорозьци,

Шо то годытьца отцева матчина молытва!

Шо хто отцеву и матчицу молытву спомынае,

То отцева и матчина молытва изо дна моря душу выймае,

Одъ грихивъ смертенныхъ одкупляе,

90. Предъ Праведною Судією поставляе.

Эй то годытьца отцева й матчина молытва чумакови въ
чумацтви,

Козакови въ козацтви,

Багачеви въ багацтви

И на Чорному мори

95. И на суходоли.

Дай Боже мыру царьському,
Народу христыяньському
На многая лита
До конъця вика!

3.

Про Хведора безридного.

1. По потреби, по потреби барзе то по царьській,
То много війська понажено,
Посичено, на раны смертенни порубано.
То междо тымъ трупомъ никто живый не пробувае,
5. Тилько Хведиръ бездильный,
Та безридный, та безплемінний
На раны смертенни постриляный,
Та порубаный
Тилько чуть живый духъ въ себе мае.
10. Та никто жъ коло ёго не бувае,
Тилько вороний кинь килогривый у головахъ надъ нымъ
смерты доглядае.
Та тилько междо тымъ трупомъ джура Ярема промешкає.
То винъ вороного коня килогривого въ вичи забачае,
Та въ те мисто прыбувае,
15. Хведора бездильного та безридного чуть живого заставае,
Та зъ свого коня вставае,
Та до Хведора бездильного, та безридного словами про-
мовляе,
Гирко плаче й рыдае,
Дрибнымы слёзамы пролывае:
20. «Эй здоровъ, здоровъ, Хведоре бездильный, та безридный
та бесплеминный!
Чы ты спышъ, чы дримаешь?
Чы на раны смертенниinezмагаешь?»
— «Эй, «каже», джуроньку мій, малый невелыкый! ¹⁾

¹⁾ Винъ, може, й велыкый бувъ, та тымъ малымъ зветъця, що слуга винъ его,—значить меньший одь его.

- Не сплю я, не дримаю,
25. А на раны смертенні незмагаю.
 Эй джуроньку мій, малый невелыкый!
 Колы бъ ты козацький звычай добре знатъ,
 Та на мого доброго, вороного коня сидавъ,
 Та передо мною повертавъ,
30. Хвабристъ свою козацьку молодецьку показавъ».
 То джуронька малый невелыкый одъ Хведора бездильного
 та безридного тее зачувае,
- Та на доброго коня сидае,
 Та передъ нымъ повертае.
- То Хведиръ бездильный до джуры Яремы словами промовляе:
35. «Эй джуроньку мій, малый невелыкый!
 Дарую тоби по смерты свои тягы ¹⁾ червонії
 И капитанъ мій одъ пиль до комира золотомъ гаптованый,
 Та на себе ёго надивай,
 На доброго коня мого килогривого сидаї,
40. Та передо мною повертай,
 Шобъ я мигъ знаты,
 Чы вдобенъ ты будешъ промиждо козакамы пробуваты».
 То джуронька малый невелыкый тее зачувае,
 Тягы червонії
45. И капитанъ одъ пиль до комира золотомъ гаптованый
 Зъ ёго знимае,
 Та на себе надивае,
 Та на вороного доброго коня килогривого сидае,
 Та передъ нымъ повертае,
50. Козацький звичай и честь ёму возвадае,
 То ще жъ Хведиръ бездильный, та безридный промовыть
 словами:
 «Эй, благодарю тебе, Господы Мылосердный,
 Шо не ледайкови моя худоба попадае.
 Буде винъ за мене Господа Мылосердного прохаты и bla-
- гаты,
55. То буде ёму Господь Мылосердный на всякимъ мисти спо-
 могаты.

¹⁾ Тягы були зализни и надивалась поверхъ жупана.

То ще жъ то Хведиръ бездильный та безридныи до джуры
Яремы словами промовляе:

«Эй джуроньку мій, малый невелыкый!

Ты своего коня за повода беры,

А на мого доброго вороного сидай

60. Та бижы жъ ты швыденько,

Та поспишненько,

Лугомъ Базалугомъ, та по-надъ Дніпромъ Славутою.

То якъ лебеди ячать, то ты озовыся,

А якъ ушкала гудуть, то ты скороныся,

65. А якъ козакы йдуть Дніпромъ Славутою, такъ ты объ-
явыся,

Та шлычокъ издіймай,

Нызыкий поклонъ отдавай,

Та добрымъ конемъ передъ нымы повертай,

Увесъ козацький звичай оддавай».

70. То джура Ярема добре дбае,

На коня сидїе.

Та по-надъ Дніпромъ лугомъ Базалугомъ бижыть-по-
слишае,

Изъ луга Базалуга выбигае,

На Дніпро спыльна поглядае,

75. Шо по Дніпру козацьке судно гуляе;

То винъ тее судно въ вичи забачае,

Шлычокъ здіймае,

Нызыкий поклонъ подавае.

То козакы ёго въ вичи забачали

80. До берега прыверталы.

То кошовий отаманъ, козацький запорозький,

Джуру Ярему въ вичи забачае

Та до ёго словами прымовляе:

«Се ты не своею худобою передо мною повERTаешъ,

85. А се ты Хведора бездильного, та безридного худобу въ
себе маешъ.

Чы ты ёго не вбывъ, чы не запродавъ,

Або чы жывцемъ у плинъ не оддавъ?»

— «Эй, то я жъ, то, каже, отамане кошовий, козацький
запорозький,

- Їго не вбивъ и не продавъ,
90. И живцемъ у плинъ не отдавъ,
А було жъ то по потреби барзе то по царьскій,
Много війська понажено,
На раны смертенні пострияно
Та порубано,
95. То я жъ то междо тымъ трупомъ промешкавъ,
Та Хведора бездильного,
Та безриданого,
На раны смертенні пострияного,
Порубаного,
100. Чуть живого заставъ,
Такъ винъ мини всю худобу отдавъ
И жизнъ свою одказавъ,
И шобъ я видъ єго поклонъ усимъ козакамъ гетьманцямъ
запорозьцямъ отдавъ».
- То батько кошовий
105. Отаманъ військовый
Добре дбае,
Та п'ятдесятъ чоловика козакивъ выбирає,
Та лугомъ Базалугомъ посылае,
Шобъ вони той трупъ проискькали,
110. Хведора бездильного та безриданого пошукали.
То то козакы добре дбалы,
Лугомъ Базалугомъ проижджали,
Та трупъ побитый Хведора бездильного та безриданого
шукали,
- Та третіго дни находжали,—
115. Та єго тило козацьке молодецьке на червону китайку
бралы,
Та до Дніпра до берега прыношали,
Та раны єго смертенні замывали,
Та копъямы суходилъ копали,
Та хорошенко козацьке молодецьке тило поховалы,
120. Та шапкамы перстъ носылы,
Та высоку могылу высышали,
Да ше въ головахъ дубовый праширокъ постановылы.
По тымъ вони єго помъинали,

Шо у себе малы:

125. Цвіленъкымы сухенькымы військовымы сухарцямы.
Отто жъ то, хотя Хведора бездильного та безриданого
Голова козацька надъ Дніпромъ полягла,
Такъ слава ёго козацька не помре, не поляже
Междо панамы,
130. Междо козакамы,
Междо всима православнымы хрыстыянамы.
Утверды, Господы, люду царьскаго,
Императорскаго
И всимъ головамъ слухающымъ дошли Боже на многая
литиа
135. До конца вика.

4.

Кишка Самійло.

1. Ой у лузи Базалузи тамъ бувъ куринь нетязъкий,
Тамъ живъ прожывавъ Кишка Самійло Гетьманъ ко-
закъкий;
То винъ тамъ живъ прожывавъ,
Та коло себе сорокъ два человека нетягъ мавъ.
5. То турецкѣ Баша, молоде паня, по Чорному мори без-
печно гуляло,
Та ніякового соби дыва не выдало,
Та по Чорному мори проижджае
И до Луга Базалуга прыбувае.
То до луга Базалуга прыбувалы,
10. То тамъ воны соби прыстань занималы,
Та въ лугъ Базалугъ гуляты изъ кгаляры выхождалы;
То тамъ воны соби въ лузи Базалузи недовго промешкалы,
Куринь козацъкий-нетязъкий увыдалы,---
Усихъ козакивъ нетягъ гетьманськихъ, запорозьскихъ,
сонныхъ забралы,
15. Та зализни пута имъ на руки, на ноги понадивали
Та въ кгаляру забралы,
Та до турецкаго баши прыставлялы.

- То турецький Баша велыку радость соби мае,
 Та свое молоде паня выхваляе,
20. Та до дивки Санджакивни на гуляння посылае.
 То молоде паня турецьке баша
 По Чорному мори безпешно гуляє,
 Та на бидныхъ невольницивъ згрозна гукає,
 А дидъ Бутурлака тее зачувае,
25. Та ще крипше на бидныхъ невольницивъ, страшнише
 гукає.
 То тоди воны по Чорному морю безпешно гуляли,
 До дивки Санджакивни на погуляння прыбували.
 То то дивка Санджакивна молоде паня турецьке баша
 У свитлыцю кам'яныцю зазывала,
30. Дорогымы напыткамы вытала,
 А військо середъ рынку сажала.
 То молоде паня турецьке баша на пидпыткахъ загуляло,
 Дивци Санжакивци свою хвабрость показало:
 «Чы ты то, каже, дивко Санжакивно, таке то выдала,
35. Шо шо въ мене въ кгаляри пробувае?
 Якъ я въ лузи Базалузи пробувавъ,
 Та тамъ соби велике дыво доставъ».
 То то воны по рынку гуляли,
 До прыстани прыбували,
40. На кгаляру исхожали.
 То дивка Санджакивна бидныхъ невольницивъ ввичи за-
 бачае,
 И сама соби зтыха знышка важко здыхае,
 А молоденького паню, турецького башу, вельми словами
 похваляе.
- То то воны зъ кгаляры схожали,
45. Велыкую радисть малы,
 Дванадцятро сутокъ гуляли.
 То тó дивка Санджакивна одъ турецького башаты,
 Молодого паняты
 Стала до бидныхъ невольницивъ нышкомъ пышу по-
 сылаты,
50. Шобъ не даты биднымъ козакамъ невольникамъ зъ голоду
 помирали.

- То воны то того й не вжывалы,
 Та до миста все складалы.
 То турецьке баша, молоде паня,
 До дивки Санджакивны рано въ недилю прыбувало,
55. А въ винторокъ до бидныхъ нетягъ невольниківъ
 У кгаляру на пидслухы ярызу посылае,
 Шо шо буде дидъ Бутурлака изъ невольникамы про-
 мовляты;
- Може винъ буде у хрыстыянську виру поступаты.
 То дидъ Бутурлака того ярызу ввичи забачае,
60. Та на бидныхъ невольниківъ згрозна гукае,
 Кисьци Самійлови у вичи штырхает,
 Та зализнымъ прутомъ по трyчи въ одно мисто затынае,
 Та въ виру бусурменську у каторгу турецьку прывертае
 И до Кишкы Самійла словами прымовляе:
65. «Эй, Кишку, Кишку Самійлу!
 Якъ будешъ ты у вири хрыстыянський пробуваты,
 То буду тебе паче всихъ невольниківъ обиждаты,
 По трy разы въ одно мисто зализнымъ прутомъ затынаты».
 То тилько ставъ одь ныхъ ярыза отхождаты,
70. Ставъ дидъ Бутурлака съ Кишкою Самійломъ тыхи речи
 маты;
- «Шо якъ бы намъ отъ турецкого башаты,
 Молодого паняты,
 На волю вблизаты».
- То дидъ Бутурлака добре дбае,
75. До Кишкы Самійла, знышка, словами промовляе:
 «Ой, Кишко Самійлу, не дуже своему серцю жалю задавай,
 Своимъ серцемъ и головою на Господа Мылосердного
 вповай;
- Будемъ мы Господа Мылосердного прохаты,
 Чы не буде намъ Господъ зъ небесъ благодаты посылаты».
80. То стали воны Бога Мылосердного прохаты,
 Сталы воны до Бога Мылосердного нызыки поклоны
 вдаряты:
- «Ой, пошли намъ, Господы, зъ неба,
 Та чого намъ треба».
- Эй шо вже-жъ то молоде паня,

85. Турецьке башя,
Дванадцятро сутокъ прогуляло;
До-кгалаиры прыбувало,
Спочываты залагало;
Ой то воно зъ обиднеи поры до четвертого часу про-
лежало;
90. Отъ сна вставало,
Та до діда Бутурлакы словами прымовляло:
«Шо який то мини, диду Бутурлаку, сонъ дывенъ та пре-
дывенъ прыснывся,
Та колыбъ винъ николы не явився.
Выдьтиця мыни, шо моя галера цвіткована, малёвана
95. Стала вся на пожари спускача,
Выдьтиця, шо мої невольники, котори були въ неволі,
Та стали вси по волі;
Выдьтиця, що мене Гетьманъ козацький булатною шаб-
лею ростявъ,
У Чорне море пометавъ».
100. То дідъ Бутурлака тее зачувае,
До турецького пашаты, молодого паняты, словами пры-
мовляє:
«Эй то не може такъ случытьця,
Шобъ сему сну справдьтиця.
Будешъ на невольникивъ покрипши пута надиваты,
105. То буде въ насъ Кишко Самійло зъ своими нетягами
всегда прожываты».
То молоде паня, турецьке баша, тее зачувае,
Вп'ять спочываты лягає,
А на діда Бутурлаку уси свои маєтки сповиряє.
То бидни нетяги четвертого чаусу полуночного уремъя до-
жыдалы.
110. Самій помежъ собою тыхи речи малы.
То дідъ Бутурлака добре дбає,
Зъ свого кармана ключи виймає,
Кисьци Самійлови у руки подаває,
Та ше до его словами прымовляє:
115. «Эй Кишко Самійлу, гетьмане козацький, нетязький!
Потыше путами ячите,

- Шобъ ни одного турчына не збудыты,
 Та братъ брата одмыкайте,
 Та свои пута потыхеньку зъ себе скыдайте,
120. Та поспишино турка бусурмена самого у Чорнєе море ме-
 тайте».
- То то Кишка Самійло добре дбае,
 Изъ себе пута скыдае
 И всихъ козакивъ бидныхъ нетягъ одмыкае,
 Та до своихъ нетягъ стыха словами прымовляе:
125. «Эй, вы, козакы, бидьни невольныки,
 Вы сёго дила не гайте
 Та поспишино турчына у Чорнєе море метайте».
- То такъ воны соби добрую годыну малы,
 Старого й малого турка у Чорнєе море усихъ пометалы,
130. Тилько дида Бутурлаку не зайлалы,
 Коло себе для порядку оставлялы,
 Шо той дидъ Бутурлака потурчывся и побусурманився
 И живъ винъ у турецькій земли на съвити
 Сорокъ четыри літи.
135. То воны то тамъ недовго пробувалы,
 Въ той часъ у Чорнєе море утикалы.
 То дидъ Бутурлака добре дбае,
 До козакивъ нетягъ, гатьманьци-запорозьци, словами
 прымовляе:
 «Эй, вы, козакы, гатьманьци-запорозьци, добре вы соби
 дбайте
140. Турецьке платья на себе надивайте,
 Спочываты лягайте,
 А половина часть зализни пута на себе надивайте,—
 Будуть насъ турки безбожни бусурмены стричаты,
 Будуть Алкана Пашу пытаты,
145. То я то буду знаты,
 Який отвить оддаваты».
- То то воны Чорнимъ моремъ потыхеньку проижджалы,
 То ихъ турки безбожни стричаты,
 То тоди самъ Бутурлака на чердакъ выхожае,
150. Ключи зъ кармана выймае,
 И на туркивъ махае.

- «Ой цытьте, турки, не ячите,
Молодого паній не збудите».
- То то турки дида Бутурлаку ввичи забачалы,
155. Скоро замовчалы
И одъ кгаляры одверталы.
То тоди бидьни нетяги потыхенъку зъ того миста одъи-
жджали,
- Чорнымъ моремъ далеко гулялы,
Та землю турецьку, виру бусурменьську проклыналы!
160. «Эй, земле, земле турецька,
Виро бусурменьська,
Розлуко христыяньська,
Хотя въ тоби срибла й злата багато бувае,
Та тилько бидному невольникови николы отрадосты немае,
165. Ни недили, ни празныка не знае,
Все у тій катерзи турецькій бидный невольникъ погыбае!»
.....¹⁾.
- То воны то по Чорному морю гулялы,
Та до дида Соленка у госьти прыбувалы.
То винъ ихъ у вичи забачае,
170. Шлычокъ изнімае,
Поклонъ oddavae,
До себе въ гости зазывае,
И до козакивъ гатьманьцивъ запорозьцivъ словами про-
мовляе:
- «Эй, вы, козакы, гатьманьци запорозьци,
175. Шо вы по Чорному морю гуляете,
Якого вы соби отамана маєте?»
Эй то то козакы гатьманьци запорозьди тее зачуvalы,
До дида Соленка словами промовлялы:
Эй, здоровъ, здоровъ, отамане старый!
180. Сталы бъ мы тоби поправди казаты,
Такъ не знаемъ якъ и тебе назваты».
То дидъ старый тее зачувае
Изъ кгаляры ихъ вызывае,

¹⁾ Тутъ забувся. Не згадаю якъ. Ну, та вже нехай.

- На сыру землю ихъ выкликае,
 185. Та до ихъ словамы промовляе:
 «Эй, вы, козакы, гатьманьци запорозьци!
 Шо я тутъ ²⁾.. .
 Висимдесятъ лить прожывавъ,
 Та такихъ людей и ввичи не выдавъ».
 190. То якъ стали козакы на пидпѣткахъ гуляты,
 Сталы воны ему всю правду повидаты:
 «Эй, диду Соленку! Мы то у лузи⁵ Базалузи прожывалы,
 Куринь соби нетязький малы;
 То турецьке баша, молоде паня, по Чорному морю гуляло
 195. Насть у лузи Базалузи сонныхъ застало,
 Въ неволю забрало,
 Зализни пута на руки й на ногы понадивало,
 Турецькому пану бashi прыставляло.
 То мы тамъ не довгѣ времѧ прожывалы,
 200. У дивки Санджакивны на бенькети гулялы,
 То намъ Богъ помигъ, шо мы турка у Чорче море по-
 металы,
 А самы сюды попалы»...
 То тоди дидъ Соленко ихъ съ честю прыймае,
 Хлиба-соли поставляе,
 205. И до себе житы благае.
 То то Кишка Самайло сее зачувае,
 Та до дида промовляе:
 «Эй, диду Соленку, хошъ буду я въ тебе хлиба-солы
 вжываты,
 А не хочу въ тебе пробуваты,
 210. Хошъ буду я по смерть свою велике горе прыйматы,
 А такы хочу у своїй України голову покладаты»...
 Тутъ-бы казать «Услышы, Господы», такъ ни; іі ще впереды
 багато, та не згадаю. Трыдцять може лить, якъ спивавъ я іі, а вона
 довга и, Господы, яка довга! Та шожъ ты будешъ робить, колы не
 згадаю. Тамъ якосъ ище дидъ Соленко своихъ пятьдесятъ человека

²⁾ Отъ тилько забувесь на якому острови,—чудне якесь єму названie.

ему помочи давъ. Оттутъ десь дидъ Бутурлака розсказувавъ, шо ихъ піймано було 60 чоловика, та винъ тилько одынъ у турецькій землі, значить, остався. Вони его тамъ сорокъ чотири года держали, поки его Кишка вызволивъ. Кишка Самійло Соленкови дидови свою кгаляру бросивъ, а взявшъ соби судно; ему дидъ Соленко давъ; такъ винъ ко-зацькымъ (судномъ) и поихавъ у свою Україну. Тамъ винъ скілько лить прожывъ, тай умеръ. Забувсь, де его поховалы. Надъ якоюсь ри-кою, отъ и въ уми верттиця, та чорты его батька зна, не згадаю. Надъ якоюсь рику померъ. Его й могила десь есть. Кажуть и того Хведора Безридного могила есть, та така якъ хата высока, шо й поки свитъ соньця не западе... Винъ, той Кишка Самійло, комусь издавъ свое отаманство, якъ помирали, та хто его зна кому... не згадаю...

Скілько я не чувъ такихъ писень, даць ся найдовша. Я іи не одъ майстра свого вывчывсь, а одъ кобзаря-жъ такы одного пидъ Гадячемъ. Тоди, значить, ярмарокъ бувъ, такъ нась багато изійшло; розбалакалысь соби, та якось и за цёго Кишку Самійла завелы мову. Такъ той кобзарь якъ проспивавъ іи, такъ я ему давъ карбованця, шобъ винъ мене вывчывъ іи. Такъ мы два ночи зъ нымъ удвохъ надъ нею мороочылись. Такъ я іи зневъ бувъ добре, а це забувъ, шо не спиваю никому. Плету соби, а й самъ знаю, шо воно тамъ не такъ було.

5.

Про трёхъ братиевъ Самарськыхъ.

1. Ой уси поля Самарськи погорили
Та вже й' почорнили,
А тилько не згорило три терни дрибненькихъ,
Три байракы зелененькихъ;
5. А тымъ же вони не згорили,
Шо коло себе трёхъ гостей имили.
А якыхъ же то трёхъ гостей?
Три братики ридненькихъ,
Голубонькивъ сывененькихъ,
10. На раны смертенні посичени й порубани,
Щей постриляни.
Одынъ братъ найстарший, пысаръ військовый,

- А другой братъ козакъ лейстровый,
А третій братъ грачъ и трунбачъ військовый.
15. Шо то змовыть найстаршый братъ до середульшого,
А середульшый до меньшого:
«Ой, колы бъ ты, братику, на свое здоровье козацьке мо-
лодецьке измагавъ
- Та до рички Самарки,
До крыныци Салтанки
20. Исходывъ, та холодной воды набравъ,
Та раны наши смертени чотыри шыроки,
А чотыри глыбоки,
Позакроплявъ,
Позамывавъ,
25. Та души полехкосты хочь мало создавъ,
То може бъ мы на свое здоровье козацьке, молодецьке,
хочь мало шо змагалы».
- То найменьшый братъ тее зачувае,
До старшихъ бративъ словами прымовляе:
— «Эй, мабуть уже намъ, братиця, до рички Самарки,
30. До крыныци Салтанки
Не ходыты,
Холодной воды не пыты.
Мабуть, братиця, буду я спидъ головъ військову трунбу
выйматы,
- Та буду гласъ подаваты,—
35. Чы не буде хто набожній гласъ зачуваты,
То чы не буде хто до насъ пидхожаты,
Нашои смерты доглядаты».
- Шо то змовыть старшый братъ до середульшого,
А середульшый до меньшого:
40. «Эй, не есть то насъ братиця, гостра шабля порубала,
Ни быстра куля постриляла,
А есть то насъ отцева й матчына молытва скарала,
Шо якъ мы увъ охотне військо выступали,
- Зъ отцемъ изъ маткою прощенія не прыймалы,
45. Братъ старшого за брата не прыймалы,
Блызъкъ сусидъ зъ хлиба-соли збавлялы,
Мымо церковъ ихалы, мымо съватую Субору шапокъ не
здймалы

- И на соби хреста не покладали,
 То тымъ то мы свое ѿщаѧ и долю потеряли».
50. Отожъ-то вони си слова промовляли,
 Та тамъ соби и смерть получали.
 То хотя трехъ бративъ Самарьскыхъ
 У тернахъ, та въ байракахъ, на Самарьскому поли голова
 полягла,
 Такъ слава ихъ козацька, молодецька не помре, не поляже.
55. Утверды Господы люду царьскаго,
 Импера торського
 И всимъ головамъ слухающимъ пошли Боже на многая
 лита
58. И до конъця вика!

6.

Про Коновченка вдовычченка.

1. Ой на славній Українні,
 У славному городи у Корсуни,
 То тамъ живъ прожывавъ Корсунський полковникъ Пане
 Хвилоне.
- То винъ живъ прожывавъ,
 5. По городахъ листы засылавъ
 Сотникивъ,
 Полковникивъ
 И козакивъ рядовыхъ увъ охотне військо выклыкавъ.
 «Ой вы сотники
 10. Й полковники,
 И козакы рядові!
 Который охотникъ пойти изо мною на Черкену долину
 гуляти,
- Славы царствія козацькому війську зажывати,
 За виру хрыстыянську въ одній стани статьи,
15. Чы не дашь намъ Богъ добычи якои соби маты».
 То вси сотники и полковники замовчали ¹⁾.

¹⁾ Замовчлы.

Томъ 84.—Февраль, 1904.

Тилько жыла у городи у Черкаси стара удова по прозва-
нію Коновчыха,

А по мужу Грыцыха,

И мала вона соби сына Ивася Коновченка,

20. Прекрасного лыцаря едыничыка.

То винъ тії листы забачае,

У свитлыцю вхожае,

До своеи матуси ридненськои,

Удовы старенськои,

25. Словами промовляє:

«Благословы мини, маты,

Съ Корсуньськымъ полковныкомъ

Шаномъ Хвилономъ

На Черкену доляну питы погуляти,

30. Славы царствія зажывати,

За виру християнську въ одній стани статьи,

Чы не дастъ намъ Богъ якои добычи маты».

То те винъ до своеи матуси словами промовляє:

«Возмы ты, маты, четыри волы чабаніи,

35. Два кони вороніи,

Та дванадцять червіньцівъ доложы,

Та до города Крылова, до жыда олендаря волы оджены,

До коня вороного и зброю козацьку молодецьку купы,

Которого коня моя душа любыла

40. Та ще й ухвалыла».

То старая женá, бидна вдова, тее зачувае,

До своего Ивася Коновченка, прекрасного лыцаря, словами

промовляє:

«Не благословлю я тоби, сыну,

Съ Корсуньськымъ полковныкомъ иты на Черкену доляну

гуляти,

45. Славы царствія козацькому війську зажывати,

А благословлю я тоби, сыну, четыри волы чабаніи,

Два кони вороніи

Зъ загорода одлучаты,

Та йты въ чисте поле хлиба пахаты;

50. То будуть козакы

Съ Корсуньськымъ полковныкомъ

- На Черкену долыну йты гуляты,
 Будешъ ты ихъ у свій дверь завергаты,
 Будешъ ты ихъ хлибомъ силью вытаты
 55. И будешъ ты весь той козацький звычай и дома знаты».
 То винъ тее зачувае,
 До своеи матуси ридненькои словамы промовляе;
 Ой, не хотилося мени, маты,
 Иты у чистее поле хлиба пахаты,
 60. Своихъ червоныхъ сапьянъцивъ чобить по борознахъ спо-
 тыкаты,
 А хотилося мини питы съ Корсуньськымъ полковныкомъ
 На Черкену долыну погуляты,
 Славы царствія козацькому війську зажываты,
 За виру хрыстиянську въ одній стани статы,
 65. Может бъ чы не давъ Богъ якои добычи соби достаты».
 То стара жена, бидна вдова, протывъ тогоничого ёму не
 сказала,
 Та въ святую недиленъку рано уси рушници въ комору
 повыношала,
 Та до Божого дому на моленіе исхожала,
 А своего Йвася Коновченка, прекрасного лыцаря,
 У домивци свой не пры чимъ покыдала.
 70. То Йвась Коновченко одъ сна уставае,
 У свитлыцю вхожае,
 По стинахъ поглядае,
 Що вже батькивськои рушници на стини ни одної
 немае,
 Тилько въ запичку семыпъядная пышаль сіяе.
 75. То винъ то коло неи соби козацький звычай добре знае,
 Та семыпъядну пышаль батькивську за плечи закладае,
 Та до Корсуньського полковника
 На Черкену долыну за симсотъ верстъ поспишае.
 На Черкену долыну прыбувае,
 80. До палаты прыхожае,
 Та ще Корсуньського полковника на спочывкахъ за-
 ставае.
 Эй то вже жъ то вистовый полковнику извищае,

ІДо «який то до нась на Черкену долыну гость пры-
бывае.

То Корсуньській полковныкъ одъ сна вставае,

85. Съ палаты выхожае,

Прекрасного лыцаря Ивася Коновченка въ вичи забачае.

То Івась до Корсуньського полковника пидхожае,

Шлычокъ скыдае,

Нызький поклонъ отдавае,

90. Та до Корсуньського полковника словами промовляе:

«Эй, здоровъ, здоровъ, Корсуньський полковныку, пане
Хвылоне!

Шо ты думаешьъ-гадаешьъ,

Шо такого соби госьтя маешьъ?

То благословы, Корсуньський полковныку, Пане Хвы-
лоне,

95. На Черкену долыну безпешно погуляты.

То Корсуньський полковныкъ, Пане Хвылоне, тее слово за-
чувае,

До Івася Коновченка словами промовляе,

Прекраснымъ лыцаремъ ёго называе.

— «Не благословлю я тоби, отецький сыну,

100. Иты на Черкену долыну

Безпешно гуляты,

А благословлю я тоби на червоній кытайци за столомъ
сидиты,

Перомъ на папери пысаты,

Та козакамъ гатьманьцямъ запорозьцямъ порядокъ да-
ваты,

105. Шобъ воны зналы на Черкени долыни безпешно гуляты,

За виру християнську въ одній стани статы,—

Чы не поможе намъ Господь мылосердный якои добычи
достаты.

Ты ще дытя молодее,—

Шобъ тоби турки бусурмены, альбо татары, здоровья не
збавылы

110. И вику не вмалылы».

То Ивась Коновченко тее слово зачувае,

До Корсуньського полковника словами промовляе:

- «Эй то ты то, Корсуньский полковнику, чане Хвылоне!
 Возьмы ты утя одно малее,
115. А друге старее,
 Та пусты ты у Чорнєе море; чы не поплыве малее,
 Якъ бы те й старее».
- То Корсуньский полковникъ тее зачувае,
 До Івася Коновченка словами промовляе:
120. «Благословлю я тебе, отецький сыну, на Черкену долыну
 гуляти,
- Славы царствія козацькому війську зажываты,
 За виру хрыстиянську въ одній стани статы,—
 Чы не поможе тоби Господь якои добычи соби достаты».
- То Івась Коновченко шлычокъ здймае,
125. На вси четыри стороны цоклонъ oddавае
 И отцеву матчины молытву спомынае,
 Та отъ Корсуньского полковника, отъ палатки отхожае
 И съ пидь соньця, съ правои стороны
 • Туркивъ и татаривъ мечемъ своимъ устрашае.
130. То винъ то немного на Черкени долыни изъ утра до по-
 ловыны дня гуляе,
 Туркивъ и татаривъ вельми побижае.
 То винъ немного зъ утра до половыны дня погулявъ,
 Симсотъ душъ турка и татара посикъ, порубавъ,
 А симсотъ душъ жывемъ на арканъ забравъ,—
135. До Корсуньского полковника уси знамена прыставлявъ¹⁾.
 То Корсуньский полковникъ ёго въ вичи забачае,
 И такъ скоро до ёго поспишае,
 За билу руку ёго хватае,
 Прекраснымъ лыцаремъ молодецькымъ ёго называе,
140. Шлычокъ передъ нымъ исъдае,
 Славу ёго козацьку молодецьку выхваляе,
 Та въ свою палату ёго зазывае,
 На червоній кытайци сажае,
 Словами промовляе:
145. «Эй то якъ то ты, Івасю Коновченку, прекрасный лыцарю,
 У своеи матуси ридненькои,
 Удовы старенъкои

¹⁾ То добре погулявъ!

- Прощенія прынимавъ?
 Чы ты якъ изъ дому отхожавъ,—
 150. Молебни наймавъ?»
 «Эй ни-жъ бо то, пане Корсуньскій полковныку,
 Я сёго и въ голови не мавъ.
 Моя матуся ридненька,
 Удова старенъка,
 155. До Божаго дому рано исхожала,
 А мене въ домивци свой не пры чимъ покыдала,
 То може вона й молебни ваймала».
 То стара жена,
 Бидна вдова,
 160. Зъ Божаго дому зъ моленія у свою домивку прыбувае,
 Свого Йвася Коновченка, прекрасного лыцаря, у свой до-
 мивци не заставае,
 То вона гирко плаче й рыдае,
 Дванадцять червиньцівъ шукае
 И поспишно четыри волы чабаныи,
 165. Два кони вороныи
 Зъ загорода одлучае,
 Та до города Крылова, до жыда олендаря отганяе
 Та вороного коня и козацьку зброю у жыда олендаря за-
 бирае,
 Та до свого двора прыставляе.
 170. Эй то вже жъ то вона изъ свого двора выхожае,
 На вси стороны логглядзе,
 Изъ якого шляху йшли козакы гатьманьци-запорозьци
 На Черкену долыну гуляты,
 Славы царствія козацькому війську доставаты,
 175. Шобъ сынови своему Ивасеви Коновченку, прекрасному
 лыцареви,
 Гостынець передаты,
 Которого коня душа улюбыла,
 Та ще й ухвалыла.
 То въ той часъ четыри человека козаківъ запорозьцівъ
 Господь наношае.
 180. То стара жена,
 Бидна вдова,

Іхъ на здоровъя стричае,
У свій дверь завертае
И своего Ивася Коновченка прекрасного лыцаря имъ спо-
мынае.

185. «Вы то», каже, «козакы, гатьманьци-запорозьци,
Идете на Черкену долыну гуляты,
Чы не моглыбъ вы моему Ивасю Коновченку, едынчыку,
гостынецъ податы».
То вони тее зачували,
До вдовы словами промовлялы:
190. «Колыбъ то намъ Господъ помигъ до Черкени долыны пры-
буваты,
Ta Корсуньского полковника пана Хвылона въ вичи по-
выдать,
To будемо й мы по Черкени долыни гуляты,
Чы не дастъ Господъ и намъ якои добычи достаты».
To бидна вдова,
195. Старая жена,
Своему Ивасеви Коновченкови, прекрасному лыцареви, коия
передавала,
To вона жъ то его не кляла не проклынала,
Ta на его вси добри мысли мала
И Господа Мылосердного благала:
200. «Эй, Господы Мылосердный!
Колыбъ мого Ивася Коновченка, прекрасного лыцаря,
Гостра й шабля не рубала.
И быстра пуля его обмынала,
И шобъ его отцева й матчына молитва не скарала».
205. То вона вороного коня за шовкови поводы, за срибни удела
изъ стани вывожае
И козакомъ запорозьемъ Иваномъ гостынецъ передавае.
To Иванъ козакъ-гатьманецъ на Черкену долыну ажъ
третего дня прыбувае.
- To Ивасъ Коновченко съ палаты выхожае
Ta по Черкени долыни по всій поглядае,
210. Чы воно на Черкени долыни шо добре почынае,—
Може зъ якои стороны турокъ або татарынъ чы не за-
хожае;

- То по Черкени долыни поглядае
 И поверхъ долыны своего вороного коня,
 Свою зброю козацьку молодецьку въ вичи забачае.
215. Та обратно въ палату вхожае,
 До Корсуньского полковника словами промовляе:
 «Ой Корсуньский полковнику пане Хвылоне!
 Шо то ты соби думаешь гадаешь?
 Шо я жъ то думавъ, шо мене матуся ридненька,
220. Вдова старенька
 Клене—проклынае,
 Ажъ вона миши молодому гостынцу передавае».
 То Корсуньский полковникъ тее зачувае,
 Словами промовляе:
225. «Який же ты, Ивасю Коновченку, одъ своеи матуси ридненькои,
 Удовы старенькои,
 Гостынець маишъ?»
 «Эй то ты то, пане Хвылоне, такой я соби гостынець маю,
 Шо которого коня моя душа улюбила,
230. Да ще й ухвалыла».
 То Корсуньский полковникъ исъ палаты и самъ выхожае
 Вороного коня въ вичи забачае,
 До Ивася Коновченка словами прымовляе:
 «Эй то Ивасю Коновченку годытьца твои матуси ридненькои,
235. Удовы старенькои
 Гостынець тоби получаты,
 Шобъ ты мигъ свою матусю ридненьку,
 Удову стареньку,
 Рано й пизно спомынаты».
240. То Иванъ козакъ гатьманець доброго коня молодецкого
 До Корсуньского полковника прыставляе,
 То Иванъ Коновченко до доброго коня пидхожае,
 На коня сидае,
 Передъ Корсуньскимъ полковникомъ молодецькою хвабристью повертае,
245. До Корсуньского полковника промовляе;
 «Эй Корсуньский полковнику!

Отеперь, каже,
Благословы мини оковытои горилки, та зеленого вина на-
йтиця».

То винъ до сороковои бочки якъ прыхылывся, та въ свій
кубокъ нальвъ,

250. Сердце свое козацьке звеселывъ.

«Якъ бы я, Корсуньский полковныку, пане Хвылоне,
Побильшъ оковытои горилки вжывавъ,
То я бъ ще не такъ по Черкени долыни беспешно гулявъ».
То тоди Ивась Коновченко побильше горилки вжывае,

255. На доброго коня сидае,

Та тоди по Черкени долыни беспешно вже гуляе.

То тоди Корсуньский полковныкъ

По Черкени долыни на его спыльна поглядае
Эй шо вже жъ по Черкени долыни турка й татара никого
немае ¹⁾)

260. То Ивась Коновченко по Черкени долыни проижджае,

По Черкени долыни поглядае,

Шо тилько на Черкени долыни турецький,

Бусурменьский

Та татарьский трупъ валяе

265. То винъ тоди междо трупомъ проижджае,

Голову свою козацьку молодецьку вороному коневи на гриву
склоняе;

То де то взявся сидобородый татарынъ, ²⁾ та зъ-заду
схватываясь,

Та зъ видъ ливого боку якъ замирывся,

Та такъ его сердечного спиткавъ,

270. Шо мало въ пиль не перетявъ.

То Йвась Коновченко съ коня звалывся

И Корсуньскому полковныку не поклонывся.

То Корсуньский полковныкъ по долыни спыльна поглядае,

Шо тилько Ивася Коновченка добрый кинь самъ по Чер-
кени долыни гуляе,

275. То Корсуньский полковныкъ до своихъ козакивъ

¹⁾ Уже, значить, управыясь!

²⁾ Междо трупу.

Гатьманьцивъ-запорозьцивъ словами промовляе:

«Эй, не дурно Коновченківъ кинъ вороний самъ по Черкени долыни гуляе,
Мабуть мого Івася Коновченка, прекрасного лыцаря, на
свити жывого немае».

То Корсуньський полковныкъ до своихъ козакивъ словами
промовляе:

«Эй, вы, козакы, гатьманьци-запорозьци, добре вы соби
учыните,

Та поспишненько на Черкену долыну бижйте,

Та доброго коня вороного изловите,—

Его тило козацьке—молодецьке прекрасного лыцаря по-
шукайте.

То козакы гатьманьци-запорозьци сее зачувалы,

285. Тила прекрасного лыцаря Ивася Коновченка ажъ тры дни
шукали,

Та его тило козацьке молодецьке яа червону кытайку бралы,
Та до Корсуньского полковника прыставлялы.

То Корсуньський полковныкъ его въ вичи забачае,
Гирко плаче рыдае,

290. До козакивъ, гатьманьцивъ-запорозьцивъ словами промовляе:
«Отеперь», каже, «козакы, гатьманьци-запорозьци, глы-
боку яму копайте,

Та хорошенъко тило козацьке поховайте».

То козакы тее зачувалы,

Глыбоку яму копали,

295. Его тило козацьке молодецьке хорошенъко поховалы,
Высоку могилу высыпалы,
Надъ нымъ цохороянъ одправлялы.

То Корсуньський полковныкъ гирко плаче рыдае,
До козакивъ запорозьцивъ словами промовляе:

300. «Мабуть уже намъ на сей Черкени долыни послидній разъ
пробуваты,

Бо вже намъ такого прекрасного лыцаря, Ивася Конов-
ченка, не достаты.

Уже Ивась Коновченко прекрасный лыцарь оженывся;

Узявъ соби гордыню,

Жену туркыню».

305. То такъ то вони Ивася Коновченка, прекрасного лыцаря,
Хоропенько на Черкени долыни поховалы,
А турка татара у викъ вишный заклиналы.
Хотя прекрасного лыцаря Ивася Коновченка
На Черкени долыни голова полягла,
310. Такъ его слава козацька молодецька не помре не поляже
Междо панамы,
Междо козаками.
Междо всима православными християнами.
То тоди Корсуньський полковныкъ й козаки, гатьманьци-
запорозьци,
315. Ись Черкени долыни одъижджалы,
Гирко плакали ѹ рудати,
Та Йвася Коновченка, прекрасного лыцаря, спомыналы.
То тоди вже козаки, гатьманьци-запорозьци,
У городах християнськы у городъ Черкасы прибували.
320. То Корсуньський полковныкъ самъ до вдовы старои до-
двора прыбувае,
То стара жена,
Бидна вдова
Зъ двора выхождае,
Корсуньський полковныкъ іи стричае
325. И до вдовы словами прымовляе:
«Эй здорова, здорова, старая жона,
Бидна вдово!»
То вона то Корсуньського полковника въ вичы забачае,
Та до его словами прымовляе:
330. Эй, Корсуньський полковныку, пане Хвылоне!
Де жъ ты моего сына заподивъ?
Чы ты его вбывъ,
Чы стребывъ,
Чы запродавъ.
335. Чы туркамъ бусурменамъ та татарамъ въ неволю oddавъ?»
То Корсуньський полковныкъ тее зачувае,
До вдовы словами прымовляе:
«Ой бидна удобво,
Старенъкая жено,
340. Та яжъ твого сына ни вбывъ,

- Ни стребывъ,
 Ни запродавъ,
 Ни туркамъ бусурменамъ та татарамъ въ неволю не
 oddavъ.
- А хиба тоби, удово,
345. Старенька жено,
 Сонъ такый не снылся,
 Шо вже твій сынъ на Черкени долыни оженывся;
 Узявъ соби гордыню, гордыню.
 Жену туркыню».
350. То вдова тее зачувае,
 Та Корсуньского полковыка у дверъ свій зазывае
 И всихъ козакивъ, гатьманьцивъ-запорозьцивъ, на рынокъ
 завертае,
- Славнои смерты своего сына пытае.
 То козакы, гатьманьци-запорозьцы, тее зачували,
355. До вдовы одни слова промовлялы.
 То старая жена,
 Бидна утова,
 Велыкую радисть мала,
 Вына та солодкого меду имъ поставляла
360. И всимъ козакамъ, гатьманьцямъ-запорозьцямъ,
 По тры таляри гостынъця давала,
 Молебни отправляла
 И Корсуньского полковыка за ридного отця у себе мала,
 Та всихъ козакивъ гатьманьцивъ
365. На своимъ содержаніи цилый тыжденъ мала,
 Гуляла й пырувала
 Велыкую радость мала.
 То тоди Корсуньский полковыкъ зъ вдовыного двора
 зъижджае,
- Та до своихъ козакивъ, гатьманьцивъ-запорозьцивъ, словами
 промовляе:
370. «Эй вы козакы, гатьманьци-запорозьцы!
 Добре мы за Йасия Коновченка вдовыченка, прекрасного
 лыцаря,
 У старой утovy хлиба солы ужывали,
 Та мы ій и правды не сказали!»

- Якъ не будемо ій по правди казаты,
 375. То буде нась Богъ невыдымо караты» ¹⁾.
 Эй то то воны зъ города Черкасъ выходылы
 Та козака идного гатьманьця-запорозьця тамъ прыоста-
     новылы.
 То той козакъ, гатьманець-запорожець, до вдовы у дверь
     захожае,
 Гирко плаче рыдае,
 380. До вдовы словами прымовляе:
     «Ой, удово,
     Старенькая жоно!
     Шо ты то гуляешь-веселышся,
     А твій сынъ не оженывся,
 385. А получывъ винъ на Черкени долыни не быструю кулю,
     А гострую шаблю.
     Не получывъ винъ гордыни,
     Жены туркыни,
     А получывъ винъ глыбокую яму й высоку могилу,
 390. Вирненъку дружыну».
 То тоди то старая жена,
     Бидна удова,
     Гирко плаче-рыдае,
     Къ сырій земли цропладає
 395. Та Корсуньского полковника не клене не проклынає ²⁾,
     А тилько словами промовляє:
     «Ой, бодай ты, Корсуньский полковнику, тай здоровъ на
         свити пожывъ,
     Якъ ты мого Ивася Коновченка, прекрасного лыцаря,
     На Черкени долыни прыостановывъ».
 400. Выслушай Господы у прозьбахъ,
     У непштныхъ молытвахъ,—
     Дай Боже мыру царьскому,
     Народу християнському,
     На многая лита,
 405. До коньця вика!

¹⁾ Оханувся, значить.

²⁾ Тоди гриха боялышся здорово!

Мини одынъ гусарь рассказувавъ, шо воны колысь проходылы черезъ Черкену долыну, то бачылы й могылу Коновченкову; вона, кае, й доси стоить высока-превысока! Коновченковою такъ и до сего часу зветьца.

7.

Прощокола.

(Невольнищка).

1. Вылынулы соколы
Съ чужой стороны,
Силы впалы у лиси,
На превоздобному древи ориси,
5. Извылы соби гнездо щерлатьное,
Изнеслы яйце жемчужное
И вывелы соби дытя
Бездильне,
Та безридне,
10. Ясне соколя.
То якъ полетивъ сокиль старый
На чужу украину живности доставаты,
То винъ соби живности не доставъ,
Только бездильне свое та безридне ясне соколя утерявъ.
15. То винъ у свою украину прылитae,
Свого бездильного та безридного соколята на мисти не
застае.
То винъ сизокрылого орла стричае
И до его словами прымовляе:
«Эй, сизокрылый орле,
20. Чы ты не чувъ, чы не прыбачывъ, де то моё дытя,
Бездильне та безридне ясне соколя подилося.
Эй то сизокрылый орель тее зачувае,
До ясного сокола словами прымовляе:
«Эй то ты то ясный соколе!
25. Ихалы стрильці
Булахівци
Зъ города

- Царыгорода,
 Та твое гнездо щерлатное увыдалы
30. Та орихъ дерево зрубалы,
 Та твое дытя,
 Бездильне
 Та безридне
 Ясне соколя
35. Забралы,
 Та въ городъ Цариградъ заношали
 Та Ивану Богословцю на утиху продавалы.
 То то Ивась Богословець его забирае,
 Золоти пута на ноги надивае
40. И жемчугомъ очи запускае,
 По Царыгороди гуляе
 И ясне соколя на рукахъ носить, серце свое утишае.
 То якъ бы-жъ ты, ясный соколе, надъ Царыградъ городъ
 надлетивъ,
- Та жалибненько заквилывъ,--
45. Хай твое дытя,
 Бездильне та безридне соколя,
 Не такъ то весело бувае,
 Не якои птицы не ввыхае,
 Головку склоняе,
50. То чы не буде Иванъ Богословець велике мылосердіє
 маты.
 Чы не буде его на высокий валъ выкыдаты».
 То ясный сокиль тее зачувае,
 Надъ городъ Царыгородъ надлитае,
 Жалибненько проквыляе.
55. То ясне соколя тее зачувае,
 Свою головку нызенъко склоняе,
 И очи пидъ либъ пускае.
 То Иванъ Богословець на его поглядае,
 Важко здыхае,
60. До своихъ слугъ словами прымовляе:
 «Ой вы, вирни мои слуги!
 Возьмить оце дитя,
 Бездильне та безридне соколя,

- Та золоти пута зъ нигъ скыдайте,
 65. Жемчугъ зъ очей здіймайте,
     Та на высокий валь выношайте,
     Та на тыхый витеръ его пускайте.
     Буде на его тыхый витеръ повиваты,—
     Чы не буде воно на свое здоровья змагаты».
70. Ой у съватую недиленьку барзо рано пораненьку
     Бездильне та безридине ясне соколя забиралы,
     Золоти пута зъ нигъ скыдалы,
     Жемчугъ зъ очей знималы,
     Та на высокий валь выношали,
75. На тыхый витеръ пускалы.
     То ясный сокиль на сырь землю крыльця свои спускае
     И свое дытя,
     Бездильне та безридине ясне соколя,
     Поспишино на крыла хватае,
80. Пидъ высоку высоту залитае,
     Та городъ Царыгородъ заклынае:
     «Оже хочъ ты, Царыгородъ городъ, на сребро-золото
         багатый,
     Шо е въ тоби шо исты и пыты
     И хороше ходыты,
85. Та немае чоловикови одрадосты».
     Услышы, Господы, у прозъбахъ
     У непштныхъ молытвахъ
     Дай, Боже, мыру царьському,
     Народу хрыстыянському
90. На многая лита,
 91. До конъця вика!

8.

B u t c y i m z.

1. Ой у съватую божественнюю недиленьку,
     Барзе рано пораненько,
     То не гласныи дзвоны дзвонылы,
     Якъ у первому двори неридный отець и маты исъ сво-
         имъ сыномъ говорылы:

5. «Ой идыжъ ты, сыну, мижъ чужій люде,
 То тамъ тоби чы не лучше буде;
 То нехай тебе хторый отець не лае, не проклынае
 И щастя й доли козацької твоєї не теряє».
 То въ съватую недиленъку старша сестра коня выводыла,
10. Середульша зброю выносила,
 А найменьша сестра выходыла,
 Хустыну своему братови выносила,
 Гирко плакала и рыдала,
 Слезамы пролывала,
15. До своего братика найменьшого словами промовляла:
 «Братику мій ридненький,
 Якъ голубонько сывенъкий!
 Видкиль же тебе въ гости выглядаты:
 Чы зъ буйного витру,
20. Чы зъ широкого степу,
 Чы зъ славного війська Залорожъ?»
 То братъ тее зачувае,
 До сестры своеи найменьшои словами прымовляє:
 «Сестро моя ридненька,
25. Голубонько сывенъка!
 Не выглядай мене ни зъ буйного витру,
 Ни зъ широкого степу,
 Ни зъ далекого поля,
 Ни зъ славного війська Залорожъ,
30. А возьмы ты, сестро моя ридненька,
 Голубонько сывенъка,
 Жовтого писку въ жменю,
 Та посій на билому каменю,
 То якъ буде жовтий пісокъ на билому камени схожати,
35. Хрещатымъ барвінкомъ зеленымъ билый каминъ устылати,
 То тоди будешъ мене, сестро, въ гости выглядаты».
 То найменьша сестра тее зачувае,
 До своего братика словами прымовляє:
 «Братику мій ридненький,
40. Якъ голубоньку сывенъкий!
 Я сего одъ старыхъ людей нѣ чувала,
 Шобъ жовтий писокъ на билому камени исхожавть,

Би́лый каминъ устыла́въ.

То мабуть не буде жовтый писо́къ на билому камени схозжаты,

45. Хрещатымъ барвинкомъ билый каминъ устылаты,
То мабуть мини, братику, тебе въ вичи не выдаты».
Отныни и до вика,
48. И до конъця вика!

9.

Про сестру та про брата.

1. Ой у съватую недиленьку барзэ раю пораненько,
То не съва зозуля закувала,
Не дрибная птыца у бору запшебетала,
Якъ сестра до брата лысты пысала.
5. Та въ чужи далеки города засылала,
Та свого брата ридненъкого у гости прохала,
Та его и благала:
«Братику мій ридненъкый,
Якъ голубоньку сывенъкый!
10. То прошу я тебе, прыбудь ты до мене,
Созвидай мене на чужій чужыни,
Пры бидній годыни,
Пры несчастливій моій злій хуртовыни.
Шо я то, братику, на чужій чужыни проживаю,
15. Велыке горювання всегда собы прынимаю,
Шо я то, братику, на чужій чужыни завдовила,
Своими диточкамы маленькымы осиротила.
То братъ тее зачувае,
До сестры словами промовляе:
20. «Радъ бы я, сестро, къ тоби прыбыты,
Тебе созвидаты,
Такъ не могу за быстрымы водамы
За широкымы степамы
И за дальнимы далекымы сторонамы,
25. И за темнымы высокымы лугамы».
То сестра тее зачувае,
До братика словами промовляе:

- Братику мій ридненький
 Якъ голубонько съвенький!
30. Черезъ быстрія води билымъ лебедонькомъ переплывы,
 А черезъ шыроки степы малымъ невелыкымъ перепи-
 лонькомъ перебижи,
 Черезъ дальни далекіи стороны, черезъ темни высокы лугы
 яснымъ соколомъ перелеты,
 А на мое подвирья съзокрылымъ голубкомъ упады
 И жалибненько загуды,—
35. Сердю печаль тугу мою роздилы
 Шо вже жъ то, братику, идеть Христове Просвітле Во-
 скресеніе:
 Людямъ радость,—
 Мини смутостъ.
 Шо люде то на празныкъ до Божого дому йдуть
40. Якъ бджолы гудуть,
 А зъ Божого дому выхожають,
 Якъ мацъ процвітаютъ;
 Пона ісь полою исхожає
 И братъ ісь сестрою съ празныкомъ поздоровляє,
45. А на мене бездильну никто й не ногляне,—
 Будьто насть, братику, никто й родомъ незнає.
 Шо якъ мы въ свого отца й матки прожывали,—
 Якъ у нашего отца й матки пылы й гуляли,—
 Ни свитъ, ни зоря на добриденъ давали,
50. Съ празныкомъ поздоровляли,
 На хлібъ и на силь зазывали,
 А якъ прышыбла, братику, мене, непчасна хуртовына,
 То тоди одреклъся кумы й побратимы
 И всякая названая сердешная родына!
55. Трудно то, братику, рыби безъ воды пробувати
 И звирю-птыци безъ лиса въ чистимъ поли гуляти,
 А ище труднише, тяжче й важче бездильному, та безрид-
 ному чоловикови
- На чужїй украини безъ родыны кревной й сердешной про-
 жывать!»
- Выслушай, Господы, у прозьбахъ
60. У непщетныхъ молитвахъ.

Дай Боже мыру царьському
 Народу християнському
 На многая лита,
 64. До коньця вика.

10.

Прощадовъ.

1. У съватую недиленьку барзо рано пораненько,
     То не сосна у бору зашумила,
     Якъ бидна вдова,
     Стара жена
5. Зъ своимы диткамы въ домивци своїй гомонила:
     «Ой сыны жъ мои, диты маліи, якъ мини зъ вами викъ
         горюваты,
     То якъ то мини старенький хлиба й солы чужого заро-
         блиты,
     Та васъ годуваты?!»
     То бидна вдова, стара жена чужого хлиба солы заробляла
10. Та своихъ сынивъ изъ малу до зросту годувала,
     По наймахъ не пускала,
     Чужымъ людямъ у руки на стыраніе не давала,
     То жъ то вона зъ нымы пры старосты лить вику про-
         жыты мала.
     То якъ стали удовыны сыны до свого розуму дохаждаты,
15. Сталы соби молоде подружжа занимать,
     Сталы свою матку ридненьку, удову стареньку зневажаты,
     Сталы іи пры старосты лить у плечи торкаты
     И стали зъ неи насыхатысь, изъ двора зганяты:
     — «Ой иды ты, маты,
20. На чужый двиръ прожываты;
     Нехай наши жинки молодіи не будуть съ тебе насыхаха-
         тысь
     И дитки наши маленьки при старосты лить тебе въ плечи
         торкаты». .
     То стара жена бидна удова тее зачувае,
     До своихъ сынивъ словами прымовляе:
25. Ой, сыны жъ мои, диты молодіи!

- Стилько я зъ вами рикъ горювала,
 Пучкамы та ручкамы хлібъ заробляла та васъ годувала,
 То я то зъ вами прожыты викъ свій мала,
 А теперъ я чого одъ васъ дождала?
30. Де мени теперъ смерты дождаты,
 Де моого вику теперъ докончаты?!.
 То й у съватую недиленъку барзе рано пораненько,
 Бидна вдова стара жена зъ двора выходила,
 Та за дрибнымы слёзамы съвита Божого не выдала.
35. Обыльтьця вона гирько слёзамы,
 Ударытьця объ полы билымы рученькамы,
 Плаче рыдае, дрибнымы слёзамы пролывае,
 А близький сусида тее зачувае,
 Та зъ своего двора выхожае,
40. До вдовы словамы прымовляе:
 «Ой удово старенъкая, не плачъ не журыся!
 Иды ты у мій двиръ прожываты,
 Будешъ мєни хатку промитаты,
 Будешъ ты моихъ маленькихъ диточокъ доглядаты,
45. То буду я тебе, удову старенъку, почтаты, шануваты й
 поважаты!»
 То стара жена бидна вдова на чужому подвирьи дванадцять
 лить проживае,
 То всякий то день дрибнымы слезамы пролывае,
 А сынамъ усимъ тремъ удовыченъкамъ на своему по-
 двирьи прожытку немае.
- Ставъ ихъ Господъ невидимо караты
50. Эй скотыною и дытыною побиждаты.
 Ставъ старший братъ сее замичаты,
 Шо ставъ Господъ и даже ихъ обиждаты.
 Сталы зъ вдовыченъківъ и люде насьміхатись.
- То тоди старший братъ тее зачувае,
55. Та до своихъ бративъ словамы промовляе:
 «Эй, братики мои ридненъки,
 Голубонъки сывеньки!
 Не добре мы соби учынылы,
 Шо свою матку ридненъку прогнивили!
60. То добре мы соби, братики, изробымо,

- Та до своеи матуси ридненькои,
 Удовы старенъкои
 На чужый дверъ ходимо,
 Та нызенько до нигъ упадимо,
65. Та свою матку ридненьку,
 Удову старенъку
 У свій дверъ прызовимо».
 То въ съватую недиленъку барзе рано пораненъко,
 Не съзи орлы заклекоталы,
70. Якъ уси три вдовыченьки на чужый дверъ прыбували
 Та до своеи матуси ридненькои,
 Удовы старенъкои,
 Шлычки въ руки поздімалы
 Та нызенько до нигъ упалы,
75. Та свою матусю ридненьку
 Удову старенъку,
 У свій домъ прохалы іи и благалы:
 «Ой иды жъ ты, маты,
 Въ отцевський дверъ прожываты
80. Та будемо мы свои жинки молодіи научаты.
 И будешъ ты хлиба солы въ своему кутастви ¹⁾ ужываты,
 То будемо мы тебе шануваты й поважаты
 И будемъ твои старости по викъ свій доглядаты».
 То стара жена бидна вдова тее зачувае,
85. До своихъ сынивъ словами прымовляе:
 «Ой, сыны жъ мои, диты молодіи!
 Шо теперешнего часу,
 Который чоловикъ отцевську-матчицу молытву забувае,
 То его Господь мылосердный невыдымо карае,
90. А который чоловикъ отцевську матчицу молытву спомынае,
 То ему Господь мылосердный и въ поли и въ доми спо-
 могае».
- Выслушай, Господы, у прозьбахъ, у молытвахъ,
 Дай Боже люду царьському,
 Миру Христыяньському
95. На многая лита
 96. До коньця вика!

¹⁾ Кутку.

11.

Про Мыхія.

1. Ой да на славній України,
У славному лиси Лебедыни,
То тамъ то живъ проживавъ дидокъ старенький,
Мыхійко маленький.
5. Та въ цего дидка старенького,
Мыхійка маленького
Штаны соломъяни, постолы бобробы,
Щиро-лычани вязови,
А волоки зъ жоночого валу въ односталь несукани.
10. То винъ то въ тому лиси Лебедыни гуляе,
Та на чистый степъ поглядае:
То ёму то бачитьца, шо въ чистому степу молодыци
Збирають полуныци.
То винъ то, мерщій, зъ лиса Лебедына выбигае,
15. Та до тыхъ молодыци успишае,
Та до того миста поспишиенъко прыбувае ¹⁾ ,
Та на те мисто пыльненъко поглядае:
Ажъ то не молодыци збирають полуныци,
А воно очеретяни куныци
20. Надъ ричкою мають,
Головкамы одь витру кывають.
То винъ то, чымъ дужче, назадъ до лиса Лебедына по-
спишае,
- Та те болото клене проклынае:
Та бодай же тебе, болото, провальямъ завалыло,
25. Якъ ты мене зъ лиса Лебедына такъ далеко заманыло!»
То винъ то впять у лисъ Лебедынъ прыхожае;
По лису Лебедыну похожае,
Та давни свои роскоши спомынае:
«Шо якъ то я у діда Соленка проживавъ,
30. То яки то я одь діда Соленка речи прочувавъ!»
Шо якъ то було людямъ добре въ світи жити,
Шо було съ кимъ у хати говорыти;

¹⁾ Значить,—не гаиться.

- Якъ празыка дожыдае,
То велыку соби радисть мае»...
35. У свій куринь ухожае, (Мыхайко)
Та добри мысли соби мае:
По якъ то въ свити прожываты,
Яке соби занятія маты?
«То я то на Чорному мори, та на суходоли,
40. Пидъ прыпекомъ доли,
На прыпекчу духы душу
На комени рыбу трушу,
По пидъ лавлю
Човномъ плавлю,
45. А коло порога прыстань занимаю».
Де то взялася на Чорному мори та на суходоли быстрая хвилья,
Та куцому собади
Пры самий с....
Хвистъ одкрутыла,
50. Та дидови старенькому,
Мыхайкови маленькому
У руки втеребыла;
То винъ то козацький звычай добре знае,
Та коло себе хочъ муҳы обганяе,
55. На многая лита,
56. До коньця вика!

Усієи, щобъ якъ слідъ,—не помню.

Бувъ я у Таганрози, та зійшовсь якось у шынку зъ запорозцемъ! старый, старый... Лить ему девъяносто буде. Я тамъ спивавъ ему оцихъ писень: Коновченка, трехъ бративъ спивавъ, дакъ винъ зрадивъ. «Наша», говорыть: «слава козацька не гыне! Я, ось, кae, тутъ лить до семидесяти жыву, та цихъ писень не чувъ тутоньки, а на нашій, каже, України, а винъ самъ выходецъ съ полтавської губернії, «бачъ», каже, «ище водяться си письни».

12.

Про Правду та Неправду.

1. Нема въ съвити правды, правды не зійськаты,
Ше звыкла неправда тепера правою статы.

Шо тепера правду ногамы топтають,
А тую неправду медомъ выномъ напувають.

5. Шо тепера правда стоить у порога,

А тая неправда сидыть конець стола.

Шо тепера й правда слезами рыдае,

А тая неправда съ панамы гуляе.

Шо тепера й правда у темній темныци,

10. А тая неправда съ панамы въ свитлыци.

То чы ты, право, вмерла, чы ты заключена,

Чы ты, маты ридна, одъ нась одречена?

Уже давно правда уже давно вмерла,

А тая неправда увесь съвить пожерла.

15. Та тилько жъ у съвiti правди,—шо ридный отець та маты.

Дебъ мы моглы въ съвiti свого отця и матиръ одыськаты?

Ой, орлыце маты, де тебе й узяты?!

Шо тебе жъ не купыты а ни заслужыты!

Шо колысь булы дитки, та стали сырятки,

20. Та немають помочи соби отневитки.

Горе малымъ диткамъ безъ отця безъ матки, и горе про-
буты,

Шо завсегда плачутъ и рыдаютъ не можуть забуты.

Колыбъ то намъ Богъ давъ орловій крыла,

То лынулыбъ мы на ту украину, де нась отець и маты
спородыла.

25. То ище колыбъ намъ Богъ давъ соловини очи,

Изнялъсь мы бъ полетили до отця до иеньки, хошъ по-
середь ночи.

Бо вже кинець вику иксъ намъ прыблыхився,

Хошъ ридного брата теперъ стережися;

Бо винъ хоча ридный братъ, то правды не міе,—

30. Винъ тилько устамы якъ перамы віе;

Хоть изъ нымъ у судъ статьи, правды не зійськаты,

Тилько срёбромъ и златомъ панивъ насыщаты.

Который чоловикъ буде сю неправду хвалыты,

То буде его душа одъ Бога пекломъ кзрана, а тило го-
риты;

35. А который чоловикъ може сю съватую правду исполь-
няты,

То сошель ему Господь съ небесъ благодати.
 Самъ Господь правда и сокрушилъ гордыню
 И вознесеть съвѣтыю.
 Одныни и до вика
 40. И до конца вика!

13.

Царю Хрысте.

1. Царю Хрысте, Пане Мылый,
     Есь Ты дольготерпливый.
     У четвергъ къ вечеру быльше,
     Совить жыды сотворыльше.
5. То стали жыды гадаты,
     «Якъ бы намъ Хрыста спійматы?!
     Що винъ намъ законъ уставляє
     И царемъ себе называє,
     А въ нась царивъ не есть много,
10. Токмо кесира идного».
     А Іюда икъ имъ тече,
     А прытекши до ихъ рече:
     «Що вы мини дасте? Продамъ Его,
     Бо я есть ученыкъ Его».
15. «Трыдзеять сребрянківъ тоби дамо,
     А тилько продай намъ Его».
     А Іюда разгордывши,
     Свое серце роспалывши,
     За сребрянки продавъ Хрыста,
20. А самъ лышыўся свого царства.
     Узявъ сребныкы, течеть изнову,—
     Якъ бы винъ не бувъ пры тому.
     То прызнавсь Хрыстосъ Свой муци,
     Шо вже въ жыдивъ на поруци.
25. Узявъ Хрыстосъ хлібъ преломывъ
     И всимъ ученыкамъ подавъ,
     А вмочывъ у соль и Іюди давъ:

- «Отой Мене одъ васъ жыдамъ продавъ».
 Речеть Іисусъ Христосъ ученыку
 30. Іоану наперснику:
 «Маліи дні испысуйте,
 Страсти Моей дочитуйте.
 Прыскорбна душа по смерты,
 Когда прышедъ часъ умерты;
 35. Прыспивъ конецъ и прышедъ тому часъ,
 Устаните,—иду отъ васъ».
 А мы Его восхваляймо,
 Честь и славу Ему даймо,
 Алилуя воспиваймо.
 40. Алилуя, Алилуя! Слава, Христе,
 41. Твоихъ страстей!

Псальмы: «Муки Христа, Про Почаевську Божу Матиръ, Про Лазаря жытыа, Іисусе Прелюбезный» вырваны изъ тетради, въ которую они сперва были начисто переписаны.

Весели писни: Чечитка, Мищанка, Хома та Ярема, Гарбузъ, Вербунка вырваны изъ тетради, въ которую ояи сперва были переписаны начисто.

Рассказъ «про Кобзаря й про Лирника», и списокъ именъ умершихъ кобзарей въ разныхъ уѣздахъ, известныхъ Кравченку, и списокъ именъ нѣкоторыхъ живыхъ кобзарей—вырваны изъ тетради, въ которую сперва они были переписаны начисто.

Козацьки писни: 1. Про трехъ бративъ Озовськихъ, 2. Про Олексія Поповыча, 3. Про Хведора Безридного, 4. Про Кишку Самийла, 5. Про трехъ бративъ Самарськихъ, 6. Про Коновченка—вдовиченка, 7. Про Сокола, 8. Витчымъ, 9. Про Вдову, 10. Про Сестру та Брата, 11. Про Мыхія.

Псальмы: 1. Про Правду, 2. Велыкой мой жалю, 3. Муки Христа, 4. Царю Христе, Пане мылый, 5. Ой, горе горе на симъ свити жыты, 6. Та ввошли жъ моя лита, 7. Іисусе Прелюбезный, 8. Уходъ Божои Матери во храмъ, 9. Про Пачаївську Божу Матиръ, 10. Про Пустельника, 11. Про Мыхайлі, 12. Про Миколая, 13. Про Лазаря жытыя. Списокъ псалмовъ составленный не полный. Кравченко знать очень много псалмовъ.

Весели писни: 1. Чычиточка, 2. Мищенка, 3. Дворянка, 4. Хома та Ярема, 5. Гарбузъ, 6. Вербунка, 7. Бугай.

Я бувъ крипостный Крюковскаго пана. Ото-жъ я по пану Крюковскымъ и прозываюсь. Съ трехъ лить мене взято до двора и бувъ я при панычу, До десяты годъ я бувъ выдюшій... Нидрісъ мій панычъ,—оддалы его у Гадячъ увъ училыще и мене зъ нымъ оддалы; одvezлы мене зъ нымъ у Гадячъ. Обижа мене панычъ...

Прайде оце зъ училыща на кватырю, якъ зачне гратьця зо мною,—штыля мене то видсиль, до видтиль; скубе, щыпа... Поставе, було, мене ракомъ. «Стань на четырехъ лапкахъ. А ну, чы повезешь мене, Иванько». Якъ пологрався отакъ винъ зо мною пивтора года, та якъ заболили у мене очи, якъ заболили... Шо якъ ляжу ныць, та якъ полежу, такъ надо мною такъ якъ ричка слёзы набижишь... «А, Ванька, се ты, сукнъ сынъ, усьц....? Ванька всъц....! Та якъ почне мене скубты, та быты, то въ мене слёзы такъ и бижуть, такъ и бижуть... Колы вже й исты за слезами не можна. Тоди винъ якъ побачывъ, шо вже, значить, не въ перелывки,—посыла изъ Гадяча письмо до дому въ Лохвыцю, а ему шебъ другого мальчишка далы. Прывезлы мене до дому. Сталы батько прызывасть захуривъ, жыдивъ и жыдивокъ. Жыдивка була така, шо каже:—«выличу хлопця твого». Та трь мисяци чы що коло мене сидила, та ничего й не зробила. Люде кажуть, шо въ Полтави е дохторъ що може спользуватъ. Повезлы, царство Боже, батько мене въ Полтаву, такъ той дохторъ подывывся на мене, тай каже имъ: «шо-жъ,—попользую якъ небудь. Покынъ его тутъ, а въ мисяць навидайся до мене» Такъ у мисяць батько прыйхалы. «Не пускайте его на дверь съ пивъ мисяца,—одыйдуть очи». Прывезлы мене, та не то пивмисяца, а й мисяць не пускалы—не помагаетъ. Возылы у Катарнославъ; тамъ побувъ пивтора году у болныци—не помоглось. Повезлы ше въ Кыивъ до Короваева. Такъ винъ подывывсь, та й каже: «не выпользую. Вишній калика винъ буде. Повышидавъ сахаръ зрачки». Ослипъ. Пересталы очи бачить. А якъ прыйде панычъ до дому, то чого было не робе изо мною изъ слишымъ! Батько та маты було, почують, шо панычъ прыхавъ, буде хлопця мучыты. Разъ якъ узявъ мене ганять по двору у литку, та въ жиыва, такъ турлявъ мене турлявъ, а тамъ руськи на двори колодязь открылы, такъ винъ турлявъ мене турлявъ,

та на колодязь направывъ, такъ я туды й шелеснувъ. Такъ руськи тоди: «што вы, панычъ, дѣлаете? Отъ мальчишъ убывся». Вытяглы мене видтыля насылу жывого. Довго пролежавъ я писля того... Такъ ото вже я якъ ослипъ, такъ батько та маты порадылись, та отдалы мене въ Гапонивку до слипого, до Ивана, такы Кравченка; и винъ Иванъ Кравченко и я Иванъ Кравченко. Винъ ше й Касьяномъ прозываеться. Узять винъ мене на тры годы, за пивтора году вывчывъ грать. (Отрывокъ).

Кобзарь Иванъ Грыгоровичъ Кравченко.

Зал. Порфирій Мартиновичъ.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) Учреждение въ Киевѣ экстрапочты чрезъ Житомиръ на С.-Петербургъ и Одессу. Киевскій военный губернаторъ, генералъ-лейтенантъ Жолтухинъ 2-ой, 23 февраля 1828 года письмо главноуправляющему надѣль почтовымъ департаментомъ: «...существующая нынѣ между Киевомъ и С.-Петербургомъ почтѣ доставляетъ корреспонденцію не ближе какъ въ *десяти* сутки. Нынѣшняя обстоятельства, требующія очень часто скорѣйшаго сношенія, вынуждаютъ къ посылкѣ курьеровъ, сопряженной съ ущербомъ для казны, что бы легко могло быть отвращено учрежденіемъ корреспонденціи изъ С.-Петербурга съ городомъ Киевомъ чрезъ одесскую экстрапочту; съ учрежденіемъ таковой отъ города Житомира до Киева, что составляетъ не болѣе 140 вѣрстъ и не можетъ сдѣлать отягощенія, если способомъ сношенія поденною (?) службою ускорили и казна избавилась отъ большихъ издержекъ. Убѣждаясь симъ единственно, прибѣгаю съ покорнѣйшей просьбою къ вашему сіятельству о со-дѣйствіи вашемъ въ семъ случаѣ».

Изъ департамента отвѣчали: «поелику *обыкновенная* почта изъ Киева въ Житомиръ и обратно отправляется два раза въ недѣлю, направление симъ путемъ нужной, напаче по службѣ, корреспонденціи могло бы довольно ускорить сообщеніе между Киевомъ и столицею, такъ какъ экстрапочты с.-петербургская и одесская, проходя чрезъ Житомиръ три раза въ недѣлю, могутъ легко забирать киевскую (отъ Житомира до Петербурга четыре дня пути).

Впрочемъ, помѣхой оказалась Радомысьльская станція, которая постоянно задерживала киевскую почту, благодаря ей приходившую въ Житомиръ слишкомъ поздно.

Генералъ Желтухинъ продолжалъ настаивать.

Вопросъ 17 марта того же года разсмотрѣнъ въ комитетѣ министровъ и, съ соизволенія его императорскаго величества, экстрапочта между Киевомъ и Житомиромъ учреждена. Отправлениія установлено принимать въ Киевѣ по вторникамъ и субботамъ, съ 2 до 6 часовъ, такъ какъ уходъ назначенъ не позже 8 ч.

Изъ Киева первая экстрапочта вышла 12 мая.

Малороссійской почтѣ-директорѣ отдалъ распоряженіе, чтобы киевскій губернскій почтмейстеръ принималъ безостановочно корреспонденцію господина военнаго губернатора и другихъ важнѣйшихъ лицъ, адресованную въ Одессу, Измаилъ и пр. пункты, но генералъ Желтухинъ вскорѣ добился того, что вся его и ему адресованная переписка шла исключительно экстрапочтою.

Въ этомъ году Киевъ, лежавшій на большомъ трактѣ Москва—Дубоссары—Кишиневъ, прочно связался съ магистралью С.-Петербургъ—Одесса, скрещивавшеюся съ названнымъ трактомъ въ г. Махновкѣ. Благодаря сему, въ предѣлахъ губерніи пришлось позаботиться о прибавленіи по 10 почтовыхъ и по 3 курьерскихъ лошадей на станцію.

2) Слабость киевскаго дворянства къ сохраненію званій и чиновъ при отставкѣ и наслѣдственно. 25 Февраля 1828 г. киевскій военный губернаторъ генералъ-лейтенантъ Желтухинъ¹⁾ писалъ управляющему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ:

Желая удержать порядокъ въ чиноначаліи, дабы чрезъ то дать надлежащую цѣну заслугамъ, я долженъ быть обратить вниманіе на нѣкоторыя отступленія отъ правилъ по выборамъ дворянства киевской губерніи. Многіе тамошніе помѣщики, избѣгая дѣйствительной службы, но желая имѣть между дворянами какой-нибудь почетный титулъ, весьма часто, по связямъ, приобрѣтаютъ званія представителей главнаго суда и новѣтowychъ маршаловъ, не исправляя до того никакой должности по выборамъ дворянства.

¹⁾ Въ бытность въ столицѣ.

Сверхъ сего, по обыкновенію, существующему какъ въ киевской, такъ и во всѣхъ прочихъ присоединенныхъ оть Польши губерніяхъ, повѣтовые маршалы считаютъ себя въ V классѣ, пользуются титуломъ высокородія, носятъ шляпы съ плюмажемъ и вообще присваиваются преимущества, соединенные съ чиномъ пятаго класса.

То же самое обыкновеніе ввело иѣкоторымъ образомъ въ правило, что преимущества сіи сохраняются, какъ предсѣдателями, такъ и маршилами, и по увольненіи ихъ отъ службы. Такимъ образомъ и иль отставкѣ они продолжаютъ именоваться тѣми же званіями, носятъ шляпы съ плюмажемъ и даже дѣтямъ своимъ сообщаютъ титулы презусовичей и маршалковичей. Нѣть домнѣнія, что обыкновеніе сохранять званіе по отставкѣ и, въ особенности, наследственное право на чины, должны были получить начало во время безпорядковъ послѣдняго аристократического правленія Польши».

Намѣреваясь «поставить службу въ должное уваженіе», генераль Желтухинъ предлагаетъ установить за правило, чтобы въ званія маршаловъ повѣтовыхъ и предсѣдателей были избираемы дворяне, имѣющіе уже чины, службою приобрѣтенные, или лица, служившія по выборамъ. По увольненіи отъ службы лицъ, не удостоенныхъ чина V класса,—запрещать таковымъ пользоваться правами съ тѣмъ чиномъ соединенными.

Министерство внутреннихъ дѣлъ нашло, что при выборахъ, дворяне не могутъ быть стѣсняемы чинами избираемыхъ, доколѣ причина къ тому существовать будетъ, ибо въ губерніяхъ, оть Польши возвращенныхъ и присоединенныхъ, чиновныхъ дворянъ слишкомъ мало.

Противу пользующихся же титулами по увольненіи отъ службы— предлагается, основываясь на законѣ, принять приличныя мѣры и прилагать ко внушеніямъ.

---

3) *Крестьянинъ «массонъ».* Въ мартѣ 1848 г. благочинный мѣстечка Лысянки, звенигородскаго уѣзда, киев. губ., объявилъ становому, что, погребая у помѣщицкаго крестьянина С. ребенка, слышалъ въ народѣ толки о томъ, будто бы С. не вѣруетъ въ Бога, не дозволилъ читать надъ мертвымъ «дѣтеймъ своимъ» псалтирь и, впустивъ собакъ въ комнату, где находилось тѣло, сѣлъ за столъ, на которомъ лежалъ покойникъ, куриль трубку, произносилъ богохульство и себя называлъ *массономъ*.

При предварительномъ удостовѣреніи, учиненномъ приставомъ, объявление благочиннаго подтвердилось.

Тщательное изслѣдованіе обнаружило, что С., будучи пьянымъ, дѣйствительно закурил трубку въ присутствіи мертвѣца и, обозванный за это своимъ тестемъ массономъ, самъ куреніе оставилъ, но дальнѣйшее чтеніе исыгнра воспретилъ, сознавши, что собравшіеся слишкомъ нетрезвы для его слушанія.

Сообщ. А. Мэрдеръ:

Договоръ прихожанъ съ избраннымъ ими священникомъ.
Въ старину, когда выборное начало въ Малороссіи было сильно, прихожане, избирая себѣ священниковъ, заключали съ ними „контракты“¹⁾, въ которыхъ точно и опредѣленно обозначалось, за какія требы и сколько долженъ былъ получать съ прихожанъ священникъ. Избираемый во священники даваль отъ себя на томъ-же контрактѣ запись, что онъ точно будетъ исполнять требование контракта.—

«1804 году, генваря 28 дня, мы нижеподписаніе Глуховского повѣта, мѣстечка Воронежа²⁾, церкви святія живоначальной Троицы³⁾ прихожане дали сей контрактъ Глуховской ружной Анастасіевской церкви діакону Григорію Кулжинскому сакидону (?) въ томъ, что, избирая мы его на мѣсто умершаго нашего приходскаго священника Тимофея Яновскаго цѣлопархіальнымъ священникомъ, имѣемъ, за рукоположеніемъ его, для житія его же определить церковной дворъ, въ которомъ строенія: хата съ комнатою, сѣньми и коморою, и при ономъ дворѣ огородъ, съ котораго противъ школьнаго строенія въ поперекъ для дѣячка саженей на 10, да для больницы назначается, такъ какъ сіе теперъ строеніе есть на три противъ того саженей.

А на содержаніе его производить ежегодно отъ дворянъ, казаковъ и владѣльческихъ крестьянъ грунтовыхъ отъ всякаго хозяина отъ сохи по одной мѣрки ржи, а отъ подсобѣдковъ по 10 к. деньгами.

¹⁾ См. подобные „контракты“ въ Киевской Старинѣ за 1898 г. „кн. 1-я, въ Черниговскихъ губерн. вѣдомостяхъ за 1895 г. № 1470.

²⁾ Черниговской губерніи.

³⁾ Теперь этой церкви въ м. Воронежѣ нѣть. Она была одноглавая, деревянная, выстроенная въ 80-хъ годахъ XVIII ст. Несколько лѣтъ тому назадъ она была продана жителямъ с. Люботова, кролевецкаго уѣзда, задумавшимъ строить себѣ церковь.

Сверхъ того, за требы установленные, а именно: за сорокоусть шестинеделній 4 р., за великую панахиду по 10 коп., за малую 5 к., за освященіе дому и воды 40 к., кладиа 20 к., за молебень съ акафистомъ 20 к., безъ акафиста 10 к., за прочтение Евангелія за столицъ 50 к., за зачало 10 к., за освященіе часохъ по 1 к., за маслосвятіе по 30 к., за молитву родилницы 5 к., за крещеніе младенцовъ по 10 к., за погребеніе взрослихъ 20 к., а младенцовъ по 10 к., за вѣнчанье въ своемъ приходѣ съ убогихъ людей по 50 к., а въ другой приходѣ получать съуваженія примѣрно, какъ взимается по другимъ здѣшнимъ приходамъ. Обовязываясь при томъ исполнять по сему безъ и малѣйшаго отъ настъ во всемъ удержанія медлѣнности, и что онъ, Кулжинскій, пребудетъ тѣмъ доволенъ, въ томъ мы на семъ и подписались, а для выполненія въ томъ-же данна намъ съ его подпісомъ копія.

На подлѣнномъ тако: Слѣдуетъ дливный рядъ подпісей прихожанъ, именитыхъ и не именитыхъ, Троицкой церкви м. Воронежа, среди которыхъ есть подпись: «примеръ-маіора и кавалѣра Тимофея Хильчевскаго». Тимофей Хильчевскій былъ послѣднимъ сотникомъ Воронежской сотни, и по уничтоженіи сотничества, надо полагать, переименованъ былъ въ премьеръ-майоры¹⁾.

1804 года февраля 17 контрактъ этотъ представляемъ былъ въ повѣтовый земскій судъ, который и утверждаетъ его, ваявши пошлины: печатныхъ 50 $\frac{1}{2}$ коп. и восковыхъ 2 коп.

Затѣмъ въ концѣ контракта есть запись самого Кулжинскаго, въ которой онъ даетъ обязательство, что будетъ строго выполнять требованія контракта.

А. Шр—ко.

Православный священникъ, бѣжалъ къ старообрядцамъ.
Въ 1808 году черниговскій губернаторъ баронъ Френсдорфъ донесъ малороссійскому генераль-губернатору о появленіи въ Добрянскомъ посадѣ черниговской губерніи, бѣглого священника Ивана Михайлова Рознитовскаго, о которомъ онъ счелъ нужнымъ произвести дознаніе. Дознаніе выяснило, что священникъ бѣжалъ изъ Владимірской епархіи для пріисканія себѣ, какъ писалъ губернаторъ, „въ старообряд-

¹⁾ См. о немъ „Описаніе старой Малороссіи“ Лазаревскаго. Т. II. стр. 162, 174, 324.

ческихъ жителей мѣста⁴. Губернаторъ послать запросъ епископу владимірскому Ксенофонту, желая узнать, „не учинилъ ли онъ Ив. Михайловъ особо какихъ законопротивныхъ поступковъ“, а въ ожиданіи отвѣта отдалъ его двумъ жителямъ посада на поруки, предписавъ черниговскому губернскому уголовнымъ дѣлъ стряпчemu произвести тщательное слѣдствіе. Епископъ Ксенофонтъ отвѣтилъ, что за священникомъ Рознитовскимъ „не значится другихъ противозаконныхъ дѣйствій, кромѣ упражненій его въ пьянствѣ, безчиніи и въ недобродорядочномъ препровожденіи жизни съ женою своею“. Слѣдствіе губернскаго стряпчаго выяснило, что этотъ священникъ, 46 лѣтъ отъ роду, съ 15 лѣтняго возраста служилъ во владимірской епархіи; начальствовалъ надъ дьячкомъ, былъ въ архіерейскомъ хорѣ, затѣмъ былъ дьякономъ и наконецъ священникомъ. Пробывъ на приходѣ нѣсколько лѣтъ онъ былъ отрѣшненъ отъ мѣста за пьянство и опредѣленъ въ другомъ приходѣ на мѣсто дьячка. Вскорѣ его простили и опредѣлили священникомъ къ каѳедральному собору во Владимиѳ, но Рознитовскій и здѣсь продолжалъ вести нетрезвую жизнь. Встрѣча на улицѣ въ пьяномъ видѣ съ членомъ Консисторіи („излишне ушився горячаго вина“—какъ доносилъ послѣдній консисторіи), была причиной, что его опять перевели въ село, гдѣ вскорѣ было запрещено ему священнослуженіе въ теченіи пяти мѣсяцевъ и предложено искать другого мѣста. Прощенный Рознитовскій безъ дозволенія начальства покинулъ приходъ и явился въ Москву, гдѣ встрѣтился съ нѣсколькими иноками изъ Молдавіи, которые пригласили его съ собой въ Молдавію, куда онъ и отправился, но, вмѣсто Молдавіи, попалъ въ Добрянскій посадъ, населенный старообрядцами. Поселившись здѣсь, онъ, по просьбѣ мѣстныхъ жителей, отслужилъ наканунѣ Крещенія вечерню, на другой день литургію и водосвятіе. Служба его очень понравилась старообрядцамъ, и его начали упрашивать остататься у нихъ священникомъ, на что онъ согласился. Были созваны жители Добрянскаго посада, гдѣ единогласно и порѣшили просить начальника посада о разрѣшеніи имъ пригласить И. М. Рознитовскаго священникомъ на открывшуюся вакансію при мѣстной церкви. А губернскій стряпчій предложилъ опрашивать жителей о жизни и дѣяніяхъ этого священника. При этомъ, каждый, привлекаемый къ допросу, давалъ предварительно такую подпись: „Я ви-же-подписавшій даю сю добровольную подпись“ малороссійской черниговской губерніи губернскому уголовному дѣлу стряпчemu, обще съ городницкимъ нижнимъ земскимъ судомъ, въ томъ, что былъ ими при-

званъ для спроса по секретному дѣлу, ими въ Добрянкѣ производимому, и что я на спрѣсъ ихъ показанія долженъ содѣжать въ тайнѣ, никому отнюдь ни подъ какимъ видомъ не объявлять, опасаясь за разгласку по всей строгости законнаго истязанія, въ чёмъ и подпишись.

Губернаторъ получивъ донесеніе о желаніи жителей Добрянскаго посада имѣть Рознитовскаго своимъ священникомъ, отправилъ туда чиновника, который созвалъ сходъ, при чёмъ жители посада подтвердили свое желаніе и подали обѣ этомъ петицію, подписанную нѣсколькими десятками лицъ. Губернаторъ представилъ это дѣло на усмотрѣніе кн. Лобанова-Ростовскаго, который и предписалъ барону Френсдорфу оставить Рознитовскаго въ посадѣ священникомъ, обязавъ его подписанію не уѣзжать изъ посада безъ дозволенія начальства. (Арх. П. Губ. Правленія, по описи № 387).

И. Ф. Павловскій.

— — — — —

Пропускъ греческихъ купцовъ чрезъ Васильковскій форпостъ въ 1739 г. Обычныя затрудненія при пропускахъ черезъ границу увеличивались въ военное время. На такія именно затрудненія указывается одно дѣло 1739 г. о пропускѣ греческихъ купцовъ чрезъ Васильковскій форпостъ.

Въ маѣ мѣсяца 1739 г. въ польскомъ селѣ Мытицѣ скопилось много пріѣзжихъ купцовъ грековъ, которые давно уже ожидали пропуска въ Россію и, по всей вѣроятности, не скоро бы еще дождались его, еслибы не помогъ имъ въ этомъ проѣзжавшій въ это время чрезъ Мытицу гр. Минихъ. По ихъ просьбѣ, онъ даль предложеніе ген.-губернатору Леонтьеву «показанныхъ купцовъ, ежели они представлять по себѣ въ томъ, что при нихъ никакихъ подозрительныхъ людей не имѣется и въ зараженныхъ опасною болѣзнью мѣстахъ не были, надежныя поруки, яко то Нѣжинскаго войта Терновіота и другихъ, внутрь нашихъ границъ ихъ пропустить безъ задержанія, а товары принять въ карантинъ по своему разсмотрѣнію».

Согласно этому предложенію, греки были чрезъ границу пропущены и для выдержанія карантина остановлены въ Васильковѣ, а Нѣжинскому войту предписано было представить за нихъ поручительство.

Между тѣмъ 24-го іюня греки, числомъ 17 человѣкъ, подали Леонтьеву общее доношеніе, въ которомъ писали: «Прошлого 1738 и сего 1739 годовъ въ разныхъ мѣсяцахъ и числахъ мы нижеподписавшіеся, цареградскіе и македонскіе жители греки, прибыли въ польскую пограничную деревню Мытницу съ товарами своими: волоскаго вина 44 бут., ладану 16 бочекъ, бакалея 8 возовъ и съ деньгами для покупки московскихъ товаровъ; а нынѣ какъ мы, такъ и товары наши, по указу К. Г. К., вѣльно принять въ карантину къ Васильковскому форпосту; а помянутого волоскаго вина здѣсь при Васильковскомъ форп. въ карантинѣ поставить нечѣть, ибо и такъ чрезъ много времія стоя въ Мытнице, хотя тамо подъ кровлею, только начало киснуть, а здѣсь безъ всякой кровли на жару къ тому же перевозкою переболтается, то и совсѣмъ пропасть можетъ, отчего намъ не малое разореніе будетъ, и того ради В. В. И. всепок. просимъ, дабы повелѣно было пропустить насъ въ Киевъ, понеже намъ не точію карантина, но уже и по три минуло, а волоскаго вина въ Киевѣ и въ Нѣжинѣ до указу продавать не будемъ, только бъ намъ означенное вино въ удобномъ мѣстѣ поставить».

А іюля 14-го о томъ же подалъ прошеніе въ К. Г. К. нѣжинскій житель грекъ Мацовитъ, братъ одного изъ прибывшихъ купцовъ. Но только тогда, когда получилось доношеніе нѣжинскаго войта Петра Терновіота о томъ, что за пріѣзжихъ грековъ поручились нѣжинскіе греки «шевніе и свѣдоміе люде, которимъ въ томъ вѣрить можно», просителей пустили, наконецъ, въ Киевъ, а затѣмъ и въ Нѣжинъ. Обратно заграницу пріѣзжіе греки отпускались тоже по особому для каждого разрѣшенію генералъ-губернатора, испрашиваемому чрезъ нѣжинскаго войта.

Отвѣтственность оцѣнщиковъ въ кіевскомъ магістратѣ (1762 г.). Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1756 г., по словесному приказу присутствующихъ въ магістратѣ, кіевские мѣщане Григоровичъ, Григорій Кривобокъ и Марко Стефановъ оцѣнивали дворъ мѣщанина Антона Карамалѣя, подлежавшій публичной продажѣ для покрытія заявленныхъ на Карамалѣя претензій. Оцѣнивши этотъ дворъ въ 123 р. 40 коп., названные мѣщане заявили о томъ письменно въ магістратъ, но приказанія относительно продажи двора не получали. Прошло бо-

лѣтъ пяти лѣтъ, когда магистратъ далъ уже письменное приказаніе другимъ оцѣнщикамъ не только оцѣнить, но и продать этотъ дворъ, и онъ былъ проданъ въ апрѣль 1762 г. за 120 рублей. Недостающую противъ первой оцѣнки сумму магистратъ опредѣлилъ взыскать съ названныхъ выше первыхъ оцѣнщиковъ, а когда они протестовали противъ того опредѣленія, магистратъ ихъ арестовалъ, требуя немедленной уплаты наложеннаго на нихъ взысканія. 19-го апрѣля они подали въ магистратъ челобитную на высоч. имя, по магистратъ ее не принялъ, приказалъ содержать ихъ «неспускано подъ карауломъ пота», пока тую недоимку» они не внесутъ. Тогда они на четвертый день изъ подъ ареста отправили челобитную на высочайшее имя въ киевскую губернскую канцелярію¹⁾. Послѣдняя указомъ магистрату отъ того же 27 апрѣля «приказала освободить просителей изъ подъ караула немедленно, если дѣйствительно магистратъ имъ въ свое время приказа о продажѣ двора не давалъ; «а по претензіямъ о долгахъ Карамалъя и объ ономъ его дворѣ и, ежели оной дворъ отъ долговременного обиску киев. магистратомъ нерѣшенія дѣла пришелъ въ ветхость и отъ того убыло оному цѣны, то о взысканіи оной цѣны съ тѣхъ, кто въ томъ винными окажутся, учинить надлежащее рѣшеніе немедленно и что учинено будетъ, о томъ въ К. Г. К. рапортовать, а для него объ оныхъ долговыхъ на Карамалъя претензіяхъ и о дворѣ его съ того времени, по нынѣ рѣшеніе не учинено, о томъ прислать въ К. Г. К. для разсмотрѣнія отвѣтъ».

Случай этотъ не только указываетъ на признаніе отвѣтственности оцѣнщиковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имущество продавалось ниже ихъ оцѣнки, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляеть собою одинъ изъ тѣхъ поводовъ, по которымъ губ. канцелярія самими же обывателями привлекалась къ вмѣшательству въ дѣятельность магистрата, являемася какъ бы апелляціонною инстанціей. Въ сущности отношенія не были достаточно опредѣлены, и Губ. Канц. фактически находила возможность входить во всѣ сферы магистратскаго вѣдомства.

Въ данномъ случаѣ сами челобитчики не отрицали въ принципѣ отвѣтственности оцѣнщиковъ, не отрицали права магистрата

¹⁾ Челобитную эту писалъ В. Ген. канц. канцеляристъ Григорій Аксютовъ, а первую, въ магистратъ поданную, прекрасно написанную и лишь повторенную Аксютовымъ, писалъ абштетованій войск. канцеляристъ Стефанъ Киселіовскій.

налагать на нихъ взысканіе: они настаивали лишь на томъ, что магистратъ несправедливо возложилъ это взысканіе *на нихъ*, будучи самъ виновенъ въ несвоевременной продажѣ дома. Съ жалобой на это судебное дѣйствіе магистрата и обратились они въ Губ. Канц.

Изъ ста́риныхъ отзы́вовъ о малороссахъ. I. Въ выходившемъ въ 1816 г. въ Харьковѣ «Украинскомъ Вѣстнике» (кн. X) находятся письма Левшина изъ Малороссіи, (преимущественно изъ Полтавской губерніи), причемъ въ 23-мъ письмѣ въ X кн. журнала, озаглавленномъ «Отличительные свойства малороссовъ», по устраниній обычныхъ въ старое время общихъ фразъ и неидущихъ къ дѣлу разсужденій, находится также не лишенная интереса этнографическая замѣчанія: «Малороссіяне благоговѣютъ къ религіи и непреклонны въ священныхъ истинахъ оной... Они пламенно любятъ отчизну свою и помнить славу предковъ своихъ... Воинственный духъ не погасъ: они всегда съ радостью идутъ сражаться за вѣру, Государя и ту землю, на которой прославились предки ихъ, на которой родились они, взросли и привыкли вспоминать громкія дѣла Свирговскихъ, Наливайковъ и Хмельницкихъ... Малороссіяне честны, въ словахъ тверды и мужественны. Домашняя ихъ жизнь и семейственное согласіе достойны уваженія. Почтеніе и любовь, къ которымъ пріучаются они съ малолѣтства, дѣлаетъ ихъ послушными сыновьями, добрыми супругами и хорошими отцами, а свято сохраняемая здѣсь вѣрность супружеская изгоняетъ изъ семействъ ревность—злѣйшаго врага спокойствія. Къ сожалѣнію, дружба не всегда соединяетъ здѣсь братьевъ, и раздоры часто царствуютъ между женами ихъ. Къ чести малороссіянъ, цѣломудріе свято сохраняется ими, несмотря на вольность обхожденія между обоими полами позволенную. Молодые мужчины, хотя всегда свободно щутятъ и играютъ съ дѣвулками, но привыкли ограничивать желанія свои, не смѣютъ далеко простирать дерзкихъ требованій и довольствуются поцѣлуйами, срываемыми со щекъ незастѣничныхъ малороссіянокъ, которыхъ горделивая походка, вольность и рѣшительная твердость во всѣхъ поступкахъ показываютъ мужество, женщинамъ необыкновенное и часто отнимающее у нихъ прелести (?!). Чувствуя любовь, малороссіяне не скрываютъ ее и не томятся... Они бросаются на колѣни передъ отцомъ и матерью и умоляютъ соединить ихъ. По-

лучивъ согласіе родныхъ, они получаютъ право быть вмѣстѣ... Нерѣдко завѣса ночи скрываетъ ихъ покоюющихся сладкимъ сномъ въ объятіяхъ другъ друга. Но горе тому, кто употребитъ во зло сию свободу! Стыдъ, поношеніе и даже презрѣніе ожидаютъ какъ ихъ, такъ и отпovѣ съ матерями... Малороссіяне... способны хранить вѣренныя тайны; но добродѣтель эта часто обращается въ порокъ и производить скрытность. Воровство было презрительнѣйшимъ поступкомъ у древнихъ малороссіянъ; оно и теперь здѣсь въ омерзеніи... Изобиліе въ прекрасныхъ картинахъ природы, щедрость земли и счастливый климатъ дѣлаетъ здѣшнихъ жителей веселыми и склонными къ забавамъ... Бѣдность малорусского народа на каждомъ шагу опутительна... она происходитъ отъ безпечности и увеличивается чинимымъ источникомъ богатства—свободою винокуренія, которая отвлекаетъ ихъ отъ работы... Женскій полъ здѣсь трудолюбивѣ мужескаго. Малороссіянки не только заботятся о малюткахъ и старицахъ, не только некутся о приготовленіи всего нужнаго для домашней жизни, но и отправляютъ работы мужчинъ, съ которыми живутъ въ согласіи, исполненія желанія и волю ихъ, не будучи, однако, въ рабскомъ повиновеніи.

Нѣкоторые обвиняютъ малороссіянъ въ гордости и непокорливости, другіе приписываютъ имъ злопамятство и лукавство. Малороссіяне имѣютъ много добродѣтелей; но имѣютъ и пороки такъ же, какъ всѣ народы. Однакожъ, мы большей частью не замѣчаемъ въ нихъ первыхъ, обращаемъ вниманіе на послѣдніе. Причиною тому кажется недостатокъ въ ласковости и обходительности, которыхъ всегда привлекаютъ тамъ и предупреждаютъ съ первого взгляда въ пользу людей, ими одаренныхъ.

Терпѣніе жителей бѣдныхъ достойно удивленія; но бойся вывести ихъ изъ онаго, бойся раздражить ихъ!...

Суевѣрія и предразсудки, которымъ подвержены малороссіяне, не могутъ быть названы пороками, потому что они общіи всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ племенамъ (далѣе мимоходомъ упомянуты Коляда, Купала, новѣрье обѣ омовеніи души послѣ смерти, колдуны, оборотни, вѣдьмы, домовые, «наводящіе ужасъ на необразованныхъ простолюдиновъ»).

Наружность малороссіянъ имѣть въ себѣ нѣчто важное; умныя лица, усы, при крѣпкомъ сложеніи, обритой бородѣ и высокомъ ростѣ—придаютъ имъ величественный видъ. Жаль, что они непоровотливы. Статныя, плечистыя, по большей части темнорусыя и круглоголовыя малороссіянки вообще недурны, хотя красотки между ними рѣдки.

Малороссіяне, какъ кажется, чувствуютъ красоту къ архїтектурѣ: ихъ вкусы довольно образованы природою. Деревни ихъ, расположенные большей частью на горахъ, у подошвы которыхъ текутъ рѣки, или на прекрасныхъ долинахъ, и дома, выбѣленные какъ снаружи, такъ и внутри, представляютъ издали пріятный видъ.

Они живутъ хорошо, чисто и опрятно. Ихъ хаты—прекрасныя комнатки, просто, но хорошо убраныя и раздѣленныя большей частью на двѣ половины. Печи съ трубами предохраняютъ отъ дыму..

Малороссіяне въ пищѣ разборчивы и умѣютъ со вкусомъ приготавлять ее. Природныя ихъ кушанья—вареники, галушки, жирный борщ—очень вкусны. Къ тому же замѣтить надо, что пища, остающаяся отъ обѣда, не употребляется ими въ ужинѣ, но варится свѣжая.

Охота ихъ къ простымъ картинамъ, которыми убираютъ комнаты, показываетъ, что они любятъ живопись.

Пляска малороссіянъ стройна и прекрасна. Пѣсни ихъ нѣжны, выразительны и нерѣдко протяжны... Гибкостью, чистотою и пріятностью голосовъ они превзошли почти всѣхъ жителей Россіи. Придворная музыка пѣвческая составлена почти изъ однихъ малороссіянъ..

Языкъ малороссійскій хотя и не имѣеть правиль, однакожъ, нѣкоторые ученые малороссіяне употребляютъ его въ сочиненіяхъ: пе-релицовавная Энеида—прекраснѣйшее въ своемъ родѣ произведеніе—служить тому доказательствомъ. При всемъ томъ до сего времени онъ составляетъ только языкъ народа. Но если геніи здѣшней стороны обратятъ на него вниманіе свое и образуютъ оный, ограничивъ (?) положительными правилами граматики, тогда малороссіяне въ славѣ ученыхъ произведеній своихъ, можетъ быть, будутъ состязаться съ просвѣщенѣйшими народами Европы. Тщетна сія надежда; ибо нѣть къ тому побудительныхъ (?) причинъ. Да и возможность составить языкъ изъ нарѣчій, оставленного почти всѣми образованными кореннымыи жителями здѣшней стороны, есть самая малая!» Этими словами и заканчивается письмо Левшина, причемъ не слѣдуетъ забывать, что оно написано великороссомъ въ 1816 г., когда единственнымъ представителемъ малорусской литературы была Энеида Котляревскаго.

П. Въ 1824 и 1825 г. подъ редакціей проф. А. В. Склабовскаго выходилъ въ Харьковѣ «Украинскій Журналъ», одно изъ лучшихъ изданій старого времени. Въ № 13 1825 г. помѣщена статья Александра Мещерскаго «Описаніе города Прилукъ и его повѣта», гдѣ,

между прочимъ, отмѣчено, что «всѣ обитатели повѣта малороссіяне, отличающіеся отъ великороссіянъ своимъ особеннымъ народнѣемъ, обрядами въ домашнемъ быту, одѣяніемъ и особливою способностью къ пѣнію и музыкѣ. Будучи набожны, кротки, храбры, вѣрны и способны къ конной службѣ, могутъ только многіе изъ черни (такъ авторъ называетъ крестьянъ) не безъ основанія быть укорямы въ лѣности, и причиною сего должно считать не что другое, какъ изобиліе всѣхъ произведеній, служащихъ къ ихъ продовольствію. Дешевизна горячаго вина также не малою причиной можетъ почестыся сего недоѣтатка. Впрочемъ, мало такихъ, которые бы, страстно предавшись излишнему употребленію онаго, совершиенно разстраивали свое состояніе и терпѣли крайнюю бѣдность».

Проф. Н. С мцовъ.

Письмо В. Г. Шевченка къ Т. Г. Шевченку. Имя Варфоломея Григорьевича Шевченка тѣсно связано многими обстоятельствами жизни съ Тарасомъ Григорьевичемъ, такъ-что, какъ известно, они впослѣдствіи именовали другъ друга «братьемъ», хотя родство ихъ, если и существовало, то очень отдаленное. Намъ доставлена вдовой покойного П. А. Кулиша копія одного изъ писемъ В. Г. Шевченка къ знаменитому кобзарю Украины, переписанная рукою Кулиша и хранившаяся въ его бумагахъ. Письмо это, датированное 5 іюля 1846 года, следовательно черезъ 2 мѣсяца послѣ вступленія Т. Г. Шевченка въ «общество славянниковъ», интересно въ томъ-отношениі, что В. Г. Шевченко, тогда еще не очень близко знакомый съ Тарасомъ Григорьевичемъ, чтѣ видно изъ тона письма, получилъ какія-то вѣсти о чѣмъ-то недоброму, могущемъ грозно надвинуться на молодого поэта, и, какъ чѣловѣкъ практическій, предостерегаль своего земляка и родича отъ могущихъ быть непріятностей. Недаромъ въ письмѣ есть фраза: «якъ я почувъ, що Вамъ щось тамъ сказано—не пускатъ менъ люди пысання якогось, що колюче, то я ажъ затрусывся». О какомъ именно произведеніи Шевченка идетъ рѣчь, догадаться по письму нельзя, но вѣроятно обѣ одномъ изъ тѣхъ, которыхъ были поставлены въ вину поэту послѣ ареста его.

Ред.

Достойнѣйшій Тарасъ Григорьевичъ!

Ну! якъ писаты: чы такъ якъ до чоловика, созданого Богомъ и надиленого ири созданіи розумомъ? чы якъ до чоловика, избалованного щастямъ? Ни, мабуть перше напишу до Петербургскаго Академиста, а тамъ якъ признаю, шо винъ мій родычъ, то напишу по-братскій.

Я чувъ, шо вы гарадъ писаты и малеваты, тылько якъ не разсердите, то прійтить и мою раду; онъ бачте шо: кажутъ, шо Ваше писання виодобалы розумны люди; а де котори сказали, шо такъ не годыця; то бачте, треба бъ якось помаленьку, щобъ стару ийматы; воно все ничего, та ба! скода буде мыни родыча, а може кому доброго товарыща, або шо.

Часомъ на свити бувае, шо правды не люблять, и бувае, шо за правду принудять за девятыми воротами гавкнуть. Ця пословичка у насъ ципла изъ того, шо судейски крючки квапылись на бать до генерала Рота, и булы зъ нымъ трохи побратались; а одынь розумный чоловикъ Приставъ изъ москализивъ—винъ теперь у Білій Церкви—Шаліенко имъ оту пословицю сказавъ, каже: о! якъ бы це Генераль та не Ротъ, то винъ бы замъ давъ такого одлукавого, шо который бы ажъ за девятыми воротами гавкнуувъ!

То бачте, якъ я почувъ, шо замъ шось тамъ сказано—некускати межъ люди писання якогось, шо колюче, то я ажъ затрусывся; думаю: може справди—чоловикъ на чужини, порадыци ни съ кымъ, то якъ избынся съ пантезыку—не дыво; хочъ то я вичого не поможу, але добро сказать якъ то, кажутъ: чы зроблю шо чы ни, а шо накынаво то наде.

Отъ же такъ, ныхай замъ не здаеця, шо то радыть той, шо вырискъ въ Карелыци, бо часомъ въ Карелыци родыця такый, якъ и въ Вильшаный, а може ѹ гирше якъ въ Лысянци.

Якъ шо до правды Ваша рбота гостренъка, то кличыками объ землю ногартуйте, вона заразъ вытулыца.

Про Ваши Гайдамакы я частенько читаю, якъ бы то вы булы таки добры, та ѹ мыни изъ вашои праці вдилылы шо ныбудъ, то ябъ Вамъ гарне спасыбогъ сказавъ.

Колы напишите до мене—будете таки ласкави, то може и я ѹ паперу листокъ не пожалую; а якъ же ни—то Богъ зъ вами.

Якъ диждемъ контрактывъ тыхъ, шо мають буть, та будемъ живы, надіюсь буть въ Кіевѣ—може зайду до Васъ, хочъ табаки понюхаемъ и де що потолкуемъ.

Прощайте, бувайте здоровы, я оце швидко поиду въ Одессу.

Съ глубочайшею преданностью остаюсь на всегда покорнымъ слугою Варфоломей Шевченко.

5 іюля 1840. Кириловка.

Вси ваши и мои слава Богу здорови; жнуть та косять хлощи, а кладуть въ копыци дивчата и молодыци.

,

Секретное предписаніе объ арестѣ В. М. Бѣлозерскаго. Какъ извѣстно, однимъ изъ участниковъ кіевскаго «общества славянистовъ», даже, можетъ быть, инициаторомъ его, состоялъ Василій Михайловичъ Бѣлозерскій, помѣщикъ черниговской губерніи, раздѣлившій вмѣстѣ съ товарищемъ не только судьбу ареста и предварительного судѣнія, но даже, по предложенію графа Орлова, могшій подвергнуться четырехмѣсячному заключенію въ крѣпость. Это наказаніе, вирочемъ, по высочайшему утвержденію, было отмѣнено, и В. М. Бѣлозерскій получилъ мѣсто въ Петрозаводскѣ—совѣтника губернскаго правленія. Къ исторіи ареста В. М. Бѣлозерскаго у насъ имѣется интересный документъ, доставленный намъ вдовою покойнаго П. А. Кулиша. Документъ этотъ—*весьма секретное* предписаніе начальника черниговской губерніи борзенскому земскому исправнику 7 апрѣля 1847 г. за № 378. Вотъ текстъ его:

«По Высочайшему повелѣнію предписано было арестовать помѣщика Борзенскаго уѣзда Василія Михайлова Бѣлозерскаго, котораго однако, при исполненіи нарочно командированаго мною чиновника особыхъ порученій Васильева, вмѣстѣ съ Вами, въ уѣздѣ неоказалось, а дознано, что онъ выѣхалъ въ г. Варшаву.—На случай, еслибы Г. Бѣлозерскій возвратился въ Борзенскій уѣздъ, предписываю Вамъ следить за этимъ со всею бдительностью и какъ только онъ появится, арестовать его ту же минуту, а бумаги взять опечатать не разматривая и доставить его вмѣстѣ съ бумагами, Вами лично ко мнѣ въ г. Черниговъ, не теряя на то ни одной минуты, подъ личною Вашею отвѣтственностью.

При этомъ случаѣ предписываю Вамъ, настояще предписаніе сохранить въ совершенномъ секрѣтѣ, предваряя Васъ, что если означенный помѣщикъ проѣздомъ, или какимъ другимъ образомъ будетъ въ уѣздѣ и Вами не будетъ тотъ же часъ арестованъ и ко мнѣ представлень, то это падетъ на личную отвѣтственность Ваму. Гражданскій губернаторъ Гессе».

Изъ прошлаго Полтавщины. I. «*О каминѣ, во время громового удара съ высоты упавшемъ*». Въ мартѣ 1811 г. полтавскій губернаторъ получилъ донесеніе отъ роменскаго нижняго земскаго суда, что въ имѣніи графа Ю. А. Головкина, въ селѣ Кудешовкѣ, 28 февраля того же года упалъ съ высоты камень, вѣсомъ болѣе 15 фунтовъ. Наряжено было дознаніе. Оказалось, что видѣли это паденіе пять человѣкъ, которыхъ и допрашивали. Они показали, что и онъ (т. е. камень) при третьемъ громовомъ ударѣ съ трескомъ и необычайнымъ шумомъ, показался въ воздухѣ съ блистаниемъ искръ и съ пѣкоторымъ свистомъ, несшимся наискось; когда же упалъ въ огородъ крестьянина Школенка, то сквозь лоды ледъ) и землю пробился въ аршинъ глубины и по вырытии отголь быль еще вѣсма горячай». Губернаторъ, «по вниманію къ сему происшествію», послать шарочнаго для привоза камня. Малороссійскій генералъ-губернаторъ кнзъ Лобановъ-Ростовскій объ этомъ далъ знать министру полиціи Балашову, а этотъ доложилъ Государю, который повелѣть доставить камень въ Петербургъ, что и было исполнено; въ маѣ того же года онъ быль отправленъ съ нарочнымъ. Это быль, конечно, аэролитъ. Паденіе его всегда сопровождается звукомъ, подобнымъ пушечному выстрѣлу, и особымъ шумомъ, похожимъ на свистъ летящаго ядра. (Архивъ Полт. Губ. Правленія по описи № 448).

II. Предсказание кобеляцкаго дворянину о дороговизнѣ хлѣба. Въ 1804 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, проживавшій въ г. Кобелякѣ дворянинъ Мартынъ Чепѣжный подалъ кн. Куракину слѣдующее прошеніе. «У разсужденіи моей вѣрности къ Его Императорскому Величеству не могъ я не объявить имѣющейся быть у семъ настоящемъ и будущемъ годѣ важной перемѣнѣ. Объявляю вамъ, ваше сиятельство, что сего настоящаго времени цѣна аржаному хлѣбу 2 р. 50 к. указанаго весу четверты и разной хлѣбъ тоже дешевъ; сего жъ и бу-

дущаго года будетъ цена всему хлѣбу столь велика, что и думать страшно; при чмъ всепокорѣйше прошу ваше сиятельство доложить Его Императорскому Величеству объ семъ безсумнительно: мнѣ желательно, чтобы позволено было всѣмъ комиссіямъ отъ Его Императорскаго Величества скупить побольше хорошаго количества,—можно бы получить доходъ знатной казнѣ; покупка же хлѣба будетъ выгодна апрѣля и мая, а далѣе ожидать возвышенія цѣнъ. Подписанъ М. Ч. «доброжелателемъ» князя.

Кн. Куракинъ предписалъ кобелякскому городничему допросить Ченѣжнаго: какія есть у него данныя утверждать, что цѣна на хлѣбъ вздорожается? Но М. Ченѣжный отказался дать какія либо объясненія и заявилъ городничему, что «по сему важному дѣлу онъ не откроетъ ничего, хотя бы городничій сильнейшія вынужденіи на то употребилъ». М. Ч. считалъ лишнимъ давать объясненіе вторично, полагая что въ прошениі своемъ онъ уже все объяснилъ. Кн. Куракинъ на докладѣ объ этомъ написалъ: «отмѣняется вовся», т. е. дѣло прекратить; видимо, счѣль лишнимъ допрашивать этого дворяниня. (Архивъ Полт. Губ. Правленія по описи № 209).

III. Частныя пожертвованія черниговскихъ дворянъ на организацію милиціи въ 1806 году. Какъ известно, манифестомъ императора Александра I въ 1806 г. 30 ноября призывалось русское дворянство къ пожертвованіямъ на организацію милиції для борьбы съ Наполеономъ. Помимо ассигнованія дворянскимъ собраніемъ сбора на содержаніе и жалованье чинамъ милиціи, были и частныя пожертвованія. Особенно крупнымъ жертвователемъ явился генераль-маиръ М. В. Гудовичъ, приславшій губернатору 5 тысячъ руб. «Почитая истиннымъ счастьемъ и священнѣйшимъ долгомъ быть всегда готовымъ на помощь любезнѣйшему отечеству моему и соревнуя въ томъ соотличамъ моимъ, прилагаю при семъ 5 тыс. и прошу употребить оные для общественной пользы по нынѣшнимъ обстоятельствамъ; счастливъ буду, если сія малая жертва принята будетъ, стократъ счастливѣйшимъ почиталъ бы себя, если бы обстоятельства соглашались съ искреннѣйшимъ моимъ усердіемъ». Частныя пожертвованія поступили отъ слѣдующихъ уѣздовъ: стародубскаго—12350 р., борзенскаго—2465 р. и по подпiskѣ (безъ обозначенія уѣзда)—2509 р., всего 17324 р. (Архивъ Полт. Губ. Правленія, по описи № 321).

Сообщ. И. Ф. Павловский.

Поправка. Въ „Киевской Старинѣ“ за ноябрь 1903 г., въ отдѣлѣ «Документы, извѣстія и замѣтки», на стр. 73, помѣщено секретное предписаніе киевскаго губернатора звенигородскому городничему отъ 23 декабря 1834 г. (вѣроятно изъ бумагъ звениг. полицейскаго архива?), за подписью: д. с. с. *Козминъ*.

Не имѣеть ли въ данномъ случаѣ мѣсто ошибки, происшедшія отъ неразборчивости подписи на предписанії? Насколько извѣстно, въ указанное время, киевскимъ губернаторомъ былъ д. с. с. Александръ Алексѣевичъ *Корниловъ* (начало 1834 года до средины 1835-го), принявшій губернію отъ д. с. с. Лаликарева и передавшій ее д. с. с. Переверзеву.

Алексѣй Мѣрдеръ.

На юбилейный даръ Н. В. Лисенку, въ дополненіе къ раньше присланнымъ въ нашу редакцію 6159 руб. 78 коп. (см. № 1-й 1904 г., стр. 12—14), вновь поступило: 1) Н. Ш—ій (изъ Херсона)—10 р.; 2) отъ офицеровъ: Д. Сим—ва—10 р.; А. Пил—ча—5 р.; Д. Перех—ча—5 р.; И. Бор—ка—5 р.; Н. Чех—аго—3 р.; В. Опп—ва—2 р.—всего 30 р.; 3) видъ студ. П. Р.—1 р.; 4) Геращенко—1 р.; 5) Кирдзинъ—1 р.; 6) О. А. Бутовичъ (Дараганъ)—10 р.; 7) И. А. Бакуменко—1 р.; 8) М. Г. Мачуговская—50 коп.; 9) Украинци и Товарыства зъ Бережанъ—79 р. 50 к.; 10) Л. А. Бѣлявскій—1 р.; 11) М. Г. Рожинская—2 р.; 12) М. Ф. Рожинскій—1 р.; 13) г. Симашкевичъ—1 р.; 14) К. Стыранкевичъ—2 р.; 15) г. Панасюкъ—1 р.; 16) М. Сѣцінська—5 р.; 17) А. Цихоцкій—5 р.; 18) Д—жа—2 р. 50 к.; 19) В. Л—ій—2 р. 50 к.; 20) Н. Я—къ—1 р.; 21) В. Д—кій—1 р.; 22) К. Р—овъ—10 р.; 23) В. К.—3 р.; 24) А. Г—ый—5 р.; 25) А. Томашевскій—5 р.; 26) А. Вильчекъ—1 р.; 27) В. Гогоцкій—5 р.; 28) П. Авраменко—5 р.; 29) А. Ш—чъ—5 р.; 30) Н. Калишевичъ—3 р.; 31) И. Глинка—5 р.; 32) Ф. Когутовъ—5 р.; 33) проф. Н. И. Стороженко—10 р.; 34) О. П. Косачъ (выручка съ концерта, устроенного въ Киевѣ 21 декабря 1903 г.)—300 р.; 35) NN—15 р. Кромѣ того, на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка получено отъ: 1) О. К. Урсинъ—1 р.; 2) офицеровъ В. Бѣлозерскаго полка—3 р. 25 к.; 3) Л. В. Гогинъ—1 р.; 4) видъ Севастопольцевъ—6 р. 15 к. и 5) А. В.

Лоначевскій—10 р., всего вмѣстѣ съ прежними 6717 р. 18 к., изъ которыхъ 1021 р. 40 к. предназначены на изданіе сочиненій; 286 р.—въ билетѣ дворянскаго съ выигрышами займа, а 5409 р. 78 к. на приобрѣтеніе дачи. Сверхъ того, къ 209 р. 49 к., собраннымъ на музыкальную школу имени Н. В. Лисенка, прибавилось 5 р., прислан. М. Ф. Комаровымъ,—всего 214 р. 49 к.

Текущія извѣстія.

Столѣтіе Харьковскаго университета. Какъ извѣстно, въ 1905 году истекаетъ 100 лѣтъ со дня учрежденія Харьковскаго университета. Подготовительныя работы къ празднованію этого юбилея находятся въ полномъ разгарѣ: пишется историческая записка исторіи каѳедръ и учебно-вспомогательныхъ учрежденій, составляется біографическій словарь профессоровъ и преподавателей, подготавливаются къ печати сочиненія Каразина и т. д. и т. д. Нѣтъ, кажется, никого среди представителей учебнаго персонала Харьковскаго университета, кто не несъ бы какой-либо работы къ предстоящему юбилею. Но столѣтіе Харьковскаго университета является крупнымъ событиемъ не только въ жизни самого университета, а также и въ жизни г. Харькова и всей южной Руси. Поэтому юбилей Харьковскаго университета привлекаетъ къ себѣ вниманіе болѣе широкаго круга лицъ, чѣмъ одни университетскіе преподаватели и служащіе; въ особенности это событие вызываетъ живой интересъ среди членовъ Историко-Филологического Общества при Харьковскомъ университѣтѣ. Въ настоящее время решено издать сборникъ статей, посвященныхъ университетскому юбилею, а кромѣ того, по иниціативѣ своего предсѣдателя, проф. Н. Ф. Сумцова, осенью истекшаго 1903 года Общество вошло въ Совѣтъ университета съ ходатайствомъ объ устройствѣ выставки предметовъ, относящихся къ Харьковскому университету и его дѣятелямъ и памятцамъ, во время празднованія университетскаго юбилея. Предложеніе Ист.-Фил. Общества было встрѣчено съ полнымъ сочувствіемъ въ профессорской коллегіи, и уже образована комиссія изъ 12 профессоровъ (по 3 отъ каждого факультета) для устройства юбилейныхъ празднествъ, въ томъ числѣ и выставки. Комиссіи предоставлено право пригласить къ участію въ ея работахъ не только другихъ преподавателей уни-

верситета и членовъ Историко-Филологического Общества, но также и другихъ лицъ, которымъ могутъ содѣйствовать успѣшному выполненію возложенныхъ на комиссію задачъ. Нѣтъ сомнѣнія, что одной изъ самыхъ интересныхъ, но въ то-же время и наиболѣе трудныхъ работъ комиссіи явится устройство юбилейной выставки. Самая идея устроить такую выставку заслуживаетъ полного одобренія, такъ какъ эта выставка иллюстрируетъ бытъ юбиляра и его дѣятелей за весь столѣтній періодъ, познакомитъ публику съ забытыми трудами и материалами, вызоветъ на свѣтъ Божій, безъ сомнѣнія, много неизвѣстныхъ и цѣнныхъ данныхъ; но устроить подобную выставку очень и очень трудно. Не говоря о новизнѣ дѣла, такъ какъ такія выставки почти неизвѣстны у насъ, нужно принять во вниманіе характеръ и составъ предметовъ, необходимыхъ для выставки. Какъ мы слыхали, предполагается иллюстрировать бытъ университета за 100 лѣтъ его существованія возможно полно: для этого будутъ собраны виды университета и его всномогательныхъ учрежденій, его изданія, портреты профессоровъ и другихъ служащихъ, ихъ автографы и труды, портреты, автографы и труды питомцевъ университета, изданія и рисунки, относящіяся къ университету, предполагается даже собрать памфлеты и карикатуры, подобно Музею Севастопольской Обороны, составить некрополь и т. д. и т. д. Но собрать все это не легко, если принять во вниманіе, что за 100 лѣтъ одно утратилось, а другое переходило, можетъ быть, очень и очень много разъ изъ рукъ въ руки и находится далеко за предѣлами Харькова. Только при сочувственномъ отношеніи публики, особенно-же тѣхъ, кто имѣетъ какое-либо отношеніе къ бывшимъ профессорамъ и питомцамъ университета и владѣетъ интересными для выставки предметами, можно будетъ сдѣлать выставку достаточно полной и интересной. Нужно надѣяться, что южно-русская публика въ особенности сочувственно поддержитъ устроителей юбилейной выставки, такъ какъ для Южной Руси предстоящей юбилей имѣть чисто мѣстное значеніе. Правда, комиссія по устройству юбилейныхъ торжествъ еще не начала своихъ занятій официально и не выдѣляла изъ себя выставочной подкоммиссіи, но тѣмъ не менѣе материалы для предстоящей выставки давно уже собираются не только университетскимъ персоналомъ (Д. И. Багалѣй, Н. Ф. Сумцовъ и др.), но также членами Историко-Филологического Общества. Уже теперь въ университетскую комиссию и въ Ист.-Фил. Общество поступаютъ портреты, автографы и другія вещи, предназначаемыя для выставки. Такъ, предсѣдателю

Ист.-Фил. Общества недавно прислана статуэтка, изображающая проф. Павловича въ каррикатурномъ видѣ. Статуэтка эта—работы известнаго скульптора-каррикатуриста Степанова и является единственнымъ и при этомъ весьма схожимъ портретомъ давно умершаго профессора. Статуэтка прислана лицомъ, знаяшимъ проф. Павловича, при чемъ, по словамъ приславшаго, Степановъ замѣчательно вѣрно, и при томъ отнюдь не въ каррикатурномъ видѣ, изобразилъ голову покойного профессора, а утрироваль лишь при отдѣлкѣ туловища и ногъ. Вообще, нужно надѣяться, что юбилейная выставка вполнѣ удастся и привлечь много цѣнныхъ матеріаловъ для характеристики быта Харьковскаго университета за первыя 100 лѣтъ его существованія.

Музей древностей и искусствъ Харьковскаго университета.

Въ теченіе многихъ лѣтъ Музей древностей и искусствъ Харьковскаго университета носилъ характеръ главнымъ образомъ художественнаго собранія, такъ какъ его коллекціи состояли преимущественно изъ картинъ, рисунковъ и гравюръ, а также гипсовыхъ слѣпковъ. Древностей первобытныхъ, историческихъ и церковныхъ въ немъ было мало, да и тѣ представляли весьма случайный подборъ предметовъ. Но въ послѣднее время музей въ сильной степени измѣнилъ свой характеръ, и этимъ онъ обязанъ бывшему въ Харьковѣ XII археологическому съѣзду. Не говоря о томъ, что съѣздъ повысилъ въ Харьковѣ интересъ къ занятіямъ мѣстной стариной, но онъ напомнилъ мѣстной публикѣ еще разъ о Музее древностей и искусствъ Харьковскаго университета, вызвавъ вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе пополнить коллекціи этого полезнаго и важнаго для харьковцевъ учрежденія. По издавна установившемуся обычаю, этотъ музей открывался для обозрѣнія по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, и здѣсь можно было видѣть посѣтителей изъ всѣхъ слоевъ харьковскаго населенія. Кромѣ того, начальство университета всегда любезно разрѣшало желающимъ снимать копіи съ картинъ музея, среди которыхъ имѣется много произведеній знаменитыхъ художниковъ. Такимъ образомъ музей много способствовалъ развитію художественныхъ вкусовъ харьковской публики. Въ настоящее время онъ можетъ съ неменьшимъ успѣхомъ знакомить публику съ мѣстной стариной, такъ какъ, благодаря XII археологическому съѣзду, обладаетъ значительными коллекціями южно-русскихъ первобытныхъ, историческихъ (въ томъ числѣ козацкихъ) и церков-

ныхъ древностей. Какъ извѣстно уже читателямъ «Киевск. Старины», большая часть предметовъ, собранныхъ для выставки ХП археолог. съезда членами Харьковскаго и Московскаго Предварительныхъ Комитетовъ, была принесена въ даръ Музею древностей и искусствъ Харьковскаго университета, и такимъ образомъ его коллекціи древностей сразу достигли значительныхъ размѣровъ. Кромѣ того, директоръ музея, проф. Е. К. Рѣдинъ, постоянно увеличиваетъ коллекціи покупкой, а затѣмъ другіе профессора и члены Историко-Филологическаго Общества дѣятельно заботятся объ умноженіи музейныхъ собраній и постоянно передаютъ въ музей древности изъ произведеній ими раскопокъ и т. д. Сверхъ того, частныя лица тоже все чаще и чаще передаютъ въ музей принадлежащія имъ старинныя вещи и случайныя находки древностей. Наконецъ, предсѣдатель Императорской Археологической Комиссіи гр. Бобрицкій обѣщалъ прислать изъ принадлежащихъ Комиссіи предметовъ такие дублеты, которые могли бы пополнить отсутствующіе или бѣдные отдѣлы музея, напр., вещи изъ раскопокъ въ Ольвіи, Херсонесѣ и Керчи, дрѣвности эпохи переселенія народовъ и т. д. Такимъ образомъ коллекціи музея все болѣе и болѣе разрастаются, и принадлежащее музею помѣщеніе оказывается настолько тѣснымъ, что размѣстить въ немъ хорошо древности совершенно немыслимо. Поэтому оказалось необходимымъ построить новое зданіе для университетскихъ музеевъ. Планъ и смѣта такого зданія составлена архитекторомъ Харьковскаго губернатора г. Величко, и въ настоящее время университет вошелъ съ ходатайствомъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія объ отпускѣ необходимыхъ для этого средствъ. Зданіе музеевъ предполагается построить на университетской горкѣ, фасадомъ на Екатеринославскую улицу. По плану оно имѣть очень красивый видъ и будетъ въ 2 этажа. Въ первомъ этажѣ предположено помѣстить нумизматический кабинетъ и этнографический музей Историко-Филологического Общества, а въ верхнемъ этажѣ будутъ размѣщены музеи древностей и искусствъ, потому что теперешній музей древностей и искусствъ думають раздѣлить на два отдѣльныхъ музея. Въ вестибюлѣ будутъ поставлены каменные бабы и другіе монументальные памятники, которые опасно помѣстить въ верхнемъ этажѣ. Если осуществится эта постройка, то Харьковъ обогатится очень важнымъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ, такъ какъ въ настоящее время, благодаря тѣснотѣ, пришлось ограничить до-

ступъ публики для осмотра музея древностей и искусствъ и даже со-
всѣмъ закрыть его для постороннихъ лицъ.

Музей украинскаго генія. Устройство музеевъ, посвященныхъ тому или другому писателю, художнику, ученому, все болѣе и болѣе входятъ въ обычай въ Европѣ. У насъ, на Украинѣ, нѣть подобныхъ музеевъ, и только въ музѣи Украинскихъ Древностей имени В. В. Тарновского, въ Черниговѣ, существуетъ весьма интересный цѣнныи Шевченковский отдѣлъ. Къ сожалѣнію, другимъ представителямъ украинской мысли и слова не такъ посчастливилось, и относящіеся къ нимъ предметы мало собирались. Конечно, благодаря этому, многое уже утрачено, а другое стало рѣдкостью или забыто. Поэтому нужно привѣтствовать Историко-Филологическое Общество при харьковскомъ университѣтѣ за принятую имъ на себя иниціативу въ собираніи всего того, что характеризуетъ украинскій геній. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ общество рѣшило создать при своей библіотекѣ отдѣлъ, посвященный памяти основателя Общества, проф. А. А. Потебни, причемъ предполагалось собрать не только портреты, рукописи и сочиненія покойнаго профессора, но также принадлежавшіе ему предметы. Благодаря поддержкѣ вдовы покойнаго, этотъ отдѣлъ будетъ весьма полонъ и интересенъ. Затѣмъ, подъ впечатлѣніемъ Полтавскихъ юбилейныхъ торжествъ, какъ извѣстно читателямъ изъ январской книги «Кievской Старины», было положено начало отдѣлу нашего знаменитаго писателя И. П. Котляревскаго. А осенью истекшаго 1903 года, по предложенію предсѣдателя проф. Н. О. Сумцова, Ист.-Фил. Общество рѣшило организовать въ своемъ этнографическомъ музѣи отдѣлы, посвященные и другимъ украинскимъ писателямъ, причемъ въ первую очередь былъ поставленъ отдѣлъ извѣстнаго украинскаго писателя Я. И. Щеголева, недавно умершаго. Въ настоящее время положено уже начало этому отдѣлу, такъ какъ вдова покойнаго писателя, по просьбѣ проф. Н. О. Сумцова, уступила для музея Общества слѣдующіе предметы, принадлежавшіе покойному Я. И. Щеголеву: письменный столъ, кресло, портфель и цѣлый рядъ рукописей. Такимъ образомъ въ этнографическомъ музѣи Историко-Филологического Общества мало-по малу составляется рядъ мелiorативныхъ отдѣловъ, которые представлять цѣнныи матеріалъ для характеристики украинскаго генія. Конечно, составлять подобные отдѣлы---дѣло трудное, и на успѣхъ можно на-

дѣяться только въ томъ случаѣ, если Общество встрѣтить поддержку и сочувствіе среди украинской публики, такъ какъ денежныя средства его не велики, и путемъ покупки оно можетъ лишь въ слабой степени увеличивать свои коллекціи. Но во всякомъ случаѣ нужно пожелать полнаго успѣха новому полезному начинанію въ дѣлѣ изученія Украины!

Юбилейный вечеръ въ честь Н. В. Лисенка въ Харьковѣ.
14-го января въ Маломъ театрѣ состоялся юбилейный вокально-музыкально-танцевальный вечеръ по случаю *тридцатипятилетнія музикальной дѣятельности* нашего славнаго «кобзаря» *Николая Витальевича Лисенка* при исключительномъ исполненіи его произведеній. Сборъ съ этого вечера долженъ поступить на учрежденіе стипендіи имени малорусскаго композитора въ мѣстномъ музыкальномъ училищѣ.

Славное имя композитора, его личное присутствіе на вечерѣ и симпатичная цѣль этого вечера привлекли въ залъ Малаго театра огромное количество публики. Маститый юбиляръ появился въ началѣ концерта въ первомъ ряду партера и былъ встрѣченъ громомъ рукоплесканій и восторженными криками. Когда же Николай Витальевичъ въ началѣ второго отдѣленія лично продирожировалъ своей прекрасной канцатой «Гей, не дывуйте», исполненной съ большими одушевленіемъ мужскимъ хоромъ г-на Туровѣрова, восторги публики достигли своего апогея. Тогда же чествуемому композитору поднесены были роскошный вѣнокъ съ надписью на лентѣ: „*Славному кобзарю видъ вѣчныхъ харьковицъ*“.

Въ заключеніе поставленъ былъ «апоѳеозъ» Н. В. Лисенка. Специально для этого художниками, ставившими живые картины, въ нѣсколько дней былъ написанъ большой портретъ Н. В. Лисенка, занявший центральное мѣсто въ «апоѳеозѣ». Вокругъ него размѣстились герои оперъ «Риздвяна ничъ» и «Тарасъ Бульба».

Н. В. вышелъ на эстраду, и ему при оглушительныхъ овацияхъ поднесены были еще 2 большихъ вѣнка. Затѣмъ анонсировано было, что Н. В. любезно согласился сыграть что-нибудь изъ своихъ композицій на рояль. Анонсъ вызвалъ бурю аплодисментовъ.

Н. В. сыгралъ свой прекрасный «Жалибный маршъ» (похоронный) на смерть Шевченка и вариаціи на народную тему «Плыве човенъ».

«Костюмированный балъ», закончившій собой этотъ интересный юбилейный вечеръ, отличался большимъ оживленіемъ. Начался онъ малороссійскимъ козачкомъ, бойко исполненнымъ костюмированными и некостюмированными танцорами.

Танцы затянулись далеко за полночь.

Н. В. Лисенко написалъ слѣдующія слова въ книгѣ почетныхъ посѣтителей, имѣющейся у дирекціи Малаго театра: «*Сердечно радый
вызвыты мою вдячність за шире прысчитання мене въ дорожому
Харькови, де я колысь выховувавсь и студентувавъ. Н. Лисенко.
14 января 1904 г. Одвидавъ Малый театръ, познавъ шановного вла-
стивца його, мылувася вдатнимъ резонансомъ и диригуавъ студен-
ческимъ хоромъ «Гей, не дывуйте»...*

Чистая выручка съ вечера въ суммѣ 423 р. 32 к. передана г-ну харьковскому губернатору для отправки ея въ дирекцію музыкаль-наго училища Императорскаго русскаго музыкальнаго Общества для образованія фонда стипендіи имени композитора Н. В. Лисенка при этомъ училищѣ. Кромѣ сбора отъ устройства вечера, учредителями получено пожертвованія отъ разныхъ лицъ и выручено отъ продажи программъ-акварелей работы г.г. художниковъ С. И. Васильковскаго и г. Кричевскаго еще 220 р.; эти деньги также поступятъ въ распоряженіе дирекціи музыкальнаго училища съ тѣмъ же назначеніемъ.

Присужденіе преміи имени А. А. Потебни. Въ засѣданіи историко-филологического Общества 21-го декабря заслушанъ былъ отзывъ проф. Н. Ф. Сумцова о сочиненіи о купальскихъ обрядахъ и пѣсняхъ, представленномъ на премію имени А. А. Потебни. Лекторъ принялъ къ свѣдѣнію около сотни сборниковъ и изслѣдований и разобралъ свыше шести сотъ купальскихъ пѣсенъ, разбивъ ихъ на отдѣльные мотивы, придерживаясь пріема Потебни въ изслѣдованіи его о колядкахъ. Работа большая, написана стройно и ясно. Рецензентъ рекомендовалъ выдать автору сочиненія полную премію. Къ этому мнѣнію присоединился проф. А. П. Кадлубовскій, высказавши при этомъ иѣсколько критическихъ замѣчаній. Предложеніе рецензентовъ о полной преміи было принято единогласно. По вскрытии конверта съ девизомъ, авторомъ сочиненія оказался студентъ-филологъ 4-го курса М. Д. Кушень.

Затѣмъ обсуждались темы для предстоящаго года. По большинству голосовъ принятая тема, предложенная въ интересахъ предстоящаго въ 1905 году въ Екатеринославѣ археологического съѣзда, слѣдующаго содержанія: «Археология и этнографія въ предѣлахъ южной Россіи, по даннымъ харьковскихъ изданій съ 1881 по 1904 г.» (бібліографія и краткая оцѣнка главныхъ статей и сборниковъ). Работа эта должна служить продолженіемъ „Указателя“ Устинова, доведеннаго до 1881 года. («Южный Край», № 7952).

Отложенный юбилей газ. „Волынь“. Редакція газ. «Волынь», пріостановленной на нѣсколько мѣсяцевъ, помѣстила въ газетахъ слѣдующее письмо:

Имѣемъ честь покорнѣйше просить напечатать въ вашей уважаемой газетѣ, что, вслѣдствіе постигшей газету «Волынь» пріостановки, мы, по независящимъ обстоятельствамъ, лишены возможности выпустить въ свѣтъ подготовляемый юбилейный сборникъ «Волыни» (по случаю 25 лѣтія). Равнымъ образомъ намъ приходится отложить до болѣе благопріятнаго момента и выполненіе остальной программы, которой проектировалось ознаменовать четверть-вѣковой юбилей газеты. Къ свѣдѣнію авторовъ, уже приславшихъ намъ свои произведенія, мы считаемъ долгомъ сообщить, что статьи ихъ будутъ на тѣхъ-же условіяхъ напечатаны въ газетѣ „Волынь“ по ея возобновленіи. Примите и пр. Редакція газеты „Волынь“, г. Житоміръ.

Собрание древнихъ грамотъ. С.-Петербургскимъ археологическимъ институтомъ, какъ сообщаетъ «Нов.», собраны въ разныхъ правительственныехъ, общественныхъ и частныхъ хранилищахъ С.-Петербурга, Москвы, Риги, Варшавы, Харькова, Львова и Несвижа 52 грамоты; преимущественно XIV вѣка, изъ которыхъ нѣкоторыя известны лишь въ малораспространенныхъ заграничныхъ изданіяхъ, а нѣкоторыя только впервые дѣлаются известными ученыму миру. («Южн. Край», № 7959).

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Культурная работа двухъ лагерей въ Галичинѣ. Львовское „Діло“ дѣлаетъ подсчетъ силамъ двухъ борющихся въ Галиціи и Буковинѣ партій: «москвофиловъ» и «украинофиловъ». Особенno газета останавливается на двухъ „важнѣйшихъ въ жизни факторахъ: молодежи и прессѣ“. «Оба эти фактора,—говорить газета,---въ нашихъ рукахъ!» Подсчитывая число студентовъ-украинофиловъ въ высшихъ заведеніяхъ Австріи (по спискамъ студенческихъ обществъ), газета опредѣляетъ это число въ 930; изъ обществъ студенческихъ—наибольшія: «Акад. Громада» и „Основа“ въ Львовѣ (въ обоихъ—730 студентовъ). Въ студенческихъ обществахъ „москвофильскихъ“ („Другъ“—во Львовѣ, «Буковина»—въ Вѣнѣ и др.) записано 108 человѣкъ. По мнѣнию газеты, это число постепенно должно падать, какъ обнаруживаются отчеты обществъ за прошлые годы. Переходя къ печати, «Діло» насчитываетъ въ Австріи 26 періодическихъ изданий украинофильского направленія: 3 ежедневныхъ газеты, 5—еженедѣльныхъ, 7—двухнедѣльныхъ изданий, 8—ежемѣсячныхъ и 2 издания, выходящія черезъ 3 мѣсяца. Сюда же слѣдуетъ присоединить и нѣмецкій по языку журналъ „Ruthenische Revue“. Москвофильская печать представлена 9 изданіями. Что касается изданія книгъ, брошюръ, то продуктивность «москвофиловъ» достигаетъ всего лишь 10 проц. издаваемаго украинофилами.

Очень жаль, что «Діло» не сообщаетъ статистическихъ данныхъ о распространенности изданий борющихся партій; было бы интересно знать, сколько подписчиковъ имѣютъ, напримѣръ, «Галичанинъ» съ одной стороны, и «Діло», съ другой?

Кажется, при большомъ сравнительно числѣ повременныхъ изданий въ Галиціи, подписчиковъ на нихъ имѣется мало. „Діло“ жалуется, что „Літер.-Наукъ. Вістникъ“, издаваемый главами „украинофильства“ проф. Грушевскимъ и Франкомъ—подобіе нашихъ ежемѣсячниковъ,—имѣть всего лишь 144 подписчика (однихъ священиковъ униатовъ въ Галиціи около 3,000 человѣкъ!).

Малоруссія читальні въ Галиції. Газета «Діло» дѣлаетъ подсчетъ сельскихъ читаленъ, основанныхъ въ Галиціи просвѣтительнымъ обществомъ «Просвіта». Оообщество это обратило свою дѣятельность на провинцію въ 1891 г.; съ этого года до начала 1904 г. оно основало по деревнямъ и мѣстечкамъ до 1,345 читаленъ. Если къ этому числу присоединить почти такое же число читаленъ, основанныхъ «старорусскимъ» обществомъ имени Качковскаго, то станетъ ясно, какъ въ Галиціи развита общественная самодѣятельность въ области народнаго просвѣщенія, находящая, увы! мало поддержки со стороны земскаго самоуправленія. Слѣдуетъ отмѣтить, что дѣятелями по устройству читаленъ являются, главнымъ обрааомъ, священники-уніаты.

Польскій и русинскій языки въ галиційскихъ школахъ. Состоявшееся въ послѣднихъ дняхъ прошлаго мѣсяца педагогическое собраніе „Kola Krakowskiego“ въ вопросѣ о языкахъ польскомъ и русинскомъ въ галиційскихъ школахъ пришло къ слѣдующимъ выводамъ. Преподаваніе на обоихъ языкахъ въ школахъ возможно только въ ущербъ развитію и цѣлямъ школы. Что-же касается обученія этими языкамъ въ школахъ—собраніе рѣшило въ ближайшей сессіи обсудить вопросъ объ обязательномъ обученіи польскому и русинскому языкамъ во всѣхъ среднихъ школахъ Галиціи.

Воззваніе клуба русинскихъ пословъ. Ввиду приближающихся выборовъ русинскихъ пословъ въ Галицкій сеймъ, послѣ выхода изъ него прежнихъ избранныковъ, въ газ. «Діло» напечатано воззваніе этихъ вышедшихъ пословъ къ русинскому народу, гдѣ указывается, что политика края требуетъ цоголовного избранія онять тѣхъ-же самыхъ пословъ, чтобы доказать силу и солидарность русинскаго народа.

БІБЛІОГРАФІЯ.

Т. Шевченко въ литературѣ и искусствѣ. · Бібліографіческій
указатель матеріаловъ для изученія жизни и произведеній Т.
Шевченка. Составилъ М. Комаровъ. Одесса, 1—143, in 8°.
Ц. 75 коп.

О громадной пользѣ книжки съ отмѣченныемъ заглавиемъ нечего и говорить: всякий интеллигентный читатель, а въ особенности имѣю-
щій отношеніе къ литературѣ, дорожающій именемъ величайшаго на-
шего поэта, скажетъ автору большое спасибо,—отнынѣ не прійдется ему болѣе блуждать въ потемкахъ, собирая необходимую литературу, которая не у всякаго подъ руками. Имѣя теперь эту цѣнную книгу въ нашей литературѣ, невольно хочется помечтать, что авось научная разработка вопросовъ, связанныхъ съ именемъ Шевченка и его произведеніями, а на первомъ мѣстѣ—критическое научное изданіе его поэзії, вступить въ новую фазу, статьевъ явленіемъ болѣе частымъ, чѣмъ донынѣ.

Правда, и настоящій указатель, какъ и всякой иной, нельзя на-
звать абсолютно полнымъ, въ особенности въ отношеніи литературы галицкой послѣ 1883 года, ионынѣ не имѣющей бібліографического
указателя, а также статей и переводовъ на языкахъ иностранныхъ,
но все такіе пропуски въ большинствѣ случаевъ не первостепенной
важности, а къ тому же со временемъ ихъ легко можно будетъ попол-
нить. Желая и съ своей стороны внести малую ленту въ это дѣло,
отмѣчаемъ въ нижеслѣдующихъ строкахъ замѣченные нами пробѣлы,
питая надежду, что и иные лица не откажутъ въ своей посильной

помощи... Но прежде скажемъ о расположении материала въ указателѣ. Весь материалъ размѣщенъ въ XII отдѣлахъ, а именно: Собрание сочиненій Т. Г. Шевченка на малорусскомъ языке и отдѣльныя ихъ изданія (стр. 11—20, всего 80 №№); Малорусскія произведенія Т. Шевченка, помѣщенные въ сборникахъ и журналахъ (стр. 21—24,—45 №№); Произведенія Т. Г. Шевченка на русскомъ языке (25—26, всего 21 №№); Переписка Т. Г. Шевченка (27—30, всего 42 №№); Рисунки его (31—33,—27 №№); Переводы малорусскихъ произведеній Т. Г. Шевченка: на русской, польской, чешской, болгарской, сербской, словацкой, нѣмецкой, французской и др. языки (стр. 34—42,—87 №№); Переводы прозаическихъ произведеній Т. Шевченка, писанныхъ имъ по-русски, на языкъ малорусский (42—44,—13 №№); Музыка въ произведеніяхъ Т. Г. Шевченка и на память о немъ (50—53,—59 №№); Драматическая передѣлки произведеній Т. Шевченка (54—55,—8 №№); Учрежденія имени Т. Г. Шевченка (56—58,—7 №№); Сводъ статей о Т. Г. Шевченкѣ и его произведеніяхъ (59—131, всего 855 №№). Кромѣ того, въ началѣ сообщаются важнѣйшія даты изъ жизни Т. Г. Шевченка (стр. 6—10), а въ концѣ помѣщены алфавитный указатель книгъ и статей о Шевченкѣ, композиторѣ, художниковѣ, издателей и другихъ лицъ, способствовавшихъ изученію жизни и произведеній Т. Шевченка (стр. 133—140).

Какъ видить читатель, материалъ расположено въ системѣ, и пользоваться имъ весьма удобно.

Переходимъ къ пропускамъ.

Въ отдѣлѣ IX (переводы прозаическихъ произведеній Т. Шевченка, писанныхъ имъ по-русски, на языкъ малорусский), не отмѣчена статья: «Шевченко про Котляревського. Виривки з повісті Шевченка «Близнюки» въ Літературно-Науковомъ Вістнику 1898 г., т. IV, стр. 137 и слѣд.; въ отдѣлѣ XIV (Сводъ статей о Т. Г. Шевченкѣ и его произведеніяхъ) изъ того же «Літературно-Науков. Вістника» пропущены слѣдующія статьи и замѣтки. За 1898 годъ: Брюлов та Шевченко. С. Е. (т. IV, Хроніка, 60); Матеріали до VI т. «Кобзаря» Шевченка у Львові (т. VI, Хрон., 233); Проект видання росийськихъ перекладівъ з Шевченка «Белоуса». С. Е. (т. IV, Хрон., 233). За 1899 годъ: Статі про Шевченка (т. V, Хрон., 204); Нове видання Кобзаря у Кніви (т. V, Хрон., 135); Споминки про Шевченка (т. VI, Хр., 191); Пушкін contra Шевченко С. Е. (т. VII, Хр., 62); Портрет Ольріджа намальований Шевченкомъ (т. VII, Хр., 232).

За 1900 годъ: Курочкин і Шевченко. С. Е. (т. XI, Хрон., 121); Споминки Л. М. Жемчужникова. С. Е. (XI, Хр., 218); Статі про Шевченка (XI, Хр., 8 и ХІІ, Хр., 121); рецензія М. К. на Малий Кобзарь». Черкаси, 1900,—(хотя въ ссылкѣ къ № 74 на стр. 19 на нее имѣется указание). *За 1901 годъ:* Читальня ім. Шевченка в Канаді (ХІІІ, Хр., 212),—указавіе имѣется на ст. 58 къ № 6; Недруковані листи Шевченка. С. Е. (ХІІІ, Хр. 213); Сногади про Т. Шевченка (ХІІІ, Хр. 55); Нові переклади Шевченкових поезій В. (ХІІІ, Хр., 9); Малюнки до Кобзаря (ХІІІ, Хр., 9); Памятки до Шевченку. С. П—о (ХІІІ, Хр. 21); Ювілейна вистава в Херсоні в 40-ві роковини смерти Шевченка (ХІІІ, Хр. 33); Россияне про Шевченка (ХІІІ, Хр., 40); Шевченко в крузі народніх поетів В. Д—ко (ХV, Хр.; 1); «Перелицьований Кобзарь». С. Е. (ХV, Хр. 5). Шевченкові реліквії. Щ. Д. (ХІІІ, Хр., 23); Читальня ім. Шевченка в Нижньому-Новгороді (ХІІІ, Хр. 212), если она существуетъ, ею слѣдовало бы пополнить отдѣль XIII «Учрежденія имени Т. Шевченка» *За 1902 годъ:* Нові матеріяли до житепису Шевченка (ХVІІ, Хр., стр. 13); Рецензія на «Послі Шевченка» видання «Просвіти» 1902 р. В. (ХVІІ, Хрон., 31);—упоминаніе на стр. 20 къ № 79; Шевченкові малюнки (ХVІІ, Хр., 26); Памяти Шевченка В. и автограф Шевченка В. (ХVІІ, Хрон., 1).

Кромѣ того, слѣдовало отмѣтить статью Я(ковлева) К. До характеристики М. С. Щепкина (Літер.-Науков. Вістник, ХІІІ, Науковий відділ, стр. 124 и слѣд.). Не отмѣчена также «Korespondencya Bohdana Zaleskiego» въ журналѣ «Przewodnik Naukow'y i Literacki» (приложеніе къ Gazeta Lwowska) за 1902 годъ, где имѣется письмо Б. Залесского отъ 16/iv 1866 г. съ извѣщеніемъ о посыпкѣ поезій Шевченка во Львовъ, говорится о преждевременності опублікованія писемъ Шевченка...

Теперь о нѣкоторыхъ погрѣшностяхъ составителя,—правда, не-многочисленныхъ, часть которыхъ отмѣтилъ уже въ своемъ отзывѣ г. В. (въ «Літературно-Науковомъ Вістнику за 1903 г., кн. XI, Хр., стр. 142—143), какъ, напримѣръ, на стр. 81, № 310—Кокорудза вм. Ко-корудз (тоже еще и на стр. 94, № 468), на стр. 82, № 320—Баткѣв-щина, вмѣсто Батькѣвщина, на стр. 83, № 137—Naukowyi—вм. Na-ukowy, 85, № 362—русскої вм. рускои, стр. 103, № 566—Пачовській В. вм. Пачовській М., но наиболѣе крупный недосмотръ на стр. 39, № 65, где переводы Гарамбалича отнесены къ чешскому языку вм.

сербскаго (хорватскаго, на стр. 40, № 74—они фигурируютъ уже какъ сербскіе переводы). Отмѣчены г. В. еще неправильности на стр. 45, № 3: «Польскій на смерть малороссійскаго поэта Т. Шевченка», въ чёмъ, по мнѣнію г. В. видѣнъ пропускъ: кто «польскій»? и на стр. 107, № 618: В. Лесевича на обѣдъ украинцевъ въ Петербургѣ»... Въ послѣднемъ случаѣ слѣдуетъ, очевидно: В. Лесевичъ. На обѣдѣ»...

Съ своей стороны, укажемъ еще на слѣдующіе промахи: на стр. 5 и 8 „Священника Кошицы“,—слѣдуетъ Кошица, т. к. фамилія эта Кошицъ, (а не Кошица); на стр. 8 «археографическую комиссию»—вм. Археографическую; на стр. 19, № 77—«Княжна. Поэма Шевченка. Ц. 3 р.—вмѣсто К.; на стр. 20, № 80 „Катерины. Поэма Т. Шевченка. У Киви, 1908 року“ слѣдовало добавить, что это первое *полное*, безъ пропусковъ, изданіе этой поэмы; на стр. 99, № 517: Н. О. Бѣляшевскій—вм. Н. О. Бѣляшевскій.

Все это, конечно, мелочи, которыя ничуть не умаляютъ цѣннаго труда почтеннаго автора.

В. Доманицкій.

Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII столѣтія (Новые данные, относящіяся къ исторіи этой Академіи за указанное время). Д. Вишневскаго. Кіевъ, 1903.

Настоящее сочиненіе представляетъ собою одну изъ подготовительныхъ работъ къ составленію *пѣтной* исторіи Киевской Академіи со времени основанія ея въ 1615 году. Прежнія работы по исторіи этой Академіи, а именно: «Исторія Киевской Академіи» преосвященнаго Макарія Булгакова, 1843 г., и «Кievъ съ древнѣйшимъ его училищемъ Академіею» В. И. Аскоченскаго, въ трехъ томахъ, давно уже устарѣли и не соответствуютъ современнымъ научнымъ требованіямъ. Новыя подготовительныя работы по исторіи Киевской Академіи стали появляться съ 1886 года. Въ этомъ году вышелъ въ свѣтъ 1-й выпускъ «Исторіи Киевской Духовной Академіи» профессора С. Т. Голубева, обнимающій исторію сей Академіи въ до-Могилянскій ея періодъ, т. е. съ 1615 до 1632 года. Остальные выпуски этого капитальнаго труда имѣютъ быть посвящены Исторіи Киевской Академіи въ Могилянскій ея періодъ, съ 1632 по 1647 годъ. Въ 1895 году появилось небольшое сочиненіе профессора Н. И. Петрова, подъ за-

главиємъ «Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка», заключающее въ себѣ краткий обзоръ исторіи этой Академіи за означенное время, а въ 1901 г.—рѣчъ профессора С. Т. Голубева «Кіевская Академія въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій». Съ 1897 года начались студенческія ученыя работы по исторіи Кіевской Академіи за XVIII и начало XIX вв. Въ 1897 году напечатано было кандидатское сочиненіе студента В. Серебренникова: «Кіевская Академія съ половины XVIII вѣка до преобразованія ея въ 1819 году». Оно основано было, главнымъ образомъ, на остаткахъ академического архива, сохранившихся въ архивѣ Кіево-Братскаго монастыря, и на документахъ старого архива Кіевской Дух. Консисторіи. Того же періода времени изъ жизни Кіевской Академіи отчасти касались и другіе студенты Кіевской Академіи въ кандидатскихъ своихъ сочиненіяхъ, какъ напр. Г. С. Булашевъ въ сочиненіи «Преосвященный Ириней Фальковский, епископъ чигиринскій». Кіевъ, 1883 г., А. Бѣлгородскій въ сочиненіи «Кіевскій митрополитъ Іероѳей Малицкій (1796—1799 г.г.)», Кіевъ, 1901 года.

Въ этихъ подготовительныхъ работахъ доселѣ оставался замѣтный пробѣль, касающійся исторіи Кіевской Академіи за первую половину XVIII вѣка. Восполнить этотъ пробѣль и составляло задачу сочиненія г. Вишневскаго.

Такъ какъ материаловъ для исторіи Кіевской Академіи за это время до сихъ поръ обнародовано и известно весьма мало, то автору предстоялъ двойной трудъ—не только обслѣдовать относящіеся къ его области факты, но, такъ сказать,—создать и самые факты, отыскивая ихъ въ разныхъ архивахъ и книгохранилищахъ. Извѣстно, что академического архива за это время почти не сохранилось. Приходилось отыскивать материалы въ архивахъ и рукописяхъ учрежденій, имѣвшихъ какое либо соприкосновеніе съ Кіевскою Академіею. Авторъ долго работалъ надъ своимъ сочиненіемъ и успѣлъ собрать богатый, свѣжій матеріалъ для него въ архивахъ и библіотекахъ Кіева, Смоленска и отчасти Москвы и С.-Петербурга и даже въ собраніяхъ частныхъ лицъ. На основаніи этого матеріала, списки начальствующихъ и учащихъ лицъ въ Кіевской Академіи, перечень рукописныхъ учебниковъ и характеристика преподававшихся въ ней наукъ за разматриваемый періодъ составлены авторомъ съ замѣчательною полнотою и обстоятельностію. Впервые указаны имъ нѣкоторыя изъ матеріальныхъ средствъ содержанія Академіи, напр., выдача по 200 руб. въ

Томъ 84.—Февраль, 1904.

П—3

годъ на Академію изъ войскового скарабу, и впервые же открытые въ синодальномъ архивѣ списки студентовъ и профессоровъ Киевской Академіи за 9 лѣтъ, съ 173⁶/₇ по 174⁴/₅ учебные годы, хотя вполнѣ и не использованы въ сочиненіи автора.

Напрасно стали бы мы искать въ сочиненіи автора широкой картины жизни Киевской Академіи за избранный періодъ ея жизни, въ связи ея съ политическою, церковною и общественною жизнью тогдашней Россіи и въ частности Малороссіи. Въ виду многосложности задачи, г. Вишневскій ограничился въ своемъ сочиненіи изображеніемъ только внутренняго строя Киевской Академіи, и притомъ обращать преимущественное вниманіе на вновь добытые имъ матеріалы для исторіи Киевской Академіи въ данный періодъ. Конечно, ничего нельзя возразить противъ такой спеціализаціи въ области предмета, самого по себѣ обширнаго, такъ какъ подобная спеціализація можетъ лишь содѣйствовать обстоятельному, детальному изученію исторіи Киевской Академіи и объективному, чисто научному изложенію ея. Эти достоинства и просвѣчиваютъ въ сочиненіи г. Вишневскаго.

Но узкая спеціализація въ сферѣ внутренней жизни Академіи за избранный періодъ, и притомъ по новымъ преимущественно даннымъ, была причиною и нѣкоторыхъ недосмотровъ. Преслѣдуя интересъ новизны матеріала для своего сочиненія, г. Вишневскій иногда довѣрчиво относился къ словамъ прежнихъ историковъ Киевской Академіи, напр. В. Аскоченскаго, и вмѣстѣ съ нимъ допускалъ старыхъ ошибки. Такъ, напр., въ одномъ мѣстѣ (стр. 84, примѣч. 5), цитируя академическую инструкцію 1734 года по русскому переводу г. Аскоченскаго, г. Вишневскій разсматриваетъ въ § 15 этой инструкціи указаніе на существование артельнаго строя въ Киевской бурсѣ, но въ латинскомъ подлиннике нѣть ни слова о бурсѣ и говорится объ инспекторахъ надъ панычами и объ обязанности этихъ инспекторовъ блюсти панское добро.

Затѣмъ, спеціализируясь въ извѣстномъ періодѣ исторіи Киевской Академіи, г. Вишневскій нерѣдко не имѣлъ въ виду данныхъ изъ предыдущаго или послѣдующаго періодовъ исторіи Киевской Академіи, могущихъ объяснить и освѣтить приводимые имъ самимъ факты. Такъ, напр., г. Вишневскій не указываетъ, изъ какихъ источниковъ Киевские митрополиты давали консолюцію профессорамъ и пособіе бурсѣ; а между тѣмъ изъ сборника правъ и привилегій малорусского духовенства, 1768 года, видно, что эти деньги составляли часть

сбора съ вѣнчныхъ памятей, который Киевскіе митрополиты, на основаніи прежнихъ правъ и привилегій Киевской митрополіи, не отсылали въ центральное вѣдомство, а удерживали у себя на свои епархиальные нужды, и такого сбора въ иной годъ бывало до 4700 рублей. Изъ послѣдующихъ же документовъ можно видѣть, что упоминаемый у г. Вишневскаго учитель Киевской Академіи Василій Крыжановскій есть никто иной, какъ не безъизвѣстный въ исторіи русской духовной литературы Владіміръ Калиграфъ, выкrestъ изъ межибожскихъ евреевъ.

Есть у г. Вишневскаго нѣкоторые пробѣлы и въ спеціально избранной имъ для изслѣдованія области. Въ то время, когда писалось и печаталось сочиненіе г. Вишневскаго, вышло въ свѣтъ нѣсколько изданій, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ его предмету, которыми однако онъ не могъ своевременно воспользоваться, какъ, напр., XI и XII томы «Описанія документовъ и дѣлъ архива Св. Синода» и «Матеріалы для исторіи Казанской дух. семинаріи въ XVIII вѣкѣ» К. Харламповича, 1903 г. Въ помянутомъ XII томѣ «Описанія документовъ и дѣлъ архива Св. Синода» есть одинъ документъ, имѣющій прямое отношеніе къ ходатайству о возобновленіи выдачи на Киевскую Академію по 200 руб. изъ войскового скарбу. Въ 1735 году Св. Синодъ, вслѣдствіе ходатайства Киевскаго архіепископа Рафаила Заборовскаго, обратился въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ съ запросомъ о томъ, въ какомъ положеніи находится дѣло по ходатайству бывшаго малороссійскаго гетмана Даниила Апостола о возобновленіи выдачи Киевской Академіи помянутыхъ денегъ. Коллегія иностранныхъ дѣлъ отвѣчала, что, по рѣшенію Верховнаго Тайного Совѣта въ 1722 году, велико собираемые въ Малой Россіи въ войсковой скарбъ доходы употреблять на дѣйствительные войковые расходы, а обѣ остаткахъ доносить Императорскому Величеству и не употреблять въ расходъ безъ именного Высочайшаго указа (№ 285). По ходу дѣла, Св. Синоду слѣдовало обратиться съ ходатайствомъ къ самой Императрицѣ какъ, повидимому, и просилъ о томъ Киевскій архіепископъ Рафаиль Заборовскій президентъ Св. Синода, архіепископа Феофана Прокоповича. Прокоповичъ же, очевидно, не хотѣлъ плѣть противъ теченія высшихъ правительственныхъ сферъ и отказалъ преосвященному Рафаилу Заборовскому въ его ходатайствѣ; но отказать свой мотивировалъ другими причинами. Въ своемъ отвѣтномъ письмѣ Заборовскому отъ 8 марта 1736 года Феофанъ Прокоповичъ подвергаетъ безпощад-

ной критикѣ способъ веденія хозяйства Киево-Братскими монастыремъ и Академіею и даже угрожаетъ виновникамъ «великимъ истязаніемъ и наказаніемъ» (письмо Прокоповича издано и въ «Кievskoj Stariinѣ» за мартъ, 1884 года). А между тѣмъ экономическое положеніе Киево-Братского монастыря въ это время действительно было весьма критическое, въ которое онъ поставленъ былъ историческими обстоятельствами, а не радѣніемъ начальствующихъ лицъ монастыря. Г. Вишневскій, вмѣстѣ съ прежними историками Киевской Академіи, вѣрить искренности письма Т. Прокоповича и не понимаетъ подлиннаго его значенія и смысла.

Въ помянутой книгѣ К. Харламповича г. Вишневскій нашелъ бы указаніе еще на одного профессора Киевской Академіи этой эпохи, у него опущеннаго, именно на іеромонаха Епифанія Адомацкаго.

Наконецъ, нельзя не указать на то, что г. Вишневскій не воспользовался въ полной мѣрѣ и указными книгами Киевской Дух. Консисторії, вѣроятно потому, что онѣ собраны и сосредоточены въ одномъ мѣстѣ только въ недавнее время. Изъ этихъ книгъ онъ увидѣть бы, напримѣръ, что профессоръ іеромонахъ Платонъ Малиновскій выбылъ изъ Киевской въ московскую Академію не въ 1723, а въ 1724 году:

Но такие пробѣлы и недомолвки не многочисленны и почти не портятъ общаго пріятнаго впечатлѣнія, получаемаго отъ книги, которая, по разнообразію и цѣнности своего материала, собиравшагося по крупицамъ, на долго останется справочною книгою для специалистовъ, занимающихся исторіей науки и просвѣщенія въ юго-западной Россіи за обозрѣваемое время.

Къ книгѣ приложено 10-ть приложений изъ архивныхъ документовъ и рукописей.

Н. П.

Памятная книжка Киевской губ. на 1904 г., изданіе Киевскаго губернскаго Статистическаго Комитета. Kievъ, 1904 г.

Звѣлючая въ себѣ всѣ обычные отвѣты «памятныхъ книжекъ» за предыдущіе годы, названная книжка содержитъ два совершенно новыхъ отдѣла: историко-этнографический и «распоряженій правительства». Въ

послѣдній отдѣлъ вошли главнѣйшія Высочайшія повелѣнія и «положенія», относящіяся преимущественно къ нашему краю, нормальные уставы (сельскихъ банковъ, сельскихъ пожарныхъ дружинъ, потребительскихъ обществъ), почтово-телефрафная правила и новѣйшія распоряженія по почтово-телефрафному вѣдомству, ветеринарно-полицейскія распоряженія, положеніе о Киевской областной сельскохозяйственной выставкѣ, предполагавшейся въ 1904 г. и т. д. Введеніе этого отдѣла несомнѣнно значительно увеличиваетъ справочное значеніе памятной книжки, снабженной сверхъ того и невключавшимися въ ирежнія изданія списками существующихъ въ губерніи сельскихъ банковъ, сберегательныхъ кассъ, ярмарокъ и т. д. Кромѣ значительного расширенія справочнаго отдѣла, названная книжка имѣть еще то преимущество предъ памятными книжками предыдущихъ лѣтъ, что справочный ея материалъ изложенъ въ опредѣленной системѣ: данныя о дѣленіи Киевской губ. въ административно-полицейскомъ, судебномъ и др. отношеніяхъ выдѣлены въ особую рубрику, свѣдѣнія о г. Киевѣ—въ особую, «распоряженія правительства» составляютъ тоже особый отдѣлъ и т. п., чѣмъ, разумѣется, значительно облегчается пользованіе этими материалами. Помянутый историко-этнографический отдѣлъ составляетъ первую попытку статистического комитета отступить отъ обычнаго шаблона составленія памятныхъ книжекъ сообщеніемъ данныхъ, выходящихъ за предѣлы материаловъ справочнаго характера. Въ отдѣлѣ этомъ сообщаются свѣдѣнія о лирникахъ и кобзаряхъ. Къ сожалѣнію, изъ предисловія къ нему видно, что помѣщеніе этихъ свѣдѣній носить довольно случайный характеръ, и можно думать, что это также будетъ дальше, до тѣхъ поръ, пока Комитетъ, не ограничиваясь работой одного своего секретаря, привлечетъ къ участію въ своей дѣятельности достаточное число лицъ, интересующихся дѣломъ изслѣдованія губерніи въ тѣхъ или иныхъ отношеніяхъ.

Объ адресъ-календарномъ отдѣлѣ книжки слѣдуетъ сказать, что въ немъ произведено замѣтное улучшеніе опять же введеніемъ большей системы въ расположение материала, а именно: свѣдѣнія о служащихъ въ Киевѣ и губерніи не смѣшаны, какъ прежде, воедино подъ заголовками отдѣльныхъ вѣдомствъ, но наоборотъ обособлены, т. е. свѣдѣнія по Киеву показаны, въ видахъ облечения справокъ, отдельно отъ поуѣздныхъ. Слѣдовало бы для той же цѣли дать еще и болѣе полное оглавленіе «адресамъ иѣкоторыхъ частныхъ учрежденій, обществъ и лицъ свободныхъ профессій въ г. Киевѣ». Подъ-отдѣлъ

этотъ заключаетъ въ себѣ массу разнообразныхъ свѣдѣній (всего 51 стр.), которая гораздо легче было бы отыскивать при болѣе подробномъ заголовкѣ. Кстати сказать, въ немъ мы не нашли именъ нѣкоторыхъ женщинъ-врачей¹⁾). Конечно, это могло зависѣть именно отъ того, что собираніе свѣдѣній для адресъ-календарного отдѣла производится обычнымъ путемъ офиціальныхъ справокъ. Но намъ кажется, что разъ уже составители памятной книжки пожелали стать на путь коренного улучшения этого изданія, слѣдовало бы придумать и какія либо способы для проверки и пополненія обычно недостаточно точныхъ и запаздывающихъ противъ дѣйствительности офиціальныхъ справокъ.

Во всякомъ случаѣ книжка эта составляетъ шагъ впередъ сравнительно съ изданіями предыдущихъ лѣтъ. Что касается «статистическаго» отдѣла, то мы его разбирать не будемъ, потому что онъ составленъ (хотя и съ нѣкоторыми улучшеніями) по обычнымъ даннымъ Центральнаго Статистического Комитета, и улучшенія этого отдѣла можно ждать только тогда, когда оживится самостоятельная дѣятельность самого Комитета.

Л. С. Л.

Н. Ив. Теодоровичъ. Волынь въ описаніи городовъ, мѣстечекъ и сель въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и др. отношеніяхъ. Историко-статистическое описание церквей и приходовъ Волынской епархіи.

Томъ V. Ковельскій уѣздъ. Почаевъ, 1903 г. 573 страницы.

Несмотря на нѣсколько измѣненное заглавіе, настоящій томъ является продолженiemъ капитального труда, начатаго почтеннымъ авторомъ болѣе 15 лѣтъ назадъ. Еще въ 1888 г. онъ издалъ 1-й томъ «Историко-статистического описанія церквей и приходовъ Вол. еп.», посвященный уѣзdamъ: Житомирскому, Новоградъ-Волынскому и Овручскому. Во 2-мъ томѣ, вышедшемъ въ 1890 г., были описаны уѣзды: Ровенскій, Острожскій и Дубенскій; въ 3-мъ (въ 1893 г.)—Кременецкій и Заславскій; 4-й, самый объемистый томъ, вышедши въ 1899 г., былъ посвященъ уже одному только уѣзду—Староконстан-

---

¹⁾ Не знаемъ навѣрное, практикующихъ, или уже оставившихъ практику.

тичовскому. Настоящій 5-й томъ также посвященъ описанію церквей и приходовъ лишь одного уѣзда. Уже изъ этого видно, какъ постепенно расширялись размѣры и рамки труда, первоначально задуманного далеко не въ такомъ обширномъ объемѣ. Дѣйствительно, первый томъ «Описанія» заключаетъ въ себѣ, главнымъ образомъ, краткія статистическія свѣдѣнія о приходахъ, почерпнутыя изъ клировыхъ вѣдомостей, съ присоединеніемъ столь же краткихъ историческихъ свѣдѣній о поселеніяхъ, въ видѣ подстрочныхъ примѣчаній; эти послѣднія свѣдѣнія авторъ заимствовалъ по преимуществу изъ «трудовъ Киевской Археографич. Комиссіи» и изъ «Описей актовыхъ книгъ Киев. Центр. Архива». Сознавая недостаточность исторического элемента въ своемъ трудахъ, авторъ, путемъ многократныхъ возваній и просьбъ, обращенныхъ къ приходскимъ священникамъ, добился присылки ими подлинныхъ перковыхъ документовъ, актовъ, лѣтописей и всевозможнаго рода замѣтокъ и сообщеній. Нашлись между священниками и такие просвѣщенные корреспонденты, которые сообщали автору обширныя записки, касавшіяся религіозно-бытовой жизни своихъ прихожанъ; другіе присылали записанныя на мѣстахъ изъ народныхъ устъ повѣрья, преданія, пѣсни, пословицы и др. этнографические материалы, иногда высокой цѣнности. Всѣ эти разнообразныя свѣдѣнія нашли для себя мѣсто въ дальнѣйшихъ выпускахъ труда г. Теодоровича, при чемъ, съ расширеніемъ материала, онъ расширялъ и программу своего описанія церквей и приходовъ: помимо прежнихъ историко-статистическихъ свѣдѣній, здѣсь появились подробныя описанія мѣстности, предметовъ мѣстной старины, занятій и вообще быта жителей, народныхъ обрядовъ, вѣрованій и т. под. Особеннымъ богатствомъ бытовыхъ и этнографическихъ материаловъ отличаются III и IV томы: здѣсь мы находимъ, напримѣръ, полное описаніе крестьянской свадьбы, народныя псалмы и пѣсни, поговорки, пословицы и т. под. Вотъ почему, выпуская въ свѣтъ IV томъ, авторъ призналъ нужнымъ расширить и самое название своего труда, давъ ему общее заглавіе «Волынь въ описаніяхъ городовъ, мѣстечекъ и сель въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и др. отношеніяхъ», каковое заглавіедержано и во вновь вышедшемъ томѣ.

Независимо отъ указаннаго обогащенія материаловъ, не трудно прослѣдить, какъ съ каждымъ выпускомъ растетъ и совершенствуется въ книгѣ собственно историческій элементъ. Авторъ не ограничивается

уже (какъ въ первыхъ выпускахъ) робкими цитатами, что такое-то село упоминается въ такихъ-то актахъ. Конечно, и это громадный трудъ—выбрать изъ многочисленныхъ изданій Киевской Археографич. Коммиссіи всѣ мелкіе факты, касающіеся того или другого поселенія, и распределить ихъ по надлежащимъ мѣстамъ; но нашъ авторъ давно уже не довольствуется одной этой механической сводкой. Ознакомившись не только съ русскими, но и съ польскими актовыми материалами, а равно и съ историческою литературой, касающейся Волынской земли, онъ свободно и умѣло оперируетъ надъ обширнымъ историко-документальнымъ материаломъ, подвергая его систематической обработкѣ. Дѣйствительно, въ послѣднихъ томахъ его труда можно указать цѣлый рядъ полныхъ, обстоятельныхъ и вполнѣ науочно составленныхъ историческихъ изслѣдованій, каковы, напр., исторические очерки нѣкоторыхъ городовъ, мѣстечекъ, монастырей древнихъ княжескихъ и дворянскихъ родовъ и т. под.

Вновь вышедший томъ совмѣщаетъ въ себѣ всѣ достоинства послѣднихъ выпусковъ труда автора, какъ со стороны богатства материаловъ, такъ и въ отношеніи ихъ умѣлой обработки. На первыхъ страницахъ мы находимъ очень обстоятельную и хорошо составленную исторію г. Ковля и его церквей. Съ такимъ же знаніемъ дѣла и стараниемъ сдѣланы историческія описанія и другихъ селеній, при чёмъ приведено много подличныхъ документовъ (иллюстрацій, инвентарей, эрекцій старинныхъ визитъ). Историческіе очерки многихъ поселеній снабжены живыми описаніями мѣстной природы, занятій жителей, ихъ домашняго быта, повѣрій, легендъ, преданій. Многое помѣщено и собственно этнографического материала, напримѣръ: колядки и веснянки въ селѣ Ружинѣ (стр. 134—138), свадебные обряды въ с. Стобыхѣ, (стр. 301—306), свадебная и крестинная пѣсни и обычай въ с. Щедрогощѣ (стр. 386—390) и т. под. Все это представляетъ особенный интересъ въ виду того, что рѣчь идетъ о такомъ глухомъ, совершенно неизслѣдованномъ краѣ, какъ Ковельскій уѣздъ, гдѣ среди скучной природы, въ глухи лѣсовъ и непроходимыхъ болотъ, въ народномъ быту удерживалось еще много чертъ сѣдой, глубокой старины. Тамъ большинство населенія до сихъ поръ живетъ въ курныхъ избахъ и болѣтъ колтуномъ. Намъ лично приходилось бывать въ томъ краѣ, и мы можемъ засвидѣтельствовать, что тамъ настоящее раздолье для археолога и антикварія. Тамъ люди такъ бѣдны, что молятся въ храмахъ, которымъ насчитываютъ по нѣсколько сотъ лѣтъ. молятся пе-

редъ иконами, на которыхъ отъ древности едва ли уцѣлѣли слѣды живописи, служать по рукописнымъ книгамъ, употребляются вмѣсто ладону можевельникъ. Книга г. Теодоровича вполнѣ подтверждаетъ наши личныя наблюденія. Изъ нея видно, что грамадное большинство церквей въ Ковельскомъ уѣздѣ построены въ XVIII ст., въ четырехъ мѣстечкахъ и селахъ (м. Ратно, Михновкѣ, Турійскѣ и с. Мощеной) сохранились церкви, построенные въ XVII ст. (между 1614 и 1671 гг.), а въ с. Качинѣ существуетъ церковь постройки 1589 г. И церкви эти—не каменные, а деревянные. Вотъ бы срисовать, и подробно описать такую почтеннную древность! Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Теодоровича недостаетъ архитектуры описанія этихъ древнѣйшихъ храмовъ, что, конечно, зависитъ оттого, что онъ не нашелъ такого описанія въ церковныхъ лѣтописяхъ и клировыхъ вѣдомостяхъ.

Опѣнивая прежніе выпуски труда г. Теодоровича, критики находили, что онъ, пользуясь церковными лѣтописями, недостаточно строго относился иногда къ ихъ произвольнымъ соображеніямъ относительно происхожденія названія того или другого поселенія и его исторіи. Въ послѣднемъ томѣ своего труда авторъ уже не даетъ поводовъ для подобного упрека. Лишь въ двухъ мѣстахъ его книги мы замѣтили такого рода недосмотръ. На стр. 359 говорится, что дер. Выдраница «получила название сть *выдръ*, кои тутъ ловятся». Конечно, это—соображеніе церковной лѣтописи, но автору слѣдовало бы или вовсе не приводить этого невѣрнаго соображенія, или же, въ видѣ поправки, замѣтить, что выдра на мѣстномъ языкѣ всегда именовалась *бобромъ*. Точно такъ же, говоря (на стр. 383) о селѣ Щедрогощѣ, авторъ безъ опроверженія приводить измышеніе лѣтописи, будто „село это нѣкогда было мѣстомъ ссылки преступниковъ“. Слѣдовало бы замѣтить, что въ бывшемъ польско-литовскомъ государствѣ вовсе нѣ существовало ссылки,—или совсѣмъ не приводить этого наивнаго измышенія.

Но это, конечно, такія мелочи, которыя отнюдь не обезძѣниваютъ капитального труда, видимо внушенаго автору глубокой любовью къ родной ему Волыни и потребовавшаго отъ него громадной затраты времени, силъ и таланта. Пожелаемъ же ему съ такимъ же успѣхомъ описать остальные два уѣзда (Луцкій и Владимирскій), и тогда мы будемъ имѣть полное описаніе церквей и приходовъ всей Волынской губ.—изданіе, въ которомъ давно ощущалась настоятельная нужда.

О. А.

I. Иллюстровъ. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ.
 Киевъ, 1904 г., 581 страница.

Книга съ такимъ архаическимъ заглавиемъ предстаетъ собою опытъ систематического свода всѣхъ когда-либо записанныхъ и напечатанныхъ пословицъ и поговорокъ: великорусскихъ, малорусскихъ, бѣлорусскихъ и—инородческихъ, т. е. молдавскихъ, латышскихъ, мордовскихъ, татарскихъ, вотскихъ, армянскихъ, бурятскихъ и другихъ племенъ, обитающихъ въ предѣлахъ Россійской имперіи. Вѣроятно, въ виду столь разноплеменного состава пословицъ, собираяю и понадобился терминъ: «*россійскихъ*», долженствующей выразить ту мысль, что это—дѣйствительно сборникъ различныхъ народовъ, населяющихъ Россійскую имперію. Но если дѣйствительно такова была мысль составителя книги, тогда возникаетъ другое недоумѣніе: почему же въ его сборникѣ совсѣмъ отсутствуютъ пословицы: польскія, еврейскія, нѣмецкія, финскія, цыганскія? Вѣдь эти племена тоже обитають въ предѣлахъ имперіи, и чѣмъ же они хуже какихъ-либо айсоровъ, акушинцевъ, лаковъ, кюринцевъ, сургутчанъ, коихъ пословицы включены въ сборникъ (конечно, въ русскомъ переводе)?

Для чего понадобилось составленіе столь разношерстнаго сборника? На этотъ вопросъ составитель отвѣчаетъ такъ въ предисловіи: «Издавая этотъ сборникъ, полагаю, что настоящій трудъ представить нѣкоторый интересъ: и въ сферѣ изслѣдований по обычному праву—какъ сборникъ изреченій, выражавшихъ понятія и воззрѣнія народа (народовъ) на различныя стороны права и быта, и въ жизни вообще—какъ сводъ завѣтовъ сѣй старины и выработанныхъ вѣками, зачастую не утратившихъ своего значенія и по настоящее время, правила житейской мудрости». Безъ сомнѣнія, пословицы каждого отдельнаго племени могутъ представлять этотъ двоякій интересъ; но когда вы заставите семьдесятъ племенъ одновременно выражать свои правовые воззрѣнія и правила житейской мудрости, то въ результахъ можетъ получиться лишь новое вавилонское смѣщеніе языковъ. Вѣдь каждый народъ можетъ имѣть свои особыя понятія о различныхъ предметахъ, въ особенностіи—если рѣчь идетъ о русскихъ туземцахъ и инородцахъ, стоящихъ на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ умственнаго, нравственнаго и соціального развитія.

Въ началѣ своей книги г. Иллюстровъ даетъ весьма подробный бібліографіческій обзоръ источниковъ, изъ коихъ онъ заимствовалъ пословицы, и это, по нашему мнѣнію, самая цѣнная часть его работы. Для великорусскихъ пословицъ и поговорокъ онъ указываетъ 114 источниковъ, для малорусскихъ—41, для белорусскихъ—16 и для инородческихъ—40. Обзоръ малорусскихъ сборниковъ пословицъ начинается съ „Грамматики малороссійскаго нарѣчія“ А. Павловскаго, изданной въ 1818 г., и оканчивается сборникомъ А. Малинки, вышедшемъ въ 1902 г., при чёмъ отъ его вниманія не ускользаютъ и тѣ небольшія собранія пословицъ, какія помѣщены были въ разное время въ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ разныхъ губерній, въ провинціальныхъ газетахъ, мелкихъ брошюрахъ и въ др. рѣдкихъ изданіяхъ. Во всѣхъ этихъ источникахъ г. Иллюстровъ насчитываетъ 30431 малор. пословицъ и поговорокъ. Вообще надо замѣтить, что г. Иллюстровъ—удивительный статистикъ: онъ даетъ точныя свѣдѣнія о томъ, сколько именно пословицъ находится въ томъ или другомъ сборнике, книгѣ, статьѣ, распредѣляясь собирателей пословицъ по поламъ, сословіямъ, званіямъ, профессіямъ, и точно обозначаетъ сколько и кѣмъ собрано или записано. Въ концѣ книги онъ даетъ цѣлыхъ пять указателей: именной, этнографической, географической, предметный и сверхъ того огромный (на пяти печатныхъ листахъ мелкаго шрифта) указатель источниковъ, откуда заимствованы пословицы.

И все-таки его перечень источниковъ малорусскихъ пословицъ не совсѣмъ полонъ. Ему мало вѣдомы сборники пословицъ, составленные въ Галичинѣ, Буковинѣ и въ Угорской Руси. Изъ нихъ онъ знаетъ лишь «Галицкія приповѣдки и загадки, зѣбранія Г. Илькевичемъ» и напечатанныя въ Вѣнѣ въ 1841 г., и затѣмъ онъ пользуется сборниками А. Дешка и В. Вислоцкаго, помѣщенными въ «Залискахъ Импер. Русск. Геогр. Общества» въ 1867—1869 гг.; о позднѣйшихъ же галицкихъ этнографическихъ изданіяхъ онъ не упоминаетъ. Затѣмъ, польскіе этнографы въ разное время издали огромную массу малорусскихъ этнографическихъ материаловъ. Сейчасъ иѣтъ ихъ у насъ подъ руками и мы боимся напрасно упрекать г. Иллюстрова въ игнорированіи ихъ, но навѣрное между ними встрѣчаются и пословицы. Наконецъ, есть пропуски въ перечинѣ собраній малорусскихъ пословицъ, помѣщенныхъ въ русскихъ изданіяхъ; для примѣра укажемъ на пятитомное изданіе Н. И. Теодоровича: «Историко-статистическое описание церквей и приходовъ Волынской епархіи», гдѣ въ III томѣ (на

стр. 609—614) помѣщено 244 пословицы, записанныя въ Заславскомъ уѣздѣ, а въ IV томѣ (на стр. 242—248 и 798—798) приведено 485 пословицъ, записанныхъ въ Староконст. уѣздѣ.

О. А.

*Про сырить. Збирнычокъ для дитей упорядкуваавъ Гнатъ Галайда.
На гарному папері въ окладынни 50 коп.; дешеве видання 10 коп. и
4 коп. г. Харьковъ.*

Неоднократно уже и многія земскія собранія и разнообразные съѣзды русскихъ дѣятелей высказывались за то, что для поднятія въ народѣ просвѣщенія необходимо въ мѣстностяхъ съ иерусскимъ населеніемъ завести обученіе въ школахъ на мѣстныхъ языкахъ, издать на этихъ же языкахъ возможно больше популярныхъ и дѣтскихъ книгъ. Однако, и до настоящаго времени популярныхъ брошюре на украинскомъ языкѣ издано не много, а книжекъ для дѣтскаго чтенія и совершенно нѣтъ. Попытки изданія дѣтскихъ книгъ на украинскомъ языкѣ, конечно, не разъ дѣлались, но всѣ онѣ, по независящимъ обстоятельствамъ, какъ принято говорить, не могли прийти къ желанному концу. Въ виду этого намъ теперь особенно пріятно отмѣтить недавно вышедшій въ свѣтъ «Збирнычокъ для дитей» г. Г. Галайды: «Про сырить»: это первая ласточка,—хочется вѣрить, что она предвѣщаетъ скорую весну...

Сборникъ г. Галайды «Про сырить» состоить изъ нѣсколькихъ стихотвореній и 3 разсказовъ, въ которыхъ изображается тяжелая участь сироты по смерти отца-матери. Одни изъ стихотвореній сборника взяты «зъ народныхъ устъ», а другія принадлежать перу известныхъ украинскихъ поэтовъ: Т. Шевченка, Я. Щоголева, О. Конискаго, Б. Грінченка («Сыритка»). Изъ разсказовъ обращаетъ на себя большое вниманіе переводъ известного рассказа Ф. Достоевскаго: «Святый вечеръ у Христа». Переводъ сдѣланъ довольно хорошо и маленькими читателями прочтется съ удовольствиемъ. Интересенъ также разсказъ г. Галайды: «Листъ до мамуси», гдѣ изображена Катруся, дѣвочка сиротка, которая въ своемъ письмѣ «дорогий мамуси у небо» жалуется на свою сиротскую долю. Сборникъ украшенъ многими поясняющими содержаніе разсказовъ рисунками, которые, къ сожалѣнію, всѣ вышли довольно неудачно. Издана книжка опрятно, по цѣнѣ--

10 коп. и 4 коп.—вполнѣ доступна для народа. Для интеллигенціи есть также изданіе на лучшей бумагѣ стоимостью въ 50 коп.; въ этомъ изданіи нѣкоторые рисунки вышли лучше, чѣмъ въ дешевомъ.

Остается сдѣлать еще одно замѣчаніе. Редакторы сборниковъ, альманаховъ имѣютъ обыкновеніе свои произведения оставлять безъ подписи. Читатели такъ уже привыкли къ этому, что авторомъ вся-
каго неподписанного въ сборникѣ произведенія считаютъ редактора его. Въ сборникѣ г. Г. Галайды «Про сырить» тоже есть одно стихо-
твореніе безъ подписи: «Сыртка». Спѣшimus исправить заблужденіе тѣхъ изъ читателей, которые авторомъ этого стихотворенія будутъ на-
зывать г. Галайду, редактора сборника: стихотвореніе это принадле-
житъ перу извѣстнаго украинскаго писателя Б. Грінченка и еще въ
1895 году было напечатано имъ за собственою подписью въ сбор-
нике: «Книга казокъ виршомъ». Намъ неизвѣстны мотивы, которыми
руководствовался г. Галайда, скрывалъ дѣйствительнаго автора стихо-
творенія; мы можемъ только догадаться: ужъ не потому ли это было сдѣ-
лано, что текстъ «Сыртки» безъ разрѣшенія автора былъ подверг-
нутъ чѣкотымъ несущественнымъ, совершенно ненужнымъ, а мѣ-
стами и непонятнымъ (напр., «щыро долядала» исправлено въ «щедро
долядала») измѣненіямъ, исправленіямъ и сокращеніямъ...

Е. Кв.

Ізвѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ послѣдней книжкѣ «Литературн. Вѣстн.» помѣщены не во-
шедшиа въ полное собраніе сочиненій И. С. Тургенева воспоминанія
его о Т. Г. Шевченкѣ. И. С. Тургеневъ зналъ Шевченка въ тотъ
періодъ его жизни, когда послѣ ссылки онъ возвратился въ Петер-
бургъ.

«Шевченко, по словамъ Тургенева, производилъ скорѣе впечат-
лѣніе грубоватаго, закаленного и обтерпѣвшагося человѣка, съ запа-
сомъ горечи на днѣ души, трудно доступной чужому глазу, съ про-
должительными просвѣтами добродушія и вспышками веселости; юмора,
«жарта» въ немъ не было вовсе. Только разъ, помнится, онъ про-
челъ при мнѣ свое прекрасное стихотвореніе «Вечиръ» (садокъ выш-
невый и т. д.) и прочелъ его просто, искренне; самъ онъ былъ тро-
нутъ и тронулъ всѣхъ слушателей; вся южно-русская задумчивость,

мягкость и крѣпость, поэтическая струя, бившая въ немъ, тутъ ясно выступила на поверхность.

Самолюбіе въ Шевченкѣ было очень сильное и очень наивное въ то же время: безъ этого самолюбія, безъ вѣры въ свое призваніе онъ неизбѣжно погибъ бы въ своемъ заслуженіи; восторженное удивленіе соотчичей, окружавшихъ его въ Петербургѣ, усугубляло въ немъ эту увѣренность самородка-поэта. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ онъ додумался до того, что, не шутя, сталъ носиться съ мыслию создать нечто новое, небывалое, ему одному возможное—а именно: поэму на такомъ языкѣ, который быль бы одинаково понятенъ русскому и малороссу; онъ даже принялъ за эту поэму и читаль мнѣ ея начало. Нечего говорить, что попытка Шевченка не удалась, а именно: эти стихи его вышли самые слабые и вялые изъ всѣхъ написанныхъ имъ: безцвѣтие подражаніе Пушкину.

Далѣе идеть разсказъ о неудачномъ сватовствѣ Шевченка. У г-жи Кар—ской находилась въ услугеніи дѣвушка малороссіянка, по имени Лукерья; существо молодое, свѣжее, не сколько грубое, не слишкомъ красивое, но по своему привлекательное, съ чудесными блокурыми волосами и той не то горделивой, не то спокойной осанкой, которая свойственна ея племени. Шевченко влюбился въ эту Лукерью и рѣшился жениться на ней; Кар—скіе сначала диву дались, но кончили тѣмъ, что признали ее невѣстой поэта и даже начали дѣлать ей подарки и шить приданное; съ своей стороны, Шевченко готовился къ свадьбѣ, къ новой жизни... Но Лукерья отказалась своему жениху. Ее, вѣроятно, запугали уже немолодая лѣта Шевченка, его нетрезвость и крутой нравъ; а опѣнить высокую честь быть супругою народнаго поэта она не была въ состояніи. Я не сколько разъ видѣлъ Шевченка послѣ его размолви съ Лукерьей: онъ казался сильно раздраженнымъ».

Какъ видите, новыхъ данныхъ для біографіи малорусского поэта здѣсь не оказывается, если не считать упоминанія о какомъ то новомъ междуруssкомъ языкѣ, на которомъ покойный Шевченко сочинялъ будто бы поэму.

Въ галицк. газ. «Діло» (№ 4 и 5) помѣщенъ обзоръ издательства въ Россіи малорусскихъ книгъ въ 1903-мъ году. Авторъ статьи, И. В. Кравецький, указавъ на неблагопріятныя условія для этого издательства, отмѣчаетъ болѣе выдающіеся факты его въ разныхъ городахъ

России и въ заключеніе дѣлаетъ сопоставленіе съ издательствомъ въ Австріи и Америкѣ. Оказывается, что въ Австріи въ три раза больше издано украинскихъ книгъ, чѣмъ въ Россіи. Удивляясь, конечно, здѣсь нечemu.

Въ „Вѣсти. Юга“ (671) помѣщена слѣдующая замѣтка, касающаяся вопроса о положеніи нашей украинской драмы.

Въ одной изъ одесскихъ газетъ мы прочитали, что малорусскій репертуаръ обогатился новой пьесой „Чужа жинка“, принадлежащей перу украинской писательницы г-жи Левитонъ. Пьеса эта, по словамъ газеты, является очень удачной передѣлкой гауптмановскаго „Извозчика Геншеля“ и въ январѣ шла уже въ одномъ изъ одесскихъ театровъ, при участіи гг. Заньковецкой и Кропивницкаго, при чемъ на долю пьесы выпалъ большой успѣхъ. При относительной бѣдности украинскаго репертуара—бѣдности, вытекающей изъ общихъ условій существованія у насъ украинской литературы вообще и драматическихъ произведеній на малорусскомъ языкѣ въ частности, когда эти послѣднія не могутъ выходить за определенные для нихъ этнографическія рамки, а слѣдовательно украинская сцена не можетъ пользоваться и переводами изъ чужихъ литературъ—всякую новинку въ этой сферѣ, если она обладаетъ литературнымъ достоинствомъ, приходится, конечно, только привѣтствовать, что дѣлаемъ мы и по отношенію „Чужой жинки“. Но, спрашивается, терпимы ли тѣ условія, при которыхъ талантливые украинскіе авторы, могущіе очевидно дать что либо оригинальное, должны заниматься передѣлками (переводы не допускаются!) такихъ высокохудожественныхъ вещей, какъ «Извозчикъ Геншель»? Нормально ли это?

Во Львовѣ недавно появился въ продажѣ «Перший руский ілюстрований музичний календаръ на рік 1904», литературная часть которого весьма интересна. Кроме исторического очерка (лѣтописи) галицкихъ пѣвческихъ обществъ («Боянів»), а именно: львовскаго, стрыйскаго, перемышльскаго, станиславовскаго, снятинскаго, тарнопольскаго и бережанскаго и корреспонденцій о многочисленныхъ сельскихъ хорахъ, здѣсь встрѣчаемъ: біографіи М. Лисенка, о. І. Киша-

кевича, Д. Сичанского, С. Крушельницкой, І. Білыковського, о. Н. Кумановского, о. П. Бажанского, І. Бортнянського, затѣмъ статьи по музыкѣ: В. Шухевича изъ его труда «Гуцульщина»: «Гуцульські струменты, танці і пісні», І. Білыковського: «Музика і її походжене» і «Опера і її розвій», о. Бажанского: «Ціха і будова стародавної рускої муз. гармонії», Ст. Людкевича: «Про розвій та сучасне значінє т. зв. програмової музики», Р. Зарицкаго: «Італіянська азбука і малий словарець знаків музичніх», В. Домета: «О критичнім музичнім осуді та конечности его виобразованя»; «Взаїмини межи рускою церковною піснею и народом», і «Спомини з перших артистичних прогулок по Галичині», о. Бережніцкаго: «Скрипка, її істория і значінє яко інструменту сольового і оркестрального» и др. мелочи (напр. анекдоты о музыке).

Изъ этого голаго перечня статей по музыке можно уже видѣть, что музыкальное образование галицкихъ братьевъ находится на надлежащемъ пути, о которомъ намъ еще можно лишь мечтать.

Въ «Южн. Краѣ» (№ 7966) помѣщена статья проф. Н. Ф. Сумцова объ Амвр. Лукьян. Метлинскомъ.

Въ «Южн. Краѣ» (№ 7984) напечатана статья проф. П. Буцинского «Присоединеніе Малороссіи» по поводу 250-тилѣтія со дня Переяславскаго договора.

Малорусская драматургія обогатилась новымъ произведеніемъ «Гроши», написаннымъ земскимъ врачемъ богодуховскаго уѣзда М. Ф. Сластинымъ. Эта драма въ пяти актахъ изъ народной жизни. Живя въ деревнѣ, авторъ прекрасно изучилъ бытовыя условия народной жизни; пьеса посвящена авторомъ М. Л. Кропивницкому.

Вышла памятная книжка волынской губерніи на 1904 г., содержащая обычные статистические материалы и, помимо календаря, отдѣлы литературный и статистический. Въ литературномъ отдѣлѣ помѣщена обширная статья члена губернского статистического комитета О. Фотинского по вопросу объ исторіи южно-русского казачества. Въ заключеніе приложены списки служащихъ волынской губерніи.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Бібліотека Гриця Щипавки. Книжочка I. «Project na zniszczenie Rusi». Подав Гриць Щипавка. Чернівці 1903, 1—39. Ц. 10 кр.

Бібліотека для рускої молодіжи (під редакцією Юліяна Насальського). Том LXVIII і LXIX: Драма на селѣ. Оповідане Франца Мешка: Царь и три его сыны; Сонь лѣтнои ночи,—Шекспира.

Езчик Марко. Народні оповідання. Том II. Видане четверте. Накладом Укр.-руської Видавничої Спілки. Львів, 1903, ст. 280, in 8°. Ціна 2 кор. (Інститутка, Від себе не втечеш, Ледаціця, Кармелюк, Невільничка, Девять братів і десята сестриця Галя, Ведмідь, Чортова пригода, Листи з Парижа).

Володиславич Антон. Чоловік чести, драма в 3 актах. Коломия, 1904, ст. 106, in 8°.

Грушевський М. Памяті Олексія Маркевича (Відбитка з LV т. Записок, з портретом пок.). Львів, 1903, ст. 14, 8°. Ціна 15 кор.

Достосвеський Хведор. Грач. Оповідання. Переклав О. П. Львів, 1903, ст. 266. Видане Укр.-Рускої Видавничої Спілки, ч.ч. 65—67, Ц. 1 к. 50 с.

„Дума“. Сольо тенорове в супроводі фортепіана, слова Т. Шевченка, музика М. Лисенка. Ціна 1 кор. Заходом Станиславівського Бояна.

Запорожець. Календар на рік переступний 1904, Коломия, 1904, ст. 128. 8°. Ціна 60 сот.

Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Кн. V. Т. LV. У Львові, 1903.

Збірник математично-природописно-лікарський секції Наукового Тов. ім. Шевченка, т. IX. Львів, 1903, ст. 88+42+11+46+10.

Інтрим. Дж. К. Істория політичної економії. Переклав Михайло Лозинський. Накладом Укр.-Рускої Видавничої Спілки. Львів, 1903, ст. 338, 8°. Ц. 4 кор.

Історія куска хліба, перерібка з французького. Листи до молодої дівчини. У Львові, 1903, ст. 63, in 8°. Ціна 50 сот.

Каленychenko И. (Селянинъ). Переселеньци у Сибиръ. Виріпованна поема. (Издат. Комитетъ Харьков. Общ. распростран. въ народѣ грамотности). Харьковъ, 1903. Ст. 40, 16°.

Календар «Просвіти» на р. 1904. У Львові, 1903. Ц. 1 кор. Томъ 84.—Февраль, 1904.

П—4

Календарик на переступний рік 1904. Коломия, 1904. Накладом коломийської філії Руського Товариства педагогічного.

Кміт Юрій. Подруже. Драма в двох діях. У Львові, 1903. Ст. 54, 8⁰. Ціна 1 кор.

«*Козак*». Календарик на переступний рік 1904. Коломия, 1904, ст. 192, 8⁰. Ц. 80 сот. (съ беллетристич. отдѣломъ).

Кр—ський Микола. Замітки до поправнішого видання поезій Тараса Шевченка. Уваги до «заміток» д. Кр—ського. Нап. Ю. Романчук (Відбитка з LV т. «Записок», Львів, 1903, ст. 34, 8⁰. Ціна 35 сот.

Перший руський ілюстрований музичний календар на рік 1904. Львів, 1903.

Покажчик змісту Літературно-Наукового Вістника томів I—XX (1898—1902). Зладив В. Доманицький. З передмовою Івана Франка. У Львові, 1903, I—XXXVII, 1—121, in 8⁰.

Polacy a Rusini. W Krakowie, 1903. Czcionkami drukarni «Czasu». Ст. 56, 8⁰. Ціна 60 сот.

Приятель. Народний календар на переступний рік 1904. Чернівці, 1903. Ст. 144, 16⁰. Ціна 40 сот.

Программы для собирания свѣдѣній археологическихъ, историческихъ и этнографическихъ по черниговской губерніи. Черниговъ, 1903. Типogr. губернск. земства, ст. 30, 8⁰

Самойлова І. Спартак, провідник римских глядіяторів. Історична повість. З російського переклав В. Л—цкий. У Львові, 1903, ст. 96, 8⁰.

Stefanyk Wasyl. Klopoewe liście. Z ukraińskiego przeložył Michał Moczulski, Lwów, 1904. Księgarnia Polska. Warszawa, E. Wende i Sp. Стр. 175, in 16⁰.

Тургенев Іван. Весняні води. Вид. Укр.-Руської Видавничої Спілки, ч. 69—71, Львів, 1903, ст. 242. Ц. 1 к. 30 с.

Франко Ів. З бурливих літ. Часть I. Накладом Антона Хойнацкого. Львів, 1903, ст. XVI+180, 8⁰. Ціна 2 кор. Зміст: Передмова, Різуни, Гриць і панич.

Франко Ів. Що таке поступ? Коломия, 1903. Накладом редакції «Поступу», ст. 164, 16⁰. Ціна 1.20 кор.

Франчук Іван. Оферма. Новелька з військового життя. Коломия, 1903. Накладом редакції «Поступу». Ст. 32, 16⁰. Ціна 25 сот.

Хроніка українсько-руського Наукового Товариства ім. Шевченка у Львові. Вип. III. Р. 1903. (Май—Серпень). Ч. 15. Львів, 1903, ст. 32, 8⁰. Ціна 30 сот.

Chronik der Ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, 1903. Jänner-April. Heft II. Jhrg. 1903. № 14. Львів, 1903. Ст. 32, 8⁰. Ціна 30 сот.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ“

2-я серія.—Популярно-научн., литературн., художествен. и экономи-
ческое изд.—въ теч. 1904 г.

20 книжекъ съ иллюстраціями 3 рубля.

Будучи изданиемъ прогрессивно-просвѣтительнымъ, „В. Общ. Жизни“ въ рядѣ статей будеть отстаивать справедливые и законные интересы трудящихся массъ. Знакомя читателей съ современными течениями обще-русской и европейской жизни въ области науки, искусства и литературы, «В. О. Ж.» особенное внимание будуть удѣлять краевымъ вопросамъ Новороссіи, а также вопросамъ: европейскому, польскому и малорусскому, требующимъ на нашемъ разноплеменномъ Югѣ постоянного и объективного отклика. Въ „Вопросахъ Общественной Жизни“ будуть помѣщаться также романы, повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные.

Подписная цѣна за 20 книгъ съ иллюстраціями 3 рубля.

(за пересылку иногородніе доплачив. 50 коп.)

Разсрочка отъ 1 руб.

Всѣ подписчики „Вопросовъ Общественной Жизни“ могутъ получать за 1. руб. 50 коп. (городскіе) и за 2 руб. (иногородніе), съ доставкой и пересылкой, собраніе сочиненій величайшаго англійскаго поэта

л о р д а В а й р о н а

(автора „Чайльдъ-Гарольда“ и „Донъ-Жуана“) въ роскошномъ не-
репланѣ.

Подписка принимается: 1) въ гл. конторѣ „Вопросовъ Общественной Жизни“, Одесса, Ришельевская, 12, при книжномъ магазинѣ „Образованіе“; 2) во всѣхъ книжныхъ магазинахъ (коммисія 50 коп. съ полнаго экземпляра).

Адресъ редакціи „В. О. Ж.“: Одесса, Канатная, 84.

Завѣдующій редакціей и дѣлами изданія **Н. С. Рашиковскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

(*XII годъ изданія*)

на ежедневную политическую, экономическую и литературную газету

ЮЖНАЯ РОССІЯ.

Являясь выразительницей интересов южной окраины Россіи, газета свое главное вниманіе обращаетъ на всестороннюю разработку экономическихъ и культурно-общественныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ жизнью избранного ею района.

Въ виду исключительныхъ условій, въ которыхъ находится сельское хозяйство на югѣ Россіи, газета отводить особое мѣсто статьямъ, освѣщающимъ различныя детали этой отрасли отечественной промышленности.

Редакція газеты направляетъ всѣ свои средства къ современному и возможно полному сообщенію читателямъ извѣстій о событияхъ, останавливающихъ на себѣ въ данный моментъ вниманіе всего цивилизованного міра.

„Южная Россія“ издается въ форматѣ и по программѣ большихъ провинциальныхъ газетъ.

Условія подписки на газету „ЮЖНАЯ РОССІЯ“: съ доставкой на домъ въ городѣ и пересылкой иногороднимъ на годъ—8 р., на полгода—4 р. 50 к., на 3 мѣсяца—2 р. 75 к., на 1 мѣс.—1 р. 20 к.; безъ доставки и пересылки на годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р.

За границу къ подписной иногородней платѣ прибавляется по 60 коп. въ мѣсяцъ. Подпись принимается только съ 1-го и 15-го чиселъ мѣсяца и не можетъ переходить черезъ январь 1903 года.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разстрочка подписной платы, если обѣ этомъ будетъ заявлено при подпискѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: въ два срока: съ доставкою: къ 1-му января—4 р. 50 к. и къ 1-му мая—3 р. 50 к., безъ доставки къ 1-му января—4 р. и къ 1-му мая—3 р.; въ 3 срока: съ доставкою: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му июня—2 р.; безъ доставки: къ 1-му января—3 р., къ 1-му апрѣля—2 р. и къ 1-му июня—2 р.

Подписка и объявленія принимаются: въ г. Николаевѣ—(Херс. губ.) въ главной конторѣ „Южной Россіи“. Въ отдѣленіяхъ главной конторы: въ г. Кременчугѣ—у А. М. Михалевича, въ г. Одессѣ—у И. И. Ленденфельда, Ланжероновская, № 13/а, Вознесенскѣ—(Херс. г.). у Д. Г. Кавуновскаго, въ г. Херсонѣ—въ книжн. магаз. Абрамова, въ С.-Петербургѣ и Москвѣ—въ конторахъ объявлений торгового дома Л. и Э. Метцль и К°.

Въ Херсонѣ, Кременчугѣ «Южная Россія» получается въ день выхода,

Редакторъ-издатель С. П. Юрицынъ.

При каждомъ № „НИВЫ“, независимо отъ другихъ приложенийъ, подписчики получать по одной книге.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904-й годъ

(35-й годъ издания)

на

еженедѣльный иллюстрированный

ЖУРНАЛЪ

со многими приложениями.

Гр. подписчики „НИВЫ“ получать въ теченіе 1904 года:

52 №№ художественно-литературного журнала „НИВА“, заключающаго въ себѣ въ теченіе года до 2000 столбцовъ текста и 1100 гравюръ, рисунковъ и художеств. снимковъ.

НИВА.

40 КНИГЪ „Сборника Нивы“ (каждая книга отъ 10—15 листовъ, въ общемъ около 9000 страниц), отпечатан. четк. шрифтомъ на хорошо-глазир. бумагѣ и содержащихъ:

ПОЛНОГО СОВРАНІЯ СОЧИНЕНИЙ.

ПЕРВЫЯ
20 КНИГЪ А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА

(Цѣна въ отдельной продажѣ съ пересыпкою 27 руб.).

Подъ редакціей и со вступительной статьею А. М. Скабичевскаго

ПОЛНОЕ СОВРАНІЕ СОЧИНЕНИЙ ВЪ

16 КНИГАХЪ ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

(Цѣна въ отдельной продажѣ съ перес. 15 руб.).

Подъ редакціей и съ биографическимъ очеркомъ П. И. Вейнберга. Переводъ этого изданія удостоенъ въ текущемъ году академіею наукъ пушкинскої преміи.

ПОЛНОЕ СОВРАНІЕ СОЧИНЕНИЙ ВЪ

4 КНИГАХЪ И. Ф. ГОРБУНОВА

(Цѣна въ отдельной продажѣ съ перес. 4 р. 50 к.).

Подъ редакціей и съ обширнымъ вступительнымъ очеркомъ А. Ф. Кони и некрологомъ Т. И. Филиппова.

12 КНИГЪ ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫХЪ, ЛИТЕРАТУРНЫХЪ и „ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“, содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическая статьи современныхъ авторовъ и отдѣльные библіографіи, музыки, смѣси, шахматовъ и шашекъ, спорта, забавъ и разныхъ игръ. До 2000 столбцовъ текста съ иллюстраціями.

12 №№ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“, выходящ. ежемѣсячно. До 200 столбц текста и 300 модн. гравюръ. Съ почтовымъ ящикомъ для отвѣтствъ на разнообразные вопросы подписчиковъ.

12 ИСТОВЪ рисунковъ (около 300 для рукодѣльныхъ и выпилъ. работъ и для выжиганія и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно).

1 СТЪПННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1904 г., отпечатанный въ 9 красокъ.

Подписанная цѣна на годовое изданіе со всѣми приложениями: безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к., 2) въ Москвѣ въ конц. Н. Н.

Печковской (Петровск. линії)—7 р. 25 к., 3) въ Одесѣ въ кн. магазинѣ „Образованіе“ (Ришельевск., № 12)—7 р. 50 к. Съ доставкой въ С.-Петербургъ—7 р. 50 к. Съ пересылкою во всѣ города и мѣстности Россіи 8 р. За границу 12 рублей.

— Допускается разсрочка платежа въ 2, 3 и 4 срока. —

Иллюстрированное объявленіе о подпискѣ высылается **бесплатно**.

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „НИВА“ (А. Ф. Маркеу), улица Гоголя (бывш. М. Морская), д. № 22.

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на 1904 годъ.

на ежедневную общественную политическую газету

„ВѢСТИНИКЪ ЮГА“.

выходитъ въ Екатеринославѣ по программѣ большихъ столичн. газетъ
въ газетѣ примутъ участіе:

А. В. Амфит—овъ (И. Л. Иксъ), Н. И. Ашетовъ, Н. Азефъ, С. П. Балабуха, В. Я. Богучарскій (Яковлевъ), Н. В. Быковъ, С. И. Гальперинъ, И. В. Гессенъ, В. Н. Головкинъ, Э. А. Головкина, Г. С. Гришинъ, (Новоцолинъ), Діонео, С. И. Д'Іль, И. Г. Доронинъ, Л. Г. Ефимовичъ, Д. А. Кацланъ, С. М. Крамаревъ, Лео, А. Н. Лисовский, Я. Л. Пейсаховичъ, А. Б. Петрищевъ, Н. А. Рубакинъ, М. В. Сабининъ, М. А. Синайскій, Е. В. Тарле, Ф. Ф. Трозинеръ (Мечтатель), А. И. Цеткінъ, Г. И. Шрейдеръ, А. А. Черевкова, А. А. Яблоновскій.

Удѣляя особенное вниманіе интересамъ юга, газета имѣть постоянныхъ корреспондентовъ помимо городовъ въ крупнѣйшихъ мѣстечкахъ, селахъ и деревняхъ Екатеринославской и сосѣднихъ губерній.

Видное мѣсто газета отведеть общественной жизни Харькова.

Постоянные корреспонденты въ Петербургъ, Москву и въ центрахъ Западной Европы (Лондонъ, Парижъ, Берлинъ, Вѣна, Дрезденъ, Мюнхенъ, Львовъ, Цюрихъ и др.).

ПОДПИСНАЯ ЦВНА: Городскимъ на годъ—7 р., на полгода—4 р., на 3 мѣсяца—2 р., на 1 мѣс.—75 к.; иногороднимъ на годъ—9 р., на полгода—5 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р.; за границу на годъ—14 р., на полгода—8 р., на 3 мѣс.—5 руб., на 1 мѣс.—1 р. 50 коп.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа по соглашенію съ конторой, отъ 1 руб. въ мѣсяцъ.

Редакція и главная контора помѣщаются на Екатерининск. проспектѣ, въ д. Ильева, (противъ Город. сада).

3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

IV годъ изданія

на еженедѣльную общественную, политическую и литературную газету

„ОБЛАСТНОЕ ОБОЗРЕНИЕ“

и

ВѢСТИКЪ КАЗАЧЬИХЪ ВОЙСКЪ“.

Зашита интересовъ и выясненіе нуждъ населенія окраинныхъ областей,—главная цѣль изданія. Выстрое опубликованіе всѣхъ новыхъ законоположеній, распоряженій и мѣропріятій правительства, затрачивающихъ интересы помянутыхъ окраинъ, съ оцѣнкой ихъ роли и значенія—одна изъ главныхъ практическихъ задачъ центрального областного изданія. Газета въ 1904 г. будетъ выходить въ расширенномъ видѣ (отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ) и будетъ обслуживать, кромѣ казачьихъ областей, всѣ губерніи и области Кавказа, Туркестана, Сибири и юго-западныхъ окраины.

При ближайшемъ участіи: Н. А. Бородина, А. А. Карасева, Я. Я. Полферова—по областнымъ и казачьимъ вопросамъ, проф. В. Д. Кузьмина—Караваева, Л. В. Македонова, Ф. А. Щербины—по земскимъ вопросамъ, Б. А. Витмера, В. П. Краухфельда—по общимъ дѣламъ, Ф. В. Петрова—по юридическимъ вопросамъ, М. А. Славинскаго и Д. И. Эварницкаго—по вопросамъ юго-западныхъ окраинъ,—въ газетѣ сотрудничаютъ: Д. Т. Волковъ, П. Р. Гордѣевъ, А. М. Грековъ, (псевд. Казакъ, Таганрогъ), С. И. Гусевъ-Оренбургскій, И. И. Дмитренко, И. Н. Ефремовъ, А. А. Кауфманъ, П. П. Короленко, И. Ф. Косиновъ, Л. М. Мельниковъ, Ст. Павловъ, (псевд.) Н. Г. Путинцевъ, Е. П. Рясинскій, А. Серафимовичъ, С. Н. Севастьяновъ, А. В. Тавастшерна и мн. др.

Специальные корреспонденты во всѣхъ казачьихъ войскахъ и на окраинахъ.

Въ особомъ отдѣлѣ „РЫБНОЕ ХОЗЯЙСТВО“ редакція будетъ давать за недѣлю регулярные «Обзоры» всѣхъ крупныхъ правительственныхъ распоряженій и событий въ русскомъ рыбномъ промыслѣ, который сосредоточивается какъ разъ на окраинахъ и въ жизни этихъ послѣднихъ играть очень крупную роль.

Подписная плата сть пересылкой и доставкой: на годъ 7 р., на $\frac{1}{2}$ года 4 р., на 1 мѣсяцъ 75 к. Отдельный № 15 коп.

Допускается разсрочка: въ два срока—при подпискѣ 4 руб. и 1 июня 3 р.: въ 3 срока при подпискѣ 3 р., къ 1 апрѣля 2 р. и 1 авгу-

ста 2 руб. Лица, служащія въ правительственныехъ и общественныхъ учрежденіяхъ, при подпискѣ на газету черезъ казначеевъ и экзекуторовъ пользуются льготою въ уплатѣ подписныхъ денегъ по 1 руб. въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ и другими льготными условіями, по соглашенію.—Народные учителя, учащіеся, учебныя заведенія и библіотеки могутъ получать газету на особо льготныхъ условіяхъ, по соглашенію съ редакціей.

Подписку по почтѣ адресовать исключительно въ редакцію газеты: „Областное Обозрѣніе и Вѣстник Казачьихъ Войскъ“. С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 13-я линія, д. № 22.

Пробный № по требованію высылается бесплатно.

— — —
3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ

на ежемѣсячный литературный общественный, политический и исторический журналъ

ВСЕМИРНЫЙ ВѢСТИНИКЪ.

Направленіе журнала общественно-прогрессивное. Редакція будетъ слѣдить за ходомъ литературы, науки и культурной жизни за границей и, по мѣрѣ появленія выдающихся трудовъ въ этой области, а также событий, будетъ знакомить съ ними своихъ читателей. Въ ближайшихъ нумерахъ журнала будутъ помѣщены труды: К. И. Арабажина, кн. В. В. Барятинскаго, В. П. Батурина, Н. Н. Болтина, Б. П. Бурдесъ, пр.-доц. В. В. Святловскаго, В. А. Мазуркевича, Н. А. Гастфрейнда, Е. А. Герцыкъ, Д. Г. Глоба, С. Ф. Годлевскаго, Е. В. Давыдова, Е. Дубельть (Зеландъ), И. И. Забрежнева, И. М. Иванова, П. П. Исаевича, проф. М. М. Ковалевскаго, проф. П. И. Ковалевскаго, Е. Н. Лебедевой, Г. О. Львовича, В. Н. Никитина, В. П. Пацнаева, проф. В. Н. Іеретца, А. П. Плетнева, Н. А. Попова, проф. М. А. Рейснера, Н. А. Россовскаго, Скитальца (О. Яковлева), Л. Ухтомской, Ф. Н. Фальковскаго, Н. А. Фалльева, Н. Б. Хвостова, В. Е. Чешихина и мн. др.

Съ первой же (январской) книжки начнется печатаніемъ:

- 1) Неизданнія въ Россіи стихотворенія декабристовъ.
- 2) Посмертные труды А. М. Бобрищева-Пушкина.
- 3) Воспоминанія Ф. П. Фонтона (статья эта будетъ печататься съ вышедшаго за границей (Лейпцигъ, 1862 г.) изданія.

4) Воспоминанія Н. И. Панаева о холерномъ бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ въ 1831 г.

5) В. П. Батурина: «А. И. Герценъ, его друзья и знакомые»—материалы для общественного движения къ Россіи въ XIX столѣтіи.

6) И. Мадачъ: «Трагедія человѣка», пер. съ венгерскаго В. А. Мазуркевича.

7) Функъ-Бретано: «Бастілія, ея архивъ и легенды»,—историческая многографія.

8) Новый трудъ проф. И. И. Мечникова.

Въ журналѣ постоянные отдѣлы: обзоръ иностранной жизни, журналовъ, театра, лѣтоискусствъ, библіографія и смѣсь. Въ каждой книжкѣ не менѣе двухъ приложений съ отдѣльной нумерацией страницъ. Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, книжками, около 15 листовъ въ каждой, съ иллюстраціями.

Подписная цѣна съ доставкой и пересыкой на 1 годъ—6 р., $\frac{1}{2}$ года—3 р., 1 мѣс.—50 коп.

Разстрочка по 50 коп. въ мѣсяцъ. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція и контора помѣщается въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 90.

Редакторъ-Издатель С. Сухонинъ.

—
3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ.

ХУТОРЯНИНЪ

IX годъ изданія.

цѣна 2 руб. въ годъ, на полгода 1 руб.,

еженедѣльное изданіе, посвященное интересамъ мѣстнаго сельскаго хозяйства, промышленности и торговли,

органъ Полтавскаго общества сельского хозяйства.

Программа: 1) Правительственные распоряженія и извѣстія. 2) Деятельность мѣстныхъ сельскохозяйственныхъ обществъ, ихъ отдѣловъ и отдеleinий. 3) Статьи по сельскому хозяйству, промышленности и торговлѣ, экономической и технической. 4) Хроника, сельскохозяй-

ственное обозрѣніе и корреспонденціи. 5) Сельскохозяйственная и экономическая дѣятельность земскихъ учреждений. 6) Библіографія и обзоръ сельскохозяйствен. и экономической литературы. 7) Сел.-хоз. фельетонъ. 8) Смѣсь и мелкія извѣстія. 9) Вопросы и отвѣты. 10) Торговая извѣстія. 11) Обозрѣнія и извѣстія о погодѣ. 12) Объявленія,

Задачи газеты: 1) Распространять въ общедоступной формѣ сел.-хоз. знанія примѣнительно къ потребностямъ сельскихъ хозяевъ Полтавской и сосѣднихъ съ нею губерній. 2) Служить органомъ для взаимного общенія сельскихъ хозяевъ и сельскохозяйств. обществъ. 3) Доставлять населенію современный свѣдѣнія о главнѣйшихъ мѣропріятіяхъ и начинаніяхъ правительства, земствъ и сел.-хоз. обществъ въ области народного хозяйства. Главными условіями для достиженія этихъ задачъ поставлены: общедоступность изложения и дешевизна издания.

Кромѣ еженедѣльныхъ номеровъ въ размѣрѣ 2—3 печатныхъ листовъ, при „Хуторянинѣ“ подписчикамъ даются бесплатныя приложенія; такъ, за послѣдніе четыре года были приложены: 5 книгъ Чикаленко „Розмова про сельске хоїзяйство“, „Біографія Н. В. Гоголя“, „Хуторянинъ и его читатели“, 12 книжекъ „Экономическая и сельскохозяйств. дѣятельность Полтавскаго губ. земства“, различные огородныя и полевыя сѣмена и друг.

Въ 1904 году всімъ годовыми подписчикамъ будуть разосланы составленные завѣдующимъ фіто-патологической станціей при И. Ботаническомъ Садѣ въ С.-Петербургѣ, А. А. Ячевскимъ и изданныя Департаментомъ Земледѣлія три раскрашенныя

„Таблицы главнѣйшихъ паразитныхъ грибовъ и насѣкомыхъ плодовыхъ деревьевъ и огородныхъ растеній“,

заключающія изображеніе въ краскахъ разнообразныхъ вредителей растеній и указываніе на мѣры борьбы съ ними.

Подписавшимся до 1-го января 1904 г. годовыми подписчикамъ, кромѣ того, будутъ разосланы сѣмена кормовыхъ растеній, многолѣтнихъ травъ, огородныхъ и полевыхъ.

„Хуторянинъ“ допущенъ въ бесплатныя библіотеки-читальни и въ библіотеки сельско-хозяйствен. учеб. завед. и М. З. и Г. И.

Плата за объявленія: за одну строку петита въ концѣ текста 8 коп., впереди вдвойнѣ.

Подписка принимается въ г. Полтавѣ—въ конторѣ редакціи „Хуторянина“, при Полтавскомъ Обществѣ сельского хозяйства.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

на посвященные еврейской жизни, исторіи и литературѣ персодическія изданія:

газету „ВОСХОДЪ“

и ежемѣсячный журналъ „КНИЖКИ ВОСХОДА“

Содержаніе газеты: руководящія статьи по всѣмъ текущимъ вопросамъ еврейской жизни въ Россіи и за границей; хроника всѣхъ новѣйшихъ извѣстій, корресп. изъ провинціи и заграницы, сенатская и судебная практика по еврейскимъ дѣламъ (сен. указы), юридач. безплатная консультація (отвѣты на юридические вопросы подписчиковъ въ собственномъ отдѣлѣ), обзоры еврейской, русской и польской печати, фельетонъ (разсказы и проч.), провинциальный отдѣлъ, критика и библиографія.

Подписная цѣна на „ВОСХОДЪ“ съ книжками 10 руб. въ годъ (допускается разсрочка при подпискѣ 4 руб., къ 1 марта 3 р. и къ 1 іюля—3 р.); на газету (безъ „книжекъ“) 7 р. въ разсрочку: при подпискѣ 3 р., къ 1 марта 2 р. и къ 1 іюля 2 руб.

Книжки Восхода—выходятъ ежемѣсячно въ размѣрѣ до 10 печатныхъ листовъ. Повѣсти и рассказы изъ еврейской жизни, стихотв. и популярныя статьи по исторіи, литературѣ, религіи, философії, критикѣ, вопросы общественной жизни. Книжки Восхода—единственный журналъ, посвященный еврейской литературѣ и наукѣ на русскомъ языке. Желая способствовать его широкому распространенію, редакція установила послѣднюю подписку за крайне доступную цѣну 12 книгъ за 3 р. (съ пересылкой).

Подпишавшіеся на газету съ «Книжками» получатъ при «Книжкахъ Восхода».

БЕЗПЛАТНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ.

С. М. ДУБНОВЪ Всеобщая исторія (періодъ талмудическій и сефардскій: 73—1492 г.).

Книга С. М. Дубнова явится первымъ оригинальнымъ трудомъ на русскомъ языке по всеобщей исторіи евреевъ, основаннымъ не самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ автора, съ подробнымъ изложеніемъ исторіи евреевъ въ Россіи.

Новые подписчики на оба изданія, внесшіе до 1 января всю плату 10 р. за 1904 годъ, получаютъ газету со дня поступленія денегъ въ контору БЕЗПЛАТНО.

Главная контора „Восхода“ помѣщается въ С.-Петербургѣ, Морская 29.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ

(VII-ый юдъ изданій)

на общепедагогический журналъ для школы и семьи

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1903 года въ «Русской школѣ» напечатаны были между прочимъ слѣдующія статьи: 1) Записки учителя гимназии. *И. Бѣлозерскаго*; 2) Изъ личныхъ воспоминаній объ А. И. Гольденбергѣ. *К. Мазинга*; 3) Основатель педагогіи Стэнли Холль и его научная дѣятельность *А. Нечаева*; 4) Начальное и среднее образование въ Швеціи. *П. Мижесева*; 5) Эпоха преобразованій Петра В. и русская школа новаго времени. *С. Рождественская*; 6) Учрежденія для дѣтей до-школьного возраста *М. Страховой*; 7) Разсадники здороваго воспитанія. *Е. Гаршиной*; 8) Къ вопросу о физическомъ воспитаніи мальчиковъ. *М. Волковой*; 9) О взліяніи физического труда на успѣшность умственныхъ развитій. *Е. Янжулъ*; 10) О воспитаніи и нравственности Проф. *Пр. Скворцова*; 11) О лѣни. *П. Каптерева*; 11) Къ вопросу о реформѣ средней школы. *Р—а*; 12) Къ вопросу о реформѣ учебно-воспитательного дѣла въ кадетскихъ корпусахъ. *П. Рокова*; 13) Нѣсколько словъ о нашихъ духовныхъ училищахъ въ учебно-воспитательномъ отношеніи. *В. Подстепянская*; 14) Преобразованіе еврейскихъ хедеровъ. *А. Тарновская*; 15) Условія объединенія духовнаго учебнаго вѣдомства въ дѣлѣ начального народнаго образованія. *Д. Р.*; 16) О министерской седмицѣ и объ экскурсіяхъ. *К. Иванова*; 17) Умственныя запросы народнаго учителя и ихъ удовлетвореніе. *Э. Вахтеровой*; 18) О подготовкѣ народнаго учителя съ идеями К. Д. Ушинскаго. *Н. Занкова*; 19) О бытовомъ положеніи учителей земскихъ начальныхъ школъ. *С. Спасако*; 20) О материальной и юридической необеспеченности русскаго народнаго учителя. *С. Анжина*; 21) Положеніе народнаго учителя въ школѣ. *П. Смирнова*; 22) Земскіе педагогическіе курсы и правила 1875 года. *П. Григорьева*; 23) Обзоръ дѣятельности земства по народному образованію въ 1903 году. *И. Бѣлоконская*; 24) Съездъ представителей обществъ вспомоществованія лицамъ учительского званія въ Москвѣ. *Н. Ареньева*; 25) Грамматика и правописаніе въ начальныхъ школахъ. *А. Соболева*; 26) Педагогическая основа теоріи и практики ариѳметики, какъ учебнаго предмета. *А. Стефановская*; 27) Реформа въ курсѣ ариѳметики средней школы. *Д. Волковская*; 28) Правда о диктовкѣ. *М. Тростникова*; 29) Географические кабинеты. *М. Успенская*; 30) Изъ области нашей учебной литературы. Проф. *В. Шимкевича*.

Въ каждой книжкѣ „Русской Школы“, кромѣ отдѣла критики и библіографіи, печатаются: Хроника народнаго образованія въ Западной Европѣ *Е. Р.*; Хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ. *Я. В. Абрамова*. Хроника воскресныхъ школъ подъ редакціей. *Х. Л. Алчевской* и *М. Н. Салтыковой*. Хроника професіональнаго образованія *В. В. Бирюковича* и пр.

„Русская Школа“ выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки, семь руб., съ доставкою 7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою 8 руб., за границу—9 руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Журналъ «Р. Ш.» допущенъ Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. къ выпискѣ для фундаментальныхъ библиотекъ среднѣ-учебныхъ заведеній, и учительскія библиотеки низшихъ учебн. заведеній.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул. 1).

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.

— — —
3-3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 Г.

Съ 1-го октября 1903 года начался 7-й годъ изданія

ЕЖЕМѢСЯЧНОГО ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЖУРНАЛА

КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНОВЪ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
**ИЗВѢСТИЯ
ПО ЛИТЕРАТУРЪ, НАУКАМЪ
И БИБЛІОГРАФІИ.**

Назначеніе журнала—дать читающей публикѣ возможность своевременно слѣдить за всѣмъ, что есть новаго въ литературѣ, наукѣ и библіографіи у насъ въ Россіи и за границей. Въ этихъ видахъ журналъ «книжныхъ магазиновъ товарищества М. О. Вольфъ извѣстія по литературѣ, наукамъ и библіографіи» помѣщаетъ иллюстрированныя статьи и замѣтки по вопросамъ изъ указанной области, критическіе отзывы о наиболѣе выдающихся новыхъ сочиненіяхъ, списки новыхъ книгъ и важнѣйшихъ журнальныхъ статей, русскихъ и иностранныхъ, свѣдѣнія о подготовляемыхъ къ печати новыхъ изданій и пр. Особый отдѣль

священъ спрвкамъ, совѣтамъ и отвѣтамъ на предлагаемые читателями журнала вопросы.

Годовая подписная цѣна журнала на полувеленевой бумагѣ, съ доставкою и пересылкою: 1 р.; изданіе на велепевой бумагѣ 2 рубля.

Подписка и объявленія принимаются въ книжныхъ магазинахъ Товарищества М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, № 18; Москва, Кузнецкій Мостъ, № 12. Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Вас. Островъ, 16 лин., д. 5—7.

—
3—3

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ.

(ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Условія подписки на годъ съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россіи: 12 р., на 9 мѣс.—9 р., на 6 мѣс.—6 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р.; за границу на годъ: 14 р., на 9 мѣс.—10 р. 50 к., на 6 мѣс.—7 р., на 3 мѣс.—3 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1 апрѣля, 1 іюля, 1 октября по 3 рубля—при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія.

Цѣна отдѣльного номера съ пересылкой 1 р. 30 к. Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ годовой цѣны журнала.

Подписька въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ *В. А. Гольцевъ, А. П. Чеховъ и А. А. Кизевештеръ.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Москву: въ конторѣ журнала—Ваганьковскій пер., д. Куманина; *въ Петербургъ:* въ отдѣленіи конторы журнала—при книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, Литейный, д. № 46; *въ Киевъ:* въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крецатикъ; *въ Варшаву:* въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова; *въ Вильнюсъ:* въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова.

Редакторъ-издатель *В. М. Лавровъ.*

—
2—3

ОБЪЯВЛЕНИЕ

о подпискѣ въ новомъ 1904 г. на двухнедѣльный полемико-
апологетический журналъ

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНИЕ.

20 книгъ журнала и 2 книги приложенийя за 6 руб.

Адресъ редакціи СПб. Невскій, д. 153.

Въ новомъ 1904 году МИССИОНЕР. ОБОЗРѢНИЕ вступаетъ въ IX годъ изданія. Журналъ будеть выходить по примѣру прошлаго года за прежнюю цѣну шесть руб. двухнедѣльными выпусками, въ объемѣ отъ 8—12 и болѣе печатныхъ листовъ (за исключеніемъ пасхальныхъ и яїтическихъ ваканцій, когда журналъ выйдетъ по одной книжкѣ въ мѣсяцъ), всего въ теченіи года дано будетъ подписчикамъ 20 книжекъ.

При этомъ МИССИОНЕРСКАЯ ПРОПОВѢДИ, въ огражденіе православныхъ чадъ Церкви отъ лжеученій расколосектантства, будуть печататься при книжкахъ журнала особымъ счетомъ страницъ, такъ что въ концѣ года составятъ цѣлый сборникъ. Въ первыхъ книжкахъ журнала будуть помѣщены бесѣды свящп. *Совѣтова* въ обличеніе хлыстовства и свящп. *С. Бояновича* въ обличеніе толстовства и штундизма. Будутъ также печататься и проповѣди, касающіяся заблужденій раскола.

Вместо проповѣдей на воскресные и праздничные дни, обычно печатавшихся въ истекшія 8 лѣтъ, въ новомъ 1904 г., высланъ будеть съ первой книжкой журнала *сборникъ проповѣдей на всевозможные случаи изъ пастырской практики*, составленный свящп. Брюковскимъ изъ произведеній лучшихъ проповѣдниковъ отечественной Церкви, примѣненныхъ (черезъ сокращеніе и измѣненіе) къ потребностямъ современной народно-церковной каѳедры.

Подписка принимается въ редакціи „Миссионерское Обозрѣніе“, Спб. Невскій пр., 153 кв. 10; въ Москвѣ въ Синодальной типографіи, а также въ извѣстныхъ магазинахъ во всѣхъ городахъ. Подписная цѣна 6 руб. за границу 8 руб.

Для бѣдныхъ причтовъ и церквей допускается разсрочка въ платежѣ подписной цѣны съ тѣмъ, чтобы первый взносъ 3 р. сдѣланъ былъ при подпискѣ, а вторые 3 р. высланы были къ Св. Пасхѣ.

Редакторъ-издатель *В. М. Скворцовъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ

на ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни

„КІЕВСКАЯ ГАЗЕТА“

(V-й годъ издания).

Съ еженедѣльными иллюстрированными литературными приложеніями.

«Киевская Газета» вступает въ пятый годъ издания. Мы не имѣемъ надобности распространяться предъ читателями о нашихъ задачахъ и цѣляхъ: мы полагаемъ, что въ теченіе 4-хъ лѣтъ характеръ и физіономія «Киевской Газеты» выяснились въ достаточной степени. Поэтому мы ограничимся заявленіемъ, что принципы и убѣжденія, которыми мы руководствовались до сихъ порь и которые, какъ мы видѣли, находили живой откликъ среди нашихъ читателей, будутъ и на дальнѣйшее время служить для насъ руководящей нитью. Упомянемъ еще разъ то, о чмъ намъ неоднократно уже случалось говорить: одинъ изъ основныхъ принциповъ «Киевской Газеты»—не довольствоваться тѣмъ, что уже достигнуто, не останавливаться, но, чутко прислушиваясь къ запросамъ публики, идти навстрѣчу имъ, идти впередъ по пути постояннаго развитія и улучшенія дѣла, по тому пути, по которому наша газета шла до сихъ порь. Только такимъ образомъ Редакція надѣется удовлетворить своихъ читателей. Съ этой цѣлью «Киевская Газета» предприняла на первыхъ порахъ въ новомъ году слѣдующія главныя реформы.

Желая доставить читателямъ возможно скорыя и вѣрныя свѣдѣнія, Редакція постаралася заручиться собственными корреспондентами въ наиболѣе крупныхъ городахъ Западной Европы и Россіи. Пользуясь услугами послѣднихъ, Редакція имѣть возможность сообщать своимъ читателямъ посредствомъ корреспонденций и телеграммъ всѣ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ: законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и проч.

Сообщенія изъ столицъ доставляются намъ теперь специальными столичными корреспондентами и потому приходятъ 1-2 днями скорѣе, чмъ въ прежнее время. Сообщенія эти печатаются въ «Киевской Газетѣ» ежедневно подъ рубрикой «Столичныя вѣсти».

Въ виду крайней неполноты и несвоевременности сообщеній «Россійск. Телеграфн. Агенства», Редакція вошла въ сношеніе съ ново-организованнымъ при министерствѣ финансовъ «Торгово-Телеграфнымъ Агенствомъ», телеграммы котораго отнынѣ регулярно будуть помѣщаться въ «Киевской Газетѣ» и, такимъ образомъ, читатели своевременно будутъ оповѣщены о всѣхъ выдающихся событияхъ какъ внутренней жизни Россіи, такъ и заграничной. Кромѣ того, въ «Киевской Газетѣ» будутъ ежедневно печататься котировки С.-Петербургской биржи по телеграфнымъ сообщеніямъ Торгово-Телеграфнаго Агенства.

Выписанная нами ротационная машина, печатая до 12 тыс. экземпляровъ въ часъ, дастъ возможность намъ своевременно выпу-

скать газету и помѣщать въ ней тѣ новости и телеграммы, которыя получаются даже поздней ночью.

Имѣя въ виду дать читателямъ беллетристический материалъ для чтенія, Редакція рѣшила выпускать особыя литературныя приложенія къ «Кievской Газетѣ», въ которыхъ будуть помѣщаться стихотворенія, очерки, разсказы, какъ оригиналные, такъ и переводные, а также очерки русской и заграничной жизни. Кроме того, въ приложеніяхъ будуть помѣщаться рисунки, касающіеся современнымъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей. Приложенія будутъ выпускаться еженедѣльно, съ особымъ счетомъ страницъ. Изъ нихъ составится за годъ полный экземпляръ иллюстрацій въ 52 тетради.

Такимъ образомъ въ 1904 году каждый подписчикъ «Кievской Газеты» получить: 1) Ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ. 2) 52 №№ Еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ литературно-художественныхъ приложенийъ.

Стремясь постоянно расширять кругъ своихъ сотрудниковъ, редакція пригласила къ участію въ газетѣ новыхъ лицъ. Въ 1904 г. въ «Кievской Газетѣ» будутъ принимать постоянное участіе слѣдующіе извѣстные столичные литераторы и журналисты: А. В. Амфитровъ (И. Л. Иксъ), К. С. Баранцевичъ, П. В. Быковъ, П. И. Вайнбергъ, М. В. Крестовская, В. С. Лихачевъ, Lolo (Л. Г. Мунштейнъ), М. А. Лохвицкая, А. А. Луговой (Тихоновъ), Ф. Ф. Тризонеръ (Мечтатель), Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Въ 1904 году всѣ подписчики «Кievской Газеты» будутъ по-прежнему пользоваться правомъ получать въ театрѣ «Соловцовъ» на спектакли драматической труппы М. М. Глѣбовой билеты по значитель но уменьшеннымъ цѣнамъ,—разъ въ недѣлю, въ дни, указанные дирекціей театра.

Условія подписки съ доставкой и пересылкой: на годъ 9 р., на 9 мѣс. 7 р. 10 к., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 70 к.; на 1 мѣс. 1 р. Безъ доставки: на годъ 8 р., на 9 мѣс. 6 р. 20 к., на 6 мѣс. 4 р. 40 к., на 3 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 90 коп.

Годовые подписчики, желающіе воспользоваться разсрочкой, вносятъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р. Подписка на 1904 годъ и объявленія принимаются: 1) въ Главной Конторѣ и 2) въ книжныхъ магазинахъ и кіоскахъ. Заграничные подписчики къ подписной цѣнѣ приплачиваются за каждый мѣсяцъ по 60 коп. За перомѣну адреса 40 коп., причемъ необходимо сообщать заблаговременно прежній и новый адресы. О каждой перемѣнѣ адреса просить сообщать отдельно. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждого мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: Kievъ, Владимірская ул., № 34. Телефонъ № 1276.

Издатели: С. Я. Бодановъ, А. Ф. Френкель. Редакторъ А. Ф. Френкель.

„ВЪСТЪПЪ ЕВРОПЫ“

КНИГА 1-я.—ЯНВАРЬ, 1904.

I.—Блаженныи Августинъ въ борьбѣ съ язычниками.—I.—**В. И. Герье.**—II.—Братья.—Повѣсть.—I-VI.—**П. Д. Воборыкина.**—III.—**П. А. Чеховъ** и его разсказы,—Этюдъ.—**Евг. Ляцкаго.**—IV.—**Серый.**—Парижскій разсказъ.—Les boucles d'Oreilles conte parisien.—Изъ Франсуа Конпе.—Перев. **Н. В. Хвостова.**—V.—Изъ Америки въ Японію.—I. На Сандвичевы острова.—II. День въ Гонолулу.—III. Въ Японію.—Нагасаки.—**Ф. И. Кноринга.** VI.—Въ избранномъ обществѣ.—Повѣсть.—I.—**Е. Авиловой.**—VII.—Наша экономическая задача и крестьянский вопросъ.—**Л. З. Слонимскаго.**—VIII.—«Союзъ душъ».—«Souls». A Comedy of intentions, dy „Rita“.—I-IX.—Съ англ. **З. В.**—IX.—Амалія Ризничъ въ поэзіи А. С. Пушкина.—**П. Щоголова.**—X.—Стихотворенія.—I. Пѣсни въ камышахъ, изъ Ленау.—II. Зимней ночью.—III. Изъ Лилленкрона.—**О. Михайловой.**—XI.—Хроника.—Задачи городского благоустройства въ Западной Европѣ.—**В. Тотоміанца.**—XII.—Землевладѣніе въ Россіи и его судьбы.—**Е. Р.**—XIII.—Внутреннее Обозрѣніе.—Начало новаго періода преобразованій.—Отношеніе ихъ къ общественному настроенію.—Типичныя черты двухъ главныхъ законопроектовъ.—Составъ губернскихъ совѣтцій.—Способы опроса крестьянъ.—Гласные отъ сельскихъ обществъ и земскіе начальники.—Земскій избирательный цензъ.—Земскія ходатайства.—Датскій законопроектъ, возбуждающій ликованіе реакціонной прессы.—Дѣяния правительства мѣры.—XIV.—Сельская полицейская стражка.—Письмо въ Редакцію.—**Л. Дашкевича.**—XV.—Иностранное Обозрѣніе.—Политическія события истекшаго года.—Роль Японіи, какъ великой державы.—Восточно-азіатскій кризисъ.—Македонскій вопросъ и балканскія государства.—Политическія дѣла Австро-Венгрии, Германіи, Франціи и Англіи.—XVI.—Литературное Обозрѣніе.—I. Великій князь Николай Михайловичъ, графъ П. А. Строгановъ, т. III.—**А. П.**—II. К. Бальмонтъ, «Будемъ, какъ солнце».—III. Г. Хохловъ, Путешествие уральскихъ козаковъ въ «Бѣловодское царство».—IV. К. И. Храневичъ, Очерки новѣйшей польской литературы.

туры.—**V.** Языковъ, Д. Д., Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ, вып. 1.—**Евг.** Л.—Новые книги и брошюры.—**XVII.**—*Замѣтка.*—Индивидуализмъ и творчество.—«Когда мы, мертвые, пробуждаемся», др. Г. Ибсена.—**О.** П.—**XVIII.**—*Новости иностранной литературы.*—I. Maeterlinck, Joyzelle, pi  e en actes.—II. Henri de Regnier' *Les Vacances d'un jeune homme sage.*—**З.** В.—**XIX**—*Изъ общественной хроники.*—Предстоящее открытие новой с.-петербургской городской думы.—Вѣроятный исходъ выборовъ на городскія должности.—Настоящая и будущая группировка гласныхъ.—Дѣленіе избирателей на разряды и на участки.—Тверское губернское земство въ его отношеніяхъ къ уѣздному.—На чьей сторонѣ справедливость и забота о народномъ благѣ?—**В.** Н. Герардъ и А. В. Евреиновъ †.—**XX.**—*Библіографический листокъ.*—Градовскій А. Д., Собраніе сочиненій, т. IX, ч. III: Органы мѣстного управлениія.—Большой Всемірный настольный Атласъ Маркса, п. р. Э. Петри, вып. 1-й.—Пругавинъ, А. С., Религіозные отицевенцы.—Всемірные свѣточи. Шекспиръ и его время, состав. М. Гранстремъ.—Шередамъ, А., Европа и австрійскій вопросъ.—**XXI.**—*Объявленія.*—Каталогъ книжнаго склада типографіїи М. М. Стасюлевича на 1902—1904 гг.—№ 1. Изданія, помѣщенные въ книжномъ складѣ типографіїи М. М. Стасюлевича.—№ 1. Подвижной каталогъ книжн. склада той же типографіїи въ январѣ 1904 года.

ПОДПИСКА НА 1904-Й ГОДЪ.

(Тридцать-девятый годъ).

Контора журнала: С.-Петербургъ, В. О., 5 лин., 28.

Безъ доставки: на годъ: 15 р. 50 к., на полгода: 7 р. 75 к., на четверть года: 3 р. 90 к. Съ дост. въ Спб. на годъ: 16 р., на полгода: 8 р., на четверть года: 4 р. Съ пересылкою на годъ: 17 р., на полгода: 9 р. 8 р., на четверть года: 5, 4, 4, 4 р. За границей на годъ: 19 р., на полгода: 10 р., на четверть года: 9 р., 5, 5, 4, 4 р.

Издатель и отвѣтственный редакторъ *М. М. Стасюлевичъ*. Спб., Галерная, 20.

Ж У Р Н А Л Ъ

„Труды Киевской Духовной Академії“

въ 1904 году

(годъ изданія сорокъ пятый)

имѣеть выходить по прежней программѣ.

Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ общезанимателныя и по изложению доступныя большинству читателей, а также *переводы твореній блаж. Геронима и блаж. Августина*, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженiemъ изданія подъ общимъ названiemъ «Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ».

Къ январю 1904 г. выходитъ на свѣтъ 17-я часть Твореній бл. Геронима въ русскомъ переводѣ (толкованія на посланія къ Галатамъ и Ефесянамъ).

Указомъ Св. Синода отъ 3/29 февр. 1884 г. подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку св. отцевъ и учителей ц. западныхъ» рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

2—3

Slovansky Prehled

(Славянское Обозрѣніе),

ежемѣсячный всеславянскій журналъ

въ VI-мъ году изданія

будетъ издаваться по прежней программѣ. Журналъ выходитъ книжками въ 3 и большихъ листовъ, въ первую пятницу каждого мѣсяца (исключая августъ и сентябрь), заключая въ себѣ статьи и корреспонденціи, касающіяся культурной жизни всѣхъ славян-

скихъ народовъ; сверхъ того будуть печататься переводы стих
творений славянскихъ поэтовъ на чешскомъ языкѣ, библиографи-
ческія извѣстія изъ всѣхъ славянскихъ литературъ, свѣдѣнія объ
славянскомъ искусствѣ и пр.

Подписная цѣна для Россіи 4 рубля въ годъ съ доставкою
и пересылкою.

Подписка принимается въ конторѣ журнала «Slovanský
Přehled» въ Прагѣ чешской (адресъ: Nakladatelství F. Šimáček,
Praha, Jerusalemská ul. 11).

Издатель *Ф. Шимачекъ*. Редакторъ *A. Черны*.

„ПОЛТАВСКІЙ ВѢСТИНИКЪ“
ЕЖЕДНЕВНАЯ ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Открыта подписка на 1904 годъ.

Годъ издания второй.

У СЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

На годъ—6 р., 11 мѣсяцевъ—5 р. 50 к., 10 мѣс.—5 р., 9 мѣс. 4 р.
75 к., 8 мѣс.—4 р. 25 к., 7 мѣс.—4 р., 6 мѣс.—3 р. 50 к., 5 мѣс.—
3 р., 4 мѣс.—2 р. 50 к., 3 мѣс.—2 р., 2 мѣс.—1 р. 50 к., 1 мѣс.—1 р.

Подписка принимается:

Въ Полтавѣ—въ Конторѣ „ПОЛТАВСКАГО ВѢСТИНИКА“, Кобеляк-
ская улица.

Редакторъ-издатель *Д. А. Иваненко*.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельные изслѣдованія по истории южной Россіи и разнообразные материалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлѣжность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служить проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по истории южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналь, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ истории южнорусского народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной истории, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Киевская Старина“ будетъ выходить въ 1904 г. по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Сткрыта подпіска на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1904 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подпіска принимается въ редакції журнала „Киев-ская Старина“, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакція отвѣтаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Киевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислатъ заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакції продаются полные экземпляры «Киевской Старины» за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы **20%** уступки. Отдельныя книги журнала по 1 р.

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**

КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ.

ТОМЪ LXXXIV.

1904 Г.

МАРТЪ.

КІЕВЪ.

Типографія Імператорського Університета св. Владіміра
Акії. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1904.

Дозволено цензурою. Кієвъ. 5 марта 1904 года.

Генеральный судья Иванъ Чарнышъ и его родъ.

Родословіе Чарнышей.

I колѣно.

№№ по
порядку.

№№ отцовъ.

1. *Федоръ* (?).

Ж. Татьяна (?).

II колѣно.

2. *Иванъ* (*Федоровичъ?*), 1698—войсков. канцеляристъ; 1700—1703—господарь Гадяцкаго замка; 1709—1715—полковникъ гадяцкій; съ 1715—генеральный судья, † 30-го декабря 1728 г. въ Москвѣ и погребенъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Ж. 1) Елена Степановна *Гречаная*, дочь генераль-наго писаря.

2) Евдокія Константиновна *Голубъ*, † 31-мая 1743 г., дочь генераль-наго бунчукнаго и Настасы Марковны, бывшей во второмъ бракѣ за гетманомъ Иваномъ *Скоропадскимъ*.

3. *Тихонъ* (*Федоровичъ?*), житель батуриинскій, † до 1716 г.

Ж. Марина Романовна, родомъ изъ Батурина, † 1717; во 2-мъ бракѣ была за сотникомъ Ковалювскимъ (1715—1717) Аѳанасіемъ Николаевичемъ *Кицешемъ* . . . . .

1

1

III колѣно.

4. *Иванъ Ивановичъ*, отъ 1-го брака, бунчуковый товарищъ (1735), † 1756. . . . .

Томъ 84.—Мартъ, 1904.

2

I—1

Ж. 1) Татьяна Осиповна <i>Костенецкая</i> , дочь сотника конотопского.	
2) Зиновія Якимовна (упом. 1755)	2
5. Пётр Ивановичъ, отъ 1-го брака, † 173. бездѣтныиъ.	
Ж. Ульяна Степановна <i>Бутовичъ</i> , вдова гадяцк. полк. Мих. <i>Милорадовича</i>	2
6. Иванъ Ивановичъ, отъ 2-го брака, † холостыиъ въ 1741 г.	2
7. Семенъ Ивановичъ, отъ 2-го брака, канцеляристъ 1737—39; † холостыиъ въ 1742 г.	2
8. Яковъ Ивановичъ, отъ 2-го брака, канцеляристъ, † 28-го декабр. 1745 г.	
Ж. Мареа Степановна <i>Ширай</i> , † 1764; съ 1747 г. во 2-мъ бракѣ за генер. подскарбiemъ Михаиломъ Вас. <i>Скоропадскимъ</i> , † 1758	2
— Анастасія Ивановна, † 1742. За <i>Забольой</i>	2
— Анна Ивановна, † 1745. За бунч. тов. Андреемъ Ив. <i>Войцеховичемъ</i> .	2
— Елена Ивановна, † дѣвицей въ 1745 г.	2
9. Федоръ Тихоновичъ, упом. 1717.	3
— Агафья Тихоновна, упом. 1717. За Романомъ NN (1717)	3

IV колѣно.

10. Иванъ Ивановичъ, 1754—канцеляристъ, † до 1769.	
Ж. Настасія Романовна, во 2-мъ бракѣ за Федор. Петров. <i>Войной</i>	4
11. Данило Ивановичъ, упом. 1754, † до 1769.	
Ж. Пелагея, вдова 1784.	4
12. Александръ Ивановичъ, малолѣтній въ 1754 г., † до 1769	4
— Анна Яковлевна, род. 1746; † около 1769 г. Съ 1765 г. за д. с. с. Григоріемъ Григорьевичемъ <i>Фридрикевичемъ</i>	8

V колѣно.

13. Василій Ивановичъ, род. 1759; маршалъ Полтав. губерніи.	
Ж. Анна Петровна <i>Бѣльуха</i> , дочь полтавск. полков. писаря.	10

VI колѣно.

14. <i>Петръ Васильевичъ</i> , р. 1771; 1798—капитанъ Сѣверскаго драгунскаго полка	13
15. <i>Дмитрій Васильевичъ</i> , р. 1795	13
— <i>Ульяна Васильевна</i> , р. 1795	13
— <i>Anastasія Васильевна</i> , р. 1787	13
— <i>Анна Васильевна</i> , р. 1788	13
— <i>Anastasія Васильевна</i> 2-ая, р. 1790	13
— <i>Екатерина Васильевна</i> , р. 1797	13

Происхожденіе Чарнышей, выдвинувшихся въ старшину благодаря личнымъ качествамъ извѣстнаго генеральнаго судьи Ивана Чарныша, намъ неизвѣстно. Въ синодикѣ Любецкаго монастыря записанъ «родъ пана Ioanna Чарниша, бывшаго судѣ енералнаго», въ которомъ сказано: «помяни Господи рабовъ своихъ: Феодора, Татіану, Тихонія, Параскевію, іерея Петра, Марію, Елену, Максима, младенцевъ: Петра, Ioана, Іакова, Ioана, Григорія»¹⁾. Можно предполагать, что упоминаемые здѣсь на первомъ мѣстѣ Федоръ и Татьяна были—отецъ и мать генеральнаго судьи; далѣе слѣдуетъ братъ послѣдняго—Тихонъ, о которомъ будетъ рѣчь ниже; Параскевія—лицо намъ неизвѣстное, Елена—по всей вѣроятности, первая жена генеральнаго судьи. Остальныя упоминаемыя синодикомъ лица намъ раскрыть не удалось. Изъ лицъ, носившихъ прозвище Чарниша или Чорниша, намъ извѣстенъ лишь Иванъ Чорнишъ, житель конотопскій, упоминаемый въ одномъ актѣ 1681 года²⁾), но врядъ-ли это одно лицо съ будущимъ генеральнымъ судьею. Родиной послѣдняго былъ, по всей вѣроятности, Гадячскій полкъ, гдѣ онъ впослѣдствіи жилъ и обзаводился хозяйствомъ. Здѣсь же, повидимому, Чарнышъ и

¹⁾ Синодикъ Любецкаго монастыря, изд. Черниг. губ. арх. комм., Черниговъ. 1902, стр. 52.

²⁾ Обозрѣніе Румянцевской описи, стр. 258.

высмотрѣлъ себѣ невѣсту. Это была Елена, дочь Степана Про-кофьевича Гречанаго, служившаго въ 1663—65 годахъ генераль-нымъ писаремъ у Брюховецкаго ¹⁾; кромѣ того, невѣста Чарныша приходилась родной племянницей стольнику и полковнику харь-ковскому Федору Донцу-Захаржевскому ²⁾. Когда и какимъ об-разомъ состоялось сватовство и затѣмъ женитьба Чарныша—не-извѣстно. Во всякомъ случаѣ этотъ бракъ для Чарныша быль очень выгоденъ, ибо тестъ его Степанъ Гречаный быль человѣкъ вліятельный и зажиточный. Универсаломъ гетмана Мазепы 27 августа 1688 года дано было п. Стефану Гречаному, «значному и заслуженному въ Войску Запорожскому товарищевѣ: село Ри-маровка въ уѣздѣ гадяцкомъ знайдуючоюся, да подъ тимъ селомъ, на греблѣ, на рецѣ Грунѣ, млинъ стоячой, два кола, да село Борки зо всѣми до нихъ належитими принадлежностями, грунтами по-ліовими, съножатми и всякими угодії» ³⁾, а въ слѣдующемъ году гетманъ выхлопоталъ на эти имѣнія и царскую грамоту. Хотя у Гречанаго были сыновья, но тѣмъ не менѣе Чарнышъ могъ раз-считывать получить отъ тестя что-либо за женою и этотъ бракъ поставилъ сразу же на твердое основаніе его благосостояніе. Что касается до того, какое положеніе занималь Чарнышъ въ это время, то на этотъ вопросъ отвѣтить трудно: свѣдѣній, касающихся первыхъ годовъ выступленія его на арену жизни, очень мало. Въ царской грамотѣ 1718 года, подтверждающей его имѣнія, между прочимъ имѣется указаніе на то, что дѣдъ и отецъ Чарныша участвовали въ чигиринской бatalіи, а онъ самъ отъ малыхъ лѣтъ служилъ и быль при взятіи Казикермена и Тавани (1695), «такожъ по царскому указу посыланъ быль къ солтану турецкому въ Цари-городъ и оттуду привезъ постановленіе тогда мирніе договори». За-тѣмъ извѣстно, что въ 1698 году онъ быль войсковымъ канце-ляристомъ ⁴⁾, что позволяетъ думать, что онъ не лишенъ быль

¹⁾ Маркевичъ, Исторія Малороссіи, т. III, изд. 1842 г., с. 207.

²⁾ Любецкій Архивъ гр. Милорадовича, стр. 9.

³⁾ Н. П. Василенко, Генеральное слѣдствіе о маєтностяхъ Га-дяцкаго полка, стр. 15—17.

⁴⁾ Каталогъ музея В. В. Тарновскаго, стр. 247.

образованія, или, по крайней мѣрѣ, обладалъ хорошимъ почеркомъ и умѣніемъ составлять бумаги. Служа въ гетманской канцеляріи, Чарнышъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе Мазепы и настолько серьезное, что тотъ въ 1701 году посыпалъ его «въ обозъ царскаго величества къ великому государю, подъ Рукголдъ»¹⁾. Несомнѣнно, что такое порученіе могло быть дано только лицу, чѣмъ-либо особеннымъ обратившему на себя вниманіе гетмана и сумѣвшему заслужить довѣріе его. Гетманъ настолько цѣнилъ Чарныша, что въ 1700 году назначилъ его даже «господаремъ гадацкого замку», т. е. управителемъ имѣній, принадлежавшихъ гетману. На эту должность обыкновенно назначались люди ловкие и расторопные, которые, лично служа гетману, пробирались затѣмъ и въ старшину²⁾. Занимая должность управителя гетманскихъ имѣній, Чарнышъ имѣлъ возможность развернуть всѣ свои способности, чѣмъ онъ и пользовался, стараясь угодить какъ своему патрону, такъ и вообще людямъ богатымъ и влиятельнымъ. Господаремъ у Мазепы Чарнышъ пробылъ до 1703 года, и за это время сохранились его два письма къ Ивану Забѣлѣ; въ одномъ изъ нихъ (1701 г.) онъ, между прочимъ,увѣдомляетъ его о томъ, что присланное Забѣлой въ подарокъ гетману мартовское пиво принято «до пивницъ велможного добродѣя» и что съ этого «обзсланья вдачень есть велце ясневелможній добродѣй панъ гетманъ и рейтентарскою ласкою и респектомъ пріобѣщуетъ вм. мосцѣ пану нагорожати»³⁾. Служа у гетмана, Чарнышъ успѣлъ заслужить его довѣріе, но, видимо, господарство ему было не совсѣмъ по душѣ, и онъ жаждалъ быстраго возвышенія, чего ему не могла дать служба у гетмана, имѣвшаго уже въ это время замыслы о политическомъ переворотѣ. Поэтому

¹⁾ Лазаревскій, Описаніе старой Малороссіи, т. I, стр. 313.

²⁾ Напримѣръ, Михаилъ Турковскій, бывшій впослѣдствіи генеральнымъ писаремъ. Степанъ Трощинскій, будущій гадицкій полковникъ и другіе.

³⁾ Киевская Старина 1883 г., т. VI, стр. 530, 533. Подлинники писемъ Чарныша хранятся въ музеѣ В. В. Тарновскаго въ Черниговѣ (Каталогъ его, стр. 247).

Чарнышъ оставилъ господарство и принялъ участіе въ войнѣ со шведами. Въ 1705 году онъ уже былъ какимъ-то козацкимъ начальникомъ¹⁾ и назывался даже полковникомъ. Вмѣстѣ съ гетманскимъ племянникомъ Войнаровскимъ Чарнышъ одно время находился въ Гроднѣ, а Мазепа въ Дубно, причемъ Чарнышъ прислали гетману письмо и копію съ указа, по которому будто-бы два козацкія полка, Кіевскій и Прилуцкій, посыпались въ Пруссію для изученія ратнаго дѣла и для перестроенія ихъ впослѣдствіи по образцу драгунскихъ полковъ²⁾. Въ слѣдующемъ году Чарнышъ участвовалъ въ калишскомъ сраженіи, затѣмъ рѣшился, по всей вѣроятности, что послужилъ довольно и потому сразу же заявилъ притязанія на стародубское полковничество, урядъ кото-раго остался вакантнымъ послѣ смерти Михайла Миклашевскаго, убитаго въ 1706 году подъ Несвижемъ³⁾.

Хотя Чарнышъ лично былъ извѣстенъ царю, по тѣмъ не менѣе онъ все-таки былъ въ это время опять лишь войсковымъ канцеляристомъ и потому его притязанія на полковничій перначъ были нѣсколько преждевременными. Но Чарнышъ былъ вообще неразборчивъ въ средствахъ и плохо разбирался въ окружающей его обстановкѣ. Надѣясь на поддержку гетмана, онъ поѣхалъ хлопотать о полковничествѣ въ Москву, гдѣ тогда находился царь, и отъ имени гетмана сталъ просить о назначеніи своемъ въ Стародубъ. Благодаря лично приобрѣтеннымъ связямъ и умѣнію угождать лицамъ, власть имущимъ, Чарнышъ заручился обѣщаніями объ удовлетвореніи своего ходатайства и съ тѣмъ собирался вернуться на родину. Но онъ ошибся въ своихъ расчетахъ, такъ какъ гетманъ разбилъ его

¹⁾ Письма и бумаги императора Петра Великаго, т. III, С.-Пб. 1893; стр. 928, письмо Корчмина отъ 27. VIII. 1705 г. къ Петру въ Митаву: «И я лутче козаковъ радъ ихъ лошадямъ; посланной отъ вашей милости начальникъ козацкой господинъ Чѣрнышъ пріѣхалъ до меня вечоръ средь лѣсу».

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. III, стр. 1489.

³⁾ Черниговская лѣтопись по новому списку, стр. 23.

надежды, представивъ царю своего кандидата—генерального есаула Ивана Скоропадского. Дѣло въ томъ, что Мазепѣ, задумавшему планъ измѣны, нужно было имѣть въ лицѣ Стародубскаго полковника, коему подчинялся одинъ изъ самыхъ большихъ полковъ, человѣка себѣ угоднаго, или въ достаточной степени безличнаго; не найдя человѣка первыхъ качествъ, Мазепа выбралъ Скоропадскаго, человѣка, какъ извѣстно, мало энергичнаго, слабаго характеромъ. Гетманскій кандидатъ получилъ утвержденіе, а Чарнышу, такимъ образомъ, пришлось возвратиться на родину ни съ чѣмъ. Раздраженный противъ гетмана, онъ по возвращеніи изъ Москвы сталъ распускать слухи о томъ, что полковничество ему пожаловано помимо воли гетмана, причемъ, вѣроятно, не упустилъ случая не совсѣмъ хорошо отозваться и о самомъ гетманѣ. На это обстоятельство намекаютъ письма Мазепы къ графу Головкину и Шафирову о томъ, что Чарнышъ будто бы «всѣвалъ многіе плевелы о имени монаршемъ и иные многіе непристойства къ возмущенію народа малороссійскаго». Поѣхавъ, затѣмъ, въ Москву, гетманъ добился у царя разрѣшенія судить Чарныша «по воинскимъ правамъ»; но, вѣроятно, бывшій канцеляристъ успѣлъ вымолить у гетмана прощеніе при помощи какого-либо подарка, и онъ, кажется, не былъ и вовсе преданъ суду. Съ этихъ поръ Чарнышъ пересталъ быть войсковымъ канцеляристомъ, окончательно, повидимому, разойдясь съ гетманомъ.

Скоро послѣ того онъ былъ замѣщанъ въ дѣлѣ Кочубея и Искры и едва не поплатился головой. Въ грамотѣ отъ 20-го апрѣля 1708 года царь Петръ писалъ гетману слѣдующее: «И понеже по тому розыску явились въ томъ же воровствѣ приличные полковникъ миргородскій Апостоленокъ и бывшій канцеляристъ Чарнышъ, того ради повелѣваемъ, дабы ты, вѣрной подданной нашъ, оныхъ немедлено взявъ за крѣпкой карауль, а по разсмотрѣнію своему и сковавъ, у себя держалъ, гдѣ пристойно, или послалъ въ Киевъ къ воеводѣ князю Голицыну, пока привезены будутъ отсюда выше помянутые воры Кочубей и Искра»¹⁾.

¹⁾ Маркевичъ, Исторія Малороссіи, изд. 1842 г., т. IV, с. 183.

На основанії этого указа Чарнышъ быль схваченъ, закованъ въ кандалы и посаженъ въ тюрьму въ Бѣлой Церкви, гдѣ тогда находилсѧ и самъ гетманъ. На допросахъ Чарнышъ признавалъ себя совершенно непричастнымъ къ дѣлу Кочубея, утверждая, что Головкинъ и Шафировъ изъ личной немилости къ нему посылаютъ указы ему на погибель. Гетманъ, конечно, не преминулъ о словахъ бывшаго канцеляриста • довести до свѣдѣнія всесильного въ то время Головкина и Шафирова. Надо думать, что Чарнышъ дѣйствительно не былъ причастенъ къ доносу на гетмана. Въ розыскѣ о немъ указано было только на слѣдующее. На допросѣ 19-го апрѣля Искра показалъ, что онъ не знаетъ достовѣрно, кто изъ старшинъ по преклонности къ Мазепѣ не доносить о его измѣнѣ и прибавилъ: «а ежели-бѣ быль Чарнышъ, то-бѣ онъ пространнѣе о томъ донестъ могъ, ибо о томъ онъ съ нимъ (Искрой) часто говорилъ, и если-бѣ онъ вѣдалъ о ихъ побѣздѣ, то-бѣ и онъ быль съ ними». Петръ Яценко, въ допросѣ 21-го апрѣля, показалъ, что въ концѣ 1707 года Чарнышъ посыпалъ къ полтавскому протопопу своего человѣка съ письмомъ, къ которому была приложена и особая «цидула», а въ ней стояло, что «великаго государя указу было великое поруганіе, плеваніе и смѣяніе, а сказывалъ протопопъ, что Чарнышъ сіе письмо писалъ о гетманѣ». Въ этихъ двухъ «пунктахъ» и заключалась вся приосновенность Чарниша къ дѣлу Кочубея и Искры. Трудно предполагать, чтобы Чарнышъ выказалъ себя активнымъ лицомъ въ этомъ дѣлѣ, зная его всю послѣдующую дѣятельность, основнымъ мотивомъ которой была ненасытная алчность. Тѣмъ не менѣе надо удивляться, какимъ образомъ онъ выпутался изъ этого опаснаго дѣла. Съ гетманомъ въ это время онъ находился въ полномъ разрывѣ, графъ Головкинъ и Шафировъ были раздражены противъ него за его нареканія, будучи извѣщаемы о томъ самимъ гетманомъ,—а все-таки Чарнышъ ничѣмъ, кромѣ тюрьмы, не поплатился за участіе въ доносѣ, тогда какъ другіе участники, даже слуги и писаря доносчиковъ, потерпѣли строгую кару... Самъ Чарнышъ видѣлъ свое «спасеніе отъ бѣдъ» въ заступничествѣ и помощи Божіей Матери. Разсказывая о томъ, что

онъ чувствовалъ, сидя въ оковахъ въ Бѣлоцерковской тюрьмѣ и видя казнь Кочубея и Искры, не надѣясь на иную помощь, какъ только свыше, онъ сообщаєтъ о томъ, какъ женѣ его, томимой страшнымъ беспокойствомъ объ участіи мужа, явилась «въ тонкомъ снѣ» сама Богородица и сказала ей, что мужъ ея будетъ освобожденъ. И дѣйствительно, Чарнышъ былъ освобожденъ въ тотъ самый день, когда его женѣ было чудесное видѣніе, т. е. 18-го іюля, на третій день послѣ казни Кочубея и Искры¹⁾. Кто былъ его дѣйствительнымъ освободителемъ—мы не знаемъ. Быть можетъ самъ Мазепа, знаяшій хорошо ловкость и пронырливость Чарныша, освободилъ его изъ тюрьмы, надѣясь милостью этой привлечь его на свою сторону.

Выпутавшись такъ счастливо изъ бѣды, Чарнышъ, именовавшійся знатнымъ войсковымъ товарищемъ, снова посчитался добиться уряда стародубскаго полковничества, ставшаго вакантнымъ послѣ избранія гетманомъ Скоропадскаго, но не встрѣтилъ поддержки у гетмана. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Скоропадскому Головкинъ 15-го января 1709 года пишетъ: «Что-же изволилъ ваша вельможность писать въ цыдулѣ своей о Чарнышѣ, дабы ему не быть въ полковникахъ стародубовскихъ, понеже полчане того требуютъ, а быть-бы сотнику новгородскому (Лукьяну Жоравкѣ), и его царское величество повелѣль быть въ Стародубѣ полковнику по прежнему указу сотнику новгородскому, а отъ Чарныша о томъ и прошенія намъ не было»²⁾. Такимъ образомъ и во второй разъ Чарнышъ не успѣлъ въ своемъ исkanіи Стародубскаго полковничества. Въ полку, где онъ хотѣлъ быть полковникомъ, онъ былъ совершенно чужимъ человѣкомъ, а изъ сильныхъ людей ему не на кого было опереться, тогда какъ его конкурентъ Жоравка, по преданію, оказалъ услугу царю въ Мазепину измѣну, сдавъ ему Новгородсѣверскъ, укрѣпленный Мазепою³⁾.

¹⁾ Киевская Старина, 1893 г., т. 59.

²⁾ Материалы Судьенка, II, 105.

³⁾ А. Лазаревскій, Описаніе Ст. Малороссіи, т. I, 38.

Сохранилось преданіе¹⁾, что съ извѣстіемъ объ избраніи новаго гетмана, Чарнышъ былъ посланъ къ крымскому хану и запорожцамъ по назначенію самаго царя. Возвращаясь изъ Крыма, Чарнышъ заѣхалъ къ державшимъ сторону шведовъ запорожцамъ въ Сѣчь, где атаманъ Гордѣенко арестовалъ его и выдалъ шведамъ, а послѣдніе размѣняли его на своихъ плѣнныхъ при сдачѣ шведскаго войска подъ начальствомъ Левенгаупта князю Меньшикову подъ мѣстечкомъ Переялочной. Изъ этого преданія можно вѣрить только тому, что Чарнышъ дѣйствительно посыпался кѣмъ-то въ Крымъ, по зачѣмъ, неизвѣстно²⁾. Взамѣнъ стародубскаго полковничества гетманъ далъ Чарнышу по универсалу 2-го марта 1709 года въ батуринской сотнѣ село Митченки: «Ознаймуемъ, ижъ п. Иванъ Чарнишъ, знатній войсковій товарищъ, понесши подъ часъ руины батуринской въ добрахъ и хуторахъ своихъ, около Батурина будучихъ, разореніе, просиль нась для подпоможеня своихъ шкодъ и убытковъ о надане села Митченокъ; мы теди, тому его прошенію давши у себѣ мѣстце, тое село Митченки ему, п. Чарнышеви, въ подданское владѣніе надаемъ»—³⁾. Трудно предположить, чтобы понесенные Чарнышемъ убытки были такъ велики, чтобы у него было право на вознагражденіе за нихъ въ видѣ цѣлаго села подъ самимъ Батуриномъ. Въ это время Чарнышъ былъ вдовцомъ и по всей вѣроятности уже предназначался въ мужья гетманской падчерицѣ Евдокіи Константиновнѣ Голубѣ, дочери генерального бунчучнаго, отъ брака его съ извѣстной Настасіей Марковной, вышедшей вторично замужъ за Скоропадскаго, и гетманъ поэтому награждалъ своего будущаго зятя.

Не успѣвъ въ своихъ хлопотахъ о стародубскомъ полковничествѣ, Чарнышъ на «Полтавской баталії» былъ уже гадяцкимъ полковникомъ. На этотъ разъ Скоропадскій, по всей вѣроятности, напомнилъ уже самъ царю о Чарнышѣ, и послѣдній назна-

¹⁾ Киевская Старина 1884 г., т. 9, стр. 342—3.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 32.

³⁾ Лазаревскій, Описан. Стар. Малороссіи, т. II, стр. 277—78.

ченъ былъ на мѣсто Степана Трощинскаго, смѣщенаго съ уряда за близость къ Мазепиному дѣлу. Сразу же по прибытии въ Гадячъ Чарнышъ далъ почувствовать полчанамъ, какого полковника они себѣ получили. Въ іюль 1709 года данъ былъ «рѣшительный» указъ гетману изъ посольской походной канцелярии въ отвѣтъ на присланные отъ гетмана пункты, что «по докучному челобитью» жителей мѣстечка Котельвы, которое раньше принадлежало къ Гадячскому полку, опредѣлено то мѣстечко «для близости и удобства въ вѣдѣніе къ Ахтырскому полку», а въ февраль 1710 года графъ Головкинъ писалъ Скоропадскому: «Нынѣ били челомъ здѣсь его царскому величеству помянутого мѣстечка Котельвы жители, что гадячскій полковникъ Иванъ Чарнышъ въ то мѣстечко видѣніемъ вступаєтъ и пишеть къ нимъ и нарочныхъ посылаеть съ великими угрозами и прещеніемъ, чтобы били ему во всемъ послушны, и прислалъ къ нимъ отъ себя сотника бывшаго котельвскаго Ивана Долгополова невѣдомо для чего; того ради я вашей вельможности симъ напоминаю, дабы вы изволили къ помянутому гадячскому полковнику послать универсаль свой, чтобы онъ и никто иной въ то мѣстечко Котельву не вступались и, нимало къ оному видѣніемъ не интересовалися»¹⁾). Такъ неудачно окончилась попытка Чарныша присоединить къ своимъ владѣніямъ лишнюю сотню.

Получивъ въ свои руки полковничій перначъ, Чарнышъ уже могъ официальную посвататься къ гетманской падчерицѣ Евдокії Голубовнѣ. Когда состоялась свадьба его, въ точности неизвестно, но въ ноябрѣ 1710 года имъ былъ выданъ «запись» своей будущей женѣ, въ которомъ онъ писалъ:—«поймуючи я въ доживотное сожителство еи мосць благородную панну Евдокію

¹⁾ Материалы Судьенка, II, 145—6. Гадяцкій полкъ, какъ известно, почти цѣликомъ (кромѣ двухъ сотент—камышанской и рашевской) принадлежалъ на булаву гетманскую и такимъ образомъ Чарнышу нeliшнимъ казалось забрать подъ свою власть третью сотню, ибо всѣ остальные находились въ вѣдѣніи господаря гадяцкаго замка.

Константиновну Голубовну зъ дому висоцеповажного рейтментарского ясневелможности его милости пана Іоана Скоропадского, гетмана, ясневелможной еи мосцѣ панеи Анастасія Марковни, гетмановой, родителскаго, вручаю въ вѣчную опеку двохъ синовъ моихъ, съ первоначально блаженной памяти панею малжонкою мою Еленою Гречановною, спложенныхъ, Ивана и Петра, власне единоутробной матери еи мосцѣ панеи Евдокії Голубовнѣ». Далѣе Чарнышъ записалъ своей второй женѣ половину всѣхъ своихъ «добръ, власнимъ коштомъ зъ працы и заслугъ набутихъ, то есть: дворѣ, въ злотѣ, въ среблѣ, въ клейнотахъ, въ перлахъ, въ сукнахъ, въ млинахъ, ставахъ, пасѣкахъ, лѣсахъ, степахъ, хуторахъ, бидлѣ и протчихъ угодіяхъ господарскихъ», причемъ другая половина должна была достаться его двумъ сыновьямъ отъ первого брака. «Если жъ вседаровитій Господь», говорилось въ концѣ записи, «подасть сполное имѣти потомство, теди при особѣ еи мосцѣ панеи Евдокії заховавши половину, зъ половины Ивана и Петра, синовъ моихъ, ровная половина новимъ отъ Бога дарованніемъ потомкамъ нашимъ всѣхъ добръ конечно половина бити». Конечно, Анастасія Марковна, выдавая свою дочь замужъ, сумѣла вытребовать отъ Чарныша и это обязательство, по которому онъ завѣщалъ своей женѣ половину не только бывшихъ въ то время его «добръ», но и тѣхъ, которыхъ «подай Господи Боже въ долголѣтномъ пожитіи набути»—¹⁾). За женою же своей Чарнышъ получилъ большую скуплю Голубовъ подъ селомъ Подоловымъ, кролевецкой сотни, Нѣжинскаго полка ²⁾.

Надо думать, что Чарнышъ съ полученіемъ полковничества ощущалъ особенное удовольствіе бытія и считалъ, войдя въ близкія родственныя отношенія съ гетманомъ, свое благополучіе наѣки устроеннымъ. По крайней мѣрѣ, въ 1710 году онъ приказалъ сдѣлать серебряную ризу на той иконѣ, которая спасла его отъ бѣдъ и отъ кары за участіе въ Кочубеевскомъ дѣлѣ и пе-

¹⁾ Любецкій архивъ, стр. 1—2.

²⁾ А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., II, 386.

редъ которой молиласъ первая его жена, и вырѣзать на ней вирши, въ которыхъ выставлялъ себя какъ жертву гоненія измѣнника гетмана ¹⁾:

Полковництвомъ Гадяча от Бога почтеній,
 Іоанъ Чарнішъ, азъ бѣхъ єгда обложеній
 Желѣзы в Бѣлой-Церкви от лютейша звѣрныхъ
 Мазепи, полковницства раді от безмѣрныхъ
 Сыль царя паданого Стародуба града,
 За вѣрну мою службу,—се ми бысть отрада
 Едина Дѣва Мати, къ Ней же взирахъ вину,
 Дабы-мъ обрѣль свободы радостну годину.
 Но не презри слезнаго, о Царыца славы,
 Риданія: въ то время, въ онъ же ма избавы;
 Явися во снѣ тонкомъ моей супружницѣ,
 Свѣтлѣйшими от солнца украшенна вѣнцы,
 Глаголющи: «Не бойся! От сѣты ловляща,
 Акы птенецъ, изиде из руки губяща:
 Твой господинъ воскори, умолих бо Сына,
 Яко избавлен (будеть) от узъ; тому вина
 Сей ест, Егоже зришь на рукахъ, преславній
 Судія, злимъ отмстітель, Богу отцу равній.
 Внегда прейдетъ в радости путы сіе тѣсны,
 Воспоетъ Богу и Мнѣ побѣдные пѣсны».
 Збавленъ от бѣдъ, услішахъ сей глас торжественій,
 Верху защищенія Дѣвы подложеній.
 Сію исповѣдую чудотворну быти,
 Юже со Сыномъ долженъ во вѣки хвалити.

Року Божого 1710), мца юля дня 18 (18).

Однако, какъ ни было прочно положеніе Чарниша въ Гадячѣ, ему вскорѣ же пришлось столкнуться съ человѣкомъ, не менѣе его убѣжденнымъ въ безнаказанности своей. Это былъ из-

¹⁾ Киевская Старина 1897 г., т. 59.

вѣстный протопопъ Лисовскій¹⁾, пожалованпый, по его словамъ, на протопопство въ Гадячъ «за вѣрность» въ измѣну Мазепину. Само собой разумѣется, что такой соперникъ по вліянію и самовластію въ Гадячѣ Чарнышъ былъ очень нежелателенъ, и между этими двумя лицами завязалась борьба, окончившаяся, благодаря вмѣшательству царя, благополучно для обоихъ. Характеръ Лисовскаго и его притязанія прекрасно обрисовываются въ жалобѣ гадячскихъ священниковъ, поданной гетману: «Присемъ же похваляется» (пишутъ они про Лисовскаго), «же не ради протопопства одного туть зосланъ, але ради всѣхъ управлений и постерегалъ и преслѣдованя змѣни, самъ и архіерей и гетманъ имеющиися!» Чарнышъ, конечно, принялъ сторону священниковъ и съ своей стороны послалъ гетману извѣты на протопопа, яркими красками изображая беззаконныя дѣянія Лисовскаго. Вотъ одинъ изъ нихъ: «Не разъ уже передъ симъ доносиль я вашей яснѣтельности и письменно, и словесно, по требованію всей гадяцкой громады, что Богомолецъ нашъ не токмо по смертнихъ, певнихъ убийствахъ, самовольныхъ околѣченіяхъ людскихъ и безсовѣтныхъ окривавленіяхъ, при всечастнихъ погибельныхъ перехвалкахъ, неправилного своего не поправуетъ поступку, лечь ясно, явно, безъ стида и страха божія, злодѣйствомъ бавячися, во горшое преуспѣвааетъ: нѣкого нѣ за що вомѣняючи, одинъ бичъ надъ людьми чевинніями, аки во Израили Фараона себе поставляеть!» Въ заключеніе этого письма, писанаго въ 1712 году, Чарнышъ просить гетмана ходатайствовать у кого слѣдуетъ, «дабы освободившия мы такого бодрого ло коней и воловъ чужихъ Богомолца, воспѣли градъ со людьми: лютыя работы избывъ Гадячъ и безмолвель поживе»²⁾! Но на эти краснорѣчивыя письма гетманъ не давалъ отвѣта: онъ не имѣлъ власти судить Лисовскаго, поставленаго царемъ на протопопство;

¹⁾ О немъ см.: С. Моравскій, Федоръ Лисовскій (1709—1722), очеркъ изъ внутренней истории Малороссіи 1-й половины XVIII столѣтія, Кіевъ, 1891 (отискъ изъ «Кіевской Старины»).

²⁾ А. Лазаревскій, Описаніе Стар. Малор., I, 200.

къ тому же Лисовскій былъ лицо духовное. Въ концѣ концовъ различная «плутни» Лисовскаго, среди которыхъ главное мѣсто занимало конокрадство, дошли (быть можетъ, не безъ стараній Чарныша) до вѣдома духовной власти, и изъ Киева было наряжено надъ нимъ слѣдствіе, отъ котораго Лисовскій убѣжалъ, долго «плутался» около Гадяча и другихъ городовъ, а затѣмъ, когда узналъ, что суды прѣѣхали въ Гадячъ и на разыскѣ подтвердились многія изъ его насилий,—«побѣгъ къ Москвѣ и тамъ змышенные плутовства своего пункта» на Чарныша, подалъ въ Сенатъ. Случилось это въ августѣ 1712 года. «Доношеніе» Лисовскаго¹⁾ о нѣкоторыхъ «противныхъ» поступкахъ Чарныша было направлено къ тому, чтобы обвинить своего врага въ «государевомъ дѣлѣ». Въ своемъ доносѣ онъ, между прочимъ, пишетъ, что Чарнышъ, узнавъ о его намѣреніи ѻхать въ Москву съ доносомъ, «хотѣлъ его посадить подъ колоколню въ яму и засыпать землею, и для поимки его въ городѣ Гадичѣ и около дворовъ его загородныхъ, и хуторовъ, и вездѣ по дорогамъ посланы были отъ него, полковника, козаки, и приказано его ухватя, гдѣ ни есть, безвѣстно погубить; о чѣмъ онъ, протопопъ увѣдавъ, ушелъ въ городъ Каменское къ воеводѣ, и воевода каменскій, давъ ему провожатыхъ, отпустилъ его къ Москвѣ, которому онъ о вышеупомянутыхъ своихъ нуждахъ сказывалъ». «И полковникъ—де и паки на него ряясь, домъ его и деревни всѣ разорилъ и крестьянъ его посажалъ въ тюрьму». Самымъ важнымъ пунктомъ обвиненія Чарныша въ доносѣ протопопа было слѣдующее обстоятельство: «Въ нынѣшнемъ 1712 году, въ день тезоименитства великаго государя святыхъ верховныхъ апостоловъ Петра и Павла», писалъ Лисовскій, «служилъ онъ въ городѣ Гадячѣ въ соборной церкви Богоявленія Господня по литургіи за его государево здравіе молебенъ соборный, на который гадичскій полковникъ Иванъ Чарнышъ не пришелъ и изъ пушекъ стрѣлять не велѣлъ, и сѣхалъ

¹⁾ Полный доносъ Лисовскаго напечатанъ въ «Матеріалахъ военно-ученаго архива Гл. Штаба», т. I; Судченко, Матеріалы, II, 210—215; А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., I, 200—201.

въ маे�тность свою». Замѣтивъ отсутствіе полковника, Лисовскій спросилъ о причинѣ его у есаула Грабянки, а тотъ обѣ этомъ сказаль Чернышу; послѣдній послѣ этого и хотѣль посадить Лисовскаго подъ колокольню и засыпать землею, зная, что протопопъ не преминеть по своей враждѣ къ нему донести обѣ этомъ кому слѣдуетъ... Далѣе Лисовскій писалъ, что Чарнышъ, «старшихъ Гадячскаго полку полковыхъ особъ, которыя служили царскому величеству вѣрно, а именно: полкового судью Василія Велецкаго изъ города выгналъ, да писаря полкового Степана Залесскаго биль дубъемъ, а жену его плетьми смертнымъ боемъ, и изъ города выгналъ, и маे�тности у него взялъ и инымъ тамошнимъ жителямъ многія обиды и грабежи и разоренія чинить не-престанно; а вмѣсто ихъ въ тотъ полкъ принялъ на судьино мѣсто есаула полкового Василія, а въ есаулахъ велѣль быть измѣннику запорожцу Мартыну Штыху, который пріѣхалъ изъ Крыму; да Гадячскаго полку козаку измѣннику жъ (а какъ его зовутъ и чей сынъ и прозвищемъ, не вѣдается) велѣль быть въ городѣ Гадичѣ городничимъ, который и понынѣ тамъ городничимъ». Кромѣ этихъ насилий, Чернышъ въ доносѣ Лисовскаго обвиняется еще и въ измѣнѣ: «А измѣна его такая, что во время бытности Шведскихъ войскъ въ Гадичѣ подводилъ подъ городъ Веприкъ шведовъ, и тотъ городъ шведами взять, и многихъ малороссійскаго народу людей, которые служили царскому величеству вѣрно, му-чиль и ихъ и пожитки ихъ отдавалъ шведамъ, и на подъѣздахъ подъ войска царскаго величества шведовъ проводилъ, а по доро-гамъ, гдѣ имъ идти, ставилъ тычки для знаку, и черезъ рѣки для опыта, крѣпокъ-ли ледъ,—по льду возилъ куфы съ водою, чтобы шведы не проломились».

Ужъ, кажется, этихъ тяжкихъ обвиненій было достаточно для того, чтобы уничтожить гадяцкаго полковника, но Лисовскому казалось мало этого: онъ увѣрялъ, что въ его полковничьей маे�тности, въ селѣ Боркахъ, его полковничій котельникъ дѣлаетъ копѣйки мѣдные московскія государева герба изъ красной мѣди и лудить, а по чьему велѣнію тѣ деньги онъ дѣлаетъ—прибавлялъ Лисовскій—и куда ихъ дѣвается,—о томъ онъ самъ

скажеть». Далѣе въ «дonoшeнии» Лисовскаго слѣдуетъ указаніе на насилия, дѣлаемыя Чарнышемъ козакамъ, которыхъ онъ заставляетъ работать на себя въ своихъ маетностяхъ, отъ чего «тѣ козаки разорились въ конецъ и лошадей измучили и (главное) служить имъ стало не па чѣмъ,—о чемъ подлинно будуть бить чelомъ сами»—и, наконецъ, доносъ на Чарныша за взятки: «въ городѣ Гадичѣ подпісокъ его полковничій Иванъ Криницкій у вдовы Ульяны дочь, лѣвочку шести лѣтъ, растлилъ, и за то она вдова ему полковнику била чelомъ, и онъ, полковникъ, съ того подпіска взялъ сто ефимковъ и безъ наказанія и безъ суда его освободилъ. И которые своеvolъники чинять убийства и женамъ и дѣвкамъ насилие,—изъ тѣхъ онъ, полковникъ, емлеть себѣ взятки, а ихъ безъ наказанія и суда освобождается, а что кому учинено,—о томъ явно будетъ по ихъ чelобитнымъ»...

Нельзя, конечно, вполнѣ вѣрить извѣстамъ озлобленнаго пропотоша, но весьма возможно, что Чарнышъ, получивъ, наконецъ, возможность удовлетворять своимъ алчнымъ наклонностямъ, и былъ виноватъ въ томъ, въ чёмъ его обвинялъ пропотопъ... Какъ-бы-то ни было, по чelобитной Лисовскаго былъ данъ ходъ: списокъ съ нея былъ пересланъ Головкинымъ Скоропадскому съ приказомъ разсмотрѣть ее по пунктамъ и «освидѣтельствовать подлинно». «А межъ тѣмъ (писалъ Головкинъ гетману), пока тотъ розыскъ чиниться тамо будетъ, извольте ваша вельможность полковнику Ивану Чернышу велѣть побывать при себѣ въ Глуховѣ, дабы во отбытии его оттуду наилучшимъ образомъ тотъ розыскъ продолженъ и окончанъ былъ и не могъ бы никто послѣ нарекать, чтобы кто за присутствiемъ его, полковника, съ боязни неправду въ розыску отважился сказать; полковнику же Ивану Чернышу извольте приказать, чтобы онъ помянутого гадячскаго пропотопа женѣ никакихъ обидъ, разоренія и нападковъ не чинилъ, и ежели что у него взято съ пожитковъ или маетностей его, то бѣ онъ все ему возвратилъ, покамѣстъ по тому розыску увидится, чья сущая правда»¹⁾. Вмѣсть съ тѣмъ Головкинымъ по-

¹⁾ Судъенко, Матеріалы, II, 210—11.
Томъ 84.—Мартъ, 1904.

ручаль гетману на розыскъ отправить кого-либо отъ себя вмѣстѣ съ опредѣленнымъ офицеромъ отъ Протасьева, состоявшаго при гетманѣ.

Вскорѣ и самъ Лисовскій прибылъ изъ Москвы для обвиненія полковника. Вернулся онъ на родину съ какимъ-то подъячимъ и съ указомъ, коимъ повелѣвалось гетману, коменданту Глуховскому князю Гагарину и стольнику Протасьеву «тое его доношеніе по существенной правдѣ розыскать». Дальнѣйшее движеніе дѣла видно по одной изъ челобитныхъ Чарныша, поданныхъ имъ на Лисовскаго: «И взять я, полковникъ, — разсказывается Чарнышъ, — з старшиною полковою, з козаками, з мѣщанами, з попами и черноризцами въ Глуховъ и противъ его плутовскихъ напосовъ допрашиваны мы были предъ Гагаринъмъ, Протасьевымъ и генеральнымъ судьей, писаремъ и асауломъ, и по его ложнымъ доношеніямъ ніякой на насъ не взыскано вынности, а на его протопопа явлени за руками и печатми майстратовыми и живыми свидѣтельми въ лицѣ ему о двоеженствѣ, чего и самъ онъ не запирается, также о воровствѣ, въ кого лошади покралъ, въ кого волы и коровы, з якими ворами на воровство Ѵжувалъ, а зворовавши, гдѣ тыѣ лошади и воли дѣвалъ, кому продавалъ, другимъ за горѣлку мѣнялъ, третьимъ за котли мѣдные промѣневаль»¹⁾. Розыскъ, начатый въ 1712 году, продолжался довольно долго и подъ конецъ его «для существеннѣйшаго розыску и очнаго видѣнія», былъ посланъ въ Гадячъ полковникъ Вестовъ съ товарищи, «а мене, полковника (писалъ Чарнышъ въ челобитной), з товарищи потоль держано въ Глуховъ, поколь по всему полку розыскъ чинено по ложнымъ его протопоповымъ напосамъ, который прїѣхавши въ Гадячъ, собираль предъ себѣ всю старшину, урядниковъ, козаковъ, мѣщанъ, и всякаго чина свѣцкихъ людей, попокъ и черноризцевъ, и отъ себе посыпалъ во всѣ города и села солдатъ, которые въ колокола церковніе, по городахъ и селахъ Ѵздячи, дзвонили, велегласно говорячи и на письмѣ указомъ ва-

¹⁾ С. Моравскій, Ф. Лисовскій, стр. 7—9.

шего царского пресвѣтлаго величества, по десяти разъ читаючи, приказовали, чтобы на единого полковника приносили чelобитія».

Такую картину торжества Лисовскаго рисуетъ Чарнышъ въ своей чelобитной. Но несмотря на это, чelобитныя во множествѣ подавались на самого Лисовскаго,—до того онъ былъ ненавистенъ гадячанамъ за свои насилия. Сторону Лисовскаго держалъ и Вестовъ, «отвѣтуючи, же нѣть мнѣ указу на протопопу чelобитя пріймать». Въ Гадячѣ Вестовъ пробылъ цѣлую недѣлю, а когда «з Гадяча имѣль выѣздити, тогды его-жъ протопопа Лисовскаго баба, (т. е. жена) во время звоненя на набожество утреннее ночю въ чelобитной своей написанніе байки принесла и ему полковнику Вестову тайно отдала; а когда подаль Богъ свѣтъ, и старшина гадяцкая з жителями тамошними, извѣстившия о томъ неправедномъ чelобитию, просили его, полковника Вестова, дабы онъ тую чelобитную велѣль вычитать, а мы, мовять, на всякое въ ней написанное ложное слово праведній за руками нашими з очисткою учинимо отвѣтъ, на которой старшины гражданъ гадяцкихъ вопросъ онъ, полковникъ Вестовъ, таковыи учинилъ отвѣтъ: «Въ чelобитной, мовить, отъ попадѣ бабы Лисовской поданной, дѣла нѣть, читать нечего, и уже оная до возка схована». И старшина ему, полковнику Вестову, повторне отказали: «Если въ нюй дѣла нѣть, то ненадобно еи и прійматъ, а если принята, то надобно еи обявить памъ, и мы противъ всего того готови будемъ учинить очиску». Вестовъ и паки бабиной чelобитной не обявивши, отѣзжалъ з Гадяча въ Глуховъ».—«Да онъ-же, протопопъ Лисовскій, мене, вѣрнаго вашего царского пресвѣтлаго величества слугу, безчестиль тимъ, клевещущи всенародно, будто я, полковникъ, герба государева денги дѣлавъ, и якъ въ прочіемъ, такъ и въ томъ его протопопова явная есть неправда: понеже тотъ котелникъ скоро з воровскими копѣйками на ратуши гадяцкой освидѣтельствованъ засталъ и мнѣ полковнику о томъ з ратуши обявлено; того жъ часу я велѣль котелника крѣпко заковать и до ста ударовъ дублемъ безъ пощады велѣль бить, допрошуючи, якъ давно воровскіе денги почалъ дѣлать, сколь много и съ кимъ дѣлалъ, и кто о томъ бы зналъ; который котелникъ подъ немиломъ

стивымъ боемъ, якъ тамъ передо мною, полковникомъ, и передъ прочиею старшиною, такъ и въ Глуховѣ, скованный, з денгами воровскими и рецептами отъ мене присланный, на ратуши глуховской и передъ княземъ Гагариномъ и столникомъ Протасьевымъ въ килкахъ допросахъ однаково жъ сказалъ; и сказка его есть особно записана и его самого котелника послано з Глухова къ Москвѣ въ приказъ посолскій къ крайнему допросу». Оправдываясь такимъ образомъ, Чарнышъ въ заключеніе челобитной просить защитить его отъ безчестья Лисовскаго: «А мене, вашего царскаго пресвѣтлаго величества полковника, вѣршаго раба и слугу, ему, протопопу, явному вору и весьма пикченному ябеднику и плуту, такимъ безчестнымъ клеветаниемъ и другими его плутовскими напрасно-злобными наносами не доводило бы безчестить и измишленными клеветами въ народѣ тривогъ и смятенія затѣвати». Перечисливъ, затѣмъ, службы отца и свои собственныя, Чарнышъ заключаетъ свою челобитную воззваніемъ: «Только и паки стократно пренайпокорнѣй васъ, великого государя, ваше царское пресвѣтлое величество, со слезами прошу: умилосердися, великій государь, при вѣрной многой службѣ моей на мене и па ввесь полкъ мой и повели милостиво вовся оборонити мене з многими тисячами вѣрными рабы своими и богомолцами, полчанами моими, отъ такого ябедника, явного вора, двоеженца и плута, протопопа гадяцкаго Лисовскаго, на котораго бія чelомъ, у стопъ погъ монаршихъ со слезами упадаю!»¹⁾.

Приведенная челобитная подана была Чарнышемъ уже въ 1714 году; она возбудила вопросъ о двоеженствѣ Лисовскаго и его, наконецъ, убрали изъ Гадяча, назначивъ сотникомъ въ Новгородъ-Сѣверскъ. Что же касается Чарныша, то несмотря на то, что слѣдствіе произведено было, какъ мы видѣли, строгое и слѣдователи держали руку Лисовскаго, онъ остался на полковничествѣ и ничѣмъ не пострадалъ; должно быть, слѣдствіе ничего важнаго не обнаружило, а, кромѣ того, Чарныша спасла непа-

¹⁾ Θ. Лисовскій. С. Моравскаго, стр. 8—10.

висть полчанъ къ своему протопопу, который тѣснилъ ихъ еще больше, должно быть, чѣмъ самъ полковникъ.

Избавившись отъ своего соперника, Чарнышъ сталъ полно-
властно распоряжаться въ полку, увеличивая свои и безъ того
уже значительныя богатства и маєтности. Такъ, на рапгъ ему
принадлежали: мѣстечко Рашевка—300 дворовъ ¹⁾, городъ Коми-
шная—275; села Комышанской сотни: Гримячка—18, Остаповка—
46 дворовъ; затѣмъ Скоропадскій отдалъ ему изъ принадлежав-
шихъ ранѣе на булаву, т. е. ему лично, какъ гетману: Хитцы—
59, Пльшивецъ—140, Будища—185, Капустинцы—169, Опанасовку,—101, Сергѣевку—108, Свинарную—60 и Вельбовку—92
двора. Кромѣ того, Чарнышъ получилъ еще въ бытность свою го-
сподаремъ у Мазепы изъ имѣній Гречанаго, брата своей жены,
село Борки—191 дворъ, и съ 1709 года владѣль, какъ мы ви-
дѣли, селомъ Митченками, которыя были отобраны Скоропадскимъ
для своего зятя у Батуринской ратуши. Какъ только Чарнышъ
получилъ полковничество, гетманъ сталъ выдавать ему универ-
салы на различныя маєтности, награждая ими своего зятя якобы
за службы: 10-го января 1710 года Чарнышъ получилъ подтвер-
дительный универсалъ на село Борки, «дворъ и при дворѣ бай-
ракъ съ сажелкою, луками, левадою и полемъ пахатнымъ, и
греблею на рѣкѣ Грунѣ, въ селѣ Буркахъ будущею, гай и ста-
вокъ Куриловскій съ лугомъ Олшанскимъ, подъ селомъ обрѣтаю-
чимися, греблю, прозиваемую Куличиху, съ луками и полемъ пах-
атнимъ; неподалеку села обрѣтающійся байракъ, прозваніемъ
Біевецъ, со степю, около того байрака степъ, луки, завоміе Про-
будка, лѣсъ Колитинецъ и инніи при томъ же селѣ Буркахъ
угодія»,—а на слѣдующій день гетманъ далъ Чарнышу разрѣше-
ніе занять греблю на рѣкѣ Пслѣ для устройства мельницы ²⁾.

¹⁾ Данныя о количествѣ дворовъ и о принадлежащихъ Чарнышу деревняхъ заимствуемъ изъ „Генерального слѣдствія о маєтностяхъ Га-
дянскаго полка (1729—1730 г.г.), изд. Н. П. Василенко, стр. 6, 7, 9,
38—39.

²⁾ Каталогъ музея Тарновскаго, стр. 247.

Черезъ два года, 23-го августа 1712 года, Скоропадскій нашель возможнымъ прибавить Чарнышу изъ принадлежавшихъ къ гадяцкому замку, «за всегдашнє на урядѣ полковничества гадяцкаго тщательно дѣйствителніе труды и прислуги, «ко вспоможеню го-сподарства до ласки войсковой,—села Сары и Крутки, въ уѣздѣ гадяцкомъ будучіе», въ которыхъ по ревизії 1729 года показано во Сарахъ—55, Круткахъ—32 двора.

Помимо полученія богатствъ изъ рукъ гетмана, Чарнышъ и самъ увеличивалъ ихъ, скупая у окрестныхъ жителей грунты. Особенное вниманіе свое онъ обратилъ на село Борки, владѣніе которымъ ему казалось самымъ прочнымъ, тогда какъ другія ма-етности были лишь рапговыя, т. е. принадлежавшія Чарнышу до тѣхъ поръ, пока онъ занималъ урядъ гадяцкаго полковничества. Такъ, въ 1711 году онъ купилъ у жителя броварскаго Демка Бутенка луку; въ 1712 году—отъ Наума Кошеленка лѣсъ; отъ Семена и Василія Михайловичей, жителей гадяцкихъ,—греблю на рѣкѣ Грунѣ съ прудомъ или ставомъ, и съ ловлею рибною, въ гору по греблю Римаровскую, съ млинами, съ дворомъ, лу-гомъ, лѣсомъ и садомъ, съ левадами въ селѣ Красной Луцѣ, около того же села съ лѣсами, лугами, полемъ пахатнимъ, степю и луговыми сѣнокосами»—и много другихъ мелкихъ грунтовъ. Само собой разумѣется, что Чарнышъ покупалъ земли не только у добровольныхъ продавцовъ, но, пользуясь своей властью, упо-треблялъ и насилие, если встрѣчалъ препятствіе своему желанію окружлить какую-либо ма-етность. Не имѣя наслѣдственныхъ имѣ-ній, Чарнышъ, получивъ въ свои руки власть, спѣшилъ наживался. Особенно онъ тѣснилъ обывателей рапевскихъ и комышанскихъ, которые, занимаясь преимущественно ремеслами, отличались за-житочностью, чѣмъ Чарнышъ и пользовался, увеличивъ ихъ по-винности. Когда, вслѣдъ за поставленіемъ Апостола гетманомъ, разнесся въ Гадячѣ слухъ, что полковникомъ туда будетъ назна-ченъ Гаврило Милорадовичъ, гадяцкая полковая старшина пи-сала гетману, прося его не содѣйствовать этому назначенію: «До-вольно натерпѣлись мы бѣдъ», писали они, «отъ Чарныша и Ми-лорадовича, которые, наѣхавъ въ нашъ полкъ со стороны и желая

съ другими застарѣлыми полковниками въ богатствѣ сравняться, прежде всего стали добывать себѣ грунта, чѣмъ такъ стѣснили народъ, что чуть не пустѣ остается нашъ полкъ теперь»¹⁾. Съ иѣкоторыми отдѣльными случаями насилий Чарныша мы познакомимся ниже.

Но не долго Чарнышъ мирно жилъ въ своихъ маєтностяхъ, увеличивая свои богатства. Въ 1715 году на Чарныша были поданы доносы о его злоупотребленіяхъ и по разслѣдованіи оказались справедливыми; кромѣ того Петръ Великій хотѣлъ наградить извѣстнаго Михаила Милорадовича за услуги, оказанныя ему, и для этого рѣшилъ дать ему полковничій урядъ въ Малороссіи. Чарнышъ и раньше былъ извѣстенъ своими насилиями въ Москвѣ и хотя его, послѣ разслѣдованія доносовъ, и нельзя было держать болѣе на цолковничествѣ, но царь не хотѣлъ обижать гетмана смѣщеніемъ его зятя, да еще за насилия, а, между тѣмъ, свободныхъ полковничихъ урядовъ въ то время не было. Царь былъ поставленъ въ затруднительное положеніе, изъ котораго однако былъ найденъ исходъ, и въ январѣ 1715 года Головкинъ писалъ Протасьеву: «Надлежить вамъ гетману объявить, что когда онъ будетъ, по указу царскаго величества, выбирать и назначать въ генеральныя старшины, то между другими написалъ бы и зятя своего, гадяцкаго полковника Чарныша, потому что по доношеніямъ на него и жалобамъ въ обидахъ царское величество не изволитъ ему больше быть полковникомъ въ Гадячѣ; но сие время мы терпимъ для гетмана, потому что отнятіе полковничества у зятя его не можетъ ему, гетману, быть безъ за зору. Надѣюсь, что господинъ гетманъ приметь это объявление за знакъ моей къ нему пріязни, ибо лучше зятю его быть въ чинѣ генеральной старшины, нежели просто». Но Скоропадскій былъ тоже въ затрудненіи, такъ какъ всѣ уряды генеральныя были заняты. Въ такомъ неопределенному положеніи Чарнышъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ, когда 1-го іюля 1715 года была подписана царская грамота, назначающая его генеральнымъ судьей:

¹⁾ Киевская Старина, 1882 г., т. I, стр. 497.

«Въ Малороссії для управлениі войсковыхъ генеральныхъ судовъ было прежде всегда по два человѣка, а теперь одинъ Туранскій, и тотъ уже старъ, и ему одному управлять не безъ трудности; о выборѣ въ генеральную старшину на праздныя мѣста писано было къ тебѣ, подданному нашему, однако по сіе время никто не выбранъ, а ты о томъ къ намъ не писалъ по сіе время. Поэтому мы, милосердия о народѣ малороссійскомъ, дабы въ судахъ войсковыхъ не было какихъ затрудненій, указали быть другимъ судьею генеральнымъ полковнику гадяцкому Ивану Чернышу»¹). 10-го июля состоялось назначеніе замѣстителя Чарнышу—Михаила Милорадовича. О истинной подкладкѣ назначенія Чарныша генеральнымъ судьей не знали въ Малороссіи, и потому гетмана упрекали въ томъ, что онъ роздаетъ уряды своимъ родственникамъ. Новомлинскій сотникъ Шишкевичъ, между прочимъ, открыто заявлялъ: «Пусть гетманъ знаетъ, что своихъ родичей—одного генерального судьею, а другого—лубенскимъ полковникомъ (Марковичъ, братъ гетманши) наставилъ... У моего хлонца больше въ головѣ, чѣмъ у нихъ!»².

Не хотѣлось Чарнышу покидать Гадяча... Хотя для взяточничества и паживанія денегъ новый урядъ генерального судейства представлялъ обширное поле, все-же Чарнышъ былъ недоволенъ перемѣщенiemъ, теряя ранговыя маетности. Къ тому же, генеральный судъ находился въ Глуховѣ, гдѣ былъ гетманъ, а при немъ великороссійские чиновники... Въ виду этого Чарнышъ, вообще неразборчивый въ средствахъ, ведущихъ къ намѣченной цѣли, воспротивился назначенію Милорадовича. Поднимая вражду противъ своего замѣстителя, Чарнышъ опирался на свое свойство съ гетманомъ, который, какъ увидимъ, поддерживалъ его, но тѣмъ не менѣе Чарнышъ, возстановляя полчанъ противъ нового полковника, дѣйствовалъ опрометчиво, непонимая, повидимому того, что Милорадовичъ назначенъ царскимъ указомъ и, слѣдовательно, удалить его изъ Гадяча нѣть возможности. Какъ-бы то ни было,

¹⁾ С. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. IV, стр. 288, 289.

²⁾ А. Лазаревскій, Опис. Стар. Малор., II, 287.

по Чарнышъ рѣшилъ идти противъ Милорадовича и когда тотъ пріѣхалъ въ Гадячъ, то Чарнышъ встрѣтилъ его, нанеся «безъ всякой причины многія безчестія». Скоропадскій очень былъ недоволенъ тѣмъ, что Милорадовичъ былъ назначенъ полковникомъ безъ его вѣдома, и 9-го августа 1715 года писалъ графу Головкину: «Увѣдомился я отъ царскаго величества, что на полковничество (гадяцкое) опредѣленъ иноzemецъ господинъ Милорадовичъ, который, не вѣдая войсковыхъ ихъ порядковъ (а въ томъ полку люди посполитые издавна на гетманскую булаву належать), не похотѣль-бы интересоваться, но довольствовался-бъ особливо въ двухъ сотняхъ, рашевской и комишанской, людьми, также издавна на полковника опредѣленными». Написавъ это предостереженіе, подъ которымъ скрывалось желаніе избавиться отъ нового полковника, Скоропадскій 24-го августа вновь писалъ Головкину съ ходатайствомъ за Чарнишъ, который просилъ, чтобы послѣ назначенія Милорадовича полковникомъ, «изъ тѣхъ двухъ сотенъ, на полковника надлежащихъ, одною (Милорадовичъ) правиль, а другую Чарнишу оставить». Просьба эта мотивировалась тѣмъ, что «онъ, Чарнишъ, въ тѣхъ полковыхъ маєтностяхъ многіе себѣ грунты и немалые заводы сдѣлалъ, а онъ гетманъ (присовокуплялось далѣе)—вместо той полковничѣй маєтности Милорадовичу дастъ отъ себя». Конечно, все дѣло было въ томъ, что Чарнишу не хотѣлось разставаться со своими рапговыми маєтностями....

Но всѣ эти хлопоты и гетмана и Чарниша не привели ни къ чему, и первому изъ нихъ былъ посланъ отвѣтъ, что Милорадовичъ на полковничество опредѣленъ уже давно, отправленъ туда и велѣно владѣть ему всѣми принадлежащими на урядъ маєтностями, какъ прежніе полковники владѣли,—«потому отмѣнить того царскаго величества указу не мочно; а чтобъ онъ, Милорадовичъ, въ маєтности его, гетманскія, къ булавѣ принадлежащія, не интересовался,—о томъ писано къ нему, Милорадовичу»¹⁾. Пока происходила эта переписка, Милорадовичъ уже былъ въ Гадячѣ и терпѣлъ отъ Чарниша разныя «противности». Столкно-

¹⁾ Материалы Судьенка, II, 250—51.

веніє Чарныша съ Милорадовичемъ иовело за собою весьма цѣнное для характеристики перваго дѣло, изъ котораго приводимъ любопытныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ дѣяніяхъ бывшаго гадяцкаго полковника¹⁾.

Въ жалобѣ своей гетману Милорадовичъ писалъ про Чарныша, что тотъ «козаковъ сарскихъ и крутковскихъ (эти села принадлежали Чарнышу), подъ командою полковничьею издавна будучихъ, за то, что подали они челобитную, дабы при бытности его, Милорадовича, въ волностяхъ козацкихъ могли пребывать, а мужики на него, Черныша, не работать,—наславъ ночью (людей), велѣль ловить, бити и кого изловятъ—заковати, грозя, чтобъ изъ подданства не отбывали; козаковъ комишинскихъ (Комышная принадлежала на рангъ гадяцкихъ полковниковъ) знатныхъ, прежде бывшихъ на урядахъ, за то, что по прїездѣ его, Милорадовича, приносили ему хлѣбъ по обычаю,—при пушкѣ черезъ иѣсколько дней держалъ; рыбалокъ изъ села Роменца, полковнику належныхъ, парочно разослали для своихъ дѣлъ, чтобы выгоды никакой ему, Милорадовичу, не было; когда на него, Милорадовича, послано было иѣсколько подводъ привезти сѣна, котораго сто возовъ гетманъ на прїездѣ даль,—тогда дворецкій Чарнышовъ, набѣжавъ, людей тѣхъ побилъ и коней позабираль; слуги его, Чарнышевы, во время ярмопки, о святой Параскевіи въ Гадячѣ бывшей, разбивая ночью (коморы?), грабя ихъ,—какъ на самомъ дѣлѣ изловлены были,—безъ розыску за караулъ ратушской отданы,—то сверсники, отъ дворецкаго посланные, сторожей всѣхъ разогнали и тюрму отбивъ, самовольно ихъ выпустили, (а) вино, посланное отъ него, Милорадовича, велѣль запечатать и не велѣль продавать, а вмѣсто того своего вина чрезъ три мѣсяца выдалъ кухъ 15, съ коихъ прибыли взялъ 150 рублевъ; приходъ съ ярмопки Дмитріевской, 70 талярей, онъ завладѣль; о пашнѣ яровой того лѣта, котораго онъ, Милорадовичъ, туда прибылъ, приказъ гетмана

¹⁾ Полное дѣло Чарныша съ Милорадовичемъ напечатано (къ сожалѣнію со многими ошибками) въ книгѣ: «Сказаніе о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей», Кіевъ, 1884, стр. 90—111.

былъ, чтобы пополамъ ему съ Чарнышомъ раздѣлить, а онъ, Чарнышъ, до пяти скирдъ вымолотя, забралъ на свою потребу и ничего ему отъ того не дать. Онъ-же Чарпышъ, многимъ полчанамъ гадяцкимъ выдалъ судейскіе универсалы, уволия ихъ отъ всякихъ податей и зимовыхъ квартиръ войску царскаго величества».... Но не только Чарнышъ старался привести Милорадовичу имущественный ущербъ,—онъ хотѣлъ его поссорить съ Саввою Рагузинскимъ, для чего не остановился и передъ подложомъ: «Палеть (?) тотъ, который, по опознанію на ратушѣ гадяцкой, положено въ маєтности Борки (это село принадлежало Чарнышу) для квартиръ солдацкихъ»,—писалъ Милорадовичъ,—«за рукою и печатю его, Милорадовича, фортелне скасованъ, ибо сверху его надпись *Борковскій* вытерши, написалъ *Розбышовскій* и въ Розбышовку (принадлежавшую Рагузинскому) отославъ, приводя его, Милорадовича, въ скору съ господиномъ Рагузинскимъ». Кромѣ всего этого, «онъ-же, Чарнышъ, писалъ къ нему, Милорадовичу, письмо укорительное и отъ гордости имени своего не подписалъ, вмѣняющи его за найгрубшаго простака».—«На остатокъ, что есть паче всего жалостнѣйше (пишеть Милорадовичъ гетману), онъ-же, Чарнышъ, подпiska своего, а господаръ замковый шафара своего, посылали въ Комишину съ универсаломъ, чтобы козаки ни въ чемъ его, Милорадовича, не слушали, но его, Чарныша, и тотъ универсалъ на рынке въ Комишиной прочитанъ былъ. Да тотъ-же подписокъ въ Сарахъ (имѣніе Чарныша), собравъ множество козаковъ и мужиковъ, явно и публично предъ народомъ безчестиль его, Милорадовича, срамотне, называючи измѣнникомъ, запорожцомъ, плутомъ, цыганомъ и шалберомъ (бездѣльникомъ)»....

Въ такихъ размѣрахъ и формахъ выразилось противление Чарныша новому гадяцкому полковнику. Мы не имѣемъ возможности провѣрить справедливость этихъ жалобъ Милорадовича, но весьма возможно, что онъ не преувеличивалъ. Одно только можно сказать въ защиту Чарныша, что онъ перемѣнною наименованія села Борки на Розбышовку имѣлъ въ виду, быть можетъ, лишь избавить свою маєтность отъ непріятнаго воин-

скаго постоя, а не имѣль памѣрція поссорить Милорадовича съ его землякомъ Рагузинскимъ,—но тѣмъ не менѣе подлогъ, сдѣланный Чарнышомъ, остается на лицо.

Какъ же относился народъ къ борьбѣ Чарниша съ Милорадовичемъ? Мы можемъ на это отвѣтить, что, по всей вѣроятности, народъ, отлично знавшій насилия Чарниша, былъ склоненъ скорѣй къ новому полковнику. По крайней мѣрѣ, подданные чарнишевскихъ сель, вслѣдъ за прибытиемъ Милорадовича въ Гадячъ, взбунтовались противъ своего прежняго «державца» и не хотѣли отдавать ему «послушенства»... Возмущеніе было настолько серьезно, что гетманъ принужденъ былъ выдать 3-го ноября 1715 года въ защиту своего зятя универсаль, обращенный къ жителямъ саровскому, камышанскому и остатовскому: «Увѣдомился онъ, гетманъ, яко они съ чьегося наущенья будучи послушными, не хотять державцу своему, Ивану Чарнишу, судью войсковому енералному, отдавати послушенства; того ради нарочно тѣмъ универсаломъ накрѣпко упоминаемъ, дабы они,—знаючи одного державцу своего господина судью, безъ жадной противности ему, несмотря ни на кого (разумѣется—Милорадовичъ), по прежнему отдавали послушаніе и повиновеніе. А кто будетъ противный—такового вѣльно будетъ сыскивать въ Глуховѣ и карать немилостиво, какъ бунтовщиковъ». Получивъ въ свои руки этотъ универсаль, Чарнишъ послалъ въ Сары слугу своего Ивана Ставецкаго и Якова Реченко, шафара замковаго, которые, по разсказу Милорадовича, вѣльли всѣмъ тамошнимъ козакамъ собраться въ домъ священника для слушанія универсала, а по прочтеніи его Яковъ Реченко говорилъ:

«Дурни козаки! Для чего хотите сего полковника—плута, цыгана, шалбера? Ибо сей такой-же, какъ и запорожцы: можетъ за море запровадить, или на границу вывеши, запропастить...».

Ставецкій же при этомъ прибавилъ:

«Ибо уже онъ, Милорадовичъ, измѣнилъ одному,—и государю измѣнить!»

Но несмотря на эти дѣйствія агентовъ Чарниша, народъ, много натерпѣвшись отъ прежняго своего полковника, былъ на сторонѣ Милорадовича. Козакъ Иванъ Руда, напримѣръ, говорилъ:

«Тогда я за все товариство говорилъ, что довольно его (Чарныша) терпѣли! Хвала Богу, имѣютъ они нынѣ себѣ (полковника) отъ великаго свѣта государя!».

Кромѣ того, гадяцкая полковая старшина и сотники 9-го ноября 1715 года выдали Милорадовичу свидѣтельство, въ которомъ писали, что они «его царскому величеству за благороднаго господина Михаила Милорадовича, по милости царскаго величества опредѣленаго (полковникомъ къ пимъ)—рабски покорно благодарствуютъ, который (полковникъ) по природному доброправію своему любезенъ, милостивъ и добротенъ есть ко всѣмъ, будучи въ службѣ царскаго величества безъ найменьшей обиды, ибо никого ничѣмъ не озлобляетъ, но наче ущедряетъ, желая во всемъ изобиловать».

Своей жалобой Милорадовичъ хотѣлъ добиться того, чтобы надъ дѣйствіями Чарныша былъ наряженъ розыскъ, по которому несомнѣнно подтвердились бы многія изъ злоупотребленій Чарныша. Но гетманъ нашелъ возможнымъ выручить своего зятя изъ бѣды; о томъ, какой былъ найденъ исходъ, Милорадовичъ разсказываетъ въ письмѣ своемъ отъ 14-го января 1716 года къ Головкину. Оказывается, что послѣ подачи имъ челобитной на Чарныша гетману, послѣдній «велѣлъ (пипеть Милорадовичъ) полковникамъ и старшинѣ генеральной жалобы моей выслушать; тогда всѣ, сторонѣ господина Чарныша будучи фаворизантами, убѣдили мене до примиренія, выговаривающи, что мы тебѣ будемъ противниками, если примиренія не возьмешь!» На примиреніе Милорадовичъ сперва согласился было, но потомъ, когда требованія его относительно пытки безчестившаго его подпiska Чарнышевскаго исполнено не было («подписку тому польгочено и не допрашиванъ какъ належало, кромѣ того, что 7 разъ по шубѣ ударенъ»), онъ взялъ свои слова назадъ, говоря, что онъ съ такой пыткой—«не контентъ». Слѣдствіемъ несостоявшагося примиренія было то, что Милорадовичъ, не нашедшій суда надъ своимъ врагомъ у гетмана, принужденъ былъ обратиться съ жалобой къ Головкину въ январѣ 1716 года. Упоминая уже объ извѣстномъ намъ подлогѣ, сдѣланномъ Чарнышемъ, Милорадовичъ

прибавляеть: «Для чего я опасаюся, что можетъ онъ искати главы моей, понеже когда случится мнѣ писати до яспевелможнаго, или до дрѹгого лица высоѹаго, то онъ вытреть и подпишеть письмо мое къ хану татарскому»... При чelобитъ своемъ Милорадовичъ приложилъ особые «пункты», въ которыхъ сообщалъ о новыхъ злоупотреблениxъ Чарныша: «Опъ, Чарнышъ», писалъ Милорадовичъ, «полсь Гадицкой до конца разориль, въ чемъ па него, Чарныша, болше ста чelобитенъ есть, которыя чelобитныя не смѣль онъ, Милорадовичъ, закрыти, держить у себя, а къ господицу гетману посыпалъ списки, однакоже, или за его (гетмана) многими оккупациами, или свойствомъ—о чемъ ни пишеть,—не видить ничего, кроме продолженія, а чelобитчики кричать и грозять ему: ежели имъ суда не будетъ—то всѣ пойдутъ ко двору его царскаго величества искати суда за свои обиды; и той ради причины, дабы ему, Милорадовичу, не отвѣтствовать впредъ, приужденъ онъ донести о всемъ, а также и о томъ, что онъ-же, Чарнышъ, всѣ доходы, полковникамъ надлежащіе, прежде времени нареченнаго выбралъ»¹⁾. «Онъ же, Чарнышъ», пишеть

¹⁾ Весьма вѣроятно, что число чelобитчиковъ на Чарныша Милорадовичемъ преувеличено: въ числѣ бумагъ Чарнышѣй, бывшихъ у А. М. Лазаревскаго, а теперь принадлежащихъ университету св. Владимира, сохранилось лишь около десятка ихъ; приводимъ нѣкоторыя изъ нихъ: 1) Марія Ющиха жаловалась Милорадовичу, что Чарнышъ «въ началѣ своего властелства», вырубилъ въ ея лугѣ надъ Хороломъ «тридцатеро дерева олшини», а затѣмъ взялъ у нея «лошака молодого таранковатаго рижого» и даль за него лишь десять талярей, когда цѣна ему больше ста золотыхъ; 2) Лукьяніха Холодиха вдова жаловалась на завладѣніе Чарнышемъ ея лѣса, где онъ и «пасѣку вчинилъ; спамятуючи на туу удову, которая приносила до Христа Сина Божкого два пѣнязѣ, а Христосъ Синъ Божій на неѣ милость показаль», Холодиха прибавляеть: «такъ и ти, милосердній пане, покажи милосердіе свое на мене, убогую удову»; 3) Федоръ Кушченко просилъ о возвращеніи срубленааго Чарнышемъ его лѣса, бывшаго близъ винницы генеральнаго судьи въ с. Березовой Лукѣ; 4) Панасиха, жителька осталовская, жаловалась на насилия Чарныша за то,

далъе Милорадовичъ, «будучи полковникомъ, изъ артиллеріи га-дицкой пушки городовыя въ маєтности свои вывозилъ, порохъ и прочее,—запасъ военной, невѣдомо гдѣ подѣвалъ, особенно вой-сковыхъ большихъ 3000 злотыхъ забралъ». Затѣмъ, Милорадовичъ сообщаетъ подробности обѣ отдачъ ему рапговыхъ имѣній: «Отда-валъ ему ясауль енеральныи Бутовичъ сотню рашавскую, а комышанской не отдалъ. Тогда онъ, Милорадовичъ, говорилъ ему, есаулу: «для чего не по прежнему опредѣляетъ?» И онъ, есаулу, сказалъ, что онъ, Милорадовичъ, не можетъ тѣхъ правъ имѣть, какъ прежніе полковники имѣли, ибо одинъ былъ племянникъ (Трощинскій, предшественникъ Чарныша, былъ племянникъ Ма-зены), а другой (Чарнышъ) — зять гетманской». Кроме всего этого, Милорадовичъ сообщалъ еще «что прежніе генеральные судьи жили при гетманахъ и тамо дѣло судейское управляли, а до

что она не продавала ему своего хутора близъ Бодаквы; 5) Ва-силь Лященко писалъ Милорадовичу, что когда онъ продалъ свой грунтъ, то узнавшій обѣ этомъ Чарнышъ сталъ обвинять его въ томъ, что тотъ хотѣлъ «на той бокѣ ити зъ его держави» и по этому случаю забралъ у него: «товару двое, гусей тридцатеро, трохъ талярей гропней»; 6) Войтъ рашевскій сообщалъ гадяцкому пол-ковнику отъ имени всей громады, что Чарнышъ «на строеніе млина подъ Рашевкою вырубалъ лѣси наши и хату у млиновъ построивъ з нашого-жъ дерева»; 7) Иванъ Харченко жаловался, что Тихоній не-божчикъ (брать генерального судьи) вырубилъ у него «неисчетно» де-рева въ грунтѣ подъ Березовой Лукой; 8) Семенъ Коломыецъ, жи-тель подставскій, писалъ, что генеральный судья выкосиль у него на-сильно луку, «за якую якъ перво упомянулемся, такъ его милость пріобѣжалъ мнѣ третью часть отдать»; однако, сколько потомъ жа-лобщикъ ни ходилъ къ Чарнышу, тотъ нетолько не отдалъ ему ни-чего, но «отдалиль» насильно отъ всей луки, вручая ему за нее деньги; 9) троє жителей комишанскихъ жаловались на то, что староста Чарнышевскій комишанскій завладѣль ихъ сѣножатями и т. д. Изъ этого списка насилий Чарныша можно видѣть, насколько онъ былъ изворотливъ въ выборѣ средствъ для веденія своихъ хозяйственныхъ операций.

полку не интересовались, а господинъ Чарнышъ живетъ въ Гадичѣ и командѣ его, полковника Милорадовича, чинить помѣшательства»¹⁾.

Положеніе Милорадовича было дѣйствительно затруднительнымъ: съ одной стороны, былъ Чарнышъ, а съ другой—онъ, по его собственному выраженію,—человѣкъ пришлый, «странный», и ему, разумѣется, не хотѣлось сразу же становиться во враждебныя отношенія со всей, державшей сторону Чарныша, генеральской старшиной и гетманомъ. Результатъ его членобитныхъ получился, однако, благопріятный: ему, въ концѣ концовъ, отдана была комышанская сотня²⁾, но за обиды, понесенные имъ отъ Чарныша и его челядниковъ, онъ, кажется, удовлетворенія не получилъ; по крайней мѣрѣ не видно, чтобы Чарнышъ пострадалъ въ какомъ-либо отношеніи изъ-за своего столкновенія съ Милорадовичемъ. Что-же касается, собранныхъ гадяцкимъ полковникомъ, членобитенъ, то они тоже Чарнышу не принесли никакого вреда. Попавъ въ руки Скоропадскому, они были переданы имъ самому же Чарнышу, а тотъ сумѣлъ совершенно оправдаться. Мы не будемъ приводить данные генеральнымъ судьей и сохранившіеся на оборотахъ самихъ членобитенъ собственпоручные его отвѣты на каждую жалобу. Скажемъ только, что насильная покупка грунтовъ и прочаго имъ совершенно отрицалась и взамѣнъ ея—утверждался добровольный торгъ со стороны продавца. Почти во всякомъ отвѣтѣ Чарнышъ обращаетъ вниманіе на запоздалость жалобы и, намекая на Милорадовича, наивно спрашиваетъ: «И для чего передъ симъ не скаржился? Учинена была-бы справедливость! Знать теперь з наущеня супплѣкуетъ, чили съ приказанія!»

Въ общемъ дѣло съ Милорадовичемъ закончилось въ 1716 году вполнѣ благополучно для Чарныша, хотя еще и въ слѣду-

¹⁾ Генеральный судья Туранскій, въ помощь которому назначены были Чарнышъ, умеръ въ 1716 году, послѣ того, какъ происходили описываемыя событія и Чарнышъ, можетъ быть, потому и неѣхалъ въ Глуховъ, что тамъ было кому рѣшать дѣла.

²⁾ Генеральное слѣдствіе о маєтностяхъ Гадяцк. полка, стр. 7.

ющемъ году эти два противника спорили изъ-за нѣкоторыхъ земель¹). Чарнышъ, при несомнѣнной своей виновности, не только вышелъ сухимъ изъ воды, но получилъ еще, вслѣдъ за постановлениемъ своимъ въ генеральные судьи, нѣсколько универсаловъ, утверждающихъ за нимъ какъ скуплю, такъ и дающихъ новыя маєтности: гетманъ, видимо, не скupился для своего зятя... Такъ, 19-го февраля 1716 года Чарнышъ получилъ универсаль на скупленные имъ дворы въ Гадячъ и множество мелкихъ грунтовъ при селахъ: Книшовкѣ, Римаровкѣ, Красной Лукѣ, Хитцахъ, Боркахъ, Сарахъ, Круткахъ, Ращевкѣ, Остаповкѣ, Ковалювкѣ—въ Гадяцкомъ полку, и при Батурина, Митченкахъ, Шаповаловкѣ, Ксендзовкѣ, Алтановкѣ, Подоловѣ—въ нѣжинскомъ полку; 1 марта 1716 года гетманъ нашелъ возможность дать Чарнышу изъ принадлежавшихъ гадяцкому замку села: Сватки (144 двора) и Цѣпки (101 дворъ), находящійся подъ Гадячемъ, и 31-го іюля 1716 же года Чарнышъ получилъ на урядъ генерального судейства «села Аксютинцы съ Пустовойтовскою и съ млинами, подъ Аксютинцами будучими, и инными грунтами и угодіями, ко воспоможеню домовственному, что онъ при боку его гетманскому будетъ жити»... Но, какъ мы видѣли, Чарнышъ и не думалъ жить въ Глуховѣ, при «боку гетманскому», а проводилъ время въ своихъ маєтностяхъ; тѣмъ не менѣе—предлогъ для дачи маєтности былъ найденъ—и Чарнышъ получилъ цѣлыхъ два села...

В. Модзалевский.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹) Материалы Судьенка, II, 86—87.

Степная Лубенщина¹⁾.

Глава II.

Южная степь. Оржицкая волость.

Поселения левого и правого берега Большой Оржицы. М. Оржица.
Иржавская балка. С. Зарогъ. М. Т. Симоновъ.

Дорога от Великой Селецкой до Онушекъ идетъ полями, среди блѣдной зелени которыхъ то здѣсь, то тамъ виднѣются пролѣски. Недалеко отъ села по обѣ стороны дороги стоять двѣ высокихъ продолговатыхъ могилы; на пригоркѣ мелькаютъ хаты и мельницы; главныя же части села внизу, на невысокомъ полуостровѣ вдавшемся въ широкую болотистую Оржицкую низину. Куда ни кинь глазомъ, только и видишь яркую, пышную зелень болота. «Село якъ у мишку зашыто зъ трёхъ сторонъ, а зъ четвертои—уйихавъ и выйихавъ». Село возникло не раньше XVII в., и предположеніе мѣстной церковной лѣтописи о существованіи его еще и въ XVI в. не доказано. Начало ему положено Онушкомъ, дѣйствительной, а не легендарной личностью, какъ большинство осадчихъ: потомокъ его живъ и сейчасъ. Фамилія эта, а вмѣстѣ съ нею и название села, происходит отъ имени Онисимъ, Онисько, извѣстнымъ образомъ произносимаго, подобно тому, какъ имя Маруся произносятъ иногда Марушка. По преданію, израненный запорожецъ Онисько, основавшись здѣсь на островѣ въ лѣсу, съ товарищемъ Селекомъ, занялся скотоводствомъ и рыболовствомъ. Родъ обѣдиѣлъ съ половины XVIII в. потому, что,

1) См. Киевск. Стар. 1904 г., № 2-й.

какъ показали свидѣтели во время производства генеральной описи 1767 года, Лукомскій сотникъ Степанъ Пиковецъ купилъ на-
сильно у козака Федора Онушка, изобличеннаго въ «блудодѣй-
ствіи», дворъ съ двумя избами и коморой рублеными, лѣсъ, ры-
боловлю и ставище за 8 руб., а у нихъ свидѣтелей: Онушокъ и
Краснячого—помѣрокъ съ лозой и лѣсомъ за 17 руб., и вы-
строилъ мельницу на ставищѣ¹⁾.

Онушки состоять изъ двухъ опредѣленно разграниченныхъ частей: Старого села, или собственно Онишокъ, и новаго—Заричья. Первое, начинаясь со стороны Оржицы и Плехова, до-
ходитъ до плотины и растягивается длинною прямой улицей—
рядомъ хатъ и повитокъ, обсаженныхъ берестами и ясенями.
Вездѣ зелень и садики. Въ одномъ изъ огородовъ, козака Яко-
венка, невысокая густолистая груша указываетъ мѣсто, гдѣ была
прежде церковь, перестроенная въ 1763 г. за ветхостью²⁾. Эту
главную улицу окружаетъ боковая, при началѣ которой вблизи
старого погоста съ грушей, у небольшого выпуста, стоить хоро-
шенькая бѣлая хатка, крытая очеретомъ, съ желтыми ставнями,
въ которой живеть послѣдній отпрыскъ древняго рода Онушекъ.
Кромѣ него здѣсь живутъ Яковенки, Шульги, особая вѣтвь ко-
торыхъ Шульги-Шульженки выслужились въ дворянство, Горбани
и переселившійся изъ сосѣдняго Плехова—Нестеренко. Старое село
спускается въ низину, черезъ которую насыпана гать съ такимъ
узкимъ мосткомъ, что развѣ только пара лошадей пройдетъ по
немъ. Но и такого мостика прежде не было,—люди ъздили прямо
черезъ болото возами, топились и мучились. По низинѣ прохо-
дять двѣ поперечныя канавы, отдѣленныя насыпями (греблями),
сажня въ 4 ширины. Обѣ этихъ канавахъ разсказываютъ слѣ-
дующее. Прежде рѣка Оржица проходила за селомъ, но сотникъ
Пиковецъ³⁾, войдя въ соглашеніе съ Онушковскимъ и Оржицкимъ

¹⁾ Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Лубенщ. 128.

²⁾ А. Грановскій. Полт. епар. 402.

³⁾ По смерти Василія Пиковца, сына богатаго лубенского ко-
зака, отправлявшаго воловъ въ Гданскъ, вдова его вышла замужъ за

обществами о постройкѣ мельницы, говоря: «Зробымъ млынокъ и вы будете молоть», — запрудилъ естественное русло рѣки и, прорѣзавъ съ помощью Онушковцевъ канавы, заставилъ ее обогнуть село. Впрочемъ, устроенная имъ мельница не молола, а только заболотила луга. Гораздо позже, въ началѣ XIX в., хорольскій стряпчій Акендинъ Левицкій, потомокъ лукомскаго священника Петра Левицкаго, пріѣхавъ въ родовое имѣніе¹⁾, осуществилъ мысль Никовца и построилъ двѣ мельницы, которыя выкуплены въ концѣ вѣка у преемниковъ Левицкаго Косинскихъ лубенскимъ земствомъ и уничтожены для осушенія болота, а рѣка возвратилась въ старое русло. За греблей раскинута на неровной, холмистой мѣстности другая часть села, Зарѣчье, состоящая изъ слѣдующихъ кутовъ: Титаренковыхъ сутокъ къ болоту, Кучанскаго, Средняго и Зацаринскаго подъ гору²⁾. На Кучанскомъ среди свѣжей, яркой зелени ясеней, берестовъ и осинъ видна церковь, перенесенная изъ старого села и обновленная въ 1864 г.³⁾ Иконостасъ въ ней синій, потемнѣвшій съ круглыми очертаніями

серба Славуя Требинскаго, а сыновья — Иванъ и Степанъ — были лукоцкими сотниками (1732—1758 гг.). Первый женатъ на Лизогубовой, второй на Маркевичевой. Дочь Ивана вышла за Родзянку, а Степана за Квитку. (Лазаревскій. Ист. оч. 108—110).

¹⁾ Ів. 128.

²⁾ Уроцища вокругъ села носятъ слѣдующія названія: Бурты, на спускѣ въ болото, Грѣда, среди самаго болота съ зарослью и сѣнокосомъ, Юровка — протокъ воды между плавами, Романчикъ, лѣсь, мѣсто поселенія запорожца Романа Селека, товарища Онушки. тамъ была его хата и селище, Малый Романчикъ, Осово, лѣсь. «Тамъ по лисахъ было звири, вечоромъ, якъ заспиваются — куды ваше дило! Теперь звири не слышно и не видно». Съ той же стороны есть еще лѣсь Билошалка, въ которомъ хоронился отъ враговъ человѣкъ съ такимъ именемъ. Съ другой стороны села по Яблоновской дорогѣ, возлѣ Калытчыного озера замѣчателенъ колодязь, освящаемый ежегодно, въ которомъ воды достаточно на всю окрестность. Могилы называются: Блызыця, Вовча «де звири збираються», Лыса — «покопаться тамъ кирпичъ и ружжа, Свидова, — «тамъ труну найшли» и Халова.

³⁾ Грановскій. Полт. епарх. 402.

и тусклой позолотой. Надъ вратами спускная икона Божіей Матери, укращенная лентами и рушникомъ, а среди ритуальныхъ предметовъ интересны два льняные подризника, внизу расшитые золотыми и серебряными нитями. На одномъ изъ нихъ вышиты: тюльпаны, нарцисы, колокольчики и циніи, а на другомъ фантастические цветы и листья. На Зарѣчни живутъ, кроме членовъ перечисленныхъ раныше фамилій, еще: Олейники, Пелехи¹⁾, Писаренки и вѣтви ихъ—дворяне Писаревичи. Первоначальная фамилія послѣднихъ была Афанасьевы, настоящую же фамилію они получили отъ полкового писаря Ивана, погибшаго въ стычкѣ съ татарами у Войнихи. Сынъ его Максимъ, сотенный эсаулъ, уволенъ въ отставку въ 1787 г. съ чиномъ корнета, а родъ Писаревичей внесенъ во 2-ю часть дворянской родословной книги. Максимъ Писаревичъ былъ хорошій хозяинъ, имѣвши дѣвъ винокурни. Бывало предъ рождественскими и свѣтлыми праздниками подсосѣдокъ Писаревича ходила по селу и объявляла людямъ: «Звозьтесь, звозьтесь—горилку будемъ гнать!» Люди свозили солому, очертъ и муку для заторовъ. Писаревичъ получалъ 10-ю часть выкуренного вина въ свою пользу, подобно тому какъ хозяева маслобоенъ получаютъ 10-ю макуху съ масломъ, а каждый изъ выкуривавшихъ бралъ себѣ водки, сообразно привезенному имъ количеству муки. Сынъ Максима, Кириллъ Писаревичъ, скоро закрылъ винокурни, оставилъ лишь трактиръ, приносившій большую выгоду, когда шинкаркой была красавица Гапка, девушка, лишившаяся ноги. Послѣ смерти жены Кириллъ Максимовичъ взялъ Гапку домой, а трактиръ скоро закрылся. Гапка такъ и не вышла замужъ, занялась хозяйствомъ и высмотрѣла молодыхъ Писаревичей, питавшихъ къ ней сыновнее почтение. Хлѣбопашество Писаревичей не было значительнымъ вслѣдствіе крайне низкихъ местныхъ цѣнъ на хлѣбъ; пудъ ржи, напримѣръ, стоилъ

¹⁾ Пелехъ былъ кошевымъ атаманомъ при Ханенкѣ. (Костомаровъ. Руина въ Вѣст. Евр. 1879 г., IX, 24).

тогда пивкопы, т. е. $7\frac{1}{2}$ коп. Были волы, 15—20 рыжихъ и гнѣдыхъ лошадей и около сотни овецъ¹⁾.

Онушки средней величины село, въ немъ теперь насчитывается 1442 души. Населеніе почти исключительно козачье, благосостоятельное, гостепріимное и честное. Богатырями, имѣющими свыше 50 дес. земли, признаются: часть Нестеренковъ, Назаренковъ, Пелиховъ, Шульгъ и Яковенковъ. Есть нѣсколько достаточныхъ семей съ 15—30 десятинами, у большинства не болѣе 5 дес., безземельныхъ не свыше десятка. Изъ документовъ, сообщенныхъ козакомъ Д. Нестеренкомъ, и изъ рассказовъ старожила Чмихала видно, что хозяйственныя отношенія мѣстнаго населенія складывались такимъ образомъ. Цѣна земли была ничтожна: въ общемъ день не свыше 5 руб. Въ 1773 г. Онушковскій атаманъ Кириллъ Дьяченко купилъ поле за 3 р. 10 коп., а въ 1775 г. онъ же продалъ сестрѣ Пелагеѣ и зятю Никитенку леваду и поле за 12 руб. 20 к.²⁾; въ 1807 г. онъ же продалъ имъ еще лѣсъ за 8 руб. За пользованіе чужой землей отдавали хозяину прежде 10-ю, потомъ 4-ю копію (по расчету 5 изъ 20 копеекъ).

¹⁾ У нихъ былъ свой хуторъ съ подсобѣдками, крестьяне: Бутурлимы, Крайсвитни и Чепиги приведены изъ с. Юсковецъ, Черевковской волости, позднѣйшимъ владѣльцемъ Никитенкомъ, женатымъ на Славинской. Кромѣ хутора Писаревича, въ Онушковской дачѣ есть еще нѣсколько хуторковъ, разбросанныхъ вдоль Оржицкой дороги, такъ какъ появленію хуторовъ въ другія стороны препятствовало болото. Ближайшій къ Онушкамъ Билановъ хуторъ, населенный Яковенками, стоитъ у рощи надъ ставкомъ, въ немъ не болѣе 10 хатъ. Возлѣ хуторокъ Шульгъ въ 2 хаты и Ефрема Пелеха. Даѣхъ хуторъ Корніенковъ Постиль. Основатель хорольскій козакъ Корніенко, участвовавшій въ 60-ти сраженіяхъ и стычкахъ, но ни разу не раненый, георгіевскій кавалеръ, дослужившійся до чина прaporника. Онъ женился на Шульгиной изъ Онушекъ и построилъ хуторокъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

²⁾ Эта актъ подписали: атаманъ Тимофей Вишневецкій, С. Яковенко и П. Онуношко. Встрѣтился еще документъ о наймѣ рекрута вмѣсто А. А. Нестеренка за 600 руб., 3 четверика жита, гречки, пшена и уплату податей—въ 1820 г.

Иногда нанимали десятину съ условиемъ день покосить владѣльцу. Зажинщики отдавали хозяину поля 2-й, даже третій снопъ съ его приваркомъ. Вообще «старовына дуже съто жыла»¹⁾. Въ настоящее время цѣна земли повысилась до 200 руб. за десятину, паемъ до 8—12 руб. Зажинщики получаютъ: 4-й снопъ съ отработкомъ 2—3 дней отъ десятины и 5-й снопъ безъ отработки. Землевладѣлецъ П. К. Писаревичъ береть лишь третью копу отъ съемщика, но послѣдній долженъ поставить 4—5 рабочихъ съ десятины, смотря по качеству земли; 2—3 дня отработки въ жатву и косовицу и по дню весной и осенью. Луговое сѣно убиралось за 4-ю копицу хозяину. Старое козачье хозяйство ничѣмъ не отличалось отъ хозяйства другихъ окрестныхъ сель, уже описанного.

Жители вышесредняго роста, волосы довольно темные при голубоватыхъ глазахъ. Встрѣчаются миловидныя девушки. Моды оржицкія, кофточки, длинныя исподницы. Весильный обрядъ своеобразенъ. Молодая, заходя въ субботу въ дома съ приглашенiemъ, только кладеть шишку на столъ, но не оставляетъ ее хозяевамъ, какъ въ сѣверной части уѣзда. Позже молодой со свитой и музыкой приходитъ къ невѣстѣ, окруженной подругами. Здѣсь «бесидуе одна молодь». Женщины, между тѣмъ, приготовляютъ большую, круглую, «княжескую» шишку, которую въ понедѣльникъ дѣлятъ свадьбанамъ, намазывая медомъ. Молодой сидить на покути безъ шапки; зимой во время дни deductio молодыхъ переводятъ чрезъ огонь и молодой расплетаютъ косу въ домѣ жениха. Рождественскіе праздники проводятся иначе, чѣмъ на сѣверѣ уѣзда: нѣть ни щедривокъ взрослыхъ, ни святочного маскарада, взамѣнъ чего сохранился старый крещенскій обычай. Въ этотъ день онишковская и оржицкая молодежь—дѣвицы, парни, дѣти—развѣзываютъ по рѣкѣ въ саняхъ. У крестовъ санки останавливаются. Къ дѣвкамъ подходятъ парни и умываютъ ихъ рукой. Отъ этого умыванія нельзя отказаться. Какъ бы ни

¹⁾ Исключеніе составляли только голодные годы. По разсказу Чмихала, козачка Борщиха, ея сынъ и дочь умерли отъ голода, неѣвшіи 12 дней.

«пручалась» гордая богатырка, парни потащутъ ее насильно къ кресту и умоютъ. Умытая дѣвушка утирается хусткой. Незнакомый парень угощаетъ насиннямъ, спрашивая: «Насиння хочеть?— Я не знаю звидкия се насиння, де воно родылось?— Въ Оржици.— Ну, вже давай». Если парень понравился дивчыни, то она также брызнетъ (хлюпне) ему въ лицо и потомъ умоетъ рукой. Это взаимное умываніе, символизирующее будущую общую жизнь, наводить на воспоминаніе о древнихъ и позднѣйшихъ обычновеніяхъ предковъ настоящихъ малоруссовъ. Такъ: «Умыкаху у воды дѣвица. Съверъ схожахуся на игрища и ту умыкаху жены себѣ съ нею же кто совѣщається»¹⁾). И затѣмъ на второй день Пасхи,—читаемъ у Боплана,— парни обливаютъ дѣвицъ съ ногъ до головы водой, а на третій парня подстерегаютъ и окружаютъ съ громкимъ крикомъ дѣвушки. Сильнѣйшія придерживаютъ его за руки, а прочія окачиваютъ водой²⁾.

Вблизи Онушокъ у широкой Оржицкой долины расположилась Остаповка на незначительномъ возвышеніи, вокругъ большого солонцоватаго выгона. Со въѣзда нѣсколько панскихъ усадьбъ едва замѣтны за зеленою садовою и вѣковыхъ деревьевъ, и дальше все село въ зелени. Нѣкогда столѣтній стариикъ Чмихало говорилъ: «Се все недавни села, а отъ Остаповка давня». Дѣйствительно, она отмѣчена на картѣ Боплана, но всякия воспоминанія о началѣ села утрачены. Повидимому въ образованіи села участвовалъ мѣстный родъ Верпетъ, такъ какъ они заняли большое пространство вблизи церкви, но ихъ семейныя преданія неясны и преувеличены. «Якъ Польщу воювалы, такъ бувъ полководецъ Верпета. Ёму було определено владитъ одѣ самога Яблонова по мистечко Оржицю по ричци. Такъ винъ тутъ и основавсь. Одѣ ёго сына Яна Христофоровыча пишли Верпеты. Винъ и церкву збудовавъ малесеньку на соахъ и очеретомъ укрыта». Нѣкоторымъ подтвержденiemъ древности рода Верпетъ служить грамота изъ VI части дворянской родословной книги Кіевской

¹⁾ Несторъ Лѣтоп. 8.

²⁾ Опис. Укр. 79.

губернії, выданная 12 марта 1795 г. Иустину¹⁾ Назаровичу Верпетѣ. Впрочемъ, потомки его утратили дворянское званіе и вновь обратились въ козачество, и лишь пѣкоторые представители этой фамиліи вновь выслужились, но даже дѣды настоящихъ дворянъ Верпетѣ еще были козаками. Крестьяне ихъ произошли изъ подсосѣдковъ, были также выходцы изъ Литвы—Лейбачи. Здѣсь же подъ вѣковыми осокорями жили дворяне и козаки Дейнеки²⁾, уже выведшіеся, а за ними Коршуны, также паны и козаки, дальше Березняки, вышедшіе изъ Довгои, Золотоношскаго уѣзда, и козаки Компанійцы. Крестьяне носятъ фамиліи: Гущи, Житинскіе, Проценки и Тищенки³⁾. Остаповка невелика, въ сороковыхъ годахъ прошлаго вѣка въ ней было лишь до 700 душъ, теперь 1023. Жители въ общемъ довольно зажиточны; съ десятокъ панскихъ усадѣбъ и три богатырскихъ: Верпетѣ и Березняковъ прекрасно обстроены, и прочія усадѣбы недурны. Въ старину и панская и козачья хозяйства не были обширны: въ каждомъ водилось по плугу воловъ да по нѣсколько кобыль; крестьяне не имѣли тягла. И теперь поземельныя условія сравнительно пе тягостны: земля нанимается по 7—10 руб., болотные сѣнокосы убираются съ половины; только пѣшие, какъ и вездѣ почти, получаютъ 5—6-ой спонъ съ отработкомъ 2-хъ дней съ десятины. Сонное существованіе панковъ и богатырей разнообразилось прежде безчисленными дрязгами, ссорами и тяжбами, сvedшими прежде временно въ могилу нѣкоторыхъ любителей «позвовъ». Случалось, что во время разбора у мирового судьи истецъ только что начиналъ еще поддерживать свой искъ, какъ отвѣтчикъ уже набрасывалъ апелляціонную жалобу въ сѣздѣ на предполагаемое рѣшеніе судьи. Многочисленныя тяжбы породили особыя слова и выраженія въ мѣстномъ говорѣ: «заведене дило» или «зведене» въ

¹⁾ Такъ въ грамотѣ.

²⁾ Дейнеками называлась толпа, приставшая къ войску Ромодановскаго, шедшему противъ Выговскаго. (Костомаровъ. Гетм. Выгов. Основа, 1861 г., VII, 81).

³⁾ Возлѣ Остаповки одинъ только хуторъ Косинскаго, населенный Коршунами и Телюками.

значеніи утвержденія, вмѣсто: эге, такъ; осудовыще вмѣсто судъ. Быль и постоянный свидѣтель съ уличнымъ названіемъ Сороковый, приданымъ ему священникомъ. Священникъ, знакомя вновь появившагося панка съ мѣстнымъ обществомъ, сказалъ: «Васъ тутъ тридцать девять панивъ, а се вамъ сороковый». Но и въ ирозиической Остаповкѣ есть прелестный уголокъ, маленький рай, это церковный погостъ, осѣненный вѣковыми берестами, ясенями, грушами, закрывающими церковь св. Николая¹⁾). Еще лучше въ срединѣ церкви. Тамъ въ лѣвомъ притворѣ помѣщается образъ Пр. Дѣвы съ младенцемъ Иисусомъ, ласкающимъ ее ручкой. Пресвятая Дѣва изображена съ нѣсколько широко разставленными ясными очами, тонкимъ носомъ и съ неземной ласковой улыбкой на слегка изогнутыхъ губахъ. По типу изображеніе близко къ Корсуновской Богоматери. Икона довольно большая въ 2½ арш. вышины и 1 арш. ширины. По преданию она взята во время сраженія, была нѣкоторое время въ семействѣ Ивахненковъ, по смерти которыхъ передана въ церковь. Подъ иконою надпись: «1834 года, марта 7 дня, сдѣлана сія риза прихожанами и доброхотными дателями на половину же цени²⁾ оной ризи³⁾ принесено въ даръ малолѣтнимъ Иваномъ Тоцкимъ». Сбоку привѣшено много серебряныхъ досточекъ съ фигурками святыхъ и изображеніями.

Издалека со стороны степи по Онушковской и Остаповской дорогѣ виднѣется на продолговатомъ возвышеніи старое мѣстечко Оржица, съ рощами, постройками и церковью посрединѣ. По разъясненію покойнаго профессора Потебни о въ словѣ Оржица приставное, подобно тому, какъ въ названіи Овручъ, древній Вручій⁴⁾, корень же слова — ржа, ржарчина, т. е. водная окись

¹⁾ Старая церковь 1732 г. стояла посреди села, перенесена въ 1752 г. на новое мѣсто, состояла изъ средины и алтаря, въ 1752 г. перестроена иждивеніемъ прихожанъ, придѣланы притворы. На погостѣ стертые, слаженные могилы—остатки старого кладбища.

²⁾ и ³⁾) Такъ въ надписи. Есть еще антиминсъ 1732 г. и крестъ съ частицами мощей.

⁴⁾ Замѣт. о малор. нарѣч. Воронежъ, 1871 г., 22, 23.

желѣза, содержащаяся въ мѣстной водѣ и торфяникахъ¹⁾. Въ кievскій періодъ Оржица входила во вторую оборонительную линію Переяславльской земли. Послѣ разоренія Переяславльского княжества Батыемъ оржицкая степь служила лишь кочевьемъ татарамъ въ XIV и XV вѣкахъ; въ XVI в. Оржицы также еще не существовало, а были только замковые уходы: Козакевича, Колоденского, состоявшаго въ спорѣ съ Русановичемъ, а выше устья Оржицы (Жицы) — Морозовича и Чайки²⁾. Но съ начала XVII в. возникаетъ мѣстечко, становящееся въ половинѣ столѣтія центромъ самостоятельной сотни Кропивенского полка, потомъ отчисленное въ Горошинскую сотню Лубенского. Во второй половинѣ XVII в. Оржица настолько была разорена татарами³⁾, что Дорошенко считалъ необходимымъ поддержать мѣстное населеніе двумя училищами: 1668 г. о предохраненіи жителей отъ дальнѣйшаго разоренія проходящими войсками, и о предоставлениі имъ перевоза чрезъ рѣку⁴⁾.

Рѣка Оржица характеризована покойнымъ М. Т. Симоновымъ въ извѣстномъ этнографическомъ труде «Риздвиши святкы»⁵⁾ такимъ образомъ: «иногда между берегами ея версты две, три, но посрединѣ большой островъ и лѣсь. Притомъ часто вся эта ширина очерета да лозы съ узкимъ главнымъ ложемъ рѣки посерединѣ да съ густою затѣйливою сѣтью дорогъ, дорожекъ, прогалинъ, каналовъ, ямъ на осталъпомъ пространствѣ». Чрезъ весь этотъ лабиринтъ ведеть теперь въ м. Оржицу недавно построенная земская плотина, длинная, обсаженная вербами, но еще въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія плотину гатили кое-какъ навозомъ, а

¹⁾ Гуровъ. Геол. опис. Полт. губ. 319.

²⁾ Лѣвобереж. Укр. въ XV—XVII в. въ Кіев. Стар. 1896 г. № IV и V, 94, 95. Къ истор. колониз. Лѣвоб. Укр. въ XV—XVI в. въ Сбор. Харьк. Ист. Фил. Общест. 1892 г., IV, 20.

³⁾ Старожилы вспоминаютъ: „Татары булы на поли, здивалысь. Изъ хать тикалы люде у берегъ“.

⁴⁾ Лазаревский. Ист. очерк. 132—134.

⁵⁾ Въ Основѣ 1861 г., перепечатаны въ Кіев. Старинѣ 1899 г., IX, 145.

на потокахъ стояли дрянные мостики. Грязь была невылазная. Тотчасъ за плотиной на пригоркѣ «На Бѣрези, за перетискъ» живеть оржицкое крестьянство, потомки подсосѣдковъ, которыхъ усиленно садили здѣсь въ концѣ XVIII вѣка мѣстные владѣльцы: Требинскіе, Сахновскіе и др.¹⁾. Здѣсь же живуть древнѣйшія ко-зацкія фамиліи: Семперовичи и Авраменки, по уличному про-звищу Шаповалы. Далѣе на самомъ холмѣ тѣснилась старая Ор-жица, среди валовъ, достигающихъ 5 сажень вышины, очень ши-рокихъ, начинающихся у небольшого выгона, скорѣй выпуста, застроенаго мельницами. Посреди валовъ—проѣздъ, гдѣ нѣкогда по преданію были чугунные ворота. Здѣсь будто бы проживалъ иногда гетманъ Дорошенко. «Тутъ єго дворыще, тутъ поховани зъ гетманивъ. Тутъ и старынни входни погреба. Якъ прыйти надъ гору, ступыть, гукнешъ—озывается; кажемъ: оце мабуть тутъ гетманша захована, шо гука. А въ Лукомъ була столыца Доро-шенка». Впослѣдствіи на этомъ же мѣстѣ была усадьба Сахнов-скихъ, потомковъ Горошинскаго сотника²⁾ Петра Сахновскаго, уроженца Черниговскаго полка, и свойственниковъ генеральному писарю Безбородку³⁾. Внутри усадьбы у воротъ, среди вишенъ, стоитъ крестъ надъ каменнымъ столбомъ, обозначающій мѣсто ста-рой Преображенской церкви. Церковь была уже въ 1745 г., какъ видно изъ надписи на евангеліи, сдѣланной въ томъ году и гла-сящей: «Sie божественное евангеліе купилъ Антонъ Семеновичъ Зѣнченко съ порадою жены своей и чадъ своихъ до м. Оржицы за пресвитеровъ того-же храма о. Антонія да о. Гавріила Сем-перовичевъ». Эта старая церковь упразднена въ 1759, а новая трехглавая выстроена лишь въ 1767 г., колокольня позже въ 1774 г.⁴⁾. Новая церковь сдѣлана была въ формѣ корабля изъ

¹⁾ Лазаревскій. Истор. очер. Полт. Луб. 132—134.

²⁾ 1756—1763 годовъ.

³⁾ Лазаревскій. Ист. Очер. 120. 161.

⁴⁾ А. Грановскій. Полт. епаф. 415. Въ этомъ изслѣдованіи упо-минается еще о существованіи въ м. Оржицѣ другой Михайловской церкви, о чемъ нѣть никакихъ мѣстныхъ данныхъ или воспоминаній,

дубовыхъ плахъ, шириною въ аршинъ, мѣстнаго дерева¹⁾, въ шулы, а не въ замки. Бревна скрѣплялись желѣзными шворнями, болтами. Тѣмъ не менѣе 24 июня 1848 г., на Иоанна Крестителя, ураганъ разбросалъ бревна и сорвалъ какъ куполы церкви, такъ и колокольню до половины. Новѣйшая церковь, построенная въ 1872 г. далѣе на выгонѣ на крутой терасѣ Оржицы, просторна, свѣтла, съ зеленымъ куполомъ, усыпанымъ звѣздами, съ колокольней въ одной связи. Внутри церкви—зеленый иконостасъ съ на-мѣстными иконами въ массивныхъ серебряныхъ шатахъ, и хоры²⁾. Отовсюду: изъ церкви, съ холма, изъ валовъ древней крѣпости открывается широкій видъ на оржицкую низину, покрытую яркой зеленью, а по снятіи сѣна усыпанную стогами, частыми какъ копы. Внизу подъ валомъ надъ берегомъ проходить узкая улица Коваливщина, жилье Ковалей, а къ востоку отъ нихъ живутъ Жалы. Гдѣ кончается валъ, тамъ кончалась и царина въ ста-рину, почему новая восточная часть Оржицы, похожая на мині-атюрный городокъ, называется Зацаринье. По главной улицѣ За-царинья постройки и дома выдвигаются на улицу фасадами, иногда за палисадниками; встрѣчаются и желѣзныя крыши. Глав-ная улица расширяется къ выѣзду на Иржавецъ, у новой царины, и переходитъ въ широкій выгонъ съ мельницами. И здѣсь всѣ козачьи хаты одинаково на городской образецъ выступаютъ при-чилками на улицу и площадь. На главной улицѣ жили: дворяне Лазоренки, потомки мѣстнаго сотеннаго атамана Трофима Ива-новича Тамары, потомки прежнихъ священниковъ, Брайковскіе,

а только до отдѣленія Зарога въ самостоятельный приходъ въ Оржицѣ было два священника и діаконъ.

¹⁾ Дорошенкомъ подарено церкви 33 десят. лѣса и 160 десят. болота, универсаль о томъ отосланъ въ Полтавскій церковный музей.

²⁾ Среди иконъ есть маленький образъ Покрова съ омофоромъ, а среди богослужебныхъ предметовъ: складень 1786 г., два старичныхъ мироносныхъ креста, и крестъ съ надписью: «Сооружися крестъ въ mestечко уѣзда Хорольского до храму Преображенія Господня Оржицю».

одинъ изъ которыхъ былъ войсковымъ писаремъ. Послѣдняя Брайковская вышла замужъ за штабсъ-капитана Герасима Тиховского, участвовавшаго въ крымской кампании и между прочимъ въ атакѣ Хрулевымъ Евпаторіи,—и дворяне Терлецкие, родомъ изъ Волыни. По главной улицѣ живутъ старые козацкія фамиліи: Давиденки, Кулики, Нестеренки, Паламаренки, Паськи и Семперовичи¹⁾; посреди мѣстечка и на кутѣ Падаливщинѣ, расположенному влѣво къ Ошишкамъ, живутъ: Вороны, Гапоны, Мистюки, Татуси, по уличному Яшиныки, Тыщенки и Цупры, далѣе Падалки и Копильки на особомъ куточкѣ Копилькахъ. На Зацаринъ же помѣщаются и слѣдующія козацкія фамиліи: Комлачи, Трелосы и Руденки, а на крайнемъ восточномъ кутѣ къ Плехову—Куевдыхъ—Лобурепки, по уличному Куевды. При Вишневецкихъ въ Оржицѣ былъ только 91 хозяинъ, теперь всѣхъ жителей 1608 душъ²⁾. О хозяйственномъ положеніи жителей въ старые годы передаютъ, что только въ Сосновскихъ было болѣе значительное состояніе. Въ XVIII в. они скупали земли у со-сѣднихъ козаковъ, между прочимъ Голубъ иродалъ сотнику Петру Сахновскому ниву за 2 руб. 40 коп. для покупки сабли³⁾. Во время крѣпостного права у Сахновскихъ было 3 экономическихъ плуга, 12 паръ воловъ ходили въ дорогу, были стада скота, лошадей и простыхъ овецъ. У мелкихъ пановъ было по одному, и всѣ крестьяне были пѣщими. Такжѣ у старого богатыря Авраменка былъ свой плугъ и 6—8 паръ воловъ при 100 десятинахъ земли. Прочіе козаки спрягались. Какъ они, такъ и паны, одинаково выбрасывали пѣшимъ 3-й снопъ. Козаки имѣли 127 десят.

¹⁾ Изъ этой фамиліи были священники Семперовичи, въ старину называвшіеся Сеперами. (Грановскій. Полт. епарх., 415). Вокругъ мѣстечка расположились слѣдующія урочища и могилы: Садкова, возлѣ нея валъ, «хвистъ» котораго выходитъ на Городинскую дорогу, Мопышха, возлѣ которой также валъ, Гостра и Рогова, обѣ круглыхъ. Хуторовъ нѣть.

²⁾ Кулишъ: Истор. возсоед. Руси. 1, 26—28, и Борьба шлях. съ козач. Библіот. для чт. 1865 г., IX, 5.

³⁾ Лазаревскій. Ист. очер. Полт. Лубенщ. 132.

общественного сънокоса въ общемъ владѣніи съ передѣлами че-
резъ 5—6 лѣтъ¹⁾). Скотъ пасся въ общественномъ стадѣ съ пла-
тежемъ 20 коп. и гарнца муки въ 4 ф. отъ скотины, 10 коп.
отъ овцы безъ руна и 5 коп. съ руномъ отъ десятка.

Въ самой Оржицѣ мужчины красивѣе женщинъ. Они стройны,
высоки, съ прямыми чертами лица, волосы темные. Одежда за
небольшими исключепіями однообразна во всей волости. Шапки
ровныя, средней величины, черныя, рѣдко сѣрыя. Въ сосѣднемъ
Иржавцѣ болѣе высокія. Рубашки съ стоячимъ, вышитымъ даже
у стариковъ воротникомъ, у молодежи расшиты манишки и концы
рукавовъ (choхла), «каптанки» черныя, ниже колѣнъ съ отрѣзной
таліей и сборами, сверхъ нихъ въ дорогу падѣваются длинныя сѣ-
рыя свиты (кобеняки). Городскіе пиджаки и штаны изъ покуп-
ныхъ матерій (крамни) теперь повсемѣстны. Кромѣ сапогъ для
работъ въ болотахъ служатъ еще кожаные толстые башмаки
(постолы). Женскій головной уборъ состоитъ изъ невысокаго,
круглого, цвѣтного или темнаго очипка, ситцеваго или кумаче-
ваго съ вырѣзками для ушей. Часто его замѣняютъ уже сборни-
комъ. Сверхъ очипка надѣвается «бековый, каширный, отласо-
вый, ящиковый и шовковый» платки, первые гладко безъ выпуска
концовъ (рожкивъ), послѣдній съ концами вверхъ. Начосовъ у
женщинъ, кромѣ иржавскихъ, незамѣтно, и мышка мало видна.
Дѣвушки зачесываются въ одну и двѣ косы и закрываютъ, а не
повязываютъ платкомъ. Въ уши часто вѣты одни кольца безъ
привѣсокъ. На шеѣ молодицы и дивчыны надѣты: шпурокъ съ
крестикомъ и иконками, «добре намысто», коралловыя трубочки
(кострычка), разноцвѣтныя гранаты, а въ Иржавцѣ старинные
рубли (дукачи). Рубашки конопляныя, рѣдко льняныя, расшитыя
красными и черными крестиками и розами, у старухъ встрѣчаются
еще мережанные подолы, молодицамъ же, опускающимъ низко
исподницы, нѣть необходимости въ мережкѣ. Корсеты средней
длины черные, коричневые, рѣдко яркіе, обшиты черной или
цвѣтной ленточкой, грудь и полы расшиты черными нитками вол-

¹⁾ Сб. хоз. стат. Полт. губ. VI. Луб. у. 11.

нообразными линиями. Сзади плоско, «до усивъ», которыхъ 7—11, и «дощечокъ». Темныя литячки и ватяники сшиты тѣмъ же фасономъ. Много кофть. Свиты черныя и сѣрыя. Запаски сохранились только у старухъ, у молодицъ длинныя сподницы и фартухи, подвязанные поясомъ, сзади спускающимся внизъ. Молодежь носить черевики и ботинки, изрѣдка разноцвѣтные чулки, а зимой сапоги на косую колодку, съ низкими подборами. Наблюдалъныхъ посѣтителей уѣзда поражаетъ преобладаніе вкуса къ чорному цвѣту у мѣстныхъ женщинъ.

Узкій проселокъ ведеть изъ Оржицы въ Плеховъ мимо глубокаго яра, заросшаго лѣсомъ. Иногда на пригоркахъ при встрѣчѣ нельзя и разминуться. За полемъ виднѣется село въ зелени вишневыхъ садовъ на возвышеніи праваго берега Оржицы, впадающей въ Сулу версты за двѣ отъ села у обширной, зеленой низины, отдѣляющей Плеховъ отъ Онушокъ и Великой Селецкой, и полной протоковъ и озеръ. Въ прямомъ разстояніи между селами только четыре версты. О началѣ села ничего точнаго неизвѣстно; по предположенію же покойнаго А. М. Лазаревскаго, Плеховъ основанъ въ первой половинѣ XVII в. выходцами изъ подъ Чернигова, такъ какъ и тамъ есть село съ тѣмъ же названіемъ¹⁾). На картѣ Боплана онъ названъ Плюховыемъ. Ничто кромѣ созвучія не даетъ права предполагать, что название села произошло отъ Онушковской козачьей фамиліи Плеховъ. Въ мѣстной церковной лѣтописи осадчимъ признается рыболовъ Плехъ; по болѣе точнымъ сказаніямъ Плеховъ начать нѣсколькими основными фамиліями съ трехъ хатъ. Крайній по-перечный кутокъ, Дригивка, населенъ Дригамы, предкомъ которыхъ былъ рыболовъ изъ Великой Селецкой. Здѣсь живутъ также Дмитренки изъ Юсковецъ; здѣсь же расположена и усадьба почетнаго гражданина Ф. К. Черныша. На Дриговкѣ есть подземный ходъ на глубинѣ 5 сажень съ боковыми проходами, въ которомъ свободно ходить человѣкъ средняго роста. Изъ Юсковецъ пришла и древнѣйшая мѣстная фамилія Нестеренко, занявшая

¹⁾ Историч. очер. Полт. Лубенщ. 132—134.

Нестеривку, куть, перпендикулярный Дригивкъ. Куть заселенъ исключительно Нестеренками, одинъ изъ которыхъ былъ полковникомъ¹⁾.

Восточнѣе Нестеривки, на Трегубивкѣ живутъ: Трегубы, вышедшіе изъ Калкаева, хутора хорольскаго уѣзда, Сизоненки, Охрименки, Лоти («Йихъ баба була ляхивна»), и паны Герасименки, козацкаго происхожденія. Еще болѣе къ востоку размѣстились слѣдующіе куты: Налучапскій, жительство Кобзарей, прішедшихъ изъ Селецкой и Бурыхъ, Кобзаривщина, на которой живутъ: Дмитренки, Кобзари и Слипьки изъ Калкаева, Мизюрившчина, жительство Семперовичей, Садкивъ и бывшихъ крестьянъ Скаржинскаго: изъ Нового Иржавца: Винниченковъ и Кишинскихъ, и Довга, жилье козаковъ Андрусенковъ, и Рожки—Рожковъ и Семперовичей. Старая церковь была падъ горою въ средоточіи Дригивки и Нестеривки въ такъ называемомъ Городкѣ. По преданию она основана Сеперомъ, предкомъ Семперовичей въ честь Рождества Пр. Богородицы, а по письменнымъ даннымъ Семперовичи были первыми священниками²⁾. По письменнымъ же даннымъ извѣстно, что Плеховъ отданъ былъ въ 1734 г. Требинскимъ «съ угодіи, кромѣ козачьихъ грунтовъ и виключивъ изъ села Плехова посполитныхъ два двора, какъ свободны»³⁾. И впослѣдствіи оно числилось въ Горошинской сотнѣ за бунчуковымъ товарищемъ Даніиломъ Требинскимъ⁴⁾. Послѣдній выстроилъ въ 1777 г. новую церковь взамѣнъ старой тѣсной церковцы Сепера⁵⁾. Эта вторая церковь прелестной древнемалорусской архитектуры въ видѣ корабля стояла среди сирени, тополей и ясеней въ саду, но по неизвѣстнымъ соображеніямъ она выдви-

¹⁾ Можетъ быть фамильное преданіе подразумѣваетъ Лубенскаго полковника А. К. Нестеренка (1672 г.) зятя Многогрѣшнаго (Лазаревскій. Ист. Очер. 52).

²⁾ А. Грановскій. Полт. епарх. 414.

³⁾ И. Лучицкій. Сборн. матер. 52, Лазаревскій, Ист. очер. Полт. Луб. 132—134, Кіев. Стар. 1896 г., VI, 309.

⁴⁾ Грановскій. Полт. епарх. 414.

⁵⁾ Ibid.

нута въ 1880 г. впередъ на выгонъ и еще только обсажена деревомъ. Новѣйшая церковь обыкновенной сельской архитектуры. Иконостасъ синій съ круглыми очертаніями; памѣстные образа—въ драгоцѣнныхъ шатахъ, хорошей кисти, но нѣсколько напоминаютъ греческія божества, образъ же Пресвятой Дѣви очень индивидуаленъ, какъ будто списанъ съ живой женщины. Къ счастію, маляры, обновлявшіе храмъ, отказались поновить образа, сказавъ: «мы такъ не парисуемъ»¹⁾.

О хозяйствѣ старѣйшихъ паповъ Требинскихъ ничего неизвѣстно. Слѣдовавшій за нимъ помѣщикъ Иванъ Михайловичъ Скаржинскій имѣлъ здѣсь винокурню, 5 плуговъ и стадо сѣрой украинской породы. Крестьяне имѣли своихъ 2 плуга, работали 4 дня пану и 2 себѣ, пѣшие получали 3-й спопъ, женщины пряли по 3 пивмитка. Жена его, урожденная Закревская, овдовѣвъ, вышла вторично за Паскевича (Паська), и затѣмъ имѣніе пріобрѣтено Ф. К. Чернышемъ. У Т. С. Герасименка быль одинъ плугъ, нѣсколько коровъ и табунъ въ 15 матокъ съ однимъ жеребцомъ. Сынъ его Иларіонъ Тимофеевичъ построилъ винокурню. Хозяйство мѣстныхъ козаковъ не было значительно, зажиточные держали по плугу воловъ, пѣшимъ выбрасывали 3-й спопъ, а теперь зажонщикъ получаетъ 4—5 спопъ съ отработкомъ по востребованію; за деньги землю нанимаютъ по 10—12 р. десятину. Обыліе луговъ давало возможность держать по 20 и болѣе лошадей. «У Кобзаривъ була копа самихъ кобыль». Была общественная чeredа съ быкомъ, въ которую платили, помѣщая скотъ, по 3 к. отъ головы и коробку жита отъ пары воловъ. Средней величины пасики, въ 50—60 пней въ зиму, были у Бурыхъ и Дмитренковъ.

1) На одномъ изъ евангелій встрѣчается надпись: «З попади Оржицкой Екатерины Михайловны Антона Сеперова обѣцявши сіе евангеліе за свои собственныя деньги цѣною за 13 руб. съ полтиною дала его сынови своему о. Ивану, пресвитеру Шлехова и потомства его во вѣчные роды въ Богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ Иваномъ Боровскимъ и Стефаномъ Смирницкимъ по моему прошенію за вышеписанную цѣну власными моими деньгами».

Мѣстное рыболовство такое же какъ и въ сосѣднихъ селахъ; ловятся тѣ же породы рыбъ: щука, вязь¹⁾, караси, линь, вьюны. Раковъ нѣть. Ловятъ крылачами на свободномъ мѣстѣ (на гайду), ятерями и неводами, зимою помошью камышовыхъ «котей». Уловы невелики: пуда два рыбы; прежде фунтъ рыбы стоилъ 3 к., пудъ 1 р. 20 коп., а теперь 8—10 к. фунтъ и 3 руб. пуд. Всего населенія теперь 1600 душъ. Оно высоко, темнорусо, съ голубоватыми глазами; темные волосы и глаза встрѣчаются въ семействахъ: Бурыхъ, Дригъ и Трегубовъ. Мода оржицкая, отличающаяся отъ хорольской. На лѣвомъ берегу Сулы въ хорольскомъ у. женщины носятъ очипки пирожкомъ, повязываются платкомъ узломъ (гулею) впередъ; въ одеждахъ большіе выкаты у шеи; сапоги цветные. Мужскія одежды длиннѣе.

Въ Плеховскомъ приходѣ только два хутора²⁾: Слипьевъ и Нестеренковъ. Первый, основанный тремя братьями: Герасимомъ, Яковомъ и Никитой, состоитъ изъ 18 дворовъ, раскинутыхъ па безлѣсной равнинѣ. У хутора Слипькова сплошная возвышенность сульской террасы разрывается крутымъ спускомъ къ рѣкѣ. Слѣва къ хutorу—отвѣсная гора, вправо другая, гораздо выше, съ вершиной, увѣнчанной укрѣплѣніями круглыми, причудливой формы. Послѣдняя гора называется Лысой. Валы протянулись и около хуторовъ. Внизу подъ самой горой темнѣеть Сула узкимъ ручьемъ. За нею широкій, желтѣющій цветами лугъ, а за нимъ межъ блѣдными вербами и осинами, темными берестами, разбросаны постройки хорольского хутора Калкаева. За зеленою въ синей дали виднѣются очертанія Нарожской церкви³⁾. Тот-

¹⁾ Иначе билызна (*leuciscus idus*. L.). Мелкая рыбка носить въ лубенскомъ у. слѣдующія названія: верховодъ (*leuc. alburnus*. L.), вивсянка или вивсюшка, гидлечни, плитка (*I. rutilus*) плоскирка (*ablatinus blicca*. L.), пукасы, сыкавка (*cobius taenia*. L.), таловирка и хавдодъ.

²⁾ Урочища кругомъ Плехова называются луки Гряза; ямы на Сулѣ: Кобзарьки, Цыганка и Бакланка; могилы: Батарея, Бурты и Роскопана.

³⁾ Нарожье село хорольского уѣзда.

часъ за Лысой горой къ востоку лѣпится на кругизнѣ среди грушъ, берестовъ и осинъ хуторъ Нестеренковъ въ 14 дворовъ, основанный Андреемъ и Тимофеемъ. Низина подъ хуторомъ называется Тванью ¹⁾, прежде по ней ходилъ паромъ Оболонскихъ и Гудимъ съ платежемъ въ началѣ по востребованію, потомъ по 3 коп. отъ воза и по копѣйкѣ съ пѣшаго. Потомъ проложена длинная земская плотина съ рядомъ вербъ по краямъ. За Тванью Сула, пробѣгая мимо сосѣдней Чутовки, направляется къ Городишу, затѣмъ протекаетъ около Жовнина, золотоношскаго уѣзда, межъ низкими, песчаными берегами и скоро вливается въ Днѣпръ подъ высокой горой.

Вблизи хуторовъ Слинка и Нестеренка, у впаденія ручья Иржавца ²⁾ въ Сулу, расположена Чутовка, крайнее южное поселеніе лубенскаго уѣзда. По обѣимъ сторонамъ балки тѣснятся крестьянскія постройки, въ рощахъ вишень, грушъ, ясеней и сребристыхъ тополей. Внизу продолговатый прудъ съ зеленою водою, прежде обильный рыбой и раками. У пруда видны ряды итальянскихъ тополей и осокорей, обширный садъ и панская усадьба, принадлежавшая Требинскимъ, съ противоположной стороны села — другая панская усадьба. Название села происходит отъ имени козака Чута, жившаго вблизи на такъ называемъ Городищѣ особымъ хуторкомъ ³⁾. Но о Чутѣ ничего неизвѣстно, хотя такая фамилія и встрѣчается среди мѣстныхъ крестьянъ. Дѣйствительная же исторія села, разукрашенная, впрочемъ, воображеніемъ, соединена съ герцеговинской фамиліей Требинскихъ, появившихся въ уѣздѣ по слѣдующему поводу. Какъ извѣстно, Петръ Великій, объявивъ войну Турціи, пригласилъ и южныхъ

¹⁾ Твань — невылазная грязь, болото.

²⁾ Гуровъ. Геол. опис. Полт. г. 325. Этотъ ручей только одноименный съ протекающимъ по Черевковской и Селецкой волостямъ, описаннымъ въ «Средней Лубенщ.» (Кіев. Ст. 1903 г. II) и въ 1-й гл. настоящихъ очерковъ.

³⁾ «Тамъ бувъ городокъ, одынъ старыкъ вертивъ землю бурамовъ, найде клади: печище замуроване, родъ лѣха и угля», — рассказываютъ старожилы о Городищѣ.

славянъ въстать противъ турокъ и скинуть позорное иго. Приглашение это воснѣто въ приводимой графомъ Милорадовичемъ сербской пѣснѣ:

Какъ Русія съ Турцимъ ратоваше,
Петаръ Црвый, Императоръ Рускій
Оправio посланика свога
Михаила Милорадовитя,
Одъ старице изъ Герцеговине
Да понесе Црной Горы книге
Петровитю Данилу Владици
И Главаромъ отъ Горице Црне ¹⁾...

Полковникъ Михаилъ Милорадовичъ, явясь въ 1711 г. съ увѣщательными грамотами въ Скандербегіи, Герцеговинѣ и Чорной горѣ успѣль разжечь возстаніе, въ которомъ воевода Кастель-Нуово Славуй Требинскій, поднявъ оружіе противъ турокъ, содержаль компанію на своеъ счету, а послѣ примиренія вынужденъ быль переселиться въ Россію и опредѣленъ сотникомъ въ Ирклѣевъ, Переясловскаго полка, гдѣ купилъ грунты и съ согласія жителей занялъ свободное поле ²⁾). Потомъ въ 1734 г. по указу Анны Іоанновны дана Славую съ братьями: Алексѣемъ и Максимомъ м. Оржица, Лукомской сотни, «для лутшого утвержденія и ласканія всего тамошняго благочестиваго народа». Славуй вызывалъ изъ Герцеговины плѣмянниковъ: Данила, Николая и Ивана, изъ которыхъ первый по смерти Славуя въ 1749 г. и Алексѣя въ 1753 г. получилъ Оржицу и Плеховъ, а Иванъ поступилъ вицекапраномъ въ полкъ, набранный генераломъ Шевичомъ. Однажды въ 1753 году онъ вмѣстѣ съ братомъ Николаемъ напалъ на хуторъ Оржицкаго богатыря Авраменка, избили хозяевъ и челядь, изнасиловалі молодицъ и дѣвокъ, ограбили ху-

¹⁾ Сказаніе о родѣ граф. и двор. Милорадовичей. Кіевъ 1884 г., 92.

²⁾ Изъ грамоты Елизаветы Петровны 13 сентября 1745 г.. приведенной проф. И. В. Лучицкимъ въ «Сбор. матер.». Кіевъ 1884 г., 50—52.

торъ и угнали скотъ. За такие неоднократные набѣги на козацкое добро, рубку лозъ, потравы полей, захватъ козачьихъ участковъ Иванъ Угричъ-Требинскій посаженъ былъ генераломъ Хорватомъ въ темницу. Освободившись, онъ занялся устройствомъ Чутовки, зазывая людей и предоставляя имъ на шесть лѣтъ въ пользованіе каждому по 3 десятины пахоты, по 1 десятинѣ съ-покоса, дерево и камышъ за 18 дней отработка въ году¹⁾). Объ этихъ набѣздахъ, о заселеніи Чутовки о самой личности Ивана сохранились въ окрестностяхъ слѣдующія народныя воспоминанія. «Іованъ Требинскій бувъ первый вояка и власть ёму дана: куды хочешъ иди и де пайдешъ вольни степы, селись тамъ. Якъ ухватылы ёго у плинъ, хотили смерти предать, шо Требынскій винъ, а винъ сказавъ: «Я Угричычъ, а не Требынскій, и війшовъ у се царство, поселывся у Чутовци на хутори Бекманивци надъ прудомъ. Жывъ у Чутовци Сеперъ и Требынському те мисто вподобалося и приказавъ Требынскій своєму війську: «якъ бы Сепера зогнать видтиля». Такъ одинъ служака, подданный, затоварышувавъ и позвавъ Сепера до себе у гости и начавъ ёго дурить;upoивъ, такъ винъ якъ заснувъ, а військо зламало ёго постройку, зорало и жыта насіяло и семейство подалося на Твань, а Сеперъ кынувся, колы нема уже его постройки, ходить, плаче, дознавъ де ёго семейство. Ставъ позываться. Судъ спытавъ: «Який то сонъ, шо ты спавъ, шо зламалы, выоралы и жыто насіялы, а ты й не чувъ?» Такъ судъ отказалъ: не може буть шобъ такъ. А Сеперъ бувъ богатый и давай просыться у Плехивъ: «Пустить мене, я выстрою церковь и буду у васъ попомъ».—Разъ Іованъ йихавъ верхи, а гадъ вылизъ и злякавъ коня и Іованъ трохи не впавъ, такъ винъ у болото сославъ увесь гадъ, и на степку до Плехова, покы ёго земля, и доси нема гаду. Винъ, якъ треба рыбы, якъ крыкнувъ Горошынцямъ за пять верстъ: «Давайте рыбы, а то осидлаю коня и головы поздіймаю!» Ёго боялись уси. И патреть ёго бувъ: страшный, чорнявый. Разъ занявъ винъ

¹⁾ «Кiev. Стар.», 1896 г. VI. 309, 311, 312, и IX, 220, 227 и 228.

кони Оржыцького попа. Пипъ пойихавъ до ёго, такъ веливъ Требынський забыть бороду попа въ пенёкъ и пипъ стоявъ двое сутокъ зъ заклынцёваною бородою. Жывъ винъ соби и одбывавъ землю, завоёувавъ, прыбращавъ и козакивъ соби; було возьме бочку водки и назбира людей; выйизжавъ винъ на буланому кони изъ своимы людьмы, подданными, сто чоловикамы, хотивъ Клыщиныци звоювать. Надъ Сулою гарне мисто, якъ и Чутовка. Пишовъ винъ прынуждать тихъ крестьянъ. Воны бачить, що дило плохо и—тикатъ. Тоди лисно було тамъ. Такъ Іованъ сбере дитея та лавою до стини и подавывъ ихъ, а людей тихъ не розыскавъ. Тоди собрались люде изъ Вереміївки зъ кіккамы и одбыли Клищенци¹⁾.—Предокъ Требынськихъ бувъ сербъ. Въ старого сербина було трь сына: одыпъ сивъ на мисти княземъ, другий подавсь сюда, а третій у Аглію. Сей прыйшовъ зъ войскомъ и сивъ у Чутовци надъ яромъ, зогнавъ Сепера, а то хотивъ зогнать Плехивъ и Оржыцю, зробивъ соби планъ на десять верстъ и сказавъ усихъ согнать. У ёго колдунъ бувъ. И войсько ишло на Плехивъ. Якъ Плехивци почули, забрали дрюкы, війця и пишли напротывъ зъ пымы быться. А Андрієць Нестеренко жывъ хуторомъ, у ёго пасика була и меду багацько. Винъ попросивъ до себе колдуна, давъ ёму горилки и меду, а си идуть зъ дрючьями Плехивци, такъ войсько злякалось, що колдунъ бросывъ, и вернулось. Пытае Требынський: «А шо?»—Вернуlyсь шо колдунъ покынувъ уже и прыставъ до Андрійця». И Требынський покы вигналы, покы одбыли одъ Чутовки, версты па два звеливъ закопать ровомъ и ровъ и теперъ есть здоровый. Тоди винъ пославъ войсько на Оржыцю, колы и Оржыця одбылась. Колдунъ же оставсь на вицъ у Андрійця, гостывъ, покы не вмеръ²⁾. У Іована була жинка изъ сербіянъ и одыпъ сынъ Лা-

¹⁾ Оба поселенія золотоношского уѣзда. Преданія записаны отъ Чутовскихъ крестьянъ, кромѣ эпизодовъ о Сеперѣ и атаки Плехова, рассказанныхъ П. А. Нестеренкомъ.

²⁾ Чародѣйство входило въ старинную тактику, какъ видно изъ многихъ примѣровъ, приводимыхъ покойнымъ Костомаровымъ. Такъ,

зарь. Якъ Іоваиъ ослабивъ,—а судъ у ёго бувъ за межи изъ Каптакузомъ, Неплюемъ и Скаржинскимъ, такъ винъ пославъ сына: «Нойидь на судъ». А Лазарь помырывсь пе такъ, якъ батько веливъ, а по согласию суда, якъ судъ йихъ прызвивъ. Такъ винъ якъ прыйхавъ до-дому до отця, такъ отець хотивъ ёго застрелять. Лазарь утикъ. У Лазаря бувъ одынъ сынъ Иванъ. Винъ бувъ добрий. Йде винъ на бигункахъ и у ёго бублыки и сахаръ, и де табунецъ дитей,—но головци погладывъ и каждому по бублыку и по грудци. Утромъ па Полупетра (30 іюня) обийжалавъ винъ степъ и казавъ людямъ: «Берить хлібъ, молотить и мелить». Распорядывсь, сивъ па балкони и черезъ пивчаса померъ»¹⁾.

У Івана Лазаревича било состояніе въ 3000 десятищъ, обрабатывавшихся 15-ю экономическими и 15-ю крестьянскими плугами; 10—12 возовъ ходило въ дорогу, было стадо сѣрой украинской породы въ 50 коровъ при 2-хъ быкахъ, 2000 мериносовъ, и табунъ въ 50 матокъ, преимущественно рыжихъ и гнѣдыхъ. Любимый жеребецъ карабахъ быль сѣрый въ яблокахъ (яблуковый). Въ экономії были: 4 водяныхъ, земляная и вѣтряная мельницы. Эта экономія, и вмѣстѣ съ нею село, распалось па двѣ части, раздѣлення ручьемъ Иржавцемъ: юговосточную, собственно Чутовку, доставшуюся сыну Івана, Михаилу Требинскому, оставившему одного лишь сына Сергія, который припаяль мопашество и рано умеръ, и съверозападную, Новоалександровку, доставшуюся другому сыну Александру, продавшему имѣніе²⁾. Подраздѣленія

при защѣтѣ Голтви Остраниномъ на крышахъ сидѣли чародѣи, чаровницы и отводили польськіе выстрѣлы. (Борьба укр. козак. съ Польш. 231). Пораженіе подъ Пилявой поляки присыпывали чарамъ. Хмельницкій совѣтовался съ колдунами. Чаровница Мавруша отсовѣтовала приступъ къ Замостью. При уничтоженіи загона Донца казнены поляками двѣ колдунни. (Богд. Хмельн. 1859 г. 240, 276, 290, 336). См. «Івсн. Лубенц.», 86.

¹⁾ Отъ мѣстныхъ крестьянъ.

²⁾ По народнымъ толкамъ «Аглыцьки Требинськи змерлы и король сказалъ Александру Ивановычу: «Грошай не выпущу, а ты йидь сюды». Такъ Александръ Ивановичъ не скотивъ.

этихъ частей (куты) называются большею частью по именамъ жителей, ихъ заселяющихъ. Крайній кутъ Чутовки отъ Плехова—Зацеркivка—заселена: Евтушенками, Репиленками, Черненками; далѣе куты: Никопивка—жилье Блискавокъ, Давидовка—Дулей, Кайдъ, Криворучокъ, Радькивка—Лазоренкивъ, Омельчекивъ, Радченкивъ, и Мартыновка, на которой живутъ: Маслаки и Щербановские. На площадкѣ стоять небольшая деревенская церковь св. Иоакима и Анны, основанная въ 1773 г.¹⁾ подполковникомъ И. Л. Требинскимъ, среди погоста, обсаженнаго желтой акаціей и молодыми деревцами. Новоалександровка состоить изъ слѣдующихъ кутовъ: Щербапивки, занятой: Лазирскими, Омельченками и Чутами, Сукивки—Зузулями, Маслаками, Старущенками и Сукиами. Послѣдній древнійшій кутокъ Бекманивка за прудомъ представляется рядомъ стѣсненныхъ, однообразно, какъ въ казенныхъ поселеніяхъ, выдвинутыхъ причилками на улицу, хатъ, заселенныхъ: Гривами, Лепинскими и Шевченками. Жители взяты Требинскими большею частью изъ Оржицы²⁾, частью же—судя по фамильнымъ прозвищамъ—жители переселились изъ нѣсколькихъ сель лѣсной и западной Лубенщины, вѣроятно привлеченные перечисленными выше льготами, объявленными Иваномъ Требинскимъ. Положеніе крестьянъ наканунѣ отмѣны крѣпостного права различалось. Въ Чутовкѣ было 18 семей тяглыхъ, получившихъ по 4 десятины надѣла, въ Новоалександровкѣ не было тяглыхъ и положеніе вообще соединялось съ стѣсненiemъ. Люди отказались отъ надѣла и теперь панимаютъ поле и пастбище исключительно за отработокъ. Всего жителей 1387; они вышесредняго роста, много брюнетовъ. Одежда въ складкахъ, какъ въ Оржицѣ, очипки только плоские, красные, въ родѣ конфедератки, чѣмъ мѣстныя женщины отличаются отъ золотоносскихъ смежныхъ сель, гдѣ очипки широкіе съ двумя гребнями, переломленные посерединѣ.

¹⁾ Прежде Чутовка принадлежала Мохначскому приходу и только послѣ пожара Мохначской церкви, случившагося на Рождество, выдѣлилась въ особый приходъ.

²⁾ Лазаревскій, Истор. очер. 135.

Вверхъ по Иржавской балкѣ за Чутовкой у самой Золотоношской границы расположены три Иржавца: Новый, Старый и Вершининый. Первый, называемый еще Слободой, протянулся вдоль дороги линіей бѣдныхъ хатъ, крытыхъ камышемъ, въ тѣсныхъ дворахъ среди небольшихъ садовъ. Основанъ Скаржинскими, «богатющыми пачамы», имѣвшими здѣсь до 2000 десятинъ, треть которыхъ распахивалась 8—12 плугами; остальная служили сѣнокосомъ и пастищемъ для стада коровъ: 50-ти при 2—3 быкахъ сѣрой украинской породы, табуна лошадей въ сто головъ, большую частью рыжихъ и гнѣвыхъ съ 6-ю жеребцами верховыми и упряжными; и 1000 шпанокъ. 10 возовъ посыпалось въ дорогу. На ручье Иржавцѣ молола водяная мельница. И людямъ тогда жилось недурно. «Люды жылы краще козакивъ, було у 50-ти хозяинъ по пари воливъ, булы: коровы, бычня, вивци и свини». Тяглымъ предоставлялся 1—2 дня земли и по 3 дес. сѣнокоса. Они обязаны были: пахать, волочить экономические поля, свозить экономической хлѣбъ; пѣшимъ предоставлялось также по дню поля и выбрасывался 3-й спопъ па общемъ основаніи. Женщины отпрядали въ зиму по три мотка. Теперь народъ обѣднѣлъ: надѣль взять по 2 десятины на семью, притомъ не всѣми. Зажонъ—7—8 спопъ безъ отработки, 7—12 коробка молотицкамъ, смотря по урожаю. Степное сѣно снимаются съ 7, 8, лучшее съ 10 копны. Всего жителей 625, переселеныхъ большую частью изъ х. Круглика, имѣнія Скаржинскихъ вблизи Лубенъ и изъ Чевельчи, денисовской волости, по фамиліямъ: Выговскіе, Дробинскіе, Капитаны, Карюки, Кобы, Кваша, Мигили, Моцные, Обизы, Трегубы, Чуприши, Шаповалы, Шеливестры, Уманцы и др. ¹⁾). Посреди слободы у круглого выгона стоитъ небольшая каменная церковь съ красивымъ розовымъ иконостасомъ. Куполь церкви круглый, а колокольня готической архитектуры. Обѣ выстроены Ф. К. Чернышомъ въ 1848 г. ²⁾).

¹⁾) За оврагомъ была степь Оржицкихъ помѣщиковъ Сахновскихъ и жили ихъ крестьяне: Горденки, Норки, Тесли и др.

²⁾) А. Грановскій. Поят. епарх. 411.

Съ новымъ Иржавцемъ незамѣтно соединяется старый, и только лучшія постройки и большая зажиточность жителей указываютъ на происшедшую перемѣну. Старый Иржавецъ расположень межъ двумя ярами: Иржавскимъ и другимъ, безименнымъ, идущимъ къ хутору Крысамъ, золотоношского у. Основанъ онъ мѣстной фамиліей Зѣненковъ. «Предокъ ихъ бовкуномъ и бидкою прыйихавъ зъ Польши у Оржыцю, а зъ Оржыци выйшовъ у степь па ричку Иржавецъ. Тутъ булы тоди степы верстъ на тридцать, никто ихъ не обработувавъ. Якъ винъ прыйихавъ сюды бидою, то и хуторы звались у старовыну Бидни хуторы». Крайній отъ Нового Иржавца кутъ называется Мандолынивцы-ною отъ имени жителей козаковъ Мандолынъ или Магдалынъ, «лытовченківъ», далѣе Матяшивщина, занятая одними только Матяшами, имѣвшими въ старину пасику, за нею Боровкивщина, жилье Боровковъ, пришедшихъ сначала въ Оржицу, а уже оттуда въ Иржавецъ, и Ванцаковъ, родственниковъ Слиньковъ, затѣмъ Яцынивщина, гдѣ живутъ Яцыны, Надвирнивщина, прежде принадлежавшая козаку Слиньку, потомъ перешедшая за его дочерью козаку х. Шамбурова хорольского уѣзда, Надворному. Послѣдній кутокъ Биднивщина занягъ папами и козаками Зѣнепками, также ихъ крестьянами, нѣкогда подсосѣдками. Вблизи церковь Всѣхъ Святыхъ, построенная въ 1802 г. землевладѣльцемъ Слинькомъ съ прихожанами, а фундаментъ подведенъ помѣщикомъ И. В. Косюрой¹⁾. Подъ фундаментомъ склепъ, въ которомъ погребенъ самъ жертвователь. Въ церкви выдаются слѣдующіе образа: храмовой въ роскошныхъ серебряныхъ шатахъ, св. Іосифа, патрона Косюры, Иоанна Крестителя, обнаженного до пояса, и пророка Иліи, мѣстной кисти. Въ сторонѣ на краю села расположена обширная усадьба Золотоношского предводителя дворянства В. В. Косюры, потомка старинной фамиліи Золото-

¹⁾ Родился 1769 † 1840 г. До построенія храма въ XVIII в. Старый Иржавецъ показанъ хуторомъ сотеннаго эсаула Семиеровига (А. Грановскій Полтав. епарх. 412). Священники изъ фамилій Семиновскихъ и Сулятицкихъ.

ношской сотни, м. Крапивной. Эта фамилия въ формѣ Кусюръ встрѣчается между прочимъ въ спорѣ эсаула Лукашевича съ воинсковыми товарищемъ В. Косюрои¹⁾ въ XVIII вѣкѣ. Но общественная и хозяйственная дѣятельность этой фамилии принадлежала преимущественно золотоношскому уѣзду. Средоточіе хозяйства, обширная усадьба, старый садъ были въ хуторѣ Марьиновскомъ или Крысахъ. Тамъ жила покойная К. Д. Косюрина, сестра харьковскаго профессора Борисяка, настоящая малорусская пани: гуманная, привѣтливая, гостепріимная. Самая скѣтлая женская личность старого патріархального времени. Крестьяне Косюръ въ Иржавцѣ называются: Волки, Махны, Цимбалы и др. При учрежденіи прихода въ 1812 г. всего въ пемъ жителей было 855 душъ, въ тридцатыхъ годахъ прошлаго вѣка до тысячи, въ 60-хъ годахъ 1300 и въ началѣ ХХ вѣка—1600 съ лишкомъ.

Послѣдній поселокъ, раскинувшійся по обѣимъ сторонамъ иржавской балки, называется Вершинно-Иржавскимъ или Чайковиціей. Второе название мѣстные старожилы производятъ отъ осадчаго оржицкаго козака Ивана, поселившагося двѣsti лѣть назадъ въ степи, среди чаекъ, и отъ послѣднихъ такъ прозваннаго. Кромѣ Чаекъ, въ сельцѣ живутъ еще: Чигрины, Проценки и Мандолины. Средина занята пѣсколькими бывшими крестьянами помѣщика Дарагана, дочь котораго вышла замужъ за Теремецкаго, почему этихъ крестьянъ называютъ Дараганцами, а средину села—Теремецкивщиною. За ними живутъ Комлачи и Слиньки, а на противоположной сторонѣ оврага: Вороные, Лени и опять Чайки. Большинство жителей высокаго роста, плечистые, темпорусы, красивѣе новоиржавскихъ; по церковнымъ даннымъ ихъ всего 600. Церковь, построенная въ 1884 г. на пожертвованія козака Семена Слинька и другихъ прихожанъ²⁾, стоять у небольшого выгона. Иконостасъ Лубенскаго духовнаго училища перекупленъ изъ Зарога и обновленъ. Чайковиція зажиточный хуторъ, прекрасно обстроенный. Старое козацкое хозяйство было

¹⁾ И. В. Лучицкій. Сборн. мат. 175, 176, 179.

²⁾ А. Грановскій. Полт. епарх. 412.

такою же, какъ и везде въ окрестности п'есолько сонное. «Сіялы помаду, а хлиба було багато». Урожай снимался за 3-й спопъ на хозяйствихъ харчахъ. Теперь снимаются за 6 спопъ съ отработкомъ и за 8-й безъ отработка. Наемъ земли 9—15 руб. десятина.

Степь за Чайковщиной, вдоль отмѣченной столбами золотоношской границы, веселая. Повсюду на ней разсыпались хуторки и отдельныя просторныя хаты¹⁾, съ обильными токами, сытыми волами, привѣтливыми людьми, рощами, садами и степными колодцами съ журавлями. Настоящая, типичная хуторная Малороссія, гдѣ все цвѣтеть и улыбается. Такой же типично малорусскій характеръ сохраняетъ и соседній Зарогъ.

Рогомъ на мѣстѣ называется крутой поворотъ гористаго берега рѣки, почему село, лежащее за такимъ рогомъ получило название Зарога. Огъ протянулся линіей въ 7 верстъ надъ зеленѣющей долиной рѣчки Оржицы, и все усадьбы одной стороной спускаются въ рѣчную долину. Хаты построены рѣдко въ разстояніи 50—100 сажень, перемежаются рощами вишень и осокорей. Другою стороною усадьбы выходятъ на выгонъ съ п'есолькими мельницами, порѣзанный на подворные участки²⁾, и далѣе на поля. На послѣднихъ раскинуты могилы: Орливка, Шеменка, Бузивка и Татарка, о которой рассказываютъ: «У сїй могили татары жили, а дорога Денысивска; якъ люди идутъ отсюю дорогою, то вони кыдаются и бьютъ стрилами. На Бузивци бекеть³⁾ стоявъ, а коло Чоловыны стоявъ козацкій за-

¹⁾ Названія ихъ: Бурмановъ, Бутовъ, Ванцаковъ, Гензуловъ, Голованевъ, Засѣдайкинъ, Закорецкого, Кодинскій, Кожушный, Ляпкаливъ, Мандолинъ, Мрячинъ, Надворныхъ, Норчинъ, Ольховый, Синеоковъ, Слинківъ, Сухивскій, Сухоиржавскій, Теремецкаго, Трохимцевъ, Устенківъ, Халовъ, Хоменківъ, Чайкинъ, Черненківъ, Чигриновъ, Якименківъ и др.; все они въ нѣсколько хатъ, населены козаками изъ Иржавскихъ сель и Зарога, названы по именамъ хозяевъ.

²⁾ Сборн. хоз. стат. Полт. IV. Луб. у. 237.

³⁾ Пикетъ.

валъ. Якъ татары кынутся, то на бекети вихы поспускают и люди тикают у Оржыцю». Крайніе куты оть м. Оржицы: Половиницина и Тарапивицина, жилье козачьихъ родовъ такого имени. Половины и Тараны,—по предположенію автора «Жизни въ одномъ селѣ»¹⁾,—представляются основными родами, осадившими Зарогъ. Къ западу отъ этихъ кутовъ помѣщается Голованивичына, занятая также значительнымъ правобережнымъ родомъ Стасенковъ¹⁾. «Омелько Стасенко,—говорять его потомки,—найшовъ сюды здалека. Винъ бувъ табунщикомъ у якогось пана за Дніпромъ и утикъ и прыгнавъ сюды табунъ коней. Тоди малолюдство было — хать пять, и винъ занявъ огородъ. И у дидивъ худоба страшила и земля одъ Зарога до Чайковщины. Злиze Омельянъ на хату, подывытся, шо нема табуна, и тоди сида на коня и йиде табуна шукать. Сыны Стасенка якъ поризнылысь, стали рогатою скотыною бильшъ заниматься нижъ кипъмы». За Голованивичыною расположилась Симонивщина, жилье знатнѣйшихъ мѣстныхъ родовъ: Симоновъ и Слиняковъ. Предокъ первыхъ былъ въ началѣ XVIII в. Оржицкимъ сотенинымъ атаманомъ, затѣмъ двѣ семьи Симоненковъ, любя обособленную жизнь, выселились на зарожскую степь, гдѣ до того была лишь сторожевая хатка, около тридцатыхъ годовъ XVIII в.³⁾. Впрочемъ Зарогъ вообще, какъ и вся окрестная степь праваго берега рѣки, ничто иное какъ разросшееся мѣстечко Оржица сть незначительною примѣсью посторонняго элемента, главнымъ образомъ, въ Плеховѣ. За Симонивщиной село вдается въ долину Оржицы мысомъ, называемымъ Шпиль, за которымъ—куть Бурмивицина, гдѣ живутъ козаки Бурмы и на самомъ краю села къ Денисовкѣ лежить хуторъ Ко-синскаго, населенный бывшими крестьянами Косинскихъ: Бабенками, Гарапценками, Колывайками и Шухами. Больѣе столѣтія

¹⁾ Въ «Основѣ» 1862 г. подъ псевдонимомъ А. Нечуй-Вітеръ. Т. VIII, 29.

²⁾ Стасъ уменьшительное оть Станиславъ.

³⁾ М. Т. Симоновъ. Изъ дѣтск. и отроч. воспом. въ «Кiev. Стар.», 1899 г. № XII, стр. IV.

Зарогъ пребывалъ въ хуторномъ положеніи; сохранилось воспоминаніе, что въ немъ былъ десятокъ хозяевъ и только два колодца; въ 1855 г. выстроена церковь св. Митрофана Воронежскаго иждивеніемъ прихожанъ и особенно козака Семена Слинька¹⁾.

Старое зарожское хозяйство не было обширнымъ. Богатые козаки имѣли по четырехпарному плугу. Даже богатырь Семенъ Слинько, имѣвшій отдельный хуторъ въ 120 десятинахъ и подарившій на руку 36 десятинъ, довольствовался плугомъ. Бѣднѣйшиe зажинали за 3-й снопъ на хозяйственныхъ харчахъ. Общихъ табуновъ и стадъ не было: каждый гонялъ корову на свой участокъ. И пасикъ большихъ не было, такъ какъ па оржицкихъ лугахъ мало цветовъ, облога же понемногу распахивались. Изъ козацкой массы, какъ хозяинъ и человѣкъ, выдѣлялся Терентій Семеновичъ Симоновъ, по уличному гладкий, або товстый Терешко. Благодаря, литературнымъ произведеніямъ его сына, М. Т. Симонова, глубоко национальный образъ старого Симонова представляется во всей своей полнотѣ. Несмотря на теплое сыновнее чувство, проникающее всѣ мѣста этихъ произведеній покойного Матвѣя Терентьевича, касающиhsя отца, однажды вырвавшееся изъ самаго сердца: «Старикъ мой, старикъ! крутъ ты подчасъ бывалъ, но я люблю тебя вспоминать!» — характеристика отца вышла вполнѣ правдивой. Въ этой характеристики старый Симоновъ изображается человѣкомъ сильнымъ, желѣзного характера, несобщительнымъ, особенно недобившимъ совѣтовъ. Самъ неграмотный, онъ склонялся къ свѣту и успѣлъ дать образованіе всѣмъ своимъ дѣтямъ. «Всѣ уважали отца,— говорить Матвѣй Терентьевичъ,— за умъ, да и старѣе всѣхъ былъ онъ на хуторѣ, ну и достатокъ таки былъ у пскойника»²⁾. Достатокъ заключался въ 400-стахъ почти десятинахъ земли, обрабатывавшейся 2—3 плугами, въ пасикѣ, въ нѣсколькихъ коровахъ, въ конскомъ табунѣ, состоявшемъ въ 20 головахъ такихъ превосходныхъ ло-

¹⁾ А. Грановскій. Полт. епарх. 410.

²⁾ Номисъ. Отр. изъ автобіогр. Бѣлок. въ «Кiev. Ст.», 1899 г., III, 4, и IV, 23, 25, 35—37, 39 и 43.

шадей, какъ описанныя въ автобіографії Билокопытенка: гнѣдой жеребецъ, Билозерь, и бѣлая кобыла¹⁾, и наконецъ въ деньгахъ. «У гладкого Терешки було довольно копійки, винъ бувъ грішный»²⁾. Онъ вель хоziство съ помошью нѣсколькихъ семей подсосѣдковъ (сусидъ): Ведмедей, Гриньковъ, Ткаченковъ жившихъ въ его хатахъ безплатно, на извѣстныхъ условiяхъ. Въ «Дидѣ Мыни и баби Мыныси» подробно перечислены эти условiя: сусиды пользовались хозяйствомъ жилищемъ, огородомъ, пидметомъ (конопляникомъ), подчасъ сѣнокосомъ, толокой, пастухомъ, за что должны были орать, копать, плести тыны, укрывать постройки хозяину; косить и сгребать его сено, жать за снопъ и молотить за коробку его хлѣбъ. Женщины пряли шерсть, драли перья. Подсосѣдки имѣли по парѣ воловъ, по коровѣ и по нѣсколько овецъ. Такимъ образомъ экономически положенiе подсосѣдковъ мало отличалось отъ положенiя крѣпостныхъ, но нравственная сторона взаимныхъ отношенiй была ипою: со стороны хозяина эти отношенiя были заботливѣе и теплѣе, со стороны сусидъ—преданiе³⁾.

Терентій Семеновичъ быль дважды женатъ. Первый разъ на дворянкѣ Герасименковой изъ Плехова, отъ которой родилось нѣсколько сыновей, вторично на юной красавицѣ Ефимовой, происходившей отъ плѣнного турченка, вскормленного русскимъ торговцемъ, который женилъ потомъ пріемыша на своей дочери. Вторая жена добрымъ нѣжнымъ характеромъ побѣдила настолько отчужденность пасынковъ-подростковъ, что послѣднiе относились къ ней, какъ къ родной матери, нечего и говорить поэому какъ любила она своего мальчика, едипственно уцѣлѣвшаго Матвія.

¹⁾ Ib. IV, 40, V, 59—61 и VII, 112—114.

²⁾ Денежный.

³⁾ Ib. X, 196, 200, XI, 211. Сильную сторону разсказа: «Дидѣ Мына» составляетъ очеркъ быта подсосѣдковъ, почти неизученнаго, и нравственныхъ отношенiй, почти вассальныхъ чувствъ къ хозяину, а слабую: растянутость (о пѣтухѣ), исключительность положенiй: баба пчелиха, волы, носящіе на рогахъ одежду. Убой капитаномъ сразу двухъ воловъ дробью напоминаетъ охотничий разсказъ.

Другіе сыновья умерли, и остались только дочери, вышедшия впослѣдствіи замужъ за дворянъ. Любовь матери еще болѣе усилилась вслѣдствіе ужаснаго несчастія, случившагося съ ребенкомъ на второмъ мѣсяцѣ жизни, въ 1823 г. Однажды отецъ замахнулся плетью на провинившуюся пяньку и кончикомъ ремня выбилъ глазъ спавшему въ колыбели сыну. До 1832 г. Матвій Терентьевичъ жилъ дома, учась грамотѣ у родственниковъ и чужихъ, а съ этого времени по 1835 г. учился въ Лубенскомъ городскомъ училищѣ. Объ этихъ первыхъ годахъ жизни только и сохранились подробныя, яркія воспоминанія въ разсказахъ: Дида Мына и баба Мыныха, Титка Настя и Автобіографіи Билокопытенка; напримѣръ, прощеніе съ матерью предъ отѣзломъ въ училище, нѣсколько напоминающее отѣздъ Бульбы съ сыновьями на Запорожье, обиды отъ товарищей въ училищѣ, взяточничество и т. д. Затѣмъ о пребываніи въ Переяславской семинаріи въ 1835—1840 г., въ Полтавской гимназіи съ 1840—1844 г. и въ Киевскомъ университетѣ въ 1844 г.—1848¹⁾ нѣть никакихъ ни печатныхъ, ни устныхъ данныхъ. Разсказываютъ только, что старый Симоновъ хотѣлъ оставить кончившаго гімназію сына при себѣ, женить и передать ему веденіе хозяйства, но сынъ отказался и двѣ желѣзныхъ воли столкнулись. Отецъ отказалъ въ содержаніи, Матвій Терентьевичъ объявилъ: «Пиду пишкомъ въ университетѣ!» Здѣсь первое время онъ перебивался уроками, потомъ поступилъ на казенное содержаніе. Окончивъ Кіевскій университетъ кандидатомъ по филологическому факультету, Матвій Терентьевичъ читалъ словесность въ двухъ гимназіяхъ: Нѣжинской и Немировской, пока не перешелъ служить въ Государственный Контроль, въ которомъ былъ оцѣненъ главноуправляющимъ Татариновымъ и предсѣдательствовалъ впослѣдствіи въ трехъ контрольныхъ палатахъ: Псковской, Екатеринославской и Житомирской. Въ 1869 г. онъ оставилъ контроль съ цѣлью заняться хозяйствомъ въ Зарогѣ, и съ этого времени вся жизнь его посвящена была

¹⁾ «Изъ дѣтск. и отр. воспом.» «Кіев. Стар.», 1889 г., № XII, стр. IV, VI, VII, IX, XII, XIII и XIV.

Лубенщинѣ на различныхъ поприщахъ. Уже въ 1872 г. Матвѣй Терентьевичъ былъ назначенъ директоромъ Лубенской гимназіи «въ виду единодушнаго желанія мѣстнаго общества»¹⁾. Тогда часто собирались къ нему по вечерамъ молодые земцы для бесѣдъ о мѣстныхъ дѣлахъ и уговаривали, бросивъ гимназію, занять должность предсѣдателя Лубенской земской управы. Живо припоминаетъ эти вечера и самъ Матвѣй Терентьевичъ. Онъ достигъ тогда полноты силъ, былъ высокъ, широкоплечъ, всегда въ неизмѣнномъ сѣромъ пиджакѣ. Портретъ, помѣщенный въ «Киевской Старинѣ» конечно передаетъ нѣсколько суровыя черты его лица, но не душу. Да и никакой портретъ не могъ бы передать того доброго, любящаго выраженія, которымъ по временамъ освѣщалось его лицо. Душа его была любяща, и въ отношеніяхъ къ молодежи всегда замѣчалось пѣчто отеческое. И характеръ Матвѣя Терентьевича, казавшійся инымъ тяжелымъ, обнаружился ясно. Для того, чтобы вполнѣ правильно понять этотъ характеръ, необходимо принять въ соображеніе все изложенное выше: прежде всего свойство могучаго рода Симоненковъ вообще и старого Симонова, котораго Матвѣй Терентьевичъ былъ живымъ подобиемъ²⁾, въ особенности; затѣмъ здоровую степную мѣстность, и добрый, естественный образъ жизни, въ которомъ протекло дѣтство Матвѣя Терентьевича; прадѣдовскіе обычай, близость Оржицы, полной воспоминаній о козацкой славѣ. Разъ ощутивъ въ себѣ присутствіе большихъ физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ силъ, разъ навсегда сознавъ себя и повѣривъ себѣ, онъ затѣмъ уже всю жизнь слѣдовалъ лишь указаніямъ своего духа. Эти силы Матвѣя Терентьевича, подъ вліяніемъ долгой службы, широкаго жизненнаго опыта, занятій хозяйствомъ, приняли организаторское, созидающее направленіе, почему избранный въ 1878 г. предсѣдателемъ Лубенской земской управы³⁾,

¹⁾ Н. Л. Сеферовскій. Двадцатипятилѣтіе Луб. гимназ. Лубны 1898 г. М. Т. Симоновъ. Зам. къ юбил. Луб. гим. Кіевъ 1898 г., 7.

²⁾ Автоб. Билок. въ «Кіев. Ст.», 1899 г. V, 78.

³⁾ М. Т. Симоновъ. Зам. къ юбил. Луб. гимн. 7.

онъ началъ прилагать ихъ къ живому земскому дѣлу, какъ вдругъ лубенцы, тогда еще не сравниваемые съ древними аѳинянами,¹⁾, поступили съ нимъ какъ разъ такъ, какъ поступали послѣдніе съ своими выдающимися согражданами. На первое же заявленіе предсѣдателя обѣ ассигнованій 500 руб. для болѣе точнаго измѣренія земель, потому что часть неприведенной въ извѣстность земли ускользала отъ обложенія, земское собраніе отвѣчало отказомъ. Тогда Матвѣй Терентьевичъ сказалъ: «Я же могу только подписывать бумаги», отказался отъ должностей: предсѣдателя, гласнаго, почетнаго мирового судьи и удадился въ надежное убѣжище, въ свой Зарогъ, залѣчивать нанесенную рану, отдыхая, душей въ клунѣ, за плугомъ, или разѣзжая на Воронѣ, высокомъ ворономъ жеребцѣ, едва выносившемъ могучаго всадника. Но земство вновь отвлекло его отъ покойной хозяйственной дѣятельности, избравъ въ 1885 г. заочно участковымъ мировымъ судьей; послѣ чего онъ тотчасъ избранъ былъ предсѣдателемъ съѣзда. По знанию народнаго быта, хозяйства, народныхъ обычаевъ и народной психологіи онъ былъ идеальнымъ судьей; еще большее воспитательное значеніе имѣло его предсѣдательство въ съѣздѣ, такъ какъ всѣ знали, что одинъ изъ важнейшихъ мѣстныхъ сановниковъ низачто не измѣнить правдѣ. Любителей декорума поражала однако суровая простота жизни предсѣдателя, его пренебреженіе къ внѣшнему блеску. Бѣдилъ онъ въ съѣздѣ большою частью въ нагруженной сѣномъ телѣгѣ, парою вороныхъ сытыхъ коней. Въ присутствіи засѣдалъ въ сѣромъ пиджакѣ. Однажды пришелъ въ съѣздѣ изъ Зарога старый козакъ и спрашивалъ: «Дѣ тутъ Махтей?», пока не догадались, что онъ желалъ видѣть предсѣдателя. Матвѣй Терентьевичъ остатокъ жизни провелъ въ Лубнахъ, отдавъ большую часть состоянія земству, въ полномъ уединеніи, смертельно больной, но гордый сознаніемъ исполненнаго долга и принесенной пользы, находя удовлетвореніе въ глубинѣ своего духа, и не нуждаясь въ юбилеяхъ,

¹⁾ Обѣ этомъ сравненіи см. «Кiev. Стар.», 1901 г. IV. Док. 32, со ссылкой на Южн. Край № 6949.

рѣчахъ и т. п. Таковъ былъ М. Т. Симоновъ, много поработавшій на благо общее, которое онъ предпочиталъ личному, доблестный и неподкупный какъ Фокіонъ, вѣрный сынъ Лубенщины и ея лучшій гражданинъ. Такимъ зналъ его пишущій эти строки, но была и другая сторона дѣятельности покойнаго: научная и литературная, извѣстная всей Малороссіи¹⁾.

В. Милорадовичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Какъ выше замѣчено, въ воспоминаніяхъ Матвѣя Терентьевича есть пробѣль, между прочимъ о кружкѣ Основы и о главныхъ малорусскихъ литературныхъ дѣятеляхъ: Костомаровѣ, Кулишѣ, Шевченкѣ и др. А между тѣмъ онъ участвовалъ въ «Основѣ», былъ друженъ съ Шевченкомъ, Кулишъ же въ 1854 и 1855 г.г. даже проживалъ въ Зарогѣ, о чёмъ упоминаетъ какъ самъ онъ (въ «Кiev. Стар.» 1898 г., IV, 127, 128 и V, 234) такъ и его біографъ (В. Шенрокъ. «Кулишъ». въ «Кiev. Ст.», 1901 г., V, 204). Здѣсь построилъ онъ домъ въ лощинѣ Байивщинѣ, окруженнѣй съ трехъ сторонъ лѣсомъ и яромъ. О пребываніи Кулиша въ Зарогѣ записано мною слѣдующее сказаніе одной оржицкой старушки, г-жи Шевейковой: „Прыйхалы мы до старои Симоновои, шобъ йихать въ Онишки до брата, колы является чоловикъ, одежа така, якъ на побережъ: чорный капитанокъ, закавраши облямовані зеленимъ сафьянномъ. Выйма письмо и дае, а мы неграмотни. Симонова пыта: „одъ кого се“?—За прыкацька вони мене договорылы.—Сядьмо, пойдемо въ Онишки. Винъ пойихавъ зъ намы. Прыйхалы мы туды, Симонова oddae письмо братови и той прочытавъ, а винъ осталъся за прыкацька. Якъ прыйхавъ Сымоновъ, скочывъ и ухватылъся за шию, прыишлы и до хаты, обнявши. И тоди сказавъ Сымоновъ, шо се Кулишъ, дуже важный панъ. Винъ добре гравъ на сопилку и сшивавъ“.

Fata morgana.

(Зъ сильскихъ настроивъ).

Колы Андрій Волыкъ проходывъ повзъ головный будынокъ погорилои сахарни, зъ стинъ руины зъ галасомъ зиялось вороння, а въ середыну зъ лоскотомъ посыпалысь тынкъ и цегла. Хочъ сахарня, давно вже закынена, разсыпалася и заросла травою, въ порожнихъ будынкахъ іи разъ-у-разъ вчуавався шумъ, немовъ гоминъ машинь и робитныкивъ лышывся на старому жытли. Мынаючи купы бытои цеглы, били плямы вапна, па-пивъ прыкрыти молодымы бурьянамы, гыли трухляви жолобы и чорни дыры—викна, зъ якихъ немовъ щось выглядало,—Андрій згадувавъ колышне. Яка-небудь шына, що блыщала зъ травы, мовъ плазуюча гадюка, або чавунне колесо, до половыны загрузле въ землю, выклыкалы передъ ёго очи картыну шумливого жыття фабрики, и винъ бачывъ себе коло вагонетокъ зъ цукромъ, або били апарату. Тоди винъ бравъ трыйгадцять карбованцівъ на мисяць!...

— То булы часы, «пане добродзею!»—казавъ винъ у голосъ до себе и гладывъ билого вуса.

Андрій прямувавъ до старого береста, що рись на вершечку горба. Звидты злазылы у нызъ фабрични будынки.

Вливо одъ Андрія гравъ на сонци срибнымы брыжжамы ставокъ, немовъ рыбы купалысь въ нёму, а за нымъ, на другому горби, ховалася помижъ деревамы церква. За берестомъ лежала доли широка й зелена лука, поризана закрутамы сынёи рички.

Томъ 84.—Мартъ, 1904.

I—6

Вербы и верболозы сиро-зеленымъ туманомъ котылься по луци и закрывалы подекуды воду. На выднокрузи, въ далекыхъ окольшнихъ селахъ, билилы дзвоныци.

Бувъ соняшный ранокъ провиднои педили. По церквахъ дзвопылы. Далеки дзвоны гудилы въ ясному повитри тыхо и мельодійно, и здавалось, що то дзвенить золото сонця.

Андрій поглядэвъ на розвалени камъяныци и радисно хытавъ головою.

— Га! вже воно такъ довго не буде!... *воны* якъ визьмуть у свои руки, то швидко пустять пару!...

«Воны»—булы нимци чычехы, а може й жыды, що передъ шистьма рокамы прыйиздилы оглядаты згорилу сахарнию. Хочъ потому никто вже не цикавився руинамы. Андрій не покыдавъ надії, що ось-ось невыдко якъ найдутъ паны, усе полагодяль и пустять фабрику.

Ну, а теперъ винъ певний, бо папський пастухъ Хома Гудзь шепнувъ ёму ту повыну. Хома хочъ ходыть биля товару, а все жъ бlyжче до панивъ, бо трется коло ныхъ. Буде фабрика, буде!...

Бо то, «пане добродзею», чыста загыбель теперенькы чоловикови: заробыты нема де, земли зроду не було, комирне платы, кругомъ злыдни, а йисты мусыши! Та! велике счаствіе—латочка земли!... Крутытся оденъ зъ однимъ на свої скыбци, а самъ ходыть чорный, якъ земля... а йистъ пе краще за того, що ничего немає... *Хазяи!*...

Андрій въ прызырствомъ чвыркнувъ кризъ зубы.

Отъ фабрика, то вже щось инше. Не страшна тоби а ни посуха, а ни дощи. Робота чыста, ривна. Прыйде терминъ—беры гропи....

И винъ тоди пывъ пыво... На готови... Чысте, золоте, холодне пыво... Тыфу!.. ажъ слына котыться...

Думка була: пидросте Гафійка, паймется на фабрику. Де бъ вона заробыла стильки?!. И швидче виддала бъ ся. Авежежъ... Та же то гуртъ,—знайшовся бъ такый, щобъ посватавъ. Апаратчыкъ або й слюсаръ... Нехай стара не дурыть головы ни соби,

а ни дивци; хазяйський сынъ не визьме убогой,—не такій світъ теперь. Авже-жъ...

Його думки плывли дали. Таки легки, таки прозори, якъ весняне повитря...

Нема руїнъ. Скризь нови будынки. Гукъ машины, съчання пары, тыскъ людей, циле пекло роботы. Все рушается, все живе, все таке прынадне. И винъ чуе сылу у своихъ рукахъ, а въ роти мае смакъ холодного пыва....

Останни дзвоны завмерлы въ повитри. Зъ церкви выходять. Зъ горы ажъ до гребли суне поволи хмара бароду. Гупають сильськы чоботы, лопотять пидтычки, и трипотять на витри стричкы въ дивчать.

Онъ йде Маланка. Мала, суха, чорна, у чистій сорочці, въ старенькій свытци. Андрій не бачить ії облыччя, але знає, що у неї спущени до долу очи й затиснені губы. Ми хочь бидни, але чесни. Хочь живемо зъ пучокъ, а проте й для насъ ѹе мисце въ церкви. Коло неї Гафійка. Наче молода щепа зъ панського саду. У Андрія пидъ вусомъ блукає усмишкa. Винъ знає, що въ сели немає кращої дивчыны. Симіадцятый рикъ пишовъ, саме зъ Пылышивки.

— Га-га-га! Ось де винъ правыть службу Божу. Здоровъ!..

Грубий голосьть йде зъ пызу, й старый безвусый выдъ панського пастуха Хомы Гудзя выглядає зъ-за похилого баркану.

— А вы жъ думалы—де? Дай, Боже...

— На дидъка бъ лысогор сидивъ я тутъ—вже краще у Менделя... Цапынъ сыпъ прывизъ свиже пиво, колы че бреше.... Я такы казавъ ёму—бодай тоби, кажу, така болячка у печинки, и твоїй Сури, и всѣму кодлу твому...

— Отъ купити, тоди й роскушаемо, яке воно...

— Бодай вы вси повыздыхалы по такій правди, якъ держите свиже пиво... А їдо, думаете не куплю? Ходимъ, выпьемо, бый ёго трасця...

— Алé купыте? А зъ воламы жъ—якъ? самъ панъ догляне?

— Хай воны выздыхають ёму до ночы... Винъ думае, сто сотъ кротъ, що я й у проводы пожену товаръ на пашу? Луснешъ, а не диждешъ... Щось маю казаты вамъ...

- Ну? ну?
  - Приходьте зъ полудня до Менделя, тоди скажу...
  - Ну, ну!
  - Побалакаемо, напьемось пыва, стонадцать... Кинець фразы згынувъ за тыномъ.
-

Андрій поспишавсь до-дому. Передъ нымъ лежавъ шляхъ, курній уже, хочь була рання весна. Надъ шляхомъ билила ёго халупка, мовъ йшла кудись зъ села и зупынилась спочты. По дорози тяглісь люде зъ цицкамы, зъ клункамы. Ось Гафійка винесла одному воды. Сталы й размовляють. Зновъ надходить купка... Ще рядокъ... Проходить тай проходить. А той стоить. Еге-ге! Та-жъ то цилый ключъ журавлыный. Идуть тай идуть. Десь у Таврюю, або на Кубань. Отъ тоби й хазяйськи сыны, хлиборобы... Своя земля просить рукъ, а винъ знявся тай.... А що-жъ робитыме одынъ зъ другымъ на свої латочки? Намно-жылося васъ. Нема на васъ війни або холеры. Одни зъ села, а други въ село, якъ отой Марко Гуща, що недавно прывелы, якъ арештант... Бравъ, «пане добродзею», на фабрыци симпадцять карбованцівъ у місяць и почавъ бунтуваты. Плату ёму давай бильшу, роботы ёму багато, бачъ. Начальство ёму одно, а винъ ёму друге... Ну, не хочешъ, то маешъ: попарылы нагаямы тай гайда до дому пидъ калавуромъ... Та я бъ такому бунтареви...

А той стоить. Зъ кымъ це вона забалакалась? Лыбонь Прокипъ Кацдзюба? Таки винъ. Онъ выйшла на поригъ Маланка. тай сковалась назадъ... Хай дивка постоить зъ хазяйськимъ сыномъ... Гляды, щобъ не засватає. Ха!.. А якъ-же!...

Андрій пидішовъ до хаты. Крыва, похылена халупка, зъ чорною стріхиою и билымы стінамы, стояла помижъ закинутыхъ, зъ забитыми викнами осель, колись побудованыхъ фабрыкою для робитныківъ, и здавалась чымсь живымъ и теплимъ середъ холодныхъ мérцівъ. Биля хаты сирилы скопани грядки, одъ воритъ до порога вела стежечка.

За те сусидни городчики булы повни смиття и грузу; необроблена земля йижылась торишнимъ бадыллямъ, и на чорныхъ руинахъ завжды сидило ворония.

Андрій заставъ Маланку покирлыву й ласкаву, якъ завжды по служби Божій. Значить, вона лаятыме ёго сёгодня не такъ, якъ въ будень, а зъ солодкою усмишкою и нижними словами. Поглядаючи скоса на щильно стулени жинчыни вуста, винъ зъ побильшеною жвавистью скынувъ зъ себе свыту и розсився на лави, якъ пашъ. Га! Хиба винъ не господарь у своїй хати! Проте Андрій плекавъ таемну падію, що все мынется якось и жинка не зачесть.

Та саме въ той ментъ, здймаючи зъ мысныка мыску, Маланка скынула на ёго окомъ.

— Наняўся?

О! такы почынается! — подумавъ випъ, але удавъ невынного.

— Що?

— Чы наняўся въ экономії? — пытаю.

Ачъ, невирна баба: и знае, що не бувъ я тамъ, а пытае.

— Ать, дай ты меи спокій зъ тою экономіею... не те у мене на мысли теперъ. Онъ казавъ Гудзь — швидко сахарню будуватымуть.

— Слухай, серце, Гудзя, слухай, Андрійку... якъ разъ почепыгі торбы, тай мени доведется...

Вона стулыла сухи губы и знѣла очи до стели. Щожъ! вона мовчыть, бо у свято грихъ лаятись, але колыбъ усимъ тымъ, що плещутъ про фабрыку, покорчыло языки, то це було бъ дуже добре. Фабрыка, фабрыка, а де вона? Ну, була фабрыка, а хто мавъ корысть зъ неи? Мендель. Може неправда? Може не въ Менделя лышавъ винъ зарібокъ? Що вони мають, чымъ живи? У неи вже руки посохлы одъ праці, вона вже жылы высотала зъ себе, абы не здохнуты, просты Господы, зъ голоду...

И вона совала ёму передъ очи сухи и чорни, немовъ зализни руки, голи до самого ликтя.

— Бо чоловикъ не заробить, ой не заробить, серце мое. Винъ думае про пыво, а проте ни гадкы, що...

И пишло. Вона ёму вычытувала, вона ёго сповидала, вона кропыла ёго, пидкурювала и садыла чортамы такъ обережно, таcъ деликатно, якъ тильки можно було въ недилю, по служби Божій, а зинъ, червоный, немовъ вареный ракъ, спочатку видмовчувався, а дали й соби почавъ верещаты тонкымъ и надирванымъ голо-сомъ.

Таки перемигъ.

— Тыху, тыху, тыху! Трычи тыху на твою землю! Хай вона тоби западется! Не наймуся я й не буду въ земли рытыся. Вона вытягла зъ мене уси сылы тай пустыла па старисть голого. Тыху, ще разъ тыху на неи...

Тоди Маланка стала якъ стовпъ и зняла руки до неба.

— Що ты кажешъ, непрытомный! Та ты ставай на колица та цилуй іи... йижъ іи, землю святу, вона тебе годуе... вона тебе й сховае, чоловиче...

Вона стояла била якъ биль и справди наляканя.

Хмару розбыла ластивка. Вбигла Гафійка, сквапно ховаочы щось за пазуху. Оте чисте, выплекане, немовъ вылизане матирью звирятко, таке тuge, якъ пружына, зъ круглымы бронзовыми ру-камы й ногамы, въ золотыхъ волосынкахъ, ота весняна золота бджилка—вкынула въ хату ѹось таке, видъ чого били стини пидъ нызъкою стелею осмихнулись, голубъ передъ образамы крут-нувшись па нытци, и козакы зъ червоного панеру, налиплені на стинахъ, узялъсь въ бокы.

— Мамо, даваты обидаты?

— Давай, давай, Гафійко...

Маланка зразу одійшла.

— Та чого ты крутишся по хати, мовъ дзыга? Такъ и мыски побьешь. И въ церкви усе крутилася та оглядалася...

— Та ёго не було въ церкви.

— Кого «ёго»?

— Та то я такъ...

— Що тоби, дивко, сёгдня: мало борщу не перекинула.

— Страхъ, розказуе, яке діялось, народу, каже, якъ на війни, сила—сыленна... а кинни наступають, душать. «Розходь-

тесь», гукають. А ти: «не пійдемо, давай намъ наше... мы за правду»...

— Та хто розсказуе?

— Марко... недавно прыйшовъ зъ Адесу...

— Це Гущињ? Кажутъ--піймавсь на злодійстві, попоседивъ у тюрми тай прывелы сюды на втиху старому батькови.

Гафійка спалахнула.

— Брехня! То люде брешуть.—Винъ ничего не кравъ, отъ ій-же Богу!..

— Та цыть же жъ бо!—гукнувъ Андрій.—Яке тамъ злодійство! Мени врядныкъ розсказувавъ, якъ я ходывъ на почту. Винъ, Гуша отой, не кравъ, а народъ бунтувавъ. Такому бъ, врядныкъ каже, у тюрми гныты, а не на воли буты...

— Та ихъ тамъ, тату, крывдылы.

— Що ты тымышъ!.. Отъ пехай лышъ побачу, що винъ тутъ ману пускае та книжкы людямъ чытае—заразъ руки назадъ тай до врядныка.

— Оце напалыся... незнаютъ сами завищо...

— А тоби що? Ты мени зъ нымъ—гляды, не прыставай, бо якъ побачу, «пане добродзею», то...

Але винъ не скинчывъ: саме въ той ментъ, якъ Гафійка нагнулася, щобъ выйняты зъ печи горщиکъ, зъ-за пазухы высунулася въ неи книжка и впала до долу. Гафійка покынула горщиکъ, вхопыла книжку и вся червона, зъ очамы, повнимы слизъ, прожогомъ выбигла въ сины. Андрій перевивъ здывованый поглядъ на Маланку.

Але Маланка була вже не свята й не Божа. Вона зразу забула, що въ недилю не можна лаятись и свитыла до чоловика зеленымы очыма.

Андрій мавъ гарну прысмаку до недильного обиду, тымъ бильшъ, що скильки не клыкалы Гафійку йисты, вона не ввійшла вже до хаты.

Ну, давъ Богъ недилю, можно спочты. Маланка сила на прызьбу и поклала на колина руки. Андрій кудысь подався; Гафійка на музыхахъ, а въ хати сумно.

Сонце стоить нызыко, такъ у тры чоловика до земли; порожни й обдерти халупкы кыдають кострубати тины. Курна дорога зъ-пидъ Маланчыныхъ нигъ бижыть у поле. Навкругы пусто. Челядь гуляе на майдани; стари гомонять пидъ воритъмы, а въ Маланкы звычайни гости—думы.

Охъ, Боже, Боже, трошки того вику, а якъ ёго важко прожыты. Андрій зновъ не панялся. Отакъ що року. Легкого хлиба шукае. Всю, каже, силу отдавъ земли, бильше не хочу. Зновъ буде рыбку ловыты... на почту побижыть, якъ панъ пошле, зайця пидстрелыты. Люде жнуть, або косять, а ѹи Андрій иде стежкою, реминна торба черезъ плече, брыль на потылъци и цинкомъ вымахуе...

Курыть щось по дорози. Що воно бижыть такъ прудко? Ага, лыбонь панычъ Лёлё зъ сусиднёї экономії у гости йидуть до двору. А вже жъ. Онъ и панна Тося... и горбата панна Ганна и панычъ Петрусь. Ряби кони рвуть зъ копыта, въ хмары курявы сміются молоди облыччя, кывають до неи. Маланка встае, нызыко вклоняется, немовъ образамъ, и дывытся у слидъ, якъ клубочится за брычкою позолоченый сонцемъ пыль.

Вси воны зрослы пры ній, на іи очахъ. И раптомъ духъ смачного, сътого борщу війнувъ на неи звидкись. Вона йила такой борщъ, якъ служыла у панивъ. Давно це було, а теперъ згадалося, жывучы на картопли. Маланка сидае и зновъ кладе чорни руки на колина. Онъ де воны почорнилы оти руки: на роботи въ панивъ. Якъ ій було висимъ рокивъ, померъ батько, а на дванацятому вона вже никого не мала, опричъ хазявивъ. Писля матери лышылась стара скръния, два-три дранки и латаный кожухъ. Тай тильки.

Спочатку вона памятае себе чорною, вично въ сажи, коло пансъкыхъ свышеи. Потому вона була въ горыцахъ, разъ-у-разъ была посуду, а іи была пани и зачышалы панычи. Потому звелили ій варыты йисты челядп, и вона варыла, ажъ стала старою

дивкою. Тыха, покирлыва, всихъ слухала и плакала по закуткахъ. Плакала, що робыть на чужыхъ, що сохне, втрачає сылу и никто не сватає іи. Плакала, бо любила землю, городъ, поле, а мусила варыты йисты цилому табунови пешажерлымъ челяди. Навкругы була земля, така чорна, пухка, родюча, по весни пышна, въ осене багата, а никто не клыкавъ іи на ту землю, никто зъ хазайськихъ синивъ не схопивъ зробыты іи господынею. Потому виддалася за Андрія. Якъ це сталося, що вона пишла за нёго, вичного наймыта, старого парубка, бурлаку, що немавъ павить власної хаты, не то що земли—и доси не знає. Прыйшли злыдни до злыднivъ, а зъ ныхъ выросла бида. Наче знала, бо такъ плакала на весилли.

Зъ одного боку спивають свашкы, зъ другого дружкы, въ хати мовъ въ улыку, у викина дывытся челядь...

Имберу, матинко, имберу,
Вывены рубочокъ зъ паперу...

А ій пидкотылося щось пидъ горло, душыть іи, и вона бьется головою объ стиль, голосить и мые слёзамы тоди вже чорни руки.

То доля іи плакала тоди.

Пишлы лита марне зъ свита, якъ лыстъ по Дунаю...

— Агушъ, трекляти... Агуш-ша!

Маланка скочыла зъ прызыбы и пожбурнула грудкою. Квочка зъ курчатамы кублылась на грядкахъ и, сколошкана, сердыто квоектала та стовбурчыла пиръя. Жовти курчата роскотыльсь по грядкахъ, якъ горохъ. Налиякапе заколотомъ зпялось зъ сусидней стрихы гайвороня и было крыламы падъ обсыпапою стрихою

Маланка заспокоилась и зновъ сила на прызыбу. Сонце спустылось ще пыжче.

Эге, десь Гафійка забарылась на музыкахъ. Хай погуляе дытына. Тильки ій воли, покы въ мамы та въ тата. Та й те людямъ, мовъ силь въ оци. Казала ковалыха: «водять Гафійку, не мовъ паянку, у службу пе дають—багатыри знайшлысь»... Бодай тоби, просты Господы гриха, стильки болячокъ, якъ у насъ

злыднивъ. Добре тоби казаты, якъ у тебе повна хата дивокъ, а у мене одна, якъ душа. Тильки й потихы на старисть. Выняньчыла, выплекала, мыла й вычисувала, а теперъ oddай людямъ. Мало ще мпою люде поневириялыш, всю силу забралы, всю кровъ выссали, а теперъ ще дытыну oddай имъ... Не дочекають!..

Не таку вона ій долю хотуе, вона oddастъ іи замижъ за хазяйського сына. Дивка здорова, чиста, хочъ воды напыйся. Недурно парубки ззыраются на неи. Посватае Прокипъ; тожъ винъ пишовъ у Таврію, щобъ було чымъ весилля одбути... Въ осені старостивъ зашле, вона вже бачить, що, куды й до чого.

Передъ очима въ Маланки встала левада—зелена, весела, падъ ричкою... Вони зъ Гафійкою плоскинъ беруть. Така гарна молодиця зъ Гафійки. Голова повъязана хусткою. Бере вона плоскинъ и вышивує. У колысци дытына спить. Прокипъ прывизъ ячминъ, стижокъ складає. И такъ ій весело старій, такъ легко, наче вона помолодшала... Стоять городы, мовъ у виночку. Капуста въ головки звывается. Квасоля вже пожовкла, витеръ шумить помижъ макивками, гарбузы розляглись, якъ годовани кабани, а картопля зародыла, ажъ гычъ спilitается. То іи чорни руки походили тутъ, коженъ бурячокъ, кожну цыбульку сама вона поклала въ землю, сама и збере, якъ дастъ Господь диждати. Теперъ вона господыня. Не на своему—такъ на доччыному. Хочъ на старисть диждалась... И вона справить соби червони чоботы, мягки, козлови, зъ кытыцями, якъ у ковалыхы. Видколы вона виддалася—отъ уже чы не висимнадцять рокивъ мынуло—не перестає вона марыты про таки чоботы, що року складає гроши, але гроши ростечутся на щось инше—и чобить немає. Узуты таки чоботы и билу намитку та пійти до церкви. И щобъ такъ поховалы.

— Сыдите соби? Зъ недилею будьте.

Маланка здригнулася. Ага! то ковалыха.

— А тожъ! и вы будьте здорови... Давъ Богъ святечко—святкуй ёго. Не робы, не працюй. Богъ сказавъ: маешъ будень—робы, а въ недилю й зъ-нидъ пазурчыка не выколупай, бо й то робота. Лежы, сиды и не кывнысь.

Маланка була солодка. Вона мала таку усмишку, мовъ розмовляла зъ панамы у двори.

— А я оце зъ музыкъ. Тильки вже й нашого—що хочъ подывышся на молодь. А тамъ ваша Гафійка усе гуляе тай гуляе, зъ отымъ одеськымъ панычемъ—не скажу, чы правду про нёго люде розскажуют—зъ Маркомъ Гущою... Все въ пари тай у пари, немовъ голубыята. Сказано молодоши. Бувайте жъ здорови...

Маланка все солоцко осмихалася, хочъ душа въ неи съчала.

— Ачъ, гладуха—трясе саломъ, розносить поговирь!—проводыла вона ковалыху непрыязною думкою. И ій чогось згадалась ранишня сцена зъ Гафійкою.

На вулыци тымъ часомъ рослы тины.

По-пидъ тынамы гралысь дивчатка у посмитюхы: мали боси ноженята пидкыдалы порохъ—тры разы въ йидень бикъ, тры разы въ другій.—И здавалося, що у пороси грается табунъ горобцівъ. Далеки поля рожевилы. Зъ нызыпъ летили въ село буслы и побліскувалы билымы крыламы. Весняпый вечиръ навивавъ думы.

— Яка ты роскишна, земле,—думала Маланка. Весело за-сивать тебе хлибомъ, прыкрашать зеломъ, заквітчаты квитамы. Весело обробляты тебе. Тильки тымъ ты недобра, що не горнешся до бідного. Для багатого пышаешся красою, багатого годуешъ, зодягаешъ, а бідного прыймаешъ лыше въ яму... Але ще дочекають наши руки обробляты свои нывы, свои города, свои садкы... Поділять тебе, земле, ой поділять. И моёму дадуть... Годи тоби рыбку ловыты.. Хочъ-не-хочъ, а йды «пане добродзею» до плуга... Охъ, Боже, Боже, хочъ на старисть зазнаты того счаствя,—дытыну свою вывесты въ люде...

А на вулыци почынався рухъ. Биглы дивчата, молодыци, диты, зъ ципкамы, зъ хворостынамы. Лопоталы підтычки, гупаль боси ногы, брехалы сколоткапи собаки—«Степа-ане!.. біжы вивци вылучаты!»...—Біжы сама-а!..—«Маты казалы тоби,—бодай бысь луснувъ!»...—Тато казалы тоби,—щобъ ты скруты-

лася-а-а...—«Нашыхъ шестеро, гляды, Марійко!»...—«Не розгубы ягнять, якъ уchorа, бо на гамузъ побью!»...—Що-о? Де-е?—Тюу—гаа!...

Сонце сидало червоно. Викна горили, якъ печи, стини халупъ стали рожевыми, по билыхъ сорочкахъ, розлылось червоне свитло. Здалеку йшла на село хмара курявы. Вона вже наблизжалась, росла, здіймалась до неба, врешти сонце пырнуло въ неї и розсыпалось рожевою млою. Звидты доходылы якись тривожни згуки, немовъ дити плакали, або дити десь гупали на току—и раптомъ овеча отара залляла вулыцю и сколыхнула повитря не складнымъ беканиемъ. Жыви маса овечихъ тиль терлась вовною, тремтила и колыхалася, якъ драгли; цилый листъ тощихъ нижокъ замигтивъ передъ очима, голи дурни морды роскрывали пащи середъ рожевои курявы и плакали: бе-е-е... ме-е-е... Въ рожевому тумани мовъ тины сновыгалы люде, зъявлялись и сchezали неясни обрисы хатъ, въ мори овечого лементу гынулы всяки згуки, весь цей гармидеръ пагадувавъ сопъ. Заду отары йшовъ чорный чабанъ, высокий, ще бильшый одъ непевного свитла, немовъ митычний богъ, ляскавъ пугою и крычавъ дыкымъ, грубымъ голосомъ, покрываочымъ все:

— Гарья!.. Трышъ-трышъ!.. Гей!..

Вже ничего нема на вулыци, все сchezло, якъ сонъ, пыль поволи сидае на землю, а вечирне повитря все ще тремтуть жывимъ акордомъ завмираочныхъ згукивъ.

На землю глянулы тихи зори.

Сыни стини, въ кутку бебехы, залитый пывомъ стиль. Тиспый ванькирчыкъ въ Менделя.

— Не морочте мени, Хомо, головы—кажить заразъ: буде фабрика? Кажить—буде?

Пыво пинилося у зеленыхъ склянкахъ и шумило въ голови.

— Та же сказавъ, що буде.

— О! о! А на що жъ вы радыте оддаты Гафійку въ наймы?

— Раджу. Однаково пропаде дивка. Найисть, напье вдома, тоби жъ гирше буде. А ій одна доля; наймы. Думаешъ—возьме

хто бидну? Посывіе дивкою. Наймай, колы люде трапляются. Завтра жъ одведешъ въ Ямыще до эконома; добрый панокъ, ёму червы языкъ сточылы. Що-жъ, будемо сватамы? Того тебе й клыкаў до Менделя.

— Не кажить мени про те, не люблю. Я й въ мысли не мавъ такого.

— Наймай, Андрію.

— Облышишь, Хомо. Краще пыймо.

— Чого ты чвапышся? Старци, злыдни, жывоты зъ голоду прысохлы до спины, а воно прындыта. Кажу, наймай, каятымешся потимъ.

— Э, я такого не люблю. Нашо робыты зъ пыска халяву. Андрій почервонивъ и вставъ зъ-за столу.

— Сыды. Может не правда? Ты думаешьъ, що ты людина? Собака ты, тай вже. Яке наше жыття? Собаче. Та ты сыды.

Гудзь поклавъ Андріеви на плечи свои здоровенни руки и посадывъ. Потому наблизывъ до нёго свій безвусый червоный одъ пыва выдъ, одъ якого пашыло жаромъ.

— Ты не круты. Ты мени кажы: скильки лить прожывъ? Пятьдесятъ? дожываешъ вика? А дежъ твои молоди лита, де твоя сила, покажы свою пракцию. Мозолій показуешъ? Покажешъ ще й горбъ. Цилый викъ зъ тебе луску шкrebлы, а ты, воле, у плузі йды. Наша доля така—робимъ и грудьмы, то не будемо людьмы. Ты глянь на мене: гадаешъ—Хома передъ тобою?—Худобына. Якъ ставъ змалечку биля товару, такъ и доси. Цилый викъ зъ худобою, самъ худобыноу ставъ. Циле жыття хвости бачывъ замисць людей, бабрався у гною, у гною спавъ, па гною йивъ, па куни гною й здохну. Я забувъ, якъ ёго у хати й сплять стонадцять чортивъ ёму у хвистъ! Сорочка на тоби зашкарубла, якъ кора на дереви, штаны умазани въ волячу мазку, бо кровъ воламъ пускаю, руки не можу одмыты зъ гною. Сяду зъ челядью обидаты, кожне одъ мене нисъ верне—смердыть. А ты гадаешъ—пахнє? Тикаю одъ людей—до воливъ тикаю. Зъ воламы розмовляю. Я до ныхъ говорю, журбу свою вылываю, а вони ремыгають, та ревутъ, та хвостамы одвертають. Тильки въ мене й

розвагы. А ты думавъ--жинка до мене заговорить та щей прыгорне... диты защебечуть... своя хата зогріє. Ха! За тымы воламы я посывивъ парубкомъ, побыла бъ ихъ морока. Теперь тишся на старисть, щобъ ёму дыхать не дало, щобъ ёго щонесло поверхъ дерева, на безголовья! Щобъ винъ головою наложывъ, нужда бъ тя побыла!.. Сто сотъ кротъ ёго мг... Бодай...

— Гей, чого крычышъ, чоловиче, чого лаешся?

— Га? Лаюся чого³ на души легше... якъ пахмарытса тамъ—вылаюсь и легше... якъ бы не лаявсь—згоривъ бы. Таку злисть въ соби почуваво, ажъ душа пашты... якъ запече, якъ запече—такъ взявъ бы въ руки довбню тай перебывъ бы усихъ. Ходывъ бы одь хаты до хаты—тай по голови, тай по голови. Одного за те, що пье людську кровъ, а другого—що не боронить. А потому пидпалывъ бы, щобъ усе вогнемъ взялося та попелюмъ розвіялось, щобъ тильки лышлася гола земля та ясне сонце...

Хома стоявъ у хати високий, ажъ пидъ стелю; очи ёго дивились кудысь по-за стини; безвусый, зморщеный якъ у бабы выдъ скривився. Винъ ажъ тремтивъ. Потому раптомъ зивявъ, опустився на лаву и душкомъ выпивъ пиво.

Андрія взяло за жыве. Винъ тежъ хотивъ, щобъ ёго слухали, почули все ёго жыття, якъ воно стало передъ нымъ отутъ, въ тисному жыдивському ванькирчыку. Доживъ до сывого волоса, а добра не зазнавъ, ой, пи...

— Я такъ миркую, Хомо, колы чоловикъ працюе...

Але Хома зновъ сердывся.

— Пропады ты пропадомъ. Одному все, другому ничего. Хиба я не бачывъ, якъ стара пани...

— Колы чоловикъ працюе, винъ мусить за те щось маты. А якъ земля мени ничего не дає...

— ... Стара пани цилу зыму топыла въ грубахъ полотномъ, що лышилось ще одъ панщины...

— ... Ну, якъ земля ничего не дає—на черта вона мени? Однаково мени, чы я паймыть на своїй земли, чы на чужій. А все наймыть. Правду вы...

— ... Злежалось полотно въ коморахъ. Люде прохають: дайте хочъ на сорочку,—хай праця людська не гыне марно. Та ты слухай же бо.

— Слухаю, слухаю. Гей, чуете, правду вы мовыте: такы собаче жыття маemo. Тажъ то высоталы зъ мене вси жылы. Тажъ то цилый викъ свій напыхавъ я чужу пельку. Ще якъ була фабрика, жывъ якось, а якъ згорила...

— А вже жъ погорило, усе полотно згорило.

— Яке полотно?

— Якъ — яке? Та жъ розсказувавъ.

— А—такъ-такъ. Ну, пыймо краще. За ваше...

— А якъ же зъ Гафійкою? Наймаешъ?

— Та годи вамъ. Пыймо.

— Ну, чортъ зъ тобою, не хочешъ, якъ схочешъ.—Хома выпывъ душкомъ пыво и кынувъ склянкою объ землю.

На бренькіть скла прыбигъ наляканый Мендель.

Було якесь свято. Гафійка сидила на прызьби за хатою. Биля нигъ іі шпортались куры и сокоталы, допомынаючысь нижи. На прызьби лежала розгорпена книжка.

— Агушъ, агуша, йдить соби порпаться по-пидъ тыномъ...— проганяла ихъ Гафійка.—Ну, чого сокочыте, дурни? А ты чого, зозуляста, вытягаешьъ шыю та заглядаешьъ до рукъ? я вже тоби давала йисты. Вамъ тильки абы йисты, дурни. Сердыся, що таке кажу? А отъ поспытай Марка, послухай, що розумни люде скажутъ. Винъ бы вамъ сказавъ: дурні, зроду-звику дурні. Вамъ дають жменьку пшона, а забирають вси ваши яйца, або рижуть васъ на юшку. А ты, пивне, по дурному трипаешь крыламы, храбруешъ. Колыбъ ты бувъ такий смілывый, якъ Марко, ты не давъ бы своихъ дитеi продавати панамъ на печеню. А може ни? Ну, та ты пивень, а Марко орелъ. Ты послухавъ бы, що вінъ каже... Винъ каже... Та що ты тымышъ? ты ничего не разберешъ! Бо колыбъ ты бувъ розумницый, то побачывъ бы, що я люде таки, якъ куры... Ну, чого кудкудачашъ, биленька? Чого смієшся? Думаешъ, я не знаю, що у васъ добре? Думаешъ соби, що ты

кохаешьъ, кого сама схочешъ, а я мушу виддаться за Прокопа, бо маты ёго за мене сватають? Дурна, дурна... Та пехай мене печуть, нехай рижутъ... нехай краще закопаютъ мене въ землю! чуешь ты, зозулястенька? Ну пишла геть, колы головою крутышъ, певирна! Не бійсь, Марко никому мене пе дасть... бо винъ орель... а надъ нымъ, знаете куры, ворония того, ворония... мало не заключаютъ. Колы й люде на пёго, и староста, и навить тато нападаются... а винъ добре хоче людямъ. Не тато, а Марко... Чуете жъ, куры, який винъ добрый, Марко мій... за те ёго парубки й дивчата страхъ люблять... и слухаютъ. А ты куды, проклятый? Агушъ! бать—наслидывъ па книжди! Що мени Марко скаже, якъ побачыть па ній пивнячи слиды? Скаже: пивень бильше начитавъ, нижъ ты. Ну, теперь вси гетьте, агуша, бо мени треба чытаты. Прысунуся блыжче до сонечка, хай и воно загляда въ книжку, хай и воно чытае... Ну, разомъ!..

Зъ погодою щось діялося. Весна стояла суха и витряна. По-городахъ все сохло, хлиба на поля пе рослы, по шляхахъ но-сылись цили хмари курявы. Люде прохалы дощу, бо все вищувало голодъ. Цина на хлибъ раптомъ пидскочыла и це такъ стурбовало Маланку, що вона що ночи бачыла погапи сны. Зате, чымъ гирше було навкругы, чымъ бильше надії хлиборобивъ въялы, tymъ бильшъ Андрія опановувалы мріи про фабрику. Якъ Маланци дороге борошно, такъ Андріеви спылась фабрика. Часомъ винъ схоплювавсь середъ ночи и зъ просоння, зъ якымсь жахомъ въ голоси, пытавъ Маланку:

- Бувъ свыстокъ?
- Який свыстокъ?
- Ну, фабрика свыстало²—сердывся винъ.

— Опамътайся... то тоби въ голови свыще, по ночахъ товчешся,—бурчала сколошкана Маланка, позихала, зитхала и не могла заснути до раня.

Андрія жерла нетерплячка. Винъ разъ-у-разъ бигавъ на руины, щось обмирковувавъ, прыкыдавъ, выраховувавъ. Потимъ бигавъ по людяхъ, роспытувавъ, пускавъ поголоски, и колы

вони зновъ доходыли до ёго, значно змінепи и бильшъ ришучи, винъ радивъ, хвалився Маланци и вирывъ. Навить до своихъ звычайпыхъ заробиткivъ видносывся винъ теперь злегка и не шукавъ ихъ.

Маланка нарикала. Де-дали все труднише и труднише становало знайты якусъ роботу. Трा�vy погорили, по экопоміяхъ бильшъ не паймалы. Прыступаочы до печи, вона просто дурила, бо не знала, що варыты. Прыварку не було, вични позыкы докучылы всимъ и навить Маланци. Найдужче серце болило въ неи за Гафійку—таке молоде, едына дытына, и мусить голодомъ морытись. Якымсь чудомъ вона роздобувала для неи и прыносила пидъ хвартухомъ мысочку ягидъ, або свижу паляныцю. Андрій ридко звертавъ увагу на сіраву—голова ёго була запрятана фабрикою—але часомъ и вигъ одсовувавъ никчемну юпку и почывнавъ бурчаты. Маланка чатувала на той ментъ. Вона вся скыпала лыхою радистью и жбурляла ёму въ лыце всю отруту, все шумовыння свого серця.

Въ одній хати жылы два вороги, и хочъ коженъ зъ ныхъ порынавъ у власни думки и навить тикавъ одъ другого, проте доволи було якоись дрибнычкы—и злисть типала обома, немовъ пропасныця.

Одно ихъ еднало—це згадка про те, що Гудзъ радывъ найняты Гафійку.

— А ты жъ що, плюнувъ ёму мёжы очи?—допытувалась Маланка, а сама, осміхаючись, думала: чекай, чекай, ось прыйде осинъ, тоди побачымо...

— А я такъ розсердывсь, що мало не побывъ Хому! ій-Богу!—хвалився Андрій.—Таке выгадавъ!..

— Ты що тутъ робышъ?

Маланка вытищыла очи и зупынлась па порози. На прыничку горивъ трусокъ и кыпило горнятко. Андрій дывивсь на вогонь, увесь чорный и захоплений. Маланка несподивано заскочила ёго, и винъ осміхався непевшымъ, прыдурковатымъ усми-

хомъ. Маланка прыступыла до печи, одсунула горнятко и зазырнула въ нёго.

— Ты рыбу варышъ?—поспытала вона паляканымъ голосомъ и вся пополотила.

Андрій метнувся на мисци, засунувъ зновъ горнятко, обкыдавъ ёго жаромъ и мовчкы осмихався.

— Чуешь, Гафійко, винъ рыбу варить!—скрыкинула Маланка.

Въ голоси іи чувся такий жахъ, наче въ горнятку що найменче варылось людське мясо.

— Здуривъ! здуривъ! ій-Богу здуривъ!—крычала Маланка, бигаючи по хати, якъ на пожежі.

Видтакъ зупыналась передь Андріемъ, сплеснула рукамы и, не ростуляючи ихъ, выдывлялась на ёго здывованымы, повнымы обурення и жаху очыма.

Винъ рыбу варить! Лына, що спіймавъ у-ранци! Що важдывъ найменче чотыре хунты! Не виднисъ у дверъ, не спродаў панови! Ой, свить кинчается! Такого ще и не було, видколы Андрій рыбу ловыть! Воны николы не зйилы ще бильшої рыбы, яку вжывають паны. За такого лынка можна бъ узяты зо два злоты, а винъ ёго зварывъ!

Усе це, зъ плачемъ, выгомонила Маланка Ачдрієви въ спыну пры булькоти горнятка та потрискувани сухого трускау.

Андрій намагався обернуты все въ жартъ.

— Не скыглы, стара, сидай та попойижъ рыбкы. Нема мяса, якъ свышына, нема рыбы, якъ...

И винъ однись горнятко на стиль, та насыпавъ въ мыску юшки.

— Тристай самъ, бодай ты не выдыхавъ! Мы пухнемо зъ голоду, въ хати ни кришки хлиба, а винъ рыбу варить!

Андріёви було ніяково; Маланка казала правду, але ёму такъ хотілось рыбы, вона такъ прынадно пахла, що низдри ёго третмилы и роздувалысь.

Сопучы и надувшысь, винъ засивъ за рыбу и плямкавъ губами, и сёрбавъ юшку такъ голосно, наче хотивъ заглушыти жинчыне голосиння.

А Маланка лютувала. Опричъ того, що ії жывый жаль бравъ за знивеченую рыбою, вона була голодна. Вона зихляла зъ голоду, ій такъ хотілось чогось гарячого, смачного, незвычайного, а духъ свижой лыныны лоскотавъ низдри, спираў видыхъ; ій ажъ нудило одъ сильного бажання попойисты. Проте вона розумила, що не може прыстуць до стравы и ще сильнише кляла.

— Не журысь, жинко, ось поставлять фабрыку, тоди зароблю де-що...

— Бодай ты такъ жывъ, якъ та фабрыка буде!

Андрій пиднявъ очи. И воны на мыть зупынілъся и кышулы далекій поглядъ кудысь въ простору, по-за стіны, по-за хату—и зразу стало ясно ёму, що справди фабрыки не буде, що то дурни надії, що краще бъ винъ не варывъ рыбы, яку можна було продати та купыты хлиба. И вразъ рыба втратыла свій смакъ, охота до йижи одлетила геть и ёму раптомъ схотилось покынучы хату.

Андрій взявъ шапку и выйшовъ.

Недойдкы рыбы выстыгали на столи, а Маланка зъ дочкою сидилы мовчкы по куткахъ та снувалы гирки думы въ мороці погаслого дня. Сумъ стоявъ въ хати, обнявши зъ тышою.

Потимъ воны разомъ всталы, пидійпли, немовъ змовылъся, до стола и мовчкы взялъся за рибу. Воны пойилы все до щенту, высмокталы кисточки, высёрбалы юшку и мовъ голодни коты вылизали навить мыску.

Андрій збирався на почту: почепывъ на плече шкиряну торбу, взявъ у руки ципокъ. Колы вбигла Маланка. На ній лыця не було. Блида, засапана, очи горять и вся тримтуть.

— Иды... миляютъ...

Андрій выдывився на неи.

Вона не могла говорыты, прытыскала рукою серце и важко дыхала. Другою рукою, умазаною въ землю, бо тильки що полола, вона махала передъ ёго очыма и показувала на дверы.

— Иды жъ, миляютъ бо...

— Хто мириє? Що?

— Паны, охъ!.. Найихалы, будуть землю дилыты ..

— Яку землю? Що ты мелешь!

— Всяку... помижъ людьмы... Иды, доглянь, щобъ намъ одризали недалеко, блыжче одъ села. Бо це прыпадъ дистаненшъ...

— Святы, святы, святы! Опамъттайся. Мени на почту треба йты.

Маланка позеленила.

— Ты пійдешъ мени?

Вона прыскочила до ёго страшина, якъ дыка кыцька, зъ перекошенымъ ротомъ, зъ пекучымъ поглядомъ, блида якъ мара.

— Ты пійдешъ мени заразъ!—выщала вона тонкымъ голосомъ.—Тоби може байдуже, дакъ мени не байдуже. Ты маешь дытыну! Ты хочешъ заризати ін! Ты всихъ насъ рижешъ. Заразъ мени йды. Люде заберуть краще. Чуешъ? Ну!

И бачучы, що винъ стоить ни въ сыхъ, ни въ тыхъ и дывится на неи, вона вхопыла зъ прыничка рубель и замирилась на ёго.

— Иды, бо тутъ тоби смерть буде!..

Вона ладна була ёго забыты,—Андрій це бачывъ.

— Тю, дурна!—зызвавъ винъ · плечыми; та же бачышъ—иду.

Винъ сопивъ, якъ ковальській михъ, и ледве поспишавъ за Маланкою.

У-вечери повернулась Маланка до-дому весела, слыве счастлива. Вона бигала по хати немовъ молодымъ ногамы, а думки іи літалы, якъ били голубы на сонці. Вона осміхалась. Таки чудни паны. Ходять соби по полю тай мириють. Вона имъ въ ноги: паны мої лебедопъкы, згляньтесь на мене бидну, одрижте блыжче, тамъ де пшениця родыть, а вони регочуть. Иды, кажуть, бабко, до-дому, мы не те мириємо. А сами регочуть, бодай бы васъ Богъ мавъ у своїй ласци. Вони думають, що якъ вона дурна баба, то вже ничего не тямить... Стійте, стійте, може и въ неї голова не дурно па въязахъ... Хиба вона не змиркувала, що вони іи дурятъ. Адже скажы людямъ зразу, що то для ныхъ землю дилиять, то тутъ така бъ Содома знялась, що живцемъ пожерлы

бъ одынъ одного... Коженъ за краще бывся бъ. Ну, але вони памъятатымуть бидну бабу, вони ій не скрываютъ. Ще колы бъ Андрій прохавъ, а то ставъ якъ пень, бодай бы...

Не скінчыла проклёну, не могла лаятись иныни. Вона була такою доброю сёгодня, ій було такъ весело, такъ жалко всіхъ. Лагодячи вечерю, вона павить прыспивувала, а трискуче полумъя сухого ломачя немовъ радило разомъ изъ нею. Андріёви вона подала вечерю зъ повагою, якъ до господаря, що має власный ґрунтъ и хазяйство, сама жъ не могла йисты, не була голодна. Все, за щобъ не бралася, робила поважно, немовъ у церкви правыла, а сама осміхалася до себе. На ничъ змыла Гафійци голову лугомъ, росчисала густымъ гребнемъ волосся, що ажъ вылыскувалось; сама заплела дрибушки и кисники. Щобъ голова въ доњыки була якъ сонечко. Щобъ дивка була не гиршъ за людськи.

— Може бъ ты новый лейбыкъ надивъ, бо старый чисто розлизся?—пытала вона Андрія и достала зъ скрыни едыну ёго святпу одежду.—Закроши душу ягідками, ковалыха дала...

Андрій давно вже бачивъ ій такою ласкавою. А въ неї серце розмякло, въ ній все спивало. Спивала колосомъ власна пыва, спивали жайворонки надъ нею, спивавъ писню серпъ, пил-ризуючи стебло, лунали спивы по синокосахъ, спивало врешти серце, повне надій. Осміхалася доля. Не тильки власна, а и Гафійчина. Въ ногахъ чулась миць, въ рукахъ сила. Чорни жылови руки були наче зъ зализа.

— Зъ того дня Маланка часто бигала на панське поле дывитись, якъ мирияютъ паны. Вони ще блукали полями зо два дни, потимъ пойихали. Але Маланка добре знала, до чого воно йдется. Вона почала готовуватись. Полюочи на городи въ багатого мужыка, вона не хотила браты грошей, а прохала одсыпати шиеныхипъ зерномъ, щобъ маты гарний гатунокъ пшеници. Це на насипня, на розвидъ. Колы йила яблуко, обережно выбирала зернятка и сушила на викни. Воно здастся. Нищо не могло зробити ій бильше прыемности, якъ горсточка насиння, выпрохана въ пущающи хазяйки, або зароблена на поденному. Вона дійшла до

того, що опынившись па чужому горóди, стежила очыма, щеъ можно взяты на насиння, и, оглядочьись, потай ламала крашу макивку, або зрывала жовтый огирокъ и ховала за пазуху. У неи въ хати завелось багато всякихъ вузлыківъ зъ насиннямъ— великихъ и малыхъ—и разъ-у-разъ щось сушылося на викнахъ.

— Куды ты ёго подинешъ?—дывувався Андрій.—Адже у насъ усёго тильки дvi грядочки.

Вона таемнычо осміхалась и поблажльво хытала головою.

— Не журись... То вже моя голова въ тимъ...

Въ недилю вона ходыла у лисъ, де стоялы готови зрубы, оглядала ихъ, выбирала крашый матеріаль, розмirkовувала и роспітувала про цины въ лисныківъ.

Вертала до дому задумана, зъ очыма, вступлеными кудысь у простору, гладыла Гафійку по голови и часомъ осміхалась сама до себе.

Вона якось ходыла навить на ярмарокъ, а потому судылы Маланку на сели: певно баба мае гроши та лыше таится зъ тымъ, бо все вештала по ярмарку та торгуvalа пидсвишка...

Якось надъ вечиръ Маланка выйшла зъ хаты и паткнулась на Гафійку, що стояла прытулена до одвирка.

-- Ты що тутъ робышъ?—поспытала вона іи, але, глянувшы на Гафійку, Маланка такъ и зомлила.

— А що тоби таке?

Гафійка пе одповидала. Вона стояла зигнута, блида, ажъ чорна, и тремтила.

— Що зъ тобою?—допытувалась Маланка и взяла Гафійку за холодни руки.

Гафійка мовчала и типалась, якъ у пропасныци. Маланка завела іи до хаты и кынулась свитыты свитло. Бліде свитло ще чорнищи тини поклало на іи виду; широко одкрыти жахомъ очи заблыщали, якъ скляни. Маланка зовсімъ перелякалась. Посадыла Гафійку на пиль и почала тремтячымы рукамы обмацуваты іи лыце, голову.

— Що тоби? Налиякалася? Болыть що?

Одповиди не було. Тильки пидь рукамы въ Маланкы типалось холодне тило.

Маланка почала гукаты Андрія. Та Андрія десь не було.

Маланци заходыло въ голову, что сталося зъ Гафійкою. Наврочывъ хто? Налиякавъ? Пидвіяло? Куды вона ходыла? де була? Що жъ це, Господы, подіялось дивчыни! Колыбъ хочъ сказала, колыбъ промовыла, а то мовчыть, якъ не жыва...⁷

Склінни очи и чорный, схудлый зразу выдъ лякавъ Маланку, и вона почала сама трусытысь надъ Гафійкою, хрестячы іи всю дрибнымы хрестамы.

На счастя надходывъ Андрій. Винъ бувъ веселый, чы па пидцытку, бо говорывъ голосно и зворушено.

— Ну, такъ и йе... я ще тоди казавъ... Найихалы и забралы...

Маланка зашыпила на ёго.

— Де ты волочышся?

— Де жъ? На вулыци. Дывывся, якъ велы Марка Гущу... найихалы й забралы. Догрався. Я бъ такого, пане добродзею, зашыю та па галузку. Коротка справа...

Зъ полу почувся стогинъ.

— Щыть! — накынулась па Андрія Маланка: бачышъ, заслабла. Бижы заразъ по Марьянну... може одшепче, пидкурыть чы переполохъ выкачае... не знаты, що ій таке. Ну, бижы жъ швидче...

Андрій подавсь до шентухы.

Марьянна мабуть помогла, бо за два дни Гафійка пидвелась. Худа, жовта, ажъ чорна, немовъ удовыця, сумна и мовчазпа. Вона все тикала зъ хаты, щобъ не буты вкупи зъ старымы. Найбильше уныкала батька, немовъ боялась ёго. На самоти плакала. И думала, думала, ажъ ій тисно ставало одъ думокъ...

Не все горе, бувалы й радощи.

Писля довгого літнёго дня, колы сонце сідае, а роспечена земля поволи скыдае зъ себе золоти шаты, колы на бlide, втом-

лете днемъ иебо зъявляются крадъкома несмиливи зори, въ останнёму проминни сонца спрвляе грыща мушва, а дывно мягкое, злоторожеве повитря прыймае оддаль бузкови тоны и робыть простиры ще шыршымы и ще глыбшымы,—Маланка зъ Гафійкою идуть курною дорогою, и хочь мають утомлене тило, але разомъ и приемне почуття скинченого дня. Воны несутъ до дому спечене, якъ и земля, тило, а въ складкахъ одежи пахоуци стыглого колоса. Не размовляютъ. Йдуть мовчки, помахууть серпами. Розигнута врешти спина, пущена вильно рука, ще злегка тримяча одъ цилоденного напруджения, мягкий пыль пидъ ногамы замисць стерни здаются теперь счастямъ. А въ дома чекае спочинокъ и сонъ, короткий, якъ літня пичь, але солодкий, якъ холдный листъ до раны. Колы бъ швидче до дому... не вечеряты, не сидиты, не размовляты, а впасты па лаву, якъ каминъ въ волду—и въ мыть склепыты очи.

Сонна, напивпрытомна, Маланка роскладае въ печи вогонь и прыставляе окрипъ, щобъ згтуваты Андріеви вечерю. Вогонь налае и гуготыть, а вона заплющие очи, хытається, и ій здається, що то шумить колосомъ пыва и серпъ черкає по стеблу. Ой, якъ душно, якъ сонце пражкыть. Ба ни, такъ то вогонь пече, бо близъко стала. Ось вона пажала сніпъ и крутыть перевесло... такъ болить спина, трудно зигнутись. Ага! то вона тисто мисить па галушки. Жны, Гафійко, жны... трудно, серце, заробляты, за дванадцятый сніпъ жавши, а треба. Що, пучку вризала, сицышъ зъ болю?.. Ай, ни, тожъ то окрипъ збигае.

Сёрбае юшку Андрій... здається говорыть щось... у хати, чы на двори?..

- Чомъ не вечеряешъ?
- Га?
- Вечеряты йды...
- Вечеряй самъ... я потому...

Ложки треба по... а-а-а!.. помыты. Таки ноги важки, мовъ у чоботяхъ... а голова жъ... голова, ледве на въязахъ здержышъ...

Ну, врешти... На прызыби краще. Ты сицышъ, Гафійко?.. Подушку взяла бъ.. ну, сицай такъ, дытыно, колы заснула. Ой,

кисточки жъ мои, кисточки болючи. Ой, мои рученьки... ниженьки мои... Иже еси на небесы. Хлибъ нашъ пасушный. А-а-а!.. зори дывлятся зъ неба. Жабы крякаютъ до сону. Блакитна баня спускается все ныжче и ныжче... налягае на тило, гнитьи повики. Такъ солодко, спокойно. Не вставь бы й на судъ страшный, не звився бъ и до доли... А небо все ныжче, тай пыжче... пестыть, обіймае... зори лоскочуть, немовъ цилують. Душа роспуштылась въ блакити, тило прылышло до прызбы и тане, якъ вискъ на вогни. Нема ничего... небуття... повне' небуття!..

Хиба жъ не радощи!

Допишу по жывахъ показалося, що зима буде голодна. Посуха тай посуха. Жыта зашалыло, хлибъ уродывсь ридкий та безсыпый. Смихъ и горе було дывытысь на те, що зажалы Малапка зъ Гафійкою, а настреляныхъ Андріемъ качокъ та зайцивъ поймы папы. Ще труднище заробыты буде сеи зымы, нижъ торицъ, а ти, що мириялы землю, якъ сchezлы, такъ и слідъ ихъ пропавъ. А ни чутки. Андрій тежъ мовчыть щось про фабрику.

По селу йшли размовы про Гудзя. Оповидалы, що винъ у гниву забывъ ломакою вола. Ударывъ по пидъ вухо и росколовъ голову. За те панъ прогавъ ёго зъ двору и теперъ Гудзь вештається безъ службы, пропывае остатню одежду и хвалытса, що й похови таке буде, якъ волови. Колысь вингъ заскочывъ и до Андрія.

— Ловышъ рыбку, пане добродзею? — прывітавъ вингъ ёго зъ пьянымъ смихомъ. — Ловы, ловы, може нею подавлятса ти, що йидять іи. Фабрыканть!. Вингъ думае, що для іого фабрику збудують. А якъ-же, чорта пухлого дочекаешся!.. Совы та вороны тамъ жытымуть, поки не завалытса икъ лыхій матери. Кажы — наймаешь Гафійку? Ни? Воліешъ зъ голоду згынуты, якъ руда мыша зимою? Ну, здыхай, врагъ тебе беры зъ усимъ кодломъ, хиба мени що? Знайдемо й другу!..

Винъ розсердывъ, грымнувъ дверыма и выйшовъ зъ хаты, але за хвылыну зновъ просунувъ у дверы червопе й өавзяте облычя.

— Гей, вы, фабрыканты! Памъятай одно зъ другымъ, що ѿще прыйде коза до воза та скаже мѣ... Але Гудзъ дасть дулю,—о!..

Андрій не вытрымавъ.

— Ахъ ты, пьянного, котолупе якысь, а тоби яке дило до мене!—кынувся винъ до дверей, та Маланка не пустыла.

— Облыши!—завыжчала вона пронызуватымъ голосомъ и засвистыла до нёго зеленымы, повнымы злорадои втихи, очыма.— Не зайдай, скаличыть. Тоди якъ на фабрыку ходытымешъ?

— На фабрыку?

— А та жъ...

— На фабрыку, кажешьъ?

— Та жечувъ... збудують для тебе...

Вона цидыла слова, немовъ отруту.

Андрія душыла злисть.

— Свербышъ, болячко? Свербы, свербы, покы не почухаю. Краще кажы—засіяла лапы свои? Багато тоби намирлялы? Дежъ ти паны, що ты имъ руки лызала?..

— А дежъ? фабрыку тоби будують...

— Ты зновъ свое?..

Андрій побывъ Маланку. Вона лежала на лави и голосно стогнала, а винъ блукавъ по оголеныхъ сирыхъ ланахъ, байдужно, безъ цили, абы дали видъ дому.

Гафійка плакала. Вона краще пишла бъ у наймы.

На Покрову повернувъ Прокипъ. Йшла чутка, що ёму не иосчастыло. Зразу не мигъ пайніться, бо народу найшло бильше, нижъ треба, и цини впали; видтахъ заслабъ у Каховци и пролежавъ мисяць, дали подавсь у Таврюю, а звидты опынився ажъ у Черномории. Повернувшись обидраный, слабый и безъ грошей. Маланка не дуже пяла виры тому. Чого люде не сплещуть. И

вона потай одъ своихъ побигла, немовъ за диломъ, до Кандзюбыхы. Показалося—правда. Прокипъ блидый, ажъ сchorнилый, одъ витру валытса та все вылежуяся, а стара Кандзюбыха мало не плаче, розсказуючи, якъ лелве-ледве очыстыла сына одъ нужи. Куды вже ёму жепытыся! була думка—заробыть хочъ на весилля, а тымъ часомъ такый рикъ выпавъ, шо й хлиба не стапе...

Сумна повернула до дому Маланка и никому не похвалилась, шо бачыла й чула. Нехай вже воно прыхнє на нїй, якъ на собаки.

Чымъ блыжче було до Пылышивки, тымъ бильше Маланка втрачала спокій. Не давала спокою й Гафійци. Духъ охайноты, чепуриння опапувавъ іи цилкомъ—и вона товклася по цилыхъ дняхъ: двичы побилила хату зъ надвору и въ середыни, шо дия пидмазувала комынъ та пидводыла червонымъ глеемъ прыничокъ.

Гафійка мусила наризаты зъ паперу новыхъ козакивъ та квітокъ и облипыта имы стини одъ божныка ажъ до дверей. Крыла голубкивъ, шо гойдалысь передъ образамы на нытци, заминени булы новымы, ще бильшъ яскравымы, а на те, щобъ набуты шматокъ шпалеру зъ червонымъ рожамы пидъ образы—шишли уси яйця, яки збиралысь одно до одного.

Чого ходышъ чорна!—гримала Маланка па Гафійку и змушувала іи мало не що дня миняты сорочку, сама чесала ій голову и вплитала въ косы нови кисмыки. Осиннимы вечерарами вона рано свитыла світло, чепурилась немовъ у свято и, сидячи у своїй охаяній хатынци, часто поглядала па двери, тривожно прыслушаясь до гавкання собакъ, и хвылювалася, немовъ па щось чекала.

Часомъ у день, покынувши роботу, вона высовувала зъ кутка Гафійчуни скрыню и переглядала іи убоге шуплаття, разгортала вышивани рушныки и переводыла задумашый поглядъ па дочку. Видтакъ поправляла на нїй намысто, обсмыкувала сорочку, укладала складки спидынци и жалибно похытувала головою, змыгнувшы крадькома слёзы.

Але чого вона не могла байдужно чуты—такъ се бубна. Якъ тильки зъ далекого кутка села, пидъ хмарнымъ осиннимъ небомъ, разлягалось ёго глухе дудниня, вона выскакувала на дверь, прыслухалась, намагалась вгадаты, въ якому двори спрavляють весилля и выявляла таку цикависть до того, хто кого посватавъ, немовъ сама мала падію незабаромъ виддатысь. Вона жыла у вичному напрудженню, іи руки зробылъсь жвавымы, первовыми, а мали чорни очи неспокійно побліскували.

А бубонъ гудивъ. Почынаочы зъ середины тыжня ходылы по вулыцяхъ молоди зъ роспущенными косамы и падалы въ ногы, прохаочы на весилля, або мисыла болото весильна перезва, сповняочы холодне повитря писнямы. Маланка въ одній сорочци выскакувала на поригъ хаты, пидпирала голову долонямъ и жалибно стежыла окомъ за весильною процесією, мерзла и не помичала того. Вона несказано дратувалась.

Коженъ засватаный парубокъ, кожна дивчына, що подала рушники, втрачалы раптомъ въ іи очахъ цину, не варти булы доброго слова.

— Посватавъ! узявъ добро!—шыпила вона зъ крывымъ усміхомъ.—Буде годуваты чужи диты и жинку нетипаху... Хиба ніхто не знає, що вона й хлиба спекты не годна, ій тильки до хлонцівъ иржаты...

— Завязала соби свить за тымъ ледацомъ... Рябый, гугнівый та ще й злодій: укравъ торикъ лаптухъ жыта зъ току...

За те, стричаочысь зъ жинкамы, що малы дорослыхъ сънинъ, вона ставала солодкою и хвалылась дочкою: Слава тоби, Господы, таке воне въ неи роботяще, таке добре, покирлыве, немовъ телятко...

Часъ тягся.

Вечиръ за вечеромъ просыджуvalы воны зъ Гафійкою у прыбраній, якъ на великденъ, хати, въ чистій одежі, немовъ ческалы дорогого гостя, що отъ-отъ невыдко якъ затунае передъ хатою, сколошкае собаць и видхлыльть двери. У Маланки захована павитъ була въ комирчыни, пидъ старымъ манаттамъ, пляшка горилки, про яку опричъ неи ніхто не знавъ.

А навкругы луналы музыки, дуднилы бубны и полошылыничну тышу пьяни писни. Нихто не зъявлявся. Крывы стины халупки, выпьявши бокы, моргалы по куткахъ зморщкамы-ти-нямы, паперови козакы, узявшись въ бокы, стоялы въ рядъ и мовчки дывылышь на тымяне свитло лямпки, а чепурни голубкы крутылышь передъ образамы, пересуваючи довги тини крылья по нызыкій стели. Нудна тривога, мовъ дерево зъ пасиппя, росла въ Маланчыній души. Невже не прыйдуть? Невже нихто не по-сватае? Вона перебирала въ памъяты усихъ парубковъ села—и багатыхъ и середнихъ, и навить бидныхъ, хоть довше зупынялась на багатыхъ. Миркувала, прыкыдала и все сподивалася. Часомъ вона думала, що Гафійка сама вынна.

— Гей ты, вайло!—гукала вона на неи, колы Гафійци не-парокомъ вылитало зъ руکъ веретено, або колы вона зачишляла шо по дорози.—Яка зъ тебе хазяйка буде, що ии ступыты, ни зробити до ладу не годна?—Кара Божа, не дивка—сердылась вона знову:—ты якъ голову вычисала? Хто тебе визьме таку не-чупару?.. —Чого мовчышъ? Говорыты не вміешъ?.. Побачите... вона й долю свою промовчить... Усе не такъ, якъ людськи диты...

Але помитывши слёзы въ Гафійчыныхъ очахъ, вона замовкала, жаль сповнявъ іи серце и вылитавъ довгымъ зитханнямъ... Вона вже знала, яка доля чыгала на іи дытыну. Доведется ій тоptаты матерыну стежку... Ой, доведется...

Зъ поныклою, обваженою гиркымы думамы головою вона прыслушалася до останнихъ згукивъ затыхаючои въ сели весильши музыки, зъ якымы гынулы іи останни надії, останни сподивання...

Идуть доши. Холодни осинни туманы клубочатся вгори и спускаютъ на землю мокри косы. Плыве у сири бѣзвисты пудъга, плыве безнадія и стыха хлыпае сумъ. Плачутъ голи дерева, плачутъ соломъяни стрихы, вмывается слёзамы убога земля и не знае, колы осміхнется. Сири дни зминяють темній ночи. Де небо? Де сонце? Миріады дрибныхъ крапель, мовъ вмерли надії, що зня-

лысь занадто wysoko, спадають до-долу и плыуть, змишани зъ землею, бруднымы патёкамы. Нема простору, нема розвагы. Чорни думы, горе серця крутятся тутъ, надъ головою, высіять хмарамы, котятся туманомъ, и чуешъ коло себе тыхе ридання, немовъ надъ вмерлымъ...

Маленьке, сире, заплакане виконце. Кризъ ёго выдко обомъ—и Авдріеви и Маланци, якъ брудною, разгрузлою дорогою йдуть заробитчане. Йдуть тай йдуть, чорни, похылени, мокри, несчасни, немовъ калики журавли, що видбылись одъ свого ключа, немовъ осинній дощъ. Йдуть и зникають у сири безвисты...

Тъмяно въ ҳалушки. Цидять морокъ маленьки вікна, хмурятся вохки куткы, гнитьть нызька стеля и плаче зажурене серде. Зъ цимъ безконечнымъ рухомъ, зъ цимъ безупыннимъ спаданнямъ дрибныхъ крапель плыуть и згадки. Якъ крапли ци,—ушали й загынулы въ болоти дни життя, молоди сылы, молоди надії. Все писло на другихъ, па сильнищыхъ, на счастливихъ, немовъ такъ и треба.

Немовъ такъ и треба...

А дощъ иде... Горбатымы тинямы у хатнимъ прысмерку сидять стари, немовъ ришають загадане Гудземъ завдання:—чи прыйде коза до воза?

А мабуть прыйде...

М. Коцюбинський.

Стихотворное житіе преподобномученика Макарія, архимандрита Овруцкаго и Каневскаго игумена.

I.

Среди южно-русскихъ праведниковъ, причисленныхъ церковью къ лицу святыхъ, св. Макарій Овруцкій принадлежить сравнительно позднѣйшимъ временамъ, концу XVII в., а между тѣмъ его печатное житіе, изданное въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, переполнено явными ошибками и анахронизмами, что было бы вполнѣ естественно видѣть лишь въ житіи какого-либо очень древняго подвижника¹⁾). Въ свое время почтенный изслѣдователь южно-русской старины М. А. Максимовичъ отмѣтилъ пѣкоторые изъ этихъ ошибокъ и предложилъ свои къ нимъ по-правки, но не довелъ начатаго дѣла до конца или за недостаткомъ времени, или за недостаткомъ данныхъ. Его замѣчанія по поводу печатнаго житія св. Макарія сводятся къ слѣдующимъ выводамъ.

Вполнѣ справедливо полагаетъ г. Максимовичъ, что кончина примч. Макарія не можетъ быть отнесена ни къ 1630 г., какъ

---

1) Описаіе житія св. преподобномученика Макарія, архимандрита Овруцкаго, нетлѣнно почивающаго въ бывшемъ монастырѣ Свято-Вознесенскомъ Переяславскомъ, Полтавской епархіи. Гедеона, архіепископа Полтавскаго. Спб. 1845 г.

это дѣлаетъ г. Похилевичъ, пи къ 1653 г., какъ указано въ печатномъ житіи архіеп. Гедеона. Отсюда само собою вытекаетъ и то, что митрополитъ кіевскій Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій не могъ въ 1627 году опредѣлить св. Макарія въ Овруцкій монастырь, по удаленіи изъ котораго св. Макарій жилъ въкоторое время при Кіево-Печерской лаврѣ, но не въ 1641 году, при какомъ то непзвѣстномъ митрополитѣ Кипріанѣ, и въ то имено время, когда кіевскимъ митрополитомъ былъ Пётръ Могила. Хотя во второмъ изданіи печатнаго житія св. Макарія (1853 года) выброшены имена митрополитовъ Іосифа и Кипріана, но отъ этого «сущность сказанія не измѣнилась», по замѣчанію Максимовича. Ссылаясь на лѣтопись Самуила Величка и Самовидца, а также на стародавнія преданія переселенцевъ о годѣ кончины св. Макарія, Максимовичъ совершилъ вѣрно опредѣлять его дату: 4 сентября 1678 года, въ четвертокъ. Изъ писемъ Лазаря Барановича, арх. Черниговскаго, Максимовичемъ взято новое доказательство, что архимандритство св. Макарія въ Овруцкомъ монастырѣ началось не ранѣе 1657 года и окончилось въ 1671, послѣ разоренія Овруцкой обители отъ татаръ въ 1671 году. Неизвѣстно, когда послѣдовало назначеніе св. Макарія настоятелемъ Каневскаго Успенскаго монастыря, но во всякомъ случаѣ игуменство Макарія въ Каневѣ не могло быть долгѣе семи лѣтъ¹⁾). Таковы поправки г. Максимовича къ житію св. Макарія.

Принимая ихъ во вниманіе, нельзя, однакоже, признать вѣрнымъ предположеніе почтеннаго изслѣдователя, которое онъ сдѣлалъ въ самомъ началѣ своей замѣтки о прецодобномъ архимандритѣ Макаріи, что печатное житіе архіепискона Гедеона «взято изъ рукописнаго, сочиненнаго въ Переяславлѣ, должно быть, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія (т. е. XIX-го)». Этотъ рукописный оригиналъ долженъ быть существовать еще въ XVIII вѣкѣ, иначе было бы странно, что никто не позаботился до начала XIX вѣка написать житіе святого, котораго почитали

¹⁾ Собрание сочинений М. А. Максимовича, Кіевъ, 1876 г., Т. 1-й, стр. 532—536.

не въ одной только Переяславской епархіи, но и во всей Малороссіи. Такъ оно дѣйствительно и было, что рукописное житіе св. Макарія существовало въ XVIII в. даже въ двухъ видахъ: прозаическомъ и стихотворномъ. Рукописи первого вида намъ неизвѣстны, а со вторымъ, которое несомнѣнно стоитъ въ зависимости отъ первого, мы и собираемся познакомить нашихъ читателей.

II.

Нельзя удивляться тому, что стихотворное житіе св. Макарія вовсе неизвѣстно преосвященному Гедеону, позднѣйшему составителю печатного житія св. Макарія. Еще въ концѣ XVIII вѣка изъ Переяславского Вознесенского монастыря оно было увѣзено бывшимъ настоятелемъ этого монастыря (1785—1793) Димитріемъ Устимовичемъ и очутилось въ Смоленскѣ, куда Димитрій былъ назначенъ епископомъ въ 1795 году изъ кіевскихъ викаріевъ и скончался тамъ же 25 мая 1805 года. Рукопись этого житія въ настоящее время хранится въ Смоленскомъ Историко-Археологическомъ Музѣѣ.

Самое стихотворное житіе св. преподобномученика Макарія предваряется службою ему, неизвѣстно кѣмъ составленною, а въ концѣ житія авторъ его нашелъ возможнымъ назвать только свое имя, но не обнаружилъ своего званія и положенія, считая это излишнимъ для того благочестиваго дѣла, ради котораго онъ предпринялъ свой трудъ¹⁾.

Простѣть (sic), труда: уже васъ видѣти не чаю,
Токмо прошенье свое съ вами посылаю.
Ему же гдѣ случится чести сія труды,

¹⁾ Заглавіе рукописи слѣдующее: «Во славу Святыя Единосущныя Нераздѣлимыхъ Тройцы, Отца и Сына и Святаго Духа, написалася книжица сія, Правило преподобномученику Макарію, Переяславскому чудотворцу, 1762 года».

Молю, въ молбахъ Феодора своихъ не забуди,
 Да геенскаго страха Богъ сего избавить,
 Молитвами святаго въ путь благій наставитъ.

Можно лишь предполагать, что авторъ стихотворнаго житія, по имени Феодоръ, родомъ малороссъ. былъ монахомъ той самой обители Переяславской, гдѣ лежали мощи св. Макарія. Характерно, что, составляя стихотворное житіе и, очевидно, пользуясь уже имѣвшимся на лицо рукописнымъ житіемъ св. Макарія, Феодоръ критически отнесся къ году кончины преподобномученика и вполнѣ правильно поставилъ 1678 г. А чтобы не быть голословнымъ для такой даты, вслѣдь за послѣдовлемъ къ житію, на отдѣльномъ листѣ, онъ выписываетъ слѣдуючія доказательства. «Подлинное свидѣтельство о разореніи города Канева и страданіи преподобномученика Макарія, Переяславскаго Чудотворца. Въ рукописномъ лѣтоискусѣ написанъ еще: **жахон** году Чигиринъ Турки взяли и Каневъ спалили. Въ служебники же Каневской обители подписано на листѣ т-мъ сице: «я еросхимонахъ Іларіонъ надаю служебникъ сей до обители Успенія Пресвятой Богородицы монастира Каневъскаго, року **жахни**, м-ця априля, **ко** дня. Отъ сего знать, что еще не разорена била обитель Каневская **жахни** году, но **жахон** году, ибо по разореніи Канева, не имѣ служенія обитель до днесь». Нельзя не обратить вниманія также и на то, что авторъ не только постарался изложить все житіе силлабическими стихами, но еще на протяженіи всего своего произведенія расположилъ особый акростіхъ. Онъ читается такъ: «зде, въ богоспасаемомъ граде Переяслове, въ монастыре Михайловскомъ, опочиваютъ мощи святаго преподобномученика Макарія Токаревскаго, архимандрита Каневскаго и Овруцкаго, игумена Пинского и намесника Смоленскаго. За труды его и подвиги всегдашніе почти его Богъ даромъ нетлѣнія». Почти такое же перечисленіе титуловъ св. Макарія сдѣлано имъ самимъ въ собственноручной его записи на книгѣ «Бесѣды св. Ioанна Златоустаго на 14 посланій св. Апостола Павла», кіевскаго изданія 1623 года. Запись идетъ съ оборота 7 листа и прочитана О. И. Бодянскимъ такъ: «Макарій Токаревскій, архимандритъ Овруцкій,

игуменъ Пинскій, Купятицкій, Каневскій, содережай сю книгу Бесѣдъ апостольскихъ, рукою власною»¹⁾). Здѣсь прибавлено упоминаніе объ игуменствѣ въ Купятицкомъ монастырѣ, но опущено памѣстничество Смоленское. Не беремся объяснить, почему авторъ стихотворного житія одну важную подробность опускаеть, а другую заимствуетъ пеизвѣстно откуда. Всетаки, какъ та, такъ и другая имѣть важное значеніе для біографіи св. Макарія и обѣ вполнѣ могутъ быть оправданы достовѣрными историческими справками. Непонятно только, почему авторъ въ самомъ біографическомъ разсказѣ ни слова не упоминаетъ о тѣхъ важныхъ моментахъ въ жизни святого, которые въ акrostихѣ признаются безспорными. Единственно можно объяснить это лишь тѣмъ, что послѣ критической провѣрки даты кончины преподобнаго, авторъ, считая всѣ остальные свѣдѣнія своего письменнаго источника вполнѣ достовѣрными, не замѣтилъ въ нихъ никакихъ противорѣчій и, вѣроятно, даже боялся въ своихъ изъясненіяхъ перейти уже установленнійся предѣль.

III.

Арх. Гедеонъ Полтавскій говоритъ, что его печатное житіе св. Макарія составлено на основаніи такихъ матеріаловъ, которые, повидимому, заслуживаютъ полнаго довѣрія, что обѣ этомъ святымъ «предали богообразненные мужи, и что обрѣтается въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ и святыхъ дѣлахъ его» (Житіе, стр. 2). Первое свѣдѣніе изъ жизни святаго Макарія, конечно, касается года и мѣста его рожденія. Согласно съ печатнымъ, и стихотворное житіе указываетъ, что св. Макарій родился въ Овручѣ Волынскомъ, годъ рожденія святого пріурочивается въ печатномъ къ году введенія Брестской унії (1596), а стихотворное обѣ этомъ совершенно умалчиваетъ. Въ отношеніи года рожденія св. Макарія предположительно можно назвать указанную дату вѣрной и

¹⁾ Членія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ. 1870 г., т. 2, отд. 2, стр. 67.

невѣрной. Все здѣсь зависитъ отъ степени довѣрія къ источни-камъ печатнаго житія. Въ опредѣленіи же мѣста рожденія, ка-жется, имѣло значеніе не только устное преданіе, но и долгое пребываніе св. Макарія настоятелемъ Овруцкаго монастыря. На самомъ же дѣлѣ, первоначальные монашескіе подвиги св. Мака-рія протекали не на Волыни, а въ Литвѣ.

Въ печатномъ житіи разсказывается, что посвященіе въ ино-ки св. Макарій получилъ во Владимірѣ Волынскомъ, въ «та-мощнемъ Овруцкомъ монастырѣ». Въ этомъ видна явная топогра-фическая несообразность. Такой несообразности стихотворное житіе избѣгаетъ, упоминая только о томъ, что монашеское по-священіе св. Макарій получилъ во Владимірѣ Волынскомъ, безъ указанія, въ какомъ именіи монастыру. Это темное преданіе о мѣстѣ иноческаго посвященія св. Макарія въ печатномъ житіи связано съ именемъ митрополита Іосифа Нелиубовича-Тукальскаго. Конечно, это лицо не было еще тогда митрополитомъ, по указа-ніе на какого-то Іосифа изъ Владиміра Волынскаго можетъ до-нѣкоторой степени имѣть свое значеніе, пока еще не совсѣмъ понятное. Извѣстно, что въ 1620 году ѡеофаномъ, патріархомъ іерусалимскимъ, былъ посвященъ во епископа владимиро-волын-скаго Іосифъ (Іезекіиль) Курцевичъ. До своего посвященія онъ занималъ мѣсто игумена въ знаменитомъ козацкомъ Трехтемиров-ровскомъ монастырѣ. Трудныя обстоятельства времени едва ли дали ему возможность жить въ самомъ Владимірѣ Волынскомъ, но до 1623 года онъ могъ все еще оставаться въ томъ же мо-настырѣ, гдѣ раньше былъ игуменомъ¹⁾.

Всѣ житія согласно говорять, что родовая фамилія св. Ма-карія была «Токаревскій». Съ этой стороны заслуживаетъ пол-наго вниманія извѣстіе автора «Teraturgimi» Аѳанасія Кально-фойскаго, что фамиліи Тукальскихъ и Токаревскихъ принадле-жать Брестскому воеводству въ Литовской землѣ. Такъ, по его указанію, Димитрій Тукальскій похоронилъ своихъ дѣтей въ

¹⁾ Чистовичъ. Очеркъ Исторіи западно-русской церкви. Т. II, стр. 283.

склепъ при церкви Купятицкаго монастыря, а какая-то Марина Токаревская-Пшитровская получила исцѣленіе у образа Купятицкой Божіей Матери и часто потомъ навѣщала монастырь для бого-молья¹⁾). Извѣстно также, что самыи монастырь Купятицкой, въ Пинскомъ повѣтѣ, образовался въ 1629 году изъ иноковъ Виленскаго С. Духова монастыря и первымъ өго игуменомъ былъ Иларіонъ Денисовичъ, постриженникъ того же Виленскаго монастыря. Разумѣется, что въ тридцатыхъ годахъ XVII в., когда уже здѣсь собралось довольноное число братій, поступали въ монастырь не одни только виленскіе иноки. Но, все же, весьма вѣроятно, что и Макарій Токаревскій, извѣстный съ 1637 года какъ инокъ Купятицкаго монастыря, получилъ свое иноческое посвященіе именно въ Виленскомъ монастырѣ отъ его знаменитаго игумена, Іосифа Бобриковича. Оиъ же посвятиль его и въ іеромонахи, когда самъ сталъ епископомъ Могилевскимъ (1633). При такомъ предположеніи, вполнѣ оправдывается имя лица, посвятившаго Макарія, хотя при семъ не можетъ быть оправдано въ житіи самое мѣсто посвященія—Владиміръ-Волынскій. Другой современникъ св. Макарія и постриженникъ Виленскаго монастыря, знаменитый Аѳанасій Филипповичъ, послѣ своего посвященія (въ 1627 г.), ушелъ сначала въ Оршанскій Кутейнскій монастырь, но оттуда скоро вернулся и поступилъ въ число братій Купятицкаго монастыря (См. его «Діаріушъ»).

Въ этомъ же Купятицкомъ монастырѣ св. Макарій могъ впервые познакомиться съ Іосифомъ Нелюбовичемъ Тукальскимъ.

Въ записи на книгѣ «Бесѣдѣ» св. Макарій не напрасно отмѣтилъ свое игуменство въ монастырѣ Купятицкомъ. Отсюда именно началось его возвышеніе изъ простого инока въ настоятельскія должности въ разныхъ монастыряхъ. Важнымъ источникомъ для жизни св. Макарія въ этотъ ранній періодъ является «Діаріушъ» св. Аѳанасія Филипповича, извѣстнаго стра-

¹⁾ A. Kolnofoyski. Parergon cudow swѣtych obrazu przeczystey Bogorodzice w monasterzu Kupiatickim. 1638, rozdział VIII et IX, cud piaty.

дальца за вѣру отъ уніатовъ. Въ немъ онъ разсказываетъ, что при первомъ игуменѣ Купятицкаго монастыря, Иларіонѣ Денисовичѣ, Макарій Токаревскій пользовался среди братіи уже довольно высокой репутаціей и ему именно было поручено отвезти въ маѣ 1637 г. въ Киевъ, къ митрополиту Петру Могилѣ, собранную въ Пинскомъ Полѣсьѣ милостыню, которая предназначалась на возстановленіе Киевскаго Софійскаго собора. Петръ Могила принялъ его очень милостиво и совѣтоваль заняться сборомъ по-даяній на поправку ветхой Купятицкой церкви и для этой цѣли далъ свой благословенный листъ. Дѣло это пришлось взять на себя Аѳанасію Филипповичу, что онъ и выполнилъ съ великими трудностями и не безъ успѣха¹⁾. Въ томъ же году Макарій Токаревскій, обратившій на себя вниманіе митрополита, былъ поставленъ въ игумена вновь основанного при церкви Воскресенія Христова братскаго монастыря въ Каменецѣ-Литовскомъ. Въ Митрополичьемъ фундушѣ прямо было сказано, что Каменецкій монастырь долженъ зависѣть отъ монастыря Купятицкаго и отъ митрополита кievскаго²⁾. Пробылъ здѣсь Макарій Токаревскій около 3 лѣтъ. Въ 1640 году онъ опять уже былъ въ Купятицкомъ монастырѣ. Въ этомъ же году монахи Брестскаго Симонова монастыря просили Купят. игумена назначить имъ въ настоятели либо Макарія Токаревскаго, либо Аѳанасія Филипповича. Купятицкій игуменъ, по совѣщаніи съ братіей, призналъ болѣе удобнымъ отправить въ Брестъ священника Клиmentа Несвѣцкаго, «а нась обоихъ, какъ говорить Филипповичъ, охороняль на тотъ часъ, якъ бы въ Купятичахъ потребныхъ». Посланецъ Брестскаго монастыря не пожелалъ принять о. Клиmentа. Тогда купятицкій игуменъ съ братіей рѣшили кинуть жребій между о. Макаріемъ Токаревскимъ и Аѳанасіемъ Филипповичемъ, кому изъ нихъѣхать въ Брестъ. Жребій палъ на Филипповича, и онъ поѣхалъ къ мѣсту своего назначенія³⁾.

¹⁾ Русск. Ист. Библіотека, т. IV, стр. 52.

²⁾ Акты Виленской Археогр. Ком. т. III, 39.

³⁾ Русск. Ист. Библ. IV, стр. 62—63.

Въ сороковыхъ годахъ XVII в. Макарій Токаревскій, повидимому, долженъ быль самъ стать игуменомъ или Купятицкимъ, или Пинскимъ. Для определенія даты его настоятельства въ Купятичахъ и въ Пинскѣ нужно принять во вниманіе то, что въ 1646 году игуменомъ Купятицкимъ быль Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, какъ видно изъ жалобы, поданной на него іеромонахомъ Палемономъ Боцевичемъ за учиненное надъ нимъ насиліе¹⁾. Изъ этого же дѣла видно, что Тукальскій былъ игуменомъ Купятицкимъ и въ 1645 г. Не имѣя данныхъ, не можемъ сдѣлать предположенія, что Макарій былъ игуменомъ въ Купятичахъ до Іосифа, по смерти Иларіона Денисовича. Съ другой стороны, невозможно допустить, чтобы такой ревностный поборникъ православія, какимъ былъ Макарій, оставался въ Купятичахъ только простымъ рядовымъ монахомъ, если мы знаемъ, что его сильно желало иметь своимъ игуменомъ Брестское братство. Вѣрнѣе поэтому будетъ предположеніе, что уже въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ онъ былъ поставленъ куда либо игуменомъ, и фактическое этому подтвержденіе можно видѣть въ слѣдующемъ. Въ 1647 г. ректоръ цинской іезуитской коллегіи явился съ понятными къ игумену Пинского братскаго Богоявленскаго монастыря Макарію и предъявилъ ему королевскій листъ, предоставлявшій только коллегіи право преподавать польскій и другіе языки. На эту претензію игуменъ отвѣтилъ ректору-іезуиту: «въ монастырѣ нашемъ только по-русску обучаются, по-польску и латинску не мамы жадней школы», и что въ школу часто поступаютъ мальчики, уже знающіе польскій языкъ²⁾. Упомянутый здѣсь игуменъ есть Макарій Токаревскій, котораго было вполнѣ естественно Пинскому братству пригласить къ себѣ въ настоятели братскаго монастыря, какъ человѣка, вполнѣ преданнаго православію и благочестиваго. По свидѣтельству А. Филипповича, еще во времена игуменства въ Купятичахъ И. Денисовича онъ именовался игу-

¹⁾ Акты Виленской Археогр. Ком. т. III, стр. 49.

²⁾ Виленскій календарь 1897 г., стр. 194. прим.; ст. А. Милovidова, Цинскій Богоявленскій монастырь.

меномъ «Пинскимъ и Купятицкимъ¹⁾). Возможно, что еще тогда была какая-то филіальная связь между Пинскимъ Богоявленскимъ монастыремъ и игуменомъ Купятицкимъ. Въ игуменство Іосифа Нелюбовича-Тукальского эта связь могла не прерываться, даже при существованиі въ Пинскомъ Богоявленскомъ монастырѣ особаго игумена, т. е. Макарія Токаревскаго. Не здѣсь ли скрывается причина того, что преданіе соединяетъ имена обоихъ пинскихъ дѣятелей въ отношеніяхъ духовной зависимости Макарія отъ Іосифа? Тѣмъ не менѣе такая зависимость не мѣшала проявлять игумену самостоятельность въ предѣлахъ его личной дѣятельности.

IV.

Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальский оставался въ Купятичахъ игуменомъ до 1654 года, когда онъ сдѣлался старшимъ Виленскаго С. Духовскаго монастыря²⁾. Оба житія: печатное и рукописное предполагаютъ, что лѣтъ за 25 до своей кончины св. Макарій поставленъ въ архимандриты Овруцкаго монастыря, т. е. при вѣрномъ указаніи даты его смерти, это должно было случиться въ 1652—3 годахъ. На самомъ дѣлѣ и такое предположеніе едвали вѣрно: въ это время, и даже до самаго конца 50-хъ годовъ, Макарій Токаревскій не былъ архимандритомъ Овруцкимъ³⁾. Въ

¹⁾ Русск. Ист. Библ. т. IV, стр. 52.

²⁾ Чистовичъ. Очеркъ Исторіи западно-русской церкви т. II, стр. 157.

³⁾ Это категорическое утвержденіе почтеннаго автора должно быть ослаблено въ виду слѣдующаго документа: 15 марта 1650 г. игуменъ Луцкаго Братскаго монастыря Александръ Мокосій-Дениско занесъ въ луцкомъ гродѣ протестацію слѣдующаго содержанія: дошла-де до него вѣдомость, что 13 янв. 1650 г. въ Варшавѣ выданъ «якыйсь привилій на архимандритство Овруцкое, велебному его милости отцу Макарому Токаревскому, игуменови Пинскому служачий». Дениско сведчится de nullitate онаго привилія, а то съ тыхъ рацій: ижъ той привилей упрощенъ Токаревскимъ якобы по уступленю libere

1652 году архимандритомъ этого монастыря быль Александръ Мокосій-Дениско, получившій было еще въ 1650 году королевскую привилегію на Жидичинскую архимандрію, но въ 1652 году король Янъ-Казиміръ отнялъ у него право на Жидичинскій монастырь и отдалъ его Наенанайлу Лозовскому¹⁾. Вскорѣ послѣ этого архимандрію Овруцкую занимаетъ другое лицо. На Переяславской радѣ, въ февралѣ 1658 года, въ числѣ духовныхъ лицъ, здѣсь присутствовавшихъ, упоминается ѡеофанъ Креховецкій, архимандритъ Овруцкій, и дано ему государева жалованья отъ посла государева, окольничаго Б. М. Хитрово, «двѣ пары по четыре рубли, да пара въ 3 рубли изъ запасныхъ солбей»²⁾ Этотъ же самый архимандритъ, съ титуломъ Овруцкій, присутствовалъ въ слѣдующемъ (1659) году на открытии мощей пр. Іова Почаевскаго вмѣстѣ съ м. Діонисиемъ Болабаномъ³⁾.

Долго ли удерживалъ за собой ѡеофанъ Креховецкій Овруцкую архимандрію, сказать не можемъ, только онъ опять является на этомъ же самомъ урядѣ въ 1678 году. Съ титуломъ Овруцкаго архимандрита онъ прибылъ въ Слуцкъ на похороны Могилевскаго епископа ѡеодосія Василевича, котораго хоронилъ

черезъ протестанта“, чего на дѣлѣ никогда не было „и не есть, жебы его милость (жалобщикъ) мѣлъ тую архимандрію уступати“, стѣдовательно, привилей, выданный Токаревскому 13 янв., «ad male narrata, есть отrimаный мимо першое право и привилей его корол. милости», данное жалобщику, каковое право косвенно подтверждено и другимъ привилеемъ, на архимандрію Жидичинскую даннымъ, съ оставленiemъ его при Овруцкой архимандріи (Акт. книга Кіев. Центр. Архива, № 2492, листъ 801 обор. Такимъ образомъ изъ этого документа видно, что въ январѣ 1650 г. Макарій Токаревскій несомнѣнно получилъ корол. грамоту на Овруцкую архимандрію, но воспользовался ли онъ фактически этимъ правомъ въ виду протеста Мокосія-Дениска—не известно; но титулъ Овруцкаго архимандрита, какъ видно изъ послѣдующаго, онъ носилъ и въ 1670-хъ годахъ. Ред.

¹⁾ Труды Кіев. Дух. Акад. 1870 г. т. III, стр. 401. 403.

²⁾ Акты Ю. и З. Россіи, т. IV, № 58.

³⁾ Н. Батюшковъ. Волынь. СПБ. 1884, стр. 191—192.

Лигариди, 28 октября 1678 г.¹⁾). По смерти Василевича, онъ перешелъ на Слуцкую архимандрію, и, вѣроятно, предвидя, что монастыремъ завладѣютъ уніаты, (какъ это и случилось), увезъ съ собою въ Кіевъ монастырское серебро и передалъ на храненіе въ Печерскій монастырь, а своимъ преемникомъ поставилъ Иннокентія Монастырскаго. Однако, этому новому архимандриту пришлось бѣжать отъ преслѣдований уніата Сильвестра Тваровскаго, назначенаго настоятелемъ въ тотъ же Овруцкій монастырь, по королевскому диплому²⁾). Такимъ образомъ, до 60-хъ годовъ, XVII в. Макарій Токаревскій не могъ быть Овруцкимъ архимандритомъ.

Всего вѣроятнѣе предполагать, что, по удаленіи Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго въ Віленскій братскій монастырь, въ 1654 году, Купятицкимъ игуменомъ сталъ Макарій Токаревскій, соединяя въ своеемъ лицѣ и управлениѣ Пинскимъ монастыремъ, ибо странно было бы видѣть въ записи самого Макарія титулъ игумена Купятицкаго, еслибы онъ не былъ имъ на самомъ дѣлѣ. При немъ совершилось перенесеніе чудотворной Купятицкой иконы въ Кіевъ въ 1655 году. Почему рѣшились лишить Купятицкій монастырь его великой святыни, объяснять можно различно: тутъ было на лицо и опасеніе со стороны уніатовъ, и опасности русско-польской войны, хотя, пока велась эта война съ успѣхомъ для русскаго оружія, монахи купятицкіе могли разсчитывать на покровительство со стороны козаковъ. Этюю защитою пользовался Іосифъ Тукальскій. Какъ бы то ни было, фактъ перенесенія самой иконы еще не означалъ оставленія православными资料 самого монастыря, иначе ему грозила опасность тогда попасть въ руки уніатовъ, которые не столько желали бы завладѣть его зданіями, сколько фундушами земельными. Въ огражденіе такихъ покушеній, 50 лѣтъ спустя, въ 1702 году, внукъ фундаторки монастыря Купятицкаго, Аполлонія Воловичевой-Вой-

¹⁾ Соч. Св. Димитрія Ростовскаго т. I, стр. 463—464.

²⁾ Архивъ Юго-Запад. Россіи, ч. I, т. IV, № VIII, № XXVI и XXXII.

ниой, Казимиръ Война, судья земскій въ Пинскомъ повѣтѣ, считаетъ нужнымъ подтвердить первоначальную фундацію своей бабки, всего на шесть влокъ усадебной и пашенной земли, «сохрания за собою и за наслѣдниками своими коляторство надъ монастыремъ». Монастырь въ то время былъ подъ опекою Виленского Св. Духовскаго, по имѣлъ особаго игумена—Головко-вича¹⁾.

V.

Стихотворное житіе св. Макарія, титулуя его игуменомъ Пинскимъ, приписываетъ ему званіе намѣстника Митрополичьяго для Смоленской епархіи. Возможно ли это признать, при умолчаніи объ этомъ самого Макарія? Намъ кажется, что здѣсь сообращается заслуживающій довѣрія фактъ. Среди другихъ православныхъ епархій литовско-польского государства, Смоленская, послѣ завоеванія Смоленска поляками (1611 г.), испытала особенно печальную участіе. Какъ только король Сигизмундъ III убѣдился, что Смоленскъ останется за нимъ, онъ рѣшилъ православную епархію завоеваннаго края превратить исключительно въ епархію униатскую, чтобы даже и слѣдовъ православія въ ней не осталось. Въ 1625 году учреждается въ Смоленскѣ упіатская епархія и назначается сюда ревностный поборникъ упіи Левъ Кревза. Этотъ епископъ вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе, и къ концу его жизни (1639 г.) въ Смоленскѣ не осталось ни одной православной церкви: масса православныхъ церквей была обращена въ униатскія на всемъ пространствѣ Смоленской епархіи. Его преемникъ, Андрей Квашинъ-Золотой, давшій клятву не оставить въ своей епархіи ни одного схизматика, былъ вѣренъ своему слову: его фанатизму только и равнялась ревность знаменитаго Іосафата Кунцевича²⁾. Извѣстный упіатскій холмскій

¹⁾ Акты Вил. Арх. Ком. т. VIII, № 77.

²⁾ Чистовичъ. Очеркъ исторіи Западно-русской церкви. Т. 2, стр. 401—402.

епископъ Яковъ Суша, отмѣчая успѣхи унії при м. Вельяминѣ-Рутскомъ, такъ говоритьъ о нихъ по отношенію къ Смоленску: «Архіепископство Смоленское, сопредѣльное съ Полоцкимъ, отданное уніатамъ Сигизмундомъ III вмѣстѣ съ княжествомъ Сѣверскимъ, послѣ мученичества блаженнаго Іосафата, имѣеть болѣе шестисотъ уніатскихъ священниковъ, и даже въ самомъ Смоленскѣ нѣть схизматиковъ». «Левъ Кревза, по своемъ вступленіи въ Смоленскую епіскопію, всѣхъ подвинулъ къ послушанію св. унії и былъ такъ счастливъ, что во всей его епархіи—*nullus schismaticus compareret*»¹⁾.

Что же предпринимали православные противъ столь неистовой латино-уніатской пропаганды? М. Кіевскій Іовъ Борецкій, вѣдѣнію которого стала подлежать Смоленская епархія въ 1625 г., переименовалъ Черниговскаго епіскопа Исаію Копинскаго въ епіскопа Смоленскаго, поручивъ ему завѣданіе дѣлами этой епархіи. Этотъ пастырь, человѣкъ благочестивый, изъ боязни попляковъ не могъ ни разу посѣтить свою епархію, проживая все время то въ Ладинскомъ, то въ Густынскомъ монастыряхъ. Въ 1630 году онъ посвященъ въ митрополита кіевскаго, а завѣданіе дѣлами Смоленской епархіи имъ было поручено пинскому епіскопу Авраамію Стагонскому, который съ титуломъ епіскопа смоленскаго присутствовалъ во Львовѣ на посвященіи въ митрополиты Петра Могилы. Ему тоже не удалось побывать въ своей епархіи и сдѣлать для нея что-либо въ интересахъ православія. Даже тогда, когда во епіскопа мстиславскаго и витебскаго былъ посвященъ Сильвестръ Коссовъ (1637 г.), то и этотъ ближайшій къ Смоленску пастырь, всецѣло занятый дѣлами своей епархіи, не удѣляя своего вниманія сосѣдней. Мы не знаемъ, пытался ли что-либо сдѣлать для православныхъ смолянъ самъ знаменитый Петъръ Могила, но едва ли можно сомнѣваться, чтобы онъ оставилъ Смоленскъ безъ всякаго попеченія. Въ Смоленской епархіи сохранились антимансы, имъ освященные для церквей этой епархіи.

¹⁾ Крачковскій. Очерки уніатской церкви. Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1871 г. кн. 1, 143—144.

Очевидно, что какъ ни трудно было сообщаться православнымъ смолянамъ съ своимъ архиастыремъ, по все же это было возможно. Самъ митрополитъ, обѣзжая свою митрополію, былъ въ 1637 году въ Оршѣ и Могилевѣ, но въ Смоленскъ явиться не рѣшился. Жалкій остатокъ православныхъ церквей Смоленской епархіи, однако, требовалъ его пастырскихъ попеченій. Понятно, что, въ виду особыхъ обстоятельствъ Смоленской епархіи, митрополитъ кievскій долженъ былъ такъ или иначе это устроить. Нѣтъ ничего удивительного поэтому, что имъ назначается для Смоленска особый намѣстникъ, подобно тому, какъ въ Люблинѣ былъ назначенъ, ради поддержанія тамъ православія, намѣстникомъ митрополита іеромонахъ Феофілъ, исполнявшій разныя порученія Петра Могилы. Въ Слуцкѣ для Литвы былъ тоже особый намѣстникъ¹⁾. Обязанности его состояли въ томъ, что властію митрополита онъ имѣлъ право дѣлать нужные распоряженія, клонящіяся къ лучшему благоустройству и поддержкѣ дѣла православія. Макарій Токаревскій могъ быть назначенъ такимъ намѣстникомъ митрополита для Смоленской епархіи въ 40-хъ годахъ XVII в., когда онъ состоялъ игуменомъ пинскимъ. При такомъ назначеніи, митрополитъ кievскій могъ имѣть въ виду не столько близость Пинска отъ Смоленска, сколько личные качества назначенаго лица, извѣстнаго своею твердостію въ православії, благочестіемъ и благоразуміемъ.—Всѣ эти качества нельзя отрицать въ св. Макаріи. Возможно, что и онъ, при тяжелыхъ условіяхъ тогдашняго времени, постоянно угрожаемый отъ уніатовъ и у себя дома, не много могъ сдѣлать для Смоленскихъ православныхъ.

При полномъ отсутствіи свѣдѣній о его дѣятельности въ качествѣ митрополичьяго намѣстника для Смоленской епархіи, всякия сужденія по этому вопросу были бы рискованными.

¹⁾ Голубевъ. М. Петръ Могила, т. II, стр. 487.

VI.

Андрей Квашнинъ-Золотой, тотъ самый смоленскій епископъ, который обнаружилъ въ Смоленскѣ свой крайній фанатизмъ и преданность къ унії, предъ занятіемъ Смоленска московскими войсками, въ 1654 г., бѣжалъ въ Литву и получилъ въ управлѣніе Пинскую епископію. Но здѣсь ему не посчастливилось. Подъ защитою козаковъ, Іосифъ Тукальскій овладѣлъ пинскимъ каѳедральнымъ соборомъ, выгналъ «отца Золотого», уніатскаго епископа, и возвратилъ благочестивымъ много другихъ церквей, городскихъ и сельскихъ, въ которыхъ уже нѣсколько лѣтъ распоряжались уніаты¹⁾). Но съ удаленіемъ козаковъ уніаты опять начали отнимать у православныхъ церкви. Православные обратились къ королю съ жалобой, вслѣдствіе которой король Янъ Казиміръ, въ 1661 г. 18 іюня, выдалъ имъ заручный листъ, съ запрещеніемъ уніатскому пинскому епископу Андрею Золотому самовольно забирать церкви православныя и принуждать православныхъ къ унії²⁾). Безъ сомнѣнія, что въ этой успѣшной борьбѣ православныхъ съ уніатами принималъ дѣятельное участіе Макарій Токаревскій, игуменъ Купятицкій послѣ Тукальского. Теперь ему пришлось бороться лично съ тѣмъ самымъ врагомъ, о которомъ смоленскіе православные не могли вспомнить безъ чувства ужаса и негодованія.

Тяжелыя и трудныя обстоятельства, среди которыхъ приходилось жить св. Макарію въ Пинскѣ, вѣроятно, не разъ вызывали у него желаніе перебраться отсюда въ лучшій и болѣе спокойный монастырь. Онъ и имѣлъ на это право, какъ членовъкъ,

¹⁾ Позднѣе, въ 1674 году, уніаты жаловались на судѣ, что шляхта пинскаго повѣта, приставъ къ козацкому атаману Ивану Лихому, принуждала уніатскихъ священниковъ, «жебы послушными были отцови Іосифови Тукальскому, который подъ часть ребеліи козацкой забралъ всѣ церкви и добра епископіи пинской и туровской за поданіемъ вышепоименованного Лихого Ивана» (Вил. Арх. Сб. VI, 230.).

²⁾ Вил. Археогр. Собор. VI, стр. 242, 277.

самымъ дѣломъ доказавшій свою стойкость и беззавѣтную прѣданность дѣлу православія. Житія св. Макарія говорять намъ, что ему пришлось потерпѣть не мало гоненій и непріятностей оть латинянъ и уніатовъ и, хотя, по ихъ разсказу, это относится къ пребыванію св. Макарія въ Овруцкомъ монастырѣ, но мы уже видѣли, что еще въ 1647 году Макарій подвергался серьезной непріятности со стороны іезуитовъ. Подобныя преслѣдованія и непріятности могли происходить неоднократно и въ послѣдующее время, благодаря ихъ безнаказанности. Кромѣ того, игуменъ Макарій въ то время былъ уже очень виднымъ представителемъ православнаго монашества, вполѣ заслуживавшимъ того, чтобы выдвинуть его на болѣе значительный постъ.

Лазарь Бараповичъ, архіепископъ черниговскій, бывшій, по смерти митрополита киевскаго Сильвестра Коссова, нѣсколько разъ мѣстоблюстителемъ митрополіи, оставилъ намъ два любопытныхъ письма, касающихся личности св. Макарія. Одно изъ нихъ адресовано самому Макарію, а другое къ гетману малороссійскому Дорошенку, а относятся они оба къ 1671 году. Въ первомъ письмѣ, очевидно, отвѣчая на просьбу св. Макарія пристроить его въ какомъ либо монастырѣ лѣвобережной Украины, Бараповичъ писалъ: «весьма соболѣзную о томъ приключеніи, котораго вы и отклонить не могли. Въ этой скорби ищите утѣшеннія въ одиомъ Богѣ, Который кого любить, того и наказываетъ. Вы находитесь, какъ роза между шипами: она растетъ между ними, а они ей ничуть не вредятъ. Будете еще долго процвѣтать въ церкви Божіей, какъ въ вертоградѣ, доколѣ не достигнете небеснаго.... Крѣпко хотѣлось мнѣ жить по-пріятельски у Всемилостиваго Спаса (въ Новгородѣ-Сѣверскомъ монастырѣ), или где бы вамъ понравилось; но теперь этихъ лыкъ не дерутъ; прежде гораздо было удобнѣе отыскать себѣ мѣсто, чѣмъ теперь. Въ настоящее время и сами Ѣдимъ хлѣбъ въ изнуреніи, но готовы съ вами подѣлиться тѣмъ же, потому что другого нигдѣ нѣть, развѣ только тамъ, где ни болѣзнь, ни печаль, ни воздыханіе». Второе письмо, къ гетману правобережной Украины, Дорошенку, было рекомендательное для св. Макарія. Бараповичъ писалъ: «его милость отецъ архимандрить

овруцкій, будучи не въ состояніі покойно жить въ своеї архимандрії, ограбленный ордами и ляхами, лишенный служителей, которые умерщвлены, между тѣмъ какъ имѣнія забраны, отправился на поклоненіе св. мѣстамъ кіевскимъ. Будучи постриженцемъ моимъ, онъ посѣтилъ меня, какъ сынъ отца, и рассказалъ мнѣ о своихъ бѣдствіяхъ. Благоволите, вельможность ваша, милостиво принять его, какъ человѣка достойнаго и заслуженнаго въ церкви Божіей; выслушайте его съ довѣріемъ, какъ вполнѣ стоящаго вѣры¹⁾). Изъ этихъ писемъ ясно, что св. Макарій удалился изъ Овруцкаго монастыря въ 1671 году. Но сколько же лѣтъ онъ тамъ пробылъ? Его житія указываютъ цѣлыхъ шестнадцать. Эта цифра представляется вполнѣ невѣроятной: въ 1659 году архимандритомъ Овруцкимъ былъ еще Єофанъ Креховецкій. Въ рѣшеніи этого вопроса имѣеть важное значеніе выраженіе письма Барановича, что св. Макарій былъ его «постриженцемъ». Какъ справедливо полагаетъ преосвященный Филаретъ Черниговскій, это выраженіе нужно понимать въ томъ смыслѣ, что св. Макарій былъ поставленъ Барановичемъ въ санъ архимандрита Овруцкаго²⁾). Могло же это случиться въ то время, когда А. Барановичъ былъ мѣстоблюстителемъ кіевской митрополіи съ октября 1659 года до августа 1661 года. Хотя въ то же самое время на правой сторонѣ Днѣпра былъ особый митрополитъ — Діонисій Балабанъ, проживавшій въ Слуцкѣ, по здѣсь нѣть препятствій къ признанію указанного факта. Въ Слуцкѣ могли хорошо знать Пинскаго дѣятеля, а быть можетъ, и посвященіе Макарія Токаревскаго въ архимандрита Овруцкаго совершилось не безъ согласія м. Діонисія Балабана. Куда ушелъ тогда Овруцкій архимандритъ Єофанъ Креховецкій, не знаемъ. Какъ человѣкъ приближенный къ м. Діонисію Балабану, онъ могъ легко получить себѣ въ управлѣніе хороший монастырь на Литвѣ, а въ одномъ документѣ 1657 году Єофанъ Креховецкій названъ «архимандритомъ Новогрудка литовскаго»³⁾. Такимъ образомъ архимандритство св. Макарія въ

¹⁾ Арх. Филаретъ Черниговскій. Житія святыхъ. Изд. 2-е. Сент. стр. 46—47.

²⁾ Тамъ же. Стр. 284, прим. 49.

³⁾ Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. 2, т. 1, стр. 348.

Овруцкомъ монастырѣ началось не ранѣе 1660 года и продолжалось до 1671 года.

Причины, заставившія св. Макарія покинуть Овруцкій монастырь, ясны изъ писемъ Барановича. Въ рукописномъ стихотворномъ житіи св. Макарія не упоминается о разореніи обители Овруцкой отъ татаръ, а говорится только о гоненіяхъ отъ латинянъ.

Елика отъ поляковъ пострада навѣтъ,
Яко и изгнаніе принужденъ терпѣти
Своей ради вѣры, и въ Печерской жити
Лаврѣ, гдѣ онъ поживе точію два года,
Отъ латиновъ избѣгшій, злоковарна рода.

Едва ли можно сомнѣваться, что у Лазаря Барановича, писавшаго со словъ самаго св. Макарія, дѣло представлено точнѣе, и что обитель была разорена въ то время и татарами. Печатное житіе архіепископа Гедеона въ этомъ отношеніи согласно съ стихотворнымъ, приписывая окончательное разореніе обители латино-уніатамъ; вмѣстѣ съ этимъ оно же упоминаетъ о болѣе раннемъ нашествіи на обитель татарскихъ полчищъ. При семъ рассказывается о чудесномъ избавленіи обители по молитвамъ преподобнаго Макарія (Житіе, стр. 7—10).

VII.

Житія согласно передаютъ, что, по удаленіи изъ Овруча, св. Макарій два года прожилъ въ Кіево-Печерской Лаврѣ, пока не поступилъ игуменомъ въ Каневскій Успенскій монастырь, гдѣ прожилъ десять лѣтъ до своей кончины. Оба эти сообщенія не точны, а относительно первого преосвященный Филаретъ Черниговскій замѣчаетъ, что «оно певѣроятно по заботливости о св. Макаріи преосвященнаго Лазаря»¹⁾.

¹⁾ Филаретъ. Житія святыхъ. 2 изд. сентябрь, стр. 284, прим. 50.
Томъ 84.—Мартъ, 1904.

На самомъ дѣлѣ, указанное извѣстіе не только не невѣроятно, но должно быть расшириено въ отношеніи срока, по крайней мѣрѣ еще на одинъ или два года, т. е. что св. Макарій сталъ игуменомъ Каневскаго монастыря не въ 1673 году, а въ 1674—5. Поэтому и пребываніе св. Макарія въ Каневѣ продолжалось не 10 лѣтъ, а всего года три—четыре. Въ подтвержденіе этого можно указать на то, что съ 1668 до 1674 г. игуменомъ Каневскаго монастыря состоялъ Іеронимъ Дубина. Онъ игралъ немаловажную роль при м. Іосифѣ Тукальскомъ и гетманѣ Дорошенкѣ, будучи ихъ духовникомъ и принимая дѣятельное участіе въ политическихъ дѣлахъ того времени. Такъ, еще до глуховской рады 1668 г. игуменъ Каневскій Іеронимъ Дубина и самъ митрополитъ Іосифъ Нелюбовичъ Тукальскій убѣждали Переяславскаго полковника Димитряшку Райча не оставлять Дорошенка и не переходить на сторону Многогрѣшнаго. Въ тоже самое время этотъ игуменъ является политическимъ агентомъ московскаго правительства и сообщаетъ ему разныя вѣсти. Еще большую преданность московскому правительству показалъ онъ во время похода князя Ромодановскаго и гетмана Самойловича противъ Дорошенка въ 1674. 9 февраля этого года московскимъ войскамъ сдался Каневъ, изъ котораго заблаговременно (1 февраля) бѣжалъ въ Чигиринъ м. Іосифъ Тукальскій. Игуменъ же Каневскаго монастыря Іеронимъ Дубина, «не пользуясь расположениемъ Дорошенка и Тукальского, былъ «зѣло любовенъ» къ великороссіянамъ и сообщалъ имъ получаемыя отъ полковниковъ вѣсти о движеніи непріятельскихъ войскъ»¹⁾.

Трудно сказать, кто же назначилъ игуменомъ Каневскімъ св. Макарія: митрополитъ ли Іосифъ Тукальскій, умершій 26 іюля 1675 года, или же Лазарь Бараповичъ, ставшій, по смерти Тукальского, администраторомъ Кіевской митрополіи? Въ житіяхъ на этотъ счетъ вкрадась какая-то несообразность, на которую

¹⁾ В. О. Эйнгорнъ. О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ Московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексея Михайловича. М. 1899, стр. 626, 690, 956.

обратилъ внимание еще М. А. Максимовичъ. Стихотворное житіе такъ говоритьъ.

Велѣніемъ въ то время Михаила царя,
Ему митрополита Каневъ монастыря
Вручи архимандрію Кипріанъ бѣ званъній,
Малороссіи всея Богомъ дарованый.

Печатное житіе полагаетъ, что это случилось въ царствование царя московскаго Михаила Феодоровича и при митрополитѣ Кипріанѣ (стр. 10). Преосвященныи Филаретъ, желая оправдать имя митрополита Кипріана въ житіи св. Макарія, дѣлаетъ преложеніе: «не былъ ли это какой-либо заграждичный архипастырь, пребывавшій въ Украинѣ и принимавшій участіе въ судьбѣ Макарія» ¹⁾?

Намъ кажется, что отмѣченную пессообразность можно объяснить только тѣмъ, что авторъ первоначального рукописнаго житія св. Макарія, собирая устныя преданія о жизни преподобнаго, не особенно былъ разборчивъ насчетъ источника своихъ свѣдѣній. Онъ могъ заимствовать ихъ и отъ базиліанъ, которые поселились въ Каневѣ около 1690 года. Они, конечно, могли ввести въ заблужденіе (съ ихъ стороны вполнѣ понятное) первоначальнаго жизнеописателя преп. Макарія. Если базиліанамъ было известно, что св. Макарій пробыгъ въ Каневскомъ монастырѣ не болѣе 4—5 лѣтъ, то имъ было вполнѣ естественно сказать, что назначеніе игуменомъ Макарія случилось при благочестивомъ (уніатскомъ) митрополитѣ Кипріанѣ (Жоховскомъ), который вступилъ на митрополію въ 1674 г. и известенъ своимъ крайнимъ фанатизмомъ ($\dagger$ 1693). Что касается царя Михаила, то здѣсь разумѣлся король польскій Михаилъ Вишневецкій ($\dagger$ 1673). Характерно, что каневскіе базиліане внесли имя св. Макарія въ свой помянникъ и правильно отмѣтили въ пемъ годъ его кончины ²⁾. Зачѣмъ они это сдѣлали, трудно сказать: быть можетъ,

¹⁾ Филаретъ Житія святыхъ. 2 изд. сентябрь, стр. 284, прим. 50.

²⁾ М. А. Максимовичъ. Собрание сочиненій, т. I, стр. 533.

это была дань невольнагоуваженія къ христіанскому мученику, земное жилище котораго они заняли, или же тутъ преслѣдовались какія-либо місіонерскія цѣли.

Вѣрную и трогательную картину изображаютъ оба житія, описывая осады Турками Каневского монастыря и обстоятельства мученической кончины св. Макарія. Описаніе этихъ событій въ житіяхъ какъ бы дополняетъ лѣтописное сказаніе о взятіи Канева турками малорусскаго лѣтописца Самуила Величка. По взятіи Канева, говорить онъ, турки и татары «множество народа въ немъ убивши, крайней предали руинѣ и запустѣнію. А особливе въ старинномъ и красномъ монастырю Каневскомъ, въ церковь великую каменную много было людей каневскихъ, надѣючися въ ней отъ бѣды спастися, убѣгло и замкнулося, но турки церковь онуу, около дровами и соломами доволно обложивше и сполне зо всѣмъ монастыремъ зажегше, всѣхъ людей въ церкви задушили. Наконецъ, отъ Канева во всяси повернувшіи, Черкасы, Корсунь, Стеблевъ, Суботовъ и прочіе гради и села украинскіе (людемъ изъ нихъ страха ради поутѣшившимъ) огню и всеконечному и многоплачевисму запустѣнію предадпа. Тутъ повторе можно реши слово, о Вавилонѣ великому негдись реченнное: паде, паде Украина тогобочная малоросійская, козакорусская, зъ многими крѣпкими гради и весьми»¹⁾.

Стихотворное житіе въ общемъ рисуя ту же картину гибели народа въ подожженной церкви, даетъ еще такую подробность, что за двѣнадцать лѣтъ раньше преподобный Макарій предсказалъ разореніе Канева; въ печатномъ житіи говорится, что предсказаніе дано только за два года.

VIII.

Мученическая кончина преподобнаго Макарія сама по себѣ еще не была достаточнымъ мотивомъ къ его прославленію; вмѣсть

¹⁾ Лѣтопись С. Величка, II, 415.

съ Макаріемъ въ Капевскомъ храмѣ погибли также многие другіе христіане. Оба житія разсказываютъ, что, чрезъ десять лѣтъ послѣ его кончины, православные, желая возобновить храмъ Капевского монастыря, нашли подъ жертвенникомъ тѣло преподобнаго Макарія совершенно нетлѣннымъ. Но, такъ какъ Капевскому монастырю въ то время уже угрожало занятіе униатами, то рѣшили перенести мощи св. мученика въ Переяславль, 16 марта 1688 года, и поставили ихъ въ Воскресенскомъ храмѣ. Вскорѣ послѣ этого м. Варлаамъ Ясинскій сталъ хлопотать предъ патріархомъ московскимъ, чтобы ему назначили коадьютора, съ титуломъ епископа Переяславскаго и съ самостоятельнымъ управлѣніемъ въ предѣлахъ Переяславскаго полка. Изъ двухъ кандидатовъ, представленныхъ на эту каѳедру: Стефана Яворскаго и игумена Кіевскаго Михайловскаго монастыря Захарія Корниловича, былъ избранъ послѣдній и посвященъ въ кошѣ 1702 года¹⁾. Житія св. Макарія далѣе говорятъ, что Захарія Корниловичъ испросилъ позволеніе у Петра Великаго выстроить въ крѣпости переяславской, на развалинахъ нѣкогда бывшаго здѣсь храма каѳедральнаго, церковь во имя св. архангела Михаила²⁾. По стихотворному житію, храмъ этотъ быть освященъ и въ него были перенесены мощи пр. Макарія изъ Воскресенской церкви 14 августа 1711 года. Здѣсь авторъ почему-то, для оправданія своей даты, счелъ нужнымъ сдѣлать оговорку: «яко видимъ въ житії», т. е. въ первоначальномъ источнике. Печатное житіе указываетъ другую дату освященія Михайловской церкви и перенесенія мощей: 8 ноября 1713 года.

Съ этого времени, можно думать, и началось торжественное прославленіе мощей преподобномученика Макарія, совершилась его канонизация. Преосвященный Захарія Корниловичъ, испрашивавъ у Петра В. позволеніе устроить Михайловскій храмъ, безъ сомнѣнія просилъ также и о торжественномъ перенесеніи мощей пр. Макарія въ этотъ храмъ. Само собою разумѣется, что для

¹⁾ М. Евгентій. Описаніе Кіево-Софійскаго собора, прилож. № 31.

²⁾ Средства на его сооруженіе далъ гетманъ И. Мазепа.

послѣдняго дѣла нужно было испросить позволенія у духовной власти—мѣстоблюстителя патріаршаго престола—Стефана Яворскаго, который, самъ лично слышавъ еще въ Кіевѣ о кончинѣ и чудесахъ преподобнаго мученика, конечно, не могъ имѣть сомнѣній относительно его канонизаціи. Житія отмѣчаютъ дальнѣйшее двойное перенесеніе препод. Макарія: изъ нихъ первое случилось по случаю пожара каменной Михайловской церкви, сгорѣвшей въ 1734 году. Мощи на время были поставлены въ трапезной церкви, а отсюда были перенесены епископомъ Никодимомъ Сребницкимъ въ отремонтированный каменный храмъ, по указанію стихотворца житія—13 мая 1750 г., а печатнаго—въ 1742 году. Послѣдній разъ онъ были перенесены въ Вознесенскій монастырь 4 августа 1786 г., по случаю закрытія Михайловскаго монастыря. Тамъ онъ стоять и доселѣ.

По обычной манерѣ всѣхъ житій, стихотворное и печатное житія препод. Макарія отмѣчаютъ рядъ совершенныхъ имъ чудесъ. Характерно, что стихотворное житіе не указываетъ ни одного чуда, совершенного пр. Макаріемъ при жизни, но за то подробно разсказываетъ о его чудесахъ, совершившихся при его мощахъ съ 1742 года. Печатное житіе изъ этихъ послѣднихъ отмѣчаетъ только одно, но разсказываетъ о нѣсколькихъ, совершившихся до кончины пр. Макарія. Очевидно, что авторъ стихотворнаго житія обильно черпаетъ изъ монастырскихъ записей о чудесахъ преподобнаго и въ этомъ видѣтъ одну изъ существенныхъ задачъ своего прославленія угодника.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о литературныхъ достоинствахъ стихотворнаго житія. Составитель его проникнуть былъ искреннимъ намѣреніемъ достойно прославить чтиамаго малорусскимъ народомъ святого. Но въ исполненіи своего желанія онъ не соразмѣрилъ своихъ силъ и, поставивши своей задачей изложить житіе стихами, да еще съ акrostихомъ, попалъ въ крайне тяжелыя для себя условія. Не говоря уже о томъ, что въ его произведеніи нѣть и признака поэзіи, самое искусство стихосложенія давалось ему съ великимъ трудомъ. Приходилось поэтому строить такие стихи, которые иногда лишены даже смысла и стоять въ

полномъ противорѣчіи съ грамматикой и метрикой. Но таковъ былъ вѣкъ, и осуждать автора за его плохую версификацію значило бы примѣнять къ нему такую мѣру оцѣнки, о которой онъ самъ никогда не думалъ, да ему и на мысль не могло прійти, что его отдаленные потомки станутъ искать въ его произведеніи непремѣнно цвѣтовъ Музъ и Апполона.

Л. Я. Лавровский.

IX.

Житіе и страданіе святоаго преподобномученика Макарія, любопитному читателю стихотворнъ сложенное ~~фактис~~ годъ ¹⁾.

Златый сей класъ, Макарій, предъ Богомъ явися;
 Даровъ цѣлебныхъ пріайди всякий пасладися,
 Его любопитствуай, гдѣ онъ есть рожденъній,
 Во святыхъ обрѣтеся и здѣ положенный:
 Благовѣрныхъ родителей, Токаревскій званъній,
 Овручева бѣ мужъ сей, въ страсѣ воспитанъній,
 Града, и егда пріайде въ возрастъ совершенъній,
 Огнемъ ко Богу любве зѣло раздеженъній,
 Славу вѣка сего онъ умрети вмѣнивый,
 По стопамъ Христовымъ нищъ ходити изволивый,
 Ангельскій чинъ воспірять благоводи зѣло.
 Свою мысль впери къ Богу поспѣшити дѣло,
 Аки Египта, бѣжа суетствъ сего міра.
 Единою достиже града Владимира,
 Милостію Бога въ томъ бѣ постриженъній.
 Области полской тогда Кіевъ исклоненъній,
 Митрополитъ въ Кіевѣ Нелюбовичъ бяше,

¹⁾ Заглавіе и акrostихъ писаны киноварью. Знаки препинанія въ оригиналльной рукописи поставлены вполнѣ произвольно, поэтому пришлось поставить ихъ, по смыслу рѣчи. Въ остальномъ правописаніе оригинала сохранено.

Гониму церковъ еще зѣло защищаше.
 Россійской церкви столпа сего благовѣштия,
 Артикуловъ вѣри сей непреодолѣшиа,
 Достойна быти суди презвитерска сана,
 Его духомъ предвидѣ свята быть органа,
 Послѣже произведе во архимандрита.
 Его, во градъ Овручевъ, къ паствѣ прилежита.
 Радително поживе шестнадесять лѣта,
 Елико отъ поляковъ пострада навѣта,
 Яко и изгнаніе принужденъ териѣти
 Своей ради вѣри, и въ Печерской жити
 Лаврѣ, где огъ поживе точію два года,
 Отъ латиновъ избѣгшій злоковарна рода.
 Велѣніемъ въ то время Михаила царя
 Ему митрополита Каневъ монастыря
 Вручи архимандрію, Кипріянъ бѣ званій,
 Малороссіи всея Богомъ дарованный.
 Оттудова преведенъ, постнически поживъ,
 На градъ разореніе быти предвозвѣстивъ —
 Архимандритъ Макарій, прозорливства даромъ,
 Святый мужъ, яко имъ градъ Каневъ варваромъ,
 По тому пророчеству, быти разоренну,
 И въ дванадесять лѣта сему исполненну
 Реченому словеси, во дни его жизни.
 Едва сохранитися россійской отчизни:
 Многіе предѣли тамъ вси плѣненъни биша,
 И Чигиринъ съ предѣли своими плѣниша.
 Христіянъ тогда святый въ вѣри утверждаше,
 Агарянъ злочестіе зѣло укоряше.
 И въ тисяча шесть сота седмдесять осмому
 Лютая брань бѣ сія граду Каневскому:
 Опустѣлій градъ Каневъ самъ видѣ очима
 Въ сентябрѣ седмомъ числѣ Макарій своима.
 Святому литургію Божію служашу,
 Крѣпко за вѣру стоять христіянъ учашу,

Окружила варвари въ церквѣ заключенъихъ
 Монастырской Успенской; въ страсѣ болѣзниъихъ,
 Обложше изгребіемъ, огнемъ запалиша,
 Правовѣрныхъ скривъшихся на смерть подушиша.
 О лютѣ падежа тамъ христіяномъ! зѣло
 Что отъ раздженія вся на прахъ потлѣло.
 Избранны христіяне въ тридесять два лѣта
 Въ градѣ Каневѣ опустѣлій, по брами навѣта
 Агарянъской, где въ церквѣ, по реченной брами,
 Юнихъ и старихъ тѣла егда разсмотряли,
 Плѣнная вся обрѣли, где и благовѣнна
 Макарія святаго се мощы нетлѣнны:
 Одежди священія на себѣ имущыи,
 Щитъ вѣри твердъ, христовъ крестъ на выи висущій,
 И главъ его бившей тѣми открученъній,
 Святый безъ глазицъ лежаше, въ кровѣ обагренъній
 Въ рацѣ, подъ жертвенникомъ, вложше сокровенъній,
 Якіе почиваху тамъ чудодѣйственъній.
 Татаръ ради оттуду бяху пренесенъни
 Архимандрита мощи, въ храмѣ положенни
 Града Переяслава честно Воскресенскомъ,
 Отъ Канева принесши, а не во Успенскомъ,
 Правовѣрими, яко да тамъ агаряни
 Ратію тѣ не будуть еще поруганъны,
 Еже тысяча шесть сотъ осмъ восемдесята—
 Пренесоша, Марта семинадесята.
 Обновися кафедра въ полпястаста лѣта.—
 Дивнимъ судомъ Божіимъ, по брами навѣта,
 Отъ батійскихъ бо татаръ бывши разоренъній,
 Богомъ, въ тысяча сѣмсотъ году, возставленъній
 На престолъ бѣ возведенъ Захарія званъній,
 Опустѣлому мѣсту Богомъ дарованій
 Милостію онъ Бога, время улучивый,
 У самодержца Петра указъ испросцвій,
 Честное мѣсто въ пустѣ даби обновити

Епископіи прежней и сооружити
 На томъ мѣсту монастырь, въ крѣпости селенѣй,
 Идѣже епископи многи преставленыи
 Каоедри, прежде бывой Батійскія рати,
 Агарянскими полки пораженыи, страны.
 Мощи святаго во оній пренести потщися,
 Архіерейски съ клиромъ о семъ потрудися.
 Коштомъ его, при храмѣ Михаилъ реченьу,
 Архимандриту сему святу положенъну,
 Року тисяча семъ сотъ первонадесята,
 Изъ Воскресенской церкви, четырнадесята,
 Яко видимъ въ житіи, августа явленъна.
 Такъ Богу изволившу, быти пренесенъна.
 О сихъ любопитствуяй, изволъ прочитати,
 Какови цѣлебъ оттолъ текуть аромати.
 Алексій Глебовъ, рангомъ подполковникъ бывій,
 Року тисяча сѣмъ сотъ сорокъ втора болѣвій:
 Ему ломъ бяше во всѣхъ удахъ нестерпимій
 Въ рукахъ и ногахъ такой, что нѣчимъ владѣвій,
 Страдалъ недѣль до шести, и близъ смерти сущій.
 Конъдоидова Павла врача сей имущій
 Онъ въ болѣзни врачеваль, на всю Москву славній,
 Государскихъ медицынъ президентъ бѣ главній,
 Отъезда самъ у Москву, указомъ позванъній,
 Алексія въ живыхъ быть вовся отчаянъный
 Рацѣ моцей святаго егда принесенъй,
 Хорый здравіемъ прежнимъ бяше обдаренъній,
 И цѣлбу отъ раки онъ себѣ получивъй,
 Молитвами святаго вовсемъ исцѣлѣвій,
 Аки елень, воскочи, милостію Бога,
 На восемнадцать часовъ спяше без отлога,
 Достиже послѣди онъ на степень преславній,
 Ранга благодирскаго (sic) бѣ пожалованный,
 И ктиторомъ монастыри одолжыся быти:
 Такой обѣть его есть все благодарыти,
 Аще и въ дальний странѣ високо почтенній

Ко святому укладомъ ктиторъ незабвенній.
 А жена сго, сорокъ четвертаго года,
 На сердце заболѣла, ис Тору (*sic*) города
 Еduчи, по указу Сената велика,
 Во градѣ Баришовки причина толика
 Случилась, яко и все тряслось ея тѣло,
 Къ мощамъ егда приложися, совсѣмъ исцѣлѣло.
 О семъ писменно они сами написали,
 Года вишьписанного засвѣдительствовали
 О семъ. Тисяча сѣмъ сотъ сорокъ шеста года,
 Извѣстіе написа благородна рода
 Овдовѣшая жена Максимовичова ¹⁾
 Внуку, на смерть прибранну, святій уврачева,
 Рацѣ мощей святаго обѣть положити,
 У здравихъ аще будетъ ея приложити.
 Цѣлбу вскорѣ получи, обѣть исполнїла,
 Къ рацѣ мощей приведши, въ семъ благодарила,
 Алѣксій Малѣновскій сына болѣзненъна,
 Григорія младенца, пріятъ исцѣленъна
 Отъ святыхъ мощей его, ели жива суща,
 И въ слабости дитинной заледво дишуща.
 Гулакъ сотникъ же Иванъ, сорокъ седма года,
 Уврачеванъ въ болѣзни лихорадска рода;
 Молитвами святаго цѣлѣбу получили,
 Его же синъ и дщери совсѣмъ оздравѣли.
 Не могъ истины молчать сотникъ Глемязовскій
 Ароматъ врачующихъ, прозваніемъ Тоцкій:
 Преподобнаго о семъ самовидецъ быый,
 Иже въ черной болѣзни жену исцѣливій.
 На квартерѣ онаго, вишьписанъна года,
 Святаго молитвами даровась свобода.
 Канцеляристъ полковой, ѡеодоръ Петровскій,
 Очарованъ зѣло быль, житель Прохоровъскій,
 Года тисяча сѣмсотъ пятьдесятъ третьего,

¹⁾ Кажется изъ предковъ А. М. Максимовича.

Отъ квартиръ топитись къ водѣ бѣжащаго,
 И близъ рѣки Трубежа изближенша суща,
 Нечувственна о себѣ, ума неимуща,
 Аще би не удержанъ отъ нѣкіихъ зѣло,
 Моглобъ исполнитися коварное дѣло.
 Егда же приведенъ бѣ реченный болящій
 Святаго Макарія мощамъ, нехотящій,
 Неисходно изъ церкви предъ всѣми вѣщати,
 И о первомъ здравіи Бога прославляти,
 Колико дивна въ святыхъ къ смерти приближена
 Аки отъ сна возбудись, зряше исцѣленъна;
 Себе діяволлю сѣтью бывша обузданъна,
 Молитвами святаго тая разирванна,
 О семъ канцеляристомъ бывшимъ удивленно,
 Лютое то коварство како измѣнено.
 Еще кому и сюю измѣну призпаще:
 Не воду-де ему тамъ, но медъ подаваше:
 Священникъ то седмичній, слышащи, чудися,
 Како води во устнахъ естество змѣнися.
 Окіянъ море чуднѣ наполпаетъ рѣки,
 Господня же благодать тако человѣки:
 О себѣ бо ничтоже могутъ сотворити.
 За ниже вину Бога чрезъ святыхъ просити,
 Ангельскій розумъ всяко постигнуть не може.
 Трудолюбній любописъ (sic) въ силѣ изнеможе,
 Рода одѣ простаго всѣхъ именъ и не знати,
 Умъ скорописца вишня развѣ постизати.
 Два сынаprotoіерей, зѣло болѣзnenній,
 А самъ третій Михаилъ, тако нареченій,
 Егда же о молитвѣ святаго просиша,
 Господня угодника цѣлбу получиша.
 Отъ фебри, сорокъ пятая и девята года,
 Исаевичу здѣтми въ болѣзни свобода.
 Протоіерея Павла Скрипчинскаго жена

Отъ фуріятки лютой святымъ свободожденъна.
 Димитрій Аѳанасіевъ, на уди болѣвый
 Въ рукахъ и ногахъ, дзвонникъ, и къ святуму при-
 бивій

Изъ Барышевки, егда мощамъ поклонися,
 Господь подаде, здравъ сталъ и въ домъ возвратися.
 И Михайлова жена Лукашевичева,
 Въ болѣзни дѣтей, признала, что онъ уврачева
 Святый, молитвами сей Макарій нетлѣнъній.
 Его же помоцію, всякъ благоговѣнъній,
 Горящимъ сердцемъ притеќъ, цѣлбу получае,
 Дари убо цѣлебни многимъ источае.
 А ніедина, мню, тища отъ него изйтти:
 Шлем бо спасенія изволить носити.
 На очи болѣзненна имѣ себѣ сына
 Іосифъ, Барышевскій житель, толь единиа,
 Егда того и къ мощамъ приведе святаго,
 По молебствіи, уснуль, премѣненъ въ здраваго.
 О многихъ писати мнѣ время не довѣрять,—
 Человѣкъ за краткую жизнь въсего не успѣть.
 Тайну цареву всяко довлѣть хранити,
 И дѣло Божіе намъ достойно славити.
 Епископу Никодиму указомъ велено,
 Господня угодника даби пренесенъно
 Отъ трапези въ каменъну церков новозданну,
 Богу содѣйствующу, святу почитанну.
 Года тисяча сѣмъсотъ началь пятдесятая,
 День мая благословенъ трета надесята,
 Архіерей Сребнѣцкій съ клиромъ преносити
 Рачиль, въ храмъ воеводъ (*sic*) силовъ ¹⁾ положити.
 О знаменіи чудесъ его знаменитихъ,
 Мощей въ пренесеніи, облаками литихъ
 Намъ дождовъ, аще сухо и лѣто биваєть,

¹⁾ Метонимія, вм. въ храмъ св. архангела Михаила.

Однако насъ окроплять в день свой не престаетъ.
Тройчного онъ взирати сподобися свѣта,
Ликовъ ангелскихъ Творца причастникъ обѣта,
Его же молитвами да будемъ причтенъни
Невечернія слави зрести, сподобленъни
Ізряднаго пастира одесную стати,
Яко внійти во царство, гласъ того слихаты.

ВЪ НЕВОЛИ У АНГЛЫЧАНЪ.¹⁾

(1854 г.).

— Та ни, де-жъ тоби такъ!—це ось якъ було... Давъ мени, бачыте, панъ квитокъ якийсь у контору та и каже: «иды-жъ ты, Иване, у Одесъ, та гляди мени, щобъ къ Велыкодню ты вже

---

¹⁾ Настоящій разсказъ, относящійся ко времени блокады Одессы англо-французскимъ флотомъ въ 1854 г., написанъ покойнымъ *Николаемъ Петровичемъ Сокальскимъ* и принадлежить къ серіи многочисленныхъ его повѣстнованій изъ эпохи крымской кампаніи, какъ-то: «Современные разсказы изъ военной жизни русскихъ солдатъ» (12 разсказовъ, помѣщенныхъ въ «Современникѣ» 1865 г.), «Журавлевъ» («Отеч. Зап.» 1858 г.), «Безпокойный ночлегъ» (тамъ же), «Дило при Альмѣ» и мн. др. Разсказъ этотъ найденъ среди бумагъ, оставшихся послѣ Н. П. Сокальского, и предлагается теперь, въ виду наступленія 50-лѣтія со времени крымской кампаніи, вниманію читателей. Н. П. Сокальский родился въ Харьковѣ въ 1831 г., гдѣ и завершилъ образованіе въ мѣстномъ университетѣ. Съ 1859 г. по 1871 г. былъ редакторомъ «Одесского Вѣстника». Въ этотъ періодъ времени Н. П. Сокальский разрабатывалъ матеріалы для широко задуманного труда «Історія Южной Россіи». Отдаленную связь съ этимъ трудомъ имѣеть работа, посвященная родовому быту древнихъ германцевъ, гдѣ авторъ искалъ путемъ аналогіи выясненія чертъ жизни южно-руссовъ на зарѣ ихъ исторического существованія, а именно—«Начала цивилизациіи на За-

вертавсь до-дому. А отъ це-жъ тоби на и карбованця на до-
дорогу».

Якъ пішовъ я зъ тымъ карбованцемъ, добравсь до Херсону, та и гадаю: чы пишки мени йты до Одесь, чы мабудь найдется який знаёмый чоловикъ—на судни звезе? Та такъ вже воно и выйшло, мовъ той бись пидбывъ. Кынувшись я до пристани, ажъ на зустрічъ щось йиде.—«Здоровъ, чоловиче, кажу,—куды тебе Богъ несе?»—«Та вже жъ въ Одесь, каже,—а тоби куды?»—«А вже-жъ до тебе!»—«Що таке?»—«Та отъ такъ и такъ, кажу ёму,— чы нема у васъ миста для мене?» А напослідокъ и зговоры-
лышся: взявсь винъ довезти мене за дві копы до самого Одесу. Выпилы морорычу, та отсе и пойихали...

Йихали, йихали; небо, бачыте, хмарою заволокло, такий ви-
теръ пиднявсь, не дай Боже, а море ажъ клекотить. Та такъ за-
гаялышся у тымъ мори, що тильки на третій день здалеку, такъ
трошки-трошки, побачили городъ. Сунулись мы було спозаранку
пидизжати въ пристань, а тутъ на зустрічъ десь-то узявсь
корабъ.—«Що за дыковына!—кажу,—а глянь, Грыцю, чы се винъ
до нась повертає?» А Грыцко дивиться: «до нась каже,—та ще,
стривай лышень, вражый!» «Отъ се лыхая годына! може бъ, до
берега прывернуты»—каже винъ...—«Та повертай, кричу ёму,
дядьку, бо винъ тоби въ очи влизе». Кынулись мы туды-сюди,
парусы чыпляти, а зъ корабля якъ бацнули,—мовъ ажъ у души
похолонуло. Я и кажу: «Грыцю, чуешъ? що будемъ робити?
Може йе рушныця яка, або-що?» Дивимось,—видтиль човенъ
вже пидизжае. А винъ якъ сунувъ мени рушныцю, а я такъ и
цили не узявъ,—якъ трахнувъ, та и покотывся. Чы то врагъ такъ
мене стусанувъ, чы яка сила нечыста, а може и зарядъ у руш-

падъ. Одесса. 1867 г. Но «Історія Южної Россії» осталась въ ру-
кописи незаконченной, за преждевременной смертью Н. П. Сокальского,
на 40-мъ году жизни. Ему принадлежать также обширные историко-
экономические исследования, посвященные хозяйственному положению
Новороссийского края (въ «Южномъ Сборникѣ» и «Одесскомъ Вѣст-
никѣ»).

ныци не въ миру бувъ,—тильки якъ вже прыйповъ я до розуму, чую: ажъ у мене на пузи товчется якысь-то шлапакъ. Я такъ соби глянувъ окомъ,—ажъ то ворогы. Що тутъ робыты! Я и прыкынувъ мертвымъ, та и гадаю соби: «може, потовчутся, та и пидуть! А напослидокъ товклися, товклися,—чую, ажъ воны и въ штаны до кыщени зализлы, и карбование тягнуть. Де вже тоби тутъ мертвымъ буты! Схватывсь я: «не зайдай, рыжа собако,—шо ты тамъ поклавъ?»—та глядь, ажъ мене, якъ тіи шпакы осилы. «Отъ тоби и Велыкдепъ, кажу, Иване!—попавъ!.. Обибралы воны мене до-чыста, а вписля сунулъся до жинокъ. Яка рыбу, яка цыбулю везла, хто що мавъ—усе позабиралы, а напослидокъ и пасъ поволоклы на корабъ.

Що за бида така!—«Де, кажу, началство?—покажить мени ёго!» Чы воны справди не розуміють, що люде говорять, чы хто ёго знае,—вытрыщылы на мене очи та и дывляться. А я усе клычу началство. Напослидокъ выбравъся якысь чорнявый, чы винъ хранцузъ, чы хто ёго знае,—прыступывъ до мене, та и пытаете: «чого ты, человиче, хочешъ?—«Та якъ же, кажу ёму, забрали насъ, якъ злодіивъ. Тутъ дило йе въ городъ, а тутъ тильки задержку роблють. Нехай пустятъ, або-що!» А писля повивъ винъ мене до нызы, та и каже: «отсе началнысь!» Я ёму заразъ въ ногы: «такъ и такъ, кажу, паночку, будте ласкави! мы, кажу, не лыходіи яки, не за тымъ йидемо, щобъ нечыстымъ диломъ якымъ промышляты, судна ловыты, або-що. Треба справыты дило та до-дому вертатыся, бо панъ пиджыдае». Та що ёму казаты! Пиднявъ винъ мене зъ долу, а тутъ ницвернувшись той хранцузъ; винъ щось и каже ёму таке дыковыннѣ, а хранцузъ мени: «стри-вай лышень, каже; пидожды,—розвберемъ дило». Я и вернувшись до своихъ. Жники сидять по куткахъ—убываются, а Грыцько и зовсімъ повисывъ нісь.—«Да чого вы, кажу, убываетесь,—началнысь обищаю: розибрать наше дило». А Грыцько мени: «добре дило, колы вже човна не сподиваться!» Та такъ воно, вражого сына, збулося, якъ казавъ. Пидйхали мы до Одесъ, кынули якоры; воны зибрали свій добычъ, що трохи тыхъ суднивъ наловили, а мы тильки дывимось та пиджыдаємо. Якъ разъ, кажу,

туть бы и пустыты нась,—такъ де жъ тоби!—имъ и у голову не идѣ. Прождалы мы день,—не чуты про наше дило, прождалы другій день—не чуты. Я було супувсь нагадаты—«біда мени, кажу, буде видъ пана», а винъ и байдуже. Началныкъ той потрипавъ мене по плечахъ.—«Яки туть смишкы? кажу, вже жъ будьте ласкави—пустити!» И трычи просывъ ёго, такъ ніякого толку не выходить: тильки и выгадавъ, що мого карбованця oddалы. Отъ то біда! Ламавъ я вже свою голову, ламавъ,—ничъ не спытся, день не йистся; що мы туть будемо робыты! та напослідокъ узяли того карбованця, та до хранцуза: «у вась, кажу, паночку, може йе дитки, такъ отсе па горишкы бъ имъ здалося,—тильки жъ будьте ласкави, добродію, пособить нашему горю!» Винъ тильки що розсміявсь,—ничого не зробиши! А нась, бачите, тымъ часомъ выволокли видъ Одесу въ чисте море. Людей якыхъ зъ суднивъ забралы на другій корабъ, а до насъ напустылы новихъ, що трохи руськихъ, а то и нашыхъ такы прыбавылось,—бо вони, бисови, якъ ті розбійники, тильки и знають, що човни забирають та людей граблють. Та вони казалы: усе одно, що той корабъ, що другій—коштъ зовсімъ поганый...

Оце такъ потрошку, потрошку—и згинула надія, щобъ вывернутися одь ихъ. Отъ одынъ разъ сивъ я самъ соби въ куточку, по-пидъ загородою, завернувшись въ свыту, та и дывлюся у море. Ничого, бачу, не буде: ричей вони не слухаютъ, грошай не беруть, а туть вже що-дня празники усе бlyжче та бlyжче. Пидійшовъ тоди Грыцько: «лто, каже, Иване?—А що, кажу, Грыцю!—чи пиджыдать, чы мабуть втопыться?» Та такъ глянувъ на землю—ажъ вона, мовъ тая хмаронька, стоить соби на краю неба, а то усе тильки що море хлюпощеться. Ни хать, пи людей не видно—якась бидна штычка, мовъ та заблуда, тявка соби на паруси... Та такъ вже мени стало нудно, такъ нудно, що и пе прыведи Господы!—«Сидай, кажу, Грыцю: може той витеръ пронявъ тебе въ ничт?».—А винъ мени: «ни, каже,—и сонечко свите та не гріє въ неволі!»—«Що жъ, кажу, на то воля Господня!» Синъ винъ коло мене, та и сидымо: и ёму, бидному, жалко того судна, що забралы, та и мени не весело. Винъ

мовчыть, и я мовчу... Чую, ажъ хтось мене клыче. Чы такъ мени показалося, чы вправду хтось клыкавъ,—пидішовъ я промежъ народу та и пытаю: «чого тамъ гукалы?» Ажъ глядь—до наась пидішовъ ще якыйсь корабъ. Не прошло, може, и часу того мисця, якъ бачу—схватылы мене два рыжакы та и поволоклы мене до нызы. Дывлюся—началныкъ стоить, а биля ёго ахвыцерь, а дали и хранцузъ. Поклоныvсь я имъ нызенько та усе мовчу. А хранцузъ мене заразъ пытае: «чи ты бувъ въ Одесу, чы ни?»—«Бувъ, кажу.»—«Давненько?»—«Ни, не дуже давно, може два мисця іе.»—«Видкиля жъ ты, каже, йидешъ?»—«Та изъ Херсону, кажу.»—«А тамъ у васъ, каже, не чуты: чы йе військо въ Одесу, чы нема?»—«Якъ, кажу, нема!—та тамъ того війська, кажу, що идуть, идуть и кинця ёму не выдно!» Отъ воны погомонили щось таке дыковынне и пытають мене: «а що? чы весело у насъ жыты, чы ни?»—«Видкиль те весилля визьметъ?—кажу—«та неволя гиршъ за всёго. А вдруге,—чи добрыхъ людей такъ такы харчуютъ!.. Вже якъ вы насъ узялы на свое пропытаніе, то треба и годуваты. А хиба то коштъ? Нехай бы ваша мылость пыла бъ що-дня той чай, або тымъ хруктомъ забавлялышь,—а що до мене, то цуръ ёму, бо вже такъ охлявъ—не дай Боже! Будьте, паночку, ласкави, кажу, капусты чы не мае шаткованой, або, може, іе солони огиркы?» Заразъ ёму поклоныvсь:—«та ще бъ мы просылы вашу мылость, кажу, чы не мае жытнёго хлиба, бо цей пшенычный, не во гнивъ вамъ, паночку, винъ питанія не дае». Послухалы воны мене: «ну доброе, кажутъ, мужычоکъ!—дамо тоби пойисты въ волю»—и одпustылы.

Тильки що я выйшовъ, дывлюся, ажъ хлопецъ несе мени па тарильци хлиба, солоныны и чарку горилки: та така добра, ажъ въ носи круте.—«Що жъ, кажу, хлопче! тую солоныну або ты самъ зйнсы, або кынь іи къ бисовому батькови, бо у насъ теперь пистъ». Та такъ скынувъ шапку та и снidaю святымъ хлибомъ, а винъ усе тыче мени та тыче тую солоныну, а на-послідокъ укынувъ у шапку, та самъ навтикача.—«А, стривай лышень!» Якъ узявъ я тую солоныну, та якъ кынувъ ёму па вздогинци, такъ ёго по шыи и уцилывъ. «Отъ-то знай, бисивъ сыну, якъ скромыты шапку!»...

Такъ-то мы промаяялъ зъ недилю миста, а тымъ часомъ сталы и други корабли пидходыты. Що-дна, то прыйдуть—то пидуть; то прыйдуть—то лидуть. А намъ тильки и дила: йиздымо сюды та туды, сюды та туды по тимъ мори, мовъ той цуцыкъ по надвирию. Одынъ такы разъ було-того, що загрузъ корабъ,—такъ, бисови, уміютъ: зволоклы ёго...

Въ страшнѹю п'ятничу прыйхали мы знову до Одесу,—та вже жъ тамъ того корабля було!—и-и-и не дай Господы! Чы воны той лыманъ хотилы загатыть, чы морока ёго знае—тильки такого бағацько зибралося, що и око не обйме. Ти, що побильшъ, такъ тильки парусы розпустяты, якъ той гусакъ свои крыла, и стоять, такъ кажы, якъ обийвсь; а тіи, що меншъ, такъ тильки и знаютъ, що промежъ цыхъ, мовъ гусенята,—ажъ море гуде. О-о-о, та и здорови жъ булы!—Якъ пидійшовъ нашъ корабъ до одного, тутъ заразъ зачалы якыхъ зъ насъ перегружаты, а я тильки дывывсь на ёго, якъ падамарська хата коло церкви. По усихъ корабляхъ натыскано дерева, мовъ лисъ, а по тымъ дереви та канатахъ, якъ кицьки, лазуть ти розбійники. Дывывсь—ни одынъ не обирвавсь. А по бокахъ тильки викна та викна—такъ уси бока пысаны викнами, а якъ роздывывсь, такъ въ тыхъ викнахъ усе пушки, та пушки... Бодай ёму лыха,—таке дывво, що цилый день дывывсь, дывывсь, покы сонце зайдло, напослідокъ сонъ заморыжъ, и я нечувъ, якъ заснувъ...

Тильки вже на другий день спозаранку щось якъ торохне,—а я схватыvсь, та зъ переляку здалося мепи—чи хата завалылась, або-що, та крычу: «го-го-го, люде добри, рятуйте!» Ажъ дывлюсь,—дымъ по мори такъ и покотыvсь. Хотивъ спытаться у людей, а корабъ нашъ якъ торохнуvъ, ажъ памороки забыло. «Эге-ге, та тутъ, кажу, стриляютъ!» Оглядинсь добре, а коло насъ мабуть зъ десятокъ тыхъ корабливъ. Тильки оглянувшись, ажъ воны якъ зачалы тараҳютить—та усе у прыстань, та усе у прыстань. Я до хранцуза, а винъ ходе по палуби: «паночку, кажу ёму тыхєпъко, та бійтесь лышень Бога! сёгодня страшнá субота. Що вы робыте!» А винъ каже: «ничаво, каже,ничаво!—не бійся.»—«Та нехай, кажу, вже товариши

стриляютъ; що вы ихъ слухаете? тутъ, кажу, вамъ бида!» Та ни, и вұхамы не ведуть: стриляютъ та стриляютъ. Одійшовъ я до за-городы,—дывы, и наши зъ берегу одвить даютъ. Та не пройшло, мабуть, и зъ часъ того миста, ажъ дывымось: одного корабля тягнуть, а тутъ заразъ щось таке и у насъ мовъ дрибъязки по-летилы, а напослідокъ—лусь!—такъ четыри хлопця и покоты-лось, якъ горихы.

А въ городи народу—якъ тіи черви по берегу лазютъ.—«Що, каже хранцуэль, що то таки люде або-що?»—«Та усе, кажу, наши, усе наши, що тильки око здритъ».—«Чого жъ воны, каже, тамъ находятся?»—«Якъ чого!—дывлються.»—«И не боятся, каже, смерти?»—«Та вже жъ ни».—А писля заразъ пы-тае: «а то, каже, на пристани, що тамъ таке товчется?»—«То, кажу, салдаты!».—«Мы ихъ, каже, бьемо,—чого воны не одій-дуть?—чи воны прывязани, чы що?»—«Та такъ, кажу, васъ пиджыдаютъ, чы не зайдете, мабуть, въ гости!» Винъ заразъ и сховався,—такъ мени здається: ричи не злюбивъ...

Бисови люде!—не дурно казалы, що розбійники. Тутъ одни стриляютъ, а други сцидають—нема ни покою, ни того, щобъ заспуты у поблудень. Тильки, бачыте, и змурдовались, якъ сонце захόдило, та замість того, щобъ дать зовсімъ тягу, якъ мы спо-дивалися,—одійшли тильки до своихъ, та и пустылы якоры. За-разъ такий гоміпъ пиднявсь па корабли, що и не дай Господы!— гомонять, пьють, бо за день наморились, якъ собаки йидять... А дали почали лататъ дирки... Я такъ соби гадавъ, що воны, може, яку птыцю, або свиню зажарють, щобъ було чимъ розговитись!— такъ де тоби!—воны и празпыхавъ християнськихъ не знаютъ...

На зори прокынувшись я, похристосувалъ тутъ, хто булы свои, прочыталы молитву,—та тильки и допыталысь, що тій биднои со-лонины...

Вже тильки-тильки що на четвертий день пустылы нась, якъ тыхъ горобцівъ, па волю!.. Отъ таке-то було въ тій не-волі».

Н. П. Сокальский.

18 декабря 1854 г.

Украинськи залпysи Порфирія Мартиновича.¹⁾

Записанный П. Д. Мартиновичемъ репертуаръ Лохвицкаго кобзаря Трыхона Магадына сравнительно невеликъ,—всего 6 пѣсенъ, изъ которыхъ 5 записыватель именуетъ, согласно терминологіи самихъ кобзарей, *козацькымъ писънямъ*, а 6-ую—*весели писни*. Изъ справки, данной въ текстѣ, видно, что репертуаръ Трыхона Магадына въ отдѣлѣ *псальмъ и веселыхъ писень* значительно болѣе (см. перечень ихъ въ концѣ пѣсенъ), но записыватель почему-то не включилъ ихъ въ свои записи.

Что касается текста пѣсенъ, то всѣ онѣ не представляютъ новаго матеріала, а являются только варьантами уже известныхъ въ печати и раньше. Пѣсня *про трехъ братиевъ Озовськихъ*, сводъ варьантовъ которой см. въ «Историч. пѣсняхъ малорусскаго народа» В. Антоновича и М. Драгоманова, ближе всего къ варьанту кобзаря Остапа Вересая и значительно разнится отъ варьанта Ивана Кравченка, напечатанного въ прошломъ номерѣ въ записи П. Д. Мартиновича.—Пѣсня *про бурю на синему мори*, иначе называемая *про Олексія Поповыча*, тоже близка къ варьанту Остапа Вересая. (Сравн. въ «Историч. пѣсн.» В. Антон. и М. Драгом., а также въ «Кievск. Стар.» 1885 г., № 1-й, въ записи Н. Сумцова, и тамъ же въ 1904 г., № 2, въ записи П. Д. Мартиновича.) Пѣсня *про Коновченка* ближе всего къ варьанту

---

¹⁾) См. Киев. Стар. № 2.

въ «Южнорусскихъ пѣсняхъ» А. Метлинского. (Сравни, кромѣ Метлинск., въ Кіевск. Стар. 1882 г., № 8—Кобзарь Остапъ Весесай, у Максимовича—Собран. украин. пѣсень ч. 1-я, въ Кіев. Стар. 1884 г., № 1-й—Кобзари и лирники В. Горленка, въ Кіев. Стар. 1889 г., № 9-й—Лирники В. Боржковскаго, въ собраніи П. Лукашевича—Малорус. и Червонорус пѣсни, а также въ Кіев. Стар. 1904 г., № 2-й, въ записи П. Д. Мартиновича). Пѣсня *Витчымъ* представляетъ нѣкоторыя отличія отъ варъянта Ивана Кравченка въ записи П. Д. Мартиновича. (Сравни въ Кіев. Стар. 1904 г., № 2, въ Южнорус. пѣсняхъ А. Метлинского и въ Записк. Ю.-З. Отдѣла Геогр. Общ. т. 1-й). Пѣсня *про вдову* отличается отъ варъянта Ивана Кравченка въ записи П. Д. Мартиновича (Сравни въ Кіев. Стар. 1904 г., № 2-й, въ Запис. Ю.-З. Отд. Геогр. Общ. т. 1-й, у Метлинского «Южнорус. пѣсни», въ Львовскомъ «Этнографічн. Збірн.» т. 2-й, въ Этнограф. Матер. Б. Гринченка, т. 3-й, въ Кіев. Стар. 1902 г. № 5-й.—Сластіоновъ «Кобзарь Кравченко»). Пѣсня *біда* ближе всего къ записи В. Боржковскаго (Кіев. Стар. 1889 г. № 9-й—Лирники), и значительно отличается отъ записи В. Горленка (Кіев. Стар. 1884 г., № 1-й—Кобзари и лирники).

Ред.

Кобзарь Трыхонъ Магадынъ.

с . Бубны, Лохвыцького пов., полт. губ.

Козацьки письни.

Якъ трыв браты зъ Озова втикалы.

1. Не пылъ пылълы, не туманы вставалы,
Якъ зъ города Озова, съ тяжкои неволи трыв браты втикалы.

Два конныхъ, третій пишый пиҳотыця,
Наче междо нымы чужа чужаныця,
5. Бижыть пидбигае,
Кровъ слиды залывае
И пожаръ пидъ били ногы пидпадае,
Бративъ конныхъ доганяе,
Междо кони вбигае,
10. За стремена хватае,
Словамы промовляе:
«Браты мои мыли,
Голубонькы сыви!
Возьмите мене междо кони, хоть мало пидвезите,
15. Нехай я буду добре знаты,
Куды зъ вамы у городы хрыстыянинськи,
До 'тця-паниматки гостемъ прыбуваты'.
А браты промовлять словами:
«Эй, брате мылый,

20. Голубоньку сывый!
 Сами, братъ, не выидемъ
 И тебе не вывеземъ,
 Бе за намы зъ города Озова тяжка велыка погоня,
 А самъ, ты, жывъ здоровъ будешъ,
25. До швидче у городы христыянськи одъ нась прыбудешъ.
 Будешъ ты, братъ, по тернахъ, по байракахъ всегда скры-
 ватиця,
 У города христыянськи всегда прыбуваты.
 Чы твоя голова козацька молодецька въ чистимъ полі помрё;
 Есть у чистому полі орлы сызопери, чорнокрыльци,—
30. Твои косыти похоронять».
 То найменьшый братъ промовыть словамы:
 «Браты мои, мыли,
 Якъ голубоньки сыви!
 Есть у васъ ясненький мичъ,
35. Издымить мени головоньку зъ пличъ,
 Та мене у чистому полі поховайте,
 Звиру-птыци на поталу не подайте».
 То середульшый братъ съ коня вставае,
 До меньшого брата словамы промовляе:
40. «Хочъ есть у насъ ясненький мичъ,
 Такъ винъ твоеми шыи не пойме
 Рука козацька молодецька не воздойметъця,
 Серце козацьке молодецьке не осмилытъця!»
 Тоже вльять меньшый братъ промовыть словамы:
45. «Браты мои, мыли,
 Якъ голубоньки сыви!
 Идьте вы шляхамы,
 Рубайте виты тернови шаблямы,
 Зелени байракы ламайте,
50. По шляху роскыдайте,
 Для козацькои прызнакы».
 То ихалы браты шляхамы,
 Рубалы виты тернови шаблямы,
 Зелени байракы ламалы
55. По шляху роскыдалы,
 Меньшому брату прызнакы давалы.

На море степивъ выступали
 Ни терновыхъ витай, ни зеленыхъ байракивъ ниде не за-
 выдалы.

Тилько середульшый братъ промовыть словамы:

60. Братъ, старшый, мылый
 Голубоньку сывый!
 Станьмо кони попасимо
 И меньшого брата пидождимо,
 А колы назадъ завернимося, междо кони возьмимо,
65. Хотъ мало его пидвезимо»,
 То вже старшый братъ промовыть словамы:
 «Братъ, середульшый, мылый,
 Якъ голубоньку сывый!
 Ище тоби прокляцька турецька невира не звидалася
70. И сырциа въ руки не въидалася!—
 Винъ самъ жывъ здоровъ буде,—
 Швыдче одъ нась у городахъ хрыстиянськи прыбуде». Середульшый братъ съ коня вставае,
 Гирко слезамы рыдае,
75. Дороги шаты выдырае,
 Червону кытайку по шляху роскыдае,
 Меньшому брату признаку давае.
 То меньшый братъ бижыть, пидбигае
 И пожаръ пидъ били ногы пидпадае
80. Кровъ слиди залывае,
 На море стёпа выступае,
 Не зазыдае ни терновыхъ витывъ,
 Ни зеленыхъ байракивъ,
 Тилько червону кытайку зобачае,
85. У руки бере, до серденъка прыкладае,
 Словесно промовляе:
 «Боже мылый!
 Якъ то мене турецька, прокляцька невира
 На спочывкахъ промынула, чы въ тернахъ, чы въ бай-
 ракахъ!
90. Якъ моихъ бративъ коныхъ догоныла,—

- Яки збытки почыныла!
Дороги шаты выдырала,
По шляхамъ роскыдала..
Эй колыбъ-же я добре знатъ, чы ихъ постриляно-по-
рубано,
95. Чы жывьемъ у руки забрато,
До бъ я пишовъ по степамъ блукать,
Билого тила знаходыть,
У чистому поли поховать,
Дзвиру-птыци на поталу не подать»!
100. Се козакъ промовыть словами,—
Буйни витры повивали,
Козака эль нигъ валилы.
Одно безытытъя, друге безыжъя,
И трете бездорожъя!
105. Пидъ Саворъ-могылу схожае,
Нызенъко голову склоняе.
Тогда орлы находылы, на черни кудри наступалы,
Зъ пидъ лоба очи выймалы...
То винъ обизвельця эль жалю словами,
110. Обыльцетъя горко слезамы;
«Эй вы орлы сзыопери, орлы чорнокрыльци!
Заждить хотя малу годыну,
Другу часыну,
Покы разстанетьця душа эль билымъ тиломъ,
115. Тоди находытымете,
Шо хотите мною робытымете».
Тоди орлы сзыопери чорнокрыльци исъ тернивъ, изъ бай-
ракивъ налиталы,
Сири вольци набижали,
Одъ суставъ кости дрывали,
120. По комышамъ розношали
И комышами покрывали,
Буйни витры повивали,
Жовти косьти пужарямы покрывали.
Не отець-паниматка қозака оплакала раннимы зорямы,

125. Дрибнымы слезамы,—
 Зозуля прылитала,
 У головахъ сидала,
 Жалобиенъко кувала:
 «Голово, голово, козацька молодецька!»
130. Исправды есы не доныла, не доила
 И хорошенъко не доходыла!
 Де довелось по степахъ валитись,
 Звиру птыци на поталу податись!»...
- Сталы браты у города хрыстыяньськи прыбуваты
135. И сталы раду одраджаты:
 Якъ будемъ, братъ, отцю-паниматци отвить отвичаты?»
 Старший братъ промовыть словами:
 «Братъ цайменьший, мылый,
 Голубоньку сывый!
140. Самъ я буду знать,
 Якъ за меньшого брата отцю-паниматци отвить отвичать:
 Искажемъ бувъ панъ Гроздынъ, туркынъ молодый,
 Продавъ нашего брата у Рабъську землю,
 У прокляту бусурменьську невиру, на катергу довишию».
145. Ой то середульшый братъ промовыть словами:
 «Брате старый, мылый,
 Голубоньку сывый!
 Будемъ, брате, правду говорыть, буде Господь надилять
 И отецъ маты выхвалять,
150. А якъ не будемъ, брате, правды говорыть, буде Господь
 ныщить понышать
 И отецъ маты клясты проклынать».
- Старший братъ промовыть словами:
 «Брате середульшый мылый,
 Голубоньку сывый!
155. Будемъ на двое кгрунты паювать,—
 Не будемъ между собою суперекы мать».
- Сталы браты у города хрыстыяньськи прыбуваты,
 На святыи церкви накладаты
 И ныщыхъ убогыхъ надиляты,
160. Турецьку землю клясты проклынаты!
 «Справъ есы ты, турецька земле проклята, и розлука
 хрыстыяньська.

Роздучыла мужа зъ жоню,
Брата зъ сестрою!
Справъ есы камъянисто!

165. Туркамъ нагайцамъ на сребро злато багата!
Вызволь, Господы, невольнику зъ неволи на край весе-
лый,
Междо мырь хрещеный,
До роду до родыны до отця до паниматки».
Услышы, Господы, у прозъбахъ у молытвахъ
170. Люду царьському,
Народу хрыстыянському
На многа лита
178. И до конъця вика;—

2.

Про бурю на сынёму мори¹⁾.

1. На сынёму мори, на билому камени сидить сокиль ясенъ
билозирецъ.
Нызенько головку склоняе,
Квылить проквылие,
На святе небо поглядае,
5. Шо половына соньця, половына мисяця у тьму заступило.
Не гараздъ у сынemu мори почынало,
Супротывна хвыля зо дна моря вставае,
Козацьки судна молодецьки на трь часты розбывае.
Перву часть одбывала
10. У тыхый Дунай замчала,
Другу часть одбывала, у Рабъську землю заносыло,
Третю часть одбывало,
Посередъ моря потопляло.
Въ ту ю годыну два брата ридненъкыхъ потопало,
15. Третя чужа чужанына,
Безридна безплеминна,
Шо нйкому на чужій чужини порятунку даты

¹⁾ Вона тилько Олексіємъ Поповычемъ называетца, а настояще
їи названіе— „Про бурю на Чорному мори“.

- И прощенія прыняты.
 Сталы браты промовляты:
 20. «Эй то се, братъ, не сопротивна хвыля затоцляе,
     А отцёва паниматчына молытва карае:
     Шо мы зъ дому выходылы,
     Одъ отця, 'дъ паниматкы благословенія не прыняты
     И старшого брата марно зневажалы,
 25. Середульшу сестру пидь ногы топталы,
     Блыжнёму сусиду хлиба-солы збавляллы,
     Улыцамы произдылы и марно старыхъ людей зневажалы,
     Малыхъ дитей киньми топталы,
     Кровъ хрыстыяньську съ пискомъ мишалы,
 30. Проты церкви произдылы, шлычка зъ главъ не здымалы,
     Хреста на свое лыце не клалы,
     Колы-бъ же насъ, брате,
     Отцева, паниматчына молытва могла вызволыты,—
     Хай бы мы пры старосты литяхъ добре зналы,
 35. Якъ пры старосты литяхъ отца-неньку штыть, поважаты»...
     Якъ скоро стали браты отцеву-паниматчыну молытву вы-
         хвалияты,
- Стала супротивна хвыля втыхаты,
 Сталы воны къ берегу выплываты,
 За билый каминь рукамы хвататы
 40. И на берегъ выступаты,
     На край веселый,
     Междо мыръ хрещеный,
     (Теперь) насупротивъ сынивъ отецъ маты выхождае,
     Сынивъ пытае:
45. «Чы добре вамъ, сыны, у дорози почынало»?
     И воны речуты: «добре на сынімъ мори гуляты,
     Тилько не добре безридиній безллеминій чужій чужыни
         потопаты,
- Шо никому на чужій чужыни порятунку даты,
 Прощенія прыняты».
50. И ще жъ то щасливъ чоловикъ на съвити бувае,
     Якъ отца-неньку штыть-поважае,
     И блыжнего сусиду за ридного брата мае,
     И старыхъ людей почытае.

- Вызволь, Господы, невольника зъ неволи на край веселый,
55. Между мыръ хрещеный,
До роду до родыны!
Люду царьському,
Народу хрыстиянському
И всимъ головамъ выслушашымъ
60. Отъ на многая лита
61. До конъця вика!

3.

Про Коновченка.

1. Ой на славній Українни, у городи у Черкаси, жыла удова Коновчыха,
По мужови Грыциха,
Мала соби сына Ивася Коновченка
Удовыченка;
5. Изъ малыхъ лить вона его годувала,
Пры соби держала,
У наймы не пускала,
На чужи руки на стыраные не давала,—
Усе доброго розуму дожыдала
10. И Творця вона благала:
«Боже Мылый, и все святій!
Поможите мини сына догодуваты,
Доброго розуму дождаты!»
Скоро ставъ Ивась Коновченко до доброго розуму дохонждаты,
15. Ставъ Хвылонъ Корсуньський полковныкъ увъ охотне військо козакивъ выклыкаты.
«Козакы, добре вы дбайте,
Который зъ охоты на Черкени долини погуляйте.
Славы-памъты козацькои достаты,
Лыцерство предъ наметь турецький показаты».
20. Скоро Ивась Коновченко сее зачувае,
Старий иеньци промовляе:
«Благословы мини, маты,

- На долыни Черкени погуляты,
 Славы-памяты козацькой достаты,
 25. Лыцерство предъ наметь турецький показаты».
 То вдова промовыть словами:
 «Не благословлю я тоби, сыну Ивасю Коновченку, у до-
 лыни Черкени гуляты,
 А благословлю тоби у домій пробуваты,
 Хлибъ силь пахаты,
 30. Та на хлибъ на силь козакивъ зазываты,—
 Онъ такы будуть воны тебе штыть поважаты».
 А Йвась Коновченко промовыть словами:
 „Не хотилося мени, маты,
 Въ доми пробуваты,
 35. За плугомъ спыну ломаты,
 Но борознахъ сапьянцы выкравляты,
 Кытаевыхъ дорогихъ жупанивъ пыломъ напыляты,
 Бо за плугомъ, маты, борозна не мыла,
 А колыбъ-же ты, маты, добре учынила:
 40. Чотыри волы чабанії,
 Два кони воронії
 До жыда Кролевського згоныла,
 Торгъ учынила,
 Одного коня купыла,
 45. Якъ козацька молодецька душа влюбыла;
 Бо хочъ буду я, маты,
 У домій пробуваты,
 Хлибъ силь пахаты,
 На хлибъ на силь козакивъ зазываты,
 50. До будуть воны мене на пидпытахъ докоряты,
 Домаремъ гречкосиемъ называты».
 То вдова каже:
 „Бодай же ты сыну, Ивасю Коновченку,
 Вдовыченку,
 55. Недождавъ, шобъ я тоби отцевську худобу на 'дного коня
 збуvala“.
 То у Недилю, барзо рано, до сходъ соньця удова отцевську
 збрю поховала,
 Тилько позабула шабли булатнои склониты,

- Та зъ своего двора выступае,
До Божого дому прыхожае.
60. То Йвась Коновченко одъ сна вставае,
По свитлыцямъ ирохожае,
Отцевськои зброя ничего не забачае,
Тилько шаблю въ руки бере, за плечи закладае
И чверть мыли одъ города козакивъ пихомъ доганяе.
65. Его козакы не взнали,
Шапки здіймали,
Зъ дорогою поздоровляли.
То вдова зъ Божого дому до своего дому прыхожала,
Свого Ивася Коновченка у домій не застала,
70. То вона его кляла—проклынала:
„Ой, бодай тебе, сыну, Ивасю Коновченку,
Тры недоли військовыхъ у чистому полі побыло:
Перва недоля:—шабля не рубала,
Друга недоля—ружына не стриляла,
75. А третя—шобъ материны слезы ни въ якій потреби не
спиткалы“....
- То вже вдова не мало серця не внимала,
Чотыри волы чабаніи,
Два кони вороніи
Зъ двора занимала,
80. До жыда Кролевського згоныла,
Торгъ учыныла
И п'ятдесят червиньцivъ доложыла,
Одного коня купыла,
Якъ козацька-молодецька душа влюбыла,
85. Рядовимъ козакомъ на Черкену долыну передавала,
Словесно промовляла:
„Рядовый, козакъ молодый!
Де мого сына междо козакамы догонышъ,
Междо лыцарамы лыцаромъ постановышъ,
90. Отъ матуси поклонъ подасы“.
- То козакъ въ чверть мыли одъ города козакивъ догоняе,
По-междо козакамы проижджае
И Йвася Коновченка не узнае.
Ивась Коновченко самъ добрый звычай знае,
- Томъ 84.—Мартъ, 1904.

95. До коня и прыступае,
 За поводы бере й на коня сидае,
 Тоди каже: „Боже Мылый, и вси святі!
 Яжъ думавъ, шо мене матуся клене проклынае,
 А вона мини козакови на добре дбае.
100. Боже Мылый и вси святі!
 Поможить мини сей походъсходты, нехай я буду добре знаты
 Якъ пры старосты литихъ стару неньку поважаты“.¹⁾
 Теперь промовыть: „Хвылоне Корсуньський полковныку,
 Благословы мини на долыни Черкени зъ гарцивныкомъ²⁾
 погуляты».
105. То Хвылонъ Корсуньський полковныкъ промовыть словами:
 Не благословлю я тоби, сыну, на Черкени долыни погуляты
 Есть козакы старій тёбе; хай на долыни Черкени гуляютъ,
 Славы-памъяты козацькои достають
 И лыцерство предъ наметъ турецъкый подають“.
110. То Івась Коновченко промовыть словами:
 Ты Хвылонъ Корсуньський полковныкъ,
 Возьмы ты ути старее,
 Та малее,
 Та пусты его на сине море;
115. Поплыве малее,
 Якъ бы тее старее“.
 Ивась Коновченко промеждо козакамы прохожае,
 Шапку здыймае
 И старого и малого поздоровляе,
120. На долыни Черкени зъ гарцивныкомъ гуляе;
 Симсotъ душъ зрубавъ,
 А симсotъ на арканъ жывьемъ у руки забравъ,
 Предъ пана Хвылона языка жывьемъ прыставлявъ.
 То Хвылонъ Корсуньський полковныкъ изъ намета выхождае,
125. Ивася Коновченка пидь руки хватае,
 На червону кытайку садовыть,
 Напытки й найдки становыть,
 Словамы промовыть:
 „Ивасю Коновченку, дытя молодое! Ты ниде й небувало,

¹⁾ Онъ уже куды пишло!²⁾ Зъ непрыятелемъ.

130. Багацько козацького звýчаю розизнало!“
 А Йвась Коновченко промовыть словамы:
 „Благословы мини, Корсуньський полковныку,
 Оковыту горилку нажываты,
 То ще не такъ буду на долыни Черкени зъ Гарцивныкомъ
 гуляты“.
135. „Не благословлю я тоби, сыну, оковыту горилку нажы-
 ваты,
 Бо вона тебе зрадыть,
 Головку коню на грыву склоныть
 И свита окрашёного запогубыть“.
 А Йвась Коновченко не мало серця не нимавъ
140. И такъ кубокъ наливъ,
 Якъ козацьке серце звеселывъ,
 Тоди на коня сидае,
 Сонъ его знемагае,
 Коневи на грыву головку склоняе;
145. Междо козакивъ проижджае.
 Старого й малого дорогою зневажае,
 Гарцивныки за чверть мыли́дъ тóрода п'янаго чоловика
 взнали,
- А ше чверть мыли уступали,
 Та покы его постриялы—порубали,
150. Ще за собою симсотъ потерялы;
 Тилько не гараздъ учынылы,—козацького коня не пій-
 мали.
- Кинь по табору турецькому гуляе,
 Стремена порвани, аркáны кривави.
 То Хвылонъ Корсуньський полковныкъ згрознá до коза-
 кивъ промовляе.
155. „Козакы, добре дбайте,
 Козацького коня пíймайте.
 Не дурно кинь козацький по табору турецькому гуляе,
 Знать нашого Ивася Коновченка, молодого лыцаря, на сви-
 ти немае“.
- То козакы коня пíймали; по чистому поли проходылы,
160. Козацьке билемо тило знаходылы;
 На червону кытайку собиралы,

На долыни Черкени поховалы.

И прыснтыця удови сонъ чуденъ - пречуденъ и дывенъ-
предывенъ:

„Рыдтыця“, кae, „сынъ мiй на долыни Черкени одру-
жывся;

165. Узявъ соби жену горду-прегорду, пышну-препышну;
Мiй двиръ старый мынае,
А соби нового шукае“.
Рядового козака про сына пытае,
Рядовый козакъ iй одповидáе:
170. „Твiй сынъ у долыни Черкени одружывся;
Узявъ жену горду-прегорду, пышну-препышну,
У чистому поли высоку могылу“.
То вдова козакови виры не доймала,
До Творца руки здымала,
175. Творца благодарыла!
„Благодарю Господа небесного, шо мiй сынъ у долыни Чер-
кени одружывся.
- Уже хочъ вона горда-прегорда и пышна-препышна,
А буде пры старосты литихъ головку преклоныты“.
Хвылонъ Корсуньський полковныкъ иде
180. И коня за поводы веде.
Скоро вдова коня забачала,
Къ сырій земли прыпадала,
Хвылона Корсуньского полковника кляла проклынала:
„Бодай ты Хвылоне Корсуньський полковныку, щастя и
доли не мавъ,
185. Якъ ты мого сына Иvasя Коновченка за все вiйсько вте-
рявъ“.
- То Хвылонъ Корсуньський полковныкъ гордосты не мае,
До вдовы прыступае,
За руки хватае,
Одъ сырой земли звождае,
190. Словесно промовляе:
„Эй, удово Коновчыхо, мене молодого не проклынай,
Щастя й доли не збавляй,
Бо ты есы не гараздъ учыныла,
Шо сынови такого коня купыла“.

195. То вдова тоже не мало серця не нимала,
 Сорокъ тысячъ війська три недили содержала,
 Хлиба—солы не побороняла,
 Кусты, рушники подарки давала,
 Заразомъ Ивася Коновченка похоронъ-весилья одбувала.
200. Бидна жъ чобидна удовиня головонька!
 Люду царьскимиъ
 И народу хрыстыяньскимиъ,
 Усимъ головамъ выслушанымъ
 На многая лита
205. До конъця вика.

4.

Витчимъ.

1. У недилю барзо рано пораненько не въ уси дзвоны дзво-
 нено,
 Нихто не взнае, шо въ крайнимъ доми говорено.
 Отецъ-маты сына у чужу сторону выпровожалы:
 „Иды ты, сыну, между люды пробуваты,
 5. Чы не лучше тоби будеть маты“.
 „Не хотилося мыни, маты,
 У чужїй сторони пробуваты,
 Бо будуть мене прощёнцемъ называты“.
10. Коня веде,
 А середульша зброю несе,
 Найменышая брата выпровожае,
 Словесно промовляє:
 „Видкиль то, кae, тебе, брате, выглядаты?“
15. Чы съ чистого поля,
 Чы зъ буйнои вoи,¹⁾
 Чы зъ славного люду Запорожжа?“
 — „Не выглядай мене, сестро, ни съ чистого поля.
 Ни зъ буйнои вoи,
20. Ни зъ славного люду Запорожжа,
 А возьмы ты жовтого писку въ жмени,
 ПОСІЙ его на билому камени;

¹⁾ Войны.

- Якъ буде жовтый писокъ на билому камени сходыты,
Хрещатымъ барвинкомъ у тры ряды встылаты,
25. Хрещатый барвинокъ голубымъ цвитомъ процвітати;
Будуть, сестро, о Петри быстри рики замерзати,
А ѿ Риздви калына въ лугахъ билымъ цвитомъ процвіти-
тати,
- То тоди вже буду въ вашъ домъ гостемъ прыбувати“.
- „Якова то я, братику, у съвити стала,
30. Шо одъ старыхъ людей не чувала,
Шобъ жовтый писокъ на билому камени сходыть
И голубымъ цвитомъ у тры ряды устылавъ,
И сего я, брате, не чувала,
Шобъ о Петри рики замерзали,
35. Шобъ ѿ Риздви билымъ цвитомъ калыны въ лузи про-
цвітати
- И шобъ братъ до сестры тоди въ гости прыбувавъ“.¹⁾
На празныкъ Воскресеніе люды до Божого дому йдуть,
Якъ бджолы гудуть;
Изъ Божого дому йдуть,—пола объ полу мелькаетьца,
40. Плече́бъ плече черкаетьца;
Одынъ одного на здоровья пытае
И одынъ одного обидать зазывае.
Убогого чоловика никто й не знае,
Мовъ бы въ его въ двори не бувалы,
45. Хлиба солы не идалы.
Пры добрій годыни
Кумы й побратымы,
Пры лыхій годыни
Немае й родыны.
50. Люду царьському,
И народу хрыстыяньському,
Усимъ головамъ выслушанымъ
Отъ на многая лита
54. До конъця вика.

5.

Про сдову.

1. Була бидна побидна вдова.
Не дробна птыця въ гору щебетала,

¹⁾ От-то вже, значить, его не сподиватъця.

- Якъ бидна вдова зъ двору выступала,
И къ чужому дому прыхожала,
5. Хлиба солы заробляла,
Усе вона дитей годувала,
Изъ малого росту до великого пры соби держала,
У наймы не пускала,
На чужи руки на стырамые не давала,
10. Усе доброго разуму дожыдала.
Удова доброго разуму дождала—сынивъ подружыла.
Якъ стали сыны до доброго разуму дохожаты,
Сталы зъ старои ненъкы насьмихаты,
Сталы зъ свого дому въ чужый домъ изсылаты:
15. „Иды-жъ ты, маты,
У чужый домъ пробуваты,
Нехай мы не будемъ у себе суперекы маты,
Нехай не будемъ женъ страхаты
И малыхъ дитей лякаты“.
20. То вже у недилю, рано пораненъку, до схидъ соньця удова
зъ двору выступае,
Гирко слёзамы рыдае,
За слёзамы свита Божого не добачае,
На ворота спотыкае.
Старшый сынъ сядыть, та виконця кватырку 'дсувае
25. Ище й' зъ старои ненъкы насьмихае;
До свого браття словами промовляе:
«Друзи, паны молодьци, десь наша маты старая
Превелького гриха не знала,
Що въ недилю рано пораненъко, до сходъ соньця горилки
напылалася,
30. На ворота звалылася».
Чужа чужына,
Блызька сусида, молодая челядьна
До вдовы прыступае,
За руки хватает,
35. Одъ сырой земли звождае.
Удова промовыть словами:
«Ты, чужая чужыно, блызька сусидо!
Прыймы мене удову стареньку до свого дому пробуваты,

40. Буду тоби пры старосты литяхъ сины-хату вымитаты
И малыхъ дитет доглядаты».
То вже чужа чужына,
Блызька сусида, молодая челядьина
Промовыть словами
45. — «Иды ты, вдово старенька, до мого дому иробуваты.
Не будешъ ты пры старосты лить хату вымитаты
И малыхъ дитет доглядаты,
Тилько будешъ мене молодого челядьина до доброго розуму
прывожаты».
- Скоро стала вдова въ чужый домъ прыбуваты,
50. Хлибъ силь зажываты,
Ставъ Господь удовыныхъ сынивъ выдымо караты,
Громовыми огнемъ палыты.
Старший братъ меньшому въ ногы впадае:
«Эй то, братъця, друзья, паны молодьци!
55. То вже мы стару неньку зъ своего дому зослалы въ чужий
димъ
Хлиба солы зажываты.
Який я коштовный домъ избудувавъ,
Господь мене покараавъ,
60. Громовыми огнемъ спалывъ».
Стады зъ бративъ кумы побратымы насьмихаты:
«Десь въ удовыныхъ сынивъ хлиба солы немає,
Шо воны у чужий домъ неньку заслалы хлиба солы за-
жываты».
- Старший братъ меньшого брата посылае:
65. «Пойди ты, брате, до чужого дому
И якъ бы ты стару неньку у свій дому могъ упросыты».
То вже меньшый братъ зъ двору выступае,
Къ чужому дому приходжае,
Старій неньци у ногы впадае,
70. Гирко слёзамы рыдае:
„Иды жъ ты, маты,
До нашого дому иробуваты,
Бо не можемо безъ тебе щастя й доли соби маты.
Будемо, маты,

75. Женъ страхаты
 И малыхъ дитей лякаты,
 И тебе пры старосты литяхъ штыть-поважаты“.
 То вдова не мало у чужимъ доми пробувала трыйдцять
 лить и четыри,
 Ни у кого вона крывды соби не мала,
80. Изъ чужого дому выстушала
 До Творца руки здымала,
 И Творца благала:
 «Боже мылый и вси святіи!
 Поможите у двиръ уходыты,
85. Своихъ сынивъ до доброго розуму прыводыты.
 Скоро стала удова старенька у своему доми иробуваты,
 Тогда стали удовыны сыни у своему доми хлібъ - силь-
 маты.
- Сталы браты промеждо собою промовляты:
 «Хто стару неньку штыть, новажае,
90. Тому Господь помогае,
 Щастя й доли посылае
 И у поли и въ доми у цути и въ дорози».
 Люду царьському
 И народу хрыстыянинському,
95. Усімъ головамъ выслушацымъ
 Отъ на многая лита
97. До конъця вика!

Оце й усій, яки я знаю; и майстеръ мій не знавъ билшигъ. На нашимъ краи вже попереводылсь кобзари: ото тилько Лобза (Вересай) та Антінъ Вечирський,—такъ Антінъ не зна „Невольницькихъ“; винъ дяківъ сынъ, та ше вчывсъ по книжкамъ, а тамъ ослипъ, такъ его батько оддавъ до кобзаря въ науку, такъ винъ исалемъ добре понявъ и исалтырну й доси на перечотъ усю зна, а невольницькихъ такъ не зна. Хведиръ Крячковський бувъ,—той знатъ такыхъ (писень), такъ уже вмеръ; та я ще по свиту мотаюсь; симдесять шостий уже годъ мини; пора на свое мисто вже...

Оттуды по тыхъ краяхъ на Миргородъ, тамъ ще сёго чорта, шо крутятъ (лири), не поводытъця. Комышанинськои отамъ науки есть Матвій, Иванъ, Охтанасъ. Значить у Комышни та бувъ кобзарь, то

тó его ученыкы; нема вже теперъ его, пишовъ десь на поселеніе: винъ та майстеръ оттого Крюковського, шо въ Лохвыци, та вмисьти въ одного ще майстра вчылъсь; такъ Крюковського майстеръ жывый и доси; винъ тамъ у Піскахъ мешкае, а той пишовъ на поселеніе.

Зоря Иванъ у Билоцерківцяхъ бувъ, такъ уже четыри годы, якъ зависывъся. Обижавъ нышу братію дуже. („Той тилько Озовськихъ бративъ знатъ“. Примѣчаніе Кравченка—Крюковського).

B u d a.

1. Ишла Бида невельячка
Изгыбала чоловичка.
Де ты въ биса родылась,
Шо за мене вченылась?
5. Хто биды не знае,
Нехай мене спытае.
Моя хата скраю—
Всю биду зазнаю.
Я у Биды обидавъ,
10. То я й Биду одвидавъ.
Я въ Krakovi родылась,
А въ Бруслави хрестылась,
А въ Вильбови зросла
Въ Хмельныкъ замижъ пилила.
15. Була Бида въ Клювани
За клюпиницю у пани,
Пишила Бида до лёху
Позычаты гороху,
Та загубыла ключи
20. Та втекла къ бису въ ночи.
Да була Бида въ Будаку—
Высыть Бида на гаку;
Одырвалася зъ гака—
Къ бису втекла зъ Будака.
25. Пидъ нашымъ ярымъ жытомъ
Лежыть Бида зъ тыхымъ лыхомъ
А ихалы зъ брусамы,
Взялы биду на саны,
Та повезлы до Волохъ

30. Промиялы за горохъ;
 А Волохи каялъсь,
 Шо гороху збавылъсь:
 Вы намъ горохъ верните,
 Къ бису Биду возьмите.
35. Сидай, Бидо, на козу,
 Къ бису тебе одвезу,
 Ше й дорожку покажу.
 Въ Бердичеви на торзи
 Иде Бида на кози
40. Въ червоному картузі.
 Тамъ цыгане кони минялы,
 Та й то Биду пизналы.
 Пишла Бида до Бендеръ—
 Та й тамъ іи хтось обдеръ;
45. Пишла Бида въ Кремьянечъ
 Избираты яець.
 Та въ городи Кремьянці
 Дала старцямъ по яйцамъ.
 Пишла Бида въ Моголівъ
50. Куповаты воливъ.
 За ричкою за Дніпромъ—
 Ходе бида за волами зъ весломъ,
 Та погналась увъ Улась,
 Та тамъ Бида спродаилась
55. И въ лысычки вбраилась.
 А въ Уласи знакоми
 На лысычки лакоми
 И лысычки зняли
 Й опучки далы.
60. Пишла Бида до шевця—
 Вкрада соби реминиця;
 Сыдить вона на столиці
 Морицть соби постолици;
 Сама соби дывуетьца,
65. Шо гарненко обуєтьца.
 А ихали зъ хворостомъ—
 Сыдить Бида пидъ мостомъ.

- То й Бида розиграла—
Всімъ колеса поламала
70. Пидъ густымъ лóзамы
Становlyсь обозомъ,
Ловлять Биду пидъ возомъ;
Былы Биду палыцямы:
Не йды, Бидо, за старцямы.
А Бида каялась,
75. До торбивъ добралась.
Сыдять диды на горби—
Вкрада Бида дви торби.
Иде Бида до Дашева
Конякою изъ Квашева.
80. Диды кваси напыльсь,
Биды Богу молыльсь.
Ишла Бида до школы
Наробыла шкоды.
Былы Биду въ плечи,
85. Не лизъ, Бидо, до печи;
Былы Биду въ груды,
Не лизъ, Бидо, до грубы.
Былы Биду по выскахъ,
Не лазъ, Бидо, по мыскахъ,
90. Былы Биду по лапкахъ,
Не лазъ, Бидо, по лавкахъ
Ишла Бида лавкамы—
Былы Биду палкамы.
Пишла Бида до мысныка—
95. Далы Биди налисныка.
Пишла Бида до Нижена,
Видтиль выйшла остряжена.
Пишла Бида до Лохвыци,
Видтиль далы прохвосници.
100. Пишла Бида до попа,
Былы Биду, якъ снона.
Пишла Бида до Ныкона,
Видтиль выйшла пидтыканы,
Пишла Бида до Деныса

105. Одъ Деныса выйшила лыса.
 Пишла Бида до Гаврыла,
 Одъ Гаврыла носомъ рыла.
 Пишла Бида до Демьяна,
 Одъ Демьяна выйшла пьяна.
110. Пишла Бида до Хведора
 Пидскочила та й п.....ла.
 Пишла Бида до Потапа,
 Шобъ іи бокы полатавъ;
 Почавъ Потапъ бокы латать—
115. Почала Бида кричать.
 Де взявша паламарь,
 И той Биди бокы полатавъ.
 Де взявша Мартынъ,
 Вдарывъ Биду объ тынъ.
120. Де узявша Гарасымъ,
 Той по Биди голосывъ.
 Прыходыть Омелько
 Голосыть по Биди тоненъко.
 Катерина мымо йшла,
125. Сорочечку прынесла.
 Де взялася Марына,
 И та Биди Отче нашъ говорыла.
 Несы дидъко Марту
 Й горилочки кварту.
130. Тамъ Бида вмерла
 И тамъ Бида погинула.
 Покотылы Биду зъ горы,
 Копыци задерла.
 Ии дочка пидросла,
135. Кругомъ сьвить обійшла—
 Сюды замижъ пишила.—
 Якъ пишовъ я вулыцею,
 Да й не очерпнувся,
 Якъ потягне Матвій ципомъ,
140. Ледви осьмихнувся.—
-

Козацьки писни. 1. Якъ тры браты зъ Озова тикалы. 2. Про бурю на Сынemu мори. 3. Про Коновченка. 4. Витчымъ. 5. Про вдову.

Псальмы (записаны не были): 1. Нема въ свити и правды. 2. Ушли мои лита. 3. Смотрыся къ намъ смерте. 4. Плаче дуже и рыдае. 5. Царю Христе. 6. Иисусе Прелюбезный. 7. Про Почаивську Богоматирь. 8. Про Миколая. 9. Про Варвару.

Весели писни. Кромъ «Биды» записаны не были: 1. Чычиточка. 2. Мишанка. 3. Дворянка. 4. Хома та Ярема. 5. Вербунка. 6. Гарбузъ. 7. Бугай. 8. Бида.

Одклінщины.

Якъ вывчить майстеръ хлопця грать и той одходе одъ майстра на свій хлибъ, то майстеръ дає знать нышїй братії: «шо отъ у мене хлопець добре вже грае,—пора вже ему и хлибъ дать; приходьте до насъ на Одклінщины». Шобъ справыть Одклінщины такъ якъ слідъ, шобъ нышои братії було багато, то для того воны выбирають удобный час—ярмарокъ.

Къ кинцю ярмарка у вечери братія поналу сходытьца до майстра. Дорогою покуплять харчивъ и горилки. Зійтесьця братія до жыда, покы зовсімъ потемніе. Заразъ майстровá, або наймычка, або хто зъ проводатаривъ насыпле въ мыску горилки, накрыше хлиба, рыбы, раздасть жодному ложкы. (Изъ мысокъ ложкамъ наливавуть горилку въ чаркы, щобъ не пролывать). Тоди братія сида за стиль. Литомъ це робытъца на двори. Тоди майстеръ бере хлибъ у руки, приходе до кумпаніи та й каже: «Молитвами свят. отець нашихъ, Господы Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй насть!» Компанія гуртомъ одказуе—Аминь. «Мыръ беседи вашій». (Гуртомъ) «Съ мыромъ приходь Самъ Христосъ Боже благословы». Просыла копійка на горилку,—я прошу васъ на честь, на любовъ и на одклінщины». Положывши хлибъ на стиль, майстеръ сидае,—позъ его клюшникъ зъ хлибомъ. Давши по чарци, майстеръ просить компанію до хлиба до солы. Компанія пидходить по одному и каже до майстра: «Молитвами свят. отець».—Майстеръ одказуе—«Аминь». «Спасеть Богъ, майстеръ за святый Аминь, за Иисусову молитву, за Евангельське слово, за прызвитъ Божий, за майстерську науку. Кланяемось тоби хлибомъ и силью». Дають хлибъ у руки. «Приймаете хлибъ и силь, прыймить

и пасъ до своеи честы». Жодни такъ пидходять; якъ подало хлибъ, тай сидае врядъ. Тоди майстеръ устae на ноги, бере стаканъ у руки, наливa чарку горилки и говорыть: «Молытвамы»,—одказують—«Аминь». Дякуе за аминь. «Чы всимъ, господа майстри старши и меньши, досталось по стакану вына отъ майстра?»—«Спасыбы. Усимъ досталось». Тоди майстеръ сида на мисто, а ученыкъ уступа у середыну у кругъ. бере стаканъ у руки и говорыть: «Молытвамы». Ему одказують «Аминь». Винъ дякуе за аминь. «Благословите майстрови стаканъ вына пиднесты». Гуртомъ: „Боже благословы“. Майстеръ, узявиши стаканъ, говорыть „Молытвамы“, а дали „Благословите, господа майстри, одъ ученыка стаканъ вына выпить“. „Боже благословы“. Тоди ученыкъ кругомъ обдае усихъ и, проказавши „молытвамы“, допытує: „Чы вамъ, господа майстри, досталось по стакану вына?“ „Покорно благодарымъ майстрови и тоби; усимъ досталось“. Тоди винъ (ученыкъ) ставыть стаканъ, говорыть „Молытвамы“, кланяеться и просить: „Господа майстри! Який хлибъ силь у себе имiete,—такый и мени дайте“. Тоди майстеръ пиднимаеться на ноги, говорыть „Молытвамы“, „Благословите, господа майстри и вся кумпанія, хлопцеви хлибъ силь дать“. „Богъ благословыть“. Тоди винъ дае хлопцеви хлибъ силь у руки, а самъ сяде. Тоди хлопецъ: „Покоряйши благодарю, господа майстри, за хлибъ, за силь и за вальше наставленіе“. Проговорыть „Молытвамы“. „Благословите, господа, майстерського хлиба по куску роздилыть“. „Богъ благословыть. Тоди винъ риже хлибъ по шматочку. Майстрови дае и жодному, покы всихъ обдилыть. Обдилывши, каже „Молытвамы“ и дали: „Чы всимъ, господа, дисталось по куску майстерського хлиба?“ „Покорно благодарымъ майстрови и тоби; усимъ досталось“. Тоди два старыка, узявиши его за руки, садовлять повизъ майстра. Тоди вже гуляють, покы не розійдуться.

Выйшовши зъ науки, годъ черезъ десять получа право братъ соби въ ученыки. Купыть видро, або нивъ видра горилки, иззове братыю и просить соби помочи: „Позвольте, господа майстри, мини помочь узять“. Якъ первого позволять,—тоди хоть двадцять штуки беры заразомъ.

Кобзарь Трыхонъ Магадынъ.

М. Вороныky. 3 iюля 1876 года.

ДОКУМЕНТЫ, ИЗВЕСТИЯ И ЗАМѢТКИ.

Революція імператрицы Єкатерини II по жалобѣ малороссійскаго священника. Въ первыя годы царствованія Екатерины II, статьє-секретаремъ по принятію подаваемыхъ на Высочайшее имя члобитень состояль дѣйств. ст. совѣтникъ Сергій Матв'євичъ Козминъ, служившій раныше въ артилерії военнымъ совѣтникомъ и назначенный на эту должностъ въ мартѣ 1764 г. на мѣсто уволеннаго Олсуфьевъ. Его обязанностью было составлять для Высочайшаго доклада краткіе экстракты изъ члобитень, въ формѣ докладныхъ записокъ, на которыхъ обыкновенно императрица писала резолюціи. Одна изъ тзкихъ подлинныхъ записокъ любезно доставлена въ редакцію нашого журнала, въ числѣ другихъ матеріаловъ, П. С. Ефименкомъ, которую и приводимъ здѣсь со всею точностью.

«Члобитчикъ—обрѣтающійся въ Малой Россіи, Переяславскаго полку, священникъ Григорій Тимофеевъ. Служилъ при полку Роповомъ¹⁾ 18 лѣтъ и за службу ево пожалованъ ему приходъ къ церкви настоящимъ священникомъ въ Переяславскую епархію».

«1735-го года того жъ Переяславскаго полку сотникъ Евстратій Гулакъ съ товарици составилъ на него ложную члобитную отъ ста человѣкъ и болѣе, якобы въ грабительствахъ и въ другихъ многихъ непотребствахъ, по которой троекратные чинены были слѣдствіи и подъ присягою допросы, о чемъ онъ просилъ въ генеральнай канцеляріи черезъ семь лѣтъ и болѣе, токмо удовольствія не получилъ, а

---

¹⁾ Генералъ Роппъ, командиръ grenадерскаго полка, въ 1720 – 30-хъ годахъ часто квартировавшаго въ Малороссії.

отосланъ въ киевскую консисторію подъ карауломъ для разсмотрѣнія того дѣла».

«Въ 1743-мъ годѣ оное дѣло въ Синодѣ рѣшено и позволено на сотника просить, гдѣ надлежитъ. Онъ просилъ въ Сенатѣ, гдѣ и рѣшено 1748 года, о чёмъ и указъ посланъ въ генеральную канцелярію, и велѣно учинить съ нихъ¹⁾ удовольствіе по указамъ. О томъ удовольствіи просилъ онъ господина гетмана²⁾ неоднократными прошеніями, о чёмъ отъ него по посланнымъ девяти ордерамъ отъ генеральной канцеляріи рѣшеніе и послѣдовало, токмо не въ силу указовъ, и деньги присланы съ четырехъ человѣкъ двадцать рублей семидесять копѣекъ и представлены отъ господина гетмана въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ. Онъ въ ту Коллегію подаль прошеніе, что надлежало ему по Уложенью и по малороссійскимъ правамъ три тысячи сто восемьдесят восемь рублей за безчестіе и за протори и по обязательнымъ письмамъ съ убытки, а отъ 755-го года что приится по окончаніе. 755-го году изъ той Коллегіи послана грамота и копія съ прошенія ево къ нему, господину гетману, о учиненіи удовольствія по симъ правъ и Уложенья; на то въ отвѣтъ показано, что приличнѣйшаго права, какъ 105 артикулъ, не находится. Иностраниця Коллегія, не приводя приличныхъ пунктовъ, рѣшеніе учинила и въ иску отказалася ему напрасно, и о томъ онъ просилъ въ Сенатѣ еще пять разъ, и посланы были отъ Сената къ нему же господину гетману пять разъ грамоты и велѣно было окончить въ указанной срокъ, чтобы Сенату болѣе докуки не было; но и по тѣмъ никакого исполненія не учинено; а по шестой присланной изъ Сената къ нему господину гетману грамотѣ какое опредѣленіе состоялось, сообщаетъ копію. И такъ онъ за онымъ дѣломъ ходя въ разныхъ канцеляріяхъ безотлучно 29 лѣтъ, а по рѣшеніи правительствующаго Сената 16 лѣтъ, удовольствія получить не можетъ, и отъ того пришелъ въ крайнее разореніе и нищету».

„Просить милостивое разсмотреніе и рѣшеніе учинить, дабы онъ по старости своей болѣе нищеты и разоренія не имѣлъ“.

„Статской дѣйствительной совѣтникъ Сергѣй Козминъ“.

Внизу записки имѣется отмѣтка, сдѣланная рукою Козмина: „Докладывано 28 октября 1764; приказано просителю обождать“. При

¹⁾ Т. е. съ лицъ, неправильно оклеветавшихъ священника.

²⁾ Рѣчь идетъ о Разумовскомъ.

вторичномъ докладѣ 11 декабря того же года, въ Царскомъ Селѣ, послѣдовала слѣдующая резолюція императрицы, собственноручно ею написанная на поляхъ доклада: «*Отослать къ графу Румянцову для разсмотрѣнія по законамъ*». Подписи нѣтъ, но мы сличали эту помѣту съ фототипическими снимками подлинныхъ писемъ Екатерины и убѣдились, что это несомнѣнно ея почеркъ.

Отсрочка резолюціи при докладѣ 29 октября послѣдовала, очевидно, потому, что въ это время рѣшался вопросъ объ уничтоженіи гетманства въ Малороссіи и объ увольненіи Разумовскаго, каковое и было объявлено въ указѣ 10 ноября 1764 года, а спустя нѣсколько недѣль послѣдовало назначеніе графа Румянцева малороссійскимъ генераль-губернаторомъ. Какова была судьба дѣла священника Тимофеева при новомъ правителѣ, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ дѣло это является типичнымъ образцомъ судебнай волокиты, какая воцарила въ Малороссіи въ XVIII ст.

О. А.

Изъ народной памяти¹⁾. Среди рассказовъ о временахъ малороссийскихъ «гетьмановъ», среди смутныхъ воспоминаній о давно минувшей жизни Украины, въ особенности о ея войнахъ съ «Польщею»,— въ нашей мѣстности живетъ небезинтересное сказаніе о знаменитомъ полковнике Семенѣ Палѣѣ. Вотъ это сказаніе:

«Вся эта земля (Малороссія) издавна была гетьманской, а дальше была земля Московская. Въ гетьманской землѣ жили все козаки; у каждого козака былъ конь, сѣдло и сабля, и всѣ, кто только могъ, шли на войну,—только дѣти, старики да «жинки» дома оставались. А правили этой землей гетьманы, которые жили въ Батурина²⁾. За Киевомъ была еще земля—польская; поляки очень хотѣли завоевать козацкое войско, чтобы владѣть гетьманщиной. Только какъ они ни хитрили, а все-таки забрать гетьманщину имъ не удалось, потому что былъ въ Малороссіи одинъ такой воинъ, котораго никто завоевать не могъ. Звали этого богатыря Семенъ Палій. Бывало, пойдетъ онъ на войну и только глянетъ на ляцкое войско, какъ тамъ и начнутся ссоры между собой да драки, а козацкаго войска не трогаютъ—боатся

¹⁾ Сообщено изъ с. Куреня, конотопского у.

²⁾ Батурина въ 25 верстахъ отъ Куреня.

Палія. А все оттого, что слово такое сильное онъ зналъ, и этого слова его всѣ боялись, а на головѣ у него двѣнадцать огней горѣло; не всякий только человѣкъ эти огни видѣть могъ. Любили Палія гетьманы, любили его и козаки. Но воть сдѣлался въ Батурина гетьманомъ Мазепа и очень почему-то не полюбилъ Палія и задумалъ непремѣнно его погубить. Только силой онъ этого сдѣлать никакъ не могъ, а все сдѣлалъ хитростью: позвалъ Палія къ себѣ, «очаровалъ» его, заковалъ въ цѣпли и посадилъ въ острогъ. Тогда Палій и говорить Мазепѣ:—«Отпусти ты меня на свободу! я самъ, говоритъ, куда либо скроюсь и мѣшать тебѣ ни въ чемъ не буду,—дѣлай тогда, что хочешь». Послушалъ его Мазепа и отпустилъ на волю; а Палій какъ только вышелъ изъ острога, такъ неизвѣстно гдѣ и скрылся; говорять, будто замуровалъ себя живымъ въ землю. А какъ не стало Палія, то пришелъ въ гетьманщину съ войскомъ московскій царь и завоевалъ ее себѣ»¹⁾.

Есть въ нашей околице разсказы и о другихъ герояхъ «ридной гетьманщины», но народная память не сохранила ихъ именъ; на ряду же съ этимъ фантазія народа создала много героеvъ миѳическихъ, щедро надѣливъ ихъ и силою, и красотою, и мужествомъ, и любовью къ Украинѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно и знаніемъ чего-то сверхъ естественнаго. Въ одно и то же время они являются и богатырями героями, и колдунами-чародѣями; даже больше,—если отнять отъ нихъ чародѣйство, то они перестаютъ быть и героями.

Вообще нужно сказать, что вѣра въ существованіе вѣдьмъ, колдуновъ и т. под. чародѣевъ среди жителей Куреня не утрачена еще и до сихъ поръ; при чемъ, слѣдя завѣтамъ предковъ, всѣхъ чародѣевъ куренцы обыкновенно дѣлятъ на два главныхъ класса—«ученыхъ» и «прирождённыхъ». «Прирождённые» чародѣи, по мнѣнію народа, много сильнѣе своихъ «ученыхъ» коллегъ и безъ труда во всякое время могутъ разрушить козни этихъ послѣднихъ; но «прирожденные» чародѣи встрѣчаются будто-бы очень рѣдко. Плодливый же всѣхъ оказывается порода вѣдьмъ; въ Куренѣ, какъ передаютъ мѣстныя сказанія, онъ не переводились никогда. «Хиба жъ то можно, говорятъ куренцы, щобъ

¹⁾ Память о Мазепѣ, какъ измѣнникѣ и „проклятомъ“ человѣкѣ, живетъ въ народѣ еще и до настоящаго времени. По повѣрю народа — прокляты также и всѣ богатства гетмана, скрытыя будто-бы въ несмѣтномъ количествѣ въ землѣ.

село та було безъ видьмы?» При этомъ родоначальницей всѣхъ куренскихъ вѣдьмъ считають ту, которая закляла рѣку.

Впрочемъ, другое мѣстное преданіе снимаетъ съ вѣдьмы всякую въ этомъ отвѣтственность, а виновникомъ исчезновенія рѣки считаетъ чабана. «Однажды, говорить преданіе, во время сильного разлива въ рѣкѣ утопилась цѣлая «отара» овецъ. Разсерженный чабанъ отыскалъ тогда «жерло», чрезъ которое «изъ-подъ земли» выходила рѣка, заткнулъ это отверстіе вовною, накрылъ сверху сковородой и «заклялъ». Скоро на этомъ мѣстѣ образовалось болото, а рѣка мало-по-малу начала высыхать. Умеръ и чабанъ, не открывъ никому, гдѣ и какъ «заперь» онъ рѣку». По увѣренію куренцевъ «выпустить рѣку онять наружу» могъ только одинъ человѣкъ—именно діаконъ Авксентій Бунчуковъ, который зналъ всѣ продѣлки чародѣя-пастуха и могъ ихъ разрушить. Но о такихъ способностяхъ своего діакона куренцы узнали только тогда, когда Бунчуковъ былъ сосланъ въ Сибирь¹⁾.

Вспоминая старину, жители Куреня рассказываютъ, что будто вскорѣ послѣ того, какъ поселились здѣсь синельники, пришелъ еще человѣкъ и хотѣлъ поселиться рядомъ съ ними.—«Нѣть!» сказали синельники: «мы прежде тебя тутъ жить стали, поэтому „земля эта наша“, а ты иди ищи себѣ мѣста для селитбы гдѣ либо еще». Во-

¹⁾ Бунчуковъ былъ въ Куренѣ съ 1837 по 1851 годъ. Въ сороковыхъ годахъ прошлого столѣтія онъ организовалъ въ Куренѣ цѣлую шайку, которая не только грабила и разоряла болѣе или менѣе зажиточныхъ людей, но, какъ говорятъ, не останавливалась даже и передъ убийствами. Награбленное добро все сносилось къ Бунчуку, при домѣ котораго (домъ еще и теперь цѣль) было вырыто подземелье. Ими же была ограблена и своя приходская церковь. Въ концѣ концовъ, послѣ одного убийства, атаманъ въ рясѣ и всѣ его сподвижники попались въ руки правосудія. Бунчуковъ былъ лишенъ сана и сосланъ въ Сибирь. Раассказываютъ, между прочимъ, что когда явилась полиція, чтобы взять его, то долго не могла этого сдѣлать, такъ какъ Бунчуковъ за-перся въ домѣ и съ оружіемъ въ рукахъ никого не пускалъ войти въ домъ. Чтобы взять его, полиція воспользовалась тѣмъ моментомъ, когда Бунчуковъ уснуль; говорятъ, что жена напоила для этого его пьянымъ. Что послужило основаніемъ считать Бунчукова чародѣемъ—объяснить трудно. Ужъ не тѣ ли невинные фокусы (ввидѣ, напр., того, что рубль, спрятанный въ одномъ мѣстѣ, находили въ другомъ, что рюмки и стаканы двигались сами по столу), которые Бунчуковъ иногда продѣлывалъ передъ глазами простодушныхъ куренцевъ? Между тѣмъ легендѣ про него, какъ про чародѣя, въ Куренѣ существуетъ очень много.

обще, по народному воспоминанію, въ то далекое время каждый, кто приходилъ сюда селиться, «бравъ себѣ земли, сколько хотивъ». Но тѣмъ не менѣе будто-бы споровъ за землю все-таки не было никакихъ. А одна изъ относящихся къ тому отдаленному времени мѣстныхъ легендъ разсказывается, что будто-бы каждому новому поселенцу Куреня при надѣлѣніи его землей давали въ руки стрѣлу; онъ пускалъ ее по извѣстному направленію изъ лука, и тамъ гдѣ стрѣла упадала, намѣчалась для новоприбывшаго граница земельного участка.

Жители Куреня искони занимались и занимаются земледѣліемъ; но въ прежнее время иѣкоторые изъ нихъ, преимущественно тѣ, которые имѣли въ семьяхъ достаточно рабочихъ рукъ, занимались еще чумачествомъ, совершая за лѣто двѣ, а иногда и три поѣздки въ Крымъ за солью. Принимались иногда за этотъ промыселъ и одиночки-хозяева, но въ большинствѣ случаевъ больше теряли, чѣмъ приобрѣтали. Прекрасной иллюстраціей къ этому можетъ служить слѣдующій разсказъ одного изъ куренскихъ козаковъ о томъ, почему у него нѣть земли:

— «Мій дидъ (нехай винъ на тимъ свити царствує)», — говорилъ этотъ козакъ, — «мавъ земли чи мало! Тильки нема знать зъ чого стало— задумавъ дидъ чумаковать, а воливъ не було. Тоди дидъ згадавъ самъ себи такъ: «розминяю воливъ на землю!» Просылы, просылы его, щобъ винъ сего не робывъ, а винъ все свое: «розминяю! продамъ!» — та й годи. И справди,—заразъ же писля Велїкодня проминявлъ усо землю на пару воливъ, решето сухаривъ и визъ, сивъ на визъ и пойихавъ на Донщыну. А волы на дорози взялъ та й подожлы. Зажурывся дидъ,—зоставсь у степу безъ воливъ и безъ грошей, тильки самъ визъ. Продавъ его дидъ, а самъ ледве-ледве до дому прыйшовъ— трохи не вмеръ. Оттакъ и зосталъся мы безъ шматка земли».

Но и этотъ козакъувѣренъ, что неудача дѣда послѣдовала отъ того, что все «такъ єму було пороблено».

Ив. Егоровъ.

Сербскіе выходцы въ Новороссії и ихъ духовенство. Еще при Петрѣ Великомъ на югѣ Россіи, въ предѣлахъ нынѣшней екатеринославской губерніи, стали селиться выходцы изъ Сербіи, Македоніи, Молдавіи и Болгаріи. Число этихъ выходцевъ особенно начало увеличиваться въ царствованіе Елизаветы Петровны, которая принимала

живое участіе въ судьбѣ угнетенныхъ славяно-скіхъ народовъ и, путемъ дипломатическихъ переговоровъ съ Вѣнскимъ дворомъ, выхлопотала австрійскимъ серbamъ позволеніе выселяться въ Россію и принимать русское подданство. Къ 1752 г. число подобныхъ переселенцевъ возрасло до 200 человѣкъ. Населенная часть екатеринославской губерніи получила название «Новой Сербіи». Въ церковно-административномъ отношеніи вновь населенный край указомъ св. Синода 1752 г. былъ подчиненъ вѣдомству кievскаго митрополита, который долженъ быть заботиться о построеніи здѣсь церквей, о назначеніи и посвященіи къ нимъ священно-и церковно-служителей и т. д. Сербскіе переселенцы предпочитали имѣть у себя своихъ же сербскихъ священниковъ. Неоднократно, по ихъ просьбамъ, генералъ-майоръ Иванъ Хорватъ, командиръ сформированныхъ изъ славянскихъ переселенцевъ пограничныхъ гусарскихъ полковъ, обращался къ тогдашнему м. кievскому Тимофею Щербацкому «принять въ вѣдомство своей митрополіи священниковъ выходцевъ»... (Арх. Kiev. Дух. Конс. 1752 г. № 71). Священниковъ малороссовъ сербы, очевидно, не любили. Одинъ интересный документъ указываетъ намъ причину такого, на первый взглядъ, странного отношенія сербовъ къ священнослужителямъ мѣстнаго происхожденія. Въ 1752 г. сербскіе офицеры посылаютъ м. Тимоѳею Щербацкому доношеніе, въ которомъ просятъ его замѣнить имъ священниковъ малороссовъ священниками сербами, вышедшиими вмѣстѣ съ ними изъ Австріи. Вотъ чѣмъ и какъ они мотивируютъ свою просьбу: «Нашъ языкъ сербскій, хотя съ россійскимъ согласенъ... обаче большая часть его, ово чрезъ многихъ иностранныхъ рѣченій, которыхъ отцы и праотцы наши, между иночленниками живучи, навикли, а оттуда и мы, не хотячи навикнуты, принуждены быти (были?) ово чрезъ особливое свое природное рѣчей произношеніе малороссийскихъ людей вовсе не разумительный является, и насъ, исповѣдающіхся здѣшними священники, вовсе не разумѣютъ»... (Арх. Kiev. Дух. Конс. 1752 г. № 226). М. Тимоѳеемъ охотно исполнялъ подобныя просьбы сербовъ, выдавая подтверждительные грамоты рекомендованнымъ Иваномъ Хорватомъ и его офицерами сербамъ священникамъ.

В. Д—скій.

Письмо А. Ф. Воронина¹⁾ къ Г. П. Галагану. Предлагаемое письмо А. Ф. Воронина къ учредителю коллегіи Г. П. Галагану любопытно какъ для исторіи этого заведенія, такъ и для характеристики взаимныхъ близкихъ отношеній между корреспондентами. Какъ видно изъ письма, А. Ф. Воронинъ взялъ на себя трудное дѣло—склонить знаменитаго педагога Константина Дмитріевича Ушинского (1824—70 г.) принять мѣсто директора въ предполагавшейся къ открытію въ Киевѣ средней школѣ на новыхъ началахъ—коллегіи Павла Галагана. Къ сожалѣнію, тяжкое болѣзньенное состояніе, въ которомъ находился Ушинскій, помѣшало ему, при всемъ живомъ сочувствіи новому дѣлу, принять въ немъ активное участіе.

Многоуважаемый Григорій Павлович!

Послѣ отсылки послѣдняго письма моего къ Вамъ, я получилъ отъ Ушинского извѣстіе, что братъ его въ Киевѣ. Я поспѣшилъ отыскать его и лично передать ему ваше предложеніе, но къ сожалѣнію, получилъ положительный отказъ.

Константина Ушинскій состоить членомъ педагогического совѣта учебныхъ заведеній вѣдомства императрицы Маріи Феодоровны, съ жалованьемъ 2500 руб. въ годъ и съ правомъ жить, где пожелаетъ. Дѣлу вашему онъ горячо сочувствуетъ, и сожалѣеть, что не можетъ взяться за него по причинѣ разстройства здоровья, которое дѣйствительно въ крайне сомнительномъ положеніи. Онъ давно уже оставилъ Петербургъ, жилъ въ глуховскомъ уѣздѣ, на своей родинѣ, лѣто и въ сентябрѣ прїѣхалъ съ семьею въ Киевъ, где и намѣренъ поселиться и купить себѣ домъ. На зиму Ушинскій по совѣту докторовъ уѣзжаетъ на южный берегъ Крыма и только весною предполагаетъ возвратиться къ семье. Жаль этого господина: личность разумная, способная и одушевленная. Онъ глубокій знатокъ своего дѣла, которому посвятилъ всю жизнь свою. Его ученые труды доставили ему почетную извѣстность, а его живой, умный разговоръ дѣлаетъ бесѣду съ нимъ интересною и поучительною. Для вашего заведенія²⁾ нельзя было ничего лучшаго желать, если бы онъ только могъ принять должность директора. Но онъ въ чахоткѣ, и сколько можно судить по совѣтамъ докторовъ, бо-

¹⁾ А. Ф. Воронинъ былъ чиновникомъ при канц. генераль-губернатора.

²⁾ Коллегія Павла Галагана.

лѣзнь его принимаетъ опасный характеръ На днѧхъ онъ долженъ быть выѣхать въ Крымъ, а между тѣмъ состояніе здоровья его таково, что ему не позволено и выходить изъ квартиры.

Словомъ, надежды на Ушинскаго для вашего заведенія никакой. Онъ заявилъ полную готовность служить Вамъ своею опытностью и знаніями въ дѣлѣ устройства и веденія Вашей коллегіи, если Вы захотите съ нимъ посовѣтоваться, и я думаю, что совѣтъ его и указанія могутъ быть не безъ пользы въ вашемъ благородномъ начинаніи.

Мы ждемъ Васъ здѣсь и не дождемся, а между тѣмъ узнали одну крайне непрѣятную новость. О. Ю. Милорадовичъ возвращается на зиму въ Киевъ и не можетъ предоставить Вамъ свой домъ. Не знаю, извѣстила ли она Васъ объ этомъ, но во всякомъ случаѣ это дѣйствительно такъ, и на ея домъ Вамъ разсчитывать нельзя. Михаиль Владимировичъ¹⁾ переходитъ въ свой домъ, и его квартира у Ивенсена остается свободною. Она будетъ пригодна для Васъ, и не найдете ли нужнымъ удержать ее за собою; иначе не будете имѣть квартиры, и мы можемъ лишиться удовольствія провести съ Вами зиму въ Киевѣ, куда призываешь Васъ, кромѣ дѣла коллегіи и желанія вашихъ друзей, еще болѣе—общественное мнѣніе города. Оно требуетъ Васъ въ представители Киева и на днѧхъ у Н. Ар. Ригельмана были купцы здѣшніе за полученіемъ отъ него положительныхъ свѣдѣній о томъ, примете ли Вы должность головы, если Васъ изберутъ? На этотъ вопросъ они желаютъ имѣть положительный отвѣтъ, такъ какъ боятся, въ случаѣ вашего отказа послѣ избранія, получить голову, какого они не желаютъ, но какой можетъ быть кандидатомъ у Васъ. Николай Аркадьевичъ долженъ быть написать Вамъ объ этомъ; но написалъ ли—не знаю.

Разрѣшите же сомнѣніе кievскихъ жителей и утѣшьте вашихъ друзей; прїѣзжайте въ Киевъ поскорѣе, а между тѣмъ поручите занять квартиру въ домѣ Ивенсена.

Въ ожиданіи скораго свиданія прошу передать мой усердный поклонъ Екатеринѣ Васильевнѣ и вѣрить совершенной преданности.

А. Воронинъ.

10 окт. 1870.

¹⁾ Юзефовичъ.

Къ исторії полтавскаго ополченія 1812 года. Извѣстно, что въ 1812 г. полтавскимъ дворянствомъ было организовано земское ополченіе для войны съ французами. Начальникомъ этого ополченія сами же дворяне избрали генералъ-майора князя Филиппа Жевахова. Онъ происходилъ изъ грузинъ, поселенныхъ въ Малороссіи въ царствованіе Анны Ioанновны, гдѣ имъ были розданы имѣнія и небольшое количество крестьянъ. По окончаніи войны въ 1812—1814 г.г. князь Ф. Жеваховъ жилъ въ м. Бѣликахъ, кобелякскаго уѣзда, прѣтерпѣвая нужду. Средствъ у него, кромѣ небольшой пенсіи, никакихъ не было. Въ 1817 г. онъ подалъ малороссійскому генералъ-губернатору кн. Репнину прошеніе объ исходатайствованіи ему увеличенной пенсіи. Прошеніе это интересно въ томъ отношеніи, что въ немъ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ полтавскаго ополченія и его участіи въ борьбѣ съ французами. Вотъ текстъ этого прошенія:

Ваше Сіятельство, Милостивый Государь!

Удостоинъ будучи благороднымъ дворянскимъ сословiemъ полтавской губерніи званіемъ губернскаго начальника въ ополченіе оной губерніи, не падя при позднихъ моихъ лѣтахъ здоровья, изъ усердія къ всемилостивѣшему государю императору нашему и отечеству составленное на отраженіе врага, вторгшагося было въ предѣлы Россіи, формировалъ я оное, на основаніи опредѣленія, іюля въ 31 день 1812 года собраніемъ дворянства утвержденного, въ 15 повѣтахъ, въ протеченіи одного мѣсяца. Давъ сему войску первоначальное образование—сколько тогдашняго обстоятельства и двухмѣсячное время позволили, выступилъ съ онымъ въ походъ, по повелѣнію начальства, ноября 1, 1812 года; слѣдоваль форсированнымъ маршемъ на границы черниговской губерніи, от tolъ, не останавливаясь ни мало, въ могилевскую губернію; съ 1 декабря 1812 года, черезъ минскую въ волынскую, и наконецъ въ февралѣ и марта мѣсяцахъ 1813 г. въ герцогство варшавское, а за прибытиемъ въ оное поступилъ со всѣмъ ополченіемъ въ корпусъ генералъ-лейтенанта и кавалера Рота, блокировавшаго крѣпость Новое Замостье, гдѣ въ содѣржаніи блокадной сей крѣпости находился по день ея сдачи на капитуляцію, ноября по 13—число 1813 года. Въ продолженіи бытности моей въ корпусѣ генералъ-лейтенанта Рота, по повелѣнію главнокомандующаго всѣми арміями генерала-фельдмаршала кн. Голенищева-Кутузова Смоленскаго, пере-

формировалъ ввѣренное мнѣ полтавское дворянское ополченіе изъ по-
вѣтовыхъ въ полки, составя оное въ 4 пѣхоты и 7 полковъ конныхъ,
и какъ сіи, такъ и особо оныхъ всѣ полтавскіе конно-козачіе полки
подъ командою мою находились по день распуска въ дому ихъ. За
отпускомъ, въ окончаніи 1814 года, ополченія мнѣ ввѣренного, по
высочайшему соизволенію, въ дому свои, объявлено оному за труды
и подвиги его монаршее благоволеніе, а я сверхъ того, во время со-
браній дворянства полтавской губерніи, бывшаго въ началѣ 1815
года, получилъ отъ онаго благодарность. Я, не имѣвши ни малѣй-
шаго числа собственныхъ крестьянъ и земли, пытаюсь съ прислугою
мою всемилостивѣйше пожалованнымъ по чину моему половиннымъ
числомъ пансіономъ, размыслия улучить время объяснить лично при-
скорбіе мое и крайнее неимущество вашему сіятельству; но къ сугу-
бому моему нещастію, болѣе мѣсяца одержимъ я болѣзнью, которая
лишила меня личнаго къ вашему сіятельству, въ щастливый день, во
время всемилостивѣйшаго государя моего вѣзда въ городъ Полтаву,
предстательства; а по сей причинѣ вашего сіятельства всепокорнѣйше
прошу, во уваженіе долговременной моей службы, позднихъ лѣтъ и
крайняго моего малоимущества, по человѣколюбію вашему, исхода-
тайствовать мнѣ всемилостивѣйшую награду, производствомъ по чину
моему полнаго пансіона, чѣмъ заставите меня чувствовать и благо-
дарнымъ вашему сіятельству быть по гробъ мой.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенной преданностію
честь имѣю быть, сіятельный князь, милостивый государь, вашего
сіятельства всепокорнѣйший слуга князь Филипп Жеваховъ.

Сентябрь 9 дня, 1817 г. Кобелякскаго повѣта, м. Бѣлики.

На другой же день, по полученіи этого прошенія, князь Реп-
нинъ отвѣтилъ просителю письмомъ, въ которомъ выразилъ въ са-
мыхъ лестныхъ выраженіяхъ готовность оказать ему содѣйствіе и
просилъ только доставить нужныя бумаги.

Удалось ли получить князю Жевахову желаемое, изъ дѣла не
видно. (Архивъ Полтав. Губ. Правленія, по описи № 41).

Сообщ. И. Ф. Павловскій.

Пребываніе Карла XII-го въ Ромнахъ. Въ 1708 году, во
время нашествія шведовъ въ Россію, король шведскій Карль XII-й,
успѣвшій вторгнуться уже въ Полтавскую губернію, 18 ноября вмѣстѣ

съ Мазепой заняль городъ Ромны, гдѣ на зимнихъ квартирахъ расположилъ главную часть своего войска. Узнавши о томъ, что русскіе собираются напасть на Гадячъ (въ 34 верст. отъ Роменъ), занятый четырьмя шведскими полками, Карлъ ХІІ-й 16 декабря послѣшилъ на помощь своимъ, а въ его отсутствіе русскій генералъ Николай Алартъ ($\dagger$ ръ 1729 г.), въ ночь на 18 декабря овладѣлъ Ромнами. Мазепа за два часа до прихода русскихъ уѣжжалъ изъ Роменъ и едва было не попался въ пленъ. Хотя послѣ русское войско опять отступило къ Лебедину (Харьковской губ.), но гарнизонъ, находившійся въ Ромнахъ, долго сопротивлялся пиведамъ. Впрочемъ, Роменская крѣпость не могла держаться долго: она была обнесена полисадами, земляной валъ безъ болверковъ¹⁾ и незначительный ровъ окружали ее. Не взирая на это, русскіе въ холодную зиму обливали валъ водою, отвергли предлагаемую имъ капитулацио и удачно отразили два приступа. По возвращеніи Карла ХІІ-го изъ Зѣнькова, шведы вновь атаковали крѣпость и взобрались уже на валъ... Но осажденные такъ удачно сбросили непріятеля съ ледяной поверхности укрѣплений, что при этомъ случаѣ шведы потеряли до 1200 человѣкъ убитыми и до 2000 ранеными. Наконецъ, ослабленный гарнизонъ, въ числѣ 1100 человѣкъ, при истощенныхъ запасахъ, не надѣялся выдержать нового приступа и 7 января 1709 года сдался на капитулaciю.

Домъ, въ которомъ Карлъ ХІІ-й квартировалъ тогда въ Ромнахъ, очень измѣненный и перестроенный на прежнемъ мѣстѣ, и теперь еще существуетъ. Въ то время онъ принадлежалъ помѣщику Михельскому и находился внутри крѣпости въ небольшомъ проулкѣ, носившемъ впослѣдствіи название Королевской улицы, выходящемъ нынѣ на Большую Роменскую и Духовскую улицы. Въ началѣ же нынѣшняго столѣтія онъ принадлежалъ помѣщику Тимоѳею Нѣжинцеву, затѣмъ достался сыну его Федору, отставному подпоручику, который совершилъ перестройку его въ 1850 годахъ, уничтоживъ, такимъ образомъ, и балку въ одной изъ комнатъ съ надписью о квартирированіи въ немъ шведского короля Карла ХІІ-го. Послѣ смерти Федора Нѣжинцева (4 апрѣля 1865 года), домомъ этимъ владѣла жена его Аполлинария Лаврентьевна, а потомъ продала отставному подпоручику Андрею Ивановичу Соломахѣ. Соломаха, въ свою очередь, продалъ его въ

¹⁾ Болверкъ—деревянная стѣна.

1881 году мѣщанину Нохиму Симхову Сатановскому, который продалъ его въ 1885 году дворянину Алексѣю Андреевичу Сененку, а по слѣдній—въ 1892 году купцу Ханону Израилевичу Левитину; ему домъ этотъ принадлежить и по настоящему время. Въ 1708 году сказанный домъ, небольшой, деревянный, бывшій подъ соломенной крышей съ плетневою завалиной, заключалъ въ себѣ пять комнатъ и сѣни. Расположеніе въ немъ квартирь шведского короля, по преданію, было слѣдующее: изъ сѣней направо была его канцелярія, нальво—залъ, прямо прихожая, изъ прихожей направо—кабинетъ, нальво—гостинная. (Сообщ. В. Е. Бучневичъ въ Полт. Губ. Вѣд. № 4).

На юбилейный даръ Н. В. Лисенку. Въ дополненіе къ раныше присланымъ въ нашу редакцію 6717 р. 18 к. (см. № 2), вновь поступило: 1) (Ал. Л. Берло—5 р.; 2) св. Тамаренко—3 р.; 3) собрано Д—скимъ—6 р.; 4) Фесенко—10 р., 5) Я. С. Руденко—1 р.; 6) А. И. Шафранскій—1 р.; 7) А. А. Тулубъ—5 р., 8) П. Ф. Тушканъ—50 р.; 9) Г. И. Маркевичъ—30 руб.; 10) Н. А. Дмитріевъ—100р.—всего вмѣстѣ съ прежними 6928 руб. 18 коп., изъ которыхъ 1021 руб. 40 к. предназначены на изданіе сочиненій Н. В. Лисенка, 286 руб.—въ билетъ дворянскаго съ выигрышами займа, а 5620 руб. 78 коп.—на приобрѣтеніе дачи. Сверхъ того имѣется на музыкальную школу имени Н. В. Лисенка—214 р. 49 к.

Текущія извѣстія.

Чествованіе Н. В. Лисенка въ Петербургѣ. Въ № 351 «Полтавск. Вѣстника» напечатана слѣдующая корреспонденція о концертѣ, устроенному 18 февраля въ Петербургѣ въ честь Н. В. Лисенка.

Грандіозный концертъ, устроенный въ этотъ день Обществомъ имени Т. Г. Шевченка, составленъ былъ исключительно изъ музыкально-вокальныхъ произведеній Н. В. Лисенка.

Концертъ начался увертюрой изъ оп. «Риздвяна ничъ», прекрасно исполненной оркестромъ подъ управлениемъ С. В. Зарембы. Подъ управлениемъ того-же г. Зарембы выступилъ громадный, превосходно составленный хоръ, участниками котораго, въ количествѣ

около 120 человѣкъ, явились: нѣкоторые пѣвцы придворной пѣвческой капеллы, нѣсколько артистовъ и учениковъ и ученицъ С.-пб. консерваторіи, члены Петербургскаго пѣвческаго „украинскаго гурту“, постороннія лица — преимущественно изъ учащейся молодежи. Аккомпанировалъ на роялѣ знатокъ украинской музыки С. М. Блуменфельдъ.

Въ роли солистовъ и солистокъ выступили: артисты Императорскихъ театровъ — Г. А. Морской, М. М. Чупрынниковъ, И. С. Григоровичъ и В. Я. Майборода; г-жи: артистка русской оперы Е. А. Орель, А. Д. Ларина, Р. Ф. Петренко. Особенно шумный успѣхъ выпадъ на долю Г. А. Морского, исполнившаго: „По дуброви витерь віе“ и „У мене бувъ коханый ридный край“ (дважды), и молодой пѣвицы — ученицы консерваторіи Е. Ф. Петренко, которая спѣла „Чого мени тяжко, чого мени будно“ (дважды) и „Не вернувшись изъ походу“; сильное впечатлѣніе на слушателей произвела также Каватина Андрія изъ оперы „Тарасъ Бульба“ („Не спытся ясь“) — въ исполненіи М. М. Чупрынникова.

Лучшими номерами программы можно назвать слѣдующіе: дуэтъ „Колы розлучаются двое“, прекрасно исполненный названными выше г.г. Морскимъ и Григоровичимъ; сцена и финалъ 1-го акта оперы „Різдвяна ніч“, исполненные хоромъ и оркестромъ, при участіи г. Морского и г-жъ Лариной и Петренко; каната „Бьють пороги, мисяць сходить“ въ превосходномъ исполненіи которой, вмѣстѣ съ хоромъ и оркестромъ, принимали участіе г.г. Морской, Григоровичъ и профессоръ консерваторіи Н. Н. Кедровъ и г-жи: Ларина и Петренко.

Въ залѣ присутствовалъ самъ виновникъ празднества — Н. В. Лисенко, сидѣвшій въ креслѣ первого ряда. Н. В. Лисенко удостоился самыхъ шумныхъ оваций со стороны исполнителей программы, устроителей вечера и публики; въ честь его нѣсколько разъ исполнены были оркестромъ танцы. Наконецъ, по желанію публики, при громѣ рукоплесканій, Н. В. всходитъ на эстраду и исполняетъ на роялѣ нѣсколько небольшихъ отрывковъ изъ своихъ произведеній, послѣ чего ему подносятъ серебряный вѣнокъ, напоминающій формою своею лиру.

Вечеръ закончился въ исходѣ 12 часа ночи пѣніемъ канаты „Бьють пороги, мисяць сходить“. Торжественно звучали въ залѣ, залитомъ электричествомъ и перепелѣнномъ публикою, слова „батька“,

Т. Г. Шевченка: „Наша дума, наша писня не вмире, не загине,...
наша слава не поляже“...

Вечеръ 18 февраля наглядно показывалъ исполненіе пожеланій и предсказаній великаго украинскаго поэта...

Необычнымъ на вечеръ было—совершенное отсутствіе малороссийскихъ костюмовъ въ хорѣ и въ публикѣ.

Несмотря на отличное исполненіе программы концерта, вечеръ не далъ совершенно полнаго сбора, назначеніе котораго—вспомоществованіе недостаточнымъ петербургскимъ студентамъ изъ малороссіи.

Въ полночь мы расходились съ вечера, съ праздничнымъ, бодрящимъ настроениемъ въ душѣ и съ сердцемъ, согрѣтымъ пѣснями далекой, милой родины—Украины.

Засѣданіе комитета по сооруженію въ Полтавѣ памятника Н. В. Гоголю. 28 января, въ губернскомъ домѣ, подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи, состоялось первое засѣданіе комитета по сооруженію въ гор. Полтавѣ памятника Н. В. Гоголю. Открывъ засѣданіе, начальникъ губерніи сообщилъ, что Государю Императору благоугодно было разрѣшить, по ходатайству Полтавской думы, всероссійскую подписку для сбора пожертвованій на сооруженіе памятника Н. В. Гоголю, для чего долженъ быть образованъ, подъ предсѣдательствомъ губернатора, особый комитетъ. По полученіи высочайшаго соизволенія, начался сборъ пожертвованій, которыхъ до настоящаго времени поступило 4063 р. 55 к., такъ какъ активныхъ дѣйствій въ этомъ отношеніи не предпринималось. Начальникъ губерніи полагалъ бы обратиться съ воззваніемъ къ г.г. губернаторамъ, предводителямъ дворянства, къ земскимъ и городскимъ управлениямъ и прочимъ учрежденіямъ, но находить, что разсыпать такія воззванія въ данный моментъ, при настоящихъ политическихъ условіяхъ, неудобно. Съ этимъ доводомъ комитетъ вполнѣ согласился и постановилъ просить г. предсѣдателя разослать эти воззванія вышеуказаннымъ лицамъ и учрежденіямъ тогда, когда наступить для этого благопріятное время.

Затѣмъ начальникъ губерніи предложилъ, во 1-хъ, обратиться къ мѣстной гор. думѣ объ отводѣ мѣста для постановки памятника, находя наиболѣе подходящимъ для этого уголъ Мало-Петровской и Гоголевской улицъ, съ устройствомъ сквера на протяженіи отъ Мало-

Петровской до Кузнецкой улицы, и во 2-хъ, обсудить вопросъ объ изготовлениі проекта памятника, который, вмѣстѣ съ скверомъ, стоилъ бы около 50 т. р. Первое предложеніе было принято единогласно, а по второму комитетъ постановилъ обратиться къ содѣйствію художника-скульптора Л. В. Позена и просить члена комитета Н. В. Быкова: а) собрать свѣдѣнія объ участникахъ конкурса по составленію проектовъ на сооруженіе памятника въ Москвѣ и б) доставить комитету, если возможно, фотографіи съ остальныхъ ихъ проектовъ. Кн. Н. П. Урусовъ и С. Е. Бразоль выразили готовность лично осмотрѣть эти проекты во время предполагаемаго ими посѣщенія Москвы. Затѣмъ комитетъ, согласно предложенія члена Г. И. Маркевича, постановилъ: просить Гор. думу установить особый сборъ съ театральныхъ билетовъ, что представляется вполнѣ умѣстнымъ, такъ какъ просвѣтительныя зданія въ Полтавѣ посвящены имени Н. В. Гоголя.

Въ заключеніе постановлено просить мѣстныя газеты объявить, что *сборъ пожертвованій на памятникъ Н. В. Гоголю принимается въ редакціяхъ „Полт. Губ. Вѣдом.“ и „Полтавскою Вѣстнико“.*

Організація меморіального отдѣла при історико-філологическомъ Обществѣ въ Харьковѣ. Отъ вдовы покойнаго украинскаго поэта Як. И. Щоголева (воспитанника харьков. университета и товарища Н. И. Костомарова) Е. В. Щоголовой поступили разные документы и предметы меморіального характера въ историко-філологическое Общество при университѣтѣ. Историко-філологическое Общество испросило у правленія небольшую сумму на устройство меморіального отдѣла въ память Я. И. Щоголева для предстоящей юбилейной выставкѣ. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ: письменный столъ Я. И. Щоголева, его рабочее кресло, портфель, линейки, портреты, фотографіи, неизданные автобіографические материалы, письма Костомарова, Гулакъ-Артемовскаго и др.. Кроме того, отъ Е. В. Щоголовой поступаетъ небольшое количество старинныхъ бумагъ.

Къ положенію фонда на устройство въ Полтавѣ школы имени И. П. Котляревскаго. Литературное утро и спектакль, состоявшіеся въ дни чествованія памяти Котляревскаго, дали свыше 1500 р. валового дохода, каковая сумма полностью должна была бы поступить въ фондъ на постройку школы имени писателя, но управа

изъ нея взяла 800 руб. на покрытие расходовъ по утру и спектаклю и 390 р. на пополненіе перерасхода по устройству торжества открытия памятника. Дума, не соглашаясь съ такого рода комбинаціей, своевременно высказалась въ томъ смыслѣ, что какъ 800, такъ и 390 р. должны быть возвращены фонду изъ общихъ городскихъ средствъ. Бюджетная комиссія рѣшила въ расходную смету 1904 года внести лишь 390 р. въ видѣ возврата позаимствованій изъ фонда, а въ отношеніи 800 р. оставила вопросъ открытымъ до болѣе благопріятнаго времени. Дума согласилась съ заключеніемъ бюджетной комиссіи.

Разылка извѣщеній отъ полтавской городской управы.

Городская управа теперь только начала разсыпать всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, приславшимъ Полтавѣ свои привѣтствія, по поводу открытия памятника Котляревскому, извѣщеніе о томъ, что ихъ привѣтствія, не прочитанныя во время торжествъ въ виду извѣстнаго распоряженія правительства, будуть заслушаны думой лишь по разрѣшениі сенатомъ ея жалобы по вопросу о правильности воспрещенія читать на торжествахъ малорусскія привѣтствія. Выражая благодарность города за привѣтствіе, управа въ своемъ извѣщеніи приводить исторію вопроса, предшествовавшую принесенію жалобы сенату, въ той редакціи, которая утверждена думой. («Полт. Вѣстн.», № 324, янв. 22).

Панихида по Т. Г. Шевченку въ Киевѣ. 29 февраля въ Киево-Софійскомъ соборѣ была отслужена панихида по Т. Г. Шевченку въ 43-ю годовщину его смерти. Богослуженіе совершалъ каѳедральный протоіерей въ сослуженіи двухъ священниковъ и двухъ діаконовъ; превосходно пѣть извѣстный въ Киевѣ хоръ г. Калишевскаго. Храмъ былъ переполненъ почитателями памяти поэта, среди которыхъ было очень много учащейся молодежи изъ разныхъ высшихъ учебныхъ заведеній.

Лекціи по исторіи малорусской литературы. Въ текущемъ полугодіи въ зданіи университета въ Киевѣ устроенъ Историческимъ Обществомъ Нестора-лѣтописца рядъ публичныхъ лекцій, среди которыхъ заслуживаютъ особенного для насть, юланъ, интереса лекціи

проф. В. Н. Перетца по истории малорусской литературы, начиная отъ древнейшихъ временъ. До сихъ поръ почти всегда обычно древній періодъ южно-русской (малорусской) литературы вносился въ общий курсъ русской письменности, хотя, для единства картины культурной жизни нашего юга, гораздо правильнѣе планъ уважаемаго профессора В. Н. Перетца—разсмотрѣть въ послѣдовательномъ рядѣ литературныхъ фактовъ, какъ шло развитіе письменности въ Южной Руси подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій, какъ историческихъ, такъ и бытовыхъ, пока съ совершенно опредѣленной фізіономіей не обозначилась типичная малорусская литература въ XVI и особенно въ XVII-хъ вѣкахъ. Лекціи проф. В. Н. Перетца охотно посѣщаются публикой и вызываютъ въ слушателяхъ глубокій интересъ.

ВѢСТИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

Положеніе русинскихъ школъ въ Галичинѣ. Читателямъ нашимъ извѣстно уже, какъ остро стоялъ въ послѣднее время въ Галичинѣ вопросъ о русинскихъ школахъ; особенно рѣзко этотъ вопросъ обозначился на сеймѣ во Львовѣ, когда русинскіе послы принуждены были сложить полномочія изъ-за отказа большинства польскихъ пословъ открыть русинскую гимназію въ Станиславовѣ. Подобные-же отказы периодически повторяются и въ другихъ случаяхъ, касаясь, конечно, болѣе мелкихъ фактовъ. Такъ, въ № 25 «Діла» встрѣчаемъ сообщеніе, что въ Яворовѣ мѣстное отдѣленіе Товар. «Просвіта» ходатайствовало предъ управой о субсидії русинской бурсѣ, которая воспитываетъ учениковъ народныхъ школъ, приготовляющихъ къ поступленію въ среднія школы, но получило отъ правительственноаго комисара извѣщеніе объ отказѣ. Не менѣе характеренъ и фактъ, разсказанный въ корреспонденціи изъ Жовковы о томъ, какъ польскія власти выискиваютъ разные способы закрыть мѣстную одноклассную народную школу съ преподавательскимъ русинскимъ языкамъ, при чемъ, когда не состоялся первый проектъ преобразовать эту школу въ четырехклассную (конечно, съ польскимъ преподавательскимъ языкомъ), то, пользуясь теперь уходомъ въ отставку учителя, домугаются временнаго закрытія школы, какъ выражается корреспондентъ, *ad calendas graecas*.

Утраквизмъ въ среднихъ школахъ. Подъ такимъ заглавиемъ напечатанъ въ № 35 газ. «Діло» рефератъ д-ра И. Копача, читанный имъ въ общемъ собраніи Педагогического Общества во Львовѣ. Сущность реферата сводится къ тому, что средняя школа, обязанныя выработать въ своихъ воспитанникахъ «плюхетный, освиченый характеръ», т. е. создать изъ него благородного и здравомыслящаго человѣка, пользуется для этихъ цѣлей прежде всего языкомъ преподаванія. Языкъ этотъ долженъ быть роднымъ, такъ сказать—воспринятымъ съ молокомъ матери, чтобы онъ могъ одинаково оказывать воздействиe и на умъ и на чувство учащагося. Чужой языкъ, хотя и можетъ путемъ изученія и навыка сдѣлаться вполнѣ понятнымъ и усвоеннымъ, но дается это не безъ ущерба для природы учащагося. Можно-ли при такихъ условіяхъ говорить объ утраквизмѣ въ среднихъ школахъ, т. е. о введеніи преподаванія въ школѣ на двухъ языкахъ—польскомъ и русинскомъ, чтó такъ пропагандируется поляками (въ видѣ уступки) въ послѣднее время. Вѣдь это значило-бы создать для юноши два родныхъ языка, чего никогда не можетъ быть, ибо языки одинъ отъ другого отличаются не только формами, но и духомъ. Вотъ на этомъ-то отличіи и останавливается авторъ реферата, дѣлая въ концѣ концовъ выводъ, что избранный методъ примиренія двухъ народностей въ Галичинѣ, т. е. утраквизмъ школьній, не можетъ достигнуть своей цѣли.

Къ вопросу о выходѣ изъ сейма русинскихъ пословъ. Какъ извѣстно, громадное большинство галицкой интеллигенціи и селянъ весьма сочувственно отнеслось къ выходу русинскихъ пословъ изъ львовскаго сейма, и только органъ москвофильскій «Галичанинъ» держалъ себя въ этомъ отношеніи совсѣмъ иначе, возводя на многихъ изъ пословъ всяческія обвиненія и клеветы. Тѣмъ любопытнѣе является фактъ вида въ Золочевѣ, созванномъ москвофильскою организаціей «Русскою Радою» въ началѣ февраля мѣсяца для выслушанія отчета посланаца сецессіониста, д-ра Короля. На этомъ собраніи, где присутствовало около 900 человѣкъ, послѣ длинной рѣчи д-ра Короля, раздались шумные аплодисменты и крики одобренія за выходъ его вмѣстѣ съ другими послами изъ галицкаго сейма, а въ заключеніе выражено было порицаніе «Галичанину» за его нападки на пословъ сецессіонистовъ и между прочими на д-ра Короля, который самъ счи-

таеть себя *старорусиномъ*, но все-таки не избѣжалъ клеветы со стороны «Галичанина».

Полковый языкъ. Подъ такимъ заглавиемъ помѣщена въ № 26 «Діла» статья, протестующая противъ рѣчи военного министра Питрайха, который предлагаетъ, чтобы офицеры австрійской арміи знали языкъ той страны, которая даетъ главный контингентъ солдатъ въ полку, для чего и въ кадетскихъ школахъ должны преподаваться соответственные языки; но при этомъ министръ Питрайхъ для Галичинѣ признаетъ только языкъ польский. Въ статьѣ совершенно основательно указывается на то, что въ австрійской арміи служить столько-же поляковъ, сколько и русиновъ, и потому предпочтеніе въ Галичинѣ польского полкового языка предъ русинскимъ будетъ одною изъ тѣхъ несправедливостей, какими вообще богата жизнь русиновъ.

Ворьба партій молодежи въ Буковинѣ. Въ № 28 газ. «Діло» напечатана статья «Листы зъ Буковыны», которая знакомить читателя съ обликомъ буковинца вообще и съ партіями молодежи въ Черновцахъ въ частности. Указавъ на то, что галичане и буковинцы, въ силу различно сложившихся условій ихъ исторического прошлаго, смотрятъ другъ на друга съ какимъ-то взаимнымъ пренебреженіемъ, авторъ писемъ сообщаетъ, что буковинцы вообще еще довольно слабы въ проявленіяхъ своего національного самосознанія, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ нѣмецкой культуры. Сказывается это въ томъ, напримѣръ, что сыновья и дочери очень видныхъ общественныхъ дѣятелей буковинскихъ, какъ выражается авторъ, «згенькаютъ лыше по нимецкіи», а «де-яки не знаютъ навить руского письма». Такое положеніе вещей отзывается очень печально на молодежи, особенно женской, которая стыдится родного слова не только на улицѣ, но и въ разговорахъ домашнихъ другъ съ другомъ. Отношенія между учащуюся молодежью въ Черновцахъ представляютъ особый интересъ. Нѣсколько лѣтъ учащаяся буковинская молодежь группировалась въ товарыстви «Союзъ», но это товарыство въ 1900 году распалось, выдѣливши изъ себя новое товарыство «Молоду Україну». Главной причиной распаденія были недоразумѣнія между буковинцами и пріѣхавшими въ черновецкій университетъ галичанами; впрочемъ, недоразу-

мѣнія эти не носили на себѣ характера принципіальныхъ разногласій, а держались больше на томъ, что буковинцы, воспитанные въ духѣуваженія личностей и не привыкшіе къ критикѣ и болѣе острому заявленію своихъ мнѣній, нападали на галичанъ, которые, считая себя культурнѣе первыхъ, выступали всегда съ вызывающимъ тономъ. Хотя фактъ этотъ самъ по себѣ и печаленъ, но онъ имѣлъ одну хорошую сторону: двѣ партіи эти, конкурируя другъ съ другомъ, работали съ особенной энергией. Понемногу, однако, удалось старшему поколѣнію примирить обѣ партіи и соединить ихъ опять въ одно общее товарыство «Сичъ», основавшееся въ 1902 году. Эти два года жизни кружка не дали, однако, ничего утѣшительного: несогласія двухъ партій продолжались; споровъ велось много, а дѣла не было сдѣлано никакого. Въ концѣ концовъ осенью 1903 года опять выдѣлилась изъ «Сичи» часть молодежи и образовала вновь товарыство «Союзъ», которое будетъ продолжать традиціи давняго «Союза».

Эти всѣ разногласія среди молодежи даютъ свой отзвукъ и на старомъ поколѣніи, гдѣ тоже идетъ какъ-бы вражда между автохтонами—буковинцами и пришлецами—галичанами. И такъ, заканчиваетъ авторъ писемъ учащаяся молодежь разбита на враждебные лагери, въ старшемъ поколѣніи тоже замѣчается разладъ, а сельское населеніе политически мало освѣдомлено и не воспитано. А вѣдь лѣтомъ предстоять новые выборы въ сеймъ!

Помѣстивъ эти неотрадныя строки корреспондента, редакція «Діла» отъ себя прибавляетъ замѣтку, гдѣ высказывается надежду, что, несмотря на долголѣтнюю разрозненность украинской земли, явится сознаніе культурнаго и національнаго единства, и тогда исчезнутъ взаимные антагонизмы и различія среди одного народа: «ты—буковинецъ, ты—галичанинъ, ты—украинецъ».

Черновецкій университетъ и составъ его слушателей. Изъ напечатаннаго списка лекцій на лѣтнєе полугодіе въ Черновецкомъ университѣтѣ узнаемъ о статистикѣ слушателей университета въ минувшемъ зимнемъ полугодіи, а именно: на богословскомъ факультетѣ—71, на юридическомъ—386, на философскомъ—241. Большинство слушателей родомъ изъ Буковины—515; изъ Галичины—117, изъ другихъ австрійскихъ странъ—по одному, по два. По разговорному языку слушатели распредѣлялись такъ: нѣмецкій яз.—377, румунскій—179, ру-

синскій—63, польскій—42, сербскій—10, чешскій—3, русскій—14, болгарскій—7.

Проектъ памятника Шевченку въ Черновцахъ. Въ газ. «Буковина» напечатано воззваніе товарыства буковинскихъ студентовъ «Сичь» о сборахъ на памятникъ Шевченку въ Черновцахъ. Памятникъ долженъ быть поставленъ къ 1914 году, т. е. къ столѣтію со дня рожденія поэта.

Поправка. Въ № 2 „Кievskoy Stariны“ въ замѣткѣ отдѣла „Вѣсти изъ Галичины“ подъ заглавиемъ „Культурная работа двухъ лагерей въ Галичинѣ“ оказался пропускъ словъ, значительно измѣняющихъ смыслъ. Было сказано, что «Литер.-Науковый Вестникъ» имѣеть въ Галичинѣ «всего лишь 144 подписчика»; слѣдуетъ прибавить два слова: „*среди духовенства*“.

БІБЛІОГРАФІЯ.

Обзоръ украинскихъ изданій 1903-го года.

Оживленіе издательства украинскихъ книгъ, начавшееся въ Россіи съ конца 90-хъ годовъ прошлого столѣтія, особенно усилилось въ послѣдніе 2—3 года и въ минувшемъ году достигло весьма значительныхъ размѣровъ. Въ этомъ году появился цѣлый рядъ интересныхъ во многихъ отношеніяхъ изданій, дающихъ публикѣ солидный матеріалъ для чтенія всѣхъ видовъ литературного творчества. Особеннаго вниманія заслуживаютъ изданія, представляющія собраніе сочиненій иѣкоторыхъ украинскихъ авторовъ. Такъ, въ Кіевѣ, положено начало собранію сочиненій трехъ извѣстныхъ украинскихъ писателей. Здѣсь изданы: а) I т. „Творивъ“ *Панаса Мирного*, заключающей въ себѣ 8 рассказовъ этого почтеннаго писателя старшаго поколѣнія (см. рецензію въ VI кн. „Кіевской Старинѣ“); б) „Пысання“ т. I, содержащія стихотворенія Б. Гринченка, даровитаго автора, успѣвшаго уже составить себѣ имя въ украинской литературѣ (см. рецензію въ кн. XII); и с) „Оповидання“ *M. Коцюбинського* т. I, где собрана значительная часть произведеній нашего молодого, талантливаго писателя-новеллиста (см. реценз. въ кн. X). Кроме того, въ Кіевѣ, въ качествѣ 10 номера серіи „украинской бібліотеки“, изданъ I томъ весьма любопытныхъ рассказовъ галицкаго писателя *T. Бордуляка*, подъ названіемъ „*Оповидання зъ галицкого жыття*“.

Въ Одессѣ продолжено изданіе произведеній покойнаго писателя О. Я. Конисскаго: выпущенъ IV-й т. его „*Творивъ*“ (см. реценз. въ

кн. IV). Тамъ же изданы III и IV т. „Драмъ и комедій“ почтенного украинскаго драматурга Ив. Тобилевича (Карпенка-Карого), куда вошло шесть извѣстныхъ уже публикѣ пьесъ автора: „По-наадъ Дні-промъ“, „Хазяинъ“, „Лыха искра“; „Чумакы“, „Сава Чалый“, „Пид-панкы“ (см. реценз. въ кн. VI и IX).—Въ Харьковѣ изданъ III т. „Повного збірника творивъ“ М. Кропивницкаго, выдающагося представителя украинской драмы болѣе ранняго періода ея развитія. Лучшая драма настоящаго сборника „Доки сонце зайде—роса очи вѣйшть“ настолько извѣстна публикѣ, что мы не станемъ о ней распространяться, а остальная пьесы: „Виріліева Эпіода“ „Дурисвітка“, „Супротывни течіи“, „Глумъ и помста“ много уступаютъ лучшимъ драматическимъ произведеніямъ автора, какъ въ отношеніи реальности, такъ и сценической обработки и опредѣленности выводимыхъ типовъ.

Наряду съ упомянутыми изданіями, въ минувшемъ году были издаваемы и отдельныя произведенія украинскихъ авторовъ, частію уже извѣстныя читающей публикѣ, а частію являющіяся въ печати впервые. Таковы харьковскія изданія: *Тогочного И.* „Борцы за мрію“ др. на 5 д.; *Каленченка И.* „Переселенци у Сибирѣ, виршована поема“, и сборникъ для дѣтей „Про сырітъ“. Игранная уже на сценѣ драма „Борцы за мрію“ написана подъ замѣтнымъ вліяніемъ „Розумного и дурня“ и „Бурлаки“ Карпенка-Карого. Она имѣеть нѣсколько выигрышныхъ ролей и въ общемъ нелишена извѣстной роли интереса. Комический элементъ, довольно дешеваго свойства, представленъ въ ней отчасти солдатомъ Серѣгой, а главнымъ образомъ двумя бояками, типы и философія которыхъ близки къ дѣйствительности. „Переселенци у Сибирѣ“, изданіе харьковскаго общества распространенія въ народѣ грамотности, представляеть собой двоякій интересъ: во-первыхъ, какъ выраженіе взгляда вѣкоторой части крестьянства на переселенческое движение, а во вторыхъ, какъ художественное произведеніе начинающаго поэта-самородка. Авторъ хорошо знакомъ съ настоящимъ положеніемъ деревни, онъ ясно представляеть себѣ тѣ причины, по которымъ наши крестьяне такъ довѣрчиво относятся къ различнымъ фантастическимъ рассказамъ о бла-гахъ Сибири, бросаютъ насиженные мѣста и идутъ въ далекую, не-вѣдомую страну. Въ поэмѣ очень ярко обрисованы сцены изъ крестьянского быта, а также картины природы. Слогъ поэмы вообще довольно легкій, стихи изящные, риомы, хотя не блещутъ особымъ бо-

гатствомъ и разнообразiemъ, но довольно звучны и красивы. Обилие руссизмовъ составляетъ замѣтный недостатокъ поэмы; встречаются также погрѣшности въ просодіи стиха. Нѣкоторыя мѣста, въ особенности эпилогъ, написаны подъ вліяніемъ Т. Шевченка, но общее впечатлѣніе отъ поэмы заставляетъ признать въ авторѣ несомнѣнное поэтическое дарованіе. Третья изъ харьковскихъ брошюре „*Про сырітъ*“, изданная, какъ и драма *Тогоnochного*, Вс. И. Гуртомъ, представляетъ изъ себя предназначенный для дѣтскаго чтенія, иллюстрированный сборникъ, заключающій произведенія Ц. Билыла, А. Метлинського, Шевченка, Конисского, Щоголева, Г. Галайды и др. авторовъ, а также произведенія народной безыскусственной поэзіи. Намъ нечего говорить о необходимости хорошихъ книгъ съ иллюстраціями для дѣтскаго чтенія. Впечатлѣнія дѣтства особенно живучи у всякаго человѣка, и часто маленькая книжечка, прочитанная въ дѣтствѣ, производить больше впечатлѣнія на воспріимчивую душу ребенка, чѣмъ солидный тонъ глубокомысленныхъ разсужденій на человѣка въ зрѣломъ возрастѣ. Это прекрасно сознается всѣми, но тѣмъ не менѣе, въ силу особыхъ условій, связывающихъ развитіе украинской литературы, отдѣльно для дѣтскаго чтенія представляется въ ней весьма бѣднымъ. Мы можемъ указать одно, два названія въ этомъ родѣ, напр. — „Чытанка“ *T. Хуторного*, и только.

Книжечка „*Про сырітъ*“ издана очевидно съ цѣлью восполненія указанного пробѣла. По содержанію она удовлетворительна и въ общемъ отвѣчаетъ своему назначенію, хотя въ ней рядомъ съ прекрасными произведеніями, какъ напримѣръ, разсказъ „Святый вечеръ у Христа“, переводъ изъ Достоевскаго, помышлены и маловразумительны для ребенка вещи: „Старчена“ Ц. Билыла, „На святый вечеръ“ В. Масляка и др., неотличающіяся при томъ художественными достоинствами. Книжечка снабжена множествомъ иллюстрацій, но отъ плохой ли бумаги, или отъ дурно приготовленныхъ клише, рисунки вышли грубыми, грязными, а нѣкоторые просто слились въ одно сплошное пятно, въ которомъ трудно что-нибудь различить при самомъ пылкомъ воображеніи (см. рис. на стр. 11, 12, 36, 54, 55). Намъ кажется, что виѣшнимъ своимъ видомъ книжка для чтенія должна способствовать развитію художественного вкуса у ребенка, что иллюстраціи должны быть всегда крупнымъ достоинствомъ такого рода книги. Между тѣмъ, въ рассматриваемомъ изданіи изъ тридцати съ лишнимъ рисунковъ едва одна треть исполнена болѣе или менѣе

удачно. Важно, разумеется, количество рисунковъ, но еще важнѣе ихъ художественное исполненіе. Такимъ образомъ, настоящій опытъ изданія иллюстрированной дѣтской книжки является не особенно удачнымъ, тѣмъ не менѣе можно съ увѣренностью сказать, что, за неимѣніемъ пока чего-нибудь лучшаго, и этотъ сборникъ найдетъ своего читателя и принесетъ ему свою долю пользы.

Къ той же самой категоріи изданій, что и названныя харьковскія издаваія, относятся: вышедшая въ свѣтъ въ Одессѣ книжка „Хлопецъ та море. Лысеноша. Розумный ковалъ“. Оповидання. Въдання О. Л. С. (см. реценз. въ кн. XI) и напечатанная въ Полтавѣ не вполнѣ удачная попытка приспособить къ сценической постановкѣ известную поэму Т. Шевченка „Катерина“ И. Пухальскаю, драма въ 3-хъ д. и 5 карт. (см. реценз. въ кн. XI). Но болѣе всего такого рода изданій появилось въ минувшемъ году въ Киевѣ, гдѣ, какъ это не разъ уже замѣчалось, въ послѣднее время преимущественно сосредоточивается и весьма замѣтно развивается издательство книгъ на украинскомъ языке. Вотъ перечень кіевскихъ изданій: Котляревський И. „Наталка-Полтавка“. Малороссійская оперетта. Прозвърененный текстъ (по изданію 1838 г. и по открытому списку 1820 г.) подъ ред. И. Стешенка (см. рецензію въ кн. VII-VIII). Яновська Л. „Дзвинъ до церкви скликає, та самъ у ії не буває (Лисова квітка)“. Ком. на 4 д. (см. рецензію въ кн. VI). Кроме того, издано 10 номеровъ (27—36) серіи народныхъ изданій, куда вошли слѣдуюція названія: Левицький М. „За Коливщины“. Оповидання; „Буря на морі“. Оповид.; Мырний „Лыхий попутавъ“. Оповид.; Левицький Ив. „Рыбалка Панасть Крутъ“. Оповид.; Левицький М. „Въ клуни“. Жартъ; Кузьменко П. „Не такъ ждалося, та такъ склалося“; Оповид. Мордовецъ Д. „Старии. Дзонаръ“. Оповид.; Гринченко Б. „Безъ хліба“. Оповид.; Гринченко Б. „Хата“. Оповид.; Бородуллякъ Т. „Бідний жыдокъ Ратыця“. Оповидання. О первыхъ пяти изъ числа названныхъ народныхъ изданій данъ отзывъ на страницахъ нашего журнала (см. рец. въ кн. VII-VIII); изъ пяти другихъ особаго вниманія заслуживаетъ водевиль „Въ клуни“, написанный очень живо и занимательно, на сюжетъ, взятый изъ быта помѣщичьихъ экономій, и рассказъ „Бідний жыдокъ Ратыця“, просто и тепло рисующій намъ трогательную картину труженической жизни бѣдняка-еврея въ галицкой деревнѣ; остальные три разсказа хорошо известны читающей публикѣ.

Библіотека научно-популярныхъ книгъ обогатилась слѣдующими прекрасными изданіями „Спб. Благотворительного Общества“. Чикаленко Е. „Розмова про сельське хазяйство, кн. V. Садъ“; „Хто робить, той и має“, оповидання про Джемса Гарфильда Б. Гринченка (см. реценз. въ кн. V); Чикаленко Е. „Розмова про сельське хазяйство, кн. I, „Чорний паръ и плодозминъ“ (изданіе 3); Загирня М. „Мудрый учитель. Оповидання про Сократа“ (см. реценз. въ кн. X).

Кромѣ упомянутыхъ нами въ настоящей замѣткѣ изданій, на страницахъ „Кievskoy Stariны“ въ минувшемъ году помѣщено нѣсколько литературныхъ произведеній, какъ начинающихъ, такъ и составившихъ уже себѣ почтенную извѣстность, украинскихъ писателей, именно: Винниченко В. „Антрепренеръ Гаркунъ-Задунайскій“ (оповидання). Кобилянськои О. „За ютаръ“ (Нарисъ зъ сильского жыття), Лазаревського Б. „Святый городъ“ (повисть). Левицького М. „Санитаръ“ (оповидання лікаря). Панаса Мирною та Ивана Билька „Пропаща сыла“ (Повисть). Чернявського М. „Въ пезнану далечинъ“ и „Тополи“. Непыйводы М. „Бяля опыща“ (оповидання), и Яновськои Л. „Дарочка“ (оповидання); изъ нихъ „Санитаръ“ М. Левицького и „Дарочка“ Л. Яновськои изданы также въ видѣ оттисковъ изъ нашего журнала.

Въ виду отсутствія самостоятельного украинскаго органа періодической печати, произведенія украинскихъ писателей издавна помѣщались въ литературныхъ сборникахъ-альманахахъ. Въ минувшемъ году такихъ сборниковъ издано два: прекрасный съ виѣшней и съ внутренней стороны „Альманахъ на згадку про І. О. Кулиша“, подъ названіемъ „Дубове Листя“, издали въ Кіевѣ гг. Чернявскій, Коцюбинскій и Гринченко (см. рецензію въ кн. V-ої); другой украинскій альманахъ „Зъ-надъ хмаръ и зъ долинъ“ изданъ М. Воронимъ въ Одесѣ.

Въ настоящемъ своемъ обзорѣ украинской литературной проплукціи за 1903-й годъ мы постарались назвать все сколько-нибудь выдающееся въ этой области; неотмѣченными остались у насъ или такія нестоющія вниманія явленія, какъ „Світла Зоря“ Гр. Павленко-Павлуся (Харьковъ), почти все содержаніе которой—сущая белиберда, плодъ авторскаго недомыслія, ничего общаго съ художественнымъ творчествомъ не имѣющей, или же такія неудачные произведения, какъ „На вику, якъ на дөвий ныви“ С. Енохина. Елизаветградъ (см. реценз. въ кн. IV).

Оживленіе украинскаго книгоиздательства въ послѣднее время, о чёмъ мы говорили въ началѣ нашей статьи, является фактъ знаменательнымъ, свидѣтельствующимъ прежде всего объ оживленіи интереса къ украинской литературѣ, о расширеніи того круга, въ предѣлахъ котораго эта литература распространяется.

Помимо замѣченаго прогрессивнаго развитія украинскаго книгоиздательства, мы имѣемъ еще одинъ фактъ, являющійся доказательствомъ того, что среди украинскаго населенія значительно возрастаетъ интересъ къ народной литературѣ. Такимъ фактъ оказывается съ каждымъ годомъ усиливающееся внимательное отношеніе критики къ украинской литературѣ. Въ минувшемъ году нашей редакціи былъ доставленъ различными авторами, для напечатанія рядъ критико-біографическихъ очерковъ изъ исторіи украинской литературы¹⁾). Кромѣ того, какъ въ нашемъ журналь, такъ равнымъ образомъ, во всѣхъ почти періодическихъ изданіяхъ юга Россіи и въ нѣкоторыхъ столичныхъ помѣщались обстоятельный критическая замѣтки по поводу каждого новаго явленія въ украинской литературѣ.

Внося свой лосильный вкладъ въ сокровищницу общечеловѣческой культуры, наша литература давно уже привлекаетъ къ себѣ вниманію европейскихъ націй, которая стремится знакомиться съ ней, изучаютъ ее, переводятъ на свои языки. Съ каждымъ годомъ увеличивается количество переводовъ изъ украинскихъ авторовъ на языки русскій, польскій, нѣмецкій, французскій и др. Переводятъ преимущественно произведенія новѣйшихъ авторовъ²⁾.

¹⁾ Критико-біографические очерки помѣщены въ слѣдующихъ книгахъ нашего журнала: въ № I. Гринченка Б. „А. Е. Крымскій, какъ украинскій писатель“; въ № II. Ефремовъ С. „Поэтъ-гражданинъ“; въ № III. Черепина В. „Д. В. Марковичъ“; въ № IV. Е. К. „Тимофей Бордулякъ“; въ № VI. Леонтовичъ В. „Грыцко Грыгоренко“; въ № XI—XII. Ефремова С. „Пѣвецъ борьбы и контрастовъ“.

²⁾ На русскій языкъ въ минувшемъ году переведены, между проч. слѣдующія произведенія: „Автобіографія идеи“ Н. Кибалъчичъ („Волынь“ № 1-й); „Якъ я вмеръ“ Б. Гринченко („Волынь“ № 1-й); „Марійка“ П. Смутка („Русск. Вѣдом.“ № 22); „Исторія кожуха“ Ив. Франка („Волынь“ № 79); „Шматокъ“ Д. Маркевича („Сѣверный Кавказъ“ № 44); „Жыттеви аналогії“ Г. Хоткевича („Южн. Обозр.“ № 2225); „Злочинныця“ М. Левицкого („Вѣстникъ Юга“ № 506); „Чаривныця“ В. Потапенка („Югъ“ № 1525); „На камени“ М. Коцюбинскаго („Южн.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще объ одномъ явленіи въ области украинской литературной продукции, которое обращаеть на себя наше вниманіе. Если въ послѣднее время особенно усиливается ростъ украинского книгоиздательства, развивается интерес къ украинской литературѣ, то нельзя сказать, чтобы соответственно съ этимъ усиливалась и интенсивнѣе совершалась творческая дѣятельность украинскихъ писателей. Наоборотъ, мы замѣчаемъ здѣсь даже какъ бы нѣкоторое затишье. Изъ всей массы изданнаго въ минувшемъ году материала лишь незначительная часть представляеть изъ себя произведенія новонаписанныя. Мы сейчасъ не беремъ на себя смѣлости объяснить это явленіе, причины котораго, вѣроятно, кроются слишкомъ глубоко, мы констатируемъ лишь фактъ. Нашъ почтенный драматургъ Ив. К. Тобилевичъ издалъ лишь свои извѣстныя уже драмы, Д. Л. Мордовцевъ не создаль въ минувшемъ году ничего для родной литературы, а маститый писатель Ив. С. Левицкій органичился однимъ незначительнымъ очеркомъ (въ альманахѣ „Зѣнадъ хмаръ и зъ долинъ“); ничего нового нѣ дали намъ и такие писатели, какъ Дніпрова Чайка и Стефаныкъ, разсказы котораго такъ обращаютъ на себя вниманіе читателей „Вика“. Другіе авторы ограничились однимъ или двумя произведеніями, помѣщеными въ изданныхъ альманахахъ. Если мы обратимъ вниманіе на содержаніе издаваемыхъ у насъ литературныхъ сборниковъ, которые, по существу, должны быть послѣднимъ словомъ украинской литературы, то замѣтимъ, что въ нихъ, на ряду съ новыми произведеніями извѣстныхъ украинскихъ авторовъ, помѣщаются, во-первыхъ, произведенія тѣхъ-же авторовъ, уже печатавшихся за границей, и, во-вторыхъ, произведенія начинающихъ авторовъ. Послѣдняго рода материалъ, иногда въ подавляющемъ количествѣ наводняетъ сборникъ; при чемъ надо замѣтить, что почтенные редакторы не всегда усиленно разбираются въ этомъ материалѣ, давая въ иныхъ случаяхъ мѣсто на страницахъ сборника такимъ стихотвореніямъ и рассказамъ, которые отнюдь не мо-

Обозр.“ №№ 2251—2252); „Муляръ“ Ив. Франка („Волынь“ № 174, перепечатана изъ „Русскихъ Вѣдомостей“). „Хмельницкій и ворожбыть“ Ив. Франка („Югъ“ № 1557); „Забувь“ М. Левицкого („Кievская Газета“ и „Русск. Вѣдомости“). „Въ путахъ шайтана“ М. Коцюбинскаго („Русскія Вѣдомости“).

гуть служить украшениемъ изданія. Говоря это, мы имѣемъ въ виду не альманахъ „Дубове листя“, вообще составленный очень тщательно и умѣло, но одесскій сборникъ: „Зѣ-надъ хмаръ и зѣ долинъ“, поражающій настъ прежде всего огромнымъ количествомъ стихотвореній. Въ этомъ, положимъ, большой бѣды еще нѣтъ,—хорошее стихотвореніе всегда прочтется съ удовольствіемъ и въ состояніи придать содержанію сборника особую поэтическую прелестъ и разнообразіе. Бѣда въ томъ, что, наряду съ прекрасными, художественными произведеніями, помышляются стихотворенія, которыхъ могутъ оказаться ложкой дѣгтя для всего сборника. Таково, напримѣрь, стихотвореніе П. Панченка „На чужыни“. Прочитавъ заглавіе этого стихотворенія, мы полагали, что авторъ откроетъ предъ нами душу человѣка, страдающаго вдали отъ родины, гдѣ-нибудь, если не въ Монголіи, то во всякомъ случаѣ въ мѣстахъ отдаленныхъ. Между тѣмъ „На чужыни“ оказывается

„Въ Одеси далекій, на берези моря“

страдающимъ оказывается авторъ, которому тяжело привыкать къ виду западно-европейской и „бусурменской“ шевелюры, тогда какъ онъ съ дѣтства влюбленъ въ „родной чубъ“. Вотъ въ какой формѣ авторъ говоритъ объ этомъ:

Захидна Европа и вси бусурмены,
А нашихъ—то годи й пизнатъ.
Всі въ свити народы души мої люби,
Я бъ щыро ихъ всіхъ обійнявъ,—
Та тишу я очи на ридному чуби,
Що змалку його нокохавъ!

Такимъ же невыгоднымъ, по нашему мнѣнію, пріобрѣтеніемъ для рассматриваемаго сборника оказывается „психограма“ Н. Кобрицкой „Руки“, уродливо декадентское произведеніе, гвоздемъ которого является многократно повторяемая съ нѣкоторыми варьациями фраза:

„Слаби, худи, зивъяли, вздовжъ спущени руки“.

Не будь этихъ и подобныхъ имъ произведеній, вѣроятно, просто по недосмотру попавшихъ въ печать, весь сборникъ, заключающій

въ себѣ вообще много цѣнного материала, отъ этого значительно выигралъ бы.

В. Поточныи.

Библіографіческій указатель литературы о Кубанской области, Кубанскомъ козачьемъ войскѣ и черноморской губерніи. Составилъ Е. Д. Фелицынъ, почетный членъ Кубанского Областного Статистического Комитета, при участіи В. С. Шамрая. Екатеринодаръ

1899—1902 г.г.

Для всѣхъ, интересующихся судьбами Кубанского края, трудъ Е. Д. Фелицына¹⁾, известнаго изслѣдователя Кубанской области и историка Черноморскаго (нынѣ Кубанскаго) козачества, является, несомнѣнно, цѣннымъ справочнымъ пособіемъ, все полезное значеніе котораго можетъ быть въ особенности оцѣнено каждымъ, кто пожелалъ бы припять непосредственное участіе въ изученіи названнаго, къ слову сказать—интереснаго во многихъ отношеніяхъ, края. Весь сгруппированный Е. Д. Фелицынымъ и его сотрудникомъ г. Шамраемъ материалъ распадается въ «Указателъ» на слѣдующіе шесть отдѣловъ: I—археологія, нумизматика, история, археографія, исторические планы и карты, біографіи, некрологи и правительственные распоряженія; II—географія, этнографія, статистика, естествознаніе; и медицина; III—сельское и городское хозяйство, промышленность и торговля; IV—народное образованіе, общественная жизнь и дѣятельность; V—беллетристика, періодическія и справочные изданія и разныя свѣдѣнія; VI—карты, планы, чертежи, рисунки, портреты и фотографіи. Какъ видно изъ приведеннаго содержанія каждого отдѣла, распределеніе библіографическаго материала въ «Указателъ» проведено не совсѣмъ строго: въ одномъ отдѣлѣ сосредоточены библіографическая указанія изъ различныхъ научныхъ дисциплинъ и специальностей, что, при отсутствіи въ трудѣ Фелицына и Шамрая предметнаго указателя и при алфавитномъ способѣ расположенія материала (по фамиліямъ авторовъ), въ значительной степени затрудняетъ возможность пользованія послѣднимъ, увеличивающиуюся еще и поражающимъ обиліемъ въ

¹⁾ Скончался 10 декабря 1903 г. См. о немъ напу статью въ „Областн. Обозр. и Вѣст. Каз. войскъ“ 1903 г. № 2.

«Указателъ» мало къ чему нужнаго бібліографіческаго балласта, которму едва-ли мѣсто въ научно-справочномъ пособіи, какимъ въ общемъ является трудъ Фелицына и Шамрая. Послѣдніе, вводя въ свой «Указатель» бібліографіческія указанія на статьи и разнаго рода извѣстія, напечатанныя въ мѣстныхъ «Областныхъ вѣдомостяхъ», отвели значительное мѣсто указаніямъ и на такого рода свѣдѣнія по вопросамъ краевой жизни, которые имѣютъ бѣгучее, часовое значеніе. Въ особенности этимъ недостаткомъ страдаютъ отдѣлы III, IV и V. Здѣсь на каждой страницѣ встрѣчаешься съ такой «тоже бібліографической» литературой края, какъ «смерть отъ угара», «смерть отъ паденія съ кручи въ нетрезвомъ видѣ», «маскарадъ во 2-мъ общественномъ соображеніи», «балъ, данный наказному атаману» и т. д. Подобного рода указанія едва-ли интересны для серьезныхъ изслѣдователей края, на которыхъ въ сущности и разсчитанъ трудъ Фелицына и Шамрая; загромождая вмѣстѣ съ тѣмъ своею численностью «Указатель», такія бібліографіческія свѣдѣнія, повторяясь, только затрудняютъ возможность пользованія послѣднимъ.

Представляя собою первую попытку собрать воедино бібліографію литературы о Кубанской области, черноморскомъ козачествѣ и черноморской губерніи, трудъ Е. Д. Фелицына и В. С. Шамрая не лишенъ пропусковъ, совершенно, впрочемъ, допустимыхъ при всякой бібліографической работе, въ особенности, если принять условія послѣдней въ провинції. Пропусками изобилуютъ преимущественно первые два отдѣла Указателя, хотя бросаются они въ глаза и при обозрѣніи другихъ. По первому отдѣлу мы не нашли указаній на слѣдующія издания, такъ или иначе относящіяся къ Кубанскому краю:—Аделунгъ,—«Обозрѣніе путешественниковъ по Россіи», № 24 Джорджіо Интерніано; Ralli, II., V стр. 494, Acta Patriarchat Constantinopol—Миклошича; Срезневскій—«Древніе памятники русскаго письма и языка», ст. 15; col I, и его же «Палеографія» стр. 133; граф. П. С. Уварова—«Могильники Сѣвернаго Кавказа» (Русск. Антроп. Жур. 1901 г. № 1); В. Миллеръ,—«О новомъ сарматскомъ божествѣ, найденномъ на Кубани» (Русская Мысль, 1890 г. № 4—5); проф. Н. И. Веселовскій—«Каменные орудія при вещахъ римской эпохи»; проф. Ю. Я. Кулаговскій «Къ исторіи Боспора» въ XI—XII в.в.; проф. Е. Д. Голубинскій—«Исторія Русской Церкви» т. I, гл. III,--подъ рубр. —«Епархія Тмутараканская» стр. 682—685 и др.; Д. Афанасьевъ—«Къ исторіи Черноморскаго флота»—съ 1768—1816 гг. (Рус. Арх. 1902 г., № 2—

3); Андре́й Ал.—«Запорожский старшина Антонь Головатый въ Киевѣ», (Киев. Стар. 1890 г. кн. 2); о. Вл. Лобачевский—«Бугское казачество и военные поселенія» (*ibid.* 1883 г. кн. 7); К. Морозовъ—«Какъ справляли черноморцы свое новоселье на Тамани и какія были по сему случаю рѣчи и пѣсни», (*ibid.* 1883 г., кн. 1); О. Л.—«Потемкинъ и черноморцы» (*ibid.* 1887 г., кн. 6); Ф. Щербина—«Исторія самоуправлениія у Кубанскихъ козаковъ» (*ibid.* 1884 г., кн. 4); А. Скальковскій—«Еще о Бугскихъ козакахъ» (*ibid.* 1882 г., кн. 12; 1883 г., кн. 5); Грибовскій—«Записки» (Рус. Арх. 1889 г., кн. 1); Крыжановскій—«О современномъ состояніи Лебяжьей пустыни» (Ставр. Епарх. Вѣд. 1885 г., кн. 6) и др.; по отдѣлу II,—«Задунайскія народныя преданія о Головатомъ» (Киев. Стар. 1882 г., кн. 9); проф. Мартыновъ—«Изъ народныхъ преданій о Черноморіи» (*ibid.* 1885 г., кн. 6); Ф. Щербина—«Наговоры отъ болѣзней у черноморскихъ козаковъ» (*ibid.* 1883 г., кн. 7), М. Дикаревъ—«Апокрифы, собранные въ Кубанской области» (Юбилейный сборникъ въ честь Вс. Ф. Миллера); Его же—«Черноморскія народнія казки й анекдоты» («Етнографичний збірникъ» т. II—«Видання Наук. Товар. ім. Шевченка»); его же—«Народня гутірка з поводу коронації» (*ibid.* т. V); Новомарьинскій—«Сѣверное Кубанское и Терское предгорія Кавказа» («Живоп. Россія», подъ редакціей Семенова т. IX); Carla Cerena, Mon Voyage. Souvenirs personnels 1-re Serie de la Baltique à la mer Caspienne. Paris, 1881 и др. Въ другихъ отдѣлахъ нѣть между прочимъ указаній на такие труды по исторіи сѣверного Кавказа, какъ Альбова—«Очеркъ растительности Колхиды» («Землевѣдѣніе» т. III); Воейкова, Пастернацкаго и Сергѣева—«Черноморское Побережье»; Васюкова «Страна Гордой Красоты»; Краснова—рядъ статей преимущественно по «Черноморскому побережью» (напечатаны въ книжкахъ «Недѣли»); Л. С. Личкова—«Очерки изъ прошлаго и настоящаго побережья Кавказа» (Киев. Стар. 1903 г. 8—12 кн.); Реклю—«Земля и Люди» т. VI; статьи Селиванова «О Кубанской области» и Л. Македонова о «Черноморской губ.», помѣщеныя въ Энциклоп. словарѣ Брокгауза и Ефрона; «О болѣзняхъ хлѣбныхъ растеній въ Терской и Кубанской областяхъ» (Труды Одесской Энтомологической Комиссіи. 1888 г.) и мн. др.¹⁾). Приведенные нами пропуски бібліографической

¹⁾ Названій всѣхъ приведенныхъ нами сочиненій мы не встрѣтили и въ добавленіяхъ къ „Бібліографическому Указателю“, напечатанныхъ въ „Кубанскомъ Сборнику“ за 1903 г. т. IX; и за 1904 г. т. X.

литературы Кубанского края, конечно, мало умаляютъ значение труда Фелицына и Шамрая, обладающаго при томъ и положительными достоинствами. Къ этимъ послѣднимъ надо отнести прежде всего имѣющіяся въ «Указателѣ» свѣдѣнія о рукописныхъ источникахъ по исторіи Кубанского края и Черноморскаго казачества, хранящихся въ столичныхъ и кавказскихъ архивахъ, мало извѣстныхъ и не изученныхъ мѣстными историками. При сравнительной бѣдности исторической литературы о Кубанскомъ краѣ, вызывающей необходимость въ появлѣніи новыхъ трудовъ въ этой области, свѣдѣнія, указанныя Фелицынымъ, обратятъ, конечно, на себя вниманіе мѣстныхъ изслѣдователей и должныъ образомъ будуть использованы ими. Не меньшимъ достоинствомъ «Указателя» является также примѣненіе въ немъ бібліографического метода Дубровина¹⁾ и Бѣгичева²⁾, заключающагося не въ одномъ сухомъ перепечатываніи заглавія книги или журнальной статьи, но и въ приведеніи краткаго содержанія ихъ, дающаго возможность квалифицировать до извѣстной степени достоинство материала, скрывающагося за заглавіемъ, не всегда при томъ отвѣщающимъ содержанію книги. Къ сожалѣнію методъ этотъ, въ значительной степени облегчающій процессъ знакомства съ содержаніемъ того или иного источника по исторіи края, примѣненъ Фелицынымъ, по условіямъ работы въ провинціи, къ небольшой сравнительно части бібліографического материала, помѣщенного въ «Указателѣ»; по отношенію къ другой, болѣе значительной по объему, пришлось ограничиться только однимъ сообщеніемъ заглавныхъ названій сочиненій, безъ указанія на ихъ внутреннее содержаніе.

Въ общемъ «Бібліографіческій Указатель», несмотря на нѣкоторую неполноту бібліографическихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ немъ, и незначительные, указанные нами, недостатки, является цѣнной работой, за составленіе которой нельзя не благодарить покойнаго Фелицына и его сотрудника г. Шамрая. Богатство и разнородность бібліографического материала, собранаго въ «Указателѣ», удовлетворительная въ общемъ систематизація его, дѣлаютъ трудъ изслѣдова-

¹⁾ См. Н. Ф. Дубровинъ, Бібліографический указатель къ первымъ двумъ книгамъ „Исторія войны и владычества русскихъ на Кавказѣ“ 1871 г. т. I, кн. 3.

²⁾ К. Н. Бѣгичевъ, „Объяснительный каталогъ бібліотеки Его Имп. Высоч. Вел. Кн. Георгія Александровича въ Абастуманѣ“. Тифлісъ 1894 г.

телей Кубанского края цѣннымъ вкладомъ въ бібліографическую литературу о югѣ Россіи и незамѣнимымъ справочнымъ пособіемъ для всѣхъ интересующихся и занимающихся изученіемъ Кубанской области, черноморской губерніи и черноморскаго (кубанскаго) козачества.

С. Петлюра.

**Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Томи LIV, LV
LVI (кн. V—VI за р. 1903). У Львові, 1903.**

Отмѣченные три тома «Записок Наукового Товариства імені Шевченка», издаваемыхъ подъ редакціей проф. М. Грушевського, вышли въ теченіе второго полугодія минувшаго года и содержать въ себѣ, какъ обычно, множество цѣнного матеріала для нашей области изученія, какъ въ видѣ спеціальныхъ солидныхъ изслѣдований, статей и цѣнныхъ замѣтокъ, такъ и критическихъ отзывовъ, рецензій и бібліографическихъ свѣдѣній.

Изслѣдованія и статьи историческаго характера въ минувшемъ полугодіи помѣщены въ «Запискахъ» слѣдующія:

Юрій Кміт. З сільських відносин у Галичині в середині XIX століття (LIV, 1—8),—сообщаются документальная данныя о 50-хъ годахъ 19-го вѣка, характеризующія степень морального упадка въ то время духовенства въ Галичинѣ.

Олександр Сушко. Предтеча унії, критично-історична студія (LV, 72—125),—продолженіе солиднаго труда о Бенедиктѣ Герберѣ, говорится о просвѣтительной его дѣятельности во Львовѣ, а затѣмъ просвѣтительной и научной въ Краковѣ до ухода его оттуда въ Познань въ 1562 году.

Михайло Грушевський. Пам'яти Олексія Маркевича (LV, 1—14),—тепло написанный некрологъ покойнаго историка, дающій не мало новаго матеріала для біографіи этого симпатичнаго дѣятеля.

Михайло Грушевський. Козаки в 1470-х р.р. (LVI, 1—6),—почтенный авторъ сообщаетъ интересный документъ 70-хъ г.г. XV ст., помѣщенный въ книгѣ Amedeo Vigna, Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri (изд. въ Генуѣ 1879 г. и совершенно неизвѣстной, ни въ украинской, ни въ русской, ни въ польской исторіографіи), содержащей жалобу Кафинскихъ купцовъ на «разбойниковъ козаковъ», которые ограбили ихъ около 1470 года по пути изъ Московіи; жало-

вались они, что терпятъ постоянно обиды отъ «audaciae horum latronum et aliorum convicinorum nostrorum... quasi quotidie». Но упоминаемые здѣсь козаки—не украинскіе, а татарскіе, хотя въ той области (на Муравскомъ шляху) могли уже въ то время «живиться» и украинскіе воины-промышленники и, безъ сомнѣнія, хорыничали козаки рязанскіе.

Степан Томашівський. Угорські Русини в съвітлі урядової угорської статистики (LVI, 1—46),—критический разборъ офиціальныхъ свѣдѣній, далеко не точныхъ, объ Угорскихъ русинахъ въ началѣ XX ст.

Къ области же исторіи относятся и слѣдующіе документы, помѣщенные въ отдѣлѣ «Miscellanea»: *Богдана Барвінського. Бунт в сели Мшанци 1717 р.* (LIV, 4—5),—документъ небезъинтересный для исторіи галицко-русского крестьянства; *Ол. Сушко. Епизод з життя Петра Скари (LVI, 1—23, з фототипіями)*,—сообщаются два найденныхъ авторомъ во Львовской капитулѣ письмахъ Петра Скари (1568 г.), позволяющихъ уяснить чѣкоторыя подробности изъ жизни этого дѣятеля; *Богдан Барвінський. Метрики в сільській практиції XVIII в.* (LVI, 23—25),—метрическая запись с. Татари 1720 г. Сюда же надо отнести изъ отдѣла рецензій и отзывовъ обширный критический разборъ сочиненія *М. Стельмашенка. Политическая дѣятельность Петра Скари. Кіевъ, 1902*, не выдерживающаго, по мнѣнію автора, никакой критики (LV, 13—53).

Исторія літератури и словесності представлены въ слѣдующихъ изслѣдованіяхъ и статьяхъ:

Олександр Сушко. Причинки до студий надъ текстом Палинодії (LIV. 1—40),—авторъ предаетъ печати отрывки компиляціи изъ «Палинодія» Захарія Копытенского, найденной имъ во Львовской университетской библіотекѣ, сопоставляя въ своей статьѣ текстъ этой компиляціи съ недавно изданнымъ текстомъ Палинодіи Петербургской Археографической Коммісіей. Въ этой же статьѣ авторъ упоминаеть и о другомъ, открытомъ имъ тамъ же, произведеніи полемической литературы: «Истина Вѣра старая церкви святой восточной православно-католической, против мнимой старой вѣри западной». Авторъ его неизвѣстный доселѣ, какъ писатель, игуменъ Мошногорскій, іеромонахъ Товія Петрашки, добавившій собственноручно на рукописи: «Борису Петровичу Шеремету въ Кіевѣ отдахъ» (1706 года).

Осип Маковей. З історії нашої фільольції.—Три галицькі грамматики (Іван Могильницький, Йосиф Левицький і Йосиф Лозинський) (LIV, 59—96),—окончаніе цѣннаго изслѣдованія. Здѣсь помѣщены лишь добавленія къ изслѣдованію: выписки изъ рукописей Лозинскаго, Левицкаго; приводятся полемическая статьи того времени по поводу произведеній «трехъ грамматиковъ». Весьма интересны замѣчанія Коштата, сдѣланныя въ огромномъ количествѣ на поляхъ рукописей грамматики Лозинскаго и Левицкаго, напр., противъ перечисленія трудовъ Голятовскаго и Антонія Радивиловскаго (у Лозинскаго) приписано: «*Hic erat locus dicendi, Russos ipsos, nunc tam magnos et superbos, primam literaturam et culturam debere vobis, Russinis Kiovienisbuis. Sed ipse tremis pae reverenti metu magni Russi!*» (стр. 61), или «*Vos dico, Graecos, Armenos et Russos et Serbos, qui assueti venerari veterem linguam omni nedelja et prasniko, auditam in ecclesia, vix potestis aequi aestimare domesticam et Werkeltags-linguam matris. Sed separandae sunt omnino, sicut fecerunt jam Moscovitae*» (стр. 64), и далѣе, тамъ же: «*Tu si vis veram grammaticam ruskam facere, fac 1-mo, ut obliviscaris ecclesiasticam linguam; 2-do, fingo te docere frailam americanam loqui ruski cum tua coqua, et ita docere, ut cum coqua perfecte possit colloqui Sonst, semper macaronizabis ipse magister.*» • и т. п.

Микола Кр—ський. Примітки до поправлійшого видання поезій Тараса Шевченка (LV, 1—28) и *Юлія Романчука. Уваги до «запіток» д. Кр—ського* (ib., 29—34). Обѣ статьи заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія, заключая въ себѣ богатый матеріалъ для будущаго критического издания произведеній Т. Г. Шевченка. Въ настоящее время, наиболѣе полнымъ и вѣрнымъ изданиемъ «Кобзаря» является издание «Товариства Просвѣти» во Львовѣ 1902 г. (кстати, по счету 32-ое), въ которомъ издатель, г. Романчукъ, сличавшій текстъ съ рукописями и вообще много потрудившійся надъ исправлениемъ текста «Кобзаря», произвелъ около 400 поправокъ, сравнительно съ текстомъ издания Огоновскаго (Львовъ, 1893 года). Теперь г. М. Кр—ський въ отмѣченной статьѣ предлагаетъ еще до 300 исправлений въ текстѣ, заслуживающихъ въ большинствѣ случаевъ принятія ихъ или во всякомъ случаѣ — вниманія. Въ своихъ «Увагахъ» къ статьѣ г. М. Кр—ськаго г. Романчукъ безусловно соглашается съ 60 исправленіями; затѣмъ противъ нѣкоторыхъ возстаетъ, о нѣкоторыхъ же не говоритъ

ничего (кстати, отмѣтимъ упоминаніе въ его «Увагахъ», что имъ сдѣлано еще около 120 поправокъ). Будучи того убѣждѣнія, что для установленія критического, возможно вѣрного и точнаго текста поэзіи Шевченка, чѣмъ нашимъ ученымъ давно бы уже слѣдовало заняться, всякое даже мелкое исправленіе или правдоподобное предположеніе можетъ оказаться нeliшнимъ, мы предлагаемъ ниже, съ своей стороны, тѣ поправки въ изданіи г. Романчука, которыя не были замѣчены и г. М. Кр---ськимъ. При этомъ мы отмѣщаемъ и правописаніе отдельныхъ словъ, и интерпункцию, какъ это дѣлаетъ и г. М. Кр---ський.

Итакъ: «Ну, що б здавалося? слова!» (61, 14), — слѣдуєть— „Ну, що б здавало ся слова?!“; „можно“ (98, 1 сн.)— „можна“, „качаточки“ (128, 2 сн.) — „качаточка“, „ти“ (130, 7 и 12) — „Ти“; „Як се Катерина“ (197, 11 сн.) — „Як ся Катерина“;

„Та злидні побили!
Як ту матір“, (284, 6 — 7),

слѣдуєть:

„Та злидні побили,
Як ту матір“, •

и въ 8-ой строкѣ, послѣ „породила“, знакъ восклицательный; „и жонатий, (118, 3) — „а жонатий“; „війско“ (200, 14) — „військо“; „чабан, було“ (203, 19) — „чабан; було“; „в недобру годину“ (295, 5) — „в недобру годину.; „сліз більш не має (296, 8) — „сліз більш немає“; „по лісу“ (295, 7) — „по лісі“; „ти не пізнав мене, Іване“ (299, 10) — „ти не пізнав мене, Іване“; „Тикич“ (354, 2 и 358, 8 сн.) — „Тікич“ (такъ произносится название этой рѣки на родинѣ Шевченка); „Інтродукція“ (311, 14 сн.) — „Інродукція“;

„Або Яном Собіеским“,
Ті два незвичайні, (стр. 311, 3 и 2 сн.)—

слѣдуєть:

Або Яном Собіеским,—
Ті два незвичайні,—;

„против ночи“ (325, 7)—„проти ночі“; „без сповіді“ (327, 5)—„без сповіді“; „ката не минає“ (333, 10 сн.)—„ката, не минає“; „розкошувати“ (338, 4)—„розкувати“; „ти чув, що співають“ (385, 3 сн.)—„ти чув, що співають?“; „То кобзарі“ (385, 2 сн.)—передъ „То“ надо „; „За сотника Івана“ (391, 17)—„За сотника Івана“; „та помага“ (398, 10 сн.)—„помага“; „пещерах“ (422, 12) — „печерахъ“; „та й то“ (435, 9)—„та і то“; „по милости“ (437, 2 сн.)—„по милості“; „щипає“ (438, 10 сн.)—„щіпає“; „полетімо“ (439, 3 сн.)—„полетимо“; „також-о-жъ“ (444, 9)—„такого-ожъ“; „перелічив до одного“, (468, 12)—„перелічив до одного,—;

„То все пани снились;
Із рогами, і з хвостами“, (523, 5 и 4 сн.)

следуетъ:

„То все пани снились:
Із рогами, із хвостами“;

„доси“ (537, 9)—„досі“; „в само серце“ (571, 5)—„в саме серце“; „раю“ (575, 5)—„рай“; „дівчати“ (582, 20)—„дівчаті“; „во плоти“ (583, 16)—„во плоті“; „деспот скажений“ (586, 18)—нужна перестановка: „скажений деспот“; „лікує“ (598, 8 и 4 сн.)—„лікує“; „дівочний гость“ (602, 2, 4 сн.)—„дивочний гость“ (такая же ошибка отмѣчена М. Кр—ським 605, 2); „Поволи тихо“ (606, 1 сн.)—„поволі, тихо“; „таки вдовенко“ (615, 5)—„таки вдовенко“; „під тином“. (618, 7 сн.)—„під тином“, ; „волости“ (626, 15)—„волости“; „теляти“ (629, 11)—„теляті“; „дияволом“ (635, 19)—„діяволом“; „не много“ (635, 14)—„немного“; „ласкаво“ (625, 5)—„ласково“; „мінutoчку“ (669, 7)—„минуточку“; „Запороже“ (88, 9; 462, 15; 479, 14 сн.; 571, 12)—„Запорожжя“; „лілея“ (166, 15; 166, 1 сн; 167, 1; 168, 14 и 2 сн.; 169, 4; 600, 19)—„лілея“; „в неволі“ (51, 12; 66, 3 сн.)—„в неволі“; „на полі“ (376, 16; 502, 9 сн.)—„на полі“. „земли“ (195, 4 сн.; 240, 1 сн.; 241, 8 сн.; 273, 4; 581, 8 сн.; 592, 4; 610, 17—18; 612, 5; 616, 12 и 8 сн.; 621, 3 сн.)—„землі“; „сирая“ (душа) (578, 1)—„сірая“ (отмѣчено М. Кр—ським на стр. 34, 7 сн.); „колачик“ (520, 5; 648, 14)—„калачик“; „сияти“ (291, 6; 304, 4; 378, 13; 414, 16; 503, 18; 581, 1; 600, 7 и 15 сн.; 602, 10; 607,

6 сн.)—„сіяти“; „збирати“ (209, 6 сн.; 345, 9; 416, 12 сн.; 446, 17; 464, 10; 569, 12 сн.; 604, 8; 619, 8)—„збірати“; „бенкет“ (307, 1 сн.; 308, 16 сн.; 314, 7; 353, 6; 395, 15 и 12 сн.; 399, 2 сн.; 435, 14; 558, 17)—„бенкет“; „шинкарь“ (308, 1; 3 и 13; 435, 8 сн.; 549, 13; 567, 16 сн. и 2 сн., 580, 12; 586, 11 сн.; 654, 4 сн.)—„шинкарь“; „обнимати“ (314, 16 сн.; 324, 9; 348, 9 и 8 сн.; 385, 16; 386, 13; 481, 15 и 3 сн.; 546, 15; 631, 3 сн.; 672, 3 и 1 сн.)—„обнімати“; „приспа“ (414, 14; 423, 21 (на 611, 7 и 6 сн.—правиль-но)—„призыва“; „матери“ (522, 4 сн.; 606, 5 сн.; 608, 4 сн.; 616, 12 сн.)—„матері“; лучше будетъ „братіку“, а не „братику“ (166, 8 сн.; 168, 5 и 10 сн.; 299, 10; 451, 1); „привітати“ (а не привитати) отмѣчено М. Кр—ським лишь на 12, 8 сн., а между тѣмъ это слово (въ транскрипції г. Романчука) встрѣчается въ „Кобзарѣ“ еще 30 разъ, не говоря о нѣсколькихъ случаяхъ „витати“; также слѣдуетъ писать „зіма, зімувати“, а на „зима, зимувати“ (17 мѣстахъ); не лучше ли „у Київі“ вм. „Киеві“? (см. 251, 6 и 10 сн.; 293, 1; 302, 14 и 3 сн.; 370, 5; 421, 12 сн.; 432, 11 сн.; 439, 15; 457, 1; 463, 6 сн.; 498, 3 сн.; 499, 13; 503, 15; 515, 2 сн.; 532, 6; 560, 5; 626, 7). Нѣсколько гипотезъ: „чи то люде нарobili“ (154, 5 сн.)—мож. б. „порobili“; „неначе зна“ (321, 5 сн.)—„наче знає“; „начнемъ же ужe“ (382, 9)—„начнемъ же ouбо“; „I степами“ (432, 16)—„Ta степами“; „i пилиночки“ (436, 3)—„i пилиночці“; „забудучи лихо“ (515, 4)—„забувши про лихо“; „бючи земнi поклони“ (525, 13 сн.)—неправильный размѣръ: м. быть: „бючи земнi поклони“; „та мати дивиться“ (614, 18)—„na мати дивиться“. Въ виду измѣненія размѣра надо начинать съ новой строки въ слѣдующихъ мѣстахъ: 62, 12—15; 95, 13 сн.; 109 12 сн.; 120, 13; 313, 10 сн.; 437, 6 сн.; 479, 2 и 11; 495, 6 сн.; 510, 6 сн.; 521, 15 и 19; 528, 16; 579, 10; 580, 21; 621. 1. Затѣмъ, въ дополненіе къ возраженіямъ г. Романчука противъ нѣкоторыхъ поправокъ М. Кр—ського, можемъ добавить: „світ за очи“ (а не «світ за очи, какъ предлагаетъ М. Кр—ський) встрѣчается у Шевченка еще и на 49, 8 сн.; не зачѣмъ измѣнять „шапки не зніали“ на „ламали“ (161, 6 сн.); то же вѣдь и на 162, 5; 257, 5 сн.; только надо „зніае, одніае, а не „зниае, одніае“ (еще 339, 6; 472, 7 сн.; 493, 12; 517, 2; 521, 10 сн.; 530, 7 сн.; 671, 1; измѣнять „привела“ на „повила“ нѣть оснований, т. к. кромѣ указанныхъ г. Романчукомъ аналогичныхъ случаевъ на 509, 7 сн.; и 510, 6, еще видимъ у Шевченка на 326, 16; 413, 6; 495, 13 сн.; нѣть основанія измѣнять:

„Апостол, син твій“ (593, 13) на „а син твій гордо“, т. к. на 590, 9—8 сн. подчеркнуто: „не неофіт новий, а апостол великого Христового слова“. Въ заключеніе, по адресу уже г. Романчука, добавимъ, что надо писать не „Мотринів“ (682, 3—примітки), а „Мотронів“ и затѣмъ замѣнить на стр. 684, 15 слово „перше“ на „пізнійше“, т. к. у читателя, не галичанина, въ данномъ мѣстѣ является представленіе, совершенно обратное тому, какое должно быть.

Др. Іван Франко.. Святий Климент у Корсуні. Причинки до історії старо-русської легенди (LVI, 145—180),—продолженіе солиднѣйшаго труда почтенаго автора: Глави VIII (Легенди о Херсонесскихъ мученикахъ) и IX (Чудо св. Клиmentа съ мальчикомъ). На основаніи несомнѣнныхъ фактovъ авторъ приходитъ къ выводу, что неизвѣдомый первый авторъ—Корсунянинъ (Хорсунесецъ) всю легенду о Херсонесскихъ мученикахъ сочинилъ; что же касается чуда съ мальчикомъ, то авторомъ его вовсе не былъ Ефремъ Херсонескій, и происхожденіе этой легенды западно-европейское (на югѣ Франції).

Къ этому же отдѣлу надо отнести изъ „Miscellanea“: *Ів. Франка Увага про назvu Палінодія* (LIV, 1—3),—авторъ не соглашается съ толкованіемъ Ол. Сушко (см. его статью „Причинки до студий над текстом Палінодії“) термина „Палінодія“, *В. Гнатюка. Кілька духовних віршів съпіваник з Грушова* (LVI; 25—33),—4 духовныхъ стиха, въ томъ числѣ одинъ польскій, но украинизированный, записанныхъ въ Угорской Руси. *М. Грушевською. Варіанти до „Бойданової молитви“ Шевченка*, з уділеної Ол. Маркевичемъ копії (LIV, 5—6),—варіанты изъ автографа, переданного покойному Маркевичу г-жей Орловой, у которой оказались написанныя собственноручно Шевченкомъ на листкѣ бумаги три его поэзіи: „Не завидуй багатому“, „Не женыся на багатії“ и „Стойть въ сели Суботови“. Въ послѣдней оказалось 9 вариантовъ по сравненію съ изданиемъ, г. Романчука.

Если еще упомянемъ о замѣткѣ: „З історії української молодіжі в Галичині, 1871—1884“—„Історичний очерк розвою товариства“ „Дружній Лихвар“, опісля „Академічне Братство 1871—1885, з передмовою д-ра І. Франка“,—то нами будетъ исчерпано все содержаніе записокъ, не говоря о весьма полномъ обзорѣ исторической литературы въ Россіи и вѣнѣ ея за 1902 годъ, а также окончаніе обзора новыхъ трудовъ по истории славянства (LIV, Наук. Хр., с. 1—36).

В. Доманицкій.

Ruthenische Revue Halbmonatschrift. I. Jahrgang, im Wien. (№ 1—16).

Съ половины мая минувшаго года въ Вѣнѣ началъ выходить два раза въ мѣсяцъ специальный литературный органъ на нѣмецкомъ языке „Ruthenische Revue“, задачей котораго является ознакомленіе Западной Европы съ положеніемъ и национальными стремлѣніями «русинской» націи, понимаемой въ широкомъ смыслѣ. Непродолжительный сравнительно срокъ (всего лишь полгода) наглядно показалъ, что симпатичное начинаніе, во главѣ котораго стоять, какъ издатели, русинскіе послы въ вѣнскомъ рейхстагѣ—Яворскій и д-р. А. Кось, а также известный русинскій литераторъ Романъ Сембратовичъ, встрѣтило всеобщее сочувствіе не только въ Австріи, Германіи, но и далеко за предѣлами этихъ странъ¹⁾), сочувствіе, которое оказывается не только въ духовномъ смыслѣ, но и материальномъ: уже въ сентябрѣ мѣсяца „Ruth. Revue“ имѣло 1250 платныхъ подписчиковъ и 1750 экз. его разсыпалось бесплатно въ библіотеки различныхъ ученыхъ и частныхъ учрежденій Европы, депутатамъ парламентовъ и т. п.

И действительно, просматривая содержаніе журнала въ истекшемъ году, мы не удивляемся тѣмъ, нерѣдко восторженнымъ, отзывамъ (немало приведено ихъ въ послѣднемъ, № 16) ученыхъ, для которыхъ „R. Revue“ явилось какимъ-то откровеніемъ. „R. Revue“ знакомить читателей съ исторіей украинскаго народа, его литературой нового (XIX) периода, даетъ понятіе о современныхъ национальныхъ стремлѣніяхъ, знакомя въ особенности обстоятельно съ проявленіями культурной и политической жизни русинскаго народа въ Галичинѣ, съ выдающимися дѣятелями на разныхъ поприщахъ всей Руси-Украины.

Естественно, что въ органѣ, издаваемомъ въ Австріи галичанами, гдѣ жизнь русинскаго народа течетъ по иному, чѣмъ у насъ, руслу,— замѣтень значительный паревѣсь статей и сообщеній, посвященныхъ Галицкой Руси,—это преимущественно статьи общественно-политического характера; но все же не мало встрѣчаемъ мы здѣсь и статей, специально касающихся насъ, или во всякомъ случаѣ, представляющихъ для насъ общій интересъ съ нашими заграницными собратьями. Въ нижеслѣдующихъ строкахъ мы намѣрены отмѣтить болѣе или менѣе интересныя статьи, нерѣдко дающія материалъ, къ которому придется,

¹⁾ См. напр. отзывы о немъ Бьернштерне-Бьернсона, покойнаго Моммзена, Чемберлена (англійскаго историка) въ „К. Стар.“, 1903, кн. ХІІ, отд. II, стр. 184—186.

обратиться, быть можетъ, не одному изъ изслѣдователей судебъ родного народа.

Сначала отмѣтимъ, въ порядкѣ ихъ появленія, статьи общаго характера и главнымъ образомъ касающіяся Галичина. «Забытая нація» (№ 1) Р. Сембратовича,—характеризуется положеніе малорусскаго народа въ Россіи; «Современное политическое положеніе галицкихъ русиновъ» (№ 1);—д-ра Андрея Коса «Культурныя стремления русиновъ въ Галичинѣ» (№ 2 и 3)—Ю. Романчука «Русинско-румынскій споръ за преобладаніе» (къ положенію русиновъ въ Буковинѣ (№ 2)—д-ра И. Немирича; «Къ галицкому намѣстническому кризису» (№ 2)—Романа Сембратовича; «Польскій национальный праздникъ» (№ 3)—д-ра А. Коса,—по поводу польского народнаго съѣзда; «Полонизация восточной Галиціи на правительственный счетъ» (№ 3) В. Будзиновскаго; «Историческая миссія гр. Потоцкаго» (теперешняго намѣстника Галичина), (№ 4),—Р. Сембратовича; «Среднія школы въ Галичинѣ» (№ 4),—І. Сухована; «Русинскій национальный праздникъ въ Буковинѣ» (№ 5 и 6) Гракуса,—по поводу всенароднаго вѣча въ Буковинѣ; «Гасители культуры—шляхтичи и ихъ помощники» (№ 5)—Будзиновскаго; «Украинцы въ Россіи, и Австрія» (№ 6) А. К.,—корреспонденція изъ Петербурга; «Русины въ Америкѣ и римская курія» (№ 6) М. Кичуры; «Нѣмецкая гимназія въ Бродахъ» (№ 6)—М. Бардаха; «Письмо изъ Парижа о націонализмѣ и интернаціонализмѣ» (№ 7),—перепечатка изъ L' Europ  en; «Замѣчательные выборы въ сеймъ въ Буковинѣ» (№ 7),—Озирного; и о томъ же (въ № 10) с. Беяна); «Русинскій клиръ и ультрамонтанство» (№ 7 и 10),—греко-католич. священниковъ; «Русинскія общества «Січ» (№ 8), Кл. Обуха; «Русскій панславизмъ и западная Европа» (№ 9),—Р. Сембратовича; «Національный праздникъ въ Полтавѣ» (письмо изъ Россіи) (№ 9),—подробности о празднованіи открытия памятника И. П. Котляревскому; «Украинскій национальный праздникъ въ Полтавѣ» (№ 10), І. Кащенка,—статья, дополняющая нѣкоторыми подробностями предыдущее сообщеніе; «Вина центрального правительства въ безправномъ положеніи галицкихъ школьн.» (№ 10), Р. Сембратовича: «Борьба за про-свѣщеніе» (№ 12), Р. Сембратовича,—къ вопросу о русинскомъ университѣтѣ; «Отолоски украинскаго національного праздника въ Полтавѣ» (№ 12). И. Энтеля,—сообщеніе о намѣреніи полтавскихъ гласныхъ обжаловать въ Сенатъ постановленіе о недозволеніи читать адреса по украински; «Русинскія школы и учителя въ Буковинѣ» (№ 14), И. К.,

«Средства и способы, какъ австрійскихъ русиновъ не допустить въ среднія школы» (№ 15),—д-ра М. Харківа; „Pacta conventa“ (№ 14) и «На європейскій форумъ» (№ 16)—Р. Сембраторовича,—о политическомъ положеніи русиновъ; «Alma mater Leopolensis—какъ мачеха» (№ 16) Яволенуса; «Славянская солидарность—пустая фраза» (№ 16) М. Кичуры.

Специально историческихъ статей помѣщено было три: «Русь» (Россія—Русины) (№ 1), Сергія Подоленка,---«Могилянскal высшая школа въ Кіевѣ» (№ 6), М. Кичуры,—въ подтвержденіе той мысли, что заявленіе требованій въ настоящее время русинами имѣть самостоятельный университетъ вовсе не является продуктомъ XIX вѣка, такъ какъ русины уже въ XVII в. имѣли свое высшее учебное заведеніе; «Історія змâнисипаціонныхъ стремлений русинскаго (украинскаго) народа» (№ 14—16), С. Федоренка,—изложены: начало русскаго (южно-русскаго) государства и татарское владычество, унія съ поляками и послѣдствія ея, начало украинскаго козачества (довольно обстоятельно и вполнѣ научно). Вкратцѣ общій очеркъ исторіи украинскаго народа встрѣчаемъ также въ статьѣ Р. Сембраторовича «Забытая нація» (№ 1).

Немало статей находимъ по исторіи литературы: литературныхъ характеристикахъ, критическихъ статей, переводовъ художественныхъ произведеній украинскихъ писателей, некрологовъ.

Прежде всего о Шевченкѣ. Довольно обстоятельную статью, въ которой отмѣчены особенности поэзіи Шевченка, подъ заглавиемъ «Украина и Шевченко» (№ 5 и 8) помѣстилъ И. Брыкъ; И. Франко далъ небольшую статью: «Тарасъ Шевченко и его «Заловитъ» (№ 1), гдѣ, разсказавъ біографію поэта, помѣстилъ свой прекрасный переводъ «Заловита» и «На смерть Шевченка» Некрасова. Для образца приводимъ начало перевода «Заловитъ»:

„Wenn ich sterbe, so bestattet
Mich auf eines Kurhans Zinne
Mitten in der breiten Steppe
Der gelibten Ukraine,—
Dass ich grenzenlose Felder
Und den Dnipro und seine Schnellen
Sehen kann, und horen möge
Das gebraus der grossen Wallen.

Кромъ того Сергіемъ Шпойнаровскимъ (въ № 6) переведены:
«Тече ричка невелычка»

Fliest ins blaue Meer das Wasser,
Ohne auszufließen.

Nach dem Glück jagt der Kozake,
Muss das Glück vermissen.

«Мынают дни, мынают ночи»:

„Die Tage, Nächte geh'n vorüber,
Die Sommerszeit ist auch schon um,
Das Laub wird gelb, das Auge trüber,
Es schläft das Herz, das Lied wird stumm...;

и (въ № 11) Ив. Франкомъ: «И небо невмыте, и заспани хвыли», и Сергіемъ Шпойнаровскимъ превосходно переведенъ «Садокъ вышневый коло хаты»:

„Beim Haüschen steht ein Weichselgarten,
D'rin schwärmen Käfer um die Baum'.
Mit Pflügen Männer kehren heim,
Die Mädchen singend; Mutter warten
Schon mit den Abendmahl daheim.

О Котляревскомъ въ статьѣ «На тернистомъ пути» (№ 9) говорить М. Кичура. *Марку Вовику* посвятила небольшую статью Ольга Кобылянская (№ 3) и дала переводъ двухъ рассказовъ: „Два сыны“ (№ 3) и „Максымъ Гrimачъ“ (№ 4).

Изъ произведеній *Франка* помѣщены (№ 6) др. Карломъ Бадеромъ переводъ его „Гимна“:

„Вічний революціонер
Дух, що тіло рве до бою“, и

„Земле, всіх маты“; *Лесь Українкъ* посвящена (№ 14 и 15) довольно обширная статья В. Чапельского и дань Ольгой Кобылянской (№ 9 и 10) переводъ „Писни безъ сливъ“; *Грабовскому*—статья Мелетія Кичуры (№№ 12 и 13) и переводъ трехъ стихотвореній (въ № 14) его же; *Кобрынська* тоже представлена (№№ 13 и 14) въ переводѣ.

Ольги Кобылянской; изъ Кобылянской— „Похора“, „Жебрачка“ (№ 1), въ переводѣ Клементины Ганкевичъ, и „За Готарь“ (изъ „Кіевской Старины“); Стефаныку посвящена статья Богдана Лепкого (№ 11), быть можетъ слишкомъ уже превозносящая несомнѣнно талантливаго писателя: мы имѣемъ въ виду его слова, что „послѣ Марка Вовчка ни одинъ украинскій писатель не пользовался большимъ вниманіемъ и симпатіями, какъ Василь Стефаныкъ“ (стр. 264); это весьма возможно, что справедливо по отношенію къ Галичинѣ и вообще Западной Европѣ, гдѣ переводы его произведеній пользуются огромнымъ успѣхомъ. Кромѣ того изъ Стефаника переведены: „Сама одна“ (№ 2) и „Лист“ (№ 5) перев. Ольги Кобылянской, и „Зіялі листочки“ (№ 7)—пер. Илії Шоповича; изъ Олени Пчилки переведена (Соловіа пісня“ (№ 11 и 12)—пер. Ольги Кобылянской; изъ Семанюка „Святый Микола у гарти (аренти)“ (№ 6) и „Божий дар“ (№ 8),—пер. Ирены Коралевичъ. Далѣе, статья Манастирского „Русинская кровь“ (№ 4),—оцѣнка произведеній Вебера-Лушкова изъ украинской жизни (его „Geschichte aus Kleirrussland“); помѣщены некрологи Корнила Устяновича (№ 7),—и Исидора Воробкевича (№ 10) М. Кичуры.

Исторія украинской музыки, и въ частности М. В. Лисенку (по поводу его 35-лѣтнаго юбилея), посвящена поучительная статья проф. Вахнянина „Къ исторіи украинской музыки“ (№ 15): излагается исторія ея, начиная съ княжеской эпохи. Въ статьѣ помѣщенъ прекрасный портретъ юбиляра.

Наконецъ, украинскому *театру* посвящена статья В. Чапельскаго „Украинскій театръ и Михаилъ Старицкій“ (№ 16),—излагается вкратцѣ исторія украинскаго театра и затѣмъ говорится о дѣятельности М. П. Старицкаго, какъ драматурга.

Мы исчерпали въ нашемъ бѣгломъ обзорѣ все важнѣйшее, что помѣщено было въ „Ruthenische Revue“ за минувшій годъ, и надѣемся, что одного перечисленія статей достаточно для того, чтобы дѣятельность почтенныхъ издателей признать заслуживающей полного уваженія.

В. А.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 1 и 2; 2) Русская Старина, № 1 и 2; 3) Историч.

Вѣстн., № 1 и 2; 4) Всемірный Вѣстн., № 1; 5) Журн. Мин. Нар. Просв., № 1 и 2; 6) Міръ Божій, № 1 и 2; 7) Русскій Вѣстникъ, 1 и 2; 8) Вѣстникъ Европы, № 1 и 2; 9) Русская Мысль, № 1 и 2; 10) Труды Кіев. Дух. Акад., № 1 и 2; 11) Учен. Зап. Имп. Казан. Унів., № 1 и 2; 12) Книжки Восхода, № 1.

Русская Старина, № 1 и 2.

Цензура въ царствование императора Николая I. Сообщены интересныя разногласія между киевскимъ цензурнымъ комитетомъ и предсѣдателемъ временної комиссіи для разбора древнихъ актовъ по поводу изданія *Лѣтописи Грабянки* въ 1853 г. Цензоръ Мацкевичъ требовалъ исключенія изъ текста нѣкоторыхъ мѣсть, гдѣ, по его мнѣнію, высказывалось явное пристрастіе къ малороссійской национальности; предсѣдатель-же комиссіи полагалъ, что подвиги Хмельницкаго такъ велики, что похвалы его личности не могутъ быть излишними. Главное управлѣніе печати, руководствуясь секретнымъ Высочайшимъ повелѣніемъ о томъ, чтобы писатели разсуждали сколь возможно осторожнѣе тамъ, гдѣ идетъ дѣло о народности или языке Малороссіи, не давалъ перевѣса любви къ родинѣ надъ любовью къ отечеству,—исключиль нѣкоторыя мѣста изъ лѣтописи Грабянки. (№ 2, стр. 441—442).

Історический Вѣстникъ, № 1 и 2.

Въ отдѣлѣ «Критика и бібліографія» помѣщены отзывы о слѣдующихъ книгахъ: 1) *B. Нарбековъ. «Южно-русское религіозное искусство XVII—XVIII в. Казань 1903 г.»* (№ 1, стр. 310—311); 2) *I. A. Максименко. «Сеймы Литовско-русского государства до Люблинской унії 1569 года. Харьковъ 1903 г.»* (№ 1 стр. 315—316); Членія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. 17-ая, вып. 1 и 2. (№ 2, стр. 757—758).

Русская Мысль, № 1 и 2.

C. Д. К-а. Какъ примѣняется въ черниговской губерніи 107 ст. положенія о земскихъ учрежденіяхъ. (№ 1, стр. 110—130). Здѣсь разсмотрѣны факты, бывшия въ теченіе яѣсколькихъ лѣтъ въ жизни черниговскаго земства, когда лица, избиравшіяся или приглашавшіяся на службу въ земство, не были своевременно утверждаемы чернигов-

скимъ губернаторомъ, которому предоставляется право изъявлять свое согласие или несогласіе на опредѣленіе на службу даннаго лица въ теченіе двухнедѣльного срока. На самомъ дѣлѣ оказывается, что такой отвѣтъ отъ губернатора получается только въ рѣдкихъ слукаяхъ въ узаконенный срокъ; въ большинствѣ же случаевъ дѣло затягивается на мѣсяцы и даже годы. Это и подало поводъ черниговскому губернскому земскому собранію подать жалобу въ сенатъ о неправильномъ примѣненіи черниговскимъ губернаторомъ 107 ст. положенія о земскихъ учрежденіяхъ.

B. Лесевичъ. Евгений Павлович Гребенка (Опытъ характеристики) (№ 1, стр. 131—156; № 2, стр. 29—43) Авторъ статьи, отмѣчая тотъ фактъ, что у насъ въ теченіе полу столѣтія со дня смерти Гребенки (1848 г.) не было сдѣлано надлежащей оцѣнки его литературной дѣятельности, устанавливаетъ теперь иные взгляды какъ на личность писателя, такъ и на его значеніе въ литературѣ. Выводы автора крайне неблагопріятны для Греѣнки, т. к. послѣдняго онъ считаетъ только литературнымъ ремесленникомъ.

Въ библиографическомъ отдѣлѣ даны отзывы о слѣдующихъ книгахъ; 1) *T. Г. Шевченко. Переводы изъ «Кобзаря» С. П. Дремпрова. Вып. I. (№ 1, стр. 1); 2) L. С. Лихковъ. Новые течения въ сервитутномъ правѣ.*

Русскій Вѣстникъ, № 1 и 2.

L. Николаевъ. Политическая движенія въ Галиции (№ 1, стр. 155—175). Въ статьѣ этой передана исторія агитационнаго движенія польской партии въ Галичинѣ, начиная съ конца 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, для того, чтобы создать изъ русиновъ враждебный Россіи элементъ путемъ прививки имъ сознанія народной отдѣльности отъ великоруссовъ. Конечно, вся исторія этой польской агитации не-рассказана авторомъ съ своеобразной характеристикой двухъ основныхъ русинскихъ партій въ Галичинѣ—старорусской и народовской.

Въ отд. «Библиографія» помѣщенъ отзывъ о книгѣ *A. A. Сидорова «Польское восстание 1863 года»*, (№ 2, стр. 777—781).

Труды Кіев. Духов Акад., № 1 и 2.

Ѳ. Т. Къ вопросу о значеніи Кіевской Академіи для православія и русской народности въ XVI—XVIII вв. (№ 1, стр. 59—100). Это

есть окончаніе статьи, первая половина которой напечатана была въ № 11-мъ прошлаго года и сущность содержанія которой нами отмѣчена уже была въ № 1-мъ текущаго года (см. «Обзоръ журналовъ», стр. 42).

Д. Вишневскій. Направленіе образованія въ Киевской Академіи въ первой половинѣ 18 стол. (№ 2, стр. 276—285). Это та-же самая рѣчь, сказанная передъ защитой диссертациіи, которая передана была авторомъ и намъ для напечатанія (см. № 2-ой).

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ“

2-я серія.—Популярно-научн., литературн., художествен. и экономическое изд.—въ теч. 1904 г.

20 книжекъ съ иллюстраціями 3 рубля.

Будучи изданіемъ прогрессивно-просвѣтительнымъ, „В. Общ. Жизни“ въ рядѣ статей будеть отстаивать справедливые и законные интересы трудящихся массъ. Знакомя читателей съ современными течениями обще-русской и европейской жизни въ области науки, искусства и литературы, «В. О. Ж.» особенное вниманіе будуть удѣлять краевымъ вопросамъ Новороссіи, а также вопросамъ: европейскому, польскому и малорусскому, требующимъ на нашемъ разноцеменномъ Югѣ постоянного и объективного отклика. Въ „Вопросахъ Общественной Жизни“ будуть помѣщаться также романы, повѣсти и рассказы, оригинальные и переводные.

Подписьная цѣна за 20 книгъ съ иллюстраціями 3 рубля.

(за пересылку иногородніе доплачив. 50 коп.)

Разсрочка отъ 1 руб.

Всѣ подпісчики „Вопросовъ Общественной Жизни“ могутъ получать за 1 руб. 50 коп. (городскіе) и за 2 руб. (иногородніе), съ доставкой и пересылкой, собраніе сочиненій величайшаго англійскаго поэта

л о р д а В а й р о н а

(автора „Чайльдъ-Гарольда“ и „Донъ-Жуана“) въ роскошномъ пеперелѣтѣ.

Подпись принимается: 1) въ гл. конторѣ „Вопросовъ Общественной Жизни“, Одесса, Ришельевская, 12, при книжномъ магазинѣ „Образованіе“; 2) во всѣхъ книжныхъ магазинахъ (коммисія 50 коп. съ полнаго экземпляра).

Адресъ редакціи „В. О. Ж.“: Одесса, Канатная, 84.

Завѣдующиій редакціей и дѣлами изданія **Н. С. Рашковский.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1904 годъ

на ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни

„КІЕВСКАЯ ГАЗЕТА“

(V-й годъ издания).

Съ еженедѣльными иллюстрированными литературными приложеніями.

«Кіевская Газета» вступаетъ въ пятый годъ издания. Мы не имѣемъ надобности распространяться предъ читателями о нашихъ задачахъ и цѣляхъ: мы полагаемъ, что въ теченіе 4-хъ лѣтъ характеръ и физіономія «Кіевской Газеты» выяснились въ достаточной степени. Поэтому мы ограничимся заявленіемъ, что принципы и убѣжденія, которыми мы руководствовались до сихъ поръ и которые, какъ мы видѣли, находили живой откликъ среди нашихъ читателей, будутъ и на дальнѣйшее время служить для насъ руководящей нитью. Упомянемъ еще разъ то, о чёмъ намъ неоднократно уже случалось говорить: одинъ изъ основныхъ принциповъ «Кіевской Газеты»—не довольствоваться тѣмъ, что уже достигнуто, не останавливаться, но, чутко прислушиваясь къ запросамъ публики, идти навстрѣчу имъ, идти впередъ по пути постоянного развитія и улучшенія дѣла, по тому пути, по которому наша газета шла до сихъ поръ. Только такимъ образомъ Редакція надѣется удовлетворить своихъ читателей. Съ этой цѣлью «Кіевская Газета» предприняла на первыхъ порахъ въ новомъ году слѣдующія главныя реформы.

Желая доставить читателямъ возможно скорыя и вѣрныя свѣдѣнія, Редакція постаралась заручиться собственными корреспондентами въ наиболѣе крупныхъ городахъ Западной Европы и Россіи. Пользуясь услугами послѣднихъ, Редакція имѣть возможность сообщать, своимъ читателямъ посредствомъ корреспонденцій и телеграммъ всѣ важнѣйшія новости по внутреннимъ вопросамъ: законодательнымъ, административнымъ, экономическимъ, финансовымъ и проч.

Сообщенія изъ столицъ доставляются намъ теперь специальными столичными корреспондентами и потому приходятъ 1-2 днями скорѣе, чѣмъ въ прежнее время. Сообщенія эти печатаются въ «Кіевской Газетѣ» ежедневно подъ рубрикой «Столичныя вѣсти».

Въ виду крайней неполноты и несвоевременности сообщеній «Россійск. Телеграфи. Агенства», Редакція вошла въ сношеніе съ ново-организованнымъ при министерствѣ финансовъ «Торгово-Телеграфнымъ Агенствомъ», телеграммы которого отнынѣ регулярно будуть помѣщаться въ «Кіевской Газетѣ» и, такимъ образомъ, читатели своевременно будутъ оповѣщены о всѣхъ выдающихся событияхъ какъ внутренней жизни Россіи, такъ и заграничной. Кромѣ того, въ «Кіевской Газетѣ» будутъ ежедневно печататься котировки С.-Петербургской биржи по телеграфнымъ сообщеніямъ Торгово-Телеграфнаго Агенства.

Выписанная нами ротационная машина, печатая до 12 тыс. экземпляровъ въ часъ, даетъ возможность намъ своевременно выпу-

скать газету и помѣщать въ ней тѣ новости и телеграммы, которыя получаются даже поздней ночью.

Имѣя въ виду дать читателямъ беллетристической материаль для чтенія, Редакція рѣшила выпускать особый литературный приложеніе къ «Кievской Газетѣ», въ которыхъ будуть помѣщаться стихотворенія, очерки, разсказы, какъ оригинальные, такъ и переводные; а также очеркіи русской и заграничной жизни. Кроме того, въ приложеніяхъ будуть помѣщаться рисунки, касающіеся современнымъ событій, и портреты выдающихся дѣятелей. Приложенія будутъ выпускаться еженедѣльно, съ особымъ счетомъ страницъ. Изъ нихъ составится за годъ полный экземпляръ иллюстрацій въ 52 тетради.

Такимъ образомъ въ 1904 году каждый подписчикъ «Кievской Газеты» получитъ: 1) Ежедневную газету политики, литературы и общественной жизни въ форматѣ большихъ столичныхъ газетъ. 2) 52 №№ Еженедѣльныхъ иллюстрированныхъ литературно-художественныхъ приложенийъ.

Стремясь постоянно расширять кругъ своихъ сотрудниковъ, редакція пригласила къ участію въ газетѣ новыхъ лицъ. Въ 1904 г. въ «Кievской Газетѣ» будутъ принимать постоянное участіе слѣдующіе извѣстные столичные литераторы и журналисты: А. В. Амфитровъ (И. Л. Иксъ), К. С. Баранцевичъ, Н. В. Быковъ, П. И. Вейнбергъ, М. В. Крестовская, В. С. Лихачевъ, Lolo (J. Г. Мунштейнъ), М. А. Лохвицкая, А. А. Луговой (Тихоновъ), Ф. Ф. Тризонеръ (Мечтатель), Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

Въ 1904 году всѣ подписчики «Кievской Газеты» будутъ по-прежнему пользоваться правомъ получать въ театръ «Соловцовъ» на спектакли драматической труппы М. М. Глѣбовой билеты по значительно уменьшеннымъ цѣнамъ,—разъ въ недѣлю, въ дни, указанные дирекціей театра.

Условія подписки сть доставкою и пересылкой: на годъ 9 р., на 9 мѣс. 7 р. 10 к., на 6 мѣс. 5 р., на 3 мѣс. 2 р. 70 к., на 1 мѣс. 1 р. Безъ доставки: на годъ 8 р., на 9 мѣс. 6 р. 20 к., на 6 мѣс. 4 р. 40 к., на 3 мѣс. 2 р. 40 к., на 1 мѣс. 90 коп.

Годовые подписчики, желающие воспользоваться разсрочкой, вносятъ: при подпискѣ 3 р., къ 1-му апрѣля 3 р. и къ 1-му іюля 3 р. Подписка на 1904 годъ и объявленія принимаются: 1) въ Главной Конторѣ и 2) въ книжныхъ магазинахъ и кiosкахъ. Заграничные подписчики къ подписной цѣнѣ приплачиваются за каждый мѣсяцъ по 60 коп. За первомѣсячную адреса 40 коп., причемъ необходимо сообщать заблаговременно прежний и новый адресы. О каждой перемѣнѣ адреса просятъ сообщать отдельно. Подписываться можно на всѣ сроки не иначе, какъ съ 1-го числа каждого мѣсяца и не далѣе, какъ до конца года.

Адресъ Главной Конторы и Редакціи: Киевъ, Владимірская ул., № 34. Телефонъ № 1276.

Издатели: С. Я. Бодановъ, А. Ф. Френкель. Редакторъ А. Ф. Френкель.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

о подпискѣ въ новомъ 1904 г. на двухнедѣльный полемико-
апологетический журналъ

МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНИЕ.

20 книгъ журнала и 2 книги приложений за 6 руб.

Адресъ редакціи СПб. Невскій, д. 153.

Въ новомъ 1904 году МИССИОНЕР. ОБОЗРѢНИЕ вступаетъ въ IX годъ изданія. Журналъ будетъ выходить по примѣру прошлаго года за прежнюю цѣну *шесть* руб. двухнедѣльными выпусками, въ объемѣ отъ 8—12 и болѣе печатныхъ листовъ (за исключеніемъ пасхальныхъ и лѣтнихъ ваканцій, когда журналъ выйдетъ по одной книжкѣ въ мѣсяцъ), всего въ теченіи года дано будетъ подписчикамъ 20 книжекъ.

При этомъ МИССИОНЕРСКАЯ ПРОПОВѢДИ, въ огражденіе православныхъ чадъ Церкви отъ лжеученій расколосектантства, будутъ печататься при книжкахъ журнала особымъ счетомъ страницъ, такъ что въ концѣ года составятъ цѣлый сборникъ. Въ первыхъ книжкахъ журнала будутъ помѣщены бесѣды свящ. *Софітова* въ обличеніе хлыстовства и свящ. *С. Болдановича* въ обличеніе толстовства и штундизма. Будутъ также печататься и проповѣди, касающіяся заблужденій раскола.

Вместо проповѣдей на воскресные и праздничные дни, обычно печатавшихся въ истекшія 8 лѣтъ, въ новомъ 1904 г., высланъ будетъ съ первой книжкой журнала *сборникъ проповѣдей на всевозможные случаи изъ пастырской практики*, составленный свящ. Брюковскимъ изъ произведеній лучшихъ проповѣдниковъ отечественной Церкви, примѣненныхъ (черезъ сокращеніе и измѣненіе) къ потребностямъ современной народно-церковной каѳедры.

Подписка принимается въ редакціи „Миссионерское Обозрѣніе“, Спб. Невскій пр., 153 кв. 10; въ Москвѣ въ Синодальной типографії, а также въ извѣстныхъ магазинахъ во всѣхъ городахъ. Подписная цѣна 6 руб за границу 8 руб.

Для бѣдныхъ причтовъ и церквей допускается разсрочка въ платежѣ подписной цѣны съ тѣмъ, чтобы первый взносъ 3 р. сдѣланъ былъ при подпискѣ, а вторые 3 р. высланы были къ Св. Пасхѣ.

Редакторъ-издатель *B. M. Скворцовъ.*

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1904 ГОДЪ
(ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ)
НА ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ
РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Вышла февральская (вторая) книга.

Содержаніе: Высочайшій Манифестъ.

I) Разладъ—*П. Д. Боборыкина*. Прод. П. Іѣста Берлингъ. Перев. со швед.—*М. П. Благовѣщенской*. Прод. Ш. Идеалистъ.—*Е. М. Милициной*. VI. Вокругъ своей оси.—*Н. И. Тимковскаго*. V. Недошедшія письма.—*Н. К.* Прод. IV. Стих.—*П. Н. Гайдебурова*. VII. Назрѣвшіе вопросы.—*В. Я. Канель*. VIII. Крестьянскія шахты и работа въ нихъ.—*Р. III*. IX. Евгеній Пав. Гребенка.—*В. В. Лесевича*. X. Расширение области нашихъ чувствен. воспріятій. Пер. К. Т. XI. Государство, церковь и школа во Франціи.—*Л. Борисовича*. XII. Графъ М. А. Корфъ и земская реформа 1864 г.—*Н. Н. Авинова*. XIII. Одна изъ очередныхъ задачъ современного русскаго О-ва.—*Василія Сторожевага*.—XVI. Мелкій кредитъ въ трудахъ комитетовъ о нуждахъ сельско-хоз. промышленности.—*М. Я. Герценштейна*. Перев. XV. По берегамъ Кореи.—*В. В. Корсакова*. XVI. Грибоѣдовъ и Чацкій.—*В. В. Каллаша*. Оконч. XVII. Журн. обозрѣніе. XVIII. Внутр. Обозр. XIX. Иностранный Обозр. В. А. I'. XX. Совр. Искусство. Ю. А. XXI. Библіографія. XXII. Объявленія.

Ближайшее участіе въ редакціи принимаютъ В. А. Гольцевъ, А. П. Чеховъ и А. А. Кизеветтеръ.

Подп. цѣна съ дост. и 12 м.	9 м.	6 м.	3 м.	1 м.	
перес. во всѣ мѣста Рос.	12 р.	9 р.	6 р.	3 р.	1 р.
За границу	14 р.	10 р. 50 к.	7 р.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к..

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апр., 1-го іюля, 1-го октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ к-ру или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльного номера съ перес. 1 р. 30 к. книгопродающимъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ полнаго годового.

экземпляра. Подписка въ разсрочку отъ книгопрѣдавцевъ не принимается. Подписка принимается: въ Москвѣ, въ к-рѣ журнала, Ваганьковскій пер. д. Куманина; въ Сиб., въ кн. маг. Н. П. Карбасникова въ Кіевѣ, въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина; въ Варшавѣ, въ Вильнѣ въ кн. маг. Н. П. Карбасникова; въ Церми, въ земскомъ центральномъ книжномъ складѣ. Всѣ изданія ред. «Русской Мысли» находятся на складѣ при типографіи Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°.

Редакторъ-Издатель *В. М. Лавровъ.*

„ВЪСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

КНИГА 2-я.—ФЕВРАЛЬ, 1904.

I.—*Благенныи Августинъ* въ борѣбѣ съ язычниками.—II.—**В. И. Герье.**—III.—*Братъя*—Повѣсть.—VII—XI.—**П. Д. Воборыкина.**—III.—*Изъ Америки въ Японію.*—IV.—*Іокогама;* Токіо; Кобі; Японское Средиземное море.—V.—Опять Нагасаки.—Окончаніе.—**О. И. Кнорринга.**—IV.—*Самобытность или отсталость?*—Этюдъ.—**Григ. Ал. Евреинова.**—V.—*Въ избранномъ обществѣ.*—Повѣсть.—II.—Окончаніе.—**Л. Авиловой.**—VI.—*А. Н. Радищевъ.*—Очеркъ.—I-IV.—**М. Туманова.**—VII.—*Стихотвореніе.*—Побѣги.—**В. Уманова-Каплуновскаго.**—VIII.—«*Союзъ душъ*».---„Souls“. A Comedy of intentions, by „Rita“.—X-XX.—Съ англ. **З. В.**—IX.—*Новѣйшие противники общины.*—**Л. З Слонимскаго.**—X.—*Хроника.*—*Внутреннее обозрѣніе.*—Именной Высочайшій указъ 8-го января и очеркъ работы редакціонной комиссіи по пересмотру постановленій о крестьянахъ.—Кодификація, проектируемая ею.—Возможность другого исхода.—Отзывы печати о составѣ губернскихъ совѣщаній.—Предоставленіе министру внутреннихъ дѣлъ и тверскому губернатору особыхъ полномочій по отношенію къ тверскому земству.—XI.—*По вопросу объ организациіи общественнаго призрѣнія виѣбрачныхъ дѣтей и сиротъ.*—**Д. И. Орлова.**—XII.—*Иностранные обозрѣнія.*—Положеніе дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ.—Односторонность газетныхъ свѣдѣній и телеграммъ.—Особенности русско-японского кризиса.—Политическая дѣла въ Германіи: прусское офицерство и возстаніе противъ нѣмцевъ въ южной Африкѣ. - Успѣхи Чемберлена въ Англіи.—Гербертъ Спенсеръ и Японія.—XIII.—*Литературное обозрѣніе.*—I. Собраніе сочиненій

Н. И. Костомарова, книга первая.—П. Е. Шмурло. Собрание документов къ исторіи царствованія Петра В.—Ш. Архивъ граф. Мордвиновыхъ, т. VII-X.—IV. Исторія Кавалергардовъ, томы II и III. С. Панчулидзева.—А. П.—V. В. Ф. Бояновскій, кн. Н. Д. Урусовъ и Ст. Сухановъ—о Леонидѣ Андреевѣ.—VI. А. И. Герценъ, его друзья и знакомые, В. П. Батурина.—VII. Бѣлоруссы, П. Ф. Карского.—VIII. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ I. И. Иллюстрова.—IX. Царь Иоаннъ Грозный, историческая хроника, Л. Жданова.—Евг. Л.—Мелкая земская единица, сборникъ статей, вып. 2.—М. Г-анъ.—Новые книги и брошюры.—XIV.—Замѣтка.—По поводу выставки «Дѣтскій міръ».—В. Ф. Адлера.—XV.—*Новости иностранной литературы*.—Frank Wedekind, „Erdgeist“, Drama.—З. В.—XVI.—*Изъ общественной хроники*.—Первый засѣданія новой спб. городской Думы.—Организація группъ, выразившася въ выборахъ.—Увеличеніе содержанія городскимъ должностнымъ лицамъ.—Вопросъ о партійной дисциплинѣ.—„Харьковскія Губернскія Вѣдомости“ и харьковская городская Дума.—Инцидентъ въ Севастополѣ.—Изъ міра печати.—XVII.—*Извѣщеніе*.—Отъ Врачебно-Педагогического Института для отсталыхъ и неуспѣвающихъ дѣтей.—XVIII.—*Библиографический листокъ*.—Собрание сочиненій Н. И. Костомарова, т. I.—Ив. Стражовскій, Крестьянская права и учрежденія.—К. Каутскій, Торговые договоры и торговая политика.—Полное собраніе сочиненій А. Н. Островскаго, т. I.—И. Н. Потапенко, Сочиненія, т. I.—Полное собраніе сочиненій Г. Ибсена, т. V.—XIX.—*Объявленія*.—I-IV.

ПОДПИСКА НА 1904-Й ГОДЪ.

(Тридцать-девятый годъ).

Контора журнала: С.-Петербургъ, В. О., 5 лин., 28.

Безъ доставки: на годъ: 15 р. 50 к., на полгода: 7 р. 75 к., на четверть года: 3 р. 90 к. Съ дост. въ Спб. на годъ: 16 р., на полгода: 8 р., на четверть года: 4 р. Съ пересылкою на годъ: 17 р., на полгода: 9 р. 8 р., на четверть года: 5, 4, 4, 4 р. За границей на годъ: 19 р., на полгода: 10 р., на четверть года: 9 р., 5, 5, 4, 4 р.

Издатель и ответственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ. Спб., Галерная, 20.

Ж У Р Н А Л Ъ

„Труды Киевской Духовной Академіи“

въ 1904 году

(годъ изданія сорокъ пятый)

имѣеть выходить по прежней программѣ.

Въ немъ печатаются статьи по всѣмъ отраслямъ наукъ, преподаваемыхъ въ Духовной Академіи, по предметамъ общезанимательныя и по изложению доступныя большинству читателей, а также *переводы твореній блаж. Геронима и блаж. Августина*, которые, въ отдѣльныхъ оттискахъ, будутъ служить продолженiemъ изданія подъ общимъ названіемъ «*Библіотека твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ*».

Къ январю 1904 г. выходитъ на свѣтъ 17-я часть Твореній бл. Геронима въ русскомъ переводѣ (толкованія на посланія къ Галатамъ и Ефесянамъ).

Указомъ Св. Синода отъ 3/29 февр. 1884 г. подписка какъ на «Труды», такъ и на «Библіотеку св. отцевъ и учителей ц. западныхъ» рекомендована для духовныхъ семинарій, штатныхъ мужскихъ монастырей, каѳедральныхъ соборовъ и болѣе достаточныхъ приходскихъ церквей.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА 84-ГО:

январь, февраль, мартъ. 1904 г.

Книга первая—январь.

Отдѣлъ I.

I. ПРИХОДСКИЯ НІКОЛЫ ВЪ СТАРОЙ МАЛОРОССІИ И ПРИЧИНЫ ИХЪ УНИЧТОЖЕНИЯ. <i>И. Ф. Павловскаго</i>	1—40
II. КАКАЯ РОЛЬ „ВОЗЬНОГО“ ВЪ „НАТАЛКЪ-ПОЛ- ТАВКЪ“? <i>А. Русова</i>	41—64
III. ОМЕЛЬКО НАЦЮКЪ НА КУРОРТІ. (Оповидання). <i>Богдана Степанця</i>	65—122
IV. ПОЭЗІЯ Н. Ф. ЧЕРНЯВСКАГО. <i>Н. Ф. С.</i>	123—134
V. СЕJO КУРЕНЬ И ЕГО СТАРИНА. Діакона <i>П. Егорова</i> .	135—140
VI. ТОРЖЕСТВО УКРАИНСКОЙ ПІСНІ. <i>С. Ефремова</i> .	141—155

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Просьба подполковника Чугачевского о перемѣнѣ его фамиліи. Сообщ. <i>И. Ф. Павловскій</i> ; б) Современная переписка о землетрясеніи въ Малороссіи 14 окт. 1802 года. Сообщ. <i>И. Ф. Павловскій</i> ; в) Два письма гр. Румянцева-Заду- найского къ кіевскому оберъ-команданту Я. В. Ельчан- никову; г) Изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. <i>А. Мѣрдер</i> ; д) Музей И. П. Котляревскаго; е) Письмо въ редакцію <i>Д. П. Эварніцкаго</i> ; ж) Колядки. Сообщ. <i>А. Греначевскій</i> ; з) Къ юбилею Н. В. Лисенка	1—14
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТИЯ	14—26
II. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Отчетъ „Благотворительного Об- щества изданія общеполезныхъ и дешевыхъ книгъ“. <i>В. Поточнаго</i> ; б) Підеша. Восток і Запад. Повість. <i>В.</i>	

Д.; в) 1. Григорій Цеглинський. Кара совісти. Народня драма въ 5 діяхъ, и 2. Олексея Бобикевича. „Настоящі“. Комедія въ одній дії. В. Д.; г) А. Л. Суходольський. „Помета“, або „Загублена дояря“, драма въ 4 діяхъ и „Хмара“, др. въ 5 діяхъ. В. Д.; д) Обзоръ журналовъ конца прошлаго и начала текущаго года; е) Ізвѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	27—48
III. ПРИЛОЖЕНИЕ: Библиографический указатель музикальной и литературной деятельности И. В. Лисенка. (1868—1903 гг.). Сост. М. Комаровъ	1—25

Книга вторая — февраль.

О т дѣль I.

I. РЕМЕСЛЕННОЕ УЧИЛИЩЕ ВЪ ЧЕРНІГОВѢ. УЧРЕЖДЕННОЕ СТОЛЪТЬ НАЗАДЪ. (1804—1811 г.г.). <i>І. Ф. Павловскаго</i>	157—168
II. ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ВЪ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ НЕРВОЙ ПОЛОВИНЬ XVІІІ СТОЛѢТІЯ. <i>Д. Вишневскаго</i>	169—178
III. СТЕСНАЯ ЖУВЕНІЦІНА. Гл. I. <i>В. Милорадовича</i> . .	179—200
IV. ДРИБНІ НАРЫСЫ ВЪ ЖИТТЯ ПРОСТОГО ЖОДУ. <i>І. Майорскаго</i>	201—210
V. ПІССЬМА КЪ ОСТАПУ ВЕРЕСЛЮ И. А. КУЛІША И Д. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА. Съ предисловіемъ <i>О Пчилки</i>	211—228
VI. И. И. САВИЧЪ. (Прикосновеній къ дѣлу українскаго Кирилло-Менодіевскаго Общества—1847 г.). Сообщ. <i>Т. М.</i>	229—238
VII. И. А. КУЛІШЪ И ЕГО СОТРУДНИЧЕСТВО ВЪ „ИСКРѢ“	239—256
VIII. УКРАЇНСКІ ЗАПИСІ ПОРФІРІЯ МАРТИНОВІЧА.	257—313

О т дѣль II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Изъ архива въ юго-западнаго края. Сообщ. <i>А. Мѣрдеръ</i> ; б) Договоръ прихожанъ съ избраннымъ ими священникомъ. Сообщ. <i>А. Шр—ко</i> ; в) Православный священникъ, бывшій къ старообрядцамъ. Сообщ. <i>І. Ф. Павловскій</i> ; г) Пропускъ греческихъ купцовъ чрезъ Васильковскій форпостъ въ 1739 г.; д) Отвѣтственность отъвніцковъ въ кіевскомъ магістратѣ (1762 г.); е) Изъ старинныхъ отзывовъ о малороссахъ. Проф. <i>Н. Сумцова</i> ; ж) Письмо В. Г. Шевченка къ Т. Г. Шевченку; з) Секретное предписание объ арестѣ В. М. Бѣлоэрскаго; и) Изъ прошлаго Полтавицны. Сообщ. <i>І. Ф. Павловскій</i> ; і) По-	

правка. А. Г. Мюллера; к) На юбилейный даръ Н. В. Нисенку.	49—67
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ.	67—76
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Т. Шевченко въ литературѣ и письмовѣ. Библиографический указатель материаловъ для изученія жизни и произведеній Т. Шевченка. Составить М. Комаровъ. В. Доманицкаго; б) Кіевская Академія въ перв. полов. XVIII ст. (Новые данные, относящіяся къ исторіи этой Академіи за указанное время). Д. Вишневскаго. Н. II; в) Памятная книжка Кіевской губ. на 1904 г., изд. Кіев. губ. Стат. Комитета. Т. С. Л.; г) Н. Ив. Теодоровичъ. Волынь въ описаніи городовъ, мѣстечекъ и сель въ церковно-историческомъ, географическомъ, этнографическомъ, археологическомъ и др. отношеніяхъ Томъ V. Ковельскій уѣздъ. О. Л.; д) Г. Целестровъ. Сборникъ россійскихъ пословицъ и поговорокъ. О. Л.; е) Про сырить. Збирачка для детей упорядичуваю Гнатъ Галайда. Е. К.; ж) Новинки о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	77—99

Книга третья—мартъ.

О тъзъль I.

I. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СУДЪЯ ИВАНЪ ЧАРНЫЙ И ЕГО РОДЪ. В. Майдалевскаго	315—347
II. СТЕПНАЯ ЛУБЕНІЦІНА. Гл. П-я. В. Милорадовича .	348—382
III. ФАТА МОРГАНА. (Зъ сильскихъ настроинъ) М. Кондринскаго	383—412
VI. СТИХОТВОРНОЕ ЖИТИЕ ПРМЧ. МАКАРИЯ, АРХИМАНДРИТА ОВРУЦКАГО И КАНЕВСКАГО ИРУМЕНА. Т. Я. Гавровскаго	413—444
V. ВЪ НЕВОДІ У АНРЕЧЧАЛЪ. (1854 г.). Н. II Сокальскаго	445—451
VI. УКРАЇНСКІІ ЗЛЫСІ ІОРФІРІЯ МАРТИНОВІЧА.	452—477

О тъзъль II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Резолюція имп. Екатерины II по жалобѣ малороссійскаго священника. Сообщ. О. Л.; б) Изъ народной памяти. Сообщ. П.в. Егорова; в) Сербскіе выходцы въ Новороссіи и ихъ духовенство. В. Д-скій; г) Письма А. Ф. Воронина къ Г. И. Галагану; д) Къ исторіи полтавскаго ополченія 1812 года. Сообщ. П. Ф. Павловскій; е) Пребываніе

Карла ХІІ-го въ г. Ромнахъ; ж) На юбилейный даръ Н. В. Лисенку	101—112
ТЕКУЩІЯ НІЗВѢСТІЯ	112—122
ІІ. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Обзоръ украинскихъ изданій 1903 года. <i>В. Поточнаго</i> ; б) Бібліографіческий указатель литературы о Кубанской области, Кубанскомъ ко- зачьемъ войскѣ и Черноморской губерніи. <i>С. Пет- люры</i> ; в) Записки Наукового Товариства ім. Шевченка. Томы ІІV, ІV и ІVІ. <i>В. Доманицкаго</i> ; г) Ruthenische Revue, Halbmonatschrift. I Jahrgang, im Wien. <i>В. І.</i> д) Обзоръ журналовъ текущаго года	123—149

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются: самостоятельные изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные материалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній, рассказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлѣжность и характерную особенность исторически сложившагося народного быта или служить проявленіемъ народного творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки, легенды, пѣсни и проч.

Бібліографическая свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналь, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусского народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній, одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежать, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

„Киевская Старина“ будетъ выходить въ 1904 г. по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ 1-го числа каждаго мѣсяца книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности прилагаются портреты и рисунки.

Стекрыта подпіска на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1904 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подпіска принимается въ редакції журнала „Киевская Старина“, Троицкая площ., Народный домъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Киевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволять немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакції продаются полные экземпляры «Киевской Старины» за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдельныя книги журнала по 1 р.

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**

СОДЕРЖАНИЕ.

Отдѣлъ I.

I. ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СУДЬЯ ИВАНЪ ЧАРНЫШЪ И ЕГО РОДЪ. (Продолженіе). <i>В. Модзалевскаго</i>	1—35
II. СТЕПНАЯ ЛУБЕНЦИНА. (Окончаніе). <i>В. Милорадовича</i>	36—73
III. ОСТАННИЙ ГИРЕЙ. <i>М. Л.</i>	74—103
IV. КАНДИДАТЪ НА СВЯЩЕНСТВО ИЗЪ „ШКУРНИКОВЪ“. <i>Ор. Левицкаго</i>	104—113
V. ХТО-ЖЪ ВЫНЕНЪ? <i>М. Непіїводы</i>	114—130
VI. ДЕРЕВНЯ И ЕЯ РАЗВЛЕЧЕНИЯ. (Очерки и наблюденія). <i>В. Василенка</i>	131—148
VII. УКРАИНСКИ ЗАПЫСИ ПОРФИРИЯ МАРТИНОВИЧА. (Продолженіе)	149—191

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТИЯ И ЗАМѢТКИ: а) Къ исторіи ссылки Луцкаго епископа Діонісія Жабокрицкаго. <i>Г. К.</i> ; б) Несостоявшійся проектъ учрежденія въ Кременчугѣ дворянскаго пансіона въ 1809 г. Сообщ. <i>И. Ф. Павловскій</i> ; в) Злоупотребленіе въ перемѣнѣ ассигнацій въ 1819 г.; г) Матеріалы для исторіи Кіевской Духовной Академіи (1798 года). Прот. <i>Петра Орловскаго</i> ; д) Къ вопросу объ улучшениіи путей сообщенія въ Кіевѣ въ концѣ XVIII в., и объ участіи въ этомъ дѣлѣ духовенства. Сообщ. <i>В. Д—скій</i> ; е) Велыкодні писни. Сообщ. <i>А. Грепачевскій</i> ; ж) О крашанкахъ и писанкахъ. Сообщ. <i>А. Грепачевскій</i> ; з) На юбилейный даръ Н. В. Лисенку	1—18
ТИКУЩІЯ ИЗВѢСТИЯ.	19—38
II. БІБЛІОГРАФІЯ: а) Збирныкъ фольклоричної секції Наукового Тов. имени Шевченка. Т. VI. Посмертни писання Мыстрофана Дикарева зъ поля фольклору й митольгії. <i>В. Н.</i> ; б) Гр. Павленко-Павлусь. Світла зоря. <i>В. Мирович</i> ; в) Віленскій временникъ. Издание Віленскаго генер.-губернаторскаго управління. Кн. I. Профессоръ Е. Ф. Карскій. Бѣлоруссы. Введеніе къ изученію языка и народной словесности; г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ	39—51